

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Д. Засосов, В. Пызин

ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

УДК 947-470.23-25
ББК 63.3(2)5(2-2Санкт-Петербург)
3-36

300-летию
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Составитель
Е. И. ВОЩИНИНА

Послесловие, комментарии, список литературы —
А. В. СТЕПАНОВ,
кандидат искусствоведения

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

Редактор
Э. Ф. КУЗНЕЦОВА

ISBN 5-235-02395-1

© Степанов А. В., послесловие,
комментарии, 2003
© Вошинина Е. И., составление, 2003
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003

*Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой —
Стальное слово «Петербург»?*

Н. Агнивцев

*Как в пулю сажают другую пулю
Иль бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.*

Б. Пастернак

*А по набережной легендарной
Приближался не календарный, —
Настоящий Двадцатый Век...*

А. Ахматова

Мы старожилы великого города на Неве. Нам много лет, мы скоро уйдем из жизни.

В ряде очерков нам хочется рассказать нашим молодым современникам и тем, кто будет жить после нас, то, что мы помним о быте и нравах «последнего» Петербурга (с середины 90-х годов прошлого века до 1914 года, начала империалистической войны, когда город был переименован в Петроград).

Описываемые два десятилетия были действительно последними для Санкт-Петербурга, но важнее даже то, что в ту пору уже чувствовались его обреченность, близость конца изжившего себя строя по совершенной очевидности разящего неравенства, крайности богатства и бедности, несправедливости всего порядка вещей.

Это было время, интересное для судьбы города. Время крупных открытий в науке и технике, время больших взлетов в области литературы и искусства. На нашей памяти появились первые кинематографы, граммофоны, аэропланы. Мы были одними из первых пассажиров трамвая, автомобиля.

Быстро рос капиталистический город, изменялся облик его, приобретая европеизированный, но все еще «строгий, стройный вид».

Многоликая уличная толпа обогатилась потоком типажей из коммерсантов, купцов, банкиров, с одной

стороны, и рабочих, ремесленников из деревни, приказчиков — с другой. Множились и расширялись магазины.

Мы не ставили перед собой задачи отразить постепенный ход изменений быта и нравов, а только попутно старались отмечать черты отмиравшего старого и нарождающегося нового.

Не касаемся мы и политической жизни города, поскольку разобраться в ней юношам, глазами которых мы смотрим, было не под силу.

Мы надеемся, что читатель, ознакомившись с нашими очерками, возымеет желание лишний раз пройтись по нашему прекрасному городу, сопоставляя современное и минувшее. И это уже хорошо.

Ленинград, 1976

РЕКИ, КАНАЛЫ И ЖИЗНЬ НА НИХ

*Разводят мост со скрипом мерным
.....
За баржей баржа вслед буксиру
Проходит длинной чередой.
Похож огромный руль на лиру,
Замолкнувшую под водой.*

С. Городецкий

*И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались...*

А. Блок

Петербург строился как крепость и порт. Но строился он не на море, а на реке. Город не обращен к морю — вся его жизнь в течение по крайней мере двух веков ориентировалась на реку и каналы. И застраиваться город начал главным образом по рекам. Нева главенствовала в городе, даже когда крепость утратила свое военное значение и порт переместился с Троицкой площади ближе к морю.

В Петербурге конца XIX — начала XX века — уже крупном промышленном городе — еще сохранялась эта значимость рек и каналов для жителей его. В первую очередь потому, что наземной связи между повсюду возникающими фабриками и заводами почти не было (еще не появились железнодорожные подъездные пути), и естественно, что вся связь осуществлялась в основном по воде.

Но главное отличие заключалось в том, что зимой жизнь на реках, конечно, затихала, но не прекращалась, она продолжалась в своеобразной форме. Зимой реки, особенно малые, выглядели иначе, чем те-

перь, во-первых, уже потому, что на них зимовали пароходы, пристани, дебаркадеры, баржи, плавучие краны, выбирая себе места, где течение медленнее, предпочтительно вблизи мастерских и заводов для осуществления ремонта. Пароходы заводились в устье реки Охты, ставились у левого берега Малой Невы между Биржевым и Тучковым мостами, зимовали у Канонерского острова, у Семянниковского завода и т. д.

В некоторых местах Большая и Средняя Невки оказывались сплошь забитыми баржами, пристанями, дебаркадерами. Так как баржи были деревянные и требовали плотничьего ремонта и осмолки, то для них близость завода не имела значения. Зимовали, как правило, только баржи надежной постройки, рассчитанные на длительный срок перевозки грузов (кирпича, бута, песка, гравия, путиловской плиты и пр.). Баржи, привозившие в город дрова, были обычно легкой постройки, с расчетом на «одну воду», то есть на 2—3 рейса. Эти баржи после очередной разгрузки разбирались на «барочный» лес, идущий на временные постройки, дешевые дома на окраинах и частично на топливо. «Барочный» лес продавался на месте очень дешево, так как был сырой и весь в дырах от деревянных нагелей.

В течение зимы на пароходах производился ремонт рабочими мастерских и заводов, а также квалифицированными членами команд. Значительная же часть команд пароходов на зиму увольнялась и разъезжалась по своим деревням.

Исключением из всех этих судов были живорыбные садки, которые круглый год стояли на одном месте и жили одинаковой жизнью и летом, и зимой. Садок — это большая баржа с надстройкой, на которой располагались торговые, складские и жилые помещения для приказчиков и рабочих. У этих садков стояли подсобные суда — садки в прямом смысле слова — с живой рыбой. Зимой живая рыба добывалась подледным ловом в заливе. На месте лова она замерзала и немедленно гужом на санях доставлялась к садкам. В садках и чанах большая часть ее оживала.

Забавно было видеть, как на деревянной барже из возведенной кирпичной трубы валил дым. В торговом помещении стояли чаны с живой рыбой, навалом на рогожах лежала мороженая рыба — судаки, лещи, сиги, окуни, корюшка и др. По бокам от входа стояли дыбом громадные замороженные белуги, в 2 аршина и более. В бочках — соленая рыба, рядом в окоренках — икра всевозможных сортов. Над прилавком висели громадные коромысловые весы с медными цепями и тарелками, рядом — маленькие чашечные весы.

Такие садки стояли на Неве, Невках и Фонтанке. Особенно большие садки стояли на Неве против Сената и на Фонтанке у Аничкова моста. Они славились разнообразием отборного товара, и цены здесь были повыше, покупатели побогаче. В остальные садки приходила публика проще. Больше всего покупателей было в Масленицу и посты, когда многие не ели мясного. Среди покупателей встречались и такие, у которых денег было мало, а полакомиться вкусной икрой хотелось. И вот приходили такие «покупатели» со своей булкой, подавали ее приказчику, прося помазать ее икрой то того, то другого сорта, чтобы попробовать, прежде чем купить. Так они пробовали несколько сортов, а потом, находя, что икра-де горьковата или солоновата, уходили, неплохо закусив, провожаемые недоброжелательными взорами хозяев и продавцов.

Зимой оживлялась переправа через Неву по льду. Для пешеходов и переездов на лошадях у берегов строились деревянные сходни и съезды на лед, засыпаемые снегом. Такие переправы устраивались во многих местах, например с Французской набережной до клиники Виллие. От набережной Зимнего дворца до Зоологического сада ходил даже электрический трамвайчик, перевозивший за пятак (малых детей при родителях — бесплатно). По льду прокладывалась узкоколейка, вагончик малюсенький, на нем ригель с колесиком, катившимся по проводу. У берега стояли баржи с павильонами, вагончик входил в вырез баржи.

Во многих местах бедный люд промышлял тем, что перевозил людей через Неву по специальным ледяным дорожкам в двухместных креслах, примитивно сколоченных. Было жаль смотреть на человека, который, тяжело дыша, быстро бежал на коньках, толкая перед собой санки с пассажиром, иной раз — с двумя. Это были своеобразные рикши. Они обычно работали от хозяйчика, часто от арендатора лодочных перевозов, переключавшихся на зиму на это доходное дело.

Какими только картинами не оживлялись реки, их устья и взморье зимой! Из раннего детства всплывает в памяти катание по Неве на высоких санях на северных оленях. Их погоняли самоеды — возницы в оленьих шкурах кверху мехом. На льду реки стояли их чумы.

Катки тоже сооружались только на реках, а в зимы, когда лед был надежный, на Мойке, у Исаакиевской площади, были катки с ледяными горами. Сначала они освещались керосиновыми фонарями, позднее — электрическими. По воскресеньям там играл духовой оркестр. Катки на Фонтанке около Аничкова моста и на Мойке сооружались на днищах барок, иначе сточные воды могли нарушить прочность льда. Чтобы вокруг катка не собиравались толпы зевак, предприниматель ограждал каток забором из парусины, натянутой на высоких столбах.

При некоторых яхт-клубах, в основном на Островах, устраивались специальные ледяные горки для катания на саночках. Но главная специализация яхт-клубов зимой была, конечно, иная: они переключались на буерный спорт. Кроме настоящих спортсменов ходить на буере любила молодежь ради развлечения.

Не только буера носились по ледяным просторам. Вот отчаянный конькобежец, а таких немало, катается на коньках с парусом в руках, конечно только ближе к весне, когда в устье рек образовывался гладкий лед. На бамбуковую раму натянута парусина. Спортсмен умело подставляет такой парус под ветер под

разными углами и носится со страшной быстротой по льду, лавируя по разным направлениям. Конечно, такой вид спорта был небезопасен — при сильном ветре скорость развивалась очень большая. Ветер мог занести этого смельчака бог знает куда. В опасный момент спортсмен бросал свой парус.

Когда лед на заливе был надежный, из гавани Васильевского острова в Кронштадт мчались тройки, перевозившие главным образом морских офицеров. Тройки были лихие, и многие предпочитали прокатиться на них, чем ехать на поезде до Ораниенбаума, а затем на небыстрых лошадях до Кронштадта. На середине пути примерно возводился деревянный балаган, где проезжие могли остановиться, согреться, закусить жареной рыбой. В ходу была корюшка, которую подавали с пылу с жару, поджаренную на постном масле на маленьких сковородках.

Описывая зимнюю жизнь Невы, надо сказать несколько слов об Иордани. 6 января по старому стилю праздновалось Крещение. Во льду против Зимнего дворца вырубалась майна, над ней сооружалась часовня в виде красивого павильона. Это сооружение и называлось Иорданью — так легенда из Палестины была перенесена на лед холодной Невы.

От главного, Иорданского, подъезда Зимнего ко льду и далее по льду до Иордани устраивались сходы и мостики, украшенные флагами и гирляндами. Вдоль них выстраивались шпалерами гвардейские части в зимней парадной форме без шинелей, солдаты без перчаток — такова была традиция. Офицеры были в лучших условиях — они надевали под шинель меховые жилеты.

После обедни во дворце высшее духовенство выходило на Иордань служить молебен с водосвятием по традиции с петровских времен. На лед выходила и царская семья. Высший духовный служитель опускал крест в воду, в это время давался 101 выстрел из пушек Петропавловской крепости. По представлению верующих, вода в Неве мгновенно становилась святой, и все по очереди подходили испить ее, несмотря на то что санитарная инспекция уже тогда запрещала

ла пить сырую невскую воду ввиду ее загрязнения сточными водами.

После водосвятия царь принимал крещенский парад — мимо него проходили церемониальным маршем войска, присутствовавшие на Иордани.

На одном из таких водосвятий произошел инцидент: одна из пушек Петропавловки выпалила боевым снарядом. Раненых и убитых не было, однако последний царь предпочел больше не присутствовать на этой церемонии. Вскоре она была отменена.

К весне на Неве и Невках добывали лед для набивки ледников. Лед нарезался большими параллелепипедами, называемыми «кабанами». Сначала вырезались длинные полосы льда продольными пилами с гирями под водой. Ширина этих полос была по длине «кабана». Затем от них пешнями откалывались «кабаны». Чтобы вытащить «кабан» из воды, лошадь с санями пятили к майне, дровни с удлиненными задними копыльями спускались в воду и подводились под «кабан». Лошади вытаскивали сани с «кабаном», зацепленным за задние копылья. «Кабаны» ставились на лед на попá. Они красиво искрились и переливались на весеннем солнце всеми цветами радуги. Работа была опасная: можно было загубить лошадь, если она недостаточно сильна и глыба льда ее перетянет; мог потонуть в майне и человек, но надо было заработать деньги, и от желающих выполнять такую работу отбоя не было — платили хорошо. Майна ограждалась легкой изгородью, вечером вокруг майны зажигались фонари, чтобы предупреждать неосторожных пешеходов и возчиков.

Набивали ледники льдом особые артели. Эта работа была также опасна и требовала особой сноровки. «Кабаны» опускали вниз, в ледник, по доскам на веревках, а там рабочие принимали их и укладывали рядами. Бывали случаи, когда «кабан» срывался со скользкой веревки и калечил рабочих, стоящих внизу.

С приближением весны оживление на реках и каналах возрастало. Начинали дымить пароходы, пробуя готовность машин к навигации. Красили пристани, смолили баржи. Переходы и проезды по льду за-

крывались. Но легкомысленные обыватели, невзирая на запрещение речной полиции, продолжали переходить реки по льду, часто рискуя своей жизнью. То же наблюдалось при ледоставе. В это время нередко можно было слышать со льда крики о помощи.

Наконец наступает ледоход. Когда пройдет главная масса льда, буксирные пароходы начинают расставлять по назначенным местам пристани, рестораны-поплавки, наводят плашкоутные мосты, которые зимовали вдоль набережных.

Пассажирские пароходики при первой же возможности возобновляли свою работу на перевозах. Постоянных мостов через Неву было меньше, чем теперь, а потому с закрытием движения по льду возникала большая необходимость в этих перевозах. На нашей памяти произошла страшная катастрофа: пароход купца Шитова «Архангельск», обслуживавший перевоз с Пальменбахской набережной (около Смольного) на Охту, вечером, в канун Пасхи, приняв пассажиров сверх нормы, наскочил на крупную льдину и ушел кормой в воду. Спаслись только несколько человек. Шитова присудили к тюремному заключению сроком на один год и обязали выплатить пособия семьям погибших. Весь город был взволнован, говорили с горькой усмешкой: «Вот какое красное яичко подарил Шитов петербуржцам на Пасху!»

Открытие навигации назначалось обычно на ближайшее воскресенье после прохода ладожского льда. Это была торжественная церемония, привлекавшая к набережным Невы массу зрителей.

Примерно в половине двенадцатого от петропавловского берега отваливал двенадцативесельный катер, на котором стоял в полной парадной форме генерал, комендант Петропавловской крепости, пытаясь придать своей старческой фигуре гордую военную осанку. Зрелище было интересное: матросы гвардейского экипажа изо всех сил наваливались на весла, быстро пересекали Неву и лихо подходили к Зимнему дворцу, при этом все весла ставились «на валёк» — вертикально, как полагалось в торжествен-

ных случаях и на парадах. Бодрящийся генерал нетвердой походкой направлялся во дворец, чтобы получить разрешение открыть навигацию. Через несколько минут он возвращался, и катер так же стремительно мчал его к крепости под грохот пушечного салюта — это почти всегда совпадало с полднем. Одновременно на сигнальной мачте крепости поднимался флаг. Все пароходы, стоявшие у пристаней, гудели и тоже поднимали флаги, то же делалось и на пристанях. Вскоре от них отваливали пароходы, начиналось регулярное движение — навигация открыта!

Многочисленные пассажирские пароходы бороздили по всем направлениям воды нашего города. Пароходы принадлежали или Обществу легкого финляндского пароходства, или купцу Шитову. Они конкурировали между собой. Их пароходы ходили по Неве, Невкам, Фонтанке и даже по Екатерининскому каналу (только меньшего размера). Пароходы общества имели темно-синюю окраску корпуса и желтую — кормовой каюты. Носовая часть была открыта, труба высокая, черная, при проходе под мостами она опускалась с помощью рычагов с балансиром. На носу у них был номер.

Шитовские пароходы, ходившие только по Неве, кают не имели, над всем корпусом зеленой окраски была крыша, а для защиты от дождя, ветра и солнца опускались брезентовые обвесы. Плата за проезд через Неву — 2 копейки и 5—10 — по продольным линиям. Плата взималась матросами на пристанях при посадке.

На Фонтанке у Прачечного моста, против Летнего сада, была пристань перевоза на Выборгскую сторону, к клинике Виллие, и на Петербургскую сторону, к Домику Петра I, в котором находилась часовня с образом Спасителя, покровителя учащихся, и некоторые родители возили своих лентяев прикладываться к этому образу, вместо того чтобы заставлять их хорошенько заниматься или даже пороть, по тогдашним обычаям. На этой пристани забавно звучали торопливые окрики пристанского матроса: «Скорее! К

Спасителю за две копейки!» В часовне от множества горящих свечей и от толпы, набивающейся в маленькое помещение, было душно и жарко. Шли непрерывные молебны, и люди, с трудом выбиравшиеся из толпы, с удовольствием садились на берегу отдохнуть на свежем воздухе Невы.

Тогда набережной здесь не было — тянулась песчаная отмель. На ней сушились мерёжи, невода, валялись незатейливые рыбацьи лодки. Из-за мелководья пристань стояла далеко от берега, к ней шли деревянные мостки на козлах. Недалеко находилась пристань пожарных пароходов.

Такая же отмель была у клиники Виллие, и там же, близ Литейного моста, была водолазная станция. Артель водолазов (частное предприятие) выполняла всякие водолазные работы: найти труп утонувшего, поднять упавший в воду груз или ценности, починить корпус судна, проложить кабель и пр. К ним мог обратиться любой человек и учреждение, разумеется за плату.

В теплую погоду масса народу ездил на Острова. С причалов Васильевского острова, ниже Николаевского моста, ходили пароходы на Кронштадт. От Калашниковской набережной, у церкви Бориса и Глеба, отходили пароходы на Валаам. Капитаны и команды на них были монахи. У Летнего сада стояла пристань пароходов на Шлиссельбург, они были крупнее, с каютами 1-го и 2-го класса и открытой верхней палубой. На этих пароходах ездили больше дачники, так как по берегам Невы было много дачных мест.

Нужно подробнее остановиться на устройстве парходиков, которые бегали по Неве, Невкам и каналам. В общем, они отвечали правилам безопасности движения: на них были развешаны спасательные круги, с внутренней стороны фальшбортов крупные надписи: «Рук за борт не выставлять!»

Паровая машина находилась в открытой шахте, огражденной невысоким комингсом — оградой. Все части машины были на виду. Машинист, он же и кочегар, находился в этой тесной шахте, то подавая уголь в топку, то управляя машиной. Он работал в

трудных условиях: с одной стороны его обдавало жаром, с другой — холодным ветром. Он то и дело вытирал засаленными концами пот с лица и шеи. Вся команда состояла из рулевого, он же капитан, машиниста-кочегара и одного матроса. Капитан-рулевой помещался на больших пароходах, ходивших по Неве и Невкам, в особой рубке; на маленьких — сидел на кожухе котла. На случай аварии на пароходике имелся запасной румпель — тросик от штурвала к рулю. Нас всегда восхищало необыкновенное искусство рулевых проводить пароходик в тесно заставленных баржами Фонтанке и каналах, умело и точно подваливать к пристаням, проходить под низкими и узкими арками консолей мостов, расходиться со встречными и обгоняющими его баржами, ведомыми не буксирными пароходами, а на шестах. С наступлением темноты управление пароходами еще более осложнялось, так как на баржах часто не бывало, как полагалось, сигнальных огней. На обязанности матроса кроме поддержания чистоты на пароходе лежали все операции по причаливанию и отваливанию парохода. При причаливании — бросить канат, зачалить его за кнехты пристани; при отправлении, отдав конец, — на ходу вскочить на пароход.

Команда пароходов носила форму речников. На пароходах Финляндского общества команда была обычно из финнов. Капитаны-рулевые набирались из отставных флотских. Они, а также машинист сдавали особый экзамен при управлении Торгового порта.

Пристани были сплошь обвешаны красочными объявлениями с рисунками. Реклама страхового общества «Россия» была с дебелой русской красавицей в старинном расшитом сарафане, завода «Треугольник» — с громадной калошей, мыловаренного завода Жукова — со страшным жуком и т. д. Издали пристань походила на жар-птицу. Надстройка на понтоне была выдержана в ложнорусском стиле с резьбой и выкрашена яркой охрой.

На набережной Васильевского острова, против

8-й линии, стояла Кронштадтская пристань, откуда отправлялись большие колесные пароходы «Утро», «Баклан», «Буревестник» и др.

У завода Берда, около устья Мойки, была другая Кронштадтская пристань, откуда отходили винтовые пароходы ледокольного типа — «Луна», «Заря» и др., постройки шведского завода Матала. Они же ходили и на Лисий Нос. На время ледохода и ледостава они использовались как ледоколы между Кронштадтом и Ораниенбаумом. Пароходы эти были значительно больше, там было два класса, каюты и хороший буфет. Здесь и публика особая: морские и артиллерийские офицеры с семьями, матросы с обветренными лицами, а также почитатели священника Иоанна Кронштадтского. Пароход шел до Кронштадта около двух часов, и мужчины с деньгами коротали время в буфете, где были не только холодные закуски, но и обеды и горячие ужины.

На мелких парходиках, ходивших в пределах города, классов не было, можно было располагаться в любом месте — на палубе, в каюте.

У Воскресенской набережной на левом берегу Невы, выше Литейного моста, стояла пристань пароходов на Петрозаводск. Среди пассажиров было немало лесопромышленников и трудового народа, ехавшего на заработки.

У левого берега Невы, ниже Николаевского моста, стояли министерские яхты. Часть их была малого размера и колесная. Ниже, также у левого берега, стояли иногда царские яхты «Полярная звезда» и «Штандарт». Все эти яхты имели черный корпус, выше ватерлинии — золотую полосу. Рубки на них были из красного дерева, каюты роскошно отделаны, везде золоченая бронза и ярко начищенная медь. Обслуживал их гвардейский экипаж. Обычно около них на берегу стояли кучки любопытных. Пристани этих яхт обслуживали также матросы гвардейского экипажа.

Заканчивая описание водных сообщений в городе, необходимо вспомнить, что существовали многочисленные перевозки на яликах. В лодку брали

до 8 пассажиров, плата за перевоз через Неву — до 5 копеек. На каждой лодке имелся спасательный круг, с наступлением темноты на носу зажигался фонарик. Обычно перевоз арендовал у города какой-нибудь купец, нанимавший рабочих-перевозчиков. Это был все народ опытный, перевозили в любую погоду, даже при большой волне. Одевались они своеобразно: красная рубаха, поверх нее жилет, на голове выцветший картуз.

* * *

*А барки грузные во мрак, как бегемоты,
Ползут лентясь-лентясь, и часто слышны мне
То крики звонкие, то дробный стук работы.*

А. Лозина-Лозинский

В Петербург приходило много барж, особенно с дровами. Они приносили в наш город запах лесов, смолы, от их команд тоже веяло лесным духом. На баржах главным лицом был шкипарь (испорченное «шкипер»). Во время плавания на буксире или самоходом он стоял у руля. На перекатах, порогах и при проходе под мостами роль его была особенно ответственна. Он же согласовывал все действия с капитанами буксирных пароходов, а также отвечал перед речной полицией, которая строго наблюдала за порядком и правильностью расстановки под разгрузку и устройством сходней.

На маленьких баржах вся команда состояла из одного шкипаря, на больших был еще водолей, главной обязанностью которого было наблюдать за количеством воды на дне и своевременно откачивать ее. На хороших баржах — «берлинах» и им подобных — для откачки воды с двух бортов ставились деревянные поршневые насосы. На них — всасывающая труба из бревна большого диаметра, просверленного по оси. В ней ходил деревянный поршень, поднимаемый пружинящей доской. На баржах с дровами, несолидной постройки, «на одну воду», и такого примитивного устройства не было. Воду удаляли черпаками на

длинной палке. Вода выплескивалась в окно, вырезанное в борту.

Для выгрузки барж нанимались особые артели каталей, носачков и крючников. Катали перевозили груз в тачках. Для каждого рода груза имелся свой тип тачки: для кирпича — в виде платформы, для песка и угля — в виде ящиков.

Для разгрузки барж с пиленным лесом нанимались носачки, на одном плече у каждого была кожаная подушка. Для разгрузки кулей, мешков и других штучных крупных грузов нанимались крючники.

Как прислуга барж, так и береговые рабочие были крестьяне, их гнала в город нужда. Как-то странно было видеть на наших богатых гранитных набережных бедно, даже рвано одетых людей в лаптях. Свою тяжелую работу они даже не могли скрасить песней — в Петербурге это было строго запрещено, следила полиция. Особенно гнетущее впечатление производили катали: черные, потные, с изнуренными лицами, с воспаленными от угольной пыли глазами.

В начале разгрузки палуба баржи была обычно ниже набережной, поэтому на подмогу каталю выходил какой-нибудь помощник, как правило бродяжка, с длинным железным прутком с крючком на конце; на подъеме он подхватывал тачку, за что просил на чай. У всех каталей была интересная традиция: уходили они на отдых (и днем, и на ночь), всегда оставляя тачки нагруженными, устанавливая их одну за другой, чтобы, придя, сразу вывезти их. Другая традиция — тачку с грузом толкали вперед, порожнюю везли за собой.

Работа носачков происходила следующим порядком. Они выстраивались у штабелей досок цепочкой. Второй поднимал за один конец несколько досок и ставил их в наклонное положение, упирающимися передним концом. Первый подставлял плечо с кожаной подушкой. Затем второй подставлял плечо, третий ему нагружал и т. д. Носачки ловко находили центр тяжести подаваемого груза и переносили его «на рысях». Особенно тяжело было им при

сильном ветре — доски парусило, носакон разворачивало.

Когда груз был в мешках, кулях и вообще крупными «местами», работали крючники, таская груз на спине, удерживая его своим крюком, отсюда название «крючник». Работа была изнурительной: у причала часто скапливалось несколько барж, и приходилось таскать груз с пятого-шестого судна, а на берегу укладывать в высокие штабеля. Чтобы скорее справиться с работой, крючники брали по 2—3 мешка на спину, а мешок весил около 4 пудов, кули с солью были в два раза тяжелее. Слышались профессиональные словечки-приказы: «Наливай!» — клади на спину, — двое «наливали» третьему. «Даешь!» — кричал крючник, подставляя спину. Одежда крючников — брезентовая куртка с ватной спиной, спереди карманы, по краям обшитые кумачом, медные тщательно начищенные пуговицы «для форса».

Все эти грузчики были сезонниками, жили в ужасных условиях: в тесных грязных помещениях, спали на нарах, часто без подстилки. И это после 12-часового тяжелого труда!

Круглый лес приходил в плотях, которые в пределах города проводились буксирными пароходами. Как правило, плот или даже целая гонка из плотов перед мостом бралась буксиром «наотуру», то есть плоты спускались по течению первыми, а пароход после разворота, находясь выше их по течению, спускал плоты на буксире, точно направляя их в пролет моста. Круглого леса в плотях приходило очень много для нужд строек, лесопильных и деревообделочных заводов, бумажных фабрик, частично для экспорта. Плоты ставились под разгрузку или у специальных лесных складов, или фабрик и заводов для их обработки. Разгрузка производилась вручную при помощи веревок, с выкаткой по наклонным следам, с укладкой в штабеля.

Реки и каналы Петербурга оживлялись своеобразными контурами лайб. Теперь это слово забыто. Лайба — это двухмачтовая или трехмачтовая парусная шхуна небольшого водоизмещения. Прибреж-

ные жители Финского залива из Эстонии и Финляндии доставляли на лайбах в Петербург дрова, песок, лес, картофель и даже ягоды. Эти лайбы, управляемые хорошими моряками, загруженные почти до фальшбортов, пускались в плавание в любую погоду, даже при штормах. Они бросали якоря у маяков в устьях Невы и Невок, а также у Синефлагской мели, поднимали синий флаг, вызывая тем самым буксирный пароход для вывода их к причалам. Многие лайбы проводились под разводные мосты в центр города.

Посмотришь с Калинкина моста вниз по Фонтанке — целый лес мачт с переплетенными снастями. Бушприты лайб прямо лежали на стенках набережных, которые были завалены выгруженным товаром. Любой товар не залеживался, его покупали и увозили, лишь бы цена была посходнее.

Около разгружаемых лайб и барж сновали на лодчонках или бродили по набережной хищники разного рода: «пираты», скободеры и пикальщики. «Пираты» тащили что плохо лежит или поднимали со дна длинными клещами упавшие кирпичи и другой тонущий товар. Пикальщики ходили вдоль набережных с пикалкой и вылавливали плывшие дрова, доски и пр. Пикалка — это деревянная колобашка, на одном конце которой было кольцо с веревкой, на другом торчал гвоздь. Пикальщик нацеливался, бросал свою пикалку в полено и вытаскивал его. Так он заготавливал себе дрова на зиму. Пикаленьем развлекались и мальчишки более состоятельных родителей, но они не уносили добычу домой, а отдавали ее нуждающимся собратьям. Скободеры тайком вырывали из барж скобы, петли, барочные гвозди.

С наступлением теплой погоды закипала жизнь в яхт-клубах и на территориях гребных обществ: ремонтировались, красились яхты и лодки, просушивались и чинились паруса — спортсмены готовились к открытию сезона. Самым привилегированным был Санкт-Петербургский императорский яхт-клуб на Крестовском острове. Скромнее был Невский яхт-клуб, гавань которого находилась на Шкиперском

протоке, около кроншпицев Галерной гавани Васильевского острова. Остальные клубы принимали членами скромных тружеников и рабочих.

Каждый яхт-клуб имел свой флаг и форму, а каждый судовладелец — свой вымпел. У более богатых и привилегированных яхт-клубов и форма была побогаче. Например, командор и вице-командор Императорского яхт-клуба при полном параде надевали треуголку, морской вицмундир и кортик, совсем как адмиралы настоящей эскадры начала XIX века. Гребные общества тоже имели форму, только более скромную.

Ремонт, окраска и спуск на воду в богатых яхт-клубах производились рабочими, а сами суда обслуживались матросами. В других клубах все эти работы и обслуживание осуществлялись самими спортсменами-любителями.

В мае яхт-клубы назначали открытие, так называемый подъем флага. В богатых клубах суда, украшенные флагами, выводились на рейд. На открытие приезжали особо почетные гости. Торжество начиналось молебствием. Вся публика собиралась вокруг береговой мачты. Звучали речи, сначала командоров, излагавших в высоком стиле задачи, цели и планы нового сезона, благодарили гостей за честь прибытия. Речь заканчивалась здравицей в честь парусного спорта и пожеланиями его процветания. Потом произносили речи гости, превозносившие хвалу яхт-клубам и особенно командорам. Речь покрывалась аплодисментами, тушами оркестра и криками «ура!». Затем звучала громовая команда: «На флаг!» Наступала самая торжественная минута. Все замирало. Эту тишину наконец разрезала команда: «Флаг поднять!» Флаг комочком летел к вершине гафеля и там сильным рывком фала в умелых руках боцмана раскрывался и трепетал на ветру. Оркестр играл гимн, все кричали «ура!». Старинные, сохранившиеся еще в яхт-клубе пушки палили, салютуя торжеству. В клубах гребных обществ это событие праздновалось скромнее — без молебствия и пушечной пальбы.

В течение лета клубы организовывали эскадрен-

ные плавания до Кронштадта, в шхеры, в Ревель и дальше, за границу.

Кроме парусных яхт различных типов — шхун, тендеров, швертботов — были и моторные яхты, с каютами и без кают, различных размеров. Многие любители водного спорта имели свои ялы и причальные плоты.

Летом многие обыватели, в том числе и рабочие, занимались рыбной ловлей, выезжали на Неву, Невки, взморье на самодельных плоскодонных лодках, по субботам даже с ночевкой. Можно было наблюдать особый род рыбной ловли — с тони. На берегу небольшой деревянный барак, около него на воде плот, на котором укреплен ручной вертикальный ворот. На лодке заводился невод, выбирался он воротом. Иногда веселая компания после бессонной ночи рано утром приезжала на тоню, гости просили рыбаков забросить на счастье невод, покупали эту тоню, помогали вытаскивать сети; пойманная рыба принадлежала им, но они выбирали себе на уху только самую крупную, тут же ее варили и угощали рыбаков, а остальную рыбу отдавали рыбакам. После изысканной закуски в ресторане юшка (так называли уху), сваренная в закопченном котелке на костре, казалась по контрасту особенно вкусной. Много таких компаний приезжало в белые ночи.

Кто же были эти рыбаки? Большею частью жители села Рыбацкого. Когда-то их деды и прадеды за участие в победоносных сражениях были пожалованы Екатериной II всеми рыбными угодьями по Неве и Невкам «безвозмездно и навечно». В свое время в селе Рыбацком стоял обелиск в память этого акта.

На Неве и Невках стояли плоты с лодками, называемые почему-то местными жителями фофанами, которые отдавались внаем почасно. В праздники трудовой люд целыми семьями катался на этих фофанах с гармошкой и песнями. На реках царствовало непринужденное веселье.

С водой связана также охота на водоплавающую птицу. В тростниках и камышах взморья водилось много дичи. Охотники выезжали на самодельных

плоскодонках, над которыми устраивали небольшие домики из камыша, что позволяло им близко подойти к птице, не пугая ее; шалаши защищали их от дождя. Возвращались они с богатым обычно трофеем: кряквы, чирки, турухтаны (отсюда и название заболоченных островков вблизи деревни Автово — Турухтанные).

Жители Петербурга любили купаться. Пляжей тогда не было в пределах города, загорать не было принято. Купальных костюмов не надевали и купались в закрытых купальнях, установленных на Неве и Невках, где петербуржец за пятак мог в жаркий день погрузить свое брненное тело в прохладные воды Невы. Большая купальня находилась против памятника Петру I. Такого рода купальня представляла собою большой плот, середина которого была вырезана, и в вырез опускался решетчатый ящик, чтобы купающиеся не тонули. По периметру плот был зашит сплошным забором, который служил задней стенкой будочек-кабинок. Посетитель платил пятак в кассу, и ему выдавали не билет, а ключ с номером кабины. Хорошие пловцы обычно не купались в ящиках, а выходили через особую дверь наружу плота, откуда бросались в воду. Осенью эти купальни отводились в затишье, где и зимовали.

Описание судостроительных верфей не входит в задачи нашего повествования, опишем только некоторые бытовые сценки при спуске судна. Спуск судна привлекал много любопытствующих обывателей на противоположном берегу верфи, а также на лодках, которые держались на почтительном отдалении, так как речная полиция и служба верфи отгоняли их. На лодках выезжали не только ради любопытства, но и ради заработка. В то время спускные салазки корабля смазывались дешевым животным салом. После спуска корабля это сало в большом количестве плавало комками на воде. Любители заработать собирали это сало себе в лодку, а потом продавали той же верфи.

*...И чайки
Морские посещают склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.*

О. Манделъштам

Торговый порт, или, как тогда он назывался, «новый порт», в отличие от прежнего порта, который находился между Биржевым и Тучковым мостами, отличался почти полным отсутствием механизации.

Механизация была на самих кораблях, где груз поднимался или опускался стрелами с лебедками. Типичной картиной портовой жизни того времени была работа лесной гавани, так называемой «гребенки». Большой длинный деревянный пирс выступал далеко в акваторию порта. Этот пирс с обеих сторон имел вырезы, куда заводились деревянные плашкоуты. Если посмотреть сверху, то эта пристань-пирс со своими вырезами действительно напоминала двустороннюю гребенку. На этой гребенке носики вручную, на своих плечах, перегружали громадное количество пиленого леса на иностранные корабли. Сначала они грузили этот лес на плашкоуты, которые отводились к кораблям, стоявшим на якорях, а затем лес перегружался стрелами на корабли, где опять-таки вручную укладывался в трюмы и на верхнюю палубу в высокие штабеля, под самую рубку.

Рейдовая часть порта была обставлена тремя плавающими маяками — Елагиным, Невским и большим корабельным, стоявшими на баре Невы и Невок. Постоянный находился на стенке ковша Морского канала, на траверзе поселка Стрельна. Фарватеры обставлялись вехами и светящимися буями. Команды маяков должны были ежедневно производить по нескольку раз промеры глубин на баре и показывать глубину в футах шаром на размеченной мачте. Эти же матросы зажигали и тушили огни на маяках и буюх, так как там, в фонарях, находились простые керосиновые лампы. В обязанности команд этих маяков

входили также наблюдение и регистрация всех проходящих судов и спасательная служба.

Разгрузка кораблей производилась не только на собственно территории порта, но также и у других причалов: на набережной Васильевского острова, от Кронштадтской пристани до Горного института, и на специальных складах, так называемых буянах — Сельдяном, Масляном, Пеньковом и других.

Вход на территорию порта и на буяны был довольно свободный, а потому в местах разгрузки судов собирались и посторонние, бродяжки, мальчишки, которые норовили что-нибудь стащить.

У Сельдяного буяна можно было наблюдать следующее. Идут подводы, груженные бочками с сельдями. Возчик скидывает бочку под откос, там бабы-селедочницы разбивают бочку и перекадывают сельди в свои кадушки. Через некоторое время во дворах жилых домов раздавались их певучие голоса: «Селетки голландские, селетки голландские...»

На Масляном буяне, куда для виноторговца Шитта доставлялись бочки с коньячным спиртом, можно было видеть, как какая-нибудь личность, затерявшаяся в штабелях, просверливала буравчиком днище бочки и, вставив соломинку, надолго припадала к этому «источнику жизни».

Мы застали еще на Неве два плашкоутных моста: Дворцовый — от Зимнего дворца на Васильевский остров и Троицкий — от Мраморного дворца к Петропавловской крепости.

Интересным зрелищем была наводка этих мостов. В разведенном состоянии мост устанавливался вдоль берега. Так как мост представлял собою жесткую систему из плашкоутов и ферм, то при наводке два-три буксирных парохода брали его целиком и разворачивали против течения для установки на свое место. Точная установка на место — вот главный момент всей операции. Надо было одновременно отнять якоря со всех понтонов и установленными на них воротами выбрать слабины канатов; все эти действия требовали согласования работы команд на буксирных пароходах и понтонах.

Хочется сказать несколько слов о двух замечательных мостах через Фонтанку, которых ныне уже нет. Это цепной мост к Летнему саду от Пантелеймоновской улицы, второй — от Могилевской улицы к Ново-Петергофскому проспекту, так называемый Египетский мост. Эти мосты были замечательны в архитектурном отношении: они имели портики-пилоны, поддерживающие цепи, на которых была подвешена пролетная конструкция моста, перекрывающая всю ширину реки. Пилоны второго моста были выдержаны в египетском стиле, перед ними стояли сфинксы, в которых были заанкерованы цепи. Теперь на этом месте новый мост современной конструкции, а установленные по сторонам сфинксы вызывают изумление прохожих.

Мы помним, как Египетский мост провалился при проходе по нему конной воинской части. Цепной мост у Летнего сада был той же системы. Вскоре после упомянутой катастрофы его перестроили, видимо из боязни, как бы и этот не рухнул.

* * *

В программу празднования на Неве 200-летия со дня основания столицы — 16 мая 1903 года — было включено открытие Троицкого моста.

Накануне в Неву было введено множество судов военных и коммерческих, расставленных в строгом порядке вдоль берегов. Ранним утром в день праздника в Неву вошли около полутора сот яхт разных клубов Петербурга. Все суда были украшены многочисленными флагами — от петровского времени до современных.

В 8 часов раздался первый салют. Отряд гвардейских моряков во флотской форме петровского времени вынес на руках из Домика Петра I четырехместную верейку, на которой ходил сам Петр. Матросы установили верейку на специальную баржу, всю увитую гирляндами и транспарантами. Миноноска «Пика» взяла эту баржу на буксир. Вслед за этим из часовни Домика Петра вынесли икону Спасителя, сопро-

вождавшую русские войска в битве под Полтавой. Икона была установлена на пароходе, на который взошли представители высшего духовенства и весь генералитет. И вот вся эта процессия — впереди пароход, а за ним миноноска с баржей — движется вверх по Неве. С Петропавловской крепости раздаются салют пушек, народ, столпившийся по берегам, кричит «ура!». Отойдя примерно на километр вверх по реке, оба судна разворачиваются и идут вниз, направляясь в разведенный пролет Троицкого моста. Спустившись до Исаакиевской площади, флотилия останавливается против памятника Петру. Духовенство с иконой сходит с парохода и направляется к роскошно украшенному помосту у памятника. Здесь их встречают митрополит и царская чета. Начинается торжественное богослужение.

После молебствия весь синклит направляется по Дворцовой набережной к Марсову полю. По бокам, образуя проход, стоят шпалерами гвардейские части. Слышится музыка многих духовых оркестров, играющих «Коль славен...». У моста процессия останавливается. Ее встречают городской голова и другие гражданские чины. Наступает торжественный момент: к ленточке, натянутой у входа на мост, подходит царица и перерезает ее. Тотчас же на мост вступают церемониальным маршем войска и члены добровольных пожарных дружин в ярко начищенных медных касках. Красивейший мост Петербурга открыт.

* * *

Волн наводнения не удержишь сваями...

А. Блок

Закончить эту главу мы хотели бы кратким рассказом о наводнении 1903 года, по масштабам разрушения, конечно, не таком грозном, как то, что описал Пушкин, но нам казавшемся страшным.

Нева, все реки и каналы вышли из берегов и зато-

пили значительную часть города. Младших детей из дома не выпускали, и мы довольствовались тревожными рассказами взрослых.

Особенно пострадали от разгула воды низкие места — Васильевский остров, Петербургская сторона. Вода заливала жилые подвалы, склады, торговые помещения в нижних и полуподвальных этажах. Лесные склады были снесены, барки поломаны и частью потоплены. Бедствие обрушилось на бедняков, которые проживали в хибарах и подвальных помещениях. Они потеряли свой скарб, многие остались без крова, целыми семьями они сидели на лестницах домов. Правительственными и городскими властями принимались меры в первую очередь по спасению казенного имущества, складов, магазинов, но матросы и солдаты экстренной помощи делали все возможное, чтобы облегчить участь пострадавших. После спада воды пожарные части были мобилизованы для откачивания воды из подвалов. Но жители этих помещений долго не могли вернуться в сырое жилье с нарушенными водой полами. Им помогало население, многие брали к себе детей пострадавших.

Разрушения в городском хозяйстве были весьма значительны: снесло некоторые деревянные мосты, размыло торцовые мостовые, вышли из строя водопровод и канализация. Состоятельные люди устраивали благотворительные вечера и концерты для сборов средств пострадавшим. Но едва ли сумма, остающаяся от дорогостоящих концертов, могла удовлетворить всех, потерявших жилье и имущество.

НА УЛИЦАХ И ПЛОЩАДЯХ СТОЛИЦЫ

*Звонят проспекты и бульвары,
И в бесконечности ночей
На влажных плитах тротуара
Дробится отсвет фонарей.*

Н. Агнивцев

*В том домишке, что сутулится,
На углу Введенской улицы,
Позади сгоревших бань,
Где под окнами скамеечка,
А на окнах канареечка
И герань!*

Н. Агнивцев

В Петербурге в описываемый период благоустроенные улицы центра резко отличались от скромных отдаленных улиц, а тем более от окраин. Здесь отличие разительное. Теперь нам трудно себе представить окраины в прежнем виде. Их просто нет.

Выделить центр того времени нетрудно, он очень ограничен для нашего представления. Это Невский и пересекающие его улицы: Большая Морская, Малая Морская, Садовая (ее средняя часть), Литейный проспект с поперечными к нему улицами — Кирочной, Сергиевской, Фурштатской, Захарьевской, конечно, набережные реки Невы (от Литейного моста до Николаевского), набережные Фонтанки (до Чернышева моста) и Мойки. На правах значительных магистралей были Большие проспекты Васильевского острова и Петербургской стороны и, конечно, Каменноостровский. Центр мало изменился с начала века, хоть и возникали на наших глазах постепенно дома нового типа, менявшие облик города.

Мы помним строительство гостиницы «Астория» и появление дома Елисеева, замену небольшого двухэтажного дома на углу Садовой улицы и Вознесенского проспекта новым большим зданием городских учреждений, появление доходных домов и громадного универмага Гвардейского общества.

Кстати, Каменноостровский проспект на наших глазах из скромной улицы с деревянными двухэтажными домами, садами и огородами превратился в прекрасную магистраль с большими благоустроенными домами. Получился модный проспект с торцовой мостовой. Кроме больших магазинов на нем открывались увеселительные заведения, рестораны — «Аквариум», «Эрнест», «Вилла Родэ», что подняло сразу престиж проспекта; по вечерам шла и ехала публика к Островам, особенно в белые ночи, в Старую и Новую Деревни к цыганам, хотя времена Феди Протасова уже уходили в прошлое.

Несмотря на прекрасную архитектуру, улицы производили довольно унылое впечатление, так как окраска домов в центре была очень однообразна: в основном желтая охра или темно-красный сурик. Даже Зимний дворец был весь выкрашен в однотонный темно-красный цвет. Карнизы, наличники и капители не выделялись другими тонами.

Окраины в ту пору — это улицы за Обводным каналом, в Гавани Васильевского острова, за Невской и Нарвской заставами, Охта, Полюстрово. Насколько центр мало изменился, настолько эти окраины теперь неузнаваемы. Мы помним, как по Лиговской улице протекал канал, а сама улица была застроена небольшими домиками с извозчичьими дворами. Канал был в запустении, на его откосах лежал всякий хлам. Районы за Обводным каналом, за заставами были заводскими. Там торчали высокие трубы, стояли заводские цехи, а вдоль немощеных улиц жались друг к другу деревянные домишки с грязными дворами, маленькие лавчонки, трактиры, чайные, «казенки».

Изменения и в этих районах происходили на наших глазах в начале века. На Лиговке лачуги стали вытесняться доходными домами.

Трудно себе представить, что 80 лет назад почти сразу за Обводным каналом начинались территории совершенно неблагоустроенные. На нашей памяти еще не была засыпана речка Таракановка, перед Нарвскими воротами через нее был мост, далее она шла к территории завода «Треугольник». При постройке второго, большого фабричного корпуса для пропуска Таракановки был оставлен прогал, впоследствии перекрытый арочным коридором. Эта арка существует и поныне. Далее Таракановка пересекала Обводный канал и шла по направлению к Фонтанке, теперь здесь бульвар.

Резко различались улицы центра от окраин видом мостовых. На главных улицах и по направлениям возможных царских проездов мостовые были торцовые, из шестигранных деревянных шашек, наложенных на деревянный настил, позже на бетонный. Мы наблюдали, как мостовщики из напиленных кругляшей весьма искусно по шаблону вырубали шестигранники. Они скреплялись металлическими шпильками, замазывались сверху газовой смолой и посыпались крупным песком. Этот уличный «паркет» был хорош во многих отношениях: идти по торцу было мягко, лошади не разбивали на нем ноги, езда была бесшумна. Но он был недолговечен и негигиеничен — впитывал навозную жижу и становился скользким при длительных дождях и гололеде.

Асфальтовых мостовых почти не было, только кое-где у вокзалов и гостиниц устраивались асфальтовые полосы для стоянки извозчиков. Мало было и каменной брусчатки — этой долговечной и удобной мостовой. Улицы в большинстве своем были замощены булыжником со скатом от середины к тротуарам. Эти мостовые были неудобны: лошади очень уставали, тряска неимоверная, стоял грохот, особенно при проезде тяжелых подвод, между камнями застаивалась грязь, необходим был частый ремонт. Устройство их требовало много тяжелого труда и времени. Мостовщики целый день на коленях с помощью примитивных орудий — мастерка и молотка — прила-

живали камни «тычком» по песчаной постели, затем трамбовали вручную тяжелыми трамбовками.

Тротуары в центре, как правило, настилались из путиловской плиты. На окраинах — из досок, рядом с водоотводными и сточными канавами, иногда даже под ними.

Освещение улиц тоже было весьма различное. Авторы застали даже на главных улицах газовые фонари. Их зажигали фонарщики, которые с лестницами перебежали от столба к столбу, накидывали крючки лестниц на поперечины столбов, быстро поднимались до фонаря и зажигали его. На окраинах горели керосиновые фонари. Утром можно было видеть такую картину: ламповщик тушил фонари, вынимал из них лампу и ставил ее в ящик ручной тележки. Вечером фонарщик опять в тележке развозил лампы, останавливался у каждого фонаря, чистил стекла, ставил лампу в фонарь и зажигал ее.

В центре постепенно вводились электрические фонари, сначала дуговые, позже с лампами накаливания. Заменялись и столбы на более красивые. Но на окраинах долго еще улицы освещались керосиновыми фонарями.

В праздники улицы преображались. В «царские» дни, на Рождество и Пасху на улицах, увешанных флагами, бывала иллюминация. На богатых домах и правительственных зданиях горели газовые вензеля из букв членов царствующей фамилии с коронами. (Со временем эти газовые горелки на вензелях были тоже заменены электрическими лампочками.) На столбах газовых фонарей устанавливались звезды из трубок, которые тоже светились. На второстепенных улицах от одного столба к другому протягивалась проволока, на ней развешивались шестигранные фонарики с разноцветными стеклами. В фонариках зажигались свечи. В пасхальную ночь кроме обычной иллюминации зажигались факелы на Исаакиевском соборе. Горящих площадок, которые ранее расставлялись на тумбах тротуаров, мы уже не застали.

Площади Петербурга были вымощены булыжником, даже у Зимнего дворца. Только для царского

проезда, как уже сказано, была устроена торцовая полоса. Марсово поле совсем не имело мостовой. Это была пыльная площадь без единой травинки. В сухую ветреную погоду над ней стояла страшная пыль. Поле окружали невысокие деревянные столбики с медными шарами наверху. Между столбиками шла толстая пеньковая веревка. Местами она была оборвана, шаров на некоторых столбиках не было, они кем-то были отвинчены.

На Дворцовой площади, у Александровской колонны, и на Мариинской площади, у памятника Николаю I, стояли, помнится, на часах старики с седыми бородами из инвалидов роты дворцовых гренадер в очень живописной форме — высокие медвежьи шапки, черные шинели, на груди кресты и медали, на спине большая лядунка — старинная сумка-патронташ, белые ремни крест-накрест, большое старинное ружье со штыком. Здесь же полосатая будка, где старый воин отдыхал. Зимой инвалиду выдавались валеные сапоги с кенгами — большими кожаными галошами. Обычно высокий старик, прохаживаясь вокруг памятника, шаркал кенгами. У памятника Петру I, основателю города, такого караула почему-то не было.

Нельзя не рассказать хотя бы вкратце о главной магистрали — Невском проспекте, как он выглядел в обычный день. Мы еще помним, как по нему ходили конки и как их заменили трамваи. По обеим сторонам трамвайной линии двигались сплошным потоком экипажи: коляски, кареты, ландо, извозчичьи пролетки. Как ни покажется странным, никакой регулировки движения не было. По проезжей части свободно ходили люди. Некоторый порядок наводился полицией лишь при скоплении экипажей около театров, Дворянского собрания, против особняков в дни балов, свадеб. В последние годы перед империалистической войной на главных перекрестках — Невского с Литейным, с Садовой — размахивали руками для регулировки движения городские или даже околоточные в белых перчатках. И лишь перед самой войной появились городские с жезлами на оживленных перекрестках.

По тротуарам шла толпа. Последуем примеру Гоголя и проследим, как изменялся состав и облик публики в зависимости от времени суток на Невском, этой, по словам Гоголя, «всеобщей коммуникации Петербурга». Невский, с его банками, конторами, Гостиным двором, Пассажем, ресторанами, многочисленными кафе, магазином Елисеева и булочными Филиппова, был деловым и торговым центром столицы. Его заполняли люди уже с самого утра. Спешили к месту работы торговцы и приказчики, служащие и мелкие чиновники. Позже появлялись покупатели, больше модницы. Ближе к полудню к банкам и конторам подъезжали в собственных экипажах, а потом и в автомобилях важные дельцы, которые «делали погоду» на фондовой и торговой биржах. Самоуверенные, зимой — в бобрах, летом — в панاماх.

После полудня, к часу-двум, на солнечной стороне начинали фланировать представители золотой молодежи, молодящиеся старички, скучающие дамы, не избегающие знакомств. Военных на Невском было мало: гвардейские офицеры пешком по улице не ходили, тем более не гуляли, чтобы не смешиваться с толпой. А на теневой стороне Невского — толпа покупателей Гостиного двора. Здесь же и те, кто спешил в Публичную библиотеку, в книжные магазины, искал редкие книги, знакомился с издательскими новинками.

К 4—5 часам облик толпы на Невском несколько менялся. Большинство «гуляк», утомившись, уходили обедать. Вместо них появлялись люди, которые закончили трудовой день. Усталые, они спешили домой, устремлялись к переполненным конкам, те, кто посостоятельнее, разъезжали на извозчиках. После лекций группами проходили студенты, заглядывая по пути в механический буфет «Квисисана», чтобы съесть салатик за 15 копеек, или к Федорову — выпить рюмку водки с закуской за 10 копеек.

К вечеру зажигались огни и начиналась особая жизнь. Заполнялись кафе и рестораны, люди спешили по Невскому в театры, концерты.

Позднее появлялись проститутки. Более высокая

категория их сидела по кафе — Андреева, «Амфир», «Рейтер» и др. В 11 часов кафе закрывались, и вся эта публика высыпала на улицу. К этому времени приличные женщины не считали для себя возможным появляться на Невском без сопровождения мужчины. Они могли услышать от прохожих разного рода предложения и даже подвергнуться преследованию. Приходится признать правдой горькие рассказы о «гримасах и язвах» большого города: девушки легкого поведения смело заговаривали с мужчинами из опасения остаться без заработка, который они были обязаны почти целиком принести своим «хозяйкам», содержательницам соответствующих заведений, или своему жестокому, безжалостному возлюбленному. Мы не будем останавливаться на нравах публики вечернего и ночного Невского кафе. Эта страшная и печальная картина не под силу нашему перу, ведь есть непревзойденная «Яма» Куприна. Скажем только, как спасались такие девушки от преследования полицейских. С умоляющим взором они брали первого попавшегося мужчину под руку и срывающимся голосом шептали: «Ради Бога, пойдемте вместе, скажите, что я ваша знакомая, а то меня заберут».

Садовая была второй деловой и торговой осью, очень бойкой, Петербурга. Оживление на ней было большое, но публика иная, чем на Невском. Фланирующих здесь не было, все спешили по делам, за покупками. Правда, начало и конец Садовой имели разный характер. От Невского до Летнего сада царил казенный, официальный тон, а на противоположном краю — за Покровской площадью — другой мир: Колонна с тихими, скромными улицами, жили здесь мелкие служащие и заводской люд, работающий на верфях. Не увидишь собственный экипаж, богатый выезд. Извозчиков, и тех мало. Печать забот.

Следующей торговой и деловой осью, пересекающей Невский, был Литейный, переходящий во Владимирский и Загородный проспекты. Мы помним, как по ним ходила конка. У Технологического института была конечная станция — деревянный павильон. На Литейном — от Невского до Бассейной — тор-

говали букинисты. За Бассейной проспект приобретал более казенный характер. С правой стороны к Литейному примыкали улицы с особняками и дворцами, где жили богатые, родовитые люди, — Сергиевская, Кировная, Захарьевская. Магазинов на них почти не было. Такой же характер имели набережная Невы — с левой стороны, от Литейной до Франко-русского завода, — набережная Фонтанки от Невы до Невского, Большая и Малая Морские. На улицах мало пешеходов, у подъездов великолепные выезды, у парадных дверей величественные швейцары в ливреях.

Как и Невский проспект, набережная Невы была местом прогулок и катания аристократии, сановников и финансовых тузов. В то время можно было увидеть такую картину: едет ландо, в нем — одетые с подчеркнутой скромностью аристократки, рядом, сопровождаемая, на чистокровных скакунах офицеры. Или встречаем кавалькаду — две-три амазонки в сопровождении офицеров и штатских англоманов. Их путь — сначала по набережной, затем в Летний сад, на скаковую дорожку, потом по Каменноостровскому на Острова. Но в описываемое нами время такое зрелище было уже редкостью, оно не гармонировало с общей деловой жизнью города. На это смотрели как на диковинку.

К числу оживленных улиц центра относились Вознесенский проспект и Гороховая улица. Обе узкие, но движение большое. Кроме магазинов, было много пивных, трактиров. Быстро застраивались благоустроенными домами линии Васильевского острова, улицы по обе стороны от Большого проспекта Петербургской стороны, Роты Измайловского полка. Но главной деловой улицей Петербургской стороны, как и теперь, был Большой проспект.

Некоторые районы, хоть и невдалеке от центра (например, Гороховая), были своеобразны: в них магазины и рестораны были попроще, много «казенок», сохранились рестораны и чайные.

Улицы вблизи Мариинского театра и консерватории, Офицерская и прилегающие к ней были тихие,

магазинов мало. Здесь проживали артисты и служащие театра, преподаватели и студенты консерватории. В районе институтов — Технологического, Путейского, Гражданских инженеров и Женского политехнического — жило очень много студентов. «Латинский квартал» Петербурга составляли Роты Измайловского полка и улицы, перпендикулярные Загородному проспекту, между Царскосельским вокзалом и Технологическим институтом: Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская, Бронницкая. Дело в том, что на этих улицах многие квартиронаниматели сдавали комнаты, и в первую очередь, конечно, студентам. Комнаты были недорогие, с услугами (кипяток, уборка) и отличались чистотой — так уж завелось путем конкуренции. Сами хозяйки часто жили на кухне, выгадывая сдачей комнат себе на жизнь.

Характерную картину зимнего Петербурга, особенно в большие морозы, давали уличные костры. По распоряжению градоначальника костры для обогрева прохожих разводились на перекрестках улиц. Дрова закладывались в цилиндрические решетки из железных прутьев. Часть дров доставлялась соседними домохозяевами, часть — проезжавшими мимо возами с дровами, возчики по просьбе обогревающих или по сигналу городского скидывали около костра несколько поленьев. Городовой был обязательным персонажем при костре. Обычно у костра наблюдалась такая картина: центральная фигура — заиндевевший величественный городской, около него два-три съезжившихся бродяжки в рваной одежде, с завязанными грязным платком ушами, несколько вездесущих мальчишек и дворовых дрожащих голодных собак с поджатыми хвостами. Ненадолго останавливались у костра прохожие, чтобы мимоходом погреться. Подходили к кострам и легковые извозчики, которые мерзли, ожидая седоков. В лютые морозы костры горели круглые сутки, все чайные были открыты днем и ночью. По улицам проезжали конные разъезды городских или солдат. Они смотрели, не замерзает ли кто на улице: пьяненький, за-

снувший извозчик или бедняк, у которого нет даже пятака на ночлежку.

Описывая улицы города, следует сказать несколько слов о садах и скверах. Бесплатные сады для прогулок и отдыха прохожих и близживущих в воскресные дни и по вечерам заполняла гуляющая молодежь, главным образом солдаты тех полков, которые стояли поблизости, со своими девушками.

В Александровском парке у Народного дома народу было много и днем и вечером. Люди прогуливались или направлялись в Зоологический сад, театр Народного дома и его сад с аттракционами и танцевальной площадкой.

Михайловский сад был закрыт для публики. В Летнем саду публика была самой «чистой». Солдаты и матросы сюда не ходили, чтобы не встретить офицеров. По скаковым дорожкам проносились на рысях или галопом амазонки в сопровождении офицеров или штатских верхом. Амазонка, как правило, была в цилиндре, повязанном вуалью, в темном обтягивающем костюме, со стеклом в руке.

Таврический сад был разделен на три части: в прилегающую к дворцу никого не пускали; вдоль Потемкинской улицы протянулся платный увеселительный сад; остальная часть, в запущенном состоянии, была открыта для публики.

По вечерам в некоторых садах играли военные оркестры. В больших садах стояли ларьки, где продавали прохладительные напитки, и павильоны с лактобациллином — так называлась «мечниковская» простокваша на красных грибах. Лактобациллин входил в моду, и многие считали своим долгом посетить эти павильоны. Стояли и павильоны с мороженым.

Уборка улиц, площадей и садов отнимала много времени и сил. Прежде всего потому, что транспорт был почти исключительно конный и на мостовых оставалось много следов от лошадей. Но чистота поддерживалась, особенно в центре. За чистотой следила не только полиция, но и санитарная инспекция. Никакой механизации не было. Летом у каждого

ворот стоял дворник с метлой и железным совком. Он тотчас же подбирал навоз, пока его не размесили колеса телег. При сухой погоде улицы поливались. В центре — из шлангов, подальше — из леек и ведер, так как шланги были дорогие. Из шлангов же производилась поливка и промывка торцовых мостовых, их следовало держать в особой чистоте, так как иначе они издавали неприятный запах. В то время существование человека без услуг лошади, сильной, безропотной и доброй работяги, было немыслимо, и люди заботились о лошадке. В Петербурге эта забота проявлялась в устройстве целой сети водопоек. Водопойки были при вокзалах, на площадях, где скапливались обозы, у мостов, около товарных дворов, грузовых пристаней. Это небольшие каменные здания, отапливаемые зимой. Снаружи несколько каменных или чугунных раковин, в которые напускалась вода из подведенных к ним труб. Краны к ним находились внутри здания, где сидел сторож, который по требованию извозчиков открывал воду. Водопойка была также местом, где извозчики передавали друг другу новости, ругали полицию, которая придиралась к ним, хвастали силой своих лошадей, жаловались друг другу на хозяев.

Зимой тротуары очищались «под скребок», с обязательной посыпкой песком. Лишний снег с улиц сгребался большими деревянными лопатами-движками в кучи и валы вдоль тротуаров. Сбрасывать снег в каналы и реки не разрешалось. Снег отвозился на специально отведенные свалки, что обходилось дорого. Поэтому у домов стояли снеготаялки; большие деревянные ящики, внутри которых — железный шатер, где горели дрова. Снег накидывали на этот шатер, он таял, вода стекала в канализацию. (Деревянный ящик не горел, так как всегда был сырой.) Уборка улиц от снега производилась рано утром, а при больших снегопадах — несколько раз в день. Все это делалось, разумеется, только в центре города. На окраинах снег до самой весны лежал сугробами.

*Вечерние известия!
Ори, ласкай мой слух,
Проньрливая бестия,
Вечерний улиц дух.*

Вл. Ходасевич

Чтобы создать правильное представление об облике улиц Петербурга, надо рассказать о рекламе. В ходу была поговорка: «Реклама — двигатель торговли». Было очень много вывесок, броских плакатов, светящихся названий. Рекламные объявления висели в вагонах трамваев. Ими обвешивали вагоны конок, облепляли специальные вращающиеся киоски на углах улиц. Рекламировалось все: вина, лекарства, новые ткани, кафешантаны, цирковые представления, театры (только императорские театры не рекламировались). Табачные фабриканты называли свои папиросы уменьшительными именами любимых артистов. По всему Петербургу висели громадные портреты Дяди Кости — любимого публикой комика Александринки Константина Александровича Варламова.

После 1910 года на главных улицах появилась «ходячая реклама». Рядом с тротуаром один за другим шли тихим шагом обычно пожилые люди в одинаковых коричневого цвета пальто с металлическими пуговицами и такими же фуражками. Они несли высокие рамы из бамбука, на которые были натянуты полотнища с рекламными объявлениями. Обычно это была реклама кинотеатров, цирка. Иногда каждый нес друг за другом только одну букву, а было их человек 20, и прохожий мог, переводя взгляд от одного к другому, прочесть целую фразу: «Сегодня все идите в цирк».

На углах людных улиц стояли газетчики (газетных киосков тогда не было). Через плечо у них висела большая кожаная сумка. Они носили форму, на фуражках — медные бляхи с названием газеты. Газетчики выкрикивали сенсационные сообщения из своих газет. В то время выписка газет на дом особен-

но не практиковалась, расклейки газет на улицах не было, поэтому у газетчиков торговля шла бойко. «Новое время» покупали больше чиновники, «Речь» — студенты, интеллигенция, «Копейку» — рабочие, «Петербургскую газету» и «Листок» — торговцы, мещане. Газетчики были объединены в артели, у них была круговая порука, при поступлении в артель они вносили «вкуп». У каждого был свой угол, на котором он стоял иногда годами. Места сильно разнились по бойкости, а стало быть, доходности. Распределял места староста артели.

Облик улицы дополняла также фигура рассыльного. В то время их артели были полезны и даже необходимы. Рассыльными были обычно пожилые люди, проверенные на исполнительность, честность и умение сохранять тайну. Они носили темно-малиновую фуражку с надписью по околышу: «Рассыльный... артель...» И они стояли по углам бойких улиц, при гостиницах, вокзалах, в банках, крупных магазинах и ресторанах. Им давали всевозможные поручения: срочно доставить письмо, документы, отвезти какую-нибудь вещь. Можно было послать и за город. Была такса за услуги, но обычно ею не пользовались, все делалось по соглашению. Можно было не волноваться за выполнение поручения как подобает и в срок — за это отвечала артель. У этих людей была своя профессиональная гордость: никакая ценность не пропадала, полностью сохранялась тайна коммерческая и личная. Как во всех подобных артелях, при вступлении в нее вносился порядочный «вкуп». Кроме чисто деловых заданий посыльные выполняли и другие поручения: отнести букет, коробку конфет с записочкой, подарок даме, вызвать девушку на свидание. Часто поручалось принести ответ. Телефонов было сравнительно мало, поэтому потребность в такой доставке возникала нередко.

Характерной чертой улицы подальше от центра были крики торговцев вразнос — мороженщиков, селечодниц, ягодников, а также точильщиков и скупщиков старья. У каждого были особые приемы своеобразной речи и свои напевные приемы. «Ма-ро-ож-

жин», — катя перед собой тележку или неся на голове кадушку, пел мороженщик. «Селе-едки гала-ански», — сладенькими голосками звенели селедочницы. «Точить ножи-ножницы» — и много ниже: «Бри-итвы править», — пел точильщик. «Халат, халат», — звучал гортанный речитатив татарина-старьевщика. Петербургский обыватель, подзывая его, почему-то кричал: «Князь, князь, поди сюда!»

На городских окраинах обитали бесчисленные нищие, без которых наш Петербург и представить себе было нельзя. В большинстве случаев столичные нищие — это пройдохи, ловкачи, жулики, а не несчастные калеки, какими они себя представляли. Помнится, был знаменитый нищий Климов, здоровенный мужичина, проживавший с семьей в одном из домов за Обводным каналом, занимая целую квартиру. Ежедневно, выходя утром из дому, он садился на извозчика и направлялся к Гостиному двору. По пути он подвязывал к ногам своеобразное корытце-лоток и превращался в безногого. В течение всего дня он с большим мастерством изображал калеку. Жалостливые женщины бросали в его шапку монеты. После «трудового дня» он полз до ближайшего извозчика, по пути освобождался от протеза, дома пересчитывал доход и большую часть его откладывал в кубышку. Такие типы банкам не доверяли.

Между ними были строго распределены районы действий, и горе тому настоящему нищему, который по незнанию займет место, «принадлежащее» как бы какому-нибудь лжебродяге. Его избивали, сдавали в полицию, а там, не разобравшись, кто виноват, устраивали с несчастным жестокою расправу, тем более что многие из лженищих платили полицейским дань и чувствовали себя в безопасности.

* * *

Обычный ритм уличной жизни, а часто и движение транспорта нарушали похоронные процессии, привлекавшие внимание прохожих, как всегда падких на чрезвычайные события. Теперь эти

печальные процессии ушли в прошлое, что и к лучшему.

Организацию похорон брало на себя похоронное бюро. Чаще всего обращались в похоронное бюро Быстрова на Владимирском, 9, привлекавшее внимание публики траурной черной вывеской с золотыми буквами.

Обставлялась эта церемония в зависимости от платы по пяти категориям. Похороны по первому разряду проходили торжественно: впереди процессии — красивая двуколка с еловыми ветками; колесница, на которой везли гроб, была с белым парчовым балдахинном с лампадами, ее везла шестерка лошадей по две, с султанами на голове, на лошадей накинуты белые сетки с серебряными кистями. Вели лошадей под уздцы и шли по бокам колесницы так называемые «горюны» с нарядными фонарями-факелами, одетые во все белое, а третий шел сзади и разбрасывал ветки. За похоронной колесницей шли родственники покойного, дамы в трауре, мужчины с черными креповыми повязками на рукаве. Далее шел оркестр, за ним — кареты и коляски.

Если же хоронили военного, имевшего высокий чин, то помпезности было еще больше: впереди колесницы офицеры несли на подушках ордена и медали покойного. Среди родственников и сопровождающих шло несколько оркестров, затем воинские части, за ними кареты, в которых ехали старики, немощные, а также порожние для развоза публики с кладбища. Гроб строевых военных высших чинов везли на лафете, в который впрягали шестерку лошадей цугом по паре. Горюнов здесь уже не было, на каждой левой лошади сидел ездовой, сбоку ехал верхом фейерверкер, а впереди офицер, по обеим сторонам лафета — караул: солдаты с винтовками на плече.

Чем ниже был разряд похорон (то есть чем меньше денег было у родственников покойного), тем скромнее были похороны. Жалко было смотреть на похороны по так называемому пятому разряду: дроги без балдахина, лошадь без попоны, на гробу сидит

кучер в форме горюна, сзади идут немногочисленные провожающие.

Интересными типами были эти горюны. В штате похоронного бюро они не состояли. Их набирали от похорон к похоронам. В Малковом переулке существовала большая чайная, в которой с утра до ночи околачивались кандидаты в горюны. Обычно это были пожилые люди, сбившиеся с настоящего трудового пути, часто пьяницы, живущие на случайный заработок. Утром в эту чайную прибегал приказчик из похоронного бюро и подбирал 10—15 горюнов. По приходе в бюро они переодевались в униформу: длинный белый сюртук и белые брюки — на самом деле это была только нижняя часть брюк — поголенки, которые завязывались над коленками. На голову надевали белый цилиндр. По прибытии на кладбище горюны снимали гроб с колесницы и несли его к могиле, если родственники покойного и провожающие не делали этого сами. Горюны примечали, кто из родственников расплачивается, ждали, когда зароят могилу, подходили к нему и просили на чай, убеждая, что похоронили хорошо. Обычно на чай им давали, и они шли довольные к колеснице, садились на площадку для гроба и весело возвращались в похоронное бюро. Теперь они ехали на паре, остальных лошадей вели в поводу. Картина была своеобразная: рысью катилась колесница, под балдахином сидели горюны, в пути они раздевались, снимали униформу и складывали ее в ящик, который располагался под площадкой для гроба. Оттуда они вытаскивали свою одежку и надевали ее.

Среди купеческого сословия было принято справлять поминки и дома, и в кухмистерских — ресторанах особого типа. Кухмистерские имели большой зал, большую столовую и две-три гостиные с мягкой мебелью. В этих кухмистерских заказывали обеды, ужины по случаю свадеб, крестин, поминок, справляли юбилеи, товарищеские встречи и т. п. В столовой накрывались столы, зал предназначался для танцев, гостиные — для отдыха гостей. Хозяин кухмистерской принимал заказ на известное количество пер-

сон за обусловленную плату с каждой персоны в зависимости от того, какая должна быть подана закуска, какие вина, из чего должен состоять обед, какой десерт. Договаривались об оркестре, нужны ли ковры на подъезде и пр. Некоторые кухмистерские располагались около кладбищ, учитывая заказы на поминки.

Нам довелось присутствовать на чрезвычайно торжественных похоронах любимицы Петербурга, человека большой души, певицы А. Д. Вяльцевой. Процессия растянулась по всему Невскому, приостановив всякое движение, за гробом шли люди всех сословий. Была масса венков, цветов. В публике говорили о таланте Вяльцевой, ее задушевном пении, с большим сочувствием отзывались о ее муже, полковнике Бискупском, о его большой любви к этой женщине, ради которой он решился оставить гвардейский полк и сломать свою военную карьеру — жениться гвардейскому офицеру на певице было нельзя.

Особенно грандиозны были совершенно стихийно возникшие похороны военного летчика капитана Мациевича. Инженер-технолог и военно-морской инженер Л. М. Мациевич разбился при показательных полетах над Комендантским полем. Один из авторов был свидетелем этой катастрофы. Все следили за полетом. Внезапно аэроплан стал падать, от него что-то отделилось, он грохнулся наземь. Публика бросилась бежать к месту катастрофы, часть добежала, большинство же было остановлено конными жандармами.

* * *

*Над морем итиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.*

А. Блок

Улицы Петербурга принимали совершенно иной вид, когда обыденная жизнь нарушалась приездом глав и представителей иностранных государств. В нашей памяти ярко запечатлелось прибытие перед

войной английской эскадры и французской с президентом Франции Пуанкаре.

В середине июня 1914 года в Кронштадт с официальным визитом прибыла английская эскадра под брейд-вымпелом адмирала Битти. Большие корабли не могли войти в Неву, а два крейсера — «Блонд» и «Боадицея» — и собственная яхта леди Битти встали на якоря в кильватер за Николаевским мостом. Леди находится на военном корабле по уставу не имела права, почему и прибыла в Петербург на белоснежной роскошной яхте — морском судне, способном пересекать океаны. Толпы народа с набережных и моста любовались необычным зрелищем. На английские военные корабли был свободный доступ. На Васильевском острове около Кронштадтской пристани было сосредоточено много яликов, все яличники были одеты в новые красные рубахи с обязательной черной жилеткой и в черные картузы. Все ялики были заново выкрашены. Яличники едва успевали перевозить желающих на военные корабли и обратно, пятачок за каждый конец.

Один из авторов посетил крейсер «Боадицея». Поражала простота на военном корабле, непривычная для российского флота, даже больше — недопустимая: вахтенный матрос ходил босиком, приезжая публика допускалась повсюду, мальчишки и взрослые вертели маховики у казенной части орудий, открывали и закрывали замки, не получая замечаний от англичан.

На палубу под тент вытащили небольшую фисгармонию, за нее сел разбитной матрос и заиграл танцы. Английские матросы сразу расхватили наших девушек и молодых женщин и стали с ними лихо отплясывать, распевая во все горло. Наша русская публика совершенно переменяла мнение об англичанах, ранее представляя их людьми неразговорчивыми, сдержанными, даже скучными, а оказалось, что простые матросы — веселые ребята; не зная языка, умеют великолепно занимать наших женщин. Мужчины любезно обменивались с матросами табаком и папиросами. Около камбуза кок корабля на столе де-

ревянным молотком разбивал большие, толстые плитки шоколада и, завертывая шоколад в фунтики, дарил детям и женщинам, а то жестами просил дать ему носовой платок и завязывал в него большие куски шоколада. Высокий солдат морской пехоты, в алом мундире с золотым шитьем, в белом шлеме, с перевязью кирпичного цвета через плечо, по-видимому во время дежурства, надевал на наших девушек такой же алый мундир и шлем, совал им в руку ружье и снимал фотографическим аппаратом. Вся эта процедура вызывала большой смех, так как девушка тонула в этом мундире, который был ей чуть не до колен, а из-под шлема не видно было и головы. Публика рассыпалась по всему кораблю без всяких сопровождающих, залезала в машинное и кочегарное отделения, в кубрики. Охраняемых мест и часовых было очень мало. «Гости» брали из пирамид ружья и пистолеты, щелкали затворами. Вся охрана этого оружия заключалась в тонкой цепочке, пропущенной через предохранительные скобы. Цепочка имела большую слабинку и не мешала брать оружие из пирамиды. На корабль приехало много русских матросов, которые как-то умудрялись объясняться с английскими матросами.

Отпущенные с корабля на берег английские матросы сразу же подхватывались петербуржцами, которые водили их по городу, приглашали в рестораны, пивные и угощали с русским радушием.

Многие английские матросы в результате такого внимания и экскурсий по ресторанам и пивным были здорово выпивши, однако они очень оберегали тростинку с пломбочкой, которая им выдавалась при увольнении на берег. Эту тростинку они должны были вернуть при возвращении на корабль в полной сохранности, что свидетельствовало, что вели они себя на берегу хорошо. Остроумный контроль! Если тростинка была сломана или повреждена, их ожидало наказание.

Насколько английские матросы были общительны, настолько их офицеры держали себя сдержанно и отчужденно. Они появлялись в городе в экипажах,

проезжая с официальными визитами на приемы и рауты. Публика приветствовала их. Они отвечали на приветствия, прикладывая руку в перчатке к богато расшитой треуголке. Парадная форма была у них очень нарядная.

Несколько позже, в начале июля, в Кронштадт прибыла французская эскадра с президентом Пуанкаре. Французских моряков петербуржцы принимали еще радушнее. На улицах продавались французские национальные флажки и жетоны на муаровой розетке. Публика тоже ездила на французские военные корабли, как ранее на английские, на большой Кронштадтский рейд. От Кронштадтской пристани по Неве туда отходили пароходы.

Мы видели проезд Пуанкаре по Английской и Адмиралтейской набережным к Зимнему дворцу, его встречала масса народа с криками: «Ура!», «Да здравствует Франция!» Махали флажками, шляпами, женщины — зонтиками. Город был разукрашен русскими и французскими флагами. Процессия была очень красочной. Вначале проехали в колясках военные чины из свиты царя, затем на почтительной дистанции ехал президент в ландо с каким-то военным — говорили, что это один из великих князей.

Вокруг экипажа на рысях сопровождал президента почетный эскорт из лейб-казаков, чтобы поразить француза русской экзотикой. Лейб-казаки с большими чубами и бородами, в высоких бараньих шапках с алыми шлыками на правую сторону, с кривыми султанами сбоку шапки, в алых поддевах, неимоверно широких шароварах с красными лампасами высоко сидели на своих рыжих дончаках, держа пику поособому — поперек седла, наискосок. Эта азиатчина, правда очень картинная, поражала и самих петербуржцев, которые кричали истошными голосами: «Ура!» и «Вив ля Франс!» Господин президент снимал цилиндр и любезно раскланивался на обе стороны, улыбаясь своим широким бородатым лицом.

По улицам города группами и в одиночку гуляли французские матросы, их окружали наши люди всех слоев общества и разговаривали с ними — одни на

изысканном французском языке, другие — на ломаном русском языке на французский (по их мнению) лад, а третьи — жестами, понятными всем народам, щелчками по горлу: предложение выпить вместе. Веселые французы громко смеялись и не упрямылись, когда их прямо силой затаскивали в рестораны, кафе и пивные. После подобных угощений можно было видеть такие сценки: во всю ширину панели идут, обнявшись, пьяные французы и наши студенты и поют «Марсельезу», а городовые, выпучив глаза, стоят в столбняке — песня-то революционная, а хватать нельзя. Нашу публику удивляли смешные береты на французских матросах: такие береты у нас носили только дети. Помпоны разноцветные: красные у артиллеристов, синие у «нижней палубы» — кочегаров и машинистов, белые у «верхней палубы» — рулевых, сигнальщиков и др. Идет высокий бородатый дядька-матрос, а на голове у него берет с помпоном. Смотришь, этот берет уже на голове русского, а картуз «московка» — на голове француза, и, пошатываясь, идут под руку выпить-закусить.

На улицах было очень весело. По вечерам была иллюминация. В газетах писали и в народе говорили, что визиты англичан и французов были вызваны напряженным международным положением и они должны были остепенить немцев, но, конечно, никто из обывателей не предполагал, что страшная мировая война разразится через какой-нибудь десяток дней.

ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТ: ИЗВОЗЧИКИ, КОНКА, ТРАМВАЙ

*Ужели вы не проезжали
В немного странной вышине
На старомодном «Империале»
По Петербургской стороне?*

Н. Агнивцев

*Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемлящий
Откликается над Невой.*

А. Ахматова

Транспорт для перевозки людей и грузов был самый разнообразный. Сухопутный транспорт был в основном конный: легковой для пассажиров и ломовой для грузов. Постепенно вводился общественный транспорт: конки, дилижансы, паровики. Но много народа, особенно бедного трудового люда, ходило пешком, даже на далекие расстояния: общественный транспорт был дорог.

Естественно, что рабочие старались поселиться вблизи места работы — заводов, фабрик. Владельцы новых расширяющихся предприятий шли рабочим навстречу и строили около фабрик каменные или деревянные дома и бараки для жилья рабочих и их семей. Так образовывались рабочие окраины.

Рано утром можно было видеть массу рабочих, идущих под завывание фабричных гудков к своим предприятиям. Позже, к 9—10 часам, в центральных районах города появлялись учащиеся, мелкие служащие, чиновники, приказчики. Вот к этому времени и

начинал работать с большой нагрузкой общественный транспорт.

Конки, точнее конно-железные дороги, были очень распространенным видом перевозки людей. К началу XX века в столице насчитывалось около тридцати линий конок, три проходили по центру — они шли по Невскому, по Садовой и от Адмиралтейской площади до Николаевского моста. Все они принадлежали городу, а остальные — Обществу конно-железных дорог. До окраин, однако, и те не доходили.

Вагоны конок были двух типов: одноэтажные и двухэтажные. Одноэтажный вагон везла одна лошадь, и, надо сказать, на подъемах мостов — с большим напряжением, а двухэтажный вагон с высоким империалом везли две лошади. Спереди и сзади вагонов были открытые площадки, а в двухэтажных вагонах с этих площадок наверх, на империал, вели винтовые металлические лестницы. Империал был открытый, проезд там стоил дешевле — две копейки за станцию вместо трех и даже пяти копеек вниз. Внутри нижнего вагона стояли вдоль стен скамейки, а на империале была посередине одна двухсторонняя скамейка — пассажиры сидели спинами друг к другу. Обслуживалась конка двумя лицами: вагоновожатым и кондуктором, обязательно мужчинами. Вагоновожатый правил лошадьми, кондуктор продавал билеты, давал сигналы остановок и отправления.

Нелегко было быть вагоновожатым: лошади впрягались в мягкие ременные постромки, прикрепленные к тяжелому вальку. Никаких оглобель и дышел не было. При малейшем уклоне при съездах с мостов или спусках в отдельных местах улиц вагон мог накатиться на лошадей и искалечить их. Надо было уметь вовремя затормозить и вообще все время чувствовать, как ведет себя вагон.

В правой руке у вожатого были вожжи, а левая рука выполняла две функции: тормозила, вращая рукоятку тормоза, и поднимала особую трубку, ударявшую в колокол. Звонить приходилось часто, так как народ переходил улицу в любом месте, нередко пьяные лезли прямо под вагон.

На конечном пункте вожатый снимал валёк с крючка и вел лошадей к другому концу вагона, прицеплял там валёк, устанавливал колокол с тормозом и был готов к обратному рейсу. На крутых подъемах к мостам, например к плашкоутному мосту у Зимнего дворца, прицеплялись дополнительно две лошади со своим кучером. Вожатые свистели и орали на лошадей, стегая их кнутами. Публика, стоящая на площадке вагона, тоже принимала участие в этом понукании. При спуске с моста в торможении участвовал и кондуктор на задней площадке. После спуска вагон останавливали, отцепляли дополнительных лошадей, которые оставались ждать встречную конку.

Работа кондуктора была также трудна: ему приходилось без счета подниматься на империал, чтобы продать там билеты тем, кто их не взял при проходе мимо него на нижней площадке.

Вечером внутри вагона зажигался керосиновый фонарь, тускло освещавший внутренность вагона. На крыше передней площадки зажигался фонарь побольше, но толку от него было мало — свет едва освещал крупы лошадей.

Рельсовый путь для конок был весьма несовершенен: рельсы были без желобков для реборд колес. Междупутье было замощено булыжником вровень с головкой рельса, и реборды колес часто катились прямо по булыжникам, весь вагон содрогался и дребезжал всеми своими расхлябанными частями. Разговаривать внутри вагона было совершенно невозможно от этого ужасного грохотанья. Снаружи вагон по перилам империала был обвешан всевозможными рекламами вроде «Пейте коньяк Шустова», «Принимайте пилюли Ара», «Мыло Брокера № 711» и т. п. Внутри вагон тоже был сплошь залеплен всякими рекламами и объявлениями об открытии нового ресторана, кафе и т. п.

На конках ездил преимущественно народ скромный: мелкие чиновники, служащие, рабочие, прислуга. Солдатам позволялось ездить только на открытых площадках.

Постепенно конки начали заменять трамваем. Первый трамвай пошел в 1907 году по линии от Александровского сада по Конногвардейскому бульвару, далее через Николаевский мост к Кронштадтской пристани. Чтобы пустить трамвай по тем улицам, где ходили конки, путь перестраивался на более солидный: рельсы заменялись желобчатыми, путь становился на шпалы, укладывался второй путь. Первоначально трамваи ходили без прицепных вагонов, всего один двухосный маленький вагон. Но по сравнению с конкой вагон был очень красив: внутри лакированная отделка, медные приборы, снаружи низ красный, верх белый, окна большие. Сначала сделали два класса, перегородив вагон внутри: первый класс за пять копеек для «чистой публики», второй — за три копейки, но это разделение не привилось. Кондуктор и вагоновожатый были одеты в добротную красивую форму. Первоначально в виде развлечения публика каталась по этой единственной линии туда и обратно, у Александровского сада стояла очередь желающих прокатиться. Постепенно трамвай сделался основным видом пассажирского транспорта, связав окраины с центром. Появились прицепные вагоны, моторные постепенно совершенствовались, делались более мощными и быстроходными.

Надо вспомнить особый вид конного пассажирского транспорта — дилижансы, которые метко назывались петербургскими обывателями «сорок мучеников». Название это было дано не зря. Дилижанс представлял пароконную большую повозку на колесах, окованных железом, на грубых рессорах. Вагон открытый, только крыша. От ветра и дождя спускались брезентовые шторы. Скамейки поперек вагона, ступеньки вдоль всего вагона. Так как большинство мостовых были булыжными, то эта колымага тряслась и гроыхала, и можно себе представить, что чувствовали пассажиры. Разговаривать было невозможно: ничего не слышно и легко прикусить язык. Запряжка в дышле, сбруя солидная ременная. Кондуктор перебирался по внешним продольным ступенькам, чтобы собрать плату с пассажиров, сидев-

ших на разных скамейках. Плата была пятачок. Ходили они от Адмиралтейства по Вознесенскому и Гороховой к вокзалам. Зимой повозка заменялась на большие открытые сани. Эти дилижансы дожили до 1910 года и были заменены двухэтажными автобусами на литых резиновых шинах. Они были несовершенны, не привились и были вскоре изъяты.

Гораздо более исправно служили паровички, которые ходили от клиники Виллие в Лесное и от Николаевского вокзала до Карточной фабрики. Там поезд, состоящий из пяти-шести вагонов, останавливался, и паровичок с одним вагоном шел до станции Рыбацкая. Сам паровик был весь закрыт металлической коробкой и ужасно дымил, машинист все время звонил, предупреждая прохожих. Освещение было настолько скудное, что кондуктор пользовался маленьким фонариком, висящим на его пуговице. Деревянный ретирад с навесом для пассажиров (с другой стороны — водопойка для лошадей) находился, пока не было памятника Александру III, против Николаевского вокзала. Затем конечный пункт устроили на Лиговке. Оба паровичка принадлежали частной акционерной компании.

* * *

*Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.*

Н. Заболоцкий

Легковых извозчиков — основной индивидуальный транспорт для зажиточных людей — в Петербурге было очень много, до 15 тысяч. Всем извозчикам для получения номера на право езды надо было пройти особый осмотр, за чем наблюдала городская управа.

Извозчики должны были иметь столичный вид: лошадь «годная», одежда — по форме: синий кафтан, низенький цилиндр с пряжкой спереди. Сбруя долж-

на быть ременная, экипаж-пролетка — приличный, с подъемным верхом от дождя, с кожаным фартуком для ног седоков. Извозчик сидел на облучке-козлах и мок под дождем. Некоторые из них во время дождя надевали коротенькую клеенчатую накидочку.

В Овсянниковском сквере на Песках был специальный навес с будочкой. В определенные дни здесь обычно сидела комиссия из представителей городского управления полиции для приема денег и выдачи номеров. Один за другим подъезжали извозчики, производился придирчивый осмотр лошади, экипажа и самого извозчика. Если все было в порядке, тотчас же принимались деньги и выдавался номер. Некоторых браковали, требовали что-то исправить.

Стоянки извозчиков имелись у вокзалов, гостиниц, на оживленных перекрестках; в прочих местах они стояли по своему усмотрению. Определенной, обязательной таксы не было. Извозчик запрашивал сумму, учитывая общий облик седока, один он или с дамой, какая погода, какое время (день или ночь), торопится седок или нет, приезжий он или местный, много ли у него вещей, знает ли город и, конечно, главное — на какое расстояние везти. Седок, в свою очередь, оценивал ситуацию: много ли на стоянке извозчиков, удобна ли пролетка, хороша ли лошадь и т. д. Торговались, спорили, седок отходил, опять возвращался, наконец садился. При дамах обычно не торговались. В последние годы перед первой империалистической войной извозчикам вводили таксометры для измерения расстояния. Таксометр укреплялся у извозчичьего сиденья, на нем красовался красный флажок. Однако это нововведение не привилось.

Зимой извозчики ездили в санках, очень маленьких и неудобных. Спинка была очень низенькая, лошадь, идущая следом, роняла пену прямо на голову седока; хотя и существовало правило — держать дистанцию не менее двух сажен, оно не соблюдалось. Поздно вечером и ночью извозчики особенно были нарасхват.

Извозчики жили обычно на извозчичьих дворах, где была страшная теснота: стояла крошечные, над ними сеновалы. Тут же рядом сложенные одна на другую пролетки или сани, смотря по времени года.

Среди извозчиков было много людей пожилых, нездоровых, которые не могли работать ни на фабриках, ни в деревне. Санитарные условия в общежитии были скверные: тесно, одежду они получали на двоих или на троих, которая часто являлась рассадником насекомых. Среди обывателей извозчиков часто называли «желтоглазыми», видимо, по причине инфекционной болезни глаз все из-за той же антисанитарии.

Ездили извозчики обычно «от хозяина». У каждого хозяина было по несколько рабочих-извозчиков, которых он страшно эксплуатировал: за поломку экипажа или сбруи вычитал из его заработка, сдавать определенную сумму извозчик должен был ежедневно, например три рубля, заработал он их или нет. Отвечал он и за здоровье лошади. Вечной заботой извозчика было выбрать удачное место стоянки, использовать разъезд публики из театра, подкатить к вокзалу к прибытию поезда и т. д.

Были в столице лихачи — извозчики высшей категории. У лихача лошадь и экипаж были лучше, сам он был виднее и богаче. Лихач был похож не на извозчика, а скорее на собственный выезд. Лихачи выжидали выгодного случая прокатить офицера с дамой, отвезти домой пьяного купчика, быстро умчаться какого-нибудь вора или авантюриста, драли они безбожно, но мчали действительно лихо. Нанимали их люди, сорившие деньгами, и те, которые хотели пустить пыль в глаза. Стоянок их было немного — на Невском, на углу Троицкой, около Городской думы, на Исаакиевской площади.

Особой категорией извозчиков были тройки для катания веселящихся компаний. Зимой они стояли у цирка Чинизелли. Кучер в русском кафтане, шапке с павлиньими перьями; сбруя с серебряным набором, с бубенцами. Сани с высокой спинкой, расписанные

цветами и петушками в сказочном русском стиле. Внутри все обито коврами, полость тоже коврая, лошади — удалые рысаки. В сани садилось 6—8 человек на скамейки, лицом друг к другу. Мы застали уже последние такие тройки. Но изредка можно было на главных улицах видеть тройку, мчавшую веселую компанию с песнями к цыганам в Новую Деревню или в загородный ресторан. Такие катания и в наше время уже казались чем-то отживающим.

На Масленицу появлялся еще один вид пассажирского транспорта — вейки. В город на это время приезжали крестьяне на своих лошадях, в легких саничках. Это были большей частью представители финских племен: карелы, ингерманландцы, ижоры, которые в просторечии именовались чухнами. Лошадей они украшали красочной сбруей, бубенцами и ленточками. Дугу и оглобли также украшали. Большая часть населения столицы, особенно простолюдины, катались на вейках с детишками, преимущественно днем, а вечером катались мужья с женами и рабочая молодежь. На улицах раздавались звуки гармошки, пение, и полиция не запрещала — была Масленица. Иногда днем на вейках ездили и деловые люди: лошадки бойкие, санки удобные, брали недорого, даже дешевле извозчиков. Город они знали плохо и за любой конец запрашивали 30 копеек, что устраивало тех седоков, которым надо было ехать далеко.

Для повышения заработка некоторые извозчики подделывались под «веек», запрягали лошадей в деревенские сани, украшали их и даже запрашивали те же 30 копеек. Желая окончательно сойти за «чухну», они коверкали родную речь, говоря седокам: «Трисись копеек».

Много было в столице и собственных выездов. Их имели аристократы, крупные чиновники, банкиры, фабриканты, купцы. Экипажи у собственников были самые разнообразные: кареты, коляски одноконные и пароконные, фэтоны в английской запряжке с грумом в цилиндре (вместо кучера), с высоким стоящим хлыстом, «эгоистки» на высоких колесах,

мальпосты на двух высоких колесах, шарабаны на одного или двух седоков без кучера; большое разнообразие было и в санях — одноконные, пароконные с запряжкой с дугой и в дышле. На лошадях сетки, чтобы на седоков не летели комья снега с лошадиных копыт. Мы застали еще кареты и пароконные сани с запятками: с площадкой сзади, на которой стоял лакей. Обыкновенно же лакей сидел рядом с кучером на козлах. Некоторые кареты и ландо имели на дверцах золотые гербы или короны, свидетельствующие о том, что выезд принадлежит «сиятельному» лицу.

Собственники гордились своими выездами — это был показатель их богатства, значит, и положения в свете. Купцы, фабриканты и прочие буржуи ездили без лакеев. В наше время езда с лакеями уже отдавала чем-то архаичным.

Особой пышностью отличались дворцовые и полевые выезды. Самым парадным дворцовым выездом было ландо «адамон» с запряжкой шестеркой белых лошадей цугом по две. Кучера не было, а на каждой левой лошади сидел форейтор, одетый под жокея. Так выезжала обыкновенно царица с детьми. В дворцовом Конюшенном ведомстве было много всевозможных экипажей, особенно карет, в которых ездили и зимой. Экипажи эти ничем особенно не отличались, разве только добротностью, а иногда и старомодностью. Дворцовыми выездами пользовались кроме членов царской фамилии приближенные им лица, министры и высшие чиновники Дворцового ведомства.

В Конюшенном же ведомстве состояли выезды для обслуживания императорских театров — большие неуклюжие кареты старого образца. Эти кареты подавались «солистам его величества» и другим крупным артистам. Подавались они и для учениц Театрального училища для вывоза на спектакли с их участием или как зрителей. Учеников Театрального училища везли на открытых длинных линейках, на которых они сидели с обеих сторон, спинами друг к другу.

Посольские выезды — пароконные, в дышле, на дверцах карет или ландо герб своего государства; козлы накрыты особой накидкой, расшитой золотым позументом. На козлах сидели кучер и лакей в ливреях с позументами и в треугольных шляпах, надетых наискось.

Начиная с 1907—1908 годов у состоятельных людей появились автомобили различных типов зарубежных фирм, в России автомобильной промышленности не было. Для того времени легковой автомобиль был редкостью и исключительной роскошью; шофер был одет на заграничный манер — короткое пальто реглан, желтые краги и ботинки, обязательно желтые кожаные перчатки с крагами. У автомобилей были различные гудки — от простого рожка с резиновой грушей до гудка с клапанами, на которых ловкие шоферы играли отрывки красивых мелодий. Были машины, снабженные клаксонами.

В 10-х годах появились автотакси частных владельцев. Машины были заграничные, разных фирм и фасонов. На них были счетчики, но чаще их нанимали из расчета примерно 5 рублей в час. Стоянка была на Невском, около Гостиного. Шоферы этих такси выглядели людьми особого типа: одеты по-заграничному — каскетка, английское пальто, краги. Держались они с большим достоинством, ведь это были все хорошие механики, машины были несовершенной конструкции и часто портились, их надо было на ходу ремонтировать. Многие относились к таксомоторам с недоверием и предпочитали пользоваться извозчиками — надежнее и дешевле. На некоторых улицах с малым движением и с хорошим покрытием, например на набережной Фонтанки, иногда можно было наблюдать своеобразные гонки между рысаком и автомобилем. Победителем часто оказывался орловский рысак, правда на коротких дистанциях. При этом часть публики выражала явное удовольствие, сопровождая обгон криками восторга и нелестными выражениями в адрес автомобиля.

*Орут ломовые на темных слоновых коней.
Хлещут кнут и скучное острое*

русское слово.

Саша Черный

Грузовой транспорт в пределах города был почти исключительно конным, гужевым. Это были ломовые извозчики — ломовики, обычно сильные, здоровые люди, малоразвитые, в большинстве неграмотные. Они же были и грузчиками. Желая отметить грубость, невежество, в народе говорили: «Ведешь себя, ругаешься, как ломовой извозчик». Ломовые обозы содержались хозяевами, имевшими по несколько десятков подвод. Некоторые заводы, фабрики и другие предприятия, а также городское хозяйство имели свои ломовые обозы. Как общее правило, упряжка была русская — в дуге, хомут и шлея с медным набором. Телега на рессорах — качка, тяжелая, большого размера, на железном ходу, задние колеса большие, расстановка колес широкая, как раз по ширине трамвайных путей. Часто ломовики выезжали на трамвайный путь, колеса катились по рельсам — легко лошадям и извозчика не трясло. Такая езда запрещалась, но ломовики нарушали запрет. Чтобы удобно было грузить «с плеча», площадка была установлена высоко. Иногда площадка была с ящиком, в зависимости от того, что надо было перевозить. Лошади были крупные, тяжеловозы-битюги першероны, на подводу накладывалось до 100 пудов и более. Проезд ломовиков по улицам с торцовой мостовой был запрещен или разрешался только в определенные часы, и грузовые обозы двигались преимущественно по улицам с бульжной мостовой. Их сопровождали грохот и крики ломовиков.

Особенно картинным был обоз городских боен: лошади здоровенные, сбруя вся в медных бляхах, качки, а зимой — сани, выкрашенные свинцовым суриком. Ломовики — отменные силачи — свободно

переносили на спине только что освежеванную тушу черкасского быка. Для того чтобы не перепачкаться в крови, они надевали себе на голову и спину рогожный куль.

Образцовые обозы содержались пивоваренными заводами Калинкина, Дурдина, «Бавария», «Вена»: лошади сытые, разъевшиеся на пивной барде, с желобками вдоль всей спины. Упряжка была без дуги, на постромках. Весь этот гужевой обоз зимой становился на тяжелые сани. На улицах весь снег не убирали, а всегда заботились, чтобы был санный путь. В условиях ровной местности Петербурга зимой и летом можно было перевозить большие тяжести одной лошадью. Но во время распутицы и гололеда мучением для лошади и возчиков становились крутые въезды на мосты.

Можно было здесь наблюдать такие сцены: в начале моста возчик разгонял лошадь, быстро вращая концами тяжелых ременных вожжей, исступленно крича и свистя, сам тащил воз за оглоблю. Когда лошадь падала или останавливалась, не в силах вывезти воз, подбегали другие возчики или кто-нибудь из прохожих, общими усилиями поднимали лошадь и вывозили подводу. Нередко здесь появлялся член Общества защиты животных, какая-нибудь субтильная барышня или нервный господин, которые кричали: «Не смейте бить лошадь, я вас привлеку!» Вытаскивать воз они не помогали.

Особо тяжелые и громоздкие грузы перевозились на медведках. Это были массивные низкие повозки-площадки на невысоких сплошных колесах без спиц. В медведку впрягались минимум три особо сильные лошади. Для перевозки некоторых грузов требовалась упряжка в 15, а то и в 20 лошадей. Тогда прицеплялись дополнительные вальки с постромками, получалась упряжка цугом по три-четыре лошади в ряд. В таких случаях действовали несколько ломовых извозчиков.

Вывоз из города всякого рода навоза и нечистот производился главным образом пригородными огородниками, которые были заинтересованы в удобре-

нии. Городская же управа имела специальный ассенизационный обоз — громадные деревянные бочки, поставленные на пароконные телеги летом и на сани зимой. Спереди — большое сиденье для кучера, на которое усаживались 1—2 рабочих. Сзади был насос системы Летестю.

Автомобильный грузовой транспорт начал вводиться только с началом Первой мировой войны, да и то в малом количестве.

БЫТ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОМА

Век буржуазного богатства...

А. Блок

*Куда как тетушка моя была богата.
Фарфора, серебра изрядная палата,
Безделки разные и мебель акажу,
Людовик, рококо — всего не расскажу.*

О. Мандельштам

Один из авторов прожил 60 лет в доме 116 по набережной реки Фонтанки — доме Тарасова. Владельцами этого огромного дома, вернее, нескольких домов, выходявших и на 1-ю Роту Измайловского полка (№ 3, 5, 7 и 9), были два брата Тарасовы: старший — Николай Алексеевич и младший — Сергей Алексеевич, в описываемое время уже старики. Эти братья Тарасовы представляли собою яркие фигуры богатых петербуржцев, влиявших в свое время на жизнь и развитие города. Кроме упомянутых домов Тарасовы имели большое домовладение со многими строениями жилого и промышленного характера по Обводному каналу и Тарасову переулку (по имени владельца последний и получил свое название). Тарасовы владели большой дачей с огромным участком на Аптекарском острове, на берегу Невки. У них было имение близ станции Толмачево, собственная богадельня с церковью на Охте, бани и пр., не говоря уже о капиталах в разных банках.

Такое громадное имущество и капиталы были приобретены не ими, а их предками в течение двух столетий. По указу Петра I для постройки кораблей и города были вывезены государственные крестьяне, плотники из Костромской губернии, и поселены на Охте. Некоторые из них вышли в десятники, в их числе и Тарасовы, а потом и в подрядчики и стали постепенно богатеть, приобретать земельные участки в городе, в частности и участок по Фонтанке, на котором в свое время была загородная дача Платона Зубова, последнего фаворита Екатерины II. Измайловский сад (сад «Буфф»), который также принадлежал Тарасовым, — это остатки сада усадьбы Зубовых, и старые дубы этого сада были свидетелями заговора против Павла I.

Семья Тарасовых особенно разбогатела на подрядах по восстановлению Зимнего дворца после пожара 1837 года, в частности на производстве паркетных и столярных работ. К этому времени они имели на участке по Фонтанке разные строения и паркетную фабрику. В некоторых квартирах домов Тарасовых были очень красивые паркетные полы из ценных пород дерева и двери красного дерева с бронзовыми ручками художественной чеканной работы. По-видимому, эти паркетные полы и двери были вывезены из остатков, уцелевших от пожара дворца.

Нам кажется небезынтересным для читателей изображение характерных типов петербуржцев из разных слоев населения. В этом отношении Тарасовы являлись типичными представителями буржуазии уходящего мира. Они уже дворяне, занимают почетные, хорошо оплачиваемые должности. Николай Алексеевич (старший), по образованию инженер путей сообщения, когда-то строил один из участков Архангелогородского шоссе, а в описываемое время был председателем Петербургского городского кредитного общества с окладом 60 тысяч рублей в год. (Это при своих-то миллионах!) От росчерка его пера зависела выдача ссуды на постройку дома в городе под залог земельного участка. Бывало так: господин Н. формально числится владельцем громадного бла-

гоустроенного дома, а если разобраться по существу, то ему принадлежит, фигурально выражаясь, одна ручка от входной двери. Земля его заложена, потом поэтажно он закладывал дом, на достройку заключал вторую, а иногда и третью закладную, платил везде проценты по закладным, получал доходы с дома и гасил постепенно закладные. Таких домов, заложенных и перезаложенных, было большинство. Вот что разрешал господин Тарасов! Сам он был одинок, жил один в громадной квартире из 14 комнат, занимая весь второй этаж своего дома на Фонтанке. Его апартаменты были отделаны богато и с большим вкусом. На первом этаже в отдельной квартире была большая библиотека, а ниже, в подвале, собственный погреб дорогих вин. Этот практический человек и ворота Петербурга не был лишен и причуд: по верху каменных ледников, одной стенкой выходящих в сад «Буфф», он устроил изящный садик с цветущими кустами и цветниками, сидя в котором, можно было любоваться тем, что происходит в увеселительном саду «Буфф», куда вела потайная калитка. В этот «висячий сад Семирамиды» из квартиры Тарасова был перекинут чугунный мостик. Его одного в этой громадной квартире обслуживали много людей: повар с подручным, судомойка, прачка, две горничные и лакей Григорий, видный, красивый мужчина во фраке, которого естественно было бы принять за хозяина, так он был величествен. Почему же Тарасов жил один, не было у него семьи? Ежегодно бывая за границей еще молодым человеком, он заболел сухоткой спинного мозга; говорили, что в результате случайного знакомства с какой-то француженкой. Эта страшная болезнь изуродовала его фигуру: ходил он сильно наклонившись вперед.

Младший брат, Сергей Алексеевич, служил когда-то в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, самом блестящем из Варшавской гвардии. Сорвавшись с коня во время бешеной скачки, он повредил себе спину и вынужден был оставить военную службу. Он не мог сгибаться и держал свой корпус сильно откинутым назад, с высоко поднятой головой. Забавно

было видеть братьев, стоящих рядом в церкви всегда на одном и том же месте: один — откинувшись назад, другой — согнувшись вперед. Ходил Сергей Алексеевич в штатском, но его гордая осанка и гусарские усы выдавали прежнего кавалериста.

Он был женат, имел дочь; жена и дочь ударились в мистику, были религиозны, ездили по монастырям, собирали иконы. Этот Тарасов несколько раз избирался товарищем городского головы столицы и членом правления какого-то банка. Он был любителем садоводства и цветоводства, устраивал выставки необычайных экспонатов, выращенных его садовниками. Жил он в своем доме в 1-й Роте, занимал громадную квартиру на втором этаже, богато, но безвкусно обставленную. Было у него много разной челяди, вдвое-втрое больше, чем членов семьи.

У каждого брата были свои выезды: по три лошади — черные орловские рысаки, кареты, коляски и другие экипажи, разные сани.

Колоритной фигурой был кучер старшего брата Василий: высокий, худощавый, с бородой, с лицом аскета и жестким взглядом. Жил он в небольшой квартирке на заднем дворе, около каретника, — с женой, здоровой, цветущей дочкой и запуганным сынишкой. В семье он был деспот.

Рядом с квартирой Василия находилась конюшня, в денниках которой стояли рысаки и ломовая лошадь, обслуживавшая дом и бани. Денники были большие, содержались в чистоте, сам Василий мог завидовать житю лошадей.

Запряжка выезда — это целое представление. Горячий рысак выводился из денника самим Василием, конь весь дрожал, но, чувствуя власть опытных рук, давал себя завести в оглобли. Тотчас же рысак рассчитывался крепкими поводьями к кольцам у ворот каретника. Запрягал сам Василий, ему помогали дочь и кучер ломовой лошади. Перед выездом копыта смазывались лаком. Сбруя была отличная, но без всяких украшений. Рысак запряжен, от нетерпения он перебирал ногами, стуча копытами по деревянному полу. Начинаясь церемония одевания кучера. Сначала

длинная ватная жилетка, почти до колен (то же, что толстинка у артистов). Сверху кафтан синего сукна, зимой на меху. Потом помощники обматывали его шерстяным красным кушаком. Наконец Василий надевал низкий цилиндр с пряжкой спереди или меховую шапку, смотря по времени года. И вот на глазах происходила метаморфоза: худощавый, костлявый Василий превращался в дородного кучера богатого хозяина. Наступал самый ответственный момент: кучер взбирался на козлы, осенял себя крестным знамением, брал вожжи. Нетерпение лошади достигало высшего предела. Василий кивал головой, дочь с другим кучером «отдавали» карабины. Лошадь моментально вставала на дыбы, вынося экипаж во двор, но Василий сразу гасил ее порыв, и она, покоряясь воле кучера, нервно перебирая ногами, выезжала со двора на набережную Фонтанки, к подъезду хозяина.

Соблюдался особый фасон: кучер должен сидеть истуканом, не поворачиваться назад и не смотреть, сел ли хозяин, а чувствовать по колебанию коляски, что седок на месте и можно трогать.

Даже с опытным Василием бывали случаи такого рода: Тарасов брался только рукой за экипаж, чтобы сесть, а Василий срывался и пустой подъезжал к Кредитному обществу, а там швейцар его спрашивал: «А где же хозяин?» Хозяин же подъезжал следом на извозчике. У таких кучеров была своеобразная гордость за богатый выезд, за своего хозяина, они с презрением относились к простым извозчикам — «желтоглазым Ванькам» и к скромным прохожим. У них выработался своеобразный окрик на извозчиков и прохожих: «Э... гэп!» — с каким-то самолюбованием в голосе. Лошади у Тарасовых были бешеные, застоявшиеся, хозяин ездил мало, летом уезжал месяца на три за границу. Василию приходилось ежедневно «проезжать» лошадей. Работа была очень тяжелая: на вытянутых, напряженных руках, чуть ослабили вожжи — рысак разнесет. Надо было быть очень внимательным: улицы были тесны от экипажей; при обгоне умело лавировать, а обогнать обязательно: собст-

веннику не полагалось плестись сзади извозчиков, да и неплохо обогнать другого собственника, — все это возвышало кучера.

* * *

*И дворники в тяжелых шубах
На деревянных лавках спят.
На стук в железные ворота
Привратник, царственно ленив,
Встал, и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф!*

О. Мандельштам

Остановим свое внимание на тружениках дома — дворниках. У Тарасовых было два старших дворника и около 30 младших, обслуживавших все домохозяйство. Старшие дворники подбирали из родни или земляков себе подручных — младших дворников, здоровых, нестарых крестьян, которых деревня выбрасывала в город на заработки. В большинстве это были неграмотные или малограмотные люди, от них требовались большая сила, трудолюбие, чистоплотность и честность. Жили они по дворницким, обыкновенно без семей, своего рода артелью. Харчи им готовила «матка» — жена старшего дворника. Старшие дворники получали по 40 рублей, младшие — по 18—20 рублей. Старшие дворники были начальством — они не работали, а распоряжались и наблюдали за работой дворников. Был такой старший дворник Григорий, толстый рыжий детина, большая умница, получивший среди жильцов прозвище Министр. Каждое его слово было дельно, он умел правильно обходиться с подчиненными, дворники его уважали и боялись. Порядок на его участке был образцовый. Дворники с утра до вечера убирали улицы, дворы, лестницы, разносили дрова по квартирам (в домах Тарасовых центрального отопления, ванн и лифтов не было). Особенно доставалось этим труженикам зимой при снегопадах: надо было скребками вычистить все панели, посыпать их песком, сгрести в

кучи снег с улиц и дворов, на лошади отвезти снег в снеготаялку. Во дворе были две бетонные ямы, куда поступала из бань отработанная теплая вода, в них ссыпали снег, он таял, вода уходила в канализацию. Летом дворникам было легче, они по очереди могли уезжать в деревню: кто на пахоту, кто на сенокос, кто на уборку. Жалованье им шло: артель выполняла работу и за них. Кроме своего жалованья они получали чаевые за услуги жильцам: выколачивали ковры, завязывали и выносили вещи при отъезде жильцов на дачи, носили корзины с бельем на чердаки. Жили они очень экономно, копили деньги для деревни, где у них оставались семьи. Доход у них был также от «поздравлений» с Новым годом, с Пасхой; они знали, кто когда именинник, и обходили жильцов, проживающих по отведенной каждому лестнице. За такие поздравления им не только давали на чай, но и угощали водочкой и закуской. Многие из них старались одеться по-городскому, завести хромовые сапоги, пиджак, жилетку, гарусный шарф.

Подъезды хороших квартир обслуживались швейцарами. Они набирались из тех дворников, которые были пообходительней, состарились и не могли уже выполнять тяжелую работу. Также требовалась благообразная внешность и учтивость. Жили они в камерке под лестницей, убирали парадную лестницу (черную убирали дворники), натирали мозаичные площадки для блеска постным маслом, чистили медные ручки дверей; в общем, работа была не тяжелая, но беспокойная — ночью по звонку запоздавшего жильца надо было отпирать дверь, особенно в праздники, когда ходили в гости. Хозяин выдавал им всем обмундирование — ливрею, фуражку с золотым позументом; часто эта, пришедшая, по-видимому, с Запада, форма одежды не гармонировала с русским лицом. Швейцары пользовались заслуженным доверием хозяев квартир, часто при отъездах на дачи им оставляли ключи от квартиры, поручали поливать цветы. Как правило, кроме жалованья от хозяина они получали еще и от квартирохозяев. Они старались как можно лучше обслужить своих жильцов, оказы-

вать им разные услуги. Если приходил незнакомый человек, они спрашивали, к кому он идет, и следили за ним; если кто-нибудь незнакомый выносил вещи, они справлялись, спрашивали хозяев и тогда только выпускали. Те парадные, на которых не было швейцаров, на ночь запирались, и обслуживали их ночные дежурные дворники, вызываемые по звонку. Интересно отметить, что до самой революции в доме Тарасовых для вызова дворников звонки были не электрические, а воздушные — за розеткой кнопки находилась большая резиновая груша, от нее шла тонкая свинцовая трубка к звонку, при нажатии кнопки воздух нажимал язычок звонка и колебал его. К квартирам с лестниц звонки обычно были ручные.

Кроме младших дворников и швейцаров наблюдение за порядком несли дежурные дворники у ворот, с бляхой и свистком, зимой в тулупе, валенках и теплой шапке. Они смотрели, кто входил во двор, незнакомого спрашивали, куда идет, не пускали шарманщиков, торговцев вразнос, наблюдали, чтобы не выносили вещей без сопровождения жильцов. Как правило, эти дворники не убирали улицы и дворы, дров не носили. Ночью ворота запирались, в подворотне стояла деревянная скамья, на которой они сидели или лежали, пока не потревожит их звонок запоздалого жильца, который совал им в руку монетку.

При доме жил водопроводчик Степан, великолепный слесарь, на нем лежало все водопроводное хозяйство огромного дома, он один отлично со всем справлялся. От хозяина он имел небольшую квартиру и мастерскую. На двери мастерской висела черная доска, на ней он писал, в какой квартире работает, — его всегда можно было найти. Этот умный мастер никогда не допускал аварий, а предупреждал их, хорошо понимая, что так ему будет легче. Получал он 35 рублей в месяц. Кроме обязанностей водопроводчика он выполнял частные работы: чинил кастрюли, лудил их, исправлял разные предметы домашнего обихода жильцов и даже чинил «аристо-

ны» — музыкальные ящики. Он отличался передовыми взглядами, читал газеты, высказывал смело свое мнение, его уважали и понимали, что с ним надо считаться. Проработав около 10 лет у Тарасовых, он ушел на Путиловский завод.

Авторы этих записок уже не застали в доме Тарасовых паркетной фабрики. Вместо нее в этом весьма непрезентабельном двухэтажном здании помещались две мастерские — клавишных инструментов Мейера и столярная мастерская Шмунка. В мастерской Шмунка было два отделения: наверху работали замечательные мастера-краснодеревцы, а внизу — белодеревцы, тоже отличные столяры. Во главе производства стоял мастер Дормидонтыч — строгий сухой старик в очках, с «кляузной» бородкой, величайший знаток столярного дела — ему первому в Петербурге были поручены заказы на изготовление фюзеляжей и крыльев отечественных аэропланов на заре нашей авиации. Вскоре после этого по наследству мастерская перешла к сыну Шмунка, любителю охоты и стендовой стрельбы. Он мало интересовался делом, с увлечением все стрелял по тарелочкам, а потому «сгорел без дыма» и «вылетел в трубу» — мастерская его закрылась и была продана с молотка.

В противоположность ему Мейер, знаток своего дела, был рачительным хозяином и с успехом вел дело, выпуская недорогие инструменты. Рабочие в обеих мастерских были люди серьезные, знатоки своего ремесла. Механизации никакой не было, даже продольная распиловка досок производилась лучковой пилой. Рабочий день был по десять—двенадцать часов. Как это ни парадоксально и даже покажется невероятным, в мастерской Шмунка освещение было масляное, самого примитивного устройства: к небольшому деревянному штативу прикреплен металлический баллончик емкостью около полулитра, в нем гарное масло и фитиль — вот и все освещение. Столяр передвигал этот штатив по верстаку как ему удобнее.

Во дворе того же дома была кузница Мозалева. Владелец ее — широкоплечий, сильный, хромо́й ста-

рик в кожаном фартуке, величайший знаток и мастер по изготовлению подков и ковке лошадей.

В его кузницу приводили дорогих лошадей, подчас такую лошадь-рысака вели под уздцы два конюха, которые прямо висели на поводьях, когда она вставала на дыбы. На дворе возле кузницы был устроен специальный станок для завода туда горячих лошадей на времяковки, но у ковалей была своя профессиональная гордость — даже самых бешеных рысаков подковывать без завода в станок, а у кузнецов — сделать подкову за два нагрева. Надо отличать кузнеца, который гнул подкову по размеру копыта, от коваля, который только подковывал лошадь. Сам Мозалев совмещал обе эти специальности и однажды стал жертвой профессиональной гордости коваля: подковывал без станка злого жеребца, который разбил ему коленную чашечку.

Любо было смотреть на этих мастеров своего дела, когда почти моментально из куска стали выковывалась подкова, причем каждый удар ручника и молота был точно рассчитан и не было ни одного лишнего движения. С таким же мастерством производилась сама ковка лошадей, особенно горячих и без станка. Ловким, быстрым движением коваль схватывал ногу лошади и зажимал ее между своих колен. Быстро отгибал гвозди и молотком сшибал подкову, особым ножом расчищал стрелку и обрезал копыто. После обработки копыта коваль примеривал еще горячую подкову — рог копыта горел и шипел, издавая удушливый запах. Если подкова подходила, ее охлаждали в обресе с водой, а ту, которая немного не сходилась с копытом, сразу же кузнецы подправляли двумя-тремя ударами молота. Затем коваль пригнанную подкову пришивал к копыту специальными гвоздями, быстро их загибал, откусывал клещами лишние концы, еще два-три движения рашпилем — и нога лошади готова.

Работа в кузнице Мозалева была очень тяжелая: рабочий день с раннего утра до позднего вечера, помещение плохое, темное, сквозняки, зимой холод, летом жара. Особенно жалко было смотреть на маль-

чиков-учеников: грязные, закоптелые, потные, они раздували мехи, засыпали уголь в горны, рубили бруски стали на куски нужного размера — словом, не имели ни минуты отдыха.

Жил Мозалев с учениками-мальчиками в маленькой квартире при кузнице. У ворот в 1-й Роте висела вывеска Мозалева: на зеленом поле черный конек, а рядом с ним черная подковка величиной почти что с коня.

* * *

*А я умываюсь!
Бесится кран, фыркает кран...
Прижимаю к щекам полотенно
И улыбаюсь.*

Саша Черный

Тарасовы владели банями, которые существуют и теперь. Плата была по классам — 5, 10, 20, 40 копеек и семейные номера за 1 рубль. В дешевых классах (5 и 10 копеек) в раздевалках скамьи были деревянные, крашеные, одежда сдавалась старосте. В дорогих банях (20 и 40 копеек) были мягкие диваны и оттоманки в белых чехлах, верхняя одежда сдавалась на вешалку, а платье и белье не сдавались. В мыльных скамьи были деревянные, некрашеные. В семейных номерах была раздевалка с оттоманкой и мягкими стульями в белых чехлах и мыльная с полком, ванной, душем и большой деревянной скамьей. Банщики ходили в белых рубахах с пояском. Бани были открыты три дня в неделю, а сорокакопеечные и номера — всю неделю, кроме воскресенья. Такой распорядок был вызван тем, что была только одна смена банщиков и работали они с 6 часов утра до 12 ночи, остальные дни отдыхали. Бани в свободные дни стояли с открытыми окнами: просушивались. Кочегарка работала тоже три дня, горячая вода для высшего класса и номеров сохранялась в запасных баках. Посетителей здесь было значительно меньше, особенно утром, и банщики могли подменять друг друга и иметь

отдых. В двадцатикопеечных банях и выше веники выдавались бесплатно, а в дешевых за веник доплачивалась одна копейка. Нужно отметить особое явление, свидетельствующее о бедноте части населения: приходили женщины с малолетними детьми, покупали билет за пятак и вели с собой бесплатно малолетних детей, несли узел белья, чтобы постирать. Это снисходительно допускалось. Особенно много народу бывало в банях по субботам: все считали нужным помыться на воскресенье после трудовой недели. В каждом классе была парная с громадной печью и многоступенчатым полком, на верхней площадке которого стояло несколько лежаков. Любители попариться поддавали пару горячей водой, а то квасом или пивом, чтобы был особо мягкий и духовитый пар. Надевали на головы войлочные колпаки, смоченные в холодной воде, залезали наверх и, стараясь друг перед другом, хлестали себя вениками до полного умопомрачения, сползая оттуда в изнеможении красные, как вареные раки. С трудом добирались до первого крана и обливались холодной водой. Потом садились на нижнюю ступень полка и отдыхали. Тут начинались уже высказывания такого рода: «Пар сегодня силен, дошло до самого нутра, косточки все стали на место, в грудях полегчало, и проклятая ревматизма, кажись, отпустила».

В большинстве домов Петербурга, даже в выстроенных в описываемое время, ванн было мало, а потому существовали в банях дорогие классы, отдельные номера и семейные бани для зажиточной публики, которую банщики обслуживали с особым рвением: помогали раздеться, одеться, вытирали и даже умудрялись делать примитивный педикюр, за что получали особые чаевые. Здесь после мытья клиенты отдыхали в раздевалке, куда им приносили пиво, прохладительные напитки. Здесь заводились разговоры, читались газеты — клиентов не торопили, как в дешевых классах, где банщики понукали народ не расслаиваться: мол, «местов свободных мало, народ ждет». Нанимали банщиков и для парения и мытья, большинство их были прекрасными специалистами сво-

его дела: в их руках веник играл, сначала вежливо и нежно касаясь всех частей тела посетителя, постепенно сила удара крепчала, пока слышались поощрительные междометия. Здесь со стороны банщика должно быть тонкое чутье, чтобы вовремя остановиться и не обидеть лежащего. Затем банщик переходил к доморощенному массажу: ребрами ладоней как бы рубил тело посетителя, затем растирал с похлопыванием и, наконец, неожиданно сильным и ловким движением приводил посетителя в сидячее положение.

Банщики жалованья не получали, довольствовались чаевыми. Их работа была тяжелая, но в артели банщиков все же стремились попасть, так как доходы были хорошие, а работа чистая. К тому же при бане было общежитие для холостых и одиноких. Кочегары, кассиры и прачки были наемные и получали жалованье. Самое доходное место было у коридорных семейных номеров: там перепадало много чаевых за разные услуги. В семейные бани был отдельный вход через парадное дома в 1-й Роте.

Этот дом, между прочим, некогда служил долговой тюрьмой, так называемой «Тарасовской ямой», в которую сажали должников-банкротов. Плату вносил заимодавец, он же был обязан кормить посаженного. Такие лица сидели до тех пор, пока родственники или друзья их не выкупят, уплатив долг. А иногда (к счастью для заключенного) заимодавец отказывался его оплачивать; убедившись, что ничего с него не получишь, его выпускали.

Описывая «банное дело» братьев Тарасовых, нельзя не вспомнить весьма примечательную фигуру — кассира Никиту Максимовича.

Вначале, в молодые годы, он работал коридорным при номерах. Разбитной, очень услужливый, красивый ярославец вскоре обратил на себя внимание своей деловитостью и смышленостью и был выдвинут на должность кассира бань. Шли годы. Никита Максимович толстел и своим благообразным видом стал походить и лицом и фигурой на знаменитого композитора Глазунова. Но впоследствии было обна-

ружено, что сходство его с этим благородным, безупречным человеком исключительно внешнее. На самом деле он оказался большим мазуриком: помимо билетов Тарасовых заказал рулоны собственных билетов и начал бойко ими торговать: один билет настоящий — Тарасова, другой — свой. Начала заметно уменьшаться доходность бань, а фигура кассира начала полнеть. Кассир стал одеваться по последней моде, носил булавку в галстук, запонки с бриллиантами и двубортную золотую цепь, на одном конце ее золотые часы, а на другом — золотой секундомер, необходимый ему при игре на бегах. А жалованье имел небольшое, рублей 70, и квартиру при бане с отоплением и освещением. Кроме этой аферы он делал коммерческие махинации при приемке угля и дров для бани и имел доход от поставщиков пива и лимонада. Художества его были вскрыты и доложены хозяину. Тарасов сказал: «Выгнать этого подлеца немедленно». Управляющий доложил: «У него семья, надо дать ему время пристроиться». — «Черт с ним, дайте ему срок две недели, а потом предоставить ему лошадь для вывозки имущества».

Тарасов и его управляющий оказались наивными людьми: Никитка уже арендовал две бани в Петербурге, о чем ни Тарасовы, ни их управляющий ничего не знали. Собрался он в два дня: квартира у него уже была при арендуемых банях — и закатил такое новоселье с шампанским, что приглашенные только ахали. Поразил он гостей еще и тем, что под утро развозил их домой на собственном выезде.

Вот какой был «подлец Никитка» и как его наказал Тарасов, уволив его, не отдав под суд и предоставив для выезда свою лошадь!

Имелись сведения, что этот «подлец Никитка» процветал до самой революции, увеличивая свое богатство и благосостояние. Он сделался купцом, хозяином бань!

Во дворе дома, в бедных квартирках, жили ремесленники, портные и сапожники. Настоящих портных было мало — один-два человека, которые работали на дому на известных портных Петербурга —

Мандля, Каддыка и др. Главным же образом жили портные-латалы, которые занимались починкой старых вещей. Это были в большинстве неудавшиеся или спившиеся портные, которые за малую плату перешивали, перелицовывали, отпаривали, чинили одежду скромных людей. Жизнь их была беспросветной: непроходимая нужда, полуголодное существование семьи; единственной радостью для латалы было выпить косушку и забыться.

В деревянном флигеле, которого теперь уже нет, жили сапожники. Жизнь этого люда была тоже незавидная: теснота, духота, угловые жильцы, которые восполняли скромный бюджет бедных квартирохозяев. В одной комнате помещались и мастерская и жилье. У сапожников были свои «Ваньки Жуковы» — несчастные мальчишки-ученики. Классическим примером таких сапожников был в тарасовском доме Тимофей Иванович Куликов, по прозванию Кулик. Это был мелкий хозяйчик-сапожник, снимавший квартирку из двух комнат и кухни. Тщедушный, с козлиной бородкой, великолепный мастер и столь же великолепный пьяница.

В домах по 1-й Роте находились четыре магазина — табачный, аптекарский, молочный и булочная.

Магазин назывался табачным, но продавались в нем кроме папирос, табака и гильз разного рода бумага, тетради, канцелярские книги, альбомы для открыток, сами художественные открытки, письменные принадлежности и т. д.

Маленький аптекарский магазин содержал еврей Менекес, скромный, низенький, болезненный человек, очень любезный с покупателями. Приказчиков он не имел, жил с семьей при магазине. Торговал парфюмерной мелочью и всякими аптекарскими товарами. Особая торговля была у него перед праздником православной Пасхи. К нему по поручению своих хозяек приходила прислуга, держа перед собой в обеих руках громадные опарные горшки, в которых находилась закваска для будущих куличей. В эту закваску за рубль Менекес капал одну каплю розового масла. Теперь понятно, почему приходилось нести

весь горшок, — ведь ни в какой таре такую покупку не унесешь. От одной такой капли от куличей шел замечательный аромат.

Булочная и кондитерская принадлежали немцу Рейнефельду, великолепному мастеру своего дела.

В полуподвальном помещении под булочной помещалась пекарня, где рабочие, как грешники в аду, с утра до вечера стояли у раскаленных печей, выпекая всевозможные булки, «венский товар», торты, «баумкухены» и всевозможные печенья. Кондитерская была очень хорошая, товар ее образцовый, она принимала заказы на именинные пироги, торты и т. п. В магазине и пекарне соблюдалась образцовая чистота, все ходили в белых халатах и колпаках. Сам Рейнефельд ходил тоже весь в белом, в колпаке и принимал при выполнении особо ответственных заказов деятельное участие, не доверяя мастерам, создавал изумительные «баумкухены», крендели, корзины из сахарного теста, которыми прославился его магазин. Это была кондитерская первого класса, и пирожные стоили там дороже — четыре копейки, а не три, как у остальных.

Кроме мастерских и магазинов в этом же доме помещались 10-я казенная гимназия, частная женская гимназия Хитрово и четыре городских училища.

* * *

С расчетом жили люди, замахиваясь в своих делах и планах на десятки лет, жили плотно, часто лениво, иногда скучно, но всегда сытно,нося в себе эволюционные семена более... бойкого будущего.

А. Аверченко

Переходим к описанию частных квартир и их жильцов, некоторые из них были очень типичны для старого Петербурга. В доме находилось около двухсот квартир самого различного размера и качества — от барских до более чем скромных квартирок

для малоимущих семей. Жильцов пускали с разбором, имея в виду их платежеспособность и скромное поведение, для выяснения чего старшие дворники посылались на старое место жительства за сведениями. И действительно, в домах Тарасовых ни буянов, ни скандалистов, ни пьяниц, ни воров, ни безысходной нищеты не было. Если и попадали в виде исключения подобные лица, то им давали «выездные» 3—5 рублей и ломовую подводу — только выезжай.

Среди проживающих были люди разного общественного положения и состояния. Жили высшие чиновники, гвардейские офицеры с неприступным видом. Проживал даже товарищ министра финансов. В более скромных квартирах жили учителя, врачи, менее важные чиновники, собственники мелких предприятий. Еще более скромные квартиры занимали ремесленники, квалифицированные рабочие и прочий трудовой люд.

Товарищ министра Садовский был невысокий сухощавый старичок в паричке, скромно одетый, верхнее платье носил штатское, зимой — барашковую шапочку. По внешнему виду никак нельзя было предположить, что это почти министр. Ездил он «в должность» на извозчике за 20 копеек, на приветствия дворников снимал шапочку.

Примечателен был чиновник высокого ранга Петр Петрович. Необычайно любезный, со всеми он почтительно раскланивался, говорил каким-то особо сладким голосом: «Здра...ствуй...те!»

Был и такой чиновник, который имел мировоззрение начала XIX века, когда процветали «держиморды». Детишкам, которые играли и шумели под его окнами, этот мелкий чинуша, покраснев как клюква, кричал: «Я вас выселю в двадцать четыре часа!» А дети при встрече с ним говорили: «Здравствуйте, двадцать четыре часа!»

Жил отставной балетный артист Михайлов, высокий, стройный, с гордой осанкой старик. Ходил он всегда в цилиндре, в пальто старомодного покроя, а летом в крылатке «альмавива», в сырую погоду носил

только кожаные галоши — резиновые презирал. На его большом носу всегда красовалось золотое пенсне со шнурком. Жил он один, обслуживала его старушка прислуга. Чувствовалось, что чем-то он в жизни обижен. Квартирка у него была маленькая, получал он небольшую пенсию и дотацию от Тарасовых. Говорили, что он был единокровным братом Тарасовых от связи их отца с какой-то «балетной». Иван Михайлович был нелюдим, по-видимому, всю жизнь его угнетало, что он незаконнорожденный и не выбился в крупные артисты.

Проживал в доме мелкий подрядчик малярных работ Николай Николаевич Соколов — красивый, чернобородый. Он долго сам работал маляром, а когда его хозяйчик умер, товарищи его — маляры той же артели — попросили его взять все дело на себя, чтобы они могли продолжать по-прежнему спокойно работать. Все они были связаны между собой каким-то родством. В горячее время Соколов надевал на себя передник и брал в руки малярную кисть. Был он малограмотный, писал ужасные «щета», разобраться в которых никто, кроме него самого, не мог. Писал он плохо, но работал хорошо, никогда никого не обманывал, капитала не нажил. Случилось так, что на каком-то подряде он напоролся на жулика, — и этот добросовестный человек, прогорев в пух и прах, обратился в первоначальное состояние — опять стал простым маляром.

В доме всегда можно было видеть и высокого плотного старика в старой военной фуражке, в поношенной одежде, явно с чужого плеча, и в сапогах с истертыми голенищами. Кто он был, откуда появился — никто так никогда и не узнал. Звали его просто Василием. У него, бедняги, ни комнаты, ни угла не было, жил он только на случайные заработки: кому уложит дрова в подвал, кому поднесет чего-нибудь — тяжелый чемодан, сходит за водкой, если его пошлют, вообще оказывал разного рода мелкие услуги даже дворникам и прислуге, однако никогда не был их конкурентом в получении чаевых. Если он видел, что хочет заработать дворник, он тактично отходил

в сторонку. Говорили, что он не имеет паспорта, что нигде не прописан, ходили слухи про его якобы темное прошлое.

Летом он ночевал на сеновалах или в сарайчике на вениках при бане, зимой же находил себе ночлег либо в кочегарке, либо в дворницких. Человек он был незлобивый, ни с кем не ссорился, все в доме относились к нему снисходительно, полиция его не трогала: вид и возраст не возбуждали подозрения околоточного. Жильцы его подкармливали, давали ему старую одежонку. Так он и жил, как «птица небесная». Исчез он как-то незаметно, неожиданно, никто не мог сказать, куда девался человек; через два-три дня о нем и забыли.

* * *

Как сказано было выше, домовладения Тарасовых не ограничивались описанной группой домов. Тарасовым принадлежала богадельня на Охте. Дед Тарасовых женился на дочери богатого купца, красавице Анастасии, и получил в приданое миллион. Через месяц после свадьбы молодая жена умерла. Тогда ее муж по своей купеческой спеси сделал гордый выпад, который поразил всех толстосумов: возвратил этот миллион отцу покойной жены, заявив, что не считает возможным воспользоваться этими деньгами, так как был женат всего один месяц. Папаша умершей, такой же «гордый» купец, не принял этот миллион, сказав, что наследником после умершей жены является Тарасов и что чужих денег не берет. Так они перекидывали этот миллион несколько раз. Наконец вдовец нашел выход, который мог удовлетворить обе стороны, не задевая их самолюбия; он сказал строптивому тестю: «Деньги пойдут не тебе, не мне, а Богу», построил богадельню на Охте и положил капитал на ее содержание. Эту богадельню он назвал в честь своей любимой, безвременно умершей жены Анастасиинской. В богадельне содержалось 100 человек: 50 стариков и 50 старух, все они были уроженцами Охты. Это должно было напоми-

нать о том, что предки Тарасовых, вывезенные из Костромы для постройки кораблей, были поселены Петром I на Охте.

Богадельня занимала громадный участок земли с двухэтажными каменными постройками и церковью хорошей архитектуры. При богадельне был большой сад и огороды с парниками. В то время, о котором мы пишем, богадельней заведовал прогоревший гостинодворский купец Калошин, которого Тарасов устроил смотрителем богадельни. Это был красивый, величественный старик, добродушный, вполне смирившийся со своим положением, сохранивший живость ума и природный юмор. Он умело командовал своей сотней стариков и старух, подчас капризных и глупых, с неуместными претензиями, и мог любую склоку обратить в шутку. Это создавало в богадельне хорошую, спокойную атмосферу. В богадельне была традиция, появившаяся при смотрителе Калошине, — по воскресеньям пеклись пироги с мясом, а в посты — с рыбой, грибами, гречневой кашей. Старики и старухи, опасаясь, как бы не было обмана в порции, доверяли резать пироги только одному Калошину.

Надо было видеть эту картину: на столе в столовой лежат горячие пироги, издавая дразнящий запах. Вокруг стоят в нетерпеливом ожидании торжественно настроенные старики и старухи, простоявшие уже натошак обедню в церкви. Наконец появляется Калошин в домашних туфлях и поношенной куртке. Начинается священнодействие: ловкими движениями ножа в его пухлых руках румяные пироги нарезаются на большие равные куски. Затем Калошин приказывает подавать обед, читается молитва, и старики и старухи, удовлетворенные справедливостью операции над пирогами, чинно рассаживаются и приступают к обеду. Калошин обходит столы, шутит с обедающими, а затем уходит обедать в свою квартиру. В большие праздники и в день памяти Анастасии бывали большие, торжественные богослужения и улучшенный обед с рюмочкой красного вина.

Надо признать, что содержание призреваемых

было хорошее, купцы старались не ударить лицом в грязь, ведь рядом была богадельня Елисеева. Одним были недовольны жители богадельни — на руки им выдавали только рубль в месяц. Но из этого они находили выход: рядом было кладбище, любители выпить или полакомиться, которым не хватало этого рубля, просили там милостыню. Это запрещалось Калошиным, так как позорило богадельню. Но борьба с этим попрошайничеством успеха не имела, ведь, кроме увещевания, никаких мер не принималось.

«Благодеяния» Тарасовых принимали иногда странные формы. Состарилась ломовая лошадь, работавшая при банях. Ее отправили в ту же богадельню. Летом она паслась на приусадебном участке и, кроме того, ее кормили объедками. Разъелся Васька и стал похож на пивную бочку на коротких подставках. Там и окончил он свой жизненный путь и был закопан за огородом.

Сами Тарасовы не считали для себя пристойным управлять всем своим имуществом и входить в повседневные дела. У них был управляющий, доверенное лицо — Андрей Иванович. Это была колоритная фигура: громадного роста, мужественного вида, умный и добрый человек, он спокойно и со знанием дела управлял всем хозяйством. Контора его состояла из него самого и конторщика Степана, изуродованного, горбатого парня, которого злые люди прозвали Квазимодо. Не избежал прозвища и сам управляющий, его прозвали Гарибальди, и действительно он напоминал Гарибальди, когда летом ходил в широкополой шляпе и коротком пиджаке.

Гарибальди служил у Тарасовых долго, снискал себе уважение, начиная от дворников и кончая самим хозяином. Уважали его и жильцы, и все, кто с ним прикасался.

ЖИТЕЛИ ДОХОДНОГО ДОМА

*Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...*

В. Брюсов

*Когда я новый дам
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою.*

Демьян Бедный

На предыдущих страницах читатель познакомился с примером старинного, несколько патриархального домовладения, которое постепенно уже на наших глазах уступало место другому типу хозяйств, более соответствовавшему новому городу, развивавшемуся в сторону торгово-промышленного уклада жизни. Это выразилось в строительстве доходных домов, с неслыханной быстротой выроставших по всем улицам центральной части города. Были дома, рассчитанные на сдачу внаем квартир как обладателям порядочных средств, так и людям более скромного достатка, да и служащим с весьма ограниченным бюджетом. В таких домах квартиры были соответственно различной стоимости и различного качества. Таким образом, в доме получался конгломерат разнохарактерных, не смешивающихся между собой съемщиков, объединенных лишь интересами территориальными: ближе к месту службы.

Другой тип доходных домов был рассчитан исключительно на жильцов с большими средствами,

требующих квартир со всеми удобствами, людей, имеющих собственные выезды или даже автомобили и не заинтересованных в близости к месту службы, а стремящихся к общению с себе равными. Там квартиры были все одинаково благоустроены, отличались лишь величиной да расположением окон — на запад, на восток, на юг — да по этажам. Такие дома вырастали на бойких местах: на Каменноостровском, на Больших проспектах Васильевского острова и Петербургской стороны, на Фонтанке, Мойке — словом, по всему городу. Здесь уже подвизались такие крупные архитекторы, как Л. Бенуа, Лидваль, Щуко, Белогруд, задача которых была объединить традиции города — «строгий, стройный вид» — с требованиями новой, деловой жизни, что им вполне удалось.

* * *

Один из авторов, будучи студентом, проживал в первом типе доходных домов и потому наблюдал жизнь самых разнообразных семей, разных сословий. Этот дом был построен в 1910 году на месте двух небольших деревянных домиков, снесенных энергичным подрядчиком, на углу Забалканского проспекта и Таирова переулка. Двор-колодец был настолько тесен, что никаких подсобных помещений не было — ни сараев, ни дровяников, поэтому дрова завозились подводами со складов и тотчас разносились дворниками по квартирам, что создавало в них неуютную атмосферу и мусор. Дом этот имел 7 этажей, соседний тоже был высок, так что квартиры, выходящие на двор, были полутемными.

В нижних этажах помещались магазины, на вторых — конторы. С третьего до мансарды шли квартиры — чем выше, тем дешевле; на улицу выходили окна только одной стороны дома.

В доме были лифты и телефоны, но только внизу, поэтому верхних жильцов вызывали для разговора в контору. Тот же швейцар поднимал жильцов в лифте, за что каждый платил по 2 рубля в месяц.

Невольно съемщики квартир одного и того же

этажа оказывались близки по жизненному укладу. Так, жители мансардного этажа, где было 3 квартиры, были люди средней руки: там жила семья приказчика, семья военного фельдшера и семья портного. Всем им было накладно платить 35 рублей в месяц за квартиру, поэтому они сдавали одну из трех комнат студентам Института инженеров путей сообщения, который находился поблизости. Если жил один студент, он платил 16 рублей; если жили двое — 20. На обязанности квартирохозяев лежала уборка комнаты с натиранием пола и кипяток утром и вечером.

Жильцы были, конечно, люди с разными привычками и своими особенностями сообразно профессии. Приказчик придавал большое значение наружности — одевался по моде, был чисто выбрит, надушен, что часто заменяло телесную опрятность. Относился к жене свысока, выдавая ей деньги на день, требуя отчета. Похаживал с другими приказчиками в театр, жене и дочери давал деньги только на кино. С людьми, по положению вышестоящими, разговаривал угоднически, раскланиваясь и прибавляя — привычка магазина — к словам «с»: «Так точно-с», «С добрым утречком-с!»

Военный фельдшер, с утра до вечера принимая больных, лечил от всех болезней главным образом приказчиков Сенного рынка. Был весьма самоуверен и, в душе завидуя врачам с образованием, говорил, что основное в медицине практика, а не теоретические знания, за которые профессора «зря дерут с больных большие деньги». Тем не менее он не запрещал своим пациентам называть себя профессором. Жили они с женой скучно и копили деньги.

Самым многосемейным и приятным в общении был третий жилец, портной. Скромный, работающий человек, очень начитанный и по убеждению толстовец. Он шил на дому верхние дамские вещи от магазина-ателье Страубе, помещавшегося на Морской. Ателье было модное, заказчицы состоятельные и капризные. Из магазина ему приносили выкроенные заготовки с рисунками фасонов. Заказы он выполнял точно в срок, и в этом часто ему помогали дети,

ученики школ. Рабочий день этого труженика начинался рано — уже в 6 часов он сидел на своем громадном портновском столе и что-то напевал себе под нос. Можно было иногда различить какую-нибудь арию из оперы. Он шутил, слезая в 12 часов ночи со стола: «Да здравствует 18-часовой рабочий день!» Он считал необходимым летом вывозить семью на дачу, сам же оставался в городе и работал. Иногда ходил слушать оперетту в сад «Буфф». Собеседник он был интересный, со своеобразными взглядами — считал, например, что думать можно только при шитье. Все эти три семьи меж собой почти не общались.

Этажом ниже мещанская семья из пяти человек снимала квартиру за 40 рублей, явно не по средствам: глава семьи, мелкий служащий, получал маленькое жалованье. Приходилось экономить каждую копейку, чтобы дети были одеты «не хуже других». Как «другие», родители хотели отдать детей в гимназию — значит, платить 60 рублей; возникало много неразрешимых вопросов. Приходилось унижаться, где-то выискивать дополнительные заработки, идти на всякие ухищрения, только бы не отстать от каких-нибудь Н. Н., которые сами-то тянулись за более состоятельными. Мать рыскала по городу по дешевым распродажам, переделывала, перелицовывала старое. Для поддержания необходимого знакомства надо было иногда принимать гостей; старались и здесь с угощением не ударить в грязь лицом, выходя при этом из возможностей бюджета. А главное — скрыть свое недостаточное состояние от взоров других. Внушали лицемерие и детям: не брать при гостях лишнее яблочко, при этом делать вид, что сыты и ничего не хотят. Неотступно головы этих людей сверлила мысль скрыть прорехи. Старшей дочери, «на выданье», внушалась мысль, что от ее брака зависит возможность исправить материальное положение семьи. Девушка привыкала к этой мысли и сама искала себе «подходящего», т. е. пусть старого и нелюбимого, но побогаче. Так возникали несчастные браки.

*Руки в боки: ей, лебедки,
 Нам плясать пора.
 Наливай в стакан мне водки —
 Приголубь, сестра!*

А. Белый

Без зависти и лжи протекала жизнь другой семьи, ютившейся в невзрачной квартирке во дворе, состоявшей из комнаты и кухни. Отец семьи, слесарь на Варшавском вокзале, зарабатывал примерно столько же, сколько глава только что описанной семьи, но его девиз был: «По одежке протягивай ножки». Добросовестный мастер и серьезный человек. Его дочь, работница на заводе «Треугольник» (отчего от нее пахло резиной), приучилась в рабочей среде держаться независимо и, несмотря на протест родителей, вышла замуж за полюбившегося ей парикмахера. Отец не благоволил к будущему зятю: с его точки зрения, занятие парикмахера не настоящая работа и вообще это народ ненадежный. Друзья его утешали: «Ничего, дочка твоя в обиду себя не даст, она его еще скрутит».

Венчались они в церкви — это было обязательно, так как оформление брака совершалось по церковным книгам. В церковь и из церкви ехали на извозчике. А свадьбу справляли в парикмахерской, которую держал товарищ жениха. Сам жених только еще мечтал о таковой. В задней комнате парикмахерской был накрыт стол. Туда же были втащены кресла для клиентов, на которых восседали жених и невеста, на другой паре кресел — посажёный отец жениха и отец невесты — кумовья. Остальная публика сидела на притащенных из домов табуретках, стульях, скамейках. На столе водка, пиво, вино. Закуска — студень, селедка, разная колбаса, окорок ветчины, из сладостей — карамель, пряники, яблоки. Громко поздравляли, кричали «горько». Молодые целовались. После того как все порядочно выпили, лица одних покраснели, а других побледнели, хозяйка подала ку-

риный суп с лапшой и пироги с саго. Теперь выпивать начали под обед, в комнате становилось все жарче и шумней. Молодые разломали «дужку» — куриную косточку от грудки — и начали сравнивать обломки: у кого кончик больше, тот дольше проживет — такова была традиция в простых семьях. Оказалось, что обломок косточки у жениха короче, чем у невесты, — значит, он умрет раньше. Молодой расстроился и для успокоения «хлопнул» стакан водки. Когда пришел опоздавший гармонист, жених спьяну стал его ругать и хотел выгнать вон. Но с мест сорвались женщины, вцепились в гармониста, не пустили его и посадили за стол, набросились на жениха за его грубость. Тут вмешался посажёный отец и звучным голосом перекрыл начинавшийся скандал, предложив за гармониста выпить, что гостей воодушевило. Конфликт был погашен. Подросли еще опоздавшие, которых посадили на тумбочки против зеркал. Один из них, быстро «догнавший» пирующих, стал строить в зеркале страшные рожи, пугая девиц, — визг, хохот. Наконец гармонист приступил к своим обязанностям. Мастер своего дела, он играл не только руками, но и ногами. Да, да! Не удивляйтесь. В руках у него большая гармонь, а под ногами (босыми!) — особая басовая гармонь-мех. На крышке этого инструмента располагались костяные кнопки-клапаны. Одной ногой он раздувал мех, а другой нажимал на кнопки-клапаны, получалось, во всяком случае, громко, да и мелодия звучала неплохо. Начал он с марша «Варяг», затем перешел на марш «Тоска по родине», что вызвало неуместные в данном случае вздохи и всхлипывания. Но тут женщины потребовали «Русскую», и настроение резко изменилось к лучшему: кто подпевал, кто пустился в веселый пляс — излюбленную кадрили в четыре пары с пристуком каблучками. Молодой «вышел из строя», а молодая была очень оживленной и плясала то с тем, то с другим кавалером. В порыве пляски молодая не заметила, что туфелька, купленная по дешевке на Александровском рынке, лопнула по швам, не выдержав жестких плиток пола и бурного пляса. Пока молодежь

плясала, пела, старшие сидели за столом, пили чай и разговаривали о делах. Отец молодой принялся опять ворчать на нерадивость молодого, выбравшего ненадежную специальность; его утешали, а мать загрустила, что «не будет дочки, остались одни мальчишки». А мальчишки сидели дома, хоть младший и нес среди шествия, как полагалось, икону. Их отправили домой.

Гости разошлись часа в три ночи. Молодожены поехали в скромную комнату мужа, которую он снял поблизости. Эти простодушные, искренние люди веселились от души, не жалея каблуков и сапог. Ни за кем они не тянулись, ничего не скрывали, не лицемерили.

Слова некоторых гостей, что молодуха заберет мужа в руки, полностью оправдались. Парикмахер перестал много пить, вел себя исправно и через некоторое время вошел в пай к своему товарищу и стал одним из хозяев парикмахерской, в которой справлял свою свадьбу.

* * *

Владельцами средних этажей с большими, благоустроенными квартирами были главным образом купцы.

В Петербурге купечество, куда входили владельцы домов, торговых заведений, фирм, подрядчики, всякого рода поставщики, было большой силой. «Серых» купцов в наше время уже было мало, времена героев Островского миновали. Купцы были теперь в большинстве случаев образованными людьми в своей области, кончали коммерческие училища — Екатерининское, Петровское, а дети их поступали уже в университеты, в институты, учились музыке, языкам. Родители старались выдать замуж своих дочерей за чиновников, офицеров, роднились таким образом с дворянами.

Быт в этих семьях был своеобразным — терял постепенно черты прежнего купечества, но и не получил еще внешнего лоска аристократии, к которой тянулись.

Типичным образцом такой семьи была семья подрядчика О., жившего в нашем доме на третьем этаже. (Вскоре он переехал в фешенебельный район — на Сергиевскую, — в свой собственный дом, заняв целый этаж.)

Крупный подрядчик О. вел большие строительные работы и имел несколько домов в Петербурге. Семья большая, но прислуги он держал немного, часть работ по дому выполняли дочери и разные приживалки. Обстановка в квартире была солидная, добротная, уже без всяких модных вывертов и купеческих архаизмов вроде золоченой мебели. В кабинете хозяина в стену был вделан несгораемый шкаф, который говорил о том, что О. ворочал крупными делами. Он был большого роста, с бородой, дородный, осанистый, в свое время кончил Екатерининское коммерческое училище и имел звание коммерции советника и почетного гражданина Петербурга. Два старших сына учились в университете на математическом факультете, третий после окончания гимназии пошел в драгунский полк вольноопределяющимся. Обе дочери кончили гимназию. Жизнь в доме шла размеренно, по-деловому. Сам О. был очень занят, ездил по работам, в банки, заключал сделки, проверял рядчиков, десятников, составлял счета, проверял сметы. Дома ему приходилось подолгу сидеть у себя в кабинете и работать. В обычные будние дни в доме было тихо, скучновато, все занимались своими делами. Стол у них был самый простой, без всяких деликатесов. Молодежь в церковь не ходила, самому О. приходилось, так как он был старостой в одной из близлежащих церквей. Молодежь интересовалась театрами, концертами, ходила на балы, не отставала от обычной столичной молодежи зажиточного слоя. Одному из авторов довелось побывать в этом доме. Когда наступали праздники и семейные торжества, собиралось много гостей, хозяева умели их принять богато и радушно. Гости говорили о делах и политике. Люди были солидные, что называется — «с весом», в прямом и переносном смысле. Фраков было мало, большинство сюртуков. «Матроны»

купеческого звания, разодетые по случаю праздника, несли на своих дородных шеях тяжелые золотые цепи с громадными кулонами и медальонами с драгоценными камнями. Золото и дорогие камни выставлялись напоказ, подчеркивая благосостояние семьи. Собиралась молодежь, в большинстве учащиеся — студенты, товарищи сыновей хозяина, барышни — подружки дочек. Курсисток среди них почти не было — в этом кругу считалось, что удел девушки — выйти замуж за «хорошего» человека, иметь свой дом и семью. Под словом «хороший» разумелось, что этот человек должен быть, в первую очередь, состоятелен, деловит, иметь связи в обществе, служебное положение. Среди гостей были и люди с малым достатком, зависимые от хозяина, некоторые даже и незваные, считавшие своим долгом прийти с поздравлением. Хотелось им покушать и выпить. Держали себя эти гости скромно, в разговор сами не вступали, больше поддакивали и соглашались с мнениями «солидных» людей. Когда все гости собрались и попили чайку, начиналась отчаянная игра в карты; игры были только азартные, процветали «железка», польский банчок, «двадцать одно», знаменитая «стукалка» с ее тремя ремизами. За дамскими столами играли в «девятый вал», менее азартную игру.

А что делала в этом доме молодежь? Сначала она пыталась потанцевать, наладить разные игры, успехом пользовались шарады, требовавшие артистизма. В квартире был большой зал, всегда приглашался тапёр; казалось бы, молодежь должна по-молодому и развлекаться. Но зараза азартной карточной игры не миновала и их: вскоре они рассаживались по столам и начинали играть в карты. Только небольшая кучка молодежи продолжала искренне веселиться, шутить, вести интересные разговоры, делиться впечатлениями.

В описываемое нами время азартная карточная игра в Петербурге была каким-то поветрием: играли в клубах, в богатых домах, играли в средних и бедных семьях, играли в вагонах дачных поездов, и на

окраинах города, и во дворах. По-видимому, многие были заражены жадой легкой наживы.

Часов в 12 ночи подавался первый ужин. Начинаясь ужин обильными закусками: икрой, семгой, копчеными сигадами, всевозможными деликатесами. Привлекала внимание громадная осетрина или лососина на мельхиоровом блюде с разнообразным гарниром, с приколотыми по хребту особыми красивыми шпильками вареными раками. После закуски подавались обычно два горячих блюда — рябчики, куропатки, индейки, что-нибудь еще рыбное или мясное.

В заключение десерт — пломбиры, фрукты. Все это обильно заливалось всевозможными водками и винами. Такой стол был приготовлен для солидных, почетных гостей. Для менее почетных и для молодежи стол тоже был хороший, но уже не тот: вина подешевле, дорогих закусок поменьше.

После ужина опять садились за карты. Теперь начиналась самая настоящая крупная игра. После сытного ужина и выпитого вина сдержанность уменьшалась, толстосумы старались показать свое денежное величие. И даже во время азарта каждое слово взвешивалось этими деловыми людьми, потому что и за карточным столом нужно было проявить себя человеком сдержанным и умным, с которым можно вести дела.

Другие карточные столы тоже «работали вовсю», только игра там шла помельче, а азарта было и побольше. После ужина танцы иногда возобновлялись, но быстро кончались. Все предпочитали танцам карточную игру. Если две-три пары хотели потанцевать, всегда находился человек из гостей, который умел играть танцы. В это время гостей обносили кофе с ликером, коньяками, угощали чаем с тортами, предлагали шоколадные конфеты. Часам к шести утра собирался второй ужин, в общем повторение первого, но гости, усталые, «поработавшие» здорово за карточными столами, выглядели сонно, не проявляли ко второму ужину того интереса, который был при первом. Разговоры велись другого порядка: какие пред-

стоят деловые встречи, вспоминали промахи за карточным столом, остряли и подсмеивались над неудачником, благодарили хозяев и вскоре разъезжались, оставляя усталых хозяев и сбившуюся с ног прислугу.

Подобных домов в Петербурге было немало. Отцы учили своих сыновей «уму-разуму»: как «делать деньги», составить состояние, для чего надо уметь хитрить, обманывать, поступаться своей совестью. Но сыновья редко выполняли наставления отцов — одни из них только проживали отцовские денежки, а другие выбирали себе совсем иной путь — становились врачами, адвокатами, инженерами. Девицы выходили замуж. В описываемом доме старшая дочь не засиделась в девках, как говорили, потому что была хороша собой, и даже составила хорошую партию с точки зрения родителей, т. е. вышла за правоведа, войдя, таким образом, в аристократический дом. Со стороны родителей молодого человека препятствий не было, хотя еще лет 10 назад такой брак, может быть, и считался бы мезальянсом.

Небезынтересно описать такую свадьбу, где лицом к лицу встречались три мира (так было и в этой семье): родители и знакомые невесты — люди денежные, коммерческие — купцы; со стороны жениха — представители аристократии, друзья — правоведа и офицеры гвардии; и, наконец, как бы третье сословие — интеллигенты, окончившие высшие учебные заведения. Но, несмотря на такие социальные различия, атмосфера была непринужденная, веселая, что свидетельствует о стирании сословных границ в описываемое время. (Это, однако, не касалось домов придворной чопорной аристократии.)

Свадьба игралась в доме невесты. Почетным гостям были заранее разосланы двухсторонние, золотом напечатанные приглашения: с одной стороны — приглашение от родителей невесты, с другой — от родителей жениха. Обряд венчания совершался в церкви, где отец был старостой. Поэтому хор большой, все певчие особенно старались, все паникадила горели. Съезд был большой, приезжали все в каретах.

Невеста с фатой, с флёрдоранжем, в белом платье с длинным шлейфом, от непривычки несколько затруднявшим движения девушки. Жених во фраке, как и его товарищи правоведаы; военные — в полной парадной форме.

После венчания кареты понеслись к дому невесты. Молодожены и гости были встречены оглушительными звуками военного оркестра, никаких слов слышно не было, видны были только радостные лица, открытые рты, пытающиеся перекричать оркестр. Никаких старинных обрядов вроде встречи с хлебом-солью, обсыпания хмелем, подстилания ковриков и наблюдения, кто первый, жених или невеста, вступит на коврик, не было.

Столы были накрыты в зале — для почетных гостей, в столовой и малой гостиной — для остальных. Под звуки оркестра публика начала рассаживаться, занимать свои места по именованным карточкам, вложенным в бокалы. Хотя свадьба справлялась дома, торжественный обед и все угощение были заказаны в ресторане, который привез свои столы, всю сервировку, столовое белье. Всем командовал метрдотель, обслуживали официанты, на кухне действовали повара — все из того же ресторана. Гости были рассажены с учетом родственных отношений, положения в обществе и главным образом богатства.

Торжественный свадебный обед начался тостом за счастье и здоровье новобрачных. Метрдотель, на обязанности которого лежало на купеческих свадьбах и произнесение тостов, громовым голосом, перекрывая весь шум, поспешил прочесть по записке тост за здоровье родителей невесты. После каждого тоста музыка играла туш, гости кричали «горько», но «молодые» не целовались, а почтительно, с достоинством кланялись гостям. Торжественный свадебный обед продолжался несколько часов. Обед обильный, изысканный, шампанское и дорогие вина лились рекой, с каждым тостом гости хмелели все больше и больше, а тостов было бесконечное число — они произносились не только за новобрачных и их родных, но и за всех почетных гостей, а таких было немало.

Гостям на второстепенных столах лакеи тоже подавали всяческие яства, но иногда можно было заметить, что скромно одетую старушку величественный лакей и обнесет. Перед этими столами метрдотель не появлялся. За этими столами сидело много разных субподрядчиков, десятников, конторщиков — нужных людей, этих официанты обносить не смели; выпить эти люди любили, иногда они пользовались таким приемом: пользуясь удобным случаем, такой гость незаметно совал официанту в руку полтинник, тот понимал, что от него требуется, и ставил бутылку вина или шампанского у ног дающего. Тут под конец обеда публика начинала вести себя иногда слишком свободно: отпускали неуместные шутки, запевали песни, позволяли себе оказывать излишнее внимание соседкам по столу — таким зоркий хозяин дома, не оставлявший без внимания этот стол, делал вежливые предупреждения. Тех же, которые «обмякли», бдительные официанты выводили по длинному коридору на черную лестницу, чтобы «на холодке» они пришли «в разум». Чрезмерно иногда «угощались» и музыканты. Поэтому музыка под конец звучала не совсем стройно, иногда невпопад. После каждого тоста оркестр должен был исполнить туш. И вот были случаи, что в зале слышался голос: «подавайте жаркое!», музыканты принимали это за тост — и раздавался громкий туш. Музыканты сидели за отдельным столом, «музыкантским», за который сажали опоздавших (конечно, попроще) гостей, что некоторыми воспринималось как обида.

После обеда начинались танцы. Более солидная публика садилась за карточные столы. Танцами дирижировали обычно правоведаы на французском языке, оркестр гремел. Вальс сменялся падекатром, танцевали падеспань, венгерку, краковяк, падепати-нер, польку, галоп, уносящий цепочку танцующих по всем комнатам — веселый момент. В нашем случае веселый бал открыли молодожены, они прошли первый вальс, а затем молодой завладели правоведаы, и никому другому с ней потанцевать не удавалось. Хозяин дома и его молодой зять обходили гостей, ока-

зывали им знаки внимания и следили за тем, чтобы никто не скучал и все угощались.

Часам к 10 вечера гостей пригласили к ужину, молодые были переодеты в дорожные костюмы. Последние прощальные тосты и напутствия — молодые уезжали в свадебное путешествие. Братья невесты и некоторые правоведаы, товарищи молодого супруга, поехали в каретах провожать молодых до Варшавского вокзала, откуда они уехали за границу. После проводов и возвращения провожавших опять началось пиршество. Гости еще долго сидели за ужином, потом опять играли в карты, танцевали и веселились. Только мать молодой часто подносила платок к глазам и тяжело вздыхала. Все ее утешали, говоря, что дочка вышла замуж хорошо и будет счастлива. Она верила этому, но все же плакала: любимая дочь навсегда ушла из семьи.

Несмотря на все усилия тянуться за аристократией, купечеству это мало удавалось — думается, потому, что в дворянских семьях уклад определяли древнейшие традиции, усвоить которые буржуа еще не могли.

* * *

*Там воды зыблются светло
И гордо царствуют березы.*

Ин. Анненский

Одному из авторов удалось побывать, правда не в петербургской квартире, но в имении одной из богатых, очень интеллигентных аристократических семей. Обстановка и уклад там мало отличались от городского. Приведем выдержку с описанием пребывания в этом доме из воспоминаний автора:

«На почве увлечения Толстым, что было распространено среди студентов Петербурга, как и в других городах, я сошелся с молодым человеком, чуть старше меня, сдававшим экзамены при университете, на историко-филологическом факультете, экстерном. Таких было много, и я не задавался вопросом, кто го-

товил его к сдаче трудных экзаменов (их опрашивали строже нас). По обхождению с нами, поведению и интересам он не отличался от обычных студентов, разве что манеры были изящнее и начитанность большая, что объяснялось легко профилем его гуманитарного интереса. Как-то при расставании на каникулы он пригласил меня приехать ранней весной «к нам в деревню», как он выразился, заманчиво описав местность с озерами. Я охотно согласился. Договорившись с учениками, которых репетировал, о сроке приезда в город, я направился по железной дороге до станции Академическая Тверской губернии.

Только когда я вышел на этом полустанке и увидел изящное ландо и в нем моего друга, я понял, что это была за «деревня», и почувствовал себя Базаровым возле молодого Кирсанова. Мой друг и выглядел более щегольским, чем в скромном доме, где мы встречались в Питере. Я как-то смутился и оробел. Что будет? Но это были какие-то минуты — прелестный ландшафт по сторонам дороги, быстрая езда, аромат полей и каких-то перелесков и, главное, непринужденная, веселая болтовня моего друга развеяли сомнения. Вот уже традиционная березовая аллея, в конце которой чуть видится дом, небольшой круг перед ним с ватагой собак, приветствующей вилянием хвостов, — приехали. Мой маленький чемоданчик передан слуге, какие-то распоряжения. «Пойдем в сад до обеда, гонг нас позовет». Некоторая отсрочка появления в доме меня вполне устраивает, бежим. Дом стоит на не очень высоком берегу (вся местность низкая), фасадом смотрит на озеро. Широкая лестница, окаймленная по бокам полосами роз, ведет к пристани, у которой покачивается яхточка. «Потом покатаемся, а теперь — к моим любимцам лошадям». Бежим по аллеям сада-парка, ухоженного умелой, заботливой рукой садовника, который и сейчас копошится в цветах. Сережа с ним приветливо здоровается. Мимо теннисного корта, где лениво перебрасывается пара, больше занятая разговором, чем игрой. Реплика: «Плохо играют!» Дальше через

красоту, в которой хочется остановиться, вдохнуть ее полной грудью, — нет, дальше бежим в конюшни, и здесь наконец остановка, и надолго, — это Сережино увлечение. С интересом слушаю разговор с конюхом и любуюсь великолепными животными, не меньше ухоженными, чем розы в саду. Обратное — слышен гонг — бежим другим путем: мимо фруктового сада, оранжерей, опять аллеями, уже с другими деревьями и другими цветами, чтобы подойти к дому с тыла и попасть сразу в ванную комнату для приведения себя в порядок перед обедом.

Стрепетом вхожу в дом. Но что это? Там так уютно, роскошные вещи так приспособлены служению людям, так все стоит на месте, кресла протягивают вам подлокотники, приглашая сесть, шкура белого медведя разостлана, чтобы окунуть в ее шерсть пальцы, к тому же на ней бесцеремонно растянулась собака, все так искусно устроено для удобства, уюта, а не напоказ, что роскоши не замечаешь, она проста. Не блестят на столе серебряные сухарницы, потемневшие от древности или с чернью (чистить не приказано), не блестит старинное золото колец на руках дам, блестят только белоснежная скатерть да салфетки. Вокруг стола — приветливые лица хозяев и гостей. Мать Сережи, обратившись к сыну по-английски, как обычно, сразу же переходит, видя мое смущение, на русский — я представлен как друг Сережи всем присутствующим. А подойти мне предлагается только к его бабушке, худенькой старушке в черном, с наколкой на темени, протянувшей для поцелуя свою маленькую ручку с такой приветливой улыбкой, что я свободно вздохнул, оглянулся на всех и вся оторопью вмиг куда-то слетела, осталось ощущение свободы и радостного дыхания от доброго чувства к Сереже и ко всем его близким.

А вечером, лежа в постели и вдыхая аромат ночи через открытое окно, припоминаю весь насыщенный интересным времяпрепровождением день: «Гармония!» — и да, и нет; нет, что-то мешает, но что?! Перебираю в памяти все подробности, ищу... и вдруг... даже вслух назвал то, что лишнее, — лишнее, несмотр-

ря на кажущуюся нужность, — лакеи! — да, они, они нарушают гармонию. Не садовник, любовно перебирающий растения, не конюх, ласковой рукой похлопывающий своих любимцев по крупу, и даже не кучер, гордый за свой выезд, а именно лакеи — люди, к которым не обратилось ни одно ласковое слово и даже взгляд, так щедро расточаемые в общем разговоре... И уже мои мысли привычно обращаются к мудрому старцу, оставившему, правда, не такую роскошь, но все же такой жизненный уклад. «Но как же быть с красотой? Разве она не нужна?..» — засыпаю с этим вопросом на губах».

И все же общее впечатление у нас сложилось такое, что грани между аристократией, интеллигенцией и богатыми, но не родовитыми людьми в описываемый период уже не было. Некоторые аристократы, как показывает наш пример, роднились с семьями богатых просвещенных купцов, банкиров, крупных инженеров, ученых из разночинцев или из духовного звания. Аристократы, прожившие свои состояния и имения, смешивались с разночинцами-интеллигентами, как-то: с врачами, адвокатами и пр. Были случаи, когда некоторые вступали в коммерческие предприятия, акционерные общества, куда их охотно принимали даже без капиталов, так как в интересах дела (например, для фирмы) выгодно было привлечь людей с громкими именами — какого-нибудь разорившегося князя, барона, графа.

В Петербурге жило много отпрысков родовитой, старинной аристократии, но большинство из них были уже небогаты. Почти все они состояли на государственной службе в разных министерствах, преимущественно в военном, иностранных дел и императорского двора. Далеко не всегда занимали они там высокие должности, довольствовались и скромными, лишь бы была поддержка, родня среди высших чинов этого министерства и была бы перспектива.

Заметно намечалось деление аристократии на две группы: одна — меньшая — была совершенно «верноподданной», с умилением взирала на «обожаемого

монарха», считала существующий строй справедливым, не подлежащим никаким изменениям, осмеливалась осуждать, конечно весьма почтительно, верховную власть только за те уступки, которые ей приходилось делать после 1905 года, например учреждение Государственной думы, что они считали вредной уступкой «левым». Другая, более многочисленная, группа сознательно или бессознательно играла в либерализм, критиковала существующие порядки, учреждения, которые, по ее мнению, отжили свой век, например какой-нибудь департамент Правительствующего Сената, критиковала министров, обряды и порядки православной церкви, но, конечно, эта критика не сопровождалась какими-нибудь действиями, члены этой группы оставались совершенно лояльны. Верноподданническая аристократия тянулась ко двору, кичилась своим положением и происхождением, была заражена снобизмом, сторонилась людей не своего круга. Либеральная часть аристократии постепенно освобождалась от сословных предрассудков, общалась с неродовитой интеллигенцией, уклад жизни тоже мало отличался от типично интеллигентных семей. В обхождении между собой, представителями других классов и даже с прислугой они были просты, деликатны, безыскусственны. Снобизма и зазнайства у них не было. Дети их не стремились обязательно в привилегированные учебные заведения, а поступали в университет, в специальные высшие учебные заведения, особенно в те, окончание которых сулило интересную и доходную деятельность, например в Путейский или Горный институты. Девушки этой группы аристократии стремились получить высшее образование, поступали на курсы, особенно на Бестужевские или в женский Медицинский институт.

Бывали случаи, когда отдельные представители этой молодежи порывали со своим классом, стремились жить на свои скромные заработки и даже примыкали к революционному движению.

Между представителями этих групп аристократии нередко проявлялся некий антагонизм. Нам стал из-

вестен такой эпизод: молодые поехали с послесвадебными визитами к своей родне. Он только что окончил Александровский лицей, она — Смольный институт, оба — представители старинных аристократических фамилий. Он — более передового направления, чем она. Приехали к двоюродной тетке, старухе кичливой и старомодной, ранее у которой почти не бывали. Разговор как-то не клеился. Тетка, гордившаяся своим происхождением и тем, что она старшая в роде, откинувшись в кресле, подчеркнуто важно спросила молодого: «Что-то я запомнила, какой у вас герб, напомните!» Не замедлил ответ: «Как же можно не помнить, *ma tante*, — на зеленом поле овечий хвост!» Ответного визита из этого дома не последовало.

Нравов и быта миллионеров, банкиров, крупных фабрикантов — так называемой «финансовой аристократии» — мы подробно касаться не будем: их было не так много, да и в жизни они не были самобытны и оригинальны. Настоящей культуры они в большинстве своем не впитали (Третьяковых и Морозовых в Петербурге не было), а поэтому часто держали себя высокомерно, неестественно, кичились своим богатством. Покупали они все самое дорогое, часто не умея выбрать вещь изящную и ценную не по деньгам, а по художественному выполнению.

Подражая аристократии, приглашали к своим детям гувернанток и домашних учителей, что было очень правильно: и по своему поведению, и по образованности дети, усваивавшие языки и приобщенные к музыке, уже гораздо свободнее чувствовали себя и в более изысканном и образованном обществе.

Мы были на серебряной свадьбе в одной зажиточной семье. Торжественность события определялась прежде всего тем, что, к удивлению всех гостей, в дом была привезена из Казанского собора известная, почитаемая икона, якобы сопровождавшая фельдмаршала Кутузова во время Отечественной войны 1812 года. Неожиданно это было и потому, что семья была малорелигиозна. Икона была привезена в карете в сопровождении священника, дьякона и псаломщика.

К моменту прибытия иконы собрались родственники и гости. После торжественного молебствия и провозглашения «Многая лета» все последовали в гостиную, где «молодожены» — он во фраке, жена в платье из серебристой ткани — принимали поздравления. Тут же, как ни странно, в присутствии гостей (видимо, чтобы всех поразить), «молодожен» преподнес жене тяжелую брошь, в крупные бриллианты которой была искусно вплетена цифра 25; жена тут же нацепила ее на грудь. Все гости пришли, конечно, с подарками, конечно, тоже из серебра, в зависимости от собственного достатка: кто преподнес целый сервиз, инкрустированный серебром, с цифрой 25, кто — поскромнее вазочку, кто — просто бокал. Один подчиненный хозяина поднес «самому» запонки, изображающие створки двери: на одной петля, на другой крючок, накрепко сцепленные; надо было понимать, что крючок — муж, а петля — жена, тесно скрепленные супружескими узами. И тут была цифра 25. Она же красовалась и на тортах и пирогах, обильно заставивших весь стол, ожидавший уже всех участников торжества в столовой.

Много было прочитано каких-то адресов, сказано речей и тостов, пили много, ели тоже не меньше, а после началось обычное: солидная публика села за карточные столы, а молодежь устроила так называемые «птижэ», т. е. разные «умственные» игры: шарады, флирт цветов, фанты, почту и т. п., а затем стала танцевать, тапёр был отличный.

В час ночи опять приглашение за стол с обилием ужина. Мы заметили очень древнюю, но еще статную старушку, которая знала «молодых» еще юными. Чтобы «не портить черед», она каждый налитый бокал выпивала до дна, нисколько не поддаваясь его действию. Когда ее сосед, молодой студент, совершенно завалился возле ее стула, она сказала с презрительной усмешкой: «В наше время молодые люди падали к ногам женщин не от вина, а от переполнения чувств». Она ушла со всеми остальными гостями только утром.

ОБИТАТЕЛИ НОЧЛЕЖЕК И СИРОТСКИХ ДОМОВ

*Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...*

Ин. Анненский

*Ждут: голод да холод — ужотко;
Тюрьма да сума впереди.
Сви репая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!*

А. Белый

Петербург был разнообразным сочетанием самых крайних категорий жителей — от знатных, богатых, занимавших одной семьей целые особняки, до ужасающей бедноты, ютившейся в подвалах или даже не имеющей совсем пристанища.

В начале XX века в столице официально числилось 25 тысяч нищих. Была целая категория домов, заселенных людьми, вышибленными из обычной жизненной колеи, опустившимися «на дно». Такими домами была полна так называемая Вяземская лавра, красочно описанная В. Крестовским в романе «Петербургские трущобы». Лавра эта находилась в начале Забалканского проспекта. Мы застали Вяземскую лавру уже на спаде, вернее, в период ликвидации. На этом участке по Забалканскому проспекту шел длинный высокий деревянный забор, выкрашенный темно-бурой краской. У ворот будка с дежурным дворником. За забором целый ряд ветхих деревянных домов, в которых жила беднота в

страшно антисанитарных условиях. Среди жителей, действительно несчастных бедняков, было немало хулиганов. Поэтому вечером обыватели опасались проходить мимо лавры.

Когда-то расположенная на окраине города, она в конце XIX века оказалась почти в центре и сделалась совершенно нетерпимой. Решено было ее ликвидировать: все эти ветхие домики сломали. По Забалканскому проспекту выстроили два больших дома, и площадь внутри участка отдали под склады, а позже, уже в советское время, под рынок. Жители лавры переселились на окраины города, за Обводный канал, большей частью во вновь выстроенные каменные дома с маленькими дешевыми квартирами. Заселены они были, разумеется, без всякой нормы. Здесь было много угловых жильцов: хозяйчик снимал квартирку и сдавал бедноте углы, в одну комнату — несколько семей. Большинство таких несчастных были люди, забитые нуждой, скромные, всех и вся боящиеся. И на таком фоне выделялись грубые, самоуверенные фигуры, большей частью пьяницы, которые властно и свысока относились к своему же брату и прямо терроризировали их. Такие люди создавали этим домам недобрую славу. Особо печальной известностью пользовались среди подобных домов «Порт-Артур» и «Маньчжурия» в конце Смоленской улицы, «Холмуши» на Боровой, за Обводным каналом, и «Петушки» за Волковым кладбищем. Около этих домов и в квартирах часто возникали драки, скандалы, всегда были пьяные. Сами названия «Порт-Артур» и «Маньчжурия» показывают, что они возникли в годы русско-японской войны. Если подле трактира или чайной поднимался скандал и дело доходило до драки, прохожие говорили: «Опять порт-артурцы воюют». Или: «Опять «Маньчжурия» дерется». Эти ходячие выражения оскверняли память русских воинов, погибших в русско-японскую войну, но, к сожалению, они бытовали. Нам пришлось познакомиться с бытом таких домов, так как мы уже студентами участвовали в их обследовании. Бледные дети, истощен-

ные женщины, пьяные мужчины, разухабистые девицы легкого поведения — вот кого можно было видеть в этих домах. Вечером дом шумел: играли на гармониках, пели пьяными голосами, шла картежная игра, ссорились. Воры возвращались с промысла, тут же скупщики краденого — портные тотчас перешивали до неузнаваемости украденное пальто или пиджак. меховой сак немедленно перешивался на шапки, перешитые вещи продавались на толкучках. Жалко было смотреть на этих людей, отвыкших от трудовой жизни, соблаздившихся на легкую жизнь, проводивших время в попойках, карточной игре, в каком-то угаре. Еще грустнее было смотреть на детей, которые видели всю грязь этого ненормального быта.

В каждом из таких домов были знаменитости-кочевники. В «Петушках» проживал Костя Хромой, известный хулиган, которого все боялись. Это был молодой, здоровый парень, хромавший на одну ногу (говорили, что сломали ее во время драки). Все знали, что он носил за голенищем нож. Он был страшно самоуверен, говорил небрежным тоном, ему старались подражать. Чем он жил — неизвестно. Поговаривали, что он грабил на кладбище запоздалых посетителей.

В «Порт-Артуре» командовал Сенька. Это был мужик лет сорока, с подвязанным подбородком (у него была какая-то незаживающая болячка). Он буквально терроризировал население «Порт-Артура»: проходя мимо, он мог ни за что стукнуть кулаком по лицу или дать по шее. Никто не смел дать ему отпора: кулак у него был очень тяжелый. Он мог неожиданно потребовать: «Дай на сороковку!» Отказать ему было опасно. Вокруг себя он собирал таких же негодяев. Жил он всевозможными вымогательствами и обманами, а также занимался скупкой краденого, причем часть денег не отдавал, ограничиваясь поднесением кулака под нос.

*Горячее поле, сюда скачи
На трех ногах собакой раненой.*

В. Хлебников

Для лиц, не имевших действительно «где голову приклонить», в столице существовали ночлежные дома. Мы познакомились с одним из них. Вот его предыстория: по Забалканскому проспекту, сразу за городскими бойнями, до Новодевичьего монастыря (с правой, нечетной стороны улицы) была огромная свалка. Сюда вывозили навоз, мелкие отбросы и пр. Она занимала громадную территорию и называлась «горячим полем», потому что отбросы прели, разлагаясь, курились, над полем стоял туман, зловонный и густой. Бездомные, опустившиеся люди, ворье, которому надо было скрываться, строили себе здесь шалашики, точнее, норы, в которых ночевали, подстилая под себя рваные матрасы и разное тряпье. От разложения отбросов там было тепло. Полиция делала обходы «горячего поля», разоряла их норы, арестовывала тех, кто не имел паспорта или был в чем-нибудь замешан. В санитарных целях летом, в сухую погоду, эти свалки зажигались. Принимаемые меры борьбы с обитателями «горячего поля» не давали результатов, и тогда Городская дума решила построить в этом районе ночлежный дом. Здесь за 5 копеек предоставлялось место для ночлега на нарах с подстилкой и сенной подушкой. За эти же деньги давался кипяток. К вечеру у ночлежки собиралась очередь бездомных, плохо одетых бедняков. В ночлежке соблюдалась известного рода санитария: помещения выметались, мылись и дезинфицировались. Администрация и прислуга обращались с ночлежниками грубо: окрики, ругательства, толчки были обычным явлением. Нарушителей порядка выталкивали, спускали с лестницы. Некоторые приживались около ночлежек, кололи и носили дрова, убирали помещение, оказывали разные услуги служащим ночлежного дома. Такие люди пользовались некоторыми привиле-

гиями: с них не взыскивали плату, они получали лучшие места, могли оставаться в ночлежке и днем, тогда как всех рано утром выгоняли и пускали только вечером. Ночевать в таком доме было беспокойно: частые посещения полиции, которая бесцеремонно расталкивала спящих, разыскивая какого-нибудь налетчика, вора.

Типичным приживальщиком на Забалканском был Мишка Косоротый: пожилой, тихий, очень болезненный человек, частично разбитый параличом. Он был услужлив, все время извинялся, боясь, что ему могут отказать в последнем пристанище. На служащих ночлежки он смотрел со страхом и умоляюще. Все его третировали, помыкали им, смеялись над ним, его прозвищем Косоротый, издеваясь над его физическим недостатком.

Наряду с таким тихим Мишкой Косоротым постоянным посетителем этого ночлежного дома был отчаянный мужик, нахал, хулиган, вечно пьяный, с громадными волосатыми кулаками, по прозвищу Бомбардир, — должно быть, когда-то служил в артиллерии. Его боялись, приказания его беспрекословно выполнялись, он посылал людей за водкой, за кипятком. Если кто-нибудь ложился на облюбованные им нары, он нагло стаскивал спящего и кричал: «Я здесь лягу!» Служащие дома его тоже опасались, а потому и терпели. Про него шел слух, что он занимался хищением из товарных вагонов. Совершенно было непонятно для посторонних, но этот громила становился послушным и тихим при визгливом окрике маленькой толстой Фроси, уборщицы ночлежки. Что здесь было — застенчивая любовь или, может быть, какая-то тайна связывала этих людей, — но в эти моменты было видно, что не все человеческое в нем потеряно.

В ночлежке было женское отделение, куда попадали совершенно исковерканные, изломанные, несчастные. Здесь картина была еще более удручающая. Для женщины попасть на такую стезю, очутиться в ночлежке — это была полная катастрофа.

Была там знаменитая Верка-Арбуз, получившая свое прозвище за малый рост и большую полноту. Это

был настоящий атаман в юбке, она командовала такими же женщинами, совмещая в себе проститутку, воровку и налетчицу. На ее искривленных пьяных губах висли такие ругательства, что даже аборигены «горячего поля» приходили в восторг и изумление. С администрацией ночлежки она как-то умела ладить, подсовывая им мелкие подарки. С полицией у нее также были добрые отношения, наверное, не только ради ее прекрасных глаз. Наряду с этим Верка-Арбуз иногда проявляла столько сердечности к своим подругам, что можно диву даваться, как в этом испепеленном человеке сохранялись еще нежные чувства. Она делилась с подругами всем чем могла, снимая иногда с себя чуть ли не последнюю рубашку. И как бы стыдясь своей слабости, не желая показать присутствующим своих нежных чувств, она неожиданно резко меняла сердечный тон на грубую ругань, на окрик вроде: «Довольно тебе реветь, как корова, такая-рассякая...» И сразу становилась прежней Веркой-Арбузом.

Петербург, громадный город с большим количеством пришлого населения, создавал условия, благоприятствовавшие легкости нравов: приезд на заработки одиноких мужчин и женщин или отдельно от семьи, развитие пьянства, нужда, толкающая молодых женщин на случайные связи, наличие в столице людей, прожигающих жизнь и ищущих различных приключений. В результате всех этих обстоятельств рождалось много внебрачных детей, так называемых незаконнорожденных.

Часто бывали случаи, когда младенцев подкидывали — тайком оставляли в подъездах, перед дверьми квартир, в которых проживали бездетные супруги, в вагонах, на вокзалах и пр. Бывали случаи, когда совершенно посторонние люди брали таких младенцев на воспитание, усыновляли их.

Но чаще всего младенцев относили в полицию, а оттуда отправляли в воспитательный дом. Ввиду малого числа кормилиц и распространения инфекционных болезней в воспитательных домах смертность младенцев была ужасающая.

Ввиду переполненности воспитательных домов

их администрация отдавала младенцев крестьянкам близлежащих деревень за плату 3—4 рубля в месяц. Бедной крестьянской семье это был небольшой доход, но младенцам там жилось в большинстве случаев несладко.

Самое ужасное было в тех случаях, когда подкидыш попадал в руки аферисток, разного жулья, которые посредством этого ребенка выпрашивали деньги.

Почему же матери расставались со своим ребенком, зная, какая страшная участь ждет его в будущем? Надо понимать, что положение женщины, которая родила ребенка вне брака, будучи еще совершенно необеспеченной, становилось крайне тяжелым. Она мучилась от ложного стыда, часто ее выгоняли с работы, лишали крова, изгоняли из семьи. Имея на руках ребенка, она не могла найти себе места.

И вот мать, перенеся все муки и страдания, наконец решалась отнести свое дитя в воспитательный дом или подкинуть, оставив в пеленках свои слезы и записку: «Рожден тогда-то, крещен, имя такое-то».

Бывали и случаи, когда мать, доведенная до отчаяния, шла на детоубийство. Совершая это тяжкое преступление, она обрекала себя на муки совести до конца дней, не говоря уже о том, что остаток жизни в большинстве случаев омрачался отсидкой в каторжной тюрьме за детоубийство.

Очень распространены были аборты, которые производились часто разными бабками в ужасающих условиях, тайком, поскольку это преследовалось законом. Нередко такие аборты заканчивались смертью матери или навсегда подрывали ее здоровье. Нельзя не заметить, что Петербург по числу внебрачных зачатий стоял на первом месте в России. (Это по официальным данным, а сколько подобных случаев не попало в статистику!)

Неудивительно поэтому, что в Петербурге было много сиротских домов, учрежденных еще Екатериной II. Обычно они находились при сиротских институтах, например при Николаевском сиротском институте. Был дом призрения для детей нижних

почтовых служащих и пр. Часто можно было видеть, как по Фонтанке вели бледненьких девочек, шедших чинно за руки парами, в белошвейную мастерскую — их готовили в белошвейки или кружевницы. Их облик резко отличался от благополучных детей прежде всего тем, что они были коротко стрижены, что не было принято модой. Все одинаково одеты в серые платья на вырост и с какими-то необычными чепчиками на головах. В окно первого этажа мастерской можно было видеть их склоненные над коклюшками головы, что тогда было модно, — в мещанских домах повсюду на комодах и столиках лежали салфеточки, связанные на коклюшках. Мальчиков мы не встречали, но, наверно, и их обучали какому-нибудь мастерству.

* * *

В Петербурге, конечно, гораздо меньше, чем в провинции, но все же немало было всякого рода приживалок, прихлебателей и прочих тунеядцев в богатых семьях, как купеческих, так и дворянских. Вырабатывался особый тип приживалки — лицемерной, страшной сплетницы, угодливой до приторности, с ласковым голоском и злыми, завистливыми глазами.

Обычно это были бедные дальние родственники, примазавшиеся знакомые, а также «цветы запоздалые» — кое-кто из разорившихся дворянских семей, а то попросту случайно встретившиеся люди, сумевшие втереться в зажиточную семью. Они не научились за свою жизнь делать что-нибудь полезное. Всех их объединяло одно — лень, нежелание по-настоящему работать. Большинство таких людей были все же женщины в возрасте. Спали они обычно на диване или сундуке в коридоре, носили то, что хозяйка подарят, вышедшие из моды, надоевшие хозяйке вещи. Ели вместе с хозяевами или даже на кухне, в зависимости от своего происхождения и бывшего положения в обществе. От всякой работы они под благовидными предложениями уклонялись: то она была больна,

то сегодня грех работать, она говеет, то праздник, то она торопится на кладбище помянуть мифическую родственницу. Страшными врагами таких приживалок была домашняя работающая прислуга, которая презирала их за тунеядство, доносы и сплетни, старалась чем-нибудь им досадить: налить спитого чаю, дать черствого пирога. Если приживалка была более высокого положения и пользовалась до некоторой степени уважением хозяев, то месть была уже другого порядка: например спрятать необходимую вещь, «забыть» вычистить ей обувь, прищемить ногу любимой собачонке и пр. Все это было очень мелко, но повторялось часто, а потому было большее крупной неприятности.

Некоторые из них, получившие кое-какое образование, старались быть необходимыми и полезными в доме, учили в купеческой семье хозяев и их детей «хорошему тону» и другим премудростям высшего света. Они знали немного французский язык, бренчали на рояле, но научить языку или музыке не могли, поскольку знания их были поверхностными. Одевались такие особы с претензией, не в соответствии с обстановкой, надевали такие вещи, которые были приняты только в высшем обществе, но давно вышли из моды, остались у них от былых времен, какую-нибудь заношенную накидку с облезлым горностаем.

Но были и такие, которые довольно гармонично вписывались в жизненный уклад семьи, особенно дворянской, где было больше, чем в купеческой, терпимости и снисхождения. Им удавалось не утратить чувства собственного достоинства, удавалось найти контакт, с одной стороны, с прислужгой, с другой стороны — с хозяевами. Обычно это с детства попавшие в чужую семью или принятые сиротами из милосердия. Мы знали одну убогую (она хромала), не очень умную, но удивительно тактичную особу, которая знала, когда при гостях ей можно остаться разливать чай в столовой, а когда лучше уступить свое место у самовара и незаметно уйти. Незаменима по своей доброте она была, если кто-нибудь заболел: никто не

умел так удобно поправить подушку больному, подать лекарство. Словом, стала наконец почти необходимым человеком в доме. Затерялась шаль — «надо спросить Ольгу Ивановну»; что положить для запаха в кулич — «знает Ольга Ивановна». «Ольга Ивановна, почитайте», — просят дети и потом с интересом наблюдают, как она читает и одновременно со страшной быстротой, не глядя, вяжет на спицах очередной носок, конечно, кому-нибудь в подарок. Такие особы были очень преданны своим благодетелям, и к ним относились с глубокой благодарностью и с уважением, как к своему человеку.

Были и мужчины, выбившиеся из трудовой жизни и находящиеся на положении прихлебателей. Они не жили у «благодетелей», а почти ежедневно приходили к ним пообедать, поужинать под разными предложениями — сообщить новость, передать хозяйке первые фиалки. Они были хорошо воспитаны, любезны, поношенное платье сидело на них элегантно — ведь в большинстве случаев это были промотавшиеся дворяне с пошатнувшимся здоровьем, которые тоже не умели или не хотели ничего делать.

Мы знали такого человека, пожилого, болезненного, с тонким, породистым лицом, который знал много языков, но ни одного хорошо, и который очень красиво, с небрежным изяществом умел курить чужие сигары и безошибочно узнавать их марку. Говорили, что он происходил из старинного дворянского рода, окончательно прогоревшего. Он был последним отпрыском этого рода. Жил он в убогой комнатенке у простой хозяйки, бывшей прислуги, которая презирала и третировала его. Носил он весьма поношенное платье и порыжевшую шляпу, но с умением. За глаза этого пожилого человека звали Данилушкой, проявляя в этом и снисходительность, и свое отношение свысока, как к человеку слабому.

Однажды ему подвезло в его незавидной жизни: один состоятельный человек собрался за границу, но языков не знал. Ему указали на Данилушку, который много раз бывал за границей и знал, куда поехать и что интересно и полезно посмотреть для просвеще-

ния этого любителя путешествовать. Само собой разумеется, что у Данилушки ни копейки за душой не было. Желавший «просветиться» одел Данилушку на свой счет, купил ему все необходимое для поездки. В течение двух месяцев возил и кормил за границей этого «чичероне» и давал ему деньги на карманные расходы.

Они побывали в Германии, Бельгии, Франции, Италии и Австрии и благополучно вернулись домой — путешественник Н. с громадными впечатлениями, а Данилушка с несколько грустными воспоминаниями о прежней дворянской жизни. На него эта поездка так подействовала, всколыхнула все его прошлое, что он как-то загрустил, стал хиреть и вскоре умер, всеми оставленный. Хоронил его тот же любитель путешествий.

Подобные прихлебатели знали все семейные праздники и памятные дни в тех домах, где они бывали, дни рождений, именин, поминок. Их не звали, но они всегда приходили первыми и приносили свои поздравления или соболезнования.

Особой категорией были «просители». Мужчины и женщины ходили по знакомым, а иной раз и совсем незнакомым домам, обращались с просьбой помочь им деньгами ввиду безвыходного положения, несчастья, постигшего их, или с рассказом, что какая-нибудь бедная дама благородного происхождения воспитывает сиротку, ее нужно отдать в гимназию или в другое учебное заведение, наконец, даже выдать замуж, справить хотя бы скромное приданое. Какой-нибудь мужчина просил помочь осуществить изумительное изобретение, которое может осчастливить многих, или он написал роман с захватывающей фабулой, но нет денег для издания либо издатели не оценили его творения. В большинстве случаев это был обман, но они были очень настойчивы и обладали способностью убедить, доказать и в конце концов выманить деньги. Это были не простые попрошайки, которые выманивали на бедность, а люди, которые разыгрывали из себя разных благородных людей, борцов за правду и справедливость. Мы

знавали такого «изобретателя», который демонстрировал модель складной кровати и убедительно просил принять участие в этом «выгодном, необходимом для человечества» деле. Модель эту он вытаскивал из кармана, расставлял и давал обстоятельные разъяснения. Его кровать имела два существенных недостатка, заставлявших людей воздержаться от его предложения: стоимость такой кровати оказывалась очень высокой; второй недостаток заключался в том, что ее конструкция была настолько сложна, что сам изобретатель иной раз не мог ее сложить и разложить. Но он был страшно назойлив, и благоразумные люди, чтобы от него отделаться, давали ему рублей 5—10. «Изобретатель» и этим оставался доволен.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН

*Как теперь молиться буду Богу,
Плача, замирая и горя,
Если я забыл свою дорогу
К каменным стенам монастыря.*

Н. Гумилев

*Толпа, войдя во храм, задумчивей
и строже...
Лампад тунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»*

А. Белый

Картина жизни столицы была бы неполной без разговора о церкви. Всем известно, какое большое влияние имела церковь на жизнь народа. Вековые традиции были сильны и в Петербурге. Это проявилось в укладе жизни города, где была масса церквей разных вероисповеданий (православные, лютеранские, реформатские, англиканские, католические, армянская церковь, две синагоги, мечеть, буддийский храм), несколько монастырей. Молебствия совершались по самым различным поводам, будь то спуск корабля, закладка дома, открытие железной дороги, даже открытие клуба, начало занятий в школах — словом, при всех начинаниях. Народ молился, чтит праздники, посещал церковь. Истинно верующих было много.

Тем не менее среди просвещенной части населения авторитет церкви заметно рушился. Причин этого было много.

К внешним толчкам, раскачивавшим устои церкви, следует отнести распространение революцион-

ных идей, носители которых видели в церкви оплот самодержавия.

Но были причины и внутреннего порядка. Во-первых, насильственное внедрение правоверия с требованием выполнения церковных обрядов: в учебных заведениях, где Закон Божий как предмет стоял на первом месте и каждый учебный день начинался с молитвы; в некоторых учреждениях, где требовалось, чтобы чиновники соблюдали обряды, то же касалось и военных (здесь дело обстояло просто: «На молитву становись! Шапки долой!»), не говоря уже о том, что браки заключались только в церкви.

Во-вторых, церковь в провинции основательно компрометировало привлечение в среду церковнослужителей необразованных людей, не понимавших или примитивно толковавших христианское учение. Как ни прискорбно, следует посетовать и на часто непристойное поведение их в быту: чревоугодничество и даже злоупотребление вином.

Не надо забывать, что церкви и монастыри были богаты, значит возле них ютились и корыстные люди, нечестные и бесцеремонные. Достаточно упомянуть, что оплата церковных обрядов (крестины, венчание, панихиды) не была установлена, всяк брал столько, сколько вздумается.

Интеллигенция, сохранявшая в общем в отношении церкви традиции своих предков, обнаруживала уже на рубеже веков заметное расслоение. Представители элитарной части ее, где умами владели наряду с Достоевским и Толстым писатели философско-религиозного направления — Вл. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, а также популярный в то время писатель Д. Мережковский, потянулись было к церкви, задумав учредить «Религиозно-философские собрания» совместно с представителями церкви, где они хотели обсудить наболевшие в их душах вопросы православной веры, их понимание задач церкви, вероисповедания и пр. Они добились даже разрешения на это от Священного Синода и благословения митрополита. Первые собрания прошли с большим подъемом при стечении многочисленной публики

из верующих. Однако взаимопонимания между сторонами — «церкви» и «интеллигенции» — не произошло. Какая-то часть, особенно молодежь, пошла за Толстым, образовывая по примеру московских толстовцев коммуны, пошла в народ, осуждая «отлучение от церкви» их духовного руководителя.

Стали распространяться группировки-секты, отклоняющиеся от церковных канонов, — баптисты, евангелисты, адвентисты и др. И лишь меньшая часть интеллигенции пошла за Иоанном Кронштадтским, очень известным представителем официального направления церкви. Он пользовался неслыханным авторитетом и среди мещанства и простого люда, особенно в Кронштадте и на Петербургской стороне, где было подворье женского монастыря и его квартира. Толпы сопровождали его на каждом шагу, ища его благословения, стараясь хоть коснуться его руки, одежды. Такое преклонение смущало самого батюшку, по его словам*, так как доходило порой до неистовства, кликушества.

А в среде непросвещенных, вернее, темных стали распространяться всякие «братства», не имевшие отношения к религии, собиравшие людей, настроенных против церкви. Они использовали народную тягу к верованию, скорее, к суеверию. Процветало «братство», называвшее себя «Охтинская Богородица» или «Иоанн Креститель», братство Чурикова.

Но были и такие «братцы», которые под видом «святых» читали проповеди, совершали «чудеса», отвечали на вопросы малопонятными фразами, продавали снадобья от всех болезней, «дурного глаза», запоя, блуда, для «приворожения». Наивные и просто глупые люди попадались на эту удочку, несли деньги, иногда большие, а часто и последние. Выколачивать деньги из своих почитателей эти «святые» были большие мастера. Нередко все кончалось уголовным процессом, когда «святые» становились каторжниками или попадали в арестантские роты. Такого рода мошенничество было настолько распространено,

*Он бывал в доме жены одного из авторов.

что нашло отклик в драматургии. С большим успехом шла пьеса Протопопова «Черные вороны», где разоблачались действия подобных «святых» и «ангелов». Они обманывали простых, доверчивых людей, прикрываясь «словом Божиим». Было много разных юродивых, кликуш, ясновидящих, прозорливцев, пророчиц.

Конечно, как и везде, решающей была личность священника, его способность сказать проповедь, умение слушать, вести исповедь. Ему следовало быть истинным «пастырем овец православных». Кстати сказать, в прежние времена священники на официальных бумагах перед своим именем ставили первые буквы этого звания, то есть «п. о. п.». Отсюда и получилось «поп». Эта аббревиатура сделалась синонимом священника и позднее приобрела определенную негативную окраску. В народе вошли в употребление такие выражения, как «поповские карманы». Имелась в виду их глубина, бездонность.

Все вышесказанное косвенным образом подрывало авторитет церкви. Поэтому неудивительно, что наряду с истинно верующими многие ходили в церковь как бы по инерции и главным образом ради великолепия храмов, торжественности богослужений и пения замечательных хоров. Привлекали людей громовые голоса некоторых дьяконов и протодьяконов. Великолепным было пение в соборах Александро-Невской лавры, в Исаакиевском, Никольском соборах. Там исполнялись литургии Бортнянского, Чайковского, Рахманинова, Гречанинова. В хорах пели многие знаменитости, в том числе Шаляпин. Особенно впечатляющее зрелище представляли службы с участием высшего духовенства — архиереев, митрополита. Толпа в церквях состояла из верующих и любителей духовного пения — неизвестно, кого было больше. Привлекала людей трогательная красота венчания, трагизм в предпасхальных песнопениях, ну и конечно, крестные ходы с ликующими голосами певчих в пасхальную неделю.

Пасха вообще была самым почитаемым праздником и веселым, потому что весна окрашивала общее ликование светом, пробуждением природы. Великий пост, накладывавший свой хмурый отпечаток на настроение, кончался в ночь на первый день Пасхи — в заутреню. Ночью оживал город, все тянулись, празднично одетые, со свечами, еще не зажженными, в храмы, уже переполненные заранее самыми истовыми церковницами, в предвкушении радости от прекрасного пения.

Храм часто не мог вместить всех прихожан. Толпа стояла при входе и ждала самого торжественного момента — крестного хода, когда весь синклит в сверкающих светлых ризах выходит в сопровождении несущих хоругви и высокие светильники-свечи, обходит храм и на паперти провозглашает: «Христос воскрес!» — вся толпа с горящими свечами отвечает: «Воистину воскрес!» Этим открывается сам праздник. Большинство уже не претендует на вход в храм, чувствуя, что самое главное позади, а впереди, дома, — не менее важное — разговение (хотя говения, может быть, и не было) — обильное пиршество с самыми вкусными яствами, особенно для тех, кто по традиции во время поста ограничивал свой стол. Все расходится группами по домам, шумно христосуясь, и — что самое интересное для молодежи — все стараются донести свои зажженные свечи домой, чтобы засветить ими лампадки. Здесь часто начинаются уже шалости — кто-то задул свечу у девушки и подставляет свою горящую, чтобы таким образом познакомиться, кто-то смастерил особую ширмочку для защиты пламени от ветра. А в храме продолжается служба и длится почти всю ночь.

В быту Святая неделя знаменуется визитами с поздравлениями, с угощением обязательно пасхой и куличом. Дети развлекаются по-своему — катают яйца (конечно, крашеные) по особому желобку, нацеливаясь на разбросанные по ковру другие яйца, — кто

больше выбьет, своего рода бильярд. А воздух гудит от колокольного звона!

Молодежь веселилась на балах. Так же весело, хоть и без балов, веселилась окраина. Вся улица бывала запружена гуляющими, а в садах открывалось катание на лодках, да и по Неве, если Пасха совпадала с открытием навигации.

У простого народа дольше сохранялись древние обычаи. В Троицу украшали дом березками, в церковь шли тоже с березовыми веточками, смешанными с цветами. В Благовещение сохранялся в некоторых семьях обычай не заплетать девушкам косы, не печь дома хлеба. А в булочных выпекались «жаворонки» с изюминками вместо глаз, чему следовали кухарки в частных домах до времен нашей юности. На день Иоанна Предтечи нельзя было есть ничего круглого, якобы напоминающего об «усекновенной главе Иоанна Предтечи». Конечно, все эти обряды соблюдались далеко не всеми в описываемое нами время и постепенно уходили в прошлое.

РЫНКИ И ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

*Там мяса розовые глыбы,
сырая вонь блестящей рыбы,
ножи, кастрюли, пиджаки
из гардеробов безмянных;
отдельно, в положеньях странных
кривые книжные лотки...*

В. Набоков

*А народу! А шуму! Экое место.
Точно в квашне крепкие дрожжи
Пучат и пузырят черное тесто.*

В. Горянский

Садовая улица была средоточием торговых рядов и рынков Петербурга. Остальные рынки были меньше и не представляли такого интереса.

Петербург того времени нельзя себе представить без Александровского рынка. Он занимал неправильный четырехугольник: Садовая — Вознесенский проспект, Фонтанка — Малков переулок. Теперь все здания этого рынка снесены и участок застроен новыми домами. Это был замечательный, единственный в своем роде торговый конгломерат — сотни разнообразных магазинов, лавчонок, ларьков и открытых площадок.

На Садовую улицу и Вознесенский проспект выходили магазины, торговавшие новыми вещами, причем самыми разнообразными: одеждой и обувью, магазины с офицерскими вещами, с иконами и всякими церковными принадлежностями, наконец, торгующие охотничьими припасами и ружьями, а на углу Фонтанки и Вознесенского находился большой магазин с конной сбруей, дугами, седлами и пр.

По Фонтанке шли лавки с кожевенным товаром, а ближе к Малкову переулку помещался яичный склад, к которому летом подходили крытые барки с яйцами.

Вдоль магазинов по Садовой и Вознесенскому над тротуарами шла крытая железная галерея на чугунных столбиках, чтобы и в ненастную погоду прохожие могли бы внимательно и не торопясь разглядывать выставленные на витринах товары.

Под магазинами, выходящими на Вознесенский проспект, были подвалы, в которых торговали известные петербургские букинисты. Никаких вывесок, даже окон на улицу не было, у входа в подвал лежала связка старых книг — символ их товара. Покупатель спускался вниз по узкой каменной лестнице и там мог найти редчайшие издания по любым вопросам. Насколько приказчики верхних магазинов были люди веселые и расторопные, настолько букинисты были серьезны, полны достоинства, неторопливы, неразговорчивы. Они не только продавали, но и покупали старые книги. Знатоки своего дела они были необычайные. Подвалы эти не отапливались, торговать зимой им было тяжело, но старики букинисты были людьми старой закалки, ими двигала любовь к делу. В темноватых подвалах керосиновые лампы тускло освещали стеллажи с книгами, и как они находили требуемую книгу — трудно себе представить. У них было много постоянных покупателей — и любителей, и коллекционеров книг.

Внутри рынка было три пассажа: тот, что шел от Фонтанки, параллельно Вознесенскому, назывался Татарским, так как большинство лавок принадлежало татарам. Параллельно Садовой, продолжением Татарского пассажа, шел Садовый пассаж, продолжением его, вдоль Малкова переулка, но отступя от него, тянулся Еврейский пассаж, опять выходящий к Фонтанке. Таким образом, получалась как бы подкова из пассажей.

Между Татарским и Еврейским пассажами простиралась громадная площадь, которая делилась на три части крытыми галереями, соединяющими эти пассажи. На всех этих частях площади производилась

особая торговля — толкучка и «вразвал». Посредине средней площадки стояла часовня, здесь-то и был самый центр этой своеобразной торговли. Во всех магазинах, лавках, ларьках, лотках и на площадях приемы торговли были особые, нигде в Петербурге более не повторяемые.

Зимой и летом торговцы стояли у входов в свои заведения и не только зазывали покупателей, громко расхваливая свой товар, но буквально тащили их за руки, приговаривая: «Хоть не купите, а посмотрите, какой у нас товар». У каждого торговца имелись свои прибаутки, так, обращаясь к скромно одетой девушке, говорили: «Красавица, заходите, специально для вас держим плюшевые саки с аграмантами» — или, обращаясь к проходящему студенту: «Господин студент, для вас только что получены брюки гвардейского сукна, самолучшая диагональ барона Штиглица, брюки модные, со штрипками!» Для рабочего тоже наготове были свои обращения. Многие зазывалы ловко рифмовали свои обращения. Торговля шла бойко.

Торговали с безбожным запросом, покупатели торговались отчаянно. Опытный покупатель знал, что с него запрашивают втридорога, предлагал свою цену, несколько раз уходил, его возвращали, уступали и в конце концов достигали того, что он уходил с покупкой.

Только в лавках, выходявших на Садовую и Вознесенский, торговали новым товаром, во всех остальных пассажах, лавках и на площадях торговали поддержанными вещами всякого рода. Чего нельзя было найти ни в одном магазине столицы, можно было наверняка найти на Александровском рынке. В лавках Еврейского пассажа, например, продавались гобелены, ковры, хрусталь, фарфор, картины, старинные монеты, меха. Эти же торговцы занимались и скупкой вещей. Там же и в Татарском пассаже продавали и покупали золотые, серебряные вещи, драгоценные камни.

Часто можно было здесь видеть небольшого роста сухощавого человека со смуглым лицом, вниматель-

но рассматривающего старинные монеты. Это был городской голова Санкт-Петербурга граф Толстой, любитель-нумизмат.

В проходах между пассажирами было много ларьков с сайками, горячей колбасой, пирожками, из-под полы торговали водкой. На главной площадке вокруг часовни продавали и покупали все что угодно, с товаром ходили, продавая его с рук, товар лежал на земле, «вразвал», здесь была главная толкучка, торговля шла по принципу «каждый товар найдет своего покупателя».

Характерной фигурой на площадке были «холодные» сапожники. У каждого висела кожаная сумка через плечо, в сумке лежали инструмент и гвозди. На другом плече висели мешок с кожевненным товаром для починки обуви, а также старая обувь, которую он скупал, а мог и продать. Главной эмблемой его профессии была «ведьма» — палка с железной загнутой лапкой, на которую он надевал сапог для починки. Целый день, в мороз и жару, сапожники слонялись по толкучке, дожидаясь клиентов. Расчет их был прост — быстро, кое-как починить и скорее получить деньги с клиента, которого едва ли еще встретишь. Мастера они обычно были хорошие, но спившиеся либо больные, престарелые, выгнанные «хозяйчиком».

Сюда же много приносили всякой залатанной, заштопанной одежды, которую хотели выдать если не за новую, то за почти неношеную. Носили целые вороха старых брюк и жилеток. Много старых вещей скупали, особенно после праздников, у пропившихся бедных людей — чинили, приводили их в порядок и опять продавали. Находились такие специалисты залатать, заштоковать, что и не найдешь, где починено.

На толкучке среди толпы ходили торговцы сбитнем. Сбитень — это теплая вода на патоке. Они носили на спине медный бак, обвязанный старым ватным одеялом, от бака шла длинная медная трубка с крапом. По поясу — деревянная колодка с ячейками для стаканов. Здесь же ходили торговцы пирожками с жаровнями на животе, которые кричали: «С пылу с жару, пятачок за пару!»

На площади, которая была ближе к Садовой, шла бойкая торговля дешевой мануфактурой, а также старыми гардинами, плюшем, содранным с диванов, оттоманок и пр.

Скажем несколько слов о «железном ряду». Он представлял собой проезд с Садовой на Фонтанку. Здесь продавались и покупались старые и новые железные и свинцовые трубы, фитинги, уголковое железо, балки, всякий инструмент, слесарный и столярный, машины, котлы, станки по металлу и дереву и пр. Ближе к Садовой продавались и покупались старые кровати, мебель, старинная и модная. Знатоки приходили сюда подбирать и покупать стильную мебель, главным образом красного дерева. Мебель и кровати здесь же ремонтировались и красились. В «железном ряду» спившийся слесарь продавал свой инструмент. Бродяжки продавали краденые обрезки свинцовых труб. Тут и торговля, нажива, выход из безденежья, тут и развлечения, и возможность сыграть «на счастье». Среди толкучки много кружков игровых: в трилистники, в наперсток с горошком, в орлянку и т. д. Все эти игры затевались «специалистами», которые рассчитывали завлечь и обыграть вчистую доверчивых, неопытных людей.

На рынке среди толпы сновало много всякого жульа. Чтобы обезопасить себя от них, покупатель пускался на всякие уловки. Надо примерить пальто или пиджак, цена как будто сходная. Покупатель снимает с себя свою одежду, свертывает ее, кладет на землю и становится на нее, чтобы воры не стянули, пока идет примерка.

К кражам у покупателей торговцы и маклаки относились крайне безучастно. Зато, когда воровали что-нибудь у торговцев, из чувства солидарности в поимке вора принимали участие все ближайшие торговцы, и ему редко удавалось скрыться. Пойманного били до полусмерти, одинокие полицейские смотрели на эти самосуды сквозь пальцы.

Простачков продавцов здесь не было, разве только как редкое исключение. Одному из авторов довелось один раз видеть такого простачка. Желая скорее

продать старый самовар, он хотел доказать покупателям его добротность и прочность. Для этого положил дощечку сверху на трубу и смело стоял на ней.

* * *

*В уборе из цветов и крынок
Открыл ворота старый рынок.*

Н. Заболоцкий

Сенная площадь и Сенной рынок — эти два понятия сливались в одно, как «чрево» Петербурга. Мы знавали Сенную площадь с громадными железными застекленными павильонами, в которых было несколько рядов всевозможных лавок со съестными припасами. В каждом из этих павильонов было два сквозных продольных прохода. Обычно размещалось четыре ряда лавок: два примыкали к наружным стенам, а два ряда смыкались своими задними стенками как раз по продольной оси павильона. Лавки все одного размера, на каждой свой номер. Богатые торговцы занимали несколько номеров подряд. Снаружи этих павильонов тоже располагались лавочки, которые торговали всем чем угодно — от дешевой мануфактуры до детских игрушек, глиняных банок и земли для цветов. Здесь же сидели слепые в темных очках и торговали щетками собственного изготовления. Они все были обвешаны всевозможными щетками, начиная от щеточек для усов и кончая щетками для чистки лошадей. В руках держали несколько связанных половых щеток. Держали они себя с большим достоинством, не выкрикивали и не зазывали покупателей. Публика относилась к ним почтительно, никогда не торговалась, а подбирала требуемую сумму без сдачи и клала им в шапку.

В корпусе, который располагался вблизи старинной гауптвахты (здесь в описываемое время находилась лаборатория для проверки продуктов), продавались мясные продукты; в корпусе ближе к Демидову

переулку торговали рыбой, в корпусе у церкви Успения — мясом, овощами и фруктами. Четвертый корпус, у Таирова переулка, был каменный, в нем находились лавочки со скобяным товаром и щепянными изделиями: корзиночки, кадочки, корыта, а также скобы, топоры, совки, тушилки для углей, самоварные трубы. Оживление на Сенной площади было очень большое, а перед праздниками здесь трудно было протолкнуться. Стоял шум. Крики ломовиков, подвозивших товары к лавкам, громыхание конок, вопли женщин, которых обсчитали или у которых вытащили кошелек, — все сливалось в общий гул. В павильонах было тише, степеннее.

В мясных лавках на луженых крюках висели туши только что забитых черкасских быков. На прилавках, обитых оцинкованным железом или покрытых мраморными плитами, лежали отдельные куски мяса, вырезки. Посредине лавки — громадные коромысловые весы с медными чашками и цепями.

Заготовка полуфабрикатов не практиковалась, нужный кусок приготавливали при покупателе. Мясник с Сенной славился своим мастерством: он ловко, безошибочно отрубал нужный кусок требуемого веса. Работали мясники длинными специальными ножами, топор применялся редко, потому что напоминал древнюю секиру, которой рубили головы на Руси. Когда они оперировали с кусками мяса на колоде, при каждом ударе ножом покрякивали, особенно если перерубали толстые кости.

У них, как у всех торговцев, выработался свой язык, с прибавлением к каждому слову «с» — «пожалуйста-с», «прикажите-с», «чего изволите-с?». Этим они хотели показать столичную «шлифовку» и уважение к покупателю. При лавке работали «молодцы» — здоровые парни — и подростки. «Молодцы» выполняли главным образом тяжелые работы — развешивание туш по крюкам, переноску корзин с битой птицей и со льдом и т. п. Одновременно между делом они обучались обхождению с покупателем. На обязанности подростков кроме разных «побегушек» лежала разноска купленных товаров на дом. Около Сенной час-

то можно было наблюдать такую сцену: идет с рынка хозяйка, ничего не несет, сзади идет мальчик с большой корзиной на голове, в корзине купленные хозяйкой продукты. За доставку мальчику давали 5—10 копеек.

Мясники, как и другие продавцы продуктов, были одеты одинаково, как будто по форме: картуз с лакированным козырьком, полупальто, белый передник и клеенчатые манжеты.

Кроме всякого мяса здесь торговали битой птицей — домашней и боровой. Перед Рождеством рынок был завален гусями, индейками, глухарями, рябчиками, тетеревами, куропатками. В мясных рядах висели вниз головами тушки мороженных зайцев, окорока в большом количестве.

* * *

*Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прикреплено на крюк.*

Н. Заболоцкий

В рыбном павильоне зимой продавалась главным образом мороженная рыба, свежей было мало, ею торговали летом. Плоты для причала рыбацких лодок стояли на Фонтанке, откуда тотчас рыба доставлялась на Сенную. Рыба была не только местная, но и привозная — соленая, копченая; продавалась и разная рыбная снедь: икра, балыки и т. д. Необычайно много рыбы продавалось к Великому посту, особенно дешевой, «негосподской», — ряпушка, салака, корюшка, соленая треска (в другое время трески достать было нельзя, а свежая треска совсем не продавалась).

Цены были разные, в зависимости от времени дня: к вечеру дешевле из боязни, что товар залежится, испортится. Впрочем, вблизи Сенной располагались большие склады оптовиков и ледники по Забалканскому проспекту, ближе к Фонтанке.

Торговля шла, конечно, с запросом, торговались подолгу, с кого (по виду) можно взять подороже, случая не упускали. Цену диктовал рынок в зависимости от спроса, привоза, сезона, времени — перед праздниками или после.

На площади у Обуховского моста был тоже небольшой открытый рынок, как бы филиал Сенного. Товар здесь был хуже, покупатель победнее, и обращение с ним попроще: в разговоре к каждому слову уж не прибавлялось услужливо «с», нередко обращались и на «ты». Слышались такие выражения: «Невелик барин, чего роешься?»

Сенной рынок был главным продуктовым рынком Петербурга.

На Садовую улицу выходило еще два рынка — Апраксин со Щукиным двором и Никольский, а на Невский, Садовую, Банковскую и Перинную линии выходил знаменитый Гостиный двор.

Апраксин рынок представлял, как и теперь, целый ряд магазинов, торговавших материей, готовым платьем, галантереей, мехами и пр., качество и цена этих товаров были ниже, чем в Гостином, но выше, чем в Александровском рынке. Апраксин рынок тоже выходил на четыре улицы — Садовую, Мучной переулок, Фонтанку и Чернышев переулок. Внутри Апраксина рынка находилось много каменных корпусов, в которых помещались склады и мастерские. В четырехэтажном корпусе была фабрика разной галантереи и целлулоидных изделий. На нашей памяти там произошел страшный пожар с человеческими жертвами. Загорелись запасы целлулоида, время было рабочее, огонь мгновенно охватил легковоспламеняющиеся изделия и запасы сырья, рабочих охватила паника, люди выбрасывались из окон третьего и четвертого этажей.

Внутри Апраксина рынка, ближе к Фонтанке, находился Щукин двор — большая площадь с прилегающими лавками и пассажем. Здесь оптом и в розницу торговали фруктами и ягодами. Разгар торговли был во второй половине лета и осенью. Тогда весь Щукин двор был завален ящиками со свежими и вя-

леными фруктами, мешками с орехами разных сортов. Торговля производилась не только на вес, но и мерками. Принцип «не обманешь — не продашь» господствовал и здесь. Если покупатель брал ящик яблок, то первые ряды были отборные, а дальше много похуже. То же и с ягодами. Рынок шумел, кишел народом. В воздухе висела брань и окрики ломовых извозчиков. Товары выгружались и погружались тут же на площади, поэтому ломовых и легковых извозчиков было множество. Страшная теснота, штабеля ящичков, кулей, мешков. Ни пройти, ни проехать. Картина красочная!

Работало много специальных грузчиков. Здесь они назывались рязанцами, по-видимому, бóльшая часть их приезжала из Рязанской губернии. Они почему-то носили груз не на спине, а на голове; для этого они клали на фуражку мягкое кожаное кольцо. Когда они не работали, кольцо висело у них сбоку на поясе. Часто можно было видеть, как такой рязанец с налившимся кровью лицом и натуженной шеей несет на голове большой ящик с фруктами.

Всюду шныряли стайки мальчишек. Пользуясь теснотой и суматохой, они воровали фрукты из раскрытых ящичков, пользовались всяким случаем, чтобы поживиться: вот тут рассыпали груши, а там «восточный» человек, сидя около наваленной на подстилке кучи сушеных винных ягод, заговорился с соседом, таким же продавцом, — ловкие мальчишки тут как тут.

Кроме этих рынков на Садовой был Никольский рынок, расположенный недалеко от церкви Николы Морского, отсюда и получивший свое название. Это были старинные торговые ряды, вытянутые фасадом вдоль Садовой улицы, короткой стороной — вдоль Никольской. В наше время это был малопосещаемый, какой-то скучный рынок. По Садовой размещались продовольственные магазины, а по Никольской — разные склады. В подвальных помещениях торговали скобяными и щепяными товарами. Рынок имел и внутренний двор, там торговали оптовики, здесь были их склады. Помещались тут же и некото-

рые мастерские. Напротив рядов, вдоль ограды Екатерининского канала (тогда бульвара не было), пролегла вытоптанная, пыльная площадка — на ней с весны до поздней осени с утра до вечера толкались разные сезонные рабочие: маляры, плотники, штукатуры, кровельщики и пр. Здесь была их неорганизованная биржа, сюда приходили десятники и нанимали рабочих.

На обширной площади за Крестовоздвиженской церковью, что на Лиговке у Обводного канала, близ Каменного моста, торговали лошадьми и другими домашними животными, а также сеном, для чего там стояли возовые весы. Этот рынок имел свои характерные особенности и давал много интересных картин для наблюдения. Продажа лошадей была самой интересной.

Съезжалось много разных барышников, вездесущих цыган, всякого жулья, в том числе «поднатчиков», необыкновенных «знатоков лошадей» и прочих личностей, заботой которых было надуть и ободрать покупателя. «Поднатчики» со стороны продавца всячески расхваливали лошадь, указывая на несуществующие замечательные ее качества. Те же «поднатчики» при покупке лошади барышником, наоборот, всячески охаивали коня, старались незаметно ударить его по ноге, чтобы конь захромал, обливали шерсть вареным маслом, чтобы потом говорить: «У лошади парша» — и что-нибудь в этом роде.

Когда же продавалась хорошая лошадь и никакого обмана не требовалось, а хозяин знал цену своей лошади, «поднатчикам» делать было нечего — все окружающие вели себя иначе, были серьезны, не ругались и явно любовались животным. Действительно, нет ничего красивее хорошей, ничем не испорченной лошади!

На этой же площадке продавались коровы, свиньи, живая птица. Барышников там было мало, они совсем не интересовались такой торговлей: на ней ничего не заработаешь!

Торговля сеном возами производилась тут же. Пригородные крестьяне привозили много сена, так

как спрос на него был большой, поскольку механического транспорта почти не было. Каждый воз с сеном уже на подходе к площади осаждался так называемыми «цапками». Что же это за «цапки»? Это молодые, разбитные, разухабистые женщины, которые подбегали к возу с противоположной стороны от той, с которой шел владелец воза, обычно пригородный крестьянин, и вырывали — «цапали» — клочья сена, набивая им свои мешки. За день «цапки» набивали сеном несколько мешков. Это сено они продавали «по дешевке» одиночкам-извозчикам. Если крестьянин замечал воровство, то стегал «цапку» хлыстом или вожжами, не говоря уже о ругани. Как-то пришлось наблюдать такую дикую сцену: возом правил подросток, а отец шел сзади воза с кнутом. Молодая хищница-«цапка» подбежала к возу, вырвала клоч сена и тотчас получила страшный удар ремненным кнутом по лицу. Реакция была неожиданная: девка, вытирая кровь рукавом, разразилась отборной, площадной руганью, а подлетевшие другие «цапки» набросились на мужика и принялись его избивать. Воспользовавшись этой суматохой, «цапки» растащили воз наполовину, причем больше всех попользовалась сама побитая.

Там, где торговали коровами, ходили бедные женщины с ведерочками и просили разрешения подоить коров. Владельцы соглашались на это, так как несвоевременная дойка вредно отражалась на корове. Все были довольны: и корова, которой стало легче, и хозяин коровы, и бедная женщина, которая для своих ребятишек надоила молочка. Такая «благотворительная» дойка практиковалась очень широко на бойне, но там она носила несколько иной характер. Там сторожа допускали к этому только своих знакомых женщин, за это получали с них гривенники, а женщины надаивали помногу и несли молоко на продажу.

Конная площадь начинала работать рано утром, и часам к двум-трем вся торговля заканчивалась. Барышники, продав с выгодой одних лошадей и скупив, тоже с выгодой, других лошадей, уезжали с пло-

щади. Картина была такая: в сани или повозку запрягалось несколько лошадей, иных привязывали за повод к оглобле или к гужу. Сзади повозки, на поводках, следовало тоже несколько лошадей. «Удачливый» покупатель либо пешком вел лошадь за повод, либо ехал верхом на мешке с сеном.

После такой «негоции», конечно, в трактир не шли, потому что мешали лошади, но, когда приходили домой, покупку «вспрыскивали». Заводя лошадь в стойло, внимательно наблюдали, как лошадь войдет в конюшню. Если вошла спокойно и охотно — хороший признак; если заупрямилась, все говорили: «Ну, покупка не ко двору, толку для хозяина не будет».

МАГАЗИНЫ И ЛАВКИ, РЕСТОРАНЫ И ТРАКТИРЫ

*А окна лавок их! Огромнейшие рамы
Бесстыдны, холодны и залиты огнем.
Хрусталь сверкающий, блестящие
рекламы
И куклы с вежливым, безжизненным
лицом.*

А. Лозина-Лозинский

Но не рынком единым, о котором шла речь выше, жив был торговый Петербург. Помимо рынков в столице раскинулась громадная сеть торговых предприятий. Мы видели, что там, на рынках, не было особо специализированных лавок, специализация товаров началась скорее в магазинах, расположенных в центре города.

Вся торговля в Петербурге находилась в частных руках. Исключением была только продажа водки, которая производилась в казенных лавках (об этом ниже). Во всех торговых предприятиях фиксированных, определенных цен на те же товары того же производства не было. Везде, как и на рынке, цены были «с запросом». В лучших магазинах висели объявления — «цены без запросов» или европеизированное «prix fixe», но и то не всегда это соблюдалось. Опытные приказчики распознавали богатого провинциала и продавали ему «с надбавочкой».

Крупные магазины были, конечно, в центре города, но и скромные магазины в начале века стали под-

тягиваться, расширяться, переоборудоваться на новый лад. Большое внимание начали обращать на рекламу: повсюду красивые вывески и витрины — подражание магазинам в Гостином дворе, где использовались световые эффекты, различные звезды из электрических лампочек, особенно в окнах ювелирных магазинов. Вообще Гостиный двор, где покупателями была изысканная публика, «задавал тон». Там же появлялись уже специализированные магазины, не только в нашем понимании, но даже и «по специальности» — одежда для кормилиц, кучеров, лакеев, духовных лиц и пр.

В крупных магазинах манера вежливого обхождения была основным способом привлечения публики. Здесь приказчики «высшего класса» щеголяли французскими словами, у прилавка слышалось: «Merci, madame», «Je vous prie», одеты они были по последней моде, прическа à la Caroule (по имени знаменитого французского артиста), с начесом на лоб, манеры «галантерейные» и т. д. Многие знали своих покупателей, особенно если это были жены титулованных особ, при появлении их тотчас приносили стул и не жалели времени, раскидывая перед такими дамами одну коробку за другой, чтобы продемонстрировать особые образцы брюссельских кружев или только ею излюбленных отделок для платья. Если дама перероеет все коробки и уйдет, не найдя нужное, приказчик не смел отразить на своем лице неудовольствие, боясь, что в другой раз она обратится к другому приказчику, что уронит его престиж. И слова дам: «Я покупаю кружева только у Таратина» или «Эспри — только у Шутова и Кольцова» — заслуга магазина и своего рода реклама для него. Покупку до экипажа такой публики не гнушался донести и сам приказчик. В других случаях это выполнял специальный мальчик, одетый в форму с надписью на фуражке, скажем, «Второв и сыновья».

Итак, реклама и обхождение с покупателями — вот что спасало магазин в конкуренции. Некоторые фирмы этими средствами добивались звания «поставщиков двора его величества», чему содействова-

ли и крупные пожертвования в пользу благотворительных учреждений, участие их в российских и междугородных выставках, награды и медали за качество товаров. Такой поставщик имел право написать на вывеске рядом с царским гербом и свое «придворное звание». Такие магазины особенно блистали. Разумеется, звание обязывало стараться сделать магазин образцовым. Устроиться на работу в такой магазин уже было нелегко, нужна была рекомендация.

Большим событием в Петербурге было появление модернизированного типа магазина — универсама Гвардейского экономического общества, разместившегося сначала в Доме армии и флота. Торговля шла там в тесных помещениях, не удовлетворявших расширяющихся запросов магазина. За несколько дней до войны были выстроены громадные здания на Конюшенной улице, туда-то и переместился с широким размахом магазин Гвардейского общества. Ранее Петербург не знал универсального типа магазина, где, не выходя из одного здания, можно было купить все — от продуктов питания до музыкальных инструментов, офицерского обмундирования, снаряжения для лошади, заказать одежду, приобрести предметы роскоши, привезенные из-за границы, — словом, все. Сюда мог прийти всякий и что угодно купить, но членами общества могли быть только гвардейские и флотские офицеры. Цена для них была та же, разница заключалась в том, что при покупках членами общества «на пай» в конце года начислялся доход, который им и выдавали. Народу в универсаме бывало много, товар первоклассный, цены не выше, чем в других магазинах. Он сразу стал популярен.

Поразил сразу же петербуржцев обилием, разнообразием и качеством товаров появившийся в самом центре гастрономический магазин Елисеева. Некоторые торговые фирмы имели по несколько магазинов. У конфетной фабрики Конради было семь магазинов. Фабрика дешевых конфет «Ландрин», похожих на леденцы, открыла 40 магазинов. Лучшие бакалейные товары можно было купить у Соловьева, Черепенникова, которые имели тоже по несколько магазинов. Жи-

вые цветы во все времена года предлагала фирма Эйлерса. Ей принадлежало 5 магазинов. Объединение прибалтийских хозяйств «Помещик» раскинуло по всему городу 40 магазинов. Известная по всей России обувная фабрика «Скороход» имела в столице 7 магазинов. Такой рост представительств известных фирм наблюдался особенно в 1900—1910 годах.

* * *

*...А кругом —
числа нет вывескам лубочным:
кривая прачка с утюгом,
две накрест сложенные трубки
сукна малинового, ряд
смазных сапог, иль виноград,
или над лавкой мелочной
рог изобилья полустертый.*

В. Набоков

Тянулись за большими магазинами и лавки средней марки, тоже стараясь себя рекламировать вывесками, как выше мы уже писали, на всех возможных местах: на трамваях, на пустых стенах, на пристанях и т. д. Над входом в булочную было принято вывешивать золоченый крендель, в обувном магазине — золотой сапог, громадные часы повисали над часовым магазином и т. д.

Чем дальше от центра столицы, тем больше становилось магазинов помельче — лавок и лавочек. В них часто совсем не было приказчиков, хозяин с семьей жил при магазине. Над входной дверью висел колокольчик, который давал хозяину знать, что зашел покупатель. Хозяин выходил из жилой комнаты в магазин и отпускал требуемое. Особый вид был у так называемых мелочных лавок. Это были своего рода маленькие универсамы. Там можно было купить хлеб, селедку, овощи, крупу, конфеты, мыло, керосин, швабру, конверты, почтовые открытки и марки, дешевую посуду, лампадное, постное, сливочное и топленое масло, пироги с мясом, морковкой, саго, гречневой

кашей. При мелочной лавке была и маленькая пекарня. На Рождество и Пасху можно было отдать сюда запечь окорок или телячью ногу. Там же продавались кнуты, рукавицы для извозчиков. Всего не перечесать. Таких лавок было очень много, и это было удобно. В них практиковался кредит. Хозяин выдавал покупателю заборную книжку, куда вписывались все покупки. Расчет производился раз в месяц. Кредитом пользовались постоянные жители, которых знал хозяин. Кредит прикреплял покупателя к лавке. Были и поощрения со стороны хозяина: к празднику исправному плательщику выдавалась премия, скажем коробка конфет.

Обычно купцу принадлежало несколько лавок, в каждую он ставил доверенного приказчика, который ежемесячно сдавал определенную сумму дохода, а остальное хозяина не интересовало. Такие лавки бывали своего рода клубом, где по вечерам собиралась «дворовая аристократия» — дворники, прислуга, кучера, ремесленники. Забегут на минутку купить десяток папирос или на копейку квасу и за разговорами задержатся. Обсуждались сенсационные новости: измены, драки, кражи. Тут же писались письма, давались юридические советы и даже медицинские консультации.

Прибегает в слезах горничная: ударила хозяйка. Немедленно появляется «адвокат», который сразу же пишет жалобу мировому судье с «полным знанием всех законов Российской империи» и ссылкой на фантастическую статью. При почтительном молчании присутствующих автор зачитывает свое произведение, слышатся возгласы: «Ну и голова, Спиридоныч: если уж напишет, никто с крючка не сорвется». Или придет измученная женщина: муж опять запил, что делать? Советчики рекомендуют: «Ты б свела его в Варшавскую церковь» или «Иди к тетке Агафье на Вторую роту: она заговаривает от пьянства». Все поддакивают: «Точно, давно проверено».

У каждой порядочной лавки или магазина были двухколесные тележки. В них развозили товары. Этим занимались «молодцы» — здоровые парни, ко-

торые в остальное время переносили ящики, кипы, перекачивали бочки. Воз картонных, фанерных или лубяных коробок из магазина модных дамских вещей поражал размерами, из-за него не увидишь, бывало, возчика.

Мясные лавки на тележках развозили по столовым и трактирам мясо. Фирма «Помещик» развозила по квартирам молочные продукты. Гуталин, который появился в наше время и вытеснил ваксу, развозился по магазинам и лавкам тоже в особых тележках.

В столице работало много модных мастерских и портных. Девушки-ученицы кроме прямых своих занятий должны были доставлять заказы по домам, разносили громадные картонки. За задержки они получали выговоры и от заказчиц, и от хозяек, а причина опоздания была самая простая: встретился угодный молодой человек, вот и полюбезничала немного.

Продажа водки была царской монополией. Специальные казенные винные лавки — «казенки» — помещались на тихих улицах, вдали от церквей и учебных заведений. Так того требовали полицейские правила. Эти лавки имели вид непритязательный, обычно в первом этаже частного дома. Над дверью небольшая вывеска зеленого цвета с государственным гербом: двуглавым орлом и надписью «Казенная винная лавка». Внутри лавки — перегородка почти до потолка, по грудь деревянная, а выше проволочная сетка и два окошечка. Два сорта водки — с белой и красной головкой. Бутылка водки высшего сорта с «белой головкой», очищенная, стоила 60 копеек, с «красной головкой» — 40. Продавались бутылки емкостью четверть ведра — «четверти», в плетеной щепяной корзине. Полбутылки называлась «сороковка», т. е. сороковая часть ведра, сотая часть ведра — «сотка», двухсотая — «мерзавчик». С посудой он стоил шесть копеек: 4 копейки водка и 2 копейки посуды.

В лавках «сидельцами» назначались вдовы мелких чиновников, офицеров. «Сиделец» принимал деньги и продавал почтовые и гербовые марки, гербовую

бумагу, игральные карты. Вино подавал в другом окошечке здоровенный «дядька», который мог утихомирить любого буяна. В лавке было тихо, зато рядом на улице царило оживление: стояли подводы, около них извозчики, любители выпить. Купив посудинку с красной головкой — подешевле, они тут же сбивали сургуч с головки, легонько ударяя ею о стену. Вся штукатурка около дверей была в красных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка, выпивали из горлышка, закусывали или принесенным с собой, или покупали здесь же у стоящих баб горячую картошку, огурец. В крепкие морозы оживление у «казенок» было значительно большее. Колоритными фигурами были бабы в толстых юбках, сидящие на чугунах с горячей картошкой, заменяя собою термос и одновременно греясь в трескучий мороз. Полицейские разгоняли эту компанию от винных лавок, но особенного рвения не проявляли, так как получали угощение от завсегдатаев «казенки».

* * *

*«Кюба», «Контан», «Медведь», «Донон»,
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в невиский небосклон
В своем сверкающем сплетенье!*

Н. Агнивцев

*Идут, обнявшись, смеясь и толкаясь,
В открытые настезь пивные.
Идут, как братья, шумя и ругаясь,
И все такие смешные.*

Саша Черный

...Видимо, именно здесь, в повествовании о петербургской торговле, необходимо рассказать, как столица утоляла голод вне дома. И тут были свои контрасты, разительные отличия.

С одной стороны, фешенебельные рестораны, с другой — чайные, всякого рода закусовые, где торговали дешевой снедью. Каких только ресторанов не

было! К фешенебельным относились «Эрнест», «Пивато», «Кюба», два «Донона» (старый и новый), «Контан». Здесь тяжелую дубовую дверь открывал швейцар, который с почтением раскланивался. На его лице было написано, что именно вас он и ожидал увидеть. Это обыкновенно бывал видный мужчина в лирее с расчесанными надвое бакенбардами. Он передавал вас другим служающим, которые вели вас по мягкому ковру в гардероб. Там занимались вашим разоблачением так ловко и бережно, что вы не замечали, как оказались без пальто — его принял один человек; без шляпы — ее снял другой; третий занялся тростью и галошами (если время было осеннее). Далее вас встречал на пороге зала величественный метрдотель. С видом серьезнейшим он сопровождал вас в залу: «Где вам будет угодно? Поближе к сцене или вам будет мешать шум?» Наконец место выбрано. Сели. Словно из-под земли явились два официанта. Они не смеют вступать в разговоры, а только ожидают распоряжения метрдотеля, а тот воркующим голосом, употребляя французские названия вин и закусок, выясняет, что вы будете есть и пить. Наконец неслышно для вас он дает распоряжения официантам, которые мгновенно вновь появляются с дополнительной сервировкой и закуской. Метрдотель оставляет вас, чтобы через минуту вновь появиться и проверить, все ли в порядке. Два официанта стоят поодаль, неотступно следят за каждым вашим движением. Вы потянулись за солью — официант уже здесь с солонкой. Вы вынули портсигар — он около с зажженной спичкой. По знаку метрдотеля одни блюда заменяются другими. Нас всегда поражала ловкость официантов и память метрдотеля, который не смел забыть или перепутать, что вы заказали.

Одета прислуга была так: метрдотель в смокинге, официанты во фраках, выбриты, в белых перчатках. Такие рестораны заполнялись публикой после театров. Они работали до трех часов ночи. Часов в 8—9 начинал играть оркестр, румынский или венгерский. Программа начиналась в 11 часов, выступали цыга-

не, певицы. В некоторых ресторанах были только оркестры. Во многих ресторанах прислуга была из татар, они были исключительно расторопны.

Цены здесь были очень высоки: обед без закуски и вин стоил 2 рубля 50 копеек. Особенно наживались владельцы ресторанов на винах, которые подавались в 4—5 раз дороже магазинных цен, и на фруктах. В конце обеда или ужина метрдотель незаметно клал на край стола на подносе счет и исчезал. Было принято оставлять деньги поверх счета с прибавкой не менее десяти процентов официантам и метрдотелю. При уходе все с вами почтительно раскланивались, так же «бережно» одевали, провожали до дверей.

За кулисами этой роскоши — 20 часов ежедневного труда прислуги: поварят, судомоек, кухонных мужиков, которые должны были приходиться рано утром и чистить, мыть, резать, убирать посуду. Да и сам шеф-повар не знал отдыха ни днем, ни ночью — за все в ответе. Дети-поварята засыпали на ходу, часто их не отпускали домой, и они, приткнувшись на стуле, спали по 3—4 часа.

Ниже рангом были «Медведь», «Аквариум», «Вилла Родэ», рестораны при гостиницах. Там бывали главным образом фабриканты, купцы. Они обязательно требовали варьете с богатой программой. Устраивались кутежи. Прислуга была не так сдержанна.

Далее шли рестораны I разряда: «Вена», «Прага», «Квисисана», «Доминик», рестораны при гостиницах «Знаменской», «Северной», «Англетер». В них цены были ниже. Посещали их в основном люди деловые — чиновники, служащие банка, а также артисты и зажиточная молодежь.

«Вена» на Малой Морской посещалась прежде всего артистами, писателями, художниками. Обстановка там была свободная. Заводились споры, обсуждались вернисажи, литературные новинки, посетители обменивались автографами, иногда декламировали, пели. Хозяин ресторана поощрял такие вольности, сам собирал рисунки знаменитостей, вывешивал их как рекламу.

Особый характер приобрел ресторан «Квисисана»

на Невском, возле «Пассажа». Там был механический автомат-буфет. За 10—20 копеек можно было получить салат, за 5 копеек — бутерброд. Его охотно посещали студенты, представители небогатой интеллигенции. Студенты шутили, перефразируя латинскую поговорку: «Менс сана ин Квисисана».

Знаменит был ресторан Федорова на Малой Садовой, он славился стойкой. Не раздеваясь, там можно было получить рюмку водки и бутерброд с бужениной, и все это за 10 копеек. Посетители сами набирали бутерброды, а затем расплачивались. По вечерам здесь была толпа. В этой толкучке находились и такие, кто платил за один бутерброд, а съедал больше. Один буфетчик не мог за всеми уследить, несмотря на всю расторопность. И так он в обеих руках держал по бутылке водки, наливая одновременно две рюмки. Он же получал деньги, сколько называл посетитель. Говорят, что кое-кто из недоплативших за бутерброды по стесненным обстоятельствам, когда выходил из кризисного положения, посылал на имя Федорова деньги с благодарственным письмом.

Ресторан при «Мариинской» гостинице в Чернышевском переулке был рассчитан на своих постояльцев — гостинодворских купцов, промышленников, коммерсантов, старших приказчиков. Здесь можно было заказать чисто русскую еду, официанты были в белых брюках и рубашках с малиновым пояском, за который затыкался кошель — «лопаточник». У купцов бумажник назывался «лопаточник», поскольку в развернутом виде напоминал лопату, которой загребал деньги. По вечерам здесь играл русский оркестр, музыканты были в вышитых рубашках.

Каждый ресторан имел свою славу. Ресторан при «Балабинской» гостинице на Знаменской площади славился ростбифами, другой — солянкой и т. д. Рестораны были открыты до 3 часов ночи.

Рестораны II разряда работали до 1 часа ночи. Они были скромнее: и помещение, и кухня, и обслуживание. Но и цены были ниже. Оркестрик маленький или просто машина, куда закладывали бумажный рулон с выбитыми отверстиями. Она действова-

ла по типу пианолы. Внешне — с выдумкой: она выглядела как буфет, посередине, как правило, тирольский пейзаж. Вертящиеся стеклянные трубочки имитировали водопад, из тоннеля выезжал маленький поезд, переезжал через мостик в скалах, исчезал в горах, затем появлялся снова. В ресторанах второго и ниже разрядов водка подавалась не в графинах, а в запечатанной посуде, чтобы посетитель не сомневался. Хорошие рестораны были при вокзалах, особенно при Варшавском, Финляндском и Царскосельском. Очень уютный ресторан был при Новодеревенском вокзале Приморской линии.

Рестораны низшего разряда назывались трактирами. Свое название они уже не оправдывали, поскольку стояли не на проезжих дорогах — трактах, а на городских улицах. В центре города этих заведений не было. Обычно трактиры и чайные имели две половины: одна — для публики попроще, для «чистой» публики другая. Обслуживали здесь половые. Особой чистоты не было, но кормили сытно. Здесь обедал трудовой люд, вечером собирались компании, бывали скандалы и драки, слышались свистки, появлялся городской, кого-то вели в участок, других вышибали. Играла машина или гармонист. Цены невысокие. Часто сюда заходили только попить чаю. Не доверяя чистоте посуды, сами споласкивали ее. При заказе порции чаю подавали два белых чайника: один маленький — для заварки, другой — побольше, с кипятком; крышки были на цепочках, а носики в оловянной оправе, чтобы не разбивались.

Особо выделялись извозчицы чайные и трактиры. При них был большой двор с яслями для лошадей. При въезде в город были постоянные дворы для приезжих крестьян, которые могли остановиться на несколько дней, поставить лошадь, получить для нее фураж и сами питались недорого. Здесь было грязно, неопрятно, стоял специфический запах. Топили здесь здорово, люди спали не раздеваясь, можно было и за столом закусывать, не снимая верхнего платья.

Любопытны были названия некоторых трактиров

и чайных. На грязных трактирчиках можно было видеть: «Париж», «Лондон», «Сан-Франциско» или же с выдумкой хозяина — «Муравей», «Цветочек». У одного трактира было название маленького городка Ярославской губернии — «Любин», откуда приезжало много расторопных ярославцев, которые начинали с половых, постепенно богатея, открывали свои заведения. Кормили в трактирах щами, горохом, кашей, поджаренным вареным мясом с луком, дешевой рыбой — салакой, треской.

Особую категорию представляли собой столовые для бедных служащих, студентов. В них не подавали напитков, но за небольшую плату — 15—20 копеек — можно было получить приличный обед. Чисто, аккуратно работали сама хозяйка и ее семья. Славилась польские столовые, где вкусно готовили специфические польские блюда — зразы, фляки (потроха) и т. д. Много таких столовых было и близ учебных заведений, например около Технологического института. Были столовые и при университете, и при Технологическом институте, которые содержались кассой взаимопомощи студентов, налогов такие столовые не платили, даже имели дотацию. Обеды были сытные, и главное — на столах хлеба полные корзины, ешь вдоволь. Можно было пообедать за 10—15 копеек. Всюду, конечно, самообслуживание.

ОДЕЖДА И МОДА

*И в непрерывном лабиринте
Гербов, камней и туалетов
Приподнимаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.*

Н. Агнивцев

*..И над нами через сто лет посме-
ются. Вот, скажут, как нелегко было
существовать им! Мужчины на горлах
воротнички такие тугие носили,
дамы — корсеты... И верно. Смешно.
Да только и это уходит.*

М. Зощенко

Охарактеризовать моду периода 1890—1910-х годов непросто, ибо этот отрезок времени слишком длителен для изменчивой капризницы-моды. Поэтому ограничимся описанием туалетов каждой из сословных групп общества и указанием тенденции в изменении моды данного периода.

Петербург не был бы «блистательным», если бы блистал только витринами магазинов на Невском. Заезжих провинциалов он поражал и обликом публики, на себе демонстрирующей все то, что красовалось в витринах Гостиного, Гвардейского общества и других фешенебельных магазинов. На улицах, правда, эта сверкающая толпа вбирала в себя и персонажей из других слоев общества, скромно одетых, а то и просто нищенски выглядящих. Поэтому представление о туалетах состоятельной части общества можно было получить, попав на премьеру в театр, на концерт в Благородном собрании или (что было проще всего) в Павловском вокзале. Здесь модницы, которых было немало во всех слоях общества, могли

ознакомиться с модами не только Петербурга, но и Парижа, так как оттуда вливался поток образцов для петербургских ателье и частных портных.

Но и в среде состоятельной части публики для зоркого глаза намечалась заметная рознь, на рубеже веков постепенно стирающаяся.

В среде купечества, подрядчиков женщины одевались пышно — этим подчеркивалось богатство их мужей. Масса дорогих мехов — палантины из соболя, горноста, шиншиллы, шубы на дорогом меху или целиком все пальто с верхом из ценного меха котика, каракуля. Платья из лионского бархата, английского тонкого сукна, шелковые с брюссельскими или венецианскими кружевами. Обувь особо оригинальных фасонов, нередко ботинки из белой лайки. Для тепла надевали в морозы фетровые светло-серые ботики.

Для создания стройной фигуры молодые, да и пожилые женщины, особенно полные, носили корсет под платьем. Это французское изобретение причиняло много страданий и вреда их здоровью. Неразумные модницы до того стягивали свою фигуру в «рюмочку», что окружность талии чуть ли не равнялась окружности шеи. Можно себе представить, какие муки переносила кокетка в жестком корсете на китовом усе, когда она пребывала подряд несколько часов в такой кирасе! Был еще один женский секрет для того, чтобы фигура выглядела более рельефной: под юбку сзади, ниже пояса, подшивали маленькую удлиненную подушечку.

Что касается драгоценностей, то дамы этого круга не знали чувства меры: у иной пальцы едва сгибались от множества колец. На пышной груди покачивался, как на волнах, громадный кулон, который стоил не одну тысячу рублей. Золотая цепь от этого кулона свободно могла бы удержать свирепого цербера. Браслеты были нанизаны от запястья до локтя. Толстые золотые цепи в этом кругу вообще были в моде, на них носили не только часы и лорнетты, но и муфты. На шею надевали жемчужные и бриллиантовые нити, украшали голову диадемой из драгоценных камней.

Одежда мужчин купеческого круга ничем не отличалась от того, что носили в среде интеллигенции, лиц свободных профессий — адвокатов, врачей, служащих частных банков. Только материал был добротнее, сшито не в обтяжку, а свободнее, сюртук подлиннее. Шуба на дорогом меху. Купцов в поддевах в наше время почти уже не было. Типы Островского отошли в прошлое. Золото носили в виде перстней и золотых часов с цепочкой. Зимой у мужчин костюм был обычно темных тонов, шерстяной. Желая несколько оживить однотонность костюма, носили жилет из другой материи, более светлого цвета. Было принято разнообразить эти костюмы, надевая брюки более светлого цвета, чем пиджак, обычно в продольную полоску.

Моды на костюмы менялись. На нашей памяти носили длинные пиджаки — «пальмерстоны», позже начали носить более короткие из плотной материи, зимой — двубортные, летом — из более легкой материи однобортные, с закругленными полами. Брюки носили узкие, иногда со штрипками. В последнее время перед войной стали входить в моду брюки клеш, но они не привились. Часы носили в жилетном кармане, обыкновенно открытые, из вороненой стали с золотой или тоже вороненой цепочкой, причем молодые носили в верхнем кармане жилета, а пожилые в нижнем. Наручных часов не носили. Рубашка под тройкой полагалась белая, зимой крахмальная, летом — пикейная. Летом носили пиджак из альпака — легкой шелковой материи обычно синего цвета. В жаркое время носили парусиновые, чаще чесучовые костюмы.

Галстуки употреблялись двух видов: самовязки, что было неудобно при крахмальных воротниках, и чаще — «на машинке». Воротники у рубашек были стоячие с загнутыми отворотиками или двойные отложные.

Более официальными костюмами были сюртук, смокинг и фрак. Сюртук чаще был двубортный, с задними карманами и пуговицами на талии. Шился он из черного сукна, у молодых до колен, у пожилых не-

сколько ниже. На груди для молодых шился более открытым, для пожилых — более глухим.

Жакет — это была переходная форма от сюртука к фраку. Он шился однобортным, фалды закругленные. Вырез более глухой, чем у фрака, такой же вырез у жилета. Брюки под жакет было принято носить в полоску, черные с серой полоской. Последнюю нижнюю пуговицу жакета было принято не застегивать. Галстук с сюртуком носился темный.

Молодые, следя за модой, носили разного вида проборы: то сбоку, то посередине, причем и по затылку, почти до самой шеи, что придавало фатоватый вид. Некоторые зачесывали волосы свободной волной назад, другие носили с зачесом на лоб. Более пожилые люди носили зачес назад, низкий боковой пробор с зачесом на образующуюся плешину или брились наголо. Носили усы и бороды или только баки. Бороды и усы носили разных фасонов. Усы — «в кольцо», «щеточкой», острые, прямые, а-ля Вильгельм, пушистые, сливающиеся с бородой. Бороды — короткие, длинные, раздвоенные, «лопатой», Henri Quatre и пр. Волосы на голове мужчины не завивали, усы же и бороду иногда подвивали, нафабривали. Брили все лицо почти исключительно артисты, католические священники и немногие англомены. Косметика у мужчин была редкостью, помада же употреблялась самых различных сортов.

Аристократия старалась не отличаться особой пышностью, броскостью туалетов. На улице, встретив скромно одетую даму или господина, вы могли и не признать в них аристократов. Конечно, у этих людей не встречалось смешения разных стилей, вся одежда, от головного убора до перчаток и ботинок, была строго выдержана. Им не свойственны были слишком яркие цвета одежды, которые бросались бы в глаза. Надо отметить, что люди этого круга не очень спешили следовать за модой, а всегда чуточку как бы отставали от нее, что считалось признаком хорошего тона. Моды, в общем, были те же самые, но все сшито безукоризненно, из самых лучших материалов.

Много вещей и материалов было из-за границы. Никогда эти люди не злоупотребляли ношением драгоценностей. Обычно эти драгоценности были фамильные, переходившие из рода в род. Были, конечно, и исключения — отдельные богатые аристократки одевались очень нарядно и тратили на это громадные деньги. Так, княгиня Орлова, та самая, которую увековечил В. А. Серов, тратила ежегодно (по словам сына директора Императорских театров В. А. Теляковского) около ста тысяч рублей.

Нам приходилось встречать этих людей кроме обычной обстановки в Мариинском и Михайловском театрах и в концертах. В воскресенье вечером в Мариинском театре шел обычно балет, и тогда собиралась особо нарядная публика. Но и там можно было отличить аристократок от представителей «золотого мешка»: красивые, изысканные туалеты аристократок выгодно отличались своей выдержанностью и изяществом от пышных, броских туалетов богачев. Надевать много драгоценностей считалось дурным тоном.

Веера в обиходе не употреблялись, разве только летом, в жару. Обыкновенно веер был принадлежностью бального платья. Разнообразие их было большое, от очень дорогих с черепаховой оправой и страусовыми перьями на золотой цепочке до дешевых на целлулоидной или деревянной основе с гармошкой из шелковой материи. На дачах было принято носить китайские веера гармошкой из бумаги. Их продавали разносчики-китайцы.

Духи модны были французские, особенно фирмы «Коти», «Убиган». В конце описываемого периода вошли в моду эссенции, и тоже французские, например ландышевая: маленький пузыречек заключен в деревянный футлярчик. К притертой пробке прикреплен стеклянный пестик, с которого капали одну-две капли на волосы или платье. Аромат сохранялся долго, была полная иллюзия натурального ландыша. Стоили они дорого — 10 рублей за флакончик.

Верхняя одежда женщин состояла в теплую погоду из костюма скромных тонов или легкого пальто.

Для холодной погоды были осенние драповые пальто и зимние шубки, обычно не меховые, так как и тогда меха были дороги. Ограничивались меховым воротником, обшлагами и муфтой из того же меха. Вместо мехового воротника носили иногда боа из перьев или меха. Оно надевалось отдельно от шубки. На боа из меха часто пришивались мордочки или лапки тех зверьков, из которых шито боа. Муфты делались большого размера, с внутренним карманом, куда можно было положить перчатки, портмоне, носовой платок.

Обувь молодые женщины носили чаще на французском каблуке средней высоты. В дождливую погоду все ходили в галошах.

Чулки обычно носили простые, в теплое время — бумажные, в холодное — шерстяные. Юбки были длинные, чулок не было видно, а потому на них не обращалось большого внимания. В парадных случаях для девушек или невест покупались ажурные шелковые чулки. Всякого рода чулки «паутинки» стали входить в моду только в начале XX века.

Перчатки носили вязаные, из фильдекоса, в более теплое время — из лайки и замши. Среди богатых людей и в высшем кругу не принято было появляться на улице без перчаток. Особенно славились английские перчатки фирмы «Дерби» из хорошей кожи, с большой прочной кнопкой. Женщины на балах и приемах надевали белые шелковые или лайковые перчатки, длинные, выше локтя. Мужчины — если они в форме — замшевые, в штатском — лайковые.

Появился было своеобразный вид дамских перчаток для лета — митенки, это перчатки с обрезанными пальцами, обычно ажурные, белые, оставляющие обнаженными две фаланги пальца. Особого распространения такое новшество среди модниц не получило.

Несколько слов о прическах: короткой стрижки не было, разве только у некоторых курсисток. Старались носить пышные прически. Под волосы не очень густые подкладывали волосяные валики. Волосы укладывались в прическу либо на темени, либо на затылке, смотря по фасону, скреплялись шпильками

металлическими, целлулоидными, черепаховыми или под черепаху. Также для украшения прически употреблялись различные пряжки, нитки из фальшивых драгоценных камней, жемчуга. Девушкам было модно украшать головку венчиком из искусственных мелких цветов. В особых случаях — на балы и свадьбы — волосы посыпались золотой или серебряной пудрой. Всех причесок нам не описать, как невозможно предугадать все фантазии женщин и угодливых русских «жанов» — парикмахеров.

Принято было завивать волосы, но чаще это делалось дома, для чего каждая женщина или девица имела щипцы, которые нагревали примитивным способом, опуская внутрь стекла горячей керосиновой лампы. Папильотками завивались реже, причем смачивали волосы сладким чаем или квасом. Это делали более пожилые женщины. Они же часто носили на голове наколки из черного шелка и кружев.

Девушки особых причесок не носили, особенно молоденькие, а ограничивались косой, особенно если волосы были густые и длинные. Поверх косы на затылке — обычно большой черный бант, в театр и на балы — белый. В этих же случаях были приняты локоны (свои завитые или накладные).

Несколько слов о «кисейных барышнях» — термине, вошедшем в литературу. Выходное, бальное платье молодым небогатым девицам было принято шить из белой кисеи. Это было недорого, и такое платье на голубом или розовом чехле делало девицу нарядной, если к тому же прическа с большим белым бантом, белые туфельки и чулки. Если платье было пышное, получался воздушный вид. По талии обычно завязывалась широкая белая лента, на спине из этой же ленты делался большой бант. Руки обычно были открыты, делалось маленькое декольте.

Как уже сказано в начале главы, проследить изменение моды трудно. Можно наметить лишь тенденцию изменения силуэта. К концу периода, обозначенного в названии книги, рельефность фигуры дамы, подчеркнутость талии стали выходить из моды. На смену появился английский скромный стиль с

прямыми линиями, без подчеркивания нарядности, — мода, склонная к простоте, избегающая многочисленных украшений, выродившаяся в десятилетиях уже в стиль модерн, с узкими юбками и громадными шляпами.

Казалось бы, что проще всего составить себе представление о моде по туалету артисток, выступающих на концертах, на эстраде. Действительно, они всей душой стремились воплотить моду в своих костюмах. Но это — путь опасный. Не говоря уже об утрировании, что свойственно артистам, не всегда певица, арфистка или пианистка обладала чувством меры и вкусом. Во-вторых, изготовление туалета всегда связано с затратой больших средств, тем более что выйти на сцену в одном и том же платье два-три раза уже считалось неудобным. Конечно, такая певица, как Вяльцева, бывавшая с выступлениями в аристократических кругах, вполне обладала и вкусом, и сдержанностью в выборе туалета. Другие же, если не догадывались посоветоваться с обладательницей вкуса и такта, часто допускали вульгарность в наряде, ошибочно считая блеск камней (иной раз и фальшивых) основным средством украшения наряда. Иной раз эстрадная актриса выглядела почти пародией на пышно разодетую купчиху, к тому же чрезмерно пользовалась косметикой.

И все же модный силуэт дамского наряда ими всеми чутьем угадывался правильно. Считалось допустимым для них и некоторое тактичное утрирование, если оно художественно. Например, шлейф, постепенно уходивший в прошлое, к десятилетиям нашего века, возможный разве что на особо званых балах, на свадьбах (у невесты обязательно), у певицы, выступающей в концерте Дворянского собрания, консерватории, был вполне допустим. Но он требовал и соответствующей прически и обуви. Доставлялась такая красавица зимой в ротонде, которую набрасывали, а не надевали, и с шалью на голове вместо шляпы, чтобы не смять туалета.

То же касается и цилиндра, ставшего архаичным в обиходе мужчин. Артистический мир сохранил его

до самой революции. Вертинский выступал со своими песенками в цилиндре, когда сменил свой костюм Пьеро на светский фрак. Наличие этого головного убора требовало, конечно, полного соответствия в облике с головы до ног — прически, галстука, туфель. Цилиндр надевали и дирижеры открытых эстрад.

* * *

Контрасты были повсюду, во всех областях жизни «последнего» Петербурга. Контрасты были и в одежде людей. В Петербурге можно было встретить оборванного работягу в лаптях, который пришел на заработки из деревни, и изысканно, роскошно, по последней парижской моде одетых людей, о которых рассказано выше.

Приезжая из деревни в сермяге, в домотканом платье, подчас даже в лаптях, с мешком за плечами, в углу которого зашита луковица для удержания петли-лямки, рабочий как можно скорее старался приодеться по-городскому, приобрести картуз с лакированным козырьком, темного цвета пиджак и брюки, а то и всю тройку и обязательно высокие сапоги. Рабочий люд всегда ходил в высоких сапогах. Большинство галош не носили. Считалось, что брюки на выпуск — это как-то несолидно. Высокие сапоги считались предметом заботы не только потому, что отвечали эстетическим принципам рабочего человека, но и ввиду того, что в них удобно было на работе: не пачкались брюки при работе в грязи, ступни ног были защищены от неизбежных ударов при тяжелой работе, ведь ноги обертывались под сапог толстой портянкой. Когда рабочий уже пообедал, он приобретал еще другие, выходные сапоги из хрома с лакированными голенищами. Они так и назывались — русские сапоги. Считалось особенным шиком, чтобы выходные сапоги были «со скрипом». Отвечая этим пожеланиям, сапожники прибегали к такому ухищрению: между стелькой и подметкой закладывали сухую бересту, и сапоги начинали скрипеть.

Рабочий народ, как правило, носил рубашки-коворотки разных цветов. Особенно приняты были черные рубашки, как менее маркие. Поверх рубашки носили жилетку без всякого пиджака. Рубашка часто, особенно у пожилых, оставалась навывпуск. Особенное тяготение к жилетке наблюдалось у только что приехавших из деревни. Старую жилетку можно было купить на толкучке копеек за 50—60. Наденет паренек такую жилетку и почувствует себя уже городским.

На холодное время приобретались шерстяные фуфайки, шапки, толстые брюки, ватные пиджаки. Сапоги оставались, редко кто носил валенки. Длинные пальто рабочие носили мало: они стесняли их движения. Нагольные полушубки носить стеснялись, черненные были в большем ходу. Надо сказать, что, как общее правило, одежды от завода, фабрики или просто хозяина не полагалось, разве только в специальных цехах. Поэтому рабочему человеку приходилось все вещи покупать на свои деньги: в зависимости от их количества либо старые или подержанные — на толкучке в Александровском рынке, либо новые, подешевле, в лавках, открываемых возле больших предприятий. У больших заводов в дни получек открывался своеобразный базар «на ногах»: приходили торговцы с разными товарами, обувью и одеждой на всякую цену. Тут же, на улице, все это и примерялось. Окружающие принимали участие в покупке своими советами: кто хвалил, кто хаял товар, сбивая с толку покупателя и «купца».

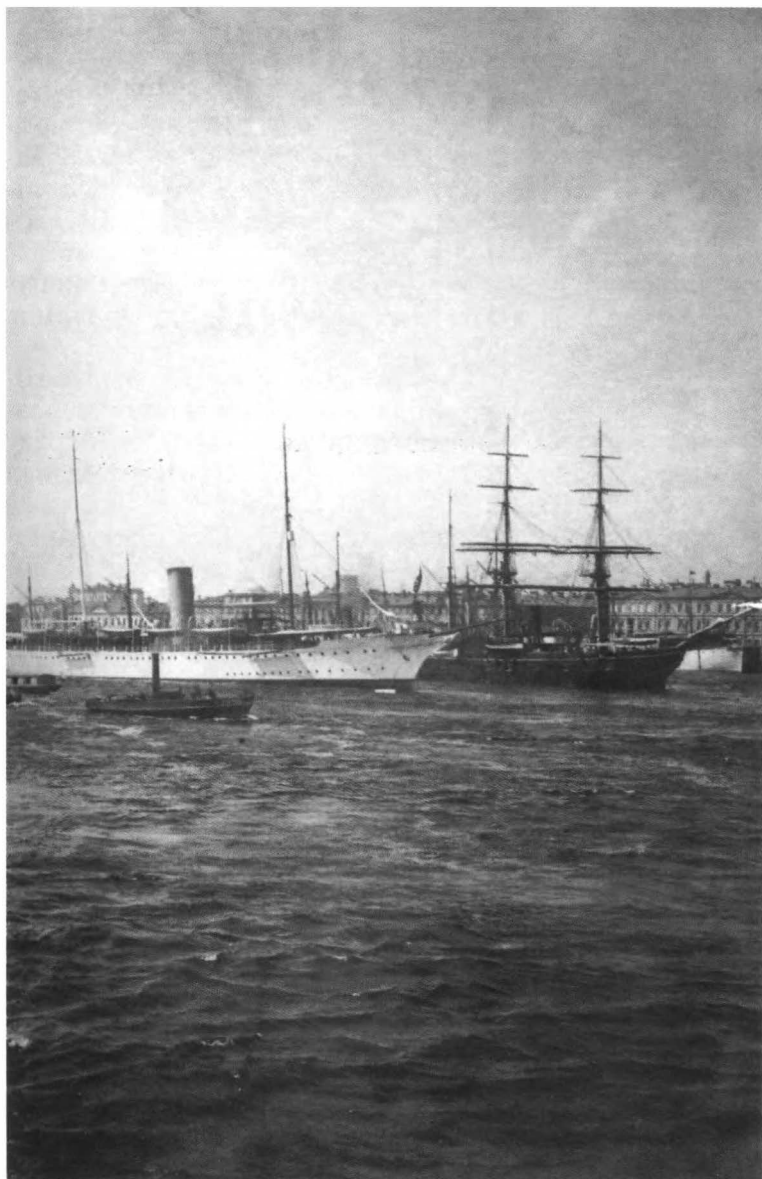
Высококвалифицированные рабочие ходили на работу также в высоких сапогах и простой одежде, а «на выход» носили хорошие тройки, рубашки с галстуком, брюки навывпуск и даже сюртуки. Носили пальто, зимнее на меху, и хорошую меховую шапку. Рабочие попроще носили шапку-ушанку, а после первой революции — чаще папаху. Фуражка с лакированным козырьком уступила место кепке.

Женщины-работницы носили ситцевые платья, на работу обычно темные. На производстве надевали сверху халатик или передник. Выходные платья

старались приобрести шерстяные. На улице в холодную и прохладную погоду носили короткие на ватине кофты, позже — более длинные саки. Не обремененные семьей работницы копили деньги на приобретение плюшевого сака с аграмантами. Ноги обували в прюнелевые ботинки — самую дешевую женскую обувь. В сырую погоду поверх надевали галоши. По праздникам прюнелевые башмаки заменялись кожаными туфлями или полусапожками на пуговках. Для застегивания пуговиц употреблялись специальные крючки.

Предметом особых забот работниц были головные платки, шали, полушалки. Разного цвета, разного качества, часто красивой расцветки, они сразу меняли облик женщины. Черный платок придавал грустный вид, цветистый платок или шаль делали ее нарядной, праздничной. Очень была распространена черная кружевная шаль, которую надевали обычно вместе с саксом. Шляпа или шапочка в рабочей среде не прививалась. Сережки, колечки, брошки и браслеты были в большом ходу, чаще серебряные, позолоченные, с искусственными камнями. Прическу делали простую, узлом, закалывали обычными железными шпильками, стриженных работниц не было. Девушки носили косы. Косметика почти не применялась: считалось стыдным румяниться и даже пудриться, особенно девушкам. Духов и одеколонов обычно не покупали, ограничивались душистым мылом. Особенно в ходу было земляничное мыло.

Средние слои населения — мещане, мелкие чиновники и служащие старались подражать господам. Со слезами тратили свои последние денежки (особенно женщины) на одежду, чтобы выглядеть прилично. Это требовало от скромных тружеников больших жертв, ухищрений. Мужчина должен быть в крахмальном белье с манжетами, в приличном костюме-тройке, штиблетах, носить шляпу или котелок, иметь зимнее или демисезонное пальто. Курящим полагалось иметь серебряный портсигар, пожилым — трость с серебряной ручкой. Так как такая одежда требовала значительных денег, торговля шла

Корабли на Неве. Фотография начала 1900-х гг.

Лов рыбы в устье Невы. Фотография 1890-х гг.

Рыбаки после окончания лова. Фотография 1890-х гг.

Вид Невы зимой. *Фотография 1890-х гг.*

Заготовка льда на Неве. *Фотография 1890-х гг.*

Водовоз. Фотография 1900-х гг.

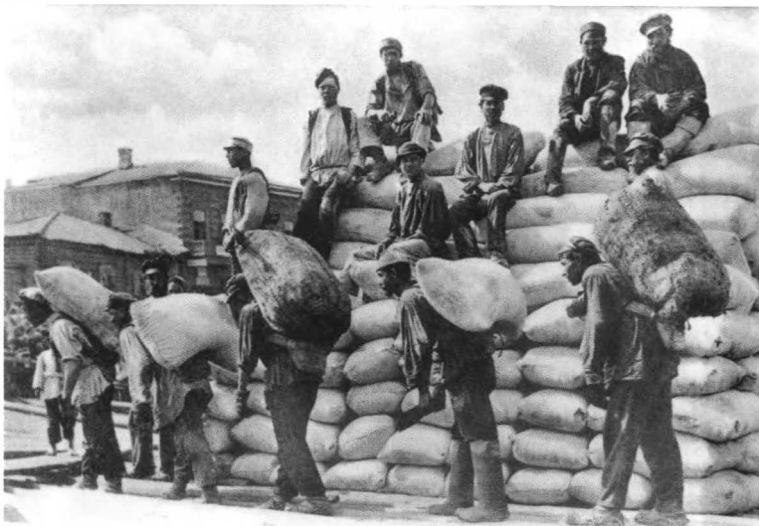
Николаевская набережная во время наводнения.
Фотография 12 ноября 1903 г.

Николаевская набережная около пристани у Горного института.
С открытки 1900-х гг.

Крючники. *С открытки 1900-х гг.*

Домик Петра Великого. С открытки 1900-х гг.

Церемония открытия моста Петра Великого. Фотография 1911 г.

Памятник И. Ф. Крузенштерну. С открытки 1900-х гг.

Нева и стрелка Васильевского острова в дни празднования 200-летия Санкт-Петербурга. Фотография мая 1903 г.

Разборка рухнувшего Египетского моста.
Фотография 20 января 1905 г.

Факельщик.
С рисунка 1900-х гг.

Похоронный катафалк.
Фотография 1900-х гг.

Рассыльный. С открытки 1900-х гг.

Сбитенщик. С открытки 1900-х гг.

Точильщик. С открытки 1900-х гг.

Продавец обуви и перчаток.
С открытки 1900-х гг

Продавец мочалок.
С открытки 1900-х гг.

Трубочист. *С открытки 1900-х гг.*

Торговец мелочным
товаром. С открытки
1900-х гг.

Лоточник.
С открытки
1900-х гг.

Уличный сапожник.
С открытки 1900-х гг.

Извозчики Фотография 1900-х гг.

В ожидании седоков. Фотография 1900-х гг.

На одной из улиц Гавани. На первом плане — дворник.
С открытки 1900-х гг.

навстречу и выпускала пристежные крахмальные пластроны, манжеты и воротнички. Была даже государственная монополия на бумажные воротнички ценой 5 копеек. Доходы от их продажи, а также игральные карты шли на содержание детских приютов. В последнее время появились пристежные целлулоидные воротнички, которые можно мыть и снова носить. Тройки выпускались модных фасонов, но в целях дешевизны полушерстяные и даже бумажные. Варшава и Лодзь предлагали за 1 рубль 50 копеек плоские часы вороненой стали с цепочкой, портсигары польского серебра тоже примерно за такую же цену.

Для парадных случаев старались завести сюртук или жакет и шевровые ботинки. Зимнее пальто имели обычно на вате, а не на меху. Летом носили парусиновые костюмы, а сверху летнее пальто или плащ, на голове соломенную шляпу.

Особенно страдали в погоне за модой женщины. Прежде всего нужно было иметь приличную шляпку к лицу. Шляп было большое разнообразие, конкурирующие многочисленные магазины и мастерские придумывали бог знает какие фасоны: с лентами, цветами, перьями, кружевами, вуалями. Шляпки серьезные, для девушек, для пожилых дам. Выбрать шляпу — целая мука: чтобы шла, была недорого, практична, не на один сезон. Приходилось бегать до обморочного состояния по магазинам и мастерским. Продавщицы услужливо предлагали множество шляп, уверяя, что именно эти к лицу и последний крик моды, кроме того, крайне дешевы, и в конце концов часто всучивали залежалый товар. Только придя домой, покупательница разбиралась в покупке и часто убеждалась, что купила совсем не то, что нужно. Тут имели место слезы и даже разочарование в жизни.

С дамскими шляпами связаны были и несчастные случаи. Дамы носили длинные волосы, делая из них большие прически. Чтобы шляпа держалась на голове, ее прикалывали к волосам булавками длиной тридцать и более сантиметров. Бывали случаи, когда

в тесной толпе острые концы этих булавок царапали лица соседей и даже выкалывали глаза. Позже было издано административное распоряжение, чтобы эти булавки продавались только с наконечниками, но они часто терялись, и несчастные случаи повторялись.

Так же трудно было с зимними шапочками. Надо было их подобрать к пальто или шубке, сочетать меха воротника и шапочки, и опять-таки, чтобы это было недорого. В случаях, когда делалась особо пышная прическа, которую жалко было помять шляпой или шапочкой, накидывали на голову шелковый или кружевной платочек. При поездке в театр или на концерт на голову часто надевался капор из легкого гаруса. Женщины среднего круга одевались довольно скромно, обычно носили длинную юбку клеш и кофточку. Юбки были настолько длинны, что касались пола или панели, и для того, чтобы не обнашивался подол, подшивалась тесьма — бобрик. В сырую погоду, чтобы не запачкать и не замочить подол, женщины подбирали юбку одной рукой. Для этой же цели употреблялся «паж» — резиновый жгут, который застегивался на бедрах, а юбка немного поддевалась выше жгута.

Скажем несколько слов о ридикюлях и сумках. В скромной среде часто шились сумочки из остатков материи к надетому платью. К ним пришивались кольца, через них протягивались шнурки того же цвета. Сумочка украшалась кружевами. Ридикюли носили кожаные, разных цветов, с металлическими замочками и ручками. Были ридикюли из панцирной металлической сетки, серебряные и позолоченные.

Украшения в виде сережек носили почти все, колечки, браслеты — тоже большинство, замужние — обязательно золотые обручальные кольца. Коммерция шла навстречу людям со скромными заработками. В Петербурге был на Невском магазин Кепта и Тэта, где в эффектных витринах с вертящимися электрическими лампочками слепили глаза прохожих искусственные бриллианты и другие цветные камни в

оправах из фальшивого серебра и золота. Да и неподдельные драгоценности были у этих людей более дешевые: кольца и браслеты дутые, камушки мелкие, вместо бриллиантов — осколки, так называемые «розочки».

* * *

*Но если постричься, побриться
И sprыснуться майским амбре —
Любая не прочь бы влюбиться
И вместе пойти в кабаре.*

Саша Черный

Несколько слов о парикмахерах и парикмахерских. Последних было очень много, большинство плохих. Лишь несколько выделялись чистотой, первоклассным оборудованием и хорошими мастерами. Помещались они главным образом на центральных улицах. Дамский парикмахер отличался от мужского в основном видом и обхождением, а также «знанием» французского языка, приобретенным самостоятельно, если это не были парикмахеры-парижане, приехавшие на заработки. Некоторые инструменты, приборы имели французские названия, сохранившиеся до сих пор, в частности «бигуди». Парикмахеры перенимали французскую речь и от своих клиентов. На вывесках можно было прочесть: «Coiffeur Jean», «Coiffeur Michel». Этим они хотели подчеркнуть высокую квалификацию, поднять свой авторитет, цену. В мужских парикмахерских был тоже свой шик. Кресла напоминали зуболюбные, на чугунных тумбах, с механизмом для подъема. Имелись отдельные запираемые ящички, где хранился персональный или даже собственный инструмент клиента. Мастера были в сюртуках или жакетах. Белых халатов не надевали: не было принято. Мастер считал своим долгом занимать клиента городскими сплетнями, при работе он пританцовывал, жонглировал инструментом, оттопыривал мизинец, манерничал. Богатые люди в парикмахерские не ходили, к ним в

определенные дни мастер приходил на дом. Его можно было вызвать, чтобы украсить невесту, причесать всю семью и даже прислугу к какому-нибудь торжеству.

Разумеется, все это касалось лучших ателье. Большинство же парикмахерских были маленькие, на три-четыре места, оборудование простое: обыкновенные стулья с привинченными кожаными подголовниками, дешевые зеркала, не совсем чистое белье, небольшой набор инструментов, резкие, ядовитые одеколоны. У мастеров ни вида, ни обхождения, публика невзыскательная. Но у всех парикмахеров, невзирая на ранг, — некоторые общие приемы. Когда стрижет или бреет, обязательно несколько раз осведомится: «Вас не беспокоит-с?» Правит бритву с каким-то остервенением, показывая рвение угодить клиенту. После правки бритвы обязательно попробует острое на ногте большого пальца левой руки или на волосах затылка.

Некоторые прически вышли теперь из употребления, например стрижка «бобриком». В этом случае применялась круглая щетка с двумя ручками и необыкновенно жесткой щетиной. Если мастер орудовал такой щеткой, клиент держался за подлокотники, чтобы его не сорвало со стула.

Среди парикмахеров встречались настоящие художники. Они обучались своему делу, начиная с мальчиков. Сначала подметали пол, подносили кипяток для бритья, присматривались, потом начинали учиться. Учились главным образом на нищих. Мы неоднократно наблюдали сцены такого рода: скромная парикмахерская, утренний час, посетителей нет. Входит нищий, просит милостыню. Хозяин кричит в заднюю комнату: «Федяйка, сюда!», а нищему говорит: «Мы тебя сейчас подстрижем, садись!» Тот смущен, говорит с опаской, что он не затем пришел, что у него нет денег. Ему объясняют, что денег не надо, а ему дадут копейку. После этого диалога Федяйка — будущий Теодор — начинает обрабатывать нищего по указаниям мастера. Ему голову остригут под разные прически, ведь надо учиться всему. Такая машин-

ка в неумелых руках дерет волосы, нищий кричит, его успокаивают: «Потерпи». Начинают его брить, подстригать бороду под «Генриха IV». Если порежут, сейчас же прижмут так называемой железной ватой, то есть пропитанной йодом. Усы закручивали, например, «под Ивана Поддубного». Если нищий не унавал самого себя и пытался выразить протест, его выпроваживали без подаяния.

В парикмахерской была вывешена такса, в зависимости от разряда мастерской. Самая низкая цена: бритье — 5 копеек, стрижка — 10. Дамские парикмахеры с утра до вечера дышали паленым волосом, поскольку завивка в то время выполнялась горячими щипцами. С какой ловкостью действовали они этим инструментом! Щипцы буквально мелькали у них в руках. Быстрота была необходима, чтобы одним нагревом щипцов сделать больше локонов. Помимо этих работ мастер должен был уметь делать парики, накладные косы и локоны, откуда и пошло название «парикмахер». Работа весьма кропотливая, требующая большого умения и терпения. Здесь применялся даже веер, чтобы уложить волосы в одном направлении, корешок к корешку, вершинка к вершинке при посадке на клей.

САД «БУФФ» И НАРОДНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

*Алетний Буфф! Ах, в исступленье
До Невского несется «бис»,
Когда там с Вяльцевой в «Елене»
Играет Северский — «Парис»....*

Н. Агнивцев

В наши молодые годы среди летних увеселительных заведений этот сад выделялся. Есть у М. Е. Салтыкова-Щедрина примечание, что у Тарасовых на Фонтанке был «воксал», который сдавался под «шустер-клуб». Мы не застали «шустер-клуб», но помним, что до открытия сада «Буфф» был так называемый Измайловский сад. Это старое название теперь восстановлено. На памяти авторов там, где теперь ресторан со стеклянной верандой, был маленький деревянный открытый театр, а на том месте, где теперь театр, была открытая эстрада, на которой подвизались канатоходцы, фокусники, престижиджитаторы, гимнасты. Кроме того, была раковина для военного оркестра и буфет.

В 1901 году предприимчивый ярославец Тумпаков, некогда бывший половым в чайной, арендовал Измайловский сад у Тарасовых, сломал все постройки, за исключением раковины для оркестра, построил каменный театр с партером под крышей, ресторан с застекленной верандой и кабинетами и другие

здания, залил сад электричеством, заново распланировал дорожки, устроил туфовый грот на горушке, установил арку с гирляндами на главной аллее, а при входе разбил громадный цветник из живых и искусственных цветов; вечером в этих цветах зажигались разноцветные лампочки, получалось эффектное зрелище, которое сразу ошеломяло посетителя.

Год открытия «Буффа» Тумпаков увековечил флюгером под верандой с цифрой «1901». Тумпаков пригласил лучших артистов и открыл замечательную оперетту. Арендный договор с Тарасовыми был кабальный: срок всего пять лет, с оплатой 40 тысяч рублей в год, все постройки и улучшения остаются в пользу Тарасовых, преимущество при возобновлении договора остается за Тумпаковым. Он шел на все, рисковал всем, залез в долги по уши, дошел до того, что бегал занимать по 25—50 рублей. Риск его оправдался — в одно лето он покрыл все расходы и расплатился со всеми долгами. Публика валом валила в сад посмотреть чудесную оперетту в исполнении великолепных артистов и покутить в фешенебельном ресторане-веранде. Богатая столичная публика и приезжие несли свои денежки этому ловкому предпринимателю. В столицу съезжалось много заводчиков, фабрикантов и разных предпринимателей из провинции и Сибири, денег у них было много, вдали от семьи и прямых деловых забот они искали всякого рода развлечений, знакомств с артистками, а потому кутили они очень широко, оставляя многие сотни Тумпакову. А этот бывший половой, теперь уже «господин Тумпаков», по моде одетый, в блестящем цилиндре, самодовольно похаживал по своему заведению и любезно разговаривал с гостями. Иногда подсаживался к столу, приказывал подать шампанского и втравливал этих гостей в большой кутеж и большие расходы. Вспоминается его внешность: небольшого роста, с округлившейся фигурой, с черными волосами и бородой, с весьма оживленным лицом, умными, хитрыми глазами. Он мог быть очень любезен и даже обаятелен, но сразу мог сделаться резким и даже нахамить. Он знал, как можно угодить избало-

ванной столичной публике, видевшей блестящие оперетты Парижа и Вены, хорошо понимал, чем можно раззадорить провинциальных богатеев и как вытрясти их карманы. До Тумпакова в Петербурге не было настоящей хорошей оперетты с прекрасными артистами, хором и оркестром.

Тумпаков сумел набрать талантливых артистов — Шувалову, Пионтковскую, Зброжек-Пашковскую, Тамару, Кавецкую, Монахова, Брагина, Вавича, Феона, Ростовцева и др. Он не стеснялся переманивать артистов от других антрепренеров, сулил им разные блага, повышал гонорары и добивался своего. Главным и единственным режиссером был Брянский, крупный мужчина с бульдожьим лицом. Он был и администратором, и художественным руководителем, и кем он только не был! С артистами мелкого масштаба он был жесток и груб, позволял себе орать на них, хористки и молодые артисточки плакали от его грубости.

Музыкальным руководителем и дирижером был чех Шпачек, великолепный дирижер, спокойный, милый человек, никогда не позволявший себе возвышать голос. Дирижировал он всегда в цилиндре, движения рук его были изящны. Труппа его очень любила, оркестранты уважали. Во время репетиций без всяких окриков он остановит постукиванием палочки оркестр и певцов и с чешским акцентом пропоет нужную музыкальную фразу, указывая, как ее следует исполнять.

Трудовой день сада «Буфф» начинался рано: выходил сторож Степан и производил легкую приборку сада, чистил панель и набережную Фонтанки, позывывал и смотрел в небо, что будет за погода, в зависимости от нее много ли будет народа и много ли будет сора и мусора для уборки. Затем приходили повара и судомойки, начинала работать кухня. Подходили со двора подводы с продуктами, вином, пивом.

К 11—12 часам появлялись артисты и оркестранты, костюмеры, декораторы и пр. К полудню приходили официанты, убирали веранду, столы. Начиналась репетиция; забавно было смотреть, как артист в котелке,

в модном пальто, с тросточкой изображал маркиза Корневиля или Менелая из «Прекрасной Елены».

Репетиции шли с перерывами, во время которых артисты ходили обедать, прогуливались по саду, отдыхали на скамейках, играли в орлянку. В эту азартную игру играли все: и большие артисты, и малые, хористки, оркестранты и даже на ходу официанты. Игра примитивная: банкомет подбрасывает вверх серебряный рубль. Стоящие вокруг него заранее уже выставили свои ставки, кидая деньги у своих ног, кто двадцать копеек, кто рубль, а кто больше. Если подброшенный рубль падал «орлом» вверх, банкомет забирал все ставки. Если «решкой», он платил каждому его ставку. Играющие впадали в азарт, ставки увеличивались, и Брянский несколько раз звонил, чтобы артисты шли на репетицию.

Отдохнув, все опять принимались за тяжелую работу: каждая мизансцена прорабатывалась по нескольку раз, Брянский был деспотичен.

Часам к пяти в саду опять появлялся дворник Степан, тщательно подметал все дорожки и поливал их из шланга, чтобы ни одна пылинка не села на изящную туфельку дамы и лакированный ботинок посетителя.

К 6 часам вечера приходил военный оркестр одного из гвардейских полков. Много лет подряд играли гвардейские стрелки в шелковых малиновых рубашках, в барашковых шапочках, невзирая на лето. В 6 часов сад открывался для публики. Входная плата была 40 копеек, места в театр были дорогие. Вначале приходила более скромная публика, послушать духовую музыку и, главное, занять лучшие места у заборчика, окружавшего партер театра, чтобы посмотреть оперетту за те же входные 40 копеек, правда стоя. Контингент этих любителей оперетты состоял из студентов, ремесленников, мелких служащих. Одеты они были скромно, дамы и мужчины в шляпах (мужчин в косоворотках, русских сапогах, картузах, а женщин в платках в сад не пускали). Эта публика в ресторан не заходила: там цены были очень высокие. Например, бутылка пива, которая стоила 9—11 копеек, в «Буффе» продавалась за 40 копеек. Бутылка шам-

панского продавалась за 12 рублей вместо 2—4 рублей, и все в таком же роде.

К 8 часам, к началу оперетты, съезжалась шикарная публика, около входа в сад околоточный регулировал движение экипажей. Дамы в громадных шляпах со страусовыми перьями, в великолепных мантиях, мужчины в цилиндрах и котелках, с дорогими тростями, блестящие офицеры, звенящие шпорами. Вся эта толпа была настолько надушена, что забивался запах цветов и зелени. Эта богатая публика, чтобы убить время до начала оперетты, заходила предварительно закусить в ресторан и оставляла за собой столики на ужин. До начала оперетты, во время антрактов играла духовая музыка, и, надо признать, очень хорошо. Исполнялись классические пьесы, попури из опер и балетов, вальсы Штрауса, марши и пр.

Начиналась оперетта, большей частью классического репертуара: «Корневильские колокола», «Мартин-рудокоп», «Маскотта», «Нитуш», «Боккаччо». В моду входили «Граф Люксембург», «Веселая вдова», «В волнах страстей» и др.

Перед началом оперетты портал сцены был закрыт «коммерческим» занавесом, сплошь разрисованным крикливыми рекламами с рисунками корсетов, обуви, велосипедов, разного рода баночек с помадами и знаменитой рекламой «Я был лысым». (Изображены были двое мужчин: один лысый, другой — он же, с богатой шевелюрой после употребления рекламируемого средства для ращения волос.)

Когда дирижер Шпачек садился за пульт и изящным движением руки открывал увертюру, «коммерческий» занавес поднимался, за ним был бархатный занавес. Кстати сказать, когда Шпачек поднимался за пульт, прежде чем сесть за него, он приподнимал цилиндр, здороваясь с публикой и оркестром.

Постановка оперетт была красочная и богатая. Тумпаков денег не жалел, хорошо зная, что они вернутся ему с лихвой.

Понравившаяся публике оперетта шла иногда весь сезон изо дня в день, редко случалось, что за лето пройдет 5—6 оперетт.

Труппа была хорошая. Тогда славилась примадонна Вера Михайловна Шувалова, великолепная каскадная исполнительница главных ролей. Про нее говорили, что это не женщина, а «шампанское». И действительно, когда она вылетала на сцену, все оживлялись.

Она с задором, с шиком танцевала канкан или матчиш, не переходя граней приличия, но показывая, как будто ненароком, великолепные кружева своего десу. Это была талантливая русская женщина с простым, приветливым лицом и обворожительной улыбкой. Удивительно, как этот самородок без консерватории и театрального училища достиг в своем жанре такого высокого мастерства!

Были и другие великолепные артистки, которые создавали прекрасные образы героинь, также хороши были в каскаде милая и изящная Зброжек-Пашковская и др. Из опереточных артистов особенно блистали баритон Рутковский, талантливый самородок Монахов, барственный Вавич, которого природа наградила красивой внешностью, хорошим голосом — бархатным баритоном. Как он был великолепен у качелей в оперетте «Веселая вдова»! Да всего и не перескажешь, всего и не вспомнишь! Монахов, который начал исполнителем частушек под гармонь в Крестовском саду, стал потом непревзойденным простаком в оперетте, особенно удавались ему роли денщиков, вообще простодушных людей. В дальнейшем его талант проявился в драме, об этом знает уже и советский зритель.

Этой плеяде первоклассных артистов и Тумпаков, и поклонники создавали особенные условия для работы и жизни.

Совершенно иным было положение второстепенных артистов и хористов: получали они мало, современные костюмы должны были иметь свои, как тогда было принято во всех театрах и для всех артистов. А ведь одеваться они должны были нарядно, с известным шиком. Антрепренер при найме спрашивал, какие туалеты имеет артистка или артист, а в случае отсутствия таковых мог быть и отказ. Поэтому прихо-

дилось иногда идти на хитрости: занимать нарядные туалеты у подруг или даже брать напрокат. (Брать напрокат носильные вещи в Петербурге было принято среди артистов или людей, которые хотели «пустить пыль в глаза», а сами имели одну «монопольку». Такие «гардеробы проката» открывали предприимчивые люди, скупая по дешевке ношенные вещи и приводя их в приличный вид.)

Для вящей славы «Буффа» и для увеличения доходов Тумпаков иногда устраивал после окончания оперетты (повышая цену билетов) концерты, приглашая знаменитостей, например А. Д. Вьяльцеву, Варю Панину и др. Особенно валила публика на концерты Вьяльцевой, за приставной стул платили по 25 рублей. Петербургская публика отдавала должное этой милой, обаятельной певунье. Ее прекрасный голос звучал как хорошая виолончель в руках настоящего артиста-музыканта. Никто с такой душой не исполнял романсов и русских песен. «Гайда, тройка, снег пушистый...», «Ветерочек», «Я на горку шла...» приводили публику в неопишуемый восторг. Выходила она на сцену в стильном, темном, скромном платье. На шее на тонкой цепочке обычно висел ее знаменитый белый слоник, который якобы приносил ей счастье.

Варя Панина, дородная пожилая женщина, пела сидя, очень низким, густым контральто. «Пожар московский», «Хризантемы», «Жалобно стонет...» — вот что особенно хорошо она исполняла. Некоторые артистки поражали публику не столько голосом и исполнением, сколько туалетами и драгоценностями. Тамара выходила в концерте с бриллиантовой стрелой во всю грудь, в публике раздавался шепот восхищения — говорили, что стрела стоила чуть не сотню тысяч.

В антрактах публика устремлялась к буфету с богатой стойкой подкрепиться, воодушевить себя и согреться в холодную погоду — не надо забывать, что партер театра с боков был совершенно открыт и там гулял ветер. Петербургское лето не баловало теплой погодой. Богатая публика заходила на веранду ресто-

рана, где выпивала и закусывала за столиком, приготавливая себя к следующему действию оперетты.

После окончания театрального представления оркестр играл бравурный «вышибательный» марш и уходил в казармы. Скромная публика, которая простояла всю оперетту у заборчика, оставалась немного отдохнуть на скамеечках, поделиться впечатлениями и вскоре расходилась по домам, напевая понравившиеся мотивы из оперетты.

Денежная публика заполняла веранду ресторана или отдельные кабинеты, чтобы поужинать и покутить. Главный доход Тумпаков имел от ресторана с его бешеными ценами, а не от театра, который требовал больших расходов и по существу являлся средством заманить богатую публику в ресторан. Тут-то эту доверчивую публику и «накрывали», главную роль в этом играли опытные метрдотели. На веранде работали два метрдотеля, дородные, высокие, одетые в смокинги и с галстуком-бабочкой под заплывшим подбородком. Метрдотель, видя, что столик заняла «стоящая» публика или большая компания, чтобы покутить, моментально, с необыкновенно приветливой улыбкой спешил к гостям и начинал разговор сладчайшим голосом, рекомендуя лучшие, деликатесные произведения кухни «Буффа», предлагал тонкие вина, редкие фрукты, стараясь ввести посетителей в как можно большие расходы. По мановению руки метрдотеля официанты бросались выполнять заказы гостей.

В кабинеты часто приглашали хор цыган, который всегда был наготове. Кутежи в отдельных кабинетах затягивались до полудня следующего дня, а то и на несколько дней. За деньги все дозволялось, полиция смотрела на это весьма снисходительно, но не бескорыстно.

Тяжелую работу несли официанты, повара, работники кухни и буфета. Официанты с 12 часов дня до 4 часов ночи все время были на ногах, быстро носились от столиков в кухню и буфет, искусно носили подносы, заставленные разными блюдами; они жонглировали тяжелыми подносами, нося их над голо-

вой. Кроме выносливости и ловкости надо было иметь хорошую память и исключительное внимание, чтобы во всем угодить гостям, которые часто бывали капризны и не видели в официантах человека. Достаточно было гостю выразить неудовольствие, как официанта выгоняли. Жалованья они не получали, как и метрдотели, жили только на чаевые, из которых вносили в особую кассу на бой посуды; чтобы получить место официанта, надо было дать взятку метрдотелю; он с ними работал, он их и набирал.

* * *

*Под люстрой палочкой мигнув,
Душой, манжетом, фалдой, фраком
И лаком лысины метнув —
Валторну поздравляет с браком...*

А. Белый

Против главного входа, на веранде, были высокие подмости, заставленные экзотическими растениями; на них играл настоящий румынский оркестр. Оркестранты все были в черных фраках, первая скрипка, он же дирижер, стоял впереди оркестра. Он пританцовывал, выламывался, принимал невообразимые позы: то откидывался назад, закрывая глаза, то наклонялся вперед, прямо висел над ближайшими столиками, пожирал своими черными, маслянистыми глазками близидящих дам, подмигивал им, многозначительно улыбался. На его подвижном лице ярко отражались все чувства, доступные человеку: страдание, радость, восторг и упоение, светлые надежды и погибшие мечты. Это был действительно «артист», порожденный ресторанным угаром. Однако надо признать, что он был отличным, правда своеобразным, скрипачом. Его скрипка пела, рыдала, хохотала, тосковала. Этот румын был настоящий виртуоз в своем жанре. Под стать первой скрипке были и другие музыканты. Особенно отличался румын, игравший на редком инструменте — свирели фавна (набор раз-

ноголосых деревянных дудочек, соединенных вместе). Было страшно смотреть на него, когда, выкатив огромные глазищи, в экзальтации яростно возил он по своим губам свирель, издавая оригинальные, красивые звуки. Эти румыны зарабатывали свой хлеб буквально «в поте лица».

Приблизительно в 1912 году к торцу веранды была пристроена сцена, на которой давался дивертисмент. Веранда была застеклена и устроены наверху ложи и кабинеты (теперь это здание сцены переоборудовано в кухню). Дивертисмент-кабаре — это был своеобразный эстрадный концерт. Здесь выступали французские шантаные певицы, которые по ходу исполняемого номера умело полураздевались. Выступали негры со своей знаменитой чечеткой, тогда только что входившей в моду. Пел цыганский хор, плясала молодая цыганка, тряся плечами. Выступали эксцентрики, фокусники, разыгрывались коротенькие скетчи, но все подавалось «под соусом» эротики. На артисток этой кафешантанной эстрады мужчины смотрели как на совершенно доступный «товар», и обычно достаточно было послать через метрдотеля визитную карточку, чтобы артистка разделила ужин с веселящейся компанией.

В три часа ночи официально «Буфф» закрывался, но некоторая публика еще задерживалась — к кабинетам это правило не относилось. Петербургские белые ночи с ранними зорями, а в другой раз и яркое утреннее солнце провожали «усталую» публику с измятыми лицами из «Буффа». Официанты, еле державшиеся на ногах, должны были еще долго прибирать зал, кабинеты и буфеты. В кухне подручные повара, «кухонные мужики» и судомойки долго еще гремели кастрюлями и посудой.

Своеобразно и интересно проходило открытие и закрытие сада. Уже за месяц до официального открытия появлялись рабочие, которые все чистили, чинили и красили, приготавливали разные новшества и сюрпризы: менялся цвет построек, к крыльям музыкальной раковины пристраивались колоннады, по-иному расписывался потолок веранды. За неделю — за две

привозились тяжелые инструменты оркестра, начинались репетиции. Возобновлялись декорации, устанавливались экзотические растения. Наконец все было готово к открытию. В назначенный день (обычно в начале мая) к двум часам дня на веранде накрывался громадный общий стол, за который Петя Тумпаков, чтобы слыть добрым хозяином, приглашал всех артистов, оркестрантов и всех служащих «Буффа». Помимо этого приглашались почетные гости: поставщики, пристав, брандмейстер и другие лица, которые могли быть полезны и от которых что-нибудь зависело. Много ели и пили, много произносилось тостов, музыканты непрерывно играли туш. Особенно отличался тост брандмейстера Требезова, великана в пожарном сюртуке, обладавшего трубным голосом. Он говорил каждый год одно и то же: «Мы, все здесь присутствующие, пылаем такой любовью к дорогому хозяину, что даже мои молодцы пожарные не в силах потушить этот огонь чувств! Ура!» К пяти часам торжественный обед кончался. Веранда приводилась в обычный вид, все расходилось по своим местам, в 6 часов приходил духовой оркестр и в сад впускалась публика.

В театре шла одна из любимых оперетт в лучшем составе, артисты играли с особенным подъемом, по окончании спектакля давался еще и хороший концерт. По случаю закрытия сезона опять был особый, прощальный спектакль с лучшими силами. Так же Тумпаков устраивал общий обед. В последующие дни все убиралось, увозилось, закрывалось и заколачивалось, в саду становилось тихо и уныло, голые деревья раскачивались осенним ветром, падали первые снежинки. По саду тихо, в задумчивости проходил дворник Степан. На лице его были написаны печаль и скука. Теперь ему придется проводить всю зиму одному, карауля сад и театр, жить в подвальном помещении вместе с голодными крысами и мечтать о лете, когда ему снова перепадут и выпивка, и вкусная закуска, остающиеся от господ. В таком элегическом настроении проходило несколько месяцев до нового открытия сада.

Владельцы сада «Буфф» — братья Тарасовы, у которых Тумпаков арендовал «Буфф», никогда не посещали его. Не то они были избалованы заграничными опереттами, не то считали для себя унижительным пользоваться увеселениями такого рода. Но арендную плату — сорок тысяч в год — получали от Тумпакова аккуратно.

* * *

*Но посмотрите на зрителей: они очарованы
представлением:
Мальчик из лавки стоит, засунув палец
в рот;
Толстая барыня задыхается в своем
корсете;
Томная проститутка влажными глазами
следит за зрелищем...*

Г. Чулков

Мы сознательно решили ограничиться описанием открытого театра, каким являлся «Буфф»; закрытых театров касаться не будем — о них написано много и специалистами, и беллетристами, да и многогранность театральной темы требует широчайшего размаха. Оставаясь в прежних рамках, продолжим повествование об открытых зрелищах, на сей раз уличных, народных.

Это были прежде всего представления, предлагаемые уличному люду шарманщиками, ходившими по окраинам и дворам. Они вертели органчик, из которого не очень стройно лились звуки вальса, полечек, чувствительных песенок вроде «Мой костер в тумане светит» или «Любила я, страдала я» и др.

Сопровождаемые группой ребятишек, шарманщики носили обычно клетку с попугаем или белой мышью, которые вытаскивали из ящичка билетик «на счастье». В нем можно было прочесть предсказание судьбы. Стоило это три копейки. С наступлением тепла появлялись на окраинах болгары с обезьянами. Они и летом были в полушубках и высоких бара-

ных шапках. Каждый носил маленькую шарманку, иногда только бубен, и тащил за собой чахлую обезьянку. Обезьянка под звуки шарманки или бубна давала представления. «А ну покажи, как баба воду носит». На плечики обезьянки укладывалась палочка, та обхватывала ее лапками и ходила по кругу, как будто неслла коромысло с ведрами. «А теперь покажи, как пьяный мужик валяется». Обезьянка идет пошатываясь, потом валится набок и делает вид, что засыпает.

Другое, еще более захватывающее развлечение — «Петрушка». Два артиста — один с ящиком и ширмой, другой с гармошкой и барабаном. Первый расставляет ширму в виде замкнутого четырехугольника, залезает туда с ящиком, вынимает из него кукол, все время приговаривая разные шутки и прибаутки. Во рту у него особая свистулька, которая искажает звук человеческого голоса. Другой в это время играет на гармонике и заменяет собой чуть ли не целый оркестр. За спиной у него большой турецкий барабан с медными тарелками наверху, от которых к ноге протянута веревка. За манжету на правой руке заложена колотушка для барабана, так что правой рукой он и играет на гармонике, и бьет в барабан. На голове — медный колпак с колокольчиками. И так, трясая головой, ударяя по барабану, играя на гармонике, стуча тарелкой о тарелку, он создает невероятную какофонию.

Начинается представление. Петрушка — Арлекин в колпаке с бубенчиком — изображает героя, который никого и ничего не боится, всех побеждает, выходит из любого положения и остроумно отвечает на вопросы. Сидящий за ширмой разными голосами говорит за нескольких кукол, которые появляются по ходу действия. Разговор кукол зачастую шел на злободневные темы с сатирической, а иногда и с политической окраской. Сценки такого рода: появляется, скажем, кукла-купец, и между ним и Петрушкой происходит диалог. «Что, Петрушка, делаешь?» — «Хочу обмануть купца». — «Тебе не удастся». — «Нет, удастся». В конце концов Петрушка захватывает у купца мешок с золотом и исчезает, купец плачет. Или

такое: появляются солдат и девушка. Оба — Петрушка и солдат — ухаживают за ней, но победа остается за Петрушкой, девушка бросается ему на шею. Солдат хочет зарубить Петрушку саблей, но ему не удается. Неведомая сила тащит его вниз, и он пропадает. Петрушка обращается к публике и говорит, что он никого не боится. Появляется городской с красной физиономией и необыкновенно длинными усами. Он грозно говорит: «Я тебя заберу, ты всех обижаешь». В руках у Петрушки появляется палочка, он бьет ею городского по носу. Петрушка хохочет, публика тоже. Но под конец гибнет и сам Петрушка. Появляется таинственный «московский баранчик» — взлохмаченная кукла с выпученными глазами. Петрушка, побеждающий всех, при виде «московского баранчика» сразу скидает, опрокидывается вниз, в сторону публики, трясет головой, изображая ужас, умоляет пощадить его, но «московский баранчик» беспощаден, он хватает Петрушку зубами, трясет его, и оба исчезают под прощальный крик Петрушки. Публика воспринимала это так, что есть сила выше городского, и от души смеялась.

Вариации представлений были разнообразны. Все зависело от вдохновения, импровизации, настроения артиста и набора кукол. Конечно, примитивное зрелище, но некоторые номера были безусловно удачны, в них проявлялся народный талант. В перерывах и по окончании представления играла музыка, публика бросала деньги в шапку, лежащую на земле. А вот и из окон, распахнутых по случаю прибытия бродячих представлений, благодарная публика бросает к ногам артистов монеты, тщательно завернутые в бумажку. Окна захлопываются. Раскланявшись в неопределенном направлении верхних этажей, артисты удаляются. Так они переходили из одного двора в другой, сопровождаемые ватагой мальчишек, самых благодарных зрителей, которым очень повезло — еще бы, даровое представление!

Мы уже не застали старинных масленичных гуляний на Марсовом поле. Мы помним такие гулянья на

Семеновском плацу до постройки там ипподрома. Плац был огромный, начинался он сразу за казармами Семеновского полка и тянулся до Обводного канала между Звенигородской улицей и Царскосельской железной дорогой. На плацу на Масленице выстраивались балаганы, карусели, ларьки с игрушками, сладостями, горячими блинами. Особым успехом пользовались большие карусели, изображающие палубу корабля. Площадка карусели при вращении меняла плоскость движения, создавалось впечатление, что палуба качается и ты находишься на корабле в сильную бурю. Многих действительно укачивало, но, несмотря на это, публика валом валила, особенно мальчишки. Для большего впечатления на перилах были развешаны спасательные круги. Центр был огражден круговой стенкой с иллюминаторами, и вообще на карусели было много бутафорского морского снаряжения, вплоть до большого якоря. При отправлении и остановке карусели раздавались пароходные гудки. Стоимость поездки была три или пять копеек. Карусель вращали вручную несколько здоровенных парней, упирающихся в горизонтальные балки. Эта морская карусель, как и другие, имела призовое кольцо. Когда карусель достигала полной скорости, один из обслуживающих начинал вертеть деревянную грушу, на которой в пружине качалось кольцо. Кто это кольцо сумел вырвать, получал право прокатиться еще раз бесплатно. Гармонь играла вальс.

Эти гулянья на Семеновском плацу привлекали всех любителей потолкаться в веселой толпе: и молодых, и пожилых, и простой люд, и служивый. Но особенно, конечно, детей всех возрастов. И если привозили в экипажах младших ребят, чтобы только показать им народное гулянье, то удержать их возле себя родителям удавалось лишь с трудом — так велик был соблазн участвовать в веселье и прокатиться, пусть даже с кем-нибудь из старших, на карусели или приобрести необычную смешную игрушку.

Шарики! Шарики!

Шарики детские!

Деньги отецкие!

Покупайте, сударики, шарики!

Эй, лисья шуба, коли есть лишни,

Не пожалей пятишини...

Ин. Анненский

После Масленицы шел Великий пост, но на шестую — Вербную неделю опять начинались развлечения. Была уже весна, вторая половина марта — начало апреля, и вербы покрывались пухом. На Конногвардейском бульваре и Мало-Конюшенной улице устраивались вербные базары. По обе стороны улицы сооружались деревянные ларьки, украшенные кумачом с надписями: «Здесь вафли», «Яр-базар», «Чудеса». Торговля была рассчитана на невзыскательную толпу молодежи, учащихся младших классов, детей, для которых эти базары были заманчивы и интересны. Тут же торговали живыми птичками разных пород, выкрашенные в желтую краску воробьи сходили за канареек. Продавали рыбок для аквариумов, черепах, шла торговля детскими игрушками и особыми «вербными» чудесами: пищалками, «чертями». Предлагались «тещины языки», «иерихонские трубы», «американские жители», надувные свиньи, павлиньи перья.

На этих базарах — под стать карнавалам — допускались некоторые вольности. Идет, например, толпа школьников, у каждого «иерихонская труба» — конус из яркой бумаги с пищиком, и все разом гудят. Встречается девочка, до ее щеки можно дотронуться павлиньим пером или морской травой, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. Можно раздуть в лицо незнакомцу «тещин язык» — свернутую в спираль бумажную трубку, которая при надувании превращалась в длинный мешок с перьями на конце. Этот «язык» трепетал, пищал, его совали прямо в лицо. Общий хохот, никто не обижался.

Каждый покупал себе «чертика». Искусные кустари мастерили их из проволоки, обшивали бобриком

ярких цветов. В руках у «чертика» были две металлические тарелочки или цветочки. В большой моде был «американский житель»: стеклянная пробирка с водой, сверху затянута резиновой пленкой, внутри маленький стеклянный чертик с рожками, хвостиком, выпученными глазками. Он плавал на поверхности воды. Но если нажать пальцем на резиновую пленку, он опускался вниз, крутясь вокруг вертикальной оси, затем снова поднимался. Почему эта игрушка получила такое название — непонятно. По-видимому, кустарь, который ее мастерил, имел такое представление об американцах. Доходили, может быть, слухи, что народ этот энергичный, подвижный, ему приходится вертеться, чтобы заработать, но почему его загнали в воду — тайна.

На этих базарах в обе стороны шла сплошная толпа, стоял невероятный шум. Крики зазывал, звуки пицалок, визг ребятишек, крики мамаш, потерявших своих детей. Вербные базары были настоящим праздником для детворы. В большом количестве продавались вербочки — пучки веточек ивы или вербы с пушистыми почками, первыми признаками весны. Они украшались лентами, яркими бумажными цветами.

После Вербной недели — седьмая, Страстная, последняя неделя Великого поста. Все развлечения запрещались церковью, как в первую и четвертую неделю. А затем наступала веселая Пасхальная неделя: христосование, общее ликование. Нарядная, уже повесенному одетая толпа наводняет улицы окраин. Самый любимый «всех праздников Праздник». Город буквально гудит от звона в многочисленных церквах. Звон днем не очень стройный: в некоторых церквах на Пасху позволялось подросткам 14—16 лет подниматься на колокольню и звонить в средние и малые колокола, что создавало невероятный разнобой.

ПОЖАРНЫЕ КОМАНДЫ И ПОЛИЦИЯ

*Немая каланча
Людей оповещает,
Что где-то — там — пожар, —
Медлительно взвивает
В туманы красный шар.*

А. Белый

В детстве и юности мы побивались и одновременно ненавидели полицейских, в то время как пожарным явно симпатизировали. Единственное, что нас поражало, — почему такие доблестные пожарные помещаются вместе со злыми городовыми. А это было именно так. В Петербурге нашей юности имелось 12 полицейско-пожарных частей (Адмиралтейская, Василеостровская, Московская и др.). Каждую такую часть легко было узнать издали по каланче, по верху которой ходили дозорные, наблюдавшие, не вспыхнул ли где пожар. В случае пожара на мачте каланчи вывешивались шары, число их указывало, в какой части пожар. Ночью вместо шаров вывешивали фонари. В начале XX века дежурства на вышках в центре города были отменены, так как новые высокие дома, в 6—7 этажей, мешали видеть округу. Дежурство на каланчах оставалось на окраинах.

Хотя наш город был столицей, пожарные, как и в провинции, являлись гордостью городской управы и населения. У пожарных команд были отличные

лошади определенной масти для каждой части. Пожарный обоз представлял собой красивую картину: экипажи ярко-красного цвета, сбруя с начищенными медными приборами, пожарные в сияющих касках. Все это поражало обывателя, тянуло его за обозом на место пожара, посмотреть, как будут побеждать огонь эти скромные герои.

Спустя две-три минуты после получения сигнала о пожаре команда уже выезжала. Все было приспособлено к скорейшему выезду: хомуты висели на цепях у дышел, приученные кони сами вдевали головы в хомуты — достаточно было небольшого усилия лошади, и хомут сам снимался с пружинного крючка. Мгновенно закладывались построики, и обоз был готов к выезду. Пожарные вскакивали в повозки, на строго определенное место, на ходу надевая толстые серые куртки и порты. Обоз мчался в таком порядке: впереди ехал на верховой пожарный «скачок», который трубил, чтобы давали дорогу обозу. На место пожара он являлся первым, за несколько десятков секунд до обоза, уточнял очаг пожара и давал сигнал, куда заезжать остальным. За «скачком» неслась квадрига — четверка горячих могучих лошадей с развевающимися гривами, запряженная в линейку. Это была длинная повозка с продольными скамьями, на которых спина к спине сидели пожарные. Над скамьями, на особом стеллаже, лежали багры, лестницы, другие приспособления. Впереди, на козлах, сидел кучер-пожарный, рядом с ним стоял трубач, который непрерывно трубил, звонил в колокол. Рядом с ним богатырского роста брандмейстер в зеленом офицерском сюртуке. Зимой он надевал сюртук на меховой жилет. На голове брандмейстера — посеребренная каска. Около козел возвышалось древко с развевающимся пожарным знаменем красного цвета с золотой бахромой, кистями и эмблемой части.

Бочки с водой в наше время пожарные команды уже не возили: в городе почти везде были водопровод и пожарные гидранты. На окраинах, где водопровода не было, пожарные пользовались специальными водоемами, речками.

Вслед за линейкой неслась пароконная повозка с пожарным инвентарем: катушками со шлангами, ломами, штурмовыми лестницами. За ней, тоже на пароконной подводе, — паровая машина, которая качала воду. Ручных подвод с коромыслами для качания в центре города уже не было. Пожарная машина имела блестящий вид: котел, цилиндры и трубы медные, ярко начищенные. Пожарный стоял позади машины на приступочке, на ходу подкладывал топливо, поднимал пар, из трубы валил густой дым. Пожарная паровая помпа подавала воду под большим давлением сразу в несколько шлангов. За машиной неслась высотная лестница на колесах выше человеческого роста. Складных металлических лестниц еще не было, а этих деревянных хватало до 4—5-го этажа. В конце обоза ехал медицинский фургон с фельдшером.

Зимой обоз переходил на окованные сани. В пожарном сарае были особые устройства на роликах для легкого вывоза и обратной постановки их на место.

За обозом бежали толпы любопытных зевак и мальчишек. Некоторые даже нанимали извозчиков, стараясь не отстать от пожарного обоза. Были такие любители пожаров.

Пожары бывали часто. Город отапливался в основном печами, пожарная охрана на фабриках, заводах, складах была недостаточная. Много бывало поджогов с целью получения страховых премий или подрыва конкурента. К чести «серых героев», как тогда называли пожарных, надо сказать, что они были на высоте своего положения и беззаветно выполняли свой долг.

Если пожар принимал угрожающие размеры, объявлялся сбор всех частей, приезжал брандмайор Петербурга и сам распоряжался тушением. Его приказания беспрекословно выполняли брандмейстеры каждой части. На пожаре двое пожарных с факелами стояли возле брандмейстера или брандмайора, чтобы он всегда был на виду. К нему подбегали, брали под козырек, получали дальнейшие приказания. Авторы вспоминают пожар одной фабрики зимой, ночью, в лютый мороз. Там было много горючих мате-

риалов. Огонь охватил все здание. Пожарные бесстрашно бросались в море огня. Когда они оттуда выходили, одежда на них дымилась, их обливали водой, они мгновенно превращались в ледяные глыбы, с касок свисали сосульки.

Когда случались очень большие пожары, особенно казенных зданий, вызывали войска, которые оцепляли место пожара для охраны имущества погорельцев от разграбления.

С пожара обоз ехал тихо, его окружала толпа. Велись разговоры, кто как отличился, кто пострадал. По пепелищу долго еще бродили погорельцы, ища что-нибудь уцелевшее от огня.

* * *

*Стоит он, загадочно глядя на мир,
Как сфинкс, переряженный в серый мундир,
И мерно, в борьбе неустанной со злом
Под носом извозчиков машет жезлом.*

Н. Агнивцев

В народе бытовало выражение: «Будешь ночевать под шарами». Это означало: заберут в полицейскую часть за появление в пьяном виде или за непристойное поведение на улице, а то и просто за неучтивый ответ городовому.

Полиция в столице составляла целую иерархическую лестницу, во главе которой стоял градоначальник. Далее следовали (в каждой части) — полицеймейстер, пристав, помощники пристава, околоточные, квартальные и постовые городовые. В обязанности домовладельцев, старших дворников и швейцаров входило содействие полиции в выявлении и пресечении правонарушений. На первый взгляд — стройная система, которая должна была обеспечить порядок в городе. На самом же деле все было не так. Полицейские чины были взяточники. За взятку можно было замазать всякое правонарушение и даже преступление. Поэтому полиция не пользовалась в народе уважением, ее не почитали и попросту прези-

рали. Простой люд видел в них грубых насильников. За ними в народе закрепилось прозвище «фараоны». Они могли ни за что посадить в «кутузку», заехать в зубы, наложить штраф, чинить препятствия в самом правом деле. Интеллигентные люди презирали полицию за преследование инакомыслящих, с брезгливостью относились к полицейским как нечистоплотным личностям.

Большинство полицейского начальства состояло из офицеров, изгнанных из полков за неблаговидные поступки: нарушение правил чести, разврат, пьянство, нечистую карточную игру. Полицейские чины в общество не приглашались. Даже сравнительно невзыскательный круг купцов Сенного рынка или жуликоватые торгаши Александровского рынка не звали в гости ни пристава, ни его помощников, а уж тем более околоточного. Если требовалось ублажить кого-нибудь из них, приглашали в ресторан или трактир, смотря по чину. Нередко за угощением обделывались темные дела, вплоть до сокрытия преступления.

По праздникам взятки носили почти узаконенный характер. Считалось обязательным, чтобы домовладельцы, торговцы, предприниматели посылали всем начальствующим в полицейском участке к Новому году и прочим большим праздникам поздравления со «вложением». Околоточным, квартальным и городовым «поздравления» вручались прямо в руки, так как поздравлять они являлись сами. Давать было необходимо, иначе могли замучить домовладельцев штрафами: то песком панель не посыпана, то помойная яма не вычищена, то снег с крыш не убран. Драли, как говорилось, «с живого и мертвого» и на «Антоня, и на Онуфрия», как сказано у Гоголя. Платили владельцы предприятий, больших и малых, платили деньгами, натурой. Даже «ваньки» и ломовые извозчики должны были платить из своих скудных заработков, «бросать» двугривенный или полтинник. Делалось это так: ломовик или извозчик допустил какое-нибудь малейшее нарушение правил движения, например при следовании «гусем» вме-

сто интервала в три сажени сблизился до двух или обогнал, где не положено, а то и ничего не нарушил, но городской посмотрел возчику вслед и записал номер — значит будет штраф, а чтобы его не было, лучше заранее заплатить. И возчик бросал под ноги городовому двадцать, а то и более копеек. Одновременно он кричал: «Берегись!» Городовой понимал условный клич, смотрел под ноги, а увидев монету, незаметно становился на нее сапогом.

Одеты полицейские были в черные суконные шинели, зимой с барашковым воротником. Летом — в фуражке, зимой — в круглой бараньей шапке и башлыке. На ногах валенки с «кеньгами» зимой, летом — сапоги. Вместо шинели в теплое время мундир, в жаркое — белый китель. Вооружены они были шашкой на черной портупее, револьвером на оранжевом шнуре. В народе шашку городского называли «сеledкой». Офицерские чины полиции носили общепринятую армейскую форму, которая отличалась кантами, петлицами и цветом околыша. Погоны и пуговицы серебряного цвета. Шашка на золотой портупее.

Полицейские участки производили гнетущее впечатление: низкие потолки, грязь, спертый воздух. Скрипучие ободранные двери, обшарпанные столы. В коридоре дверь в «кутузку» с «глазком». Оттуда слышатся крики, ругательства, плач. По коридору, вдоль дверей, расхаживает городской, часто заглядывает в «глазок», грубо кричит: «Не ори!» А в комнату дежурного ведут нового задержанного для составления протокола и дознания.

Существовала в Петербурге коннополицейская стража, которая помещалась отдельно. В столице было три роты такой стражи. Они носили форму городских, но одеты были тщательнее. У них были прекрасные одномастные, хорошо обученные лошади. Конная полицейская стража выезжала по особым вызовам: в места большого скопления народа, для предупреждения беспорядков на похоронах известных лиц, на время проезда членов царствующей фамилии, в случае прибытия представителей иностранных государств. Им следовало отделить простой

народ от привилегированной его части, участвующей в процессии, встрече. Тогда осуществлялось известное: «Осади назад!» И обученные животные крупами осторожно пятились на толпу, как будто стараясь не отдавить ногу сзади стоящего.

Для наведения порядка в столице и пригородах квартировали казачьи сотни. Число их было увеличено в период революционных событий 1905 года. На особом положении была жандармерия — орган политического сыска и борьбы с революционным движением, состоявший при Собственной его величества канцелярии. Корпус жандармов имел тайных агентов и провокаторов во всех слоях общества, особенно среди писателей, передовой интеллигенции, военных.

Во времена нашей юности гнет «голубых мундиров» ощущался в полной мере.

ШКОЛА, ГИМНАЗИЯ, УНИВЕРСИТЕТ

*..Я на экзамене дрожал, как в лихорадке,
И вытащил... второй билет! Спасен!
Как я рубил! Спокойно, четко, гладко...
Иван Кузьмич был страшно поражен.*

Саша Черный

Начальные школы призваны были дать азы образования. Для многих детей из-за недостаточных средств родителей тем и кончалось. Но кто-то потом шел дальше — в четырехклассное училище, гимназию, реальное и коммерческое училища. Эти учебные заведения бывали казенные, городские и частные. Начальные городские школы были бесплатные, остальные платные. В начальных школах преподавали Закон Божий, русский язык, арифметику и чистописание. Опишем те учебные заведения, где мы учились.

На углу Фонтанки и Вознесенского проспекта помещалась частная начальная школа Черниковой. Маленькая квартирka из трех комнат. В одной жили учительницы, мать и дочь Черниковы. В другой, для старших учеников, стоял длинный стол, стулья и классная доска. В третьей, для младших, — четыре удлиненные парты, на 6 человек каждая, столик для учительницы, классная доска. Вот и все оборудование. Мальчики и девочки учились вместе.

В младшем классе преподавала дочь, особа лет со- рока, очень нервная. В старшем — сама Черникова, сухая старушка с костлявыми руками. Они препода- вали все предметы, даже Закон Божий.

Приходить надо было к 9 часам. Около 11 — пере- рыв на полчаса, после чего занимались еще часа два. Во время перерыва завтракали, пристроившись кто где — на парте, на подоконнике, за столом. Завтраки приносили с собой в корзиночках, которые продава- лись специально для этого. После завтрака всех уче- ников выпроваживали в маленькую переднюю, а классы проветривали. Передняя была темная, без света. Ученики толкались, задирали девочек, те виз- жали. Учительницы тем временем уходили в свою комнату отдыхать.

Перед началом занятий и по их окончании чита- ли молитву. Учительницы были хорошие педагоги, объясняли понятно, терпеливо. Но мальчишки оста- вались мальчишками: шумели, разговаривали, пуска- ли бумажные стрелы, дергали девочек за косички. Особенно расшалившихся выгоняли в переднюю под надзор Фени, которая, работая кухаркой, требо- вала, чтобы провинившийся стоял на пороге кухни. В случае особых проступков прислуга посылалась с письмом отвести шалуна домой.

Отметки выставлялись по четвертям года в днев- ники, которые продавались за 15 копеек в любой писчебумажной лавке. Один из авторов при получе- нии первого дневника, не понимая значения отме- ток, с радостью принес его домой. Отец потребовал дневник. Успехи были неважные, особенно поведе- ние. В этой графе стояла единица. Была порка. После этого значение отметок стало ясным.

Большинство учеников были из семей среднего достатка. Родители отдавали детей в платную школу, считая, что там учат лучше, чем в народной беспла- тной школе, и легче будет сдать экзамен в гимназию. Кроме того, школа Черниковых зарекомендовала се- бя с лучшей стороны среди обывателей района. Де- тей провожали в школу и встречали после занятий либо родители, либо прислуга. Учительницы переда-

вали им свои замечания, давали советы, требовали принять те или другие меры к нерадивым.

После двух лет такого обучения, если у родителей были возможности, дети держали приемные экзамены в подготовительный или первый класс гимназии или другого среднего учебного заведения. Был известный конкурс, желающих оказывалось больше, чем мест. Экзамены по Закону Божию, русскому языку и арифметике. Сколько было тревог у родителей! Поступающим на счастье надевали на шею ладанку, крестили перед входом в класс, плакали, когда получал тройку, — с ней было не попасть.

Мы оба учились в казенных гимназиях. Гимназия, о которой пойдет речь, официально называлась «Санкт-Петербургская 10-я гимназия». Помещалась она в доме № 3/5 по 1-й Роте Измайловского полка, во флигеле домовладения упоминавшихся нами братьев Тарасовых. Это было не специальное учебное здание, а переделанное из жилых квартир и приспособленное под гимназию. На первом этаже — гимнастический зал, шинельная, комнаты для сторожей, библиотека. На втором этаже — квартира директора, канцелярия, учительская, приемная, физический кабинет, квартиры делопроизводителя и казначея. На третьем этаже — зал, комната учебных пособий и пять классов, с четвертого по восьмой включительно. На четвертом, последнем, этаже — квартира инспектора, зал, комната учебных пособий и классы: подготовительный, первый, второй и третий. Все классы имели выход в залы или примыкающие к ним коридоры. Помещения были неважные: потолки низкие, классы тесные, отопление печное, освещение до 1906 года керосиновое. Вся обстановка бедная, парты простые, сосновые. Оборудование физического кабинета и комнат с учебными пособиями весьма скромное.

В гимназии, вместе с подготовительным классом, училось не более 260 человек. В старших классах после отсева оставалось человек около 20. 10-я гимназия относилась к захудалым, у высшего начальства была на последнем счету. Сюда педагоги, говорят, не-

редко переводились за проступки из других гимназий в виде наказания. Это налагало известный отпечаток на весь педагогический состав. Учителя находились в некоторой оппозиции к высшему начальству и старались доказать, что они настоящие педагоги. Поэтому по пустякам они не были строги, но зато были весьма требовательны, когда дело касалось знаний. Преподавание держалось на высоте, никаких послаблений не допускалось. Педагоги были люди пожилые, ходили в форменных сюртуках с отличиями чинов на петлицах. На золотых пуговицах — изображение пеликана, кормящего птенцов. Это был символ — олицетворение полной, беззаветной отдачи знаний и сил ученикам. Ведь пеликан, по преданию, чтобы накормить птенцов, разрывал свою грудь.

Состав учащихся был разнообразен, но сыновей аристократов и богатых людей не было. Учились дети скромных служащих, небольших чиновников, средней интеллигенции. Не были исключением и сыновья мелких служащих, рабочих. Был, например, у нас в классе сын почтальона, мальчик из семьи рабочего Путиловского завода, сын солдата музыкальной команды Измайловского полка. Плата за учение — 60 рублей в год. Как же бедные люди могли учить сыновей в гимназии? Во-первых, были стипендии, во-вторых, пожертвования, в-третьих, два-три раза в год в гимназии устраивались благотворительные балы, сбор от которых шел в пользу недостаточных, то есть малоимущих, учеников. Чтобы получить освобождение от платы, надо было хорошо учиться и иметь пятерку по поведению.

Гимназисты носили форменную одежду: синюю фуражку с белым кантом и посеребренным гербом из скрещенных листьев лавра, а между ними номер гимназии, шинель серого сукна со светлыми пуговицами и синими петлицами, черную тужурку, лакированный ремень, на котором светлая пряжка с номером гимназии, брюки черные. В торжественных случаях — мундир из синего сукна, однобортный, с серебряными галунами по воротнику. В нашей гимна-

зии мундир имели только единицы, многие семьи были малосостоятельные. Бедным гимназистам иногда выдавались от Общества всепомоществования недостаточным ученикам деньги на покупку форменной одежды.

Все обмундирование обычно покупалось на вырост, у первоклассника часто шинель волочилась по земле, из рукавов не было видно пальцев, тужурка доходила чуть не до колен. Но мальчишки росли быстро, года через два шинель уже была до колен. В семьях, как правило, одежда переходила от старшего брата к младшему. Было принято, что родители более состоятельные передавали малоношеное ненужное обмундирование в гимназию для нуждающихся. В общем, как-то устраивались, и мальчики были все одеты по форме. Особых придирок к форме не было, требовалось, чтобы было чисто и не было дыр.

Строго следили за тем, чтобы гимназисты были подстрижены, а в старших классах — со скромными прическами. Если гимназист приходил без ремня или с космами, его отправляли домой.

Занятия начинались в 9 часов. Урок продолжался 50 минут. Между уроками перемены: первая — 5 минут, вторая — 10, третья — 30, четвертая — 5 минут. Начиная с пятого класса, каждый день было 5 уроков. К девяти начинали сходить учащиеся — младшеклассники с ранцами за спиной, гимназисты постарше носили ранцы под мышкой, так как ремни были уже оборваны, а ранец истрепан. Обычно он служил не только для ношения книг, но и для катания на нем по паркету, на нем же съезжали в шинельную по крутым ступенькам. В старших классах ходили и с портфелями. Каждый класс имел свое отделение в шинельной, для каждого ученика был свой крючок и место для фуражки и галош. По мере прихода шум в шинельной увеличивался. Здесь командовал сторож Иван, небольшого роста, коренастый человек, подстриженный «ежиком», с закрученными усами, в черном форменном сюртуке. Он был сердитый человек, и младшие гимназисты его боялись, так как иногда получали от него подзатыльники, но жаловаться не

смели: сами были виноваты, а ябедничество и фискальство противоречило традиции. Некоторых малышей приводили мамы, но это вызывало насмешки. Минут за 10 до начала занятий в шинельной появился один из молодых педагогов, гимназисты младших классов ставились в пары и отправлялись по классам. Старшеклассники в парах не ходили.

Ровно в 9 раздавался звонок, к этому времени все гимназисты были уже в классах. В классы шли учителя с журналами. Все вставали. Перед первым уроком дежурный читал молитву. Через 50 минут раздавался звонок на первую перемену. Все выходили в залы, в классе дежурный открывал окно. Во вторую перемену младшие классы спускались в гимнастический зал, где были приготовлены столы, а на них кружки с горячим сладким чаем. Чай могли пить только те, кто вносил полтора рубля за полугодие. Сюда же приходил булочник с булками и пирожками. Но обыкновенно завтраки брали из дому. В 12 часов, в большую перемену, чай пили старшие классы.

Во время чаепития ходили сторожа с медными чайниками и подливали чай. После четвертого урока была последняя перемена в 5 минут. В большую перемену некоторые выбегали во дворик поиграть в мяч или снежки. Близко живущие бегали завтракать домой. Наконец кончались занятия, по классам читались молитвы. Младшие классы в парах под надзором педагога спускались в шинельную. Но на последнем, крутом марше лестницы пары расстраивались, все неслись вниз, кто побойчее, сидя на ранцах, съезжали по ступенькам. «Маменькиных сынков» встречали мамы. Сторож Иван, чуя, что здесь можно получить чаевые, проявлял внимание, помогал одеваться, завязывал башлык, говоря: «Вы не беспокойтесь, я присмотрю, не дам в обиду вашего мальчика». Все остальные одевались мгновенно, шинель натягивали уже во дворе, торопились «на волю». Через пять минут в шинельной никого не оставалось, кроме мамаш, которые еще закутывали своего мальчика. Старшеклассники такой торопливости себе не позволяли. Франты старались покрасивее надеть фу-

ражку, эффектно закинуть концы башлыка, не завязывая их в узел, небрежным движением взять портфель и тщательно осмотреться в зеркале.

Звонки к началу и концу занятий давались ручным колоколом. Этим делом заведовал у нас сторож Сильвестр, как две капли воды похожий на Сократа, с той разницей, что от него всегда попахивало водкой и луком. Ручной колокол он носил в заднем кармане сюртука, так как были случаи, когда гимназисты прятали колокол.

Сторож Сильвестр был хороший и даже остроумный, шутил с гимназистами, знал много латинских слов и выражений. Ему не удавалось слово «директор», он произносил «дилектор». К педагогам он относился с большим уважением и каждому давал очень верную характеристику. Вообще оставил о себе хорошую память. До сих пор стоит перед глазами процесс тушения им керосиновых ламп. В класс он входил с особым устройством: длинная железная трубка с загнутым концом, к которому припаян колпачок. Его он наставлял на конец стекла лампы и дул в трубку. Лампа гасла, испуская страшный смрад, а таких ламп в классе 4—5. Это развлекало гимназистов, в адрес Сильвестра неслись поощрительные возгласы: «Поднатужься! Дуй здоровей!»

В гимназии бывали торжественные дни. 20 августа — начало занятий; акт, когда раздавали награды; особые события — панихиды по высокопоставленным лицам и пр. В эти дни все собирались на молитву в зал перед образом Иоанна Богослова. Пел гимназический хор, играл свой духовой оркестр. В хор учитель пения набирал тех, кто имел слух и голос. Проба голосов была во втором классе. Учитель пения Четвертаков, гимназисты же его звали Пятиалтынный, напоминал Собакевича. Один из авторов этих заметок на пробе очень волновался и взял не в тон. Учитель пения расценил это как озорство, сразу выгнал из зала и пожаловался классному наставнику. Тот оставил «певца» на два часа после уроков с занесением наказания в дневник, за что ему попало и дома. Так печально закончилось его вокальное образо-

вание. Но приверженность к искусству у него осталась. В четвертом классе он начал играть на турецком барабане, потом на альте в гимназическом оркестре. Другой автор увлекся скрипкой.

Если говорить о самом учении, надо признаться, что гимназисты были загружены. Кроме занятий в гимназии в течение 4—5 часов задавалось много на дом. Чтобы хорошо успевать, надо было учить уроки. На это уходило около трех часов, а то и больше. На воскресенье и другие праздники тоже задавались уроки. В средних и старших классах были переходные экзамены, и весной следовало повторить весь курс. С первого класса начинали изучать немецкий язык, со второго — французский, с третьего — латынь.

В восьмом классе был даже разговорный латинский час. Ученикам раздавались картинки из жизни Древнего Рима, и они должны были рассказать полтавыни содержание доставшейся картинки. В экзаменах на аттестат зрелости предусматривалась письменная работа по латинскому языку.

С пятого класса желающие могли изучать еще греческий. С четвертого класса в системе русского языка целый год изучался церковнославянский. Кроме предметов, обычных в средней школе, в старших изучали гигиену, логику, психологию, законоведение, космографию. Из одного перечисления предметов видно, что среднее образование давалось в широком объеме.

Закон Божий считался второстепенным предметом, его уроки были два раза в неделю в течение всех восьми лет, требования к нему были сниженные.

Светлую память о себе оставил инспектор, статский советник Иван Алексеевич Суворцев, педагог в лучшем смысле слова. В младших классах он преподавал русский язык, а в старших — латынь, историю и литературу. Он был очень справедлив, глубоко понимал внутренний мир гимназиста, нетерпимо относился ко лжи. Преподавал он замечательно, и какой бы предмет он ни вел, всегда умел вызвать интерес к нему. Даже латынь, этот сухой и мертвый пред-

мет, он превращал в увлекательный экскурс в мир Древнего Рима. Гимназисты старших классов ждали его уроков. Он вдохновенно передавал любовь к Овидию, Вергилию, Горацию. Произведения Цицерона, Тита Ливия в его объяснениях оживляли реалии Древнего мира. Отметки он ставил строго, но своеобразно. Скажем, гимназист читает латинский текст из Тита Ливия, чтобы потом перевести. Суровцев сажает его и ставит «два», не допуская к переводу, за невыразительное чтение — ученик не понимает, что читает. И наоборот, гимназист читает Вергилия с большим выражением — Суровцев, не требуя перевода, ставит ему «пять». Предмет сделался любимым, нетрудным.

Очень веселый человек был преподаватель математики в младших классах Н. Я. Неймарк. Полноватый добродушный мужчина заявлял ученикам: «Самый легкий предмет — математика. Она требует только одного — внимания». И действительно, математика в его преподавании казалась легкой. Достигал он этого простыми, ясными объяснениями, используя последовательность и логичность математических знаний. Он применял такой прием: «Каверкин, иди к доске. Докажи им, что сумма внутренних углов треугольника равняется двум прямым». — «Я не знаю, мы ведь этого не проходили». — «Ничего трудного здесь нет». Привлекая предыдущие знания ученика, он умело наводил гимназистов на доказательство, и отвечающий действительно доказывал. «Вот видите, а вы говорили, что не знаете». Математику все знали хорошо, учиться было легко. Когда начинался учебный год, Неймарк, поглаживая бороду, говорил: «Материала у нас много-с, много-с, а времени мало-с, мало-с, мало-с, но это нам нипочем!» Гимназисты, имитируя движения его рук, как бы поглаживая усы и бороду, хором повторяли: «Много-с, много-с, но нам это нипочем». Он заразительно хохотал и говорил: «У вас это выходит лучше, чем у меня!»

Колоритными фигурами были отец и сын Некрасовы. Отец, священник, преподавал Закон Божий; сын — в старших классах математику и космографию.

Отец Виссарион, окончивший духовную академию, хорошо знал языки, был человеком очень просвещенным. К своему предмету, Закону Божию, относился не особенно серьезно; шепотом про него говорили, что он атеист. Этого мы утверждать не беремся, но то, что он был либерал и передовой человек, несомненно.

Любопытно было видеть, как «батюшка» шел с «французом» и говорил с ним на прекрасном французском языке, с преподавателем немецкого языка говорил на немецком, хорошо знал древние языки — латинский, греческий и древнееврейский. Преподавал он так: после объяснения скажет, что к следующему уроку нужно приготовить то-то и будет спрашивать таких-то учеников, перечислял их фамилии. Спрашивал легко, говорил главным образом сам, гимназисту надо было вовремя поддакивать. Ставил он обычно «пять», а кто совсем ничего не знал — тому «четыре».

Когда старшие ученики задавали ему вопрос, в котором вероучение расходилось с действительностью, он, называя ученика по имени, говорил: «Садись, Митя, не в меру ты догадлив! Вырастешь — поймешь!» По церковной линии его затирали: несмотря на его преклонный возраст, не давали звания митрофорного протоиерея. На уроках его было шумно, педагог он был никудышный.

Старший его сын был инженер путей сообщения, член Государственной думы. По «колокольной» линии никто из сыновей не пошел, они были врачи, педагоги.

Младший его сын, Александр Виссарионович, был высокий, худощавый, стройный и молчаливый молодой педагог. Он никогда не улыбался и не шутил. Его боялись, даже в старших классах на его уроках было тихо. У него был такой прием: входил в класс и стоял молча до тех пор, пока не наступала гробовая тишина. Тогда он наклонял голову и шел на кафедру, после чего ученики могли сесть. В отличие от Неймарка он считал математику трудным предметом и внушал это ученикам, отчего не мог возбудить инте-

рес к предмету. Уроки проходили скучно, бесцветно, в классе ощущалась напряженность. Даже такой интересный предмет, как космография, он засушивал. Материал всё же знали, но интереса к нему не было.

Замечательным преподавателем русского языка в старших классах был Л. А. Степанов. Это был превосходный оратор, заслушаться было можно, как интересно и красиво он объяснял. Устных ответов в старших классах он не практиковал, каждую неделю надо было представлять домашнее сочинение, а раз или два в месяц были классные сочинения. На его уроках ученики чувствовали себя свободно, легко, слушали с большим интересом. Очень содержательным был его разбор ученических сочинений. Здесь много шутил, но ничего оскорбительного не допускал. Говорил, например: «Написали бы вы такое письмо своей барышне — это было бы ваше последнее к ней письмо. Пора уметь отвечать за свои слова». И на примерах показывал, как надо отшлифовывать каждую фразу и выражение.

В младших классах историю Древнего Рима и Греции преподавал Н. П. Обнорский, один из составителей Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Добрейший человек и знаток истории, он знакомил нас, мальчишек четвертого класса, с античным миром. Мы великолепно знали Акрополь, Капитолий, планы древних Афин и Рима, храм Афины Паллады, Коринф, Сиракузы, ходили по римскому Форуму, купались в термах Каракаллы, сражались вместе с гладиаторами, участвовали в ристалищах, получали лавровые венки победителей. Обнорский читал нам «Илиаду» и «Одиссею», приобщил к чудесным источникам классической поэзии. Человек он был мягкий: если ставил двойку какому-нибудь лентяю, то потом страдал больше, чем гимназист, который уже забыл о плохой отметке. Его гордостью была гимназическая библиотека. Получив один шкаф с истрепанными книжками, он через несколько лет создал прекрасную библиотеку с замечательным набором книг, библиотека уже занимала две большие комнаты с десятками шкафов, тысячами книг по самым разнообраз-

разным вопросам. Деньги на это он получал частично от пожертвований, частью от благотворительных вечеров, но основным было пожертвование бывших воспитанников гимназии и их родителей. Работали в библиотеке гимназисты по его выбору из числа самых аккуратных и исполнительных.

Наряду с такими педагогами были люди и иного склада. Скажем, преподаватель немецкого языка И. Ф. Вейерт, какой-то полусумасшедший человек, настроение которого менялось мгновенно. То он позволял гимназистам делать в классе неведомо что — шуметь, бегать, сам хохотал над их проделками, то сразу переменится и выгонит полкласса вон. Он кричал: «Петров, Каверкин, Белковский, Генинг и прочие тому подобные личности, вон из класса!» Такая формулировка давала возможность любому выйти за дверь, особенно тем, кто не выучил урока. Тогда он орал, хлопая журналом по кафедре: «Куда вы?» Гимназисты с нагло-наивным видом отвечали: «Мы — прочие и тому подобные личности и потому должны уходить». Тогда он кричал: «Все уходите, кто хочет!» В классе оставалась дай Бог половина. За пять-десять минут до звонка выгнанные и примкнувшие к ним «прочие подобные личности», боясь быть замеченными директором или инспектором, которые делали перед звонком обход, широко распахивали обе половинки дверей в класс, торжественно входили, останавливались перед кафедрой, поднимали правые руки вверх и скандировали: «Awe, magister, morituri te salutant», перефразируя приветствие гладиаторов. Настроение Вейерта мгновенно менялось, он хохотал во все горло и кричал: «Садитесь, мерзавцы!» Иногда входили в класс так: одного из гимназистов другие несли на плечах и пели: «Со святыми упокой». Впереди идущий останавливался перед кафедрой и говорил: «Он не перенес изгнания и умер во цвете лет!» Опять всеобщий хохот и прощение. Он сразу прощал, если выдумка была остроумна, а остроумие гимназистов было бесконечно. При таком учителе успехи в немецком языке были плохие.

Интересной фигурой был преподаватель физики и химии Э. Э. Форш. Он был замечательный ученый, пе-

регруженный всякими знаниями, но передавать эти знания гимназистам не умел. Объяснения его были какие-то сумбурные, говорил он невнятно, мысли перекакивали с одной на другую. Он находился постоянно в какой-то прострации или близко к ней. Но человек он был добрый, застенчивый, даже наивный, всем и всему верил. Гимназисты на его уроках делали что угодно, ставил он не ниже четверки. Вызовет ученика, тот, как говорится, ни в зуб ногой, класс кричит, что ему нужно поставить «пять». Форш разводит руками: «Как же «пять», когда он ничего не сказал?» Класс ревет: «Он стесняется, а потому и не говорит». Один из гимназистов вскакивает и говорит: «Спросите меня, он вчера мне помогал». Начинается шум, подсказывания, в результате учитель ставит ему «четыре». Если же был показ опытов в физическом кабинете, то гимназисты шли еще дальше. Все опыты они называли фокусами и требовали, чтобы Форш засучил рукава, иначе не поверят. Говорил он тихим голосом, задумчиво. Независимо от такого преподавания, физику в общем знали, предметом этим интересовались, некоторые делали опыты дома. Форш оставил о себе добрую память.

Исключительным педагогом был преподаватель французского языка Луи Мартен. Он был соавтором классического учебника «Morceaux choisis». За все время он не сказал ни одного слова по-русски, и мы должны были говорить только по-французски, как бы у нас ни получалось. Он так объяснял, что даже мы, имея вначале небольшой запас французских слов, все же понимали его. Он был строгий, сидели при нем в классе тихо. Вспоминаем и видим перед собой его высокую фигуру, чисто галльский профиль, приятный низкий баритон. Знали французский язык хорошо, в седьмом-восьмом классе свободно читали и переводили без словаря, неплохо говорили по-французски, конечно, выговор у некоторых оставался «нижегородским», этого Мартен преодолеть не мог.

Особняком стояли преподаватели гимнастики и военного строя. В гимназии преподавалась «сокольская» гимнастика. Приходил из гимнастического общества «польский сокол» Ян Беганский. В торжествен-

ных случаях он появлялся в кунтуше, конфедератке с белым пером. Гимнастику он поставил образцово, при нем приобрели хорошие снаряды. Учил он и фехтованию на рапирах, и бою на саблях. Красиво ставил вольные движения, пирамиды, упражнения с булавами. В обращении был грубоват, иногда мог дать и кулаком в бок, но на него не обижались. На гимназических балах он появлялся во фраке и танцевал лучше всех.

Военный строй преподавал штабс-капитан Измайловского полка, начальник учебной команды. В гимназию доставили старые берданки без замков. В тесных помещениях развернуться строевыми занятиями было неудобно. Этот умный офицер, которого мы встретили сухо, постепенно заинтересовал нас не самими упражнениями с ружьем, а объяснениями, почему применяется тот или иной строй, как избежать больших потерь в бою, какая польза знать ружейные приемы, какое значение имеет снаряжение, т. е. объяснял он нам не парадную, а боевую и строевую часть дела для похода и боя. Объяснял, как выработывалась военная форма, касался истории изменения форм и оружия. Военному строю мы не научились, но он открыл нам новый мир.

Хорошим педагогом был историк в старших классах А. О. Круглый. Внешность его соответствовала фамилии: круглая лысая голова, сама фигура тоже круглая. Это был строгий и даже сердитый учитель, беспощадно пресекавший всякие вольности, — сразу записывал замечания в журнал. Требовательность у него была высокая, учиться было трудно. Он практиковал письменные работы; вызывая к устному ответу, задавал ученику какой-нибудь век, например XVIII, приказывал выписать на доске все значительные даты в России, Англии, Франции, Италии и т. д. и требовал рассказать о событиях, происшедших в эти годы.

Теперь, когда прошло много лет, можно спокойно и объективно оценить своих учителей. За редким исключением, это были знающие, добрые, честные и преданные своему делу люди. Какое надо было иметь терпение и выдержку, чтобы преподавать в классах, где было много шалунов, упрямых и неразвитых

мальчишек! Учителя свято исполняли долг, передавая нам свои знания.

Говоря о становлении юноши, его внутреннего мира и характера, необходимо помнить, что воспитывают не только учителя, но и среда соучеников. Надо сказать, что большинство из них усвоили прививаемые в гимназии положительные основные человеческие качества: как правило, мальчишки, а потом и юноши были честны, справедливы, не трусливы, хорошие товарищи. Но, как говорится, в семье не без урода. Были среди гимназистов и подхалимы, и фискалы, и вруны. Но вся масса учащихся в нашем, например, классе относилась к таким типам нетерпимо. Это выражалось нередко и в определенных реакциях. Особенно активно боролись с фискальством. Так, если ученик фискалил, выдавал товарища, ему устраивали «темную». Такие меры применялись в младших и средних классах, в старших выдерживался бойкот в отношении таких типов: им не подавали руки, с ними не разговаривали, не принимали в компанию, пока провинившийся не попросит извинения и не покажет своим поведением, что стал настоящим товарищем. Нетерпимо относились и к жадности, зазнайству, нежеланию помочь товарищу в учебе.

Строго отрицательно относились к фискальству и учителя гимназий, а также других мужских учебных заведений, особенно закрытых. Один лицеист рассказывал, что его товарища не допустили к дальнейшим вступительным экзаменам, так как он пожаловался на соседа, который якобы толкнул его, из-за чего он опрокинул чернильницу на сочинение.

В средних классах многие чрезмерно увлекались детективной литературой. Продавались по пятаку книжечки о знаменитых сыщиках — Нате Пинкертоне, Шерлоке Холмсе, Нике Картере. Зачитывались приключенческой повестью «Пещера Лейхтвейса». Эта бульварная литература была настолько распространена, что педагогам и родителям приходилось принимать меры, так как мальчишки начинали плохо учиться, не спали по ночам, воображая себя неуловимыми преступниками. В эти годы случались даже по-

беги из дому. Многие увлеклись кинематографом, с чем бороться было трудно — густая сеть синема раскинулась по всему городу.

Старшеклассники вели себя солиднее — начинали подтягиваться в учебе, мечтать о будущем, в перемены обсуждали вопросы учебного порядка, пересматривали свое отношение к педагогам, думали о предстоящих экзаменах и дальнейшей учебе. Выпускному классу была выделена для отдыха особая комната. Была такая традиция: классный руководитель или педагог, желая войти в эту комнату, предварительно постучит и спросит, можно ли войти. Ученики почтительно вставали, вошедший делал вид, что не замечает, что накурено. Сделав нужное объявление, он тотчас уходил. Почтительное отношение со стороны учителя обязывало и учеников к подобному же поведению.

Кроме учения гимназия занимала учеников хорошим пением, игрой в великорусском и духовом оркестрах, за отдельную плату можно было обучаться танцам и игре на рояле или скрипке. Прогимназический хор кроме духовного пения разучивал произведения светского характера — торжественные кантаты, русские песни. В великорусском оркестре играли больше тихие, послушные мальчики, а в духовом оркестре было много озорников. «Духовики» презирали балалаечников: с их точки зрения, те занимались пустяковыми делами. Великорусским оркестром руководил большой любитель и знаток этого дела, бывший ученик той же гимназии Михайлов. А духовой оркестр образовался так: соседний Измайловский полк менял инструменты оркестра и продал старые 10-й гимназии по низкой цене — все трубы и барабаны за 300 рублей.

Играть на трубах учил унтер типа Пришибеева. Строгий, с хриплым голосом, допускавший солдатские приемы: то стукнет дирижерской палочкой по голове, то ударит по раструбу трубы и этот удар передастся через мундштук в зубы играющему. Учил он усердно, и через полгода оркестр уже играл гимны, два марша — «Тоска по родине» и «Старые друзья»,

два вальса — «На сопках Маньчжурии» и «Осенний сон», какую-то польку и несколько русских песен.

Директор любил духовой оркестр, а инспектор — струнный. Объяснялось это просто: репетиции духового оркестра происходили на четвертом этаже рядом с квартирой инспектора, а струнный репетировал близ квартиры директора. Вскоре унтер ушел, руководителем оркестра стал некто Лабинский. Он кончил консерваторию, был человек пожилой, со слабым характером и большой плешью. Гимназисты звали его фон дер Плешь, за глаза конечно. Вначале он преподавал рояль и скрипку, потом взялся руководить духовым оркестром. Медные инструменты знал плохо, толком объяснить ничего не мог. Гимназисты поняли, что дирижер у них слабый, перестали его уважать, дерзили ему, играть стали плохо, оркестр развалился. Оказалось, что унтер был лучшим дирижером, чем выпускник консерватории.

Танцы, за пять рублей в год, преподавал балетный артист, который приходил со своей тапёршей раз в неделю часа на два. Держался он очень гордо, а оказалось, что в Мариинском театре он на самых последних ролях. В одном из балетов мы его узнали в роли рака; таких раков на сцене было много — на руках у него были надеты красные клешни, а сам он был темно-зеленого цвета. Это заметно снизило его авторитет. Занятия танцами начинались с изучения разных позиций, потом переходили к приседаниям, плие и т. п. Через полгода стали учить вальс, польку, мазурку. Одни гимназисты были за кавалеров, другие за дам. Наука танцев усваивалась туго, изящество прививалось слабо, что весьма сердило «балетмейстера», который иногда срывался и, показывая сам, говорил: «Ведь это просто, какие вы тупоголовые».

Замечательными событиями в жизни гимназии были акты, балы и концерты. В сентябре проводился традиционный торжественный акт. На него приглашали родителей, гостей из других гимназий, педагогов и гимназистов. Верхний зал гимназии украшался, выставлялся длинный стол, покрытый зеленым сукном, несколько рядов стульев для родителей, за ними

стояли гимназисты. Против стульев для родителей — хор и духовой оркестр. Директор объявлял торжественный акт открытым. На кафедру всходил учитель Степанов, лучший оратор. Он докладывал годовой отчет. Это ему очень удавалось: в полной парадной форме, при шпаге, манеры красивые, интонации голоса богатые. Он склонял свою красивую голову то направо, то налево. Начинал он так: «Милостивые государыни и милостивые государи! В отчетном году...» Отчет занимал много времени. Гимназисты, уже отстоявшие молебен, нетерпеливо переминались с ноги на ногу, перешептывались. По окончании доклада хор пел кантату, далее начиналось самое главное: торжественная раздача золотых и серебряных медалей окончившим гимназию. Вызываемые подходили к столу, директор стоя вручал им медали и жал руку. Все аплодировали, оркестр играл туш. После этого выдавались похвальные листы и наградные книги перешедшим в следующий класс с хорошими отметками. Опять аплодисменты, туш. Потом хор пел кантату, прославляющую учителей. Директор объявлял акт законченным, гимназисты играли марш, трубы оркестра гремели, оглушая уходящих гостей. На этот акт все приходили приодевшись — родители, учителя, ученики. Некоторые гимназисты были в мундирах.

* * *

*И вот над мигом тишины
Вальс тамно вывел трели...
Качаясь, плавные лады
Всплывают в зал лучистый,
И фей коричневых ряды
Взметнули гимназисты.*

Саша Черный

Балы и концерты устраивались два-три раза в год, зимой, как мы упоминали, с благотворительной целью — в пользу бедных учеников. Скромное помещение гимназии преобразалось, в верхнем зале ставилась сцена. Лучшие рисовальщики украшали стены

рисунками из античной жизни, рыцарской эпохи, русских былин. На сцене развешивали гирлянды электрических лампочек, елочные ветки, перевитые кумачом, перетаскивали мебель из квартир директора и инспектора для устройства уютных гостиных. Знатоки в области садового искусства устраивали в одном из классов зимний сад. Пол здесь красили желтой охрой, чтобы создать иллюзию песка. Расставлялись скамейки. Всей организацией заведовали выпускники-восьмиклассники, поэтому бал и назывался «выпускной». В день бала устраивался буфет — чай, лимонад, морс, пирожные, бутерброды, конфеты. Закупались конфетти, серпантин, «почта». Приглашался оркестр Измайловского полка, вернее, пол-оркестра, потому что целиком он был очень велик. Звали и тапёра, под рояль танцевали в другом зале. В устройстве бала принимали участие матери гимназистов. Для них устанавливали павильончики или беседки, где они организовывали беспроигрышную лотерею. Бал состоял из двух отделений. В первом — на сцене гимназисты разыгрывали какой-нибудь водевиль или сценки из Чехова, Островского. Иногда вместо спектакля готовился концерт силами гимназистов. В конце выступали и родители учащихся. Второе отделение — танцы до трех часов ночи. Одни дамы пользовались успехом, их приглашали танцевать наперебой, другие барышни оставались без всякого внимания со стороны кавалеров, у них сжималось сердечко, они с завистью смотрели на танцующих, нервно теребя платочек. Но больше страдали сидящие рядом мамы. Правда, гимназисты-распорядители были бдительны — не давали девушкам долго засиживаться, приглашали их сами или посылали кого-нибудь из товарищей.

К трем часам ночи и танцоры, и музыканты уставали. Наконец объявляли последний вальс, после него «вышибательный» марш, который играли сами гимназисты. Такова была традиция. Вешалки для публики устраивались во втором этаже. Все спускались, гимназисты провожали своих дам. Оставались только немногие, те, которые сдавали вырученные

деньги от буфета, от продажи конфетти и прочего казначею Анфиму. Составлялся акт о вырученных деньгах, последним покидал свой пост Анфим со своей денежной шкатулкой. Через несколько дней комиссия, подсчитав чистую прибыль, писала денежный отчет, на основании которого деньги распределялись среди недостаточных учеников. Эта сумма обычно составляла 300—400 рублей, за год от таких вечеров собиралось около тысячи рублей, сумма по тому времени значительная.

* * *

*У двери — бледный гимназист
И розовая леди.*

Саша Черный

Вспоминается особый концерт. В классе с одним из авторов этих записок учился Сережа Лабутин, его отец был чиновником в Управлении Императорских театров. При его-то содействии в целях большего сбора в пользу недостаточных учеников и был устроен очень хороший концерт; помещение было снято в гимназии «Петришуле». Там был зал, который мог вместить много публики. Лабутин-отец пригласил участвовать в концерте многих знаменитых артистов, с которыми он был связан по работе. В частности, были приглашены Стрельская, Мичурина-Самойлова, Юрьев, Лерский, оперные солисты Серебряков, Касторский, Петренко. Артистов привозили в наемных каретах, за ними ездили гимназисты-распорядители.

Карет было три. По указанию главного распорядителя Лабутина гимназисты направлялись за артистами либо в театр, либо на квартиру. Кареты надо было подать вовремя, чтобы артисты не дожидались. Ведь некоторые в этот вечер участвовали и в спектаклях, все они были знаменитые. Одному из авторов было поручено привезти Стрельскую и Серебрякова. Оба артиста были люди пожилые, старушку Стрельскую надо было подсаживать в карету с большой осторожностью. С ними все обошлось благополучно.

Видя расторопность своего «подчиненного», распорядитель поручил ему привезти артистку Ведринскую из ее квартиры на Фонтанке, причем как можно скорее, — карета нужна была, чтобы доставить еще кого-то из артистов. Гимназист с готовностью бросился исполнять приказание и через 15 минут вошел в квартиру на Фонтанке. Горничная провела посланца в гостиную. Вскоре вышла сама Ведринская, небольшого роста, миловидная, очень приветливая женщина. Она дала поцеловать ручку смутившемуся гимназисту и очаровательным голосом сказала: «Вы посидите, мы скоро поедем, я только переоденусь». И исчезла. Горничная принесла чай с печеньем, ушла, и все затихло. Прошло 20, 30 минут... Чай был выпит, печенье съедено. Никто не появлялся. Строгий приказ Лабутина — как можно скорее освободить карету — сверлил в мозгу. Вот прошло уже 45 минут — никакого движения. Гимназист в отчаянии, не зная, что делать, метался по комнате. Как быть? И наконец... вышел в переднюю, взял в охапку шинель, открыл французский замок и бросился в карету: «Скорей назад!» Лабутин остолбенел: «Негодяй! Что наделал! Вот дурака послал!» — и сам бросился в карету, передав кому-то свои полномочия. Распорядительская карьера гимназиста была погублена, он остался стоять в коридоре, который вел к кулисам. Концерт уже начался. Но гимназисту казалось, что все пропало, люстры горят тускло, глухо звучат голоса артистов, как из подземелья. Стоял он долго... Вдруг послышался шум шагов, шуршание платья и любезный голос Лабутина. На его руку опиралась прелестная дама в роскошном платье с длинным шлейфом. На голове ее была диадема, а в руках веер из страусовых перьев. Вдруг она повернула голову и увидела стоящего все в том же столбняке несчастного. Мимоходом она ударила слегка его веером по плечу и вымолвила волшебным голосом, обращаясь к спутнику: «Сергей Сергеевич, вот единственный мужчина, осмелившийся меня покинуть», — и пошла дальше. В глазах гимназиста все потемнело, он готов был провалиться сквозь землю. Не дослушав концерта, он уехал домой.

Концерт, говорили, прошел успешно, сбор был большой. Как передавали, за ужином после концерта Ведринская со смехом рассказывала, как ее бросил самый юный кавалер. А кавалер до самого утра без сна ворочался на своей жесткой койке.

* * *

Интересно рассказать о 35-летнем юбилее работы казначея Анфима. Кроме своей основной обязанности Анфим привлекался к выполнению разных поручений: собирал деньги за чай, за обучение танцам и музыке; он же взыскивал за всякие ущербы — разбитое стекло, сломанный прибор. В случае болезни учителя он приходил в класс и смотрел за порядком — все это он выполнял весьма добросовестно.

К юбилею были приготовлены подарки и адреса от педагогического состава, от гимназистов, их родителей. Подарки — обычные в таких случаях серебряная ваза, набор ложек. Текст адресов аккуратно написан золотыми буквами, в папках. Анфим был хороший человек, его любили, он старался всем угодить, на гимназистов не жаловался. Поэтому все старались сделать ему приятное. Собрались все за большим столом. В центре юбиляр, слева хор и духовой оркестр, справа родители учеников. Торжество открыл директор — произнес вступительную речь. Затем на кафедру взошел наш «златоуст» Степанов, преподаватель русского языка. Он обрисовал жизненный путь юбиляра. Затем инспектор Суровцев прочел адрес и передал подарок от педагогического состава — ящик с серебром — и поцеловал Анфима. Оркестр сыграл туш, хор спел хвалебную кантату. Выступали представители родителей, благодарили за полезную деятельность, передали адрес, подарок. Опять туш, опять кантата. Наконец вышли трое гимназистов, двое по бокам держали развернутый адрес, третий читал, держа в руках подарок. В адресе, в частности, говорилось: «Дорогой Анфим Гаврилович, Вы, как незаметный подземный источник, питаете корни на-

шего юношества, своим отношением к нам Вы показываете пример» и т. д. После очередного туша и пения хора слово предложили юбиляру. Старичок Анфим в новом форменном скюртуке с Анной на шею стоял растроганный, плакал и прерывающимся голосом сказал: «Вот вы говорили, что я хороший, чего-то заслужил, долго работал, хвалили. А на деле-то заслуг-то и не было. Ну правда, работал тридцать пять лет. Надо было служить, и служил, куда я денусь с семьей. Спасибо начальству, что держали. Даже они, шалуны, и те хвалили, что я какой-то подземный источник, который питает. Спасибо. Никогда не забуду...» И заплакал. Его под руки отводят на место. Директор объявляет, что официальная часть окончена, и приглашает всех гостей к скромному столу, а гимназистов отправляет домой.

На другой день Анфим встретил гимназистов строго: «Какой это я вам подземный источник, баловники вы все!»

При описании гимназической жизни нам пришла на память битва с ремесленниками. Ремесленное училище от гимназии отделял кирпичный забор высотой до второго этажа. К этому забору со стороны ремесленного училища близко располагались кузница и вагранка, около которых всегда толпилось много учеников. Они рубили железо, разбивали чугуны, носили каменный уголь, работали у горнов и у вагранки. Дым и запах страшные, все это несло в классы гимназии. Гимназисты были этим недовольны, иногда даже из-за сильного дыма не открывали окна для проветривания классов. В одну из больших перемен зимой старшеклассники начали перебранку с ремесленниками. В результате взаимных оскорблений гимназисты начали швырять в ремесленников куски мела, свинцовые чернильницы, поленья. В ответ ремесленники, которые имели под руками более серьезные снаряды — куски угля, гайки, болты, обрубки железа, — расшибли все стекла гимназии в четвертом и третьем этажах. Занятия были прекращены, гимназисты выпущены по черному ходу, так

как главные лестницы были под обстрелом. Все это произошло быстро, и начальство как с той, так и с другой стороны не успело своевременно прекратить разгром.

На следующее утро, когда пришли гимназисты, все стекла были вставлены, и занятия пошли своим чередом. Начальство доискивалось, кто главный виновник, но фискалу грозила «темная». Антагонизм между гимназистами и ремесленниками продолжался, во время перемен переругивались через открытые окна, но драк больше не было.

Дети становились юношами, переходили из класса в класс, становились выпускниками, т. е. учились в последнем, восьмом классе. Была традиция: гимназисты заказывали себе выпускные значки, на которых указывались номер и год выпуска, фамилия выпускника. Были ювелиры, которые выполняли эти заказы по выбранным рисункам. Значки носились весь год до получения аттестата зрелости. Была и такая традиция: любимым, уважаемым учителям подносился этот значок с соответствующей речью. Дело происходило в классе после окончания урока, гимназисты окружали педагога, один из учеников произносил речь и передавал значок. Педагог в ответной речи выражал надежду, что весь год на его уроках гимназисты будут вести себя хорошо и усердно заниматься. Такой значок педагоги носили на цепочке часов в виде брелока.

Наступали последние дни перед экзаменами на аттестат зрелости. Традицией было прощаться с педагогами. На последнем уроке гимназисты произносили речи, благодарили за хорошее отношение, говорили по-латыни, по-немецки, по-французски. Педагоги делали последние наставления: как готовиться к экзаменам, что повторить, на что обратить особое внимание. У всех было смешанное чувство: с одной стороны, скорее хотелось кончить гимназию, стать взрослым, с другой — жалко было расставаться со школой, учителями, сторожами, с которыми сжились, провели вместе много лет.

*Из всех билетов вызубрив четыре,
Со скомканной программой в руке,
Неся в себе раскаяния гири,
Я шел с учебником к реке.*

Саша Черный

Расписание выпускных экзаменов составлялось так, что промежутки были в два-три дня. В эти дни гимназисты много занимались, иногда не спали ночами. Готовились обыкновенно маленькими группами у кого-нибудь на дому, потому что даже во время передышки разговоры вертелись около того предмета, к которому готовились.

Настроение было приподнятое, все понимали ответственность, экзамены были строгие, подсказка и списывание совершенно исключались. Сначала шли письменные экзамены по математике, русскому, латыни; задания присылались из округа в запечатанных конвертах, которые вскрывались экзаменационной комиссией перед самым экзаменом.

Наступал первый день выпускных экзаменов, и уже чувствовалось, когда мы приходили к девяти часам утра, что гимназия для нас какая-то уже чужая и мы для нее чужие. У кого были мундиры, те приходили в них, потому что выпускные экзамены обставлялись торжественно. Верхние помещения и зал верхнего этажа были свободны, так как занимавшиеся там младшие классы еще ранее закончили свои занятия и были отпущены на летние каникулы. У дверей зала стоял сторож, который пропускал только тех, кто имел отношение к экзаменам. В зале выпускников поражала необычная обстановка: у торцевой стены длинный стол под зеленым сукном, а по всему залу расставлены парты, для каждого отдельная, между партами — дистанция (около четырех аршин), которая исключала всякую возможность подсказать или переписать, не говоря уж о том, что во время письменных экзаменов между партами все время прохаживались учителя, которые наблюдали за порядком.

Каждому под расписку выдавалось два листа с печатью и номером — для черновика и беловика. Первый письменный экзамен был по русскому языку. Были даны две темы: одна по пройденному курсу, другая на отвлеченную (вольную) тему.

Гимназист сам выбирал тему из двух предложенных. На сочинение давалось пять часов. Каждый гимназист сдавал свою работу тотчас же по ее окончании, черновик и беловик. Комиссия отмечала в ведомости время, когда сдана работа. Велся подробный протокол всего экзамена. В два часа давался звонок — конец экзамена, у всех неокончивших листы отбирались.

Следующий письменный экзамен был по математике. Давалась комбинированная задача, куда входили алгебра, геометрия и тригонометрия. Так же раздавались листы. Для обеспечения самостоятельности соседям по партам давались разные задачи. На экзамен отводилось четыре часа.

В остальном экзамены проходили так же, как по русскому языку. Мы учились во времена министра Кассо, которым был введен письменный экзамен латыни — перевод с латинского на русский. На экзамене были розданы каждому напечатанные на гектографе тексты из истории Пунических войн Тита Ливия.

Никакого словаря иметь не позволялось, а текст был трудный. Класс учился по-латыни хорошо, справился с этой работой отлично, что имело совершенно неожиданные последствия для гимназического начальства и гимназистов, о которых мы расскажем несколько позднее.

Через несколько дней начинались устные экзамены. Отметки по письменным испытаниям объявляли накануне устного.

На устные экзамены обычно приезжали попечитель учебного округа, его помощники или окружные инспектора.

Устные экзамены были по тем же предметам, что и письменные, и, кроме того, по Закону Божию, физике, немецкому и французскому языкам. По математи-

ке было два экзамена — по алгебре и геометрии с тригонометрией. На экзаменах по математике ставились в зале четыре классные доски, каждому экзаменуемому предоставлялась отдельная доска. На экзаменах по языкам на столе лежали книги с произведениями разных авторов на данном языке, гимназисту давали одну из книг, указывали страницу, которую он должен был перевести. После перевода задавали вопросы по грамматике. Экзамены проходили спокойно, обычно получали примерно те же отметки, что имели в году.

Устный экзамен по латыни был особенный. Только что начался экзамен, как вбежал в зал испуганный Анфим, что-то шепнул директору на ухо, и тотчас всю экзаменационную комиссию как ветром сдуло. Все они быстро ушли вниз, в учительскую. Гимназисты в испуге притихли. Через несколько минут вошли в зал министр Кассо, попечитель округа Прутченко и окружной инспектор по древним языкам. Все они сели за стол, а наше гимназическое начальство примостилось сбоку.

Прутченко мы видели и ранее, он приезжал изредка на уроки, но появление высокого, статного, средних лет красавца, министра Кассо, который слыл грозой, и вместе с ним окружного инспектора привело наше начальство в испуг и недоумение, а гимназистов — в оцепенение.

Кассо потребовал список экзаменующихся, ему подали, он о чем-то пошептался с Прутченко и инспектором и барственным баритоном вызвал: «Чепелкин Александр!» И гимназическое начальство, и гимназисты почувствовали, что для них померк солнечный свет и что они безвозвратно погибли. Санька Чепелкин был лентяй, учился плохо и с натяжкой был допущен к экзаменам. Что чувствовал в эти минуты сам Чепелкин, передать мы не беремся. А мы ожидали, что сейчас начнется полный разгром. Кассо взял своей холеной рукой томик Тита Ливия, развернул его на середине и передал бледному Чепелкину. «Прочтите и переведите», — сказал министр. Санька был шепелявый, волнение усилило его косноязычие. Он прочел

невнятно текст и стал переводить. К всеобщему удивлению, министр начал его подбадривать, и в общем Санька вместе с министром перевели текст. Затем Кассо стал задавать Саньке самые простые вопросы по грамматике, на которые Санька отвечал бойко. Не надо забывать, что при замечательном учителе Суровцеве мы знали латынь хорошо, и те вопросы, которые задавал министр, казались нам пустячными.

Министр предложил прочесть Саньке что-нибудь наизусть из Овидия. Санька, приободрившись, начал шепеляво скандировать. Министр обратился к сидящим за столом: «Есть ли у кого вопросы?» Конечно, вопросов ни у кого не могло быть. Чепелкину министр сказал: «Достаточно, вы знаете хорошо (это Санька-то хорошо!), садитесь». Таким порядком министр проэкзаменовал человек восемь. У гимназистов смущение и страх прошли, они отвечали хорошо. Всем он говорил: «Хорошие, великолепные знания». Затем министр встал, встали и все, подошел к Суровцеву, пожал ему руку, поблагодарил за хорошую подготовку гимназистов и ушел. Его провожала вся экзаменационная комиссия. Через час Суровцев объявил отметки, которые поставил министр, — только «пять» и «четыре», четверок было мало. Нам объяснили, почему приезжал министр. Оказывается, наша гимназия вышла на первое место по письменному латинскому экзамену, и министр сам захотел убедиться в хороших знаниях и не было ли помощи со стороны педагогов при письменном экзамене.

Экзамены были продолжены, все шло также хорошо, но таких высоких отметок уже не было.

Вместе с гимназистами держали экзамены на аттестат зрелости экстерны, обычно два-три человека. Это бывали или сыновья богатых людей, которые проходили весь курс гимназии дома, или пожилые люди, которые не могли своевременно получить среднего образования, или выгнанные из гимназии.

После окончания последнего экзамена мы решили собраться вечером и поехать в ресторан Зоологического сада. Во-первых, там было варьете, во-вторых, там был недорогой ресторан, в-третьих, это бы-

ло вроде как за городом. К девяти часам все собрались, трудно было узнать друг друга без формы: одни были в шляпах и пиджаках, даже с тросточками, другие — в студенческих фуражках и в гимназических тужурках без кушака, третьи — в импровизированной одежде, например в поношенном соломенном канотье, старом офицерском кителе без погон, гимназических брюках, а на ногах сандалии. Но это никого не смущало, все были веселы, оживленны.

Та часть сада, где находились звери, была уже закрыта, публика проходила в ту часть, где был небольшой театр открытого типа и ресторан в деревянном помещении.

Все для нас было ново, необычно, и мы не знали, как подступиться, — стоя посмотрели оперетту, несколько раз обошли сад, заглянули в ресторан, но сесть за столики не решались: цен не знали, не знали, сколько у кого денег. Сели в укромном уголке сада и стали совещаться и выяснять, какие у кого капиталы. Выяснили, что на товарищеский ужин можно потратить два рубля с человека. Пошли в ресторан. К нам подошел солидный господин — метрдотель в смокинге и с бантиком под толстым подбородком. Он спросил: «Что вам угодно, молодые люди?» Перебивая друг друга, мы несвязно объяснили, что хотим отметить окончание гимназии, что мы впервые в ресторане и не знаем, с чего нам начать. Метрдотель любезно ответил: «Все устроим, только скажите, сколько вас человек и сколько вы ассигновали на это празднество». Мы ответили. Метрдотель сказал: «За эти деньги я вам устрою великолепный ужин. Пойдите погуляйте по саду минут двадцать». Когда метрдотель через полчаса подвел нас к длинному столу, мы немного испугались — очень уж много было наставлено на столе разных бутылок, закусок, фужеров. Думали, что ошибся он и потребует еще денег. Но оказалось, что все предусмотрено в пределах наших капиталов. Рябиновка в красивых бутылках, дешевые портвейны, суррогат шампанского, другие дешевые вина — все в красивых бутылках с красивыми этикетками. Закуски тоже были не из дорогих, но поданы красиво. С точки зрения гимнази-

стов, все было очень шикарно. За время ужина несколько раз приходил метрдотель, спрашивал, всем ли мы довольны. Подали десерт — пломбир. Некоторые для форсу закурили, посоловелыми глазами стали смотреть на эстраду, где шел дивертисмент. Очень конфузились, когда выступала полуголая шансонетка, которая высоко поднимала ноги. Конфузились, но все же смотрели. Сидели за столом долго и встали в третьем часу ночи. Опять подошел метрдотель, сказал, чтобы не забывали Зоологический сад и впредь заходили. Была чудная петербургская белая ночь, вернее, чудесное утро. Мы шли домой пешком, останавливаясь на мостах, любуясь Невой, садились на парапеты набережных, говорили о будущем, клялись в вечной дружбе, давали обещание встретиться через десять лет. И все шли и шли до района Технологического института, где большинство из нас жили. Сколько было времени, мы не смотрели, но помнили одно — что на Обуховской площади торговцы расставляли свои товары.

Через три дня мы пришли в гимназию получать аттестат зрелости. При раздаче аттестатов присутствовали инспектор Суровцев и некоторые учителя. Мы расписались в получении аттестатов, присутствующие нас поздравили, дали последние наставления. Мы разошлись, и двери гимназии, ставшей нам вдруг очень дорогой, навсегда закрылись для нас как для учащихся.

На следующий год началась русско-германская война, большинство окончивших были призваны и направлены в школы прапорщиков и военные училища. Многие наши выпускники сложили свои головы, защищая родину.

...Знакомясь с выпускниками других гимназий, мы поняли, что наша 10-я гимназия была обыкновенной, типичной казенной гимназией, какие были рассеяны по всей России. Причем провинциальные гимназии в наше время нисколько не уступали в постановке преподавания, в подборе педагогов, а может быть, и имели некоторые преимущества вдалеке от столичной бюрократии. В этом смог убедиться один из авторов, который по семейным обстоятель-

ствам вынужден был два последних класса заканчивать в казанской гимназии.

Оглядываясь назад, на давно минувшие детские и юношеские годы, учебу, мы убеждаемся, что решающим в успехе школьного образования является не постановка преподавания и не программа, даже не дисциплина, а сам педагог, его человеческие и профессиональные качества. И так, нам кажется, было всегда и во всех учебных заведениях и будет всегда.

Кстати сказать, в Петербурге были и другие средние учебные заведения: частные гимназии, реальные училища, коммерческие. В последних двух курс был короче — 7 классов, так как там не проходили древние языки, в остальном программа отличалась мало.

Не беремся мы говорить о быте в закрытых учебных заведениях типа Императорского лицея, Училища правоведения, Кадетского корпуса. Там быт был своеобразен и недоступен для стороннего глаза. Но, встречаясь с выпускниками этих учреждений, мы каждый раз убеждались, что образование они получили отличное.

* * *

*Там, под гуденье аудиторий,
Средь новых лиц и новых дней,
Вздыхает в старом коридоре
Тень мертвой юности моей...*

Н. Агнивцев

После окончания гимназии один из авторов этих записок поступил в Санкт-Петербургский императорский университет.

Бывшее здание петровских коллегий со знаменитым коридором, колонным залом с хорами, кстати весьма невзрачными аудиториями, с конференц-залом, помещениями ректората, конечно, производило большое впечатление на студента, впервые переступившего порог храма науки. Жаль, что старинное здание постоянно подвергается переделкам — часть знаменитого коридора отошла под деканат, проти-

воположная его сторона — под библиотеку. В наше время коридор был заставлен всякими шкафами, стены завешаны объявлениями, расписаниями лекций. По коридору даже во время лекций ходила густая толпа студентов, которые страшно шумели. Новичка все это поражало — ведь в гимназии была строгая дисциплина, а здесь никакой. На лекцию хочешь — иди, не хочешь — не ходи. Захотел — пошел слушать лекцию другого факультета или другого курса. Никто за порядком не наблюдал, никто ничего не требовал. Было непонятно, почему тому же человеку, который только что должен был следовать строгой школьной дисциплине, теперь, названному студентом, сразу предоставлена такая свобода.

Подобные перемены на многих действовали отрицательно. Вчерашние прилежные гимназисты начинали небрежно относиться к учению. Происходил большой отсев или неуспевающий за курсом превращался в тип «вечного студента». Такой студент, проучившись год-два и не сдав установленного минимума, переходил на другой факультет и так перебирал весь университет. В бороде у него появлялась проседь, он был уже дедушка, а все еще продолжал носить студенческую фуражку, прикрывая ею плешь и седые космы. Значит, у него были средства платить за учение или он давал уроки; может быть, имел богатого родственника-мецената.

Были «вечные студенты» и другого рода. Они кончали по два-три факультета. Их лозунг был: «Век живи — век учись», в подтверждение этого они с гордостью носили на тужурке значки двух факультетов. Других же, возможно, отвлекали какие-нибудь перипетии в жизни, увлечения, тяга к искусству или страсть к путешествиям, что в ту пору занимало месяцы, а то и годы. Отрываться же от университета им не хотелось. Иные возвращались к учебе, других затягивала инертность, обломовщина.

Надо сказать, что и профессура не блистала дисциплиной. Как правило, осенью некоторые преподаватели начинали читать с большим запозданием. Да и на лекции приходили минут на 15 позже, а то и во-

все пропускали свои занятия. Бывало такое: первокурсник, еще несмышлениш, стоит у запертой двери аудитории, дожидается, когда отопрут. Подходит сторож, студентик спрашивает, почему закрыта дверь. Сторож осведомляется: «Кто должен читать?» — «По расписанию — профессор Н. Н. Бывалый». Сторож отвечает: «Н. Н. раньше декабря лекций не начинает». В полное смущение приходит студент-новичок, видя в расписании: «Лекцию читает экстраординарный профессор Н. Н.». Молодой человек вообще-то никакого профессора еще в глаза не видел. К тому же против знаменитых имен значилось просто — профессор. Что же такое тогда «экстраординарный»? Как у него держать экзамен? Холод пробежал по спине, и сердце сжималось от страха. А означало это слово — внештатный, иной раз действительно известный.

По нижней галерее в виде открытой аркады, которая шла под знаменитым университетским коридором, были размещены квартиры обслуживающего персонала и разные служебные помещения. Удивляли старинные вывески: «Экзекутор», «Регистратор», «Квартирмейстер». По-видимому, они оставались чуть ли не с самого основания университета.

Вся студенческая жизнь была сосредоточена в коридоре. До прихода профессора студенты в аудиторию не заходили, а толпились около дверей. Вели разговоры. Завидя профессора, заходили в аудиторию и садились на скамьи с узкими пюпитрами. Для профессора стояла кафедра. Профессор бывал обычно в штатском сюртуке, с бородой, почтенного возраста. Некоторые читали очень скучно, и народу на их лекции ходило мало. Другие читали очень интересно, и на их лекции ходили студенты с других факультетов. Третьи злоупотребляли ученой терминологией, начинающие студенты плохо их понимали. О профессоре Петражицком, читавшем историю права, говаривали такое. Студенты просили его меньше употреблять научных терминов и иностранных слов. На это он ответил: «Вы студенты второго курса юридического факультета Санкт-Петербург-

ского императорского университета. В этой фразе только два русских слова, а вы хотите, чтобы я говорил по-другому».

Студентов привлекали лекции Ковалевского, Туган-Барановского, Ивановского и других профессоров, которые интересно ставили изучавшиеся проблемы, связывая их с переживаемым временем. Молодежь их всегда провожала аплодисментами.

Экзамены происходили в тех же аудиториях, где читались лекции. По каждому предмету продавалась подробная программа за десять копеек. Как именно студент изучал этот предмет, никого не интересовало, требовалось одно — чтобы он его знал в объеме программы. Студент подходил к экзаменатору, выкладывал свой матрикул, который одновременно служил и пропуском в университет, и зачетной книжкой. Профессор предлагал взять билет. После подготовки студент отвечал всегда сидя. Кроме билета профессор предлагал и другие вопросы. Требования были серьезные. Ответ длился минут сорок. Оценки были две: удовлетворительная и весьма удовлетворительная. Если студент проваливался, экзаменатор заявлял: «Коллега, вам придется прийти в следующий раз» — или еще более деликатно, но с оттенком ехидства: «Коллега, вы знаете на «удовлетворительно», но мне хотелось бы поставить вам в следующий раз «весьма», возьмите ваш матрикул». Споры между экзаменатором и студентом были редки и ни к чему не вели. Раскрасневшийся и смущенный студент кланялся и уходил.

Наблюдали мы и такую сцену: студент довольно бойко отвечает по билету. Профессор смотрит на него через очки и изредка как бы одобрительно кивает. Студента это подбадривает, и так минут 30—35. Когда студент замолкает, профессор передает ему матрикул со словами: «Вы, коллега, понятия не имеете о предмете». Сказано спокойно, но веско. И сам отвечавший, и сидевшие в аудитории ошеломлены — все думали, что будет «удовлетворительно». Студенты, ожидавшие своей очереди, тихо выходили из аудитории, чтобы записаться к другому экзаменатору. Никаких

пометок о несданном экзамене в матрикule не делалось, можно было экзаменоваться несколько раз.

Государственные экзамены проходили в более торжественной обстановке. Тем, кто оканчивал с отличием, по первому разряду, присваивали звание кандидата наук. Под руководством профессора писали сочинение на выбранную тему. За сочинение, внесшее нечто новое в науку, советом университета присуждалась золотая медаль с надписью «преуспевавшему». Кстати, за окончание гимназии с отличными отметками по всем предметам выдавалась золотая медаль меньшего размера с надписью «преуспевавшему». (В ювелирном магазине ее можно было продать за 40—50 рублей.)

Толпа студентов была разношерстной, от богатых щеголей, приезжавших в университет в собственных экипажах (таких, правда, было мало), и до бедняков, живших впроголодь. Основная же масса студентов состояла из скромных, трудолюбивых молодых людей весьма ограниченных средств. Значительная часть их подрабатывала репетиторством, считала обязательным хотя бы частично содержать себя самим, а не сидеть на шее у родителей. Иногородние студенты жили в общежитиях или снимали вдвоем комнату за 12—15 рублей. Бюджет такого студента не превышал 25—30 рублей в месяц. На эти деньги надо было и кормиться, и одеться, и купить необходимые книги. В шинельной университета сторожа, обслуживавшие вешалки, были своего рода комиссионерами. У каждого имелась стопка учебников, пособий, конспектов, которые они продавали по поручению бывших студентов, конечно с большой скидкой. Они же продавали тужурки и шинели окончивших.

В университете легально действовали организации экономического порядка: землячества, кассы взаимопомощи, которые существовали на добровольные взносы. Были спортивные объединения: яхт-клуб, атлетическое общество.

Большинство студентов ходили в форменных тужурках, сюртук имели далеко не все. Тужурка была черного цвета с синим кантом и петлицами, золоты-

ми пуговицами с орлом. Шинель черная, двубортная. Фуражка с синим околышем и темно-зеленой тульей. Форма была не обязательна, но большинство ходили в форме по двум причинам: во-первых, сразу видно, что студент, а это уже обеспечивало известное положение в обществе; во-вторых, так было дешевле. Поношенную студенческую форму можно было носить, а старую штатскую тройку носить считалось неприличным. Существовал какой-то университетский мундир с золотым шитьем, треуголкой и шпагой, но мы на студентах такого не встречали. Шпагу кое-кто носил при сюртуке. Некоторые носили шпагу и сюртук на белой подкладке, откуда и пошло — «белоподкладочники». Эти молодые люди, как правило из зажиточных семей, держались обособленно, называли себя «академистами», желая подчеркнуть, что они пришли в университет учиться, а не заниматься политикой. На самом деле это была реакционная группировка, которая твердо проводила свою политику.

В противоположность этим щеголям, «академистам» и другим франтам, которые очень следили за костюмом и прической, были студенты, умышленно небрежно одетые, отпустившие волосы до плеч, нечесаную кудлатую бороду и усы. Они носили большие очки с синими стеклами, всем своим видом показывали, что для них существует только наука и они в ближайшее время открытиями и изобретениями облагодетельствуют человечество. Разговаривали они только о науке, делая лицо таинственное и как бы чего-то недосказывая. Забавно было их видеть в кабинете естественного отделения физико-математического факультета, где изучали кости человеческого скелета. Небольшой, плохо освещенный кабинет, все кости, чтобы их не растащили, прикреплены на длинных цепях. И вот сидят эти «ученые мужи», в руках у каждого большая кость, гремят цепями и шепотом переговариваются: «Коллега, у вас освободилась малая берцовая кость?» — «Нет, коллега, вот ребра мне не нужны, возьмите их». И опять звон цепей и бормотание под нос латинских терминов. Другой

разглядывает кость и не может найти какого-то отростка. Напрасный труд, костям этим чуть не сто лет, они перебивали в тысячах рук, все бугорки истерлись. Тогда они начинают прощупывать собственное тело и искать этот отросток на своем костяке, что часто удавалось благодаря худобе, обычной для бедных студентов.

Питались студенты по-разному, как по-разному и жили. В общежитии всегда был кипяток, приходил булочник, по пути с занятий покупали полфунта дешевой колбасы. Кто жил у хозяек, кипятком тоже был обеспечен. Иногда хозяйки брали студентов на полный пансион, давая им завтрак и обед, вечером чай с закуской. Цены были разнообразные, полный пансион вместе с комнатой дешевле 20 рублей было не найти.

Университетская столовая, где обедало множество студентов, помещалась за северными воротами, где и теперь «столовка». Обстановка столовой была скромная: длинные столы, покрытые клеенкой, на них большие корзины с черным и серым хлебом, которого можно было есть сколько угодно. Было самообслуживание, цены очень низкие: обед без мяса 8 копеек, с мясом — 12. стакан чаю — копейка, бутылка пива — 9 копеек. Конечно, были обеды и подороже. В дешевом буфете продавались кисели, простокваша. Столовая с самого утра была переполнена. Шум стоял необыкновенный. Молодые люди спорили, смеялись. Студенток не было, они появились позднее. Некоторые любители проводили в столовой больше времени, чем на лекциях: их интересовало дешевое пиво. Кое-кто из студентов, выбившись из бюджета, ограничивался чаем и бесплатным хлебом, несколько кусков которого еще положит в карман. На это никто не обращал внимания — наоборот, относились даже сочувственно. Иной студент, совершенно незнакомый, скажет: «Коллега, я вам куплю обед, у меня денег хватит на двоих». Администрация столовой иногда предлагала бесплатно тарелку щей без мяса. Такая столовая очень выручала бедных студентов. В пользу недостаточных студентов устраивались балы, концерты.

Большинство студентов живо реагировали на все события в жизни России, они посещали научные доклады, ходили на выступления лидеров разных партий, на заседания Государственной думы, где можно было находиться на хорах, посещали театры и концерты, участвовали в политических сходках. Некоторые уже участвовали в подпольной работе.

Заканчивая этот короткий рассказ о студенческой жизни, нельзя не сказать, что женщин в то время не допускали почти во все высшие учебные заведения России. Для них были свои высшие курсы в Петербурге и Москве, в больших губернских университетских городах: Киеве, Харькове, Казани, и то по узкому кругу специальностей.

От составителя

Авторы, как мы видим, мало интересовались образованием и воспитанием женщин, хотя результат этих процессов привлекал их пристальное внимание. Справедливости ради хочется чуть подробнее рассказать о женском образовании, проблеме столь важной, тем более что именно период конца XIX — начала XX века стал временем, когда наболевший вопрос о высшем образовании для женщин был разрешен, хотя путь к этому был нелегок.

Волновала эта проблема не только самих женщин, стремящихся к образованию, но и ученых-педагогов, полагавших, вслед за их лидером К. В. Ушинским, что основная роль женщин — воспитание поколения — осуществима лишь при условии достаточной их просвещенности.

Движение шло снизу: женщины требовали себе права на высшее образование, общественность и ученые поддержи-

вали их стремление и хлопотали за них*. Однако министерство не могло решить этого вопроса одним указом о допуске девушек со средним образованием в высшие учебные заведения, ибо программы женских школ были по уровню ниже программ мужских гимназий, готовивших абитуриентов в институты. И вот благодаря стараниям и инициативе частных лиц с 90-х годов прошлого века в Петербурге стали открываться частные гимназии, в программы которых включались предметы, преподававшиеся в мужских гимназиях, и куда приглашались достойные учителя. Особо авторитетными в столице считались гимназия М. А. Лохвицкой-Скалон, смешанная гимназия Радовицкой-Тимофеевой, гимназия кн. Оболенской, а также гимназии М. Н. Хитрово, Э. П. Шаффе, М. С. Михельсон, особенно славилась гимназия М. Н. Стоюнина. Девочки, которые стремились к знанию языков, привлекали всем известные «Петришуле» и «Анненшуле», а также Реформатская школа с прекрасным составом педагогов.

На уровне средних школ девушкам давали образование закрытые заведения — институты. Издавна считался престижным Смольный институт, где программа была несколько шире, чем в других подобных заведениях. Однако уже с конца прошлого века популярность институтов стала меркнуть, и к началу нашего века отношение к ним переросло в скептическое. Считалось, что подготовка выпускниц была неудовлетворительной. Осуждался и режим, носивший строгий, почти спартанский характер, что уже не соответствовало време-

* Активными были общественницы Н. В. Стасова, С. В. Ковалевская; из профессоров — братья А. Н. и Н. Н. Бекетовы, А. Л. Боровиковский, А. Я. Герд, И. М. Сеченов и др.

ни, — входило в практику более свободное обхождение с молодежью. Чрезмерная изолированность воспитанниц, прежде всего от домашнего уюта, пугала поступающих туда девочек. Много слез видели темные дортуары «сedyмушек» (счет классов шел в обратном порядке). Немудрено, что предпочтение отдавалось гимназиям, хотя перспектива овладеть двумя языками и получить художественное воспитание (музыка, живопись, танцы) была значительным преимуществом институток перед гимназистками. Это было особенно важно для семей, не имевших возможности обучить дочерей всему этому частным образом.

Какие же возможности были предоставлены в Петербурге девушкам со средним образованием? Уже в 1897 году был открыт первый в России Женский медицинский институт близ Петропавловской больницы. В 1905 году — Высшие женские политехнические курсы, программы которых были приравнены к программам технических вузов. Одних высших курсов в городе насчитывалось в 1913 году одиннадцать, не считая самых престижных — Бестужевских.

Судьба Бестужевских курсов с тремя отделениями: словесно-историческим, физико-математическим (естественным) и математическим — была сложной. Основанные в 1878 году, они долго юридически не приравнивались к университету, несмотря на то, что их профессора были те же и программы ничем не отличались от университетских. Из сочувствия к курсисткам некоторые профессора читали лекции безвозмездно, среди них Сеченов, Бекетов, Лесгафт, сам Бестужев-Рюмин, возглавивший курсы. Министерство упорствовало, а в ответ на слишком активные выступления

курсисток, принимавшие уже политический характер, прием на ВЖК был прекращен. И вот после трехлетнего перерыва приема выяснилось, что стремящиеся к высшему образованию женщины хлынули за границу, в университеты Парижа, Цюриха и других городов. В верхах поднялась тревога: талантливые умы покидали Россию. Более того, возвращаясь на родину, они привозили из Европы вольнолюбивые идеи. Министерство было вынуждено уступить и признать наконец Бестужевские курсы высшим учебным заведением с объемом образования, равным университету. Число уезжающих за границу сразу снизилось, а среди слушательниц появились даже иностранки, в 1901 году их было двадцать пять. Расширились и права окончивших ВЖК: с 1904 года им разрешили преподавать в старших классах женских гимназий, а с 1906 года — и мужских. И наконец, с переходом с курсовой системы на предметную свидетельство об окончании ВЖК было приравнено к выпускному свидетельству университета. В 1906 году на Бестужевских курсах открылся юридический факультет.

Большим успехом было решение Городского управления о строительстве нового специального здания для Бестужевских курсов. Оно было возведено в 1910 году на 10-й линии Васильевского острова.

Допуск бестужевок к сдаче магистерских экзаменов дал им право читать специальные курсы в университете. Ряды ученых стали пополняться именами бестужевок разных выпусков. Среди них член-корреспондент (историк) О. А. Добиаш-Рождественская; академик (математик) П. Я. Полубаринова-Кочина, кончавшая уже Петроградский университет, с которым курсы

слились в 1919 году; профессор (математик) В. И. Шифф; ассистент (химик) на Высших женских политехнических курсах Н. П. Вревская; преподаватели (историки), сдавшие магистерские экзамены, С. В. Меликова-Толстая и О. К. Недзведская-Самарина и др.

Для девушек с более скромными запросами в Петербурге существовало множество самых различных курсов: общеобразовательные, историко-литературные, педагогические, курсы архитектурных знаний, строительные, медицинские, торговые, курсы стенографии, машинописи, курсы для медсестер, несколько курсов новых языков, среди которых славились курсы Берлица.

Для девушек Петербурга двери к образованию открылись. Другое дело, что обучение на большинстве курсов было платное и права оканчивающих многие из них были весьма ограниченными.

О ВОЕННЫХ

*Ах, как мелькали мундиры!
(Знай — только головой кружи.)
Кавалергарды, кирасиры,
И камергеры, и пажы.*

Н. Агнивцев

Глубокий отпечаток на внешний облик города, его жизнь и быт накладывало то обстоятельство, что в Петербурге стояла гвардия, другие военные части, было много военных учреждений и военных учебных заведений. Гвардия считалась опорой престола, красой и гордостью империи. В наше время, после 1905 года, эта опора стала прозрачной. Меркла и в наших глазах краса армии, которой любовались и верили в ее боевую готовность. Еще в 1904 году мы были вовлечены в общий, всех захлестнувший патриотический подъем в связи с начавшейся в январе войной с Японией. Поддавшись общему легкомысленному настроению, мы не сомневались в успешном разгроме маленькой, казавшейся беспомощной Японии: «Шапками закидаем!» Все вдруг обернулось трагически: гибель «Варяга» и «Корейца» в самом начале войны; уже в марте подрыв на mine броненосца «Петропавловск» со всеми уважаемым адмиралом Макаровым; неудачные выступления нового генерала Куропаткина: «Терпение, гос-

пода, терпение!» — и последующая сдача Порт-Артура; проигранное сражение под Мукденом в феврале 1905 года, затем разгром в мае эскадры под командованием Рожественского и, наконец, поспешный, невыгодный для нас Портсмутский мир. Все это повергло нас в смятение, и возник вопрос: соответствует ли блестящий вид армии задачам военной подготовки?

Начать с того, что форма, блестящая в строю, казалась людям нелепой, как только военный смешивался с толпой в обыденной ситуации. Вблизи она выглядела грубо, вызывающе. Как всегда, народ сразу замечал смешное и нелепое. Часто слышались насмешки над бедными солдатами. Вот идет кирасир, и тотчас ему вдогонку: «Ты вроде медного самовара!», потому что кираса не прилажена, в пояснице отстает. При виде солдат кавалерийских полков, у которых кивер на этишкете, кричали в толпе: «Эй, голова на веревке, смотри не потеряй!» На офицерах была форма, прекрасно сшитая, носить они ее умели, и то вспоминается такая картина: хоронили какого-то генерала, гроб провожали военные в полной парадной форме. Два офицера лейб-гвардии Драгунского полка вышли из процессии закурить и пошли по панели в общей толпе. Их нарядные кивера с высоким султаном и свисающими кистями настолько не вязались с котелками, шляпами, картузами толпы, что они сразу почувствовали себя неловко, бросили папиросы и поспешили вернуться в процессию. Там они были на месте, вся процессия выглядела очень эффектно.

Нелепо было и то, что в гвардейских стрелковых полках зимой и летом носили барашковую шапочку; рубахи были малиновые с пояском из трехцветных жгутов с кистями, поверх рубахи безрукавка, обшитая золотым галуном. Но главное — сапоги. Офицер, скажем, заказывал себе сапоги с голенищами, доходившими до самого верха ноги. Когда он спускал голенища, как полагалось, ниже колена, на сапоге собиралась большая гармошка. Сапоги гармошкой считались особым шиком и должны были придавать якобы истинно русский стиль. Солдаты также носили са-

поги гармошкой, но выглядели они как-то грубо, а начищались зато до умопомрачительного блеска.

Но обратимся к приему новобранцев.

Их распределение по полкам происходило в Михайловском манеже. От каждого полка приходила делегация для отбора новобранцев. Она выглядела торжественно — взвод солдат в полной парадной форме с оркестром во главе, с офицером или даже с командиром полка. Начинался отбор: высокие шатены с правильными носами — в Преображенский; курносые — в Павловский; блондины — в Измайловский (народ называл их «хлебопеки»); рыжие — в Московский полк (им народ дал прозвище «жареные раки»); высоких брюнетов со стройной фигурой — в кирасирские полки; с усами — в гусарские или другие кавалерийские; с бородой — в «вензельные» роты пехотных полков гвардии; высоких с широкой грудью — в гвардейский флотский экипаж. И это без опроса, без всякой беседы.

Интересным зрелищем был развод новобранцев по полкам. Например, по Невскому проспекту ехал на прекрасных черных конях оркестр и взвод Конногвардейского полка, в медных касках с двуглавыми орлами, в начищенных кирасах, белых колетах, при длинных палашах. Оркестр играет браваурный кавалерийский марш. А сзади идет разношерстная группа парней, многие в лаптях, с узелками, котомками, сундучками. Новобранцы как-то испуганно озираются по сторонам, ошеломленные всем происходящим. Идут не в ногу, спотыкаются. А следом — гвардейские моряки, с тесаками на белых портупях, с ленточками на бескозырках, ведут за собой будущих матросов под звуки великолепного оркестра гвардейского экипажа. За ними — преображенцы в высоких киверах, выправка их необыкновенно хороша, они чеканят шаг, ведя за собой будущих товарищей. Публика останавливается, смотря на это интересное зрелище. Простой же народ реагирует по-своему: некоторые подбегают к новобранцам, суют им в руки папиросы, деньги. Женщины даже причитают со слезами, жалея солдатиков. А мужчины, осо-

бенно те, которые отбыли солдатчину, отпускают разные шутки: «Что ты, парень, рваные лапти в Питер привез?», «Забрили тебе лоб, так попробуй шилом папки». На эти замечания и насмешки новобранцы смущенно улыбаются, а те, что побойчее, находчиво отвечают тоже шуткой.

Затем начиналось для молодых солдат тяжелое время учения. Ведь нужно было из деревенского парня, ходившего неуклюже, вразвалку, в 2—3 месяца сделать «справного» гвардейца, который мог бы держать «фрунт», «есть глазами начальство», отдавать честь, «печатать» шаг и пр. Пока же молодые солдаты не усвоили всей премудрости, они не допускались к присяге. А до этого они не получали даже полного обмундирования, например матросы носили бескозырки без ленточек, а десантные сапоги им не разрешалось чернить ваксой. В кавалерии молодые солдаты первое время не могли садиться и даже ели стоя — результат учебной езды без седла. У некоторых солдат руки были в рубцах от ударов офицерского хлыста, если новобранец неправильно держал поводья.

Когда первоначальная выучка заканчивалась, молодые солдаты принимали присягу и только тогда могли получить первое увольнение из казармы на 3—4 часа. Первые шаги на улице были для них очень трудны, необходимо было проявлять величайшее внимание, чтобы не опоздать отдать честь офицеру строго по всей форме, иначе можно было угодить на гауптвахту. А перед генералом встать за три шага во фронт, на лице отразить рвение, иначе кроме гауптвахты можно было получить и более тяжелое наказание. Особенно неловко чувствовали себя солдаты на улицах в царские дни и в большие праздники, когда надевали парадную форму: кивер или каска давили голову, высокий жесткий воротник подпирал и натирал шею. Гуляющих офицеров в эти дни было больше, и приходилось проявлять особую бдительность.

В праздники солдат строем водили в церковь, там они стояли шеренгами. У каждого гвардейского полка была своя церковь. Там делалось все по команде:

«на колени», «встать». Ремни и сапоги скрипели. Когда молились кавалеристы или артиллеристы, применялось бряцание сабель и шашек. К причастию солдаты подходили без оружия, которое складывалось в каком-нибудь углу храма. Все это моление строем и по команде не производило впечатления действительно моления, а, скорее, отбытия наряда. После церковной службы командир полка (в гвардии обязательно генерал) принимал короткий парад: солдаты по выходе из церкви проходили под музыку мимо командира, который с ними здоровался. Такие картины мы наблюдали в Троицком соборе, где молился Измайловский полк.

Этот собор был одновременно музеем войны с турками 1877—1878 годов. На стенах собора были развешаны турецкие знамена, под ними на медных листах было выгравировано, в каких сражениях они взяты. В особых витринах помещались мундиры князей, генералов, погибших в эту войну. В других витринах хранились ларцы с пулями, извлеченными из ран воинов. Солдаты, рассматривая сплюснутые свинцовые пули, говорили: «Вот она — смерть-то солдатская». Перед собором стоял памятник Славы — высокая колонна, сложенная из стволов турецких пушек. На цоколе колонны были громадные бронзовые доски с выпуклыми буквами — история всей турецкой войны. Вокруг колонны стояло несколько полевых пушек на колесах. По углам церковной ограды вместо столбов были врыты большие орудийные стволы, на некоторых можно было разглядеть два клейма — завода Круппа и Оттоманской империи (вот кто снабжал оружием турецкую армию).

Вывесок, запрещающих вход в общественные сады «солдатам и с собаками», в наше время уже не было. Общественные сады и скверы в праздничные дни были заполнены солдатами. Сад при Никольском соборе был забит гвардейскими матросами, сквер у Царскосельского вокзала — семеновцами, Александровский сад у Адмиралтейства был местом прогулок писарей Главного штаба, в парке Народного дома было полным-полно нижних чинов. Там был отдель-

ный павильон для танцев, вход 10 копеек (через турникет). На этой «танцульке» главенствовали писари Главного штаба — кавалеры высшего сорта. По форме их можно было принять за офицеров — шинель более светлая, чем у солдат, фуражка с белыми кантами, мундир двубортный, тоже с белыми кантами, синие брюки навывпуск, со штрипками. Обхождение с дамами — «самое галантерейное». А главное — они были непревзойденными танцорами. Никто так лихо не мог пристукивать каблуками во время венгерки или краковяка, как они; а во время падекатра особо находчивые кавалеры бросались вприсядку, а при завершении фигуры вскакивали, как упругие пружины. Разным «штафиркам» (штатским) конкурировать с ними было трудно. Все это был народ видный, всегда чисто выбритый, с умело закрученными усами, они вовремя могли поднести своей даме букетик красных гвоздик — ну какое же женское сердце могло устоять против такого кавалера!

Интересным явлением были кантонисты (с самого рождения принадлежавшие Военному ведомству) при Измайловском и других полках. Набирались они в 5—6-летнем возрасте из сирот или незаконнорожденных, а иногда и от бедных родителей. Они поступали на казенное содержание, их одевали в форму того полка, в котором они воспитывались. При Измайловском полку кантонисты проживали в верхнем этаже здания Офицерского собрания на углу Измайловского проспекта и 1-й Роты. Для их строевых занятий и прогулок использовали дворик, обсаженный желтыми акациями. Их обучали грамоте в пределах городской начальной школы, игре на духовых инструментах и пению. По окончании учения они отбывали военную службу в этом же полку, большинство вне строя — писарями, музыкантами. Харчи у кантонистов были общесолдатские. Содержали их очень строго, главными воспитателями и наставниками их были сверхсрочные военнослужащие, фельдфебели и унтеры под наблюдением офицеров. Провинившихся пороли. Кантонисты имели выход только в музыкантскую команду и в Троицкий собор,

где они пели в хоре. Тогда они надевали поверх мундира «парад-халат» с золотыми позументами. В такие же «парад-халаты» были одеты и взрослые певчие. Пел хор замечательно, регент был суровый старик, всегда в черном сюртуке, с камертоном в руке.

По большим праздникам родственникам кантонистов разрешалось их навещать. Смотришь, во дворе на скамейке сидит женщина рядом с маленьким солдатиком, оба вздыхают, иногда плачут. Женщина вынимает из узелка гостинец. Свидание скоро прекращается, окрик унтера заставляет их вздрогнуть и поспешно разойтись. Слезы на глазах у обоих. Кантонисты были наследием режима Николая I, который хотел всю Россию сделать казармой. В наше время это учреждение казалось пережитком, и оно сохранилось далеко не во всех полках.

Нередко можно было видеть на улицах Петербурга мальчиков и юношей в военной форме различного образца. Это были воспитанники кадетских и Морского корпусов и военных училищ разных родов войск. Забавно было видеть, как кадетик 10—11 лет четко и лихо отдавал честь офицерам, изображая из себя маленького солдатика. Бывали случаи, когда весь кадетский корпус шел строем по улице. Впереди шагал духовой оркестр, тоже из кадет. Играли они неважно. Потом несли знамя, а за ним — кадеты по взводу с офицерами-воспитателями. Впереди шли взрослые, высокие кадеты, а в хвосте колонны почти бежали маленькие кадетики, еле успевавшие за взрослыми. Иногда офицер брал отстающего кадетика за воротник и бегом вместе с ним догонял колонну.

Красиво выглядели кадеты Николаевского корпуса: синие брюки, двухцветный суконный пояс — красный с черным, в шашку. Готовил этот корпус будущих кавалеристов, после окончания его кадеты шли обычно в кавалерийские училища.

Пажеский корпус был привилегированным учебным заведением. Это было соединение кадетского корпуса с военным училищем. Отсюда выходили офицерами в гвардейские полки. Форма у них была

оригинальная: черная двубортная шинель, белая португеза и каска германского образца с золоченым шишаком и орлом спереди. На белой португезе пажи носили либо гвардейский тесак, либо шашку, смотря по тому, в каком классе они были — в кавалерийском или пехотном. Кроме того, у пажей была особая придворная форма — мундир с поперечными галунами, белые брюки, шпага и на каске белый султан.

Проходили по улицам и юнкера военно-учебных заведений в полном составе, с оркестром и знаменами. Особенно отличались своей выправкой «павлены» — юнкера пехотного Павловского училища, а своим форсом — юнкера Николаевского кавалерийского училища. У них была очень красивая форма, особенно парадная: большой кивер с султаном, желтый этишкет, ловко сидящий мундир с галунами, блестящие сапожки со шпорами «малинового» звона, белые перчатки и начищенная шашка. Деревянная рукоятка эфеса шашки (о чем нельзя не сказать) была обязательно некрашеного дерева, без лака, что должно свидетельствовать о том, что юнкер так много «рубил», что в результате лак и стерся. На хороших лошадях, тоже дисциплинированных, такие молодцы возбуждали к себе интерес девиц и молодых дам... На балах они пользовались их особой благосклонностью — трудно было найти лучших кавалеров и танцоров.

У юнкеров — артиллеристов и Инженерного училища — был совсем иной тон. Держали они себя скромно, серьезно; форма у них не отличалась особым блеском. В эти училища поступали по конкурсу, с серьезной подготовкой. В первый год обучения юнкера-артиллеристы не имели права носить шпор, но так сильны были традиции и желание блеснуть, что юнкера, уволенные в отпуск в субботу, заворачивали с Забалканского на пустынную набережную Фонтанки, вытаскивали шпоры и надевали их. Возвращаясь вечером в училище, они делали то же самое, только в обратном порядке.

Гардемарины Морского корпуса отличались не только отличной морской формой, но и особым по-

ведением на улицах: хоть плохо, но говорили по-английски, подчеркивая тем самым, что они «соленые» моряки, плававшие во всех широтах земного шара; были изысканно вежливы, как полагается морякам. Ходили они особой морской походкой, показывая, что на суше им ходить тяжелее, чем на качающейся палубе. Курили трубочку с «кепстеном».

Так, в общем привлекательно, выглядели юнкера на улице. Но в их обиходе было много ненормального и даже постыдного. Между ними, например, процветало пренебрежение и даже какая-то непонятная неприязнь к юнкерам другого вида оружия: пехотинцы терпеть не могли кавалеристов, а те — артиллеристов за то, что они не так ловко сидели в седле. Гардемарины считали, что всякая другая военная служба ерунда по сравнению с морской. Юнкера Николаевского кавалерийского училища с презрением относились к юнкерам казачьей сотни, которые обучались в том же училище, — посылали им завернутую в бумагу нагайку с соответствующим письмом, намекая на то, что казаки часто разгоняли нагайками демонстрации рабочих и студентов. Это взаимное неуважение и пренебрежение передавалось им потом, когда они становились офицерами, а от них и солдатам. Так, гвардейцы, обращаясь к армейцам, с презрением говорили: «Эй, ты, крупа, посторонись», иронизируя над их небольшим ростом. Кавалеристам пехотинцы говорили: «Вам только хвосты кобылам подвязывать!»

Между юнкерами одного и того же училища процветало «цуканье» — старший юнкер отдавал младшему самое нелепое приказание, а младший должен был беспрекословно его выполнить. Например, на четвереньках пройти по всем коридорам училища или спичкой измерить длину манежа и доложить. Младший юнкер должен был обращаться к старшему: «Господин корнет...», хотя тот офицером еще не был, а этот самозванный корнет, вскинув монокль, требовал раз пять повторить к нему обращение, подходя по всей форме. Такие уродливые отношения дожили почти до самой революции.

Но те же юнкера-кавалеристы были способны и на совсем иные дела. Как и вся Россия, готовясь отметить в 1914 году столетие со дня рождения М. Ю. Лермонтова, воспитанники этого училища решили поставить ему достойный памятник в сквере своего училища на Ново-Петергофском проспекте. Чтобы собрать средства на сооружение памятника, юнкера училища (эскадрона и казачьей сотни) с разрешения начальства три дня подряд устраивали в Михайловском манеже конноспортивные праздники. Билеты продавались от 50 копеек и выше; некоторые, зная, куда пойдут эти деньги, платили за билет 10—15 рублей.

На этих праздниках юнкера показывали свое искусство в вольтижировке, джигитовке и других упражнениях на конях и гимнастических снарядах. Многие номера выполнялись настолько красиво и легко, что превосходили трюки цирковых артистов. Были показаны лихая рубка, стрельба на полном скаку в цель, всякие упражнения с пиками, живые пирамиды на конях. Было показано «живое солнце», когда юнкер вертелся на пике, которую держали два юнкера, скачущие на лошадях. Были разные игры — «Белой и Алой розы», в «лисичку», когда юнкера разделялись на группы и якобы вели войну. Некоторые молодцы превосходили сами себя и удивляли зрителей своей ловкостью. Были показаны конные карусели, а под конец — парадный выезд в исторических формах кавалерии. Народ ломился на эти праздники, публика не только сидела, но и стояла в проходах. Гремели оркестры, аплодисменты, крики «браво», «брависсимо», «бис».

Весной, когда гвардия уходила в лагеря в Красное Село, и осенью, когда возвращалась в Петербург, можно было видеть прохождение войск целыми полками, бригадами. Войска шли с оркестром, с барабанщиками, со знаменем.

Красиво проезжала и кавалерия — впереди оркестр на конях, тоже со знаменем-штандартом. Зрелище было особенно красивое, если войска шли в парадной форме. Мальчишки бежали впереди, шагали

рядом, движение на улицах приостанавливалось, прохожие стояли на тротуарах и любовались.

В дни больших парадов на Марсовом поле кавалерийские полки, стоявшие в пригородах, стягивались в столицу накануне. Например, уланский полк из Петергофа останавливался на ночлег в Константиновском артиллерийском училище. Мы наблюдали, как утром весь полк выстраивался по Фонтанке в полной парадной форме — кивера с султанами, на пиках флюгарки, офицеры с лядунками на красивой перевязи. Зрелище это собирало много народа, вездесущие мальчишки лезли под ноги лошадей, солдаты перешучивались с проходящими молодыми женщинами. Наконец из ворот выезжал командир, раздавалась команда, и все замирало, Потом полк по команде перестраивался «по три» и отправлялся под музыку к Марсову полю, оставив после себя массу навоза, к неудовольствию хозкоманды училища и дворников близлежащих домов.

Переходя к описанию некоторых черт офицерской среды, надо откровенно сказать, что большая часть офицерства не имела живой, дружеской связи с солдатами. Суворовские традиции были давно утрачены. Обучение и воспитание солдат и матросов было в основном передоверено фельдфебелям, унтерам, вахмистрам, боцманам. В массе своей это были карьеристы, народ грубый, окончивший при частях только учебную команду, дававшую знание немногих воинских премудростей, преимущественно чисто внешних. Они допускали рукоприкладство, и офицеры с этим не боролись или боролись недостаточно. Сами офицеры воздерживались от рукоприкладства, особенно после 1905 года.

Гвардейское офицерство, особенно аристократических полков (кавалергарды, конногвардейцы, стрелки императорской фамилии), держало себя не в своей среде отчужденно. В общественных местах они появлялись редко. Если они гуляли, то только на набережных Невы, по Морской. В большинстве же случаев их можно было увидеть в экипажах. Вращались они только в своей среде, но иногда не гнушались и бога-

тым, просвещенным купечеством, заводчиками, фабрикантами. Иногда даже роднились с ними (с разрешения начальства), чтобы путем брака поправить свои финансы и иметь возможность продолжать службу в гвардии. Ведь чтобы служить в гвардии, особенно в кавалерии, и поддерживать «честь мундира», нужны были немалые средства. Блестящая, дорогостоящая многообразная форма, бальная форма, шинель обыкновенная, шинель николаевская, лошадь кровная, обычно две или три, — все это стоило громадных денег, не говоря уже о том, что в обществе надо было придерживаться соответствующего образа жизни. Расходы по Офицерскому собранию (в гвардейских полках), балы, приемы, подношения, парадные обеды требовали больших расходов. Часто офицер только расписывался в получении жалованья, все оно уходило на вычеты. В некоторых полках существовала традиция — при вступлении в брак передать в собрание серебряный столовый прибор. Все офицеры из армейских полков должны были перед свадьбой внести «реверс» — несколько тысяч рублей в обеспечение будущей семейной жизни.

У гвардейцев главное внимание обращалось на внешность, на великосветский лоск, на смешение русской речи с французской. В обществе, на балах офицеры были желанными кавалерами. По-особому в обществе относились к морским офицерам, как правило, интересным собеседникам, служба которых была связана с дальними путешествиями, экзотикой, опасностью, штормами... Выделялись офицеры Генерального штаба, Военно-инженерной академии — особой формой, серьезностью, образованностью.

Несмотря на внешнюю воспитанность и лоск, французскую речь в обществе, тот же офицер, придя в казармы или на корабль, мог разразиться такой нецензурной руганью, которая приводила в восторг бывалых боцманов, фельдфебелей и вахмистров — этих виртуозов в ругани — и изумляла солдат, наивно полагавших, что так ругаться умеет только простой народ.

Каждый род оружия, строевая и походная жизнь, бытовые особенности, традиции налагали особый отпечаток на военных каждого рода войск. В среде большинства военных эти особенности и традиции считались важными, в невоенной же среде к ним относились несколько даже иронически, недаром сложилась поговорка: «Щеголь — в пехоте, пустой — в кавалерии, пьяница — во флоте, умный — в артиллерии».

Так же как и среди юнкеров, существовал антагонизм между офицерами разного рода войск, а особенно гвардии и армии. Гвардейцы с некоторым презрением относились к своему брату армейцу, внешне же соблюдали лицемерное особое к ним почтение, первыми отдавали им честь (разумеется, в одном чине), подчеркивая этим свое уважение к армии в целом, поскольку гвардия составляла только одну (правда, привилегированную) часть армии.

В распоряжении каждого офицера был денщик, а у высших чинов и два (во флоте они назывались вестовыми). Выбирались они из солдат, малоспособных к строевой службе, но уважительных и хозяйственных. Положение их обычно было тяжелое. Они выполняли всю грязную работу в семье офицера: чистили платье, обувь, снимали с офицера сапоги, нянчили детей, если уходила няня, бегали на посылках. Неизвестно, когда спали эти люди: поднимался денщик рано утром, а ночью дожидался, когда «их благородие» придет из гостей или Офицерского собрания. Много они терпели от капризов «барынь» — жен офицеров, которые помыкали ими как хотели. Всякая их неловкость и «непонятливость» расценивались как нежелание выполнить приказание. Жены жаловались мужьям, а те часто, не разобрав дела, отсылали их в часть для наложения наказания.

КРОНШТАДТ

*И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!*

А. Блок

Хотя Кронштадт находится за пределами города, его судьба тесно связана с Петербургом. Связан он был со столицей и кое-каким транспортом. Мы не можем не рассказать о нем, тем более что быт и поведение его жителей во многом отличались от уклада жизни петербуржцев, хотя бы потому, что он на острове.

Приехавшего в Кронштадт прежде всего поражали порядок, чистота, тишина и подтянутость во всем. Город — крепость и военный порт — вот что сразу давало себя почувствовать, как только гость вступал с парохода на пристань. Поэтому — масса моряков и крепостных артиллеристов.

Многие моряки бывали в заграничных плаваниях, видели иностранные города и порядки в них, и естественно, что они старались перенести в Кронштадт то, что им приглянулось.

Во многом порядок выгодно отличался в наше время от петербургского. В то время как в столице ни в садах, ни на улицах не было урн для мусора, в Крон-

штадте вы могли видеть на улицах мусорные ящики. Мы уже рассказывали, что в столице сады и бульвары были в запущенном состоянии, цветов почти не было, в Кронштадте сады, парки и скверы содержались в идеальном состоянии — масса цветов, цветущих кустарников — сирени, жасмина. Если кирпичные стены и заборы придают унылый вид в столице, то здесь все пустые стены украшены диким виноградом или хмелем. Пьяных можно было встретить крайне редко, скандалов почти совсем не наблюдалось, потому что полиция, военные патрули и дворники немедленно прекращали всякое нарушение порядка. Даже бродячих собак не было — на обязанности пожарных команд лежало вылавливание всяких беспризорных животных.

Ни в одном городе мира не было таких мостовых, как в Кронштадте, правда не на всех улицах. Читатель с трудом поверит, что некоторые улицы были вымощены чугунными пустотелыми торцами, засыпанными щебнем и песком, что применялось в Лондоне и Петербурге в виде опыта, не получившего распространения. Такими же чугунными торцами были замощены заводские дворы и подъезды к складам и мастерским.

В этом небольшом городе-крепости поражало множество храмов различных культов. Прежде всего знаменитый Андреевский собор известного архитектора Захарова (не сохранился), Морской собор — изумительное сооружение по проекту академика Косякова, напоминающее храм святой Софии в Константинополе, не говоря о многочисленных других церквях, каменных и деревянных. Была даже отдельная деревянная церковь Общества трезвости с открытой звонницей. По утрам эти небольшие деревянные церквушки весело звонили. Был костел прекрасной архитектуры, кирпичи с высочайшими шпилями, даже была мечеть — деревянная постройка с забавным минаретом на крыше. Религиозные чувства поощрялись как среди военнотружущих, так и среди гражданского населения. Около Морского собора был врыт в землю гранитный столб с

бронзовой доской, на которой было написано, что на этом месте при закладке собора стояла царская фамилия.

Знаменитым на всю Россию был настоятель Андреевского собора протоиерей Иоанн Сергиев, попросту, как называл народ, Иоанн Кронштадтский. В чем заключались его сила и влияние на верующих, мы не знаем, так как авторы были далеки от церкви и религии, но из наблюдений и полученных сведений можем сказать, что много народу верило, что он способен творить чудеса, что молитва его доходчива и т. д. Приверженцы его составили какую-то отдельную секту иоаннитов. Когда он служил, народ ломился на его проповеди. Если его приглашали отслужить молебен в чьем-то доме, народ запруживал улицу близ этого дома. Популярность его возросла после того, как он создал дом призрения для престарелых и неимущих.

Другой популярной личностью Кронштадта был вице-адмирал Вирен, главный командир портов и генерал-губернатор. Это был отличный моряк, герой Порт-Артура, получивший орден Георгия, вывезший на миноносце из заблокированного Порт-Артура все знамена, прорвав японское кольцо. Став главным командиром, он сделался грозой офицеров и матросов, требуя строжайшего выполнения устава и соблюдения всяких правил, формы одежды и пр. В случае нарушения наказание было неотвратимо, невзирая на чин, звание и служебное положение. Приведем несколько случаев. Матрос бежит, чтобы получить увольнение в Петербург за отличную службу на корабле. Несвоевременно встал во фронт перед проезжавшим в коляске Виреном. Увольнение пропало, наказание обеспечено. Прогуливаясь по парку, адмирал заметил перешитые брюки на матросе. Опять «губа» и дисциплинарное взыскание офицеру, в ведении которого находится этот матрос.

А вот еще пример. Брат одного из авторов по окончании Военно-медицинской академии был назначен младшим лекарем в Первый Балтийский экипаж. Он должен был представиться кронштадтскому

начальству, в том числе и вице-адмиралу Вирену. Представление кончилось печально: младший лекарь попал на гауптвахту за то, что надел не штиблеты на резинках, а ботинки на шнурках. Так он начал свою карьеру во флоте.

Лошадь у Вирена была рыжей масти. Завидев рыжую лошадь в запряжке, моряки на всякий случай становились заранее во фронт. Оказывалась лошадь не Вирена или выезд его, но самого адмирала в коляске нет. Мы привели здесь мелкие, даже смешные случаи, но бывало, что чрезмерная строгость адмирала ломала человеку всю жизнь.

Матросы носили ленточки на бескозырке с названием корабля или части. Можно было поэтому всегда узнать, какой корабль пришел в Кронштадт или другой порт. Это было удобно для взыскательного начальства: можно было всегда разыскать нарушителя, если он попытается убежать при задержании, но вряд ли это оправдывало себя, особенно в военное время.

Между матросами и солдатами существовал нездоровый антагонизм, и даже в строгом Кронштадте, правда редко, бывали драки между ними, которые быстро и беспощадно пресекались начальством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Петровском парке стоит памятник Петру I. Петр изображен с обнаженной шпагой, наступившим одной ногой на повергнутое шведское знамя. На гранитном постаменте памятника золотыми буквами начертаны слова царя Петра: «Место сие хранить до последнего живота». Матросская служба на флоте до 1905 года длилась семь лет, после — пять, в общем, длительная по сравнению с другими родами войск. Старые матросы в шутку говорили молодым: «Служить тебе еще долго, пока царь Петр другой ножкой «вступит»», имея в виду этот памятник.

Был в Кронштадте трактир под названием «Мыс Доброй Надежды». Тайком заходили туда выпить и матросики. Бывали случаи, что и подерутся там, получают синяк под глазом. На вопрос, где его так раздели, находчивый моряк отвечал: «Потерпел аварию»

под «Мысом Доброй Надежды». Название этого трактира длинное, поэтому военные и обыватели называли этот трактир попросту «Мыска».

Главная улица в Кронштадте — Николаевская, ранее называлась Господская. Старое название отвечало характеру улицы: на ней стояли хорошие дома, жили господа, тогда как рабочие жили на какой-нибудь Галкиной (в шутку называемой Галкин-стрит), Песчаной, Гусевой, на Осокиной площади и т. д. На Николаевской улице были лучшие магазины, и в хорошую погоду офицеры и их жены прогуливались по солнечной или так называемой «бархатной» стороне.

По этой стороне нижние чины воздерживались ходить, так как там надо было все время быть начеку и отдавать честь офицерам.

Второй по значимости улицей была Екатерининская, расположенная вдоль канала. На ней были офицерские флигеля и береговая кают-компания, или Морское собрание. Во флигелях проживали семейные моряки. Дом, который занимало Морское собрание, ранее был дворцом какого-то великого князя. Архитектура и внутренняя отделка дома подтверждали это. На нижнем этаже помещалась военно-морская библиотека с замечательным собранием книг, среди которых было много уникальных. Из вестибюля на верхний этаж вела великолепная деревянная, действительно дворцовой отделки, лестница, на площадке которой стояли старинные бронзовые пушки с какого-то корвета или клипера. На верхнем этаже находились большой зал со сценой, буфетные комнаты, бильярдные и гостиная. В аванзале, посередине, стояла бронзовая скульптура Жанны д'Арк на коне — подарок от французской эскадры. По стенам аванзала и прохода в зрительный зал висели картины кисти Айвазовского, отмечавшие славные эпизоды из истории русского флота. Гостиные были в разных стилях — китайская, индийская и т. д. Многие моряки дарили из своих коллекций разные предметы, вывезенные из заграничных плаваний. Так постепенно обставлялись эти гостиные.

В этом собрании шли спектакли силами артистов

петербургских театров, устраивались балы, вечера и разного рода приемы заморских гостей.

Вирен ввел хороший порядок: чтобы не стеснять моряков и их семьи, а себя не связывать разного рода визитами, на Новый год и другие праздники он собирал в собрании всех свободных от службы офицеров, поздравлял их, и этим все заканчивалось, без особых формальностей.

Вход в собрание для офицеров и их семей был свободным, а для других — по приглашению. В буфете столовались холостые офицеры и жившие в Кронштадте офицеры без семей из частей береговой службы, а вечером собирались, кто хотел, поболтать, поужинать, послушать лекцию, доклад, посидеть за рюмкой доброго вина, встретиться с товарищами по кораблям. В ходу был так называемый «собранный» квас — хорошо приготовленный хлебный квас с изюмом, подававшийся в больших стеклянных кувшинах. Стоил он дешево, а стаканами можно было чокаться на праздниках, не тратя деньги на дорогое вино. В описываемое время состав офицеров был уже иной, чем во времена Нахимова, большинство их жили только на жалованье.

Около западного вала крепости находилось Артиллерийское собрание, а на Николаевской улице — Благородное и Купеческое собрания, где собиралась остальная кронштадтская публика.

Мы много говорили о моряках, это и понятно — они были самые главные лица в городе, они делали погоду, сам город существовал ради флота и крепости. Второй значимой частью населения были рабочие и служащие паровозного завода, доков, разных мастерских и складов. Большинство рабочих были великолепные мастера: военное дело требовало высокого качества работы. Постоянные рабочие были народ серьезный, положительный, знавший себе цену и умевший постоять за свои права. Начальство завода и мастерских понимало, что таких отличных мастеров по военно-морскому делу сразу найти и заменить нельзя. Умный адмирал С. О. Макаров, отправляясь в Порт-Артур на войну, забрал с собой из

Кронштадта около 500 рабочих, говоря, что он везет золото и что без них воевать нельзя.

Кадровые кронштадтские рабочие зарабатывали хорошо, некоторые жили в своих домиках на отдаленных улицах. Под словом «кадровые» мы имеем в виду постоянных рабочих, но были и сезонные, положение которых было совсем иное. Они наезжали на строительный сезон, т. е. на лето, но были и такие сезонные рабочие, которые приезжали на зиму, когда флот становился на зимовку и ремонт. Естественно, что тогда резко увеличивалась потребность в котельщиках, корпусниках и всяких рабочих по металлу. Положение этих рабочих было незавидное — заработки у них были ниже, жили они в общежитиях, в тесных квартирах, да и вели себя эти рабочие по-другому. Оторванные от семей, некоторые из них пьянствовали, сидели по трактирам и пивным, иногда затевали драки. Начальство их не ценило, зная, что заменить их можно легко. В случае нарушений и невыполнения требований их немедленно увольняли. Это возмущало рабочих, но всякое неудовольствие с их стороны погашалось немедленно властью генерал-губернатора.

Остальную массу населения Кронштадта составляли торговцы, ремесленники, служащие гражданских учреждений, купечество и духовенство.

Въезд в город был свободный, но мало кто стремился сюда, разве только поклонники Иоанна Кронштадтского в определенные дни его службы. Наоборот, все стремились побывать в столице, навестить родных, знакомых, побывать в театрах. Ведь в Кронштадте развлечений было мало.

Кроме собраний и клубов, о которых мы уже сказали, были кино, два-три ресторана, трактиры. Был загородный ресторан на западной «стенке» с громким названием «Тиволи», который работал главным образом летом. Был Летний сад, а рядом с ним летняя дача Морского собрания. Город был небольшой, все знали друг друга, развернуться было нельзя, поэтому при первой возможности и моряки, и обыватели отправлялись в Петербург. Веселые лица были у пасса-

жиров и совсем другие, мрачные, при возвращении: деньги пропиты и прожиты, на ближайшее время предстоит жизнь в скучном и строгом городе. Кронштадтский пароход с запоздавшими гуляками последним рейсом возвращается в бурную темную осеннюю ночь. Ветер свищет, пассажиров, находящихся на палубе, обдает холодными брызгами, настроение плохое, побаливает голова, пусто в кармане; наконец и Кронштадт с мокрой пристанью. У кого остались деньги, бегут к извозчикам. Такса была единственная — 20 копеек, куда бы ни поехал. Некоторых выводят с парохода под руки: они добавляли в пароходном буфете. Бывали и другие настроения: когда приезжаешь в Кронштадт, тебя сразу обдает свежим морским воздухом, бьет волна, кричат чайки, пахнет смолой, встречаются настоящие «соленые» моряки, «марсофлоты», все как-то бодрит человека, и он рад, что покинул суетный Петербург.

Заканчивая описание Кронштадта, для полноты картины хотим рассказать о почте. Весной и осенью бывает такое время, когда и пароходы не могут ходить из-за подвижки льда, подводки и извозчики тоже не могут ездить. Тогда почта и «срочные» пассажиры перевозились в Ораниенбаум на так называемых каюках. Каюк — это широкая лодка, достаточно объемистая, на легких полозьях. Отчаянные кронштадтские «пасачи» брались перевозить на каюках почту и спешащих пассажиров, рискуя иногда жизнью.

Человека четыре «пасачей» с пешнями в руках, с веревочными лямками от каюка бегут по льду, где он еще держит. Вот встретилась майна, они с ходу спускают каюк в воду, сами бросаются в него и переплывают чистую воду. Иногда валяются в нее по горло, но это их не смущает: в Ораниенбауме они выпьют водки, обсушатся и двинутся обратно.

По хорошему льду ходили буера любителей, которые брали иногда торопящихся пассажиров.

Описывая кронштадтскую жизнь, нельзя не упомянуть о наличии в этом городе Военно-морского инженерного училища, которое выпускало корабельных инженеров и инженеров-механиков. Кон-

курс при поступлении в это училище был большой, и поэтому в нем оказывались умные, серьезные юноши, в будущем хорошие инженеры с солидным материальным обеспечением.

Все это заставляло мамаш, имеющих дочерей «на выданье», расценивать этих гардемаринчиков как завидных женихов, поэтому их охотно приглашали в семейные дома запросто, а также на вечера и балы. Когда бал или иное торжество были в самом этом училище, туда стремились попасть мамыши со своими дочерьми.

Это училище, с обывательской точки зрения, считалось немаловажным фактором в обыденной жизни Кронштадта.

Говоря о развлечениях в Кронштадте, мы забыли упомянуть о катке на Итальянском пруду. Лед на пруду расчищался, в нужных случаях поливался из помпы, по периметру обставлялся елками, развешивались фонари, на берегу устраивался павильон с двумя отделениями (женским и мужским) для переодевания и обогрева. Этот каток по вечерам собирал много народу, по воскресеньям на катке играла музыка — военный оркестр. Было оживленно и весело, если не дул свирепый норд-вест. Здесь любила кататься на коньках жена адмирала С. О. Макарова, который до японской войны был главным командиром портов Балтийского моря. Она была, по кронштадтскому масштабу, высокой персоной, но эта веселая адмиральша не лишала себя удовольствия покататься на коньках среди кронштадтцев и не гнула «глупый форс».

Также следует коснуться некоторого своеобразия торговли в Кронштадте. Были магазины, был «гостинный ряд», попросту «козьяк», но вот свежую рыбу летом продавали прямо с судов и лодок, которые причаливали к рыбному ряду, расположенному между Итальянским прудом и Купеческой гаванью. Таким же манером, с судов и лодок, продавались овощи и грибы, доставляемые из прибрежных селений: Ковашо, Систо-Палкино, Пейпие, Курголовского Мыса. Судов приходило много, так что приходилось стано-

виться в пять-шесть рядов, и хозяйки прыгали с одной лайбы на другую, отыскивая товар подешевле.

Торговля этими продуктами производилась и в других местах, но здесь было главное сосредоточение. Заходили лайбы из Финляндии и из Эстляндской и Лифляндской губерний, особенно осенью с картофелем.

Зимой мороженую рыбу, результат подледного лова, возили в Кронштадт прямо на розвальнях, отдавали в магазины, продавали на рынке; было принято также разъезжать по дворам и предлагать мороженую рыбу. Чтобы как-то поскорее сбыть рыбу, применялся следующий способ: какой-нибудь рыбак изпод Ковашо высыпал на порог дома сетку корюшки, которая стоила копейки, а вечером, уезжая домой, собирал деньги по домам, где он оставлял рыбу. Знали друг друга из года в год, доверяли, недоразумений обычно не было; иной раз слышались такие разговоры: «На кой черт опять ты меня завалил рыбой!», а рыбак успокаивает: «Ничего, хозяйюшка, замаринуешь» — или: «Теперь морозы крепкие, полежит», а то и так: «Это последняя рыба: лед-то совсем плохой стал, теперь только весной уж дождешься!»

Также зимой привозили боровую мороженую дичь — рябчиков, тетеревов, куропаток, глухарей, набитых в лесах южного побережья. Но этот товар подороже, чем рыба, и покупателей его было меньше. Торговля этим товаром приурочивалась к празднику Рождества и Новому году. Особенно много предлагали рябчиков, продававшихся парами, — от 30 до 50 копеек. Перо и пух обыватели употребляли для подушек и перин, поэтому свежие перины пахли дичью.

ОКРЕСТНОСТИ ПЕТЕРБУРГА И ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

*В лес, к озерам, к девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам.
Надоело ходить по шаблонным панелям
И смотреть на подкрашенных дам.*

Саша Черный

Наши записи о жизни и быте Петербурга тех времен имели бы существенный пробел, не познакомь мы читателя с пригородами и дачными местами. Ведь в пригородах жили люди, которые работали в столице, а в дачных местах летом отдыхало много петербуржцев.

Ох, лето красное, любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи, —

так жаловался Пушкин. А мы были свидетелями того, как родители, ссылаясь на эти авторитетные строки, уговаривали своего сынка ехать с ними на дачу. И к этим пушкинским словам еще добавлялось: «А воздух-то в городе какой ужасный!» Жили они возле Измайловского сада.

Попробуем ответить на вопрос: уж так ли «ужасен» был воздух в Петербурге в начале нашего века? Чтобы создать себе представление, следует мысленно уменьшить территорию города в 5 раз; примерно во столько же раз уменьшить число фабрик и заводов с их трубами; убрать с улиц весь грузовой автотранс-

порт и, конечно, автобусы с их выхлопами; в несколько тысяч раз уменьшить число легковых автомашин; учесть, что город был с трех сторон окружен громадным массивом лесов и вода в Неве с ее рукавами была чиста (в нее не разрешалось сбрасывать снег). И тогда вам, наверно, покажется жалоба на «ужасный» воздух малообоснованной. Остаются, однако, сетования Пушкина на пыль, комаров и мух. Вот мух, видимо, и через 100 лет после Пушкина было достаточно: санитария была не на высоте, хотя канализация и водопровод широко распространялись, и на улицах и во дворах (в центре!) поддерживалась чистота.

Словом, тянуло на просторы природы, как во все времена человечества. А традиция! «Все едут, как же мы не поедем!»

* * *

*В Оредеж глядится
сосновый лес, и тот,
что отражен, —
яснее настоящего.*

В. Набоков

Поедем же и мы на дачу в Сиверскую по Варшавской железной дороге. Первая станция — Александровка. Место незатейливое, много «зимогородов»; рабочих и мелких служащих Петербурга устраивала близость города. Сюда выезжала беднота. Интерес представлял лишь Баболовский парк, расположенный в версте от селения.

Следующая остановка — Гатчина, о ней речь ниже (промежуточных станций не было). Поезд стоял здесь 10 минут ради буфета: каждый считал своим долгом обязательно выскочить и съесть знаменитый гатчинский пирожок.

Затем поезд останавливался в Суйде, где все деревни заселялись скромными дачниками. В ту пору по речке Суйде, петляющей по полям, дачники умудрялись кататься на лодках. Возле живописной деревни

Мельница речка была запружена, при плотине была действительно мельница с наливным деревянным колесом — удивительно поэтичное место, которое потеряло свое очарование, когда мельник построил каменную мельницу, спрятав весь механизм в корпус здания.

И уже следующая станция была Сиверская — ни Прибыткова, ни Карташевки не было, шли сплошные леса вдоль полотна дороги (платформа Прибытково появилась лишь в 1910 году).

Сиверская была дачным местом, которое могло удовлетворить требованиям и скромных тружеников, и богатых съемщиков, и художников, поэтов, аристократов — словом, на все вкусы. По обе стороны станции был лес, от которого низкой оградой отделялась роскошная дача министра двора Фредерикса. К ней шла от станции аллея. Слева от аллеи, вдоль железной дороги, были служебные постройки: контора, конюшни, коровники, сараи и пр.

По реке Оредеж начали строиться на громадных участках дачи богатейших людей: издателя Маркса, в обширном парке — дача Дернова, несколько десятин имела дача Елисеева. А с правой стороны от станции дачи строили крестьяне. Все они лепились по берегу реки и сдавались дешево.

Живописная местность с рекой, девственными лесами, полями издавна привлекала владельцев людей. В радиусе 5—7 верст расположились поместья Витгенштейна и Фредерикса, который имел, кроме того, участки на противоположном берегу, недалеко от мельницы (ныне плотина). Там стояли его дачи, сдаваемые богатым людям. Часть из них сохранилась.

* * *

Наем дач был своеобразный процесс. Обычно он приурочивался к Масленице, когда погода помягче и время праздничное. На станции дачников ожидало много крестьян-извозчиков на лошаденках в узких саночках.

По пути пассажиры расспрашивают извозчика о дачах, ценах, он расхваливает ту, куда везет: «Не сумлевайтесь, все будет в аккурате!» Обычно на окошках дач наклеены бумажки о сдаче внаем, «билетики», но у извозчика свой адрес, и если дачник просит остановиться у дачки, приглянувшейся ему, извозчик говорит: «Здесь плохо: хозяйка сварлива и клопов много». И везет к куму, от которого получит магарыч, или просто к себе. Наконец подъехали к даче. Начинается осмотр. Хозяева приводят такие положительные стороны своих угодий, которых просто не бывает, но съемщик относится скептически и старается сбить цену, а иной раз уезжает к другой даче, где разговоры те же. Наконец дача оказывается подходящей, цена тоже. Дается расписка, что дан задаток, а хозяин, бывало, ставит три креста вместо подписи. После этого идут в избу хозяина, разворачивают закуску, а хозяйка подает на стол самовар, молоко, душистый хлеб. Съемщик угощает водочкой. За закуской каждая сторона как можно лучше себя представляет — словом, знакомятся. Угощают и извозчика, который ждет отвезти дачника обратно на станцию. Перед прощанием договариваются о сроке приезда, о встрече с тележкой для вещей. На станции извозчик просит на чаек, поскольку он очень старался и дачу сняли «самлучшую».

В зале ожидания, в буфете (поезда ходили редко, было время посидеть за перекусом) и в поезде дачники знакомятся между собой и говорят, что дачи ныне стали дороги, мужики дерут. После Гатчины разговоры затихают и усталых от воздуха людей одолевает дремота.

Съезжаться дачники начинали в мае. Помимо багажа, который приходил этим же поездом, у всех на руках было много разных пакетов, коробок, корзинок, кошек, собак, сеток с мячиком и даже клетки с птицами. По приезде вся толпа дачников опять устремлялась к извозчикам. Куда бы ни ехали, приходилось переезжать реку, подниматься в гору, лошадь идет, нагруженная, медленно. И вот при подъеме на мост на задок вашего экипажа прицепляется незна-

комый субъект, который представляется: «Я булочник, дайте ваш адресок, буду доставлять вам булки свежие». Устный договор заключен. Булочник соскакивает и дожидается другого дачника. Дело в том, что эту местность обслуживали три-четыре булочника, и все они сидели на этом пригорке — у въезда на берег с моста — и по очереди подбегали к проезжающим мимо дачникам.

Хозяева уже извещены письмом, ждут дачников. На столе крынка молока и черный хлеб. Хозяйка, перегибаясь в низком поклоне, сладким голосом говорит: «Пожалуйста, пожалуйста, с приездом!» Ведутся хозяйственные разговоры: сколько давать молока, нужны ли яйца и пр. При выходе из вагона вы передали багажную квитанцию хозяину, и вот уже он сам подъезжает с багажом. Вытаскиваются перины, у которых «каждая пушина по три аршина», или пустые сенники, набиваемые сеном, если дачники не привозят с собой матрасы. И то и другое вы будете уминать собственными боками. Воз разгружается, наскоро ужинают по-походному и пораньше ложатся спать. Опьяненные свежим воздухом, вы должны были бы быстро заснуть, но не всем это удастся: комары — эти кровопийцы в буквальном смысле слова — победоносно трубят у вас над головой и нещадно жалят свежего петербуржца.

С утра начинается дачная жизнь. Приносят молоко, свежие булки, до самого вечера вам приносят и привозят все необходимое. Еще до обеда приезжает мясник, предлагает мясо, кур, зелень. Обычно мальчишка правит лошадей, а сам мясник рубит мясо, взвешивает, получает деньги. Торговля идет со специальной телеги с низким большим ящиком, обитым изнутри луженой жестию. Поперек ящика лежит большая доска, на ней мясник рубит мясо, здесь же стоят весы и ящик с гирями. Ступицы колес обернуты бумагой, чтобы дачники не вымазались колесной мазью.

Также до обеда идет торговля с разносчиком рыбы. У него кадушка на голове, там во льду лежит разная рыба. Сгибаясь под тяжестью своей ноши, он

оповещает: «Окуни, сиги, лососина, судаки!» — стараясь рифмовать.

За ним на телеге с большим ящиком на колесах купец торгует гастрономией — сыром, маслом, колбасой, консервами. Фамилия его была Долгасов, но для рекламы и рифмы он кричал: «Сыр, колбас — Иван Долгас!»

А вот издали слышится голос: «Пивник приехал!» Если вы закажете ему полдюжины пива, он норовит всучить целый ящик.

После обеда приезжал мороженщик со своей двуколкой, на ней синий ящик. К нему выбегали с тарелкой, он навертывал специальной ложкой, да так ловко, что внутри шарика была пустота. Продавал он мороженое и «на марше»: клал шарик на бумажку и втыкал в него деревянную ложечку, используемую в дальнейшем девочками в игре в куклы. Мороженое у него было четырех сортов.

К пяти часам, когда дачники пили чай, появлялся разносчик с корзиной на голове и возглашал, в отличие от других «коллег», мрачным басом: «Выборгские крендели!», делая почему-то ударение на «о». Вкусные же были эти крендели, и почему их теперь не выпекают? Стоили они 15—20 копеек, в зависимости от размера. Разнося в лотках на голове, торговали всякими сладостями — конфетами, шоколадом. Когда появлялись ягоды и фрукты, их продавали тоже вразнос. Были и коробейники с галантереей — мылом, гребенками, ленточками. Местные крестьянские девушки приносили в чистых кадучечках сметану и творог, а к осени — лесные ягоды и грибы.

На местные продукты цены были, естественно, ниже (бутылка молока — 5—6 копеек, фунт лесной земляники — тоже 5 копеек), на привозные продукты цены были выше, чем в городе.

Во всех деревнях и селах Сиверской были лавочки, где торговали всем, начиная с хлеба, соли, керосина и кончая хомутами и колесной мазью. Запах в них был соответственный — не продохнуть. В некоторых продавались ружья, порох, дробь и фейерверки, которые любила покупать дачная молодежь.

«Солидным» дачникам лавочники продавали в кредит. Бывало и так, что кто-то, не рассчитав свои силенки, ранней осенью тайком съезжал с дачи, оставшись должником, и торговцы слали ему вдогонку запоздалые проклятия.

Помимо торговцев одолевали дачников цыгане, которые останавливались около деревень целыми таборами. Цыгане-мужчины промышляли лошадьми, покупая, продавая и меняя коня у крестьян, а цыганки целыми днями шлялись по дачам, предлагая погадать и выпрашивая старые вещи. Частенько случались и кражи. Считалось, что если цыгане табором стоят поблизости, надо «держатъ ухо востро».

Некоторые дачники, любители дешевой экзотики, ходили в табор посмотреть, как живут цыгане, просили их спеть, станцевать. Те просили деньги вперед — «позолоти ручку». Случалось, что пение и пляски были отменные, и табор был всегда с деньгами.

Много ходило по дачам и шарманщиков, обычно пожилых, болезненных людей. Среди них были и шарлатаны, не желавшие работать. Все они носили незатейливый органчик, который играл пять-шесть пьесок тягучим, гнусавым голосом. Нес шарманщик его на ремне за плечами, во время игры ставил на ножку, вертел ручку, а для смены пьес переставлял рычажок, и дутье в трубках и мотив изменялись. Иногда с ним ходила девочка, которая пела несложные песенки. Ходила по Сиверской и целая семья уличных артистов: отец играл на скрипке, дочь — на маленькой арфе, толстая мама — на кларнете, а малыш — на губной гармошке.

Появлялись и музыканты, играющие на духовых инструментах, как правило, трубе, баритоне и басы. Это были здоровые молодые парни, выдававшие себя за колонистов или эстонцев. Если остальные уличные музыканты были скромны, стояли по своему положению близко к нищим, то духовые музыканты вели себя вольно, иногда нахально. Они обычно играли «Мой милый Августин» или незатейливые вальсики. На отмахивания дачников они не обращали никакого внимания, бесцеремонно требуя денег.

С выездом горожан на дачи туда же переезжали и нищие. В большинстве случаев они перестраивались на сельский лад: все оказывались погорельцами, причем очень картинно рассказывали об истребительном пожаре. Жалостливые дачники давали им денег, старую одежду, кормили. Тот же народ — и артисты, и нищие, и цыгане — появлялся и в вагонах дачных поездов.

День дачников среднего достатка проходил примерно так. Матери целый день хлопотали, чтобы накормить, обстричь, заштопать одежду своих детей. Забота, как свести концы с концами, их на даче не покидала. И вот она с прислугой вертится как белка в колесе, присмотр за детьми сложнее, чем в городе: близость реки, леса и вообще приволье местности тревожили родителей. Если дети взрослые — другие заботы: чтобы дочь была одета не хуже других; чтобы компания была подходящая — веселая, но и не слишком разудалая. Огорчение и иногда отчаяние обеспечивали родителям сынки с переэкзаменовками. Их надо было буквально за волосы тащить к столу, чтобы они занимались; из скромных средств надо было выделить деньги на репетитора, обычно студента-дачника. Найти такого было нетрудно — все столбы были заклеены объявлениями: «Репетирую по всем предметам, готовлю к экзаменам». Реклама не всегда совпадала с действительностью: всех предметов, конечно, студент знать не мог и, не желая ронять своего студенческого достоинства, краснея и потея, но с «умным» лицом часто «плавал» за переводом латинского текста или решением трудных задач. А иметь свои деньжонки всякому студенту хотелось. Обыкновенно сам студент ходил к репетитору ученику, невзирая на погоду и расстояние. Редко у кого из студентов был велосипед, чтобы ездить по урокам. Велосипеды стоили дорого, 100—150 рублей. Смотришь — хлопает такой студентик по грязи в клеенчатом плаще версты две. А иной раз выслушивает замечание от родителей ученика: «Вы не требовательны, позволяете шалить во время занятий». Были случаи, что репетитора меняли среди лета, — это был страшный позор для студента.

Средняя дача из трех комнат стоила 50—60 рублей за лето. За сто можно было снять прекрасную двухэтажную дачу на берегу реки. В уютной деревне Новосиверской, где довелось жить одному из авторов этих записок, жило много дачников малого и среднего достатка. И удивительно — там же проводил всегда лето президент Академии наук Карпинский со своей семьей. Занимал он скромную дачу, по цене не выше 75 рублей. С крестьянами этот крупный ученый подолгу разговаривал, был знаком со многими дачниками, на приветствия низко склонял свою седую, с длинными волосами голову.

Излюбленной игрой подростковой молодежи были рюхи. Этим занимались в основном гимназисты и ученики средней школы. Были среди них даже чемпионы, которые с одного удара могли «вынести весь забор». Более старшие составляли, что входило в моду, футбольную команду. Это мало было похоже на современный футбол: не было определенной формы, не у всех были и бутсы, правила были плохо разработаны, мало соблюдались. Хорошим игроком считался тот, кто бил здорово по мячу и давал «свечку». Ему аплодировали. И все же существовала новосиверская футбольная команда, которая играла с приезжими командами из округа, даже из Луги.

У старшей молодежи были свои развлечения. По субботам в пользу добровольной пожарной команды устраивались любительские спектакли и танцы, сбор от которых шел на приобретение пожарного инвентаря и постройку депо. Снимали у крестьянина большую ригу с овином. В риге был зрительный зал, а в овине — сцена. Четыре керосиновые лампы с рефлекторами заменяли освещение рампы. Декорация была самодельной: на картоне местные художники изображали зеленый сад (иной краски не было), и это была единственная бессменная декорация для всех пьес. Зрительный зал и портал украшали еловыми гирляндами. На ригелях висели две керосиновые лампы, освещая зрительный зал. В риге был настлан пол из досок, чтобы удобнее было танцевать после спектакля, его натирали стеариновыми свечками.

Танцевали до утра под звуки пианино, которое брали напрокат за 15 рублей на все лето. Ставили короткие водевили, играли плохо: доморощенные артисты стеснялись, заикались, забывали роли. Спектакли удавались лучше, когда одно лето режиссировал и играл проживавший в нашей деревне артист Народного дома.

После водевиля было концертное отделение. В моде тогда была мелодекламация: «Заводь спит», «Яблоки», «Фея» и др. При этом почему-то было принято ноты держать в руках (иначе куда руки деть?), закрывать глаза и читать неестественным голосом. Способные к стихоплетству студенты сочиняли обзорное в стихах, в которых высмеивалась жизнь на даче, отдельные события и лица. В выражениях авторы не стеснялись, но никто не обижался, все громко смеялись, сотрясая ветхую ригу. О дирижере танцев Максe Цехере, студенте Лесного института, было сказано следующее: «Макс, предводитель шумной банды, В душе сам циник и нахал, И лишь в глазах одной Аманды [его матери] Он совершенный идеал». Бесшумный дирижер Макс во всех танцах придумывал забавные фигуры, было принято его слушаться. За точное и лучшее исполнение его замысловатых фигур давали призы. Их обычно «срывал» ученик тогда театрального училища, в будущем знаменитый балетный артист Андрей Лопухов, в ту пору скромный курносый мальчик, носивший серую форменную одежду. На приз танцевали мазурку, краковяк с фигурами и входившее в моду танго. В награду победителям давали альбом для открыток или просто букет цветов.

Сборы за эти вечера в течение нескольких лет составили значительную сумму, что дало возможность в 1913 году построить в Сиверской деревянное пожарное депо, приобрести два пожарных «хода» с помпами и оборудование: каски, багры и пр.

Молодые люди, дачники, тоже вступали на лето в пожарную дружину, обучались этому делу и принимали, помнится, живейшее участие в тушении пожаров, а их было немало. Председателем Пожарного

общества был постоянный житель Новосиверской, помощником — крестьянин Лешка, юркий, хитрый мужичонка, пьяница, по прозвищу Копченый, но закоптел он не на пожаре, а в кузнице, которую держал с братьями.

Летом 1913 года состоялось торжественное открытие депо в присутствии председателя Всероссийского добровольного пожарного общества князя Львова. Перед этим торжественным открытием Лешка Копченый по вечерам собирал пожарную дружину и муштровал ее к параду. Дружинники, дачники и крестьяне, приходили на эти учения в полной форме и со снаряжением. Главная забота Лешки была в том, чтобы дружинники правильно ответили на приветствие князя. Сам он был одет не по форме: босой, в выцветших портках, в жилетке поверх полинялой рубахи и в громадной пожарной каске с высоким гребнем, в которой тонула вся его сухонькая голова, — он представлял собой комическую фигуру. Выпучив глаза, хриплым голосом, изображая из себя князя Львова, он орал: «К князю Львову!», что означало, что нужно отвечать ему, как князю Львову. Далее он кричал: «Здорово, молодцы пожарные!» Те ему в ответ орали: «Здравия желаем, ваше сиятельство!» Все это сопровождалось хохотом, гримасами и ужимками, главным образом дачников.

Для парада были выделены самые лучшие крестьянские лошади. Готовились и к парадному проезду, учились быстро запрягать, садиться и быстро проноситься мимо того же Копченого, имитировавшего князя Львова. И так же орали: «Здравия желаем, ваше сиятельство!» Возможно, это были самые счастливые минуты в жизни Лешки — он сиял, как и его начищенная бузиной каска.

В день парада начали съезжаться и другие команды из ближайших деревень. Наконец прибыл и сам князь Львов с сопровождающими лицами, все в полной парадной пожарной форме с символическими «ювелирными» топориками при левом бедре, в золоченых касках. Сперва был молебен с водосвятием, священник окропил святой водой не только дружин-

ников, но и помещение депо, все снаряжение и даже лошадей. Затем князь обратился с речью. Смысл ее был в том, что мужики сильно пьянствуют, отчего случаются пожары. Самое главное — не тушить пожары, а не допускать их возникновения. Говорил он тихо, что соответствовало его маленькой фигуре; после этого была дана команда: «Готовься к проезду!» Дан был сигнал трубой, и все дружины поскакали мимо князя и обратно. Затем был дан сигнал «к церемониальному маршу», и все дружины пешим строем «под сухую» (музыки не было) продефилировали мимо князя, дружно, а то и не очень дружно отвечая на его приветствия.

По окончании парада для дружины в депо были приготовлены столы с пирогами, мясом и водкой. Весь остаток дня и всю ночь новосиверские дружинники ходили по деревне в касках и орали песни. Можно было заметить, что кое-где в крапиве и в канавах блестели каски — там отдыхали уставшие от праздника дружинники, конечно не дачники.

На каждой избе была прибита жестянка, на которой были нарисованы топор, ведро и лестница — то, что по набату должен был принести на пожар хозяин данного дома. Были назначены дежурства в депо, которые к концу лета стали менее аккуратными.

* * *

*Где вечно плавали туманы
Над далью моха и воды,
Забили светлые фонтаны,
Возникли легкие сады.*

С. Соловьев

Попробуем восстановить характерные особенности и других дачных пригородов, одновременно отмечая их общие черты. Возьмем курс на Петергоф.

Первой остановкой по Балтийской железной дороге было Лигово. В то время ближе к Петербургу никаких других остановок дачного поезда не было. На всем участке колея шла по узкой просеке в лесу. Толь-

ко к концу описываемого периода лес начали вырубать, проложили дороги, место стало заселяться главным образом «зимогорами». Лигово был довольно большой поселок, летом туда приезжало много дачников.

Некто Сегаль скупал по дешевке вокруг Петербурга земельные участки, дробил их на мелкие, продавал в кредит, также в кредит строил дома и дачи, облагая должников большими процентами. Почти во всех дачных местах и пригородах были «проспекты Сегалья». То же самое и в Лигове. Главная улица — от станции до шоссе — называлась «проспект Сегалья». Мелкие чиновники и служащие, кустари, рабочие — вот кто составлял главную массу населения этого поселка зимой и летом. Недалекое расстояние от Петербурга, оживленное движение поездов, дешевизна квартир и дач привлекали сюда обывателя; поселок быстро рос. Были дачники из малоимущих людей, для которых платить за квартиру и за дачу было тяжело. Поэтому они бросали городскую квартиру, уезжали весной со всем скарбом на дачу, а осенью, возвращаясь, нанимали новую квартиру. Это было довольно распространенным явлением.

Вещи на дачу перевозили на ломовых извозчиках, которые рано утром грузили скарб; прислуга с домашними животными устраивалась сверху, а дачники с ручным багажом ехали по железной дороге. Переезд на подводах практиковался в радиусе до 40 верст, с расчетом, чтобы подвода к вечеру могла добраться до дачи. Бывало, что дачники приедут, а подводы нет, спать не на чем. Наконец приезжают поздно ночью, извозчик объясняет задержку тем, что расковалась лошадь, а от самого разит водкой. Если дачное место было дальше, то и вещи доставляли по железной дороге, а от станции до дачного поселка их везли местные крестьяне, обычно хозяева дачи.

Лигово привлекало хорошим Полежаевским парком. Речка Лиговка была запружена, образовывала среди парка большой пруд, близ берега был островок, а на нем туфовый грот. Помимо приятных про-

гулок, катания на лодках, купания, рыбной ловли по воскресеньям в парк привлекала хорошая музыка. Выступления симфонического оркестра графа Шереметева происходили на особом плоту. Он отчаливал с музыкантами от берега, становился посреди пруда, и начинался концерт. Вокруг плота катались на лодках, много народу слушало музыку, сидя на скамеечках вокруг пруда или гуляя по прибрежным аллеям. На эти концерты приезжала публика из Красного Села. Там стояли лагеря гвардейских полков. Офицеры были верхом, их дамы — в колясках и ландо.

Вокруг Лигова росли леса, недалеко находилось взморье с прибрежными камышами, где была хорошая охота. Вдоль речки Лиговки тянулись луга — было где погулять, отдохнуть, а местным жителям накопить сено для своих коров. Нет коровы — нет и молока для дачников, и коров имели очень многие. Для развлечения дачников местное Добровольное пожарное общество устраивало по субботам танцы и любительские спектакли. Все доходы шли на усиление пожарной команды, благоустройство дорог, освещение улиц.

Лигово полностью было обеспечено продовольствием и мелкими потребительскими товарами. Стоило отстроиться несколькими домами, тут же появлялись лавчонка, ларек, булочная. С утра по всем улицам поселка ходили торговцы, которые на разные голоса предлагали зелень, мясо, рыбу, молочные продукты, сладости, мороженое, ягоды, фрукты и даже мелкую галантерею. Летом в дачных местах появлялось много китайцев с косичками. Они продавали чесучу, ленты, бумажные веера. Ходили точильщики, паяльщики, лудильщики, прочие «холодные» ремесленники. Летом жизнь в поселке кипела, несколько замирая зимой.

Поедем дальше по Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. Следующая станция — Сергиевская пустынь. Поселок скромный, от взморья далеко. В версте от станции — мужской монастырь, так называемая Сергиевская пустынь. От станции до

монастыря ходила конка, которая доставляла в монастырь богомольцев. Монастырь — богатый, с большими угодьями, расположенными вдоль Петергофского шоссе и спускающимися к взморью. Достопримечательностью монастыря был собор хорошей архитектуры. Между Лиговом и Сергиевской пустынью находилась Новознаменка, земли которой были расположены между железной дорогой и взморьем. Когда-то это было поместье Мятлевых, из рода которых вышел поэт Мятлев, живший во времена Пушкина, Грибоедова и прославившийся юмористическими произведениями. В описываемое время поместье было приобретено городом и там была большая больница. Одному из авторов приходилось в ней часто бывать, потому что он был знаком с семьей местного врача. При больнице был большой парк и лес с прудами и каскадом. Много было сирени, цветов, большой огород, фруктовый сад. Во всем большой порядок. И сама природа хранила следы прошлого.

Следующим поселком по Ораниенбаумской линии и Петергофскому шоссе была Стрельна, большое, оживленное дачное место. Там красовались богатые дачи именитых людей, которые располагались по шоссе, и Константиновский дворец с парком, где находилась дача балерины Кшесинской. Там же была дача князя Львова, известного организатора добровольных пожарных обществ. В поселке Стрельна он построил пожарную часть с высокой каланчой, которая обслуживалась добровольцами.

Главная масса дачников, равно как и местных жителей, обосновалась по другую сторону железной дороги, в направлении Ропши. Там были дешевые дачи, которые стояли вдоль речки Стрелки. Это был веселый дачный поселок, и молодежь с удовольствием туда ездила. У нее было много развлечений: катание на лодках по речушке, курзал, где проходили любительские спектакли и танцы, циклодром, по которому носились велосипедисты, катание на яхтах, благо яхт-клуб помещался в устье реки Стрелки, прогулки по Константиновскому и Михайловскому паркам и

походы в Ропшу. Но главным развлечением было гулянье по платформе станции со стороны отбытия в Петербург. Здесь часами слонялась молодежь, знакомилась между собой; договаривались о прогулках, свиданиях. Там же завязывались романы, разыгрывались сцены ревности, если барышня придется к другим молодым человеком.

В направлении Нового Петергофа по шоссе еще было много хороших дач, а ближе к Петергофу — уютная деревенька с видом на море под названием Поэзия. Избушки этой деревеньки были среди дачников нарасхват. Внизу, под горой, тянулся большой Михайловский парк — от Стрельны до самой Александрии.

Новый Петергоф дачной местностью назвать было нельзя. В этом «русском Версале» были собственные роскошные дачи, виллы великосветских людей, придворных. Наемных дач почти не было. Чувствовалось, что здесь — резиденция царя: везде охрана, конвой, который в кавказской форме беспрестанно гарцевал вдоль ограды, много полиции, три гвардейских кавалерийских полка — драгунский, конно-гренадерский и уланский, а за железной дорогой квартировал пехотный армейский полк.

Диковинный дворцовый ансамбль привлекал внимание самой разнообразной публики: и интересующихся памятником XVIII века, и приезжающих из провинции, и просто любителей погулять в парке, освежаемом влагой фонтанов, а с другой стороны и морским ветерком.

Обывателей удивляло, что место, расположенное на берегу моря, у самой воды, нуждалось в другой какой-то воде для осуществления работы фонтанов, что пришлось рыть 20-километровый канал из-под Ропши (вернее, от речки Каваша), который, кстати, был вырыт за два месяца с помощью примитивной техники, руками около двух тысяч людей.

Летом в Нижнем саду ежедневно играла музыка. Около царской купальни была устроена раковина для оркестра, имелись места для публики. Вход в парк и к эстраде был бесплатный. Ежедневно играли

оркестры, придворный симфонический либо духовой, тоже придворный. У оркестрантов была придворная форма: барашковая круглая шапочка, поддевка алого сукна до колен, синего цвета шаровары и лакированные сапоги. В этой форме оркестранты походили на солдат или казаков. Форма эта еще как-то шла к музыкантам духового оркестра: глаз привык видеть солдат с медными трубами. Но оркестранты симфонического ансамбля выглядели несуразно: странно было видеть человека в алой поддевке, играющего на виолончели. На музыку собиралось много народу, богатые приезжали в ландо, по главной аллее допускалась езда в экипажах.

В парках никаких развлечений, кроме музыки. Ни буфетов, ни ларьков, ни ресторанов. Состав гуляющей публики был самый разнообразный, приходили любоваться на фонтаны и дворцы самые скромные служащие, рабочие, крестьяне. Все вели себя очень чинно. Песен не пели, не кричали. За порядком следили сторожа в особой форме.

Приезжать можно было сюда только по железной дороге. Поэтому поезда ходили часто. Пароходного же сообщения не было, так как гавань в устье канала от главного каскада фонтана для публики была закрыта.

Дворцы можно было осматривать бесплатно. Никаких экскурсоводов тогда не было, и помещения показывал сторож, который давал некоторые объяснения, за что получал на чай.

Пускали осматривать даже Собственную дачу его императорского величества, которая находилась в Старом Петергофе, на границе с парком Лейхтенбергского, в тихом, малопосещаемом месте. Сторож, который водил нас по этой даче, рассказал, что Александр III провел в ней свой медовый месяц и с той поры в ней никто не жил.

Хороший парк находился по левую сторону железной дороги. Там были царская мельница, руины, розовый павильон, Никольский домик и Бабигонский дворец. Около дворца, на склоне горы, была масса сирени, на постаментах стояли два клодтов-

ских коня, как на Аничковом мосту (две другие скульптуры этого автора стояли в Стрельне, на даче князя Львова). За гривенник можно было получить от сторожа большой букет сирени, а если дать дву-гривенный — он проведет по дворцу и на верхнем этаже, где колоннада, даст полюбоваться в подзорную трубу на залив, Кронштадт и Петербург. Этот парк посещался очень мало.

На той же стороне от железной дороги находилось местечко Заячий Ремиз. Здесь были собственные шикарные дачи. В самом городке жило много военных с семьями, дворцовые служащие, торговцы, ремесленники. Промышленности не было, единственное производство — гранильная фабрика.

Старый Петергоф, по существу, был менее парадной частью Нового Петергофа. Английский дворец и Английский парк были очень скромные. В описываемое время летом во дворце помещалась певческая капелла. Мальчишки и юноши в серых брюках и ту-журках играли на площадках около дворца в рюхи, лапту. Во дворце часто звучало пение, разучивали новые вещи. Часто «капелланы» группами ходили гу-лять в парки.

Сам дворец был величественным, но простой ар-хитектуры. Вокруг него не было цветников, статуй, ваз. Английский парк представлял собой лес с не-многочисленными дорожками, только около пруда в сторону Заячьего Ремиза парк был разделан: акку-ратные дорожки и аллеи, мостики, несколько шале из неокоренной березы, могучие дубы, вокруг них скамейки. Публики в Английском парке гуляло мало.

На окраине Старого Петергофа был целый дач-ный поселок — Отрадное. Здесь жили скромные лю-ди. В поселке был круг, где по вечерам молодежь тан-цевала под граммофон.

Большинство же дачников жили между Старым Петергофом и Ораниенбаумом, в поселках Лейхтен-бергском, Мордвиново, Мартышкино и Ольгино. На коротком расстоянии от Старого Петергофа до Ора-ниенбаума — около 6 верст — было четыре платфор-мы. Поезд с полным составом не мог останавливать-

ся на каждой версте. Правление железной дороги нашло хороший выход. Публика, которой нужно было в эти поселки, высаживалась в Старом Петергофе, поезд уходил в Ораниенбаум, и сразу после его ухода подавалась «кукушка» — маленький паровозик с большим двухэтажным вагоном. Эта «кукушка» и развозила дачников, останавливаясь у каждой платформы. «Кукушка» была сезонным мероприятием, правление железной дороги считало ее внестатной единицей, билеты продавали студенты, которые желали летом подработать; живя на даче, они одновременно служили. На паровозике — машинист и кочегар, тоже нештатные. Допускались вольности: между полустанками помашет кто-нибудь зонтиком или платочком — машинист остановит. Машинист забавлял публику тем, что, сделав большой мочальный кнут, хлестал им при каждом отправлении поезда по котлу паровоза, высунувшись из окна, кричал: «Но, поехали!» — и свистал: «Ку-ку!»

* * *

*Затекишие руки дорвались до гребли,
Уключины стонут чуть-чуть.
На веслах повисли какие-то стебли,
Мальки за кормою как ртуть...*

Саша Черный

Не будем останавливаться на каждом поселке, а скажем о самом большом и оживленном — Мартышкине. Главная его часть располагалась от железной дороги к морю, по улицам Лесной, Нагорной, Кривой. Дачные участки были невелики, дачи лепились друг к другу и были доступны небогатым людям. На самом берегу занимала большой участок дача царского повара Максимова. Она была каменная, трехэтажная, при ней фруктовый сад, небольшой сосновый парк. В море выступал железобетонный причал. Дача выделялась в скромном поселке. Незастроенный берег пляжем не служил: тогда не было принято валяться на песке в купальных костюмах. Берег был частично за-

строен хибарками рыбаков, завешан сетями, снастями. На пляже лежали вытащенные лодки.

Но совсем лишить дачников возможности купаться в море не хотелось, ведь благодаря этому дача выигрывала в цене. Поэтому купальни были вынесены далеко в море, к ним вели длинные мостики. Купальня представляла собой вытянутую платформу на сваях. С платформы в воду спускались лестницы. Купальни были устроены на хорошем песчаном дне, глубина — по пояс. Все купальни были платные.

Семья дачников покупала у владельца сезонный билет, рубля за три. Существовало расписание женских и мужских часов. Конечно же, вездесущие мальчишки купались когда угодно и где угодно.

Было много лодок и маленьких яхт. Большинство лодок и парусных яхт принадлежали дачникам, которые из года в год снимали дачи у крестьян или имели свои скромные домишки. Некоторые купались прямо с лодок. У кого лодок не было, можно было взять у рыбаков. Часто искали компанию покататься вместе, ведь могла подняться волна, грести или управлять парусом трудно. Мальчишки без спросу отвяжут лодку, покатаются и поставят обратно. Никто не возражал. Любителей моря было много. Вечером или ночью берег с моря выглядел красиво, весь в огоньках, а на лодках звучат песни под гитару. Кроме катания многие занимались рыбной ловлей; уезжали на ночь, а утром привозили хороших лещей, окуней. Судак попадался реже. Рыбная ловля была к тому же прямым подспорьем для семьи.

В Мартышкине жило на дачах много немцев: ремесленников, служащих — очень предприимчивых людей. Они арендовали у крестьян небольшой участок земли на задах Нагорной улицы, расчистили его, построили большой деревянный павильон и открыли в нем Гимнастическое общество. Кроме немцев туда могли за невысокую плату ходить кто хочет из юношей и детей. Дачники с удовольствием записывали детей в это общество. Три раза в неделю там по два часа обучали вольным движениям, упражнениям на снарядах. Во главе общества стоял немец Мейер,

помощником его был Ланге. Чтобы иметь средства, общество устраивало в этом помещении по субботам и воскресеньям платные танцы. Отчетные выступления детей перед родителями происходили два раза в лето. Устраивались прогулки с играми. На длительные прогулки собирали по 20 копеек, бутерброды несли в бельевых корзинах. Где-нибудь давали детям молоко. Шли под барабан, толстый немец колотил палками по небольшому барабану. За отличие в гимнастических упражнениях давали значки общества, на которых были начальные буквы фразы: «В здоровом теле — здоровый дух».

Местные крестьяне кроме дохода от дач зарабатывали на молоке, ягодах, грибах и даже воде. Сводой в Мартышкине было плохо, колодцев при дачах мало, вот и развозили воду в бочках. Водовоз ежедневно привозил условленное количество ведер.

В двух верстах от Мартышкина, в густом лесу, был маленький монастырь святого Арефия. Монахи накупили самоваров и под большими елками поставили столы и лавки. Дачники приходили с бутербродами, заказывали самовар, за 10 копеек малый, за 20 — большой. Сидят, пьют чай, воображают, что они в обители. Маленькая церквушка тоже имела доход от посетителей. Каждый считал нужным поставить свечку святому Арефию, который помогал от каких-то болезней.

Дачники в Мартышкине назывались «мартышками». Они весело проводили время: крутом были чудесные леса, парки — Лейхтенбергский и Ораниенбаумский. Много было ягод и грибов. Рядом — Петергоф с его фонтанами, можно было из Ораниенбаума проехать в Кронштадт и Лисий Нос. Собирались компании: студенты, девушки, гимназисты старших классов, брали с собой бутерброды, лимонад; предприимчивый лесник устроил под елками столики и скамейки, торговал молоком и варенцом в горшках. Брали гитары, спиртного не брали: пить было не принято, особенно в присутствии девушек. И без вина было очень весело: пели, играли в горелки. Дачники были народ скромный, и мораль у них была строгая.

При фешенебельных дачах были теннисные корты, увлечение среди молодежи этой элегантной игрой распространялось повсеместно, но требовало тогда соответствующего костюма, и ракетки стоили дорого. Начинать во взрослом состоянии, без подготовки с детства, значило срамиться и стать посмешищем девиц. Это тебе не рюхи, где решали размах да сила. Предпочитали крокет, в котором дамы чувствовали себя на равных с мужчинами, а то и посильнее. Но почему-то ни в одной игре не возникало столько споров, иной раз даже ссор, как на крокетной площадке.

А в дождливую погоду играли в домино, в «бой цветов», «игру камней». Отцы семейств приезжали на воскресенье усталые, загруженные покупками. Они отдыхали в гамаках, ходили купаться, осенью — по грибы. Гимназисты старших классов и студенты развешивали на столбах объявления, что готовят к переэкзаменовке по всем предметам. Приглашений было много, а оплата — 7—10 рублей в месяц. Но эти небольшие деньги устраивали молодых людей: они могли что-то купить, поднести девушке цветы, приобрести билет на танцы, съездить с «дамой сердца» в Ораниенбаумский курзал, где бывали спектакли.

* * *

*В Ораниенбауме есть
наипреимущественнейшая
в своем роде катальная гора.*

Щекатов

За Мартышкином следовал Ораниенбаум. Здесь железная дорога кончалась, и непосредственно к станции прилегал городок, который народ называл Рамбов. Сюда приезжало много крестьян сбывать разный товар, заезжали из Кронштадта сюда рабочие мастерских и доков, а также погулять на денек матросы. Публикой городок не блистал и выглядел невзрачно — пыльный, грязный, на каждом шагу

трактиры, винные лавки, пивные. Но рынок богат был, что естественно, рыбой, ягодами, а осенью грибами. Но не этим всем знатен был Ораниенбаум. Петербуржцев — и приезжавших на день, и дачников, селившихся вокруг Ораниенбаума, где были хорошие дачи, — привлекал прекрасный парк, густой, с большими прудами, переходящий в лес. И это не все. Публику привлекали исторические памятники, которые можно было осмотреть в сопровождении сторожей, а некоторые из них, постарше, могли рассказать и кое-что интересное: что, например, канал к морю по приказу Екатерины II был вырыт за одну ночь. Многому свидетелем был Ораниенбаумский парк, не говоря уже о дворцах. Два из них носят роковую печать взлета и падения двух исторических личностей: дворец Меншикова, растянувшийся как бы длинной шеренгой вдоль моря, и дворец Петра III — наоборот, компактный, по-военному подобранный.

Светлейший князь Меншиков, облагодетельствованный Петром I большой частью завоеванной Ингерманландской земли, возвел загородный дом с садом, оранжереями, фонтанами, где устраивал неслыханные по роскоши празднества. И вот через каких-нибудь 13 лет из этой же роскоши, разгневав другого царя, Петра II, он был вывезен в далекую Сибирь, покинутый всеми.

Другой дворец, любимое пристанище Петра III, близ которого он с увлечением муштровал своих голштинцев, был свидетелем низвержения царя. Здесь он был арестован и увезен в Петергоф.

На фоне этих роковой тенью осененных дворцов удивительно легко и радостно выглядит светлый одноэтажный Китайский дворец-игрушка. И еще веселее смотреть на Катальную горку и представлять себе, как несутся вниз с нее колясочки в виде гондол. Катание запретил еще Павел, обнаружив ветхость горки. Не ветшает, хоть и зарастает, только парк, такой же тенистый, отраженный в зеркале прудов. А в его гуще еще пугает детей и их нянюшек статуя Лаокоона; других скульптур, украшавших когда-то парк, не сохранилось.

За Ораниенбаумом тогда были непроходимые леса, а в Рамбове жили рыбаки. Дальше Ораниенбаума тоже были дачные места, но к ним трудно было добираться, а потому там жили единицы. От Рамбова туда шла крепостная железная дорога, которая обслуживала форты и батареи. Частные лица тоже могли ездить, разумеется за плату. Колея была нормальная, но паровозик и вагончики маленькие.

* * *

*И грянут «здравия» раскаты
На крик «здоровы, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...*

О. Мандельштам

От узловой Лиговской станции отходила другая ветка той же Балтийской железной дороги, вдоль которой были тоже дачные места, но неприглядные. После первой остановки — Горелово, с убогими домишками и скучающими людьми на платформе, — следовала станция Скачки. Она отличалась от всех остальных своим особым характером. Это было не дачное место, а лагерь гвардейской кавалерии. Что представляется взорам зрителей? Коновязи, палатки, по глинистому берегу Лиговки водопой лошадей; слышится звон шпор, ржание лошадей, кавалерийские сигналы; всевозможные кавалерийские учения солдат, «фасон» офицеров, которые могли забыть надеть фуражку, но стек — всегда в руке.

Тот же характер сохраняет и следующая станция, но шире, размашистее. Здесь уже есть дачи с семьями военных. Это Красное Село, расположенное на живописной горе. Вокзал уже носит какой-то лоск — хороший буфет.

В полуверсте от станции, по другую сторону железной дороги, расположены лагеря пехотных гвардейских полков. Солдаты, как полагается, жили в палатках, а офицеры — в хороших деревянных благоустроенных домах, выкрашенных в цвет, присвоенный полку. Дачи Егерского и Финляндского полков

первой и второй гвардейских дивизий выкрашены в зеленый цвет, а Преображенского и Московского — в красный, Измайловского и Гренадерского — в белый, Семеновского и Павловского — в синий цвет.

В самом Красном Селе жили семьи офицеров, был хороший театр; летом оченьлюдно, гуляла нарядная публика, щеголяли офицеры, был прекрасный ресторан. Солдаты появлялись в Красном Селе редко: занятий в лагерное время у них было много. Местность вокруг лагерей вытоптана, с раннего утра слышались команды строевых учений, выкрики унтер-офицеров: «Вперед коли, назад прикладом бей!», «От кавалерии накройсь!» Вообще тяжелая солдатчина, а рядом каждодневный праздник офицеров, разодетые компании в ландо, отправляющиеся в Петергоф «на музыку».

За Красным Селом, не доезжая Дудергофа, была военная платформа, всегда забитая юнкерами. Недалеко, за озером, стояли лагерями все военные училища. А следующая остановка — Дудергоф — настоящая дачная местность. Там царство дачников. Их привлекала сюда близость Петербурга, дешевизна дач, хорошее озеро, живописный лес с Вороньей горой, покрытой вековыми соснами. Станция была веселенькая, дачная, деревянная с резьбой, выкрашенная желтой краской. Вокруг станции вращалась вся дачная жизнь. К вечеру здесь собиралась молодежь — барышни с кружевными зонтиками, кавалеры. Вечером, после занятий, с этого берега озера приезжали, приходили, прибежали юнкера во всем своем военном блеске. Стучали каблучки, звякали шпоры. Мамаши высматривали дочкам женихов, достойных приглашали в дом пить чай, угощая ватрушками и вареньем. В день именин дочек запускали фейерверк, в саду развешивали разноцветные бумажные фонарики, жгли бенгальские огни. Ходили на танцы в курзал, катались на лодках, сидели на Вороньей горе, играли на гитаре, пели романсы, считали падающие звезды.

За Дудергофом следуют Тайцы, Пудость, Мариенбург. Летом они тоже заселялись дачниками. В Тай-

цах, где били знаменитые ключи, была туберкулезная лечебница.

Пудость отличалась тем, что там в речке Ижоре водилась форель. Вокруг были леса, очень много грибов. Мариенбург, под самой Гатчиной, — уютное местечко, весь поселок утопал в лесу, напротив был знаменитый Зверинец для царской охоты, он тянулся от Пудости до Гатчинского парка. Зверинец был окружен деревянной изгородью из трехсаженных шестов, поставленных в два ряда, с небольшим наклоном одного ряда навстречу другому. Шесты были вбиты так часто, чтобы не проскочила ни одна зверушка. Нередко можно было видеть, как к ограде подходили лоси, косули. Детишки просовывали им куочки хлеба.

* * *

*Из мглы всплывает ярко
Далекая весна:
Тишь Гатчинского парка
И домик Куприна.*

Саша Черный

А дальше — Гатчина, чистенький городок с двумя парками. Летом он утопал в сирени. Этот городок избрали для проживания отставные военные. Это придавало известный характер быту города. Кроме того, там стояли гвардейский кирасирский полк (синие кирасиры) и артиллерийская бригада. Летом приезжали дачники, это оживляло тихий городок. Дачники гуляли по паркам, окружающим лесам, катались на лодках по озерам. Когда там открылась первая в России военная авиационная школа, Гатчина оживилась, кирасиры отошли на задний план, первыми сделались авиаторы. Целый день ревели авиационные моторы — русские люди завоевывали воздух, но это сопряжено было с риском для жизни, и на местном кладбище появлялись кресты из деревянных пропеллеров. По другую сторону железной дороги

вырос поселок, где ютились мелкие служащие и рабочие. Они ежедневно ездили на работу в Петербург, так как в Гатчине предприятий не было.

Далее за Гатчиной по Балтийской линии было Елизаветино. Не считая окружающих деревень (Дылицы, Вероланцы), к станции прилегали два дачных поселка: Николаевка и Алексеевка. При нас они только застраивались. Дачки там возводили из-за дешевизны земли люди небогатые, сдавались дачки тоже не по дорогой цене. Места лесистые, но скучные — ни озера, ни речки. Матери, выезжавшие с малолетними детьми, могли быть спокойны: утонуть ребенку негде. В лесах масса ягод и грибов, на припеках много лесной земляники.

В двух верстах от станции — имение Охотниковых, уже в то время оно находилось в совершенном упадке. Старый помещичий дом — с четырьмя колоннами, облупленной штукатуркой. Невдалеке церковь, под горой парк с двумя прудами. Летом в доме кто-то жил, но по парку гулять запрета не было. Парк небольшой, со старыми липами. Рядом с парком — маленькая деревенька Дылицы, где тоже жили дачники. Немножко выше, в гору, — деревня Вероланцы, где летом также было много дачников. Самое замечательное в Вероланцах — стоянка царских гончих собак. Малонаселенное место — леса, вырубки, поля — давало возможность вывозить туда летом псовую царскую охоту, натаскивать гончих собак. В избах и амбарах проживали 8 конных егерей, содержалось около 200 собак. Собачьи дворы были отгорожены жердями, на которых целыми днями сидели мальчишки-дачники и смотрели на собак. Егеря иногда позволяли мальчишкам прокатиться на лошади.

Интересная картина была при выезде в поле. Впереди — седой старший егерь на лошади с большим медным рогом. За ним, образуя каре, остальные егеря, тоже с рогом и арапниками. В центре каре гончие, некоторые на сворках по пяти. Когда все выстраивались, старший егерь снимал шапку, крестился и говорил: «С Богом!» Кавалькада отъезжала на натаскивание собак. Если какой-нибудь неразумный гон-

чак от нетерпения преждевременно выскочит, ближний егерь, перегнувшись с седла, так его ожжет арапником, что тот навсегда забудет, как нарушать порядок. Но с какой радостью собаки бросались в гон, когда их спускали и раскрывали каре!

Вокруг Елизаветина было много ветряных мельниц, где крестьяне мололи зерно, водяных мельниц вблизи не было. Сооружение это ушло в безвозвратное прошлое, в нем проявлялась сметка русского человека: с помощью только топора делались все механизмы — валы, цевки, зубчатые колеса. Любимой, но опасной забавой мальчишек было катание на крыльях ветрянки. На ходу надо было вцепиться в решетку крыла ногами и руками, держаться изо всех сил. Громадное крыло делало с этим озорником полный круговой оборот, а то и два. Тот, обалдевший от полета, соскакивал на землю и частенько попадал прямо в руки мельника, который надает ему шлепков и пожалуется родителям. Тогда порка неизбежна.

* * *

*Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!*

О. Мандельштам

Много известных дачных мест было по Царско-сельской железной дороге. Мы еще застали старое здание Царкосельского вокзала. Оно было весьма неказистое, обветшалое. Когда в 1904 году построили ныне существующий вокзал, многих наивных удивляло, что поезда находятся на втором этаже. Многие не верили, пока не убеждались сами. Поднявшись на второй этаж, они видели там паровозы и вагоны, а их багаж поднимался лифтами к поезду.

Сразу за городом была платформа Воздухоплавательная. На открытом поле стоял большой эллинг, в

нем хранились воздушные шары и первый русский дирижабль. Это военное воздухоплавание возглавлял генерал Кованько, про которого ходило много шуток; сатирические журналы рисовали на него карикатуры, так как первые шаги воздухоплавания были не вполне удачны.

До Царского Села пассажирские поезда не останавливались. Описывать Царское Село мы не станем: оно отражено во многих трудах, коснемся лишь его бытовой стороны. Царское Село было зимней резиденцией последнего царя, это накладывало известный отпечаток. На вокзале поражала тишина, все вели себя чинно, не было суматохи. Прохаживались рослые жандармы, которые устраняли всякое нарушение тишины и порядка, хотя особая царская ветка и вокзал находились в другом месте, недалеко от Александровского дворца. В самом городе тоже сохранялись чинность, тишина и порядок. Было много полиции, повсюду встречались военные, там стояли гусарский полк, желтые кирасиры, стрелки императорской фамилии. Было много свитских военных, конвоя, специальной дворцовой полиции и шпииков. В связи с отсутствием фабрик и заводов рабочего люда почти не было. На улицах кроме военных были видны дворцовые служащие, домовладельцы, пенсионеры, чиновники, «благонадежные» ремесленники, прочий проверенный люд. Все вертелось вокруг резиденции царя, было связано с дворцом. На улицах, в парках, в проезжавших экипажах можно было видеть министров, шикарных дам, блестящих военных или же степенных купцов, сдержанных чиновников и их семьи.

Во время пребывания во дворце царя в Александровский парк простую публику не пускали. Но когда царя не было, даже штатские молодые люди гарцевали по разрешенным маршрутам аллей верхом и иногда встречали широкое ландо с нарядным кучером, в котором прогуливали великих княжон. Они приветливо улыбались, махая платочками, в ответ на почтительные поклоны наездников. В остальные же парки — Екатерининский и Баболовский — вход для

всех был свободен. Петербуржцы приезжали погулять в парках, катались по озеру, осматривали достопримечательности. Город был скучный, оживления не было даже в парках. Лишь летом, в «царские дни», на военном поле устраивали гулянья — балаганы, лотереи, развлечения, подобные тем, которые мы описали, говоря о Петергофе.

Но кто бы ни был здесь, в этом чисто убранном, строгом городке, кто бы ни бродил по выметенным аллеям парка, никто не мог не вспомнить о мальчике-лицеисте, придавшем этому небольшому клочку земли неувядающую славу. Всяк, и стар и млад, остановится перед памятником, изображающим поэта сидящим в задумчивости на садовой скамье. День открытия этого памятника — 19 октября 1900 года — собрал, надо думать в последний раз, лицеистов, не только петербуржцев, но и прежних выпускников, давно служивших в других городах России.

* * *

*...Свистки паровозов и железнодорожные
звонки мешались с патриотической
какофонией увертюры двенадцатого года,
и особенный запах стоял в огромном
вокзале, где царил Чайковский и Рубинштейн.*

О. Мандельштам

Иной характер носил Павловск: там летом жизнь была ключом. Кроме постоянных жителей сюда на лето съезжалось много дачников и в собственные виллы, и в скромные наемные дачки по разным Солдатским и Матросским улицам, в деревни Глазово и Тярлево. Кроме дачников и постоянных жителей по вечерам приезжало много петербуржцев «на музыку». Главной притягательной силой Павловска был вокзал с концертным залом и великолепный парк, разбитый в долине речки Славянки. К вечеру поезда ходили часто. Поезд подъезжал к платформе, в нескольких шагах от которой за стеклянными дверьми был концертный зал.

Здание музыкального вокзала представляло собой огромное, хорошей архитектуры деревянное строение с двумя крыльями. В левом помещался ресторан, в правом — кафе и читальный зал. Концерты давались внутри здания, в теплые вечера оркестр выходил на наружную эстраду, публика сидела на скамейках, расставленных на площадке перед эстрадой. Симфонический оркестр был хорош так же, как дирижеры и солисты. Программа концертов составлялась из классических произведений. Вход был бесплатный. На концерты пускали всех, даже с детьми. В глубине площадки стояла раковина для духового оркестра, в которой оркестр гвардейских стрелков под управлением бессменного капельмейстера Сабателли в антрактах исполнял легкую музыку.

Придерживаясь в основном русского классического репертуара — Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, некоторые дирижеры отваживались и на музыку, в то время новаторскую, европейских композиторов. Этим отличался Хессин, ученик Никиша. Он исполнял произведения Рихарда Штрауса, Дебюсси, Франка. А для привлечения публики, менее искушенной в музыкальном отношении, приглашались артисты, так сказать, на все вкусы — Шаляпин и даже Вяльцева — общая любимица, хоть и со своеобразным репертуаром.

И симфонический оркестр, и весь этот комплекс содержало правление Царскосельской железной дороги. Оно получало доходы от платы за проезд многочисленной публики. Стоимость билета была немного повышенной. Приносили также доходы ресторан и кафе, теннисные корты. Приезжало немало знатоков симфонической музыки, но большинство публики составляли люди, которые считали, что вечером нужно быть в Павловском вокзале, встретиться со знакомыми, себя показать, людей посмотреть, поинтересоваться модами, завести новые знакомства. Такие люди часто делали вид, что они внимательно слушают серьезную музыку, а сами с нетерпением ждали антракта, чтобы поболтать со знакомыми. Несколько раз в лето устраивались платные балы, вход

стоил рубль. Балы приносили доход железной дороге. Середина курзала освобождалась от стульев, военный оркестр играл танцы, которыми дирижировал балетный артист Берестовский. Публики бывало много. Все старались прифрантиться. Выдавались призы за красоту, за лучшее исполнение танцев. Открывались буфеты с прохладительными напитками. Устраивались костюмированные балы.

В противоположность несколько сковывающей атмосфере Царского Села, пребывание в своем дворце и парке великого князя Константина Константиновича с семьей на жизни города никак не отражалось, публику не стесняло. Этого великого князя можно было встретить в аптеке, в магазине, «на музыке», в парке. Перед его дворцом стояла высокая мачта парусного корабля с реями, вантами, прочей оснасткой.

Излюбленным местом прогулок жителей Павловска и дачников был парк. С утра до поздней ночи по его аллеям прогуливалась принаряженная публика, катались в экипажах. В парке было очень много велосипедистов. Они носились целыми стайками. Велосипеды были самых различных марок и даже заказные. Некоторые заказные велосипеды имели сплошь никелированную раму, необыкновенно низко изогнутый руль и высоко поднятое седло. Велосипедист на нем принимал неимоверно изогнутую форму, чем приводил в восхищение девиц. По парку гарцевали артиллерийские и казачьи офицеры — казачий полк и артиллерийская бригада стояли в Павловске.

На окраине парка, в деревне Тярлево, была ферма — в русском стиле домик с верандой. На ферме можно было позавтракать, выпить молока, сливок, кофе. Обслуживали публику девушки, разодетые в нарядные русские костюмы с кокошниками. Посетителей, особенно молодых людей, бывало много, они приходили полюбоваться на красавиц и за пятак выпить большой стакан молока с ломтем черного хлеба. На поле около Глазова делал свои первые шаги футбол. На полях вокруг выращивалась знаменитая павловская земляника.

Рядом с курзалом был деревянный театр, в котором играли петербургские артисты. Перед самой империалистической войной недалеко от вокзала помещался «скетинг-ринг» — новинка того времени. Праздная публика вечерами каталась там на роликовых коньках: нельзя было отставать от моды.

Промежуточные станции от Павловска до Вырицы не представляли интереса. Дачи там были недорогие, кругом заболоченные леса. Вырица в описываемое время только начала развиваться, проводили дороги, дачи строили главным образом по правому берегу реки Оредеж. Повсюду стучали топоры, работал лесопильный завод. Прелесть Вырицы, как и Сиверской, была в прекрасных лесах, местами совершенно нетронутых, и в живописной долине реки Оредеж, а в ней водилась рыба, было множество раков. Леса привлекали охотников. После Петрова дня в лесу тут и там можно было встретить человека в болотных сапогах с двустволкой, с легашом или пойнтером. Грибов и ягод в лесах было видимо-невидимо, но «уважающие себя» дачники считали ходить за ними ниже своего достоинства и предпочитали покупать ягоды и грибы у крестьян. Ловить же рыбу и раков не считалось зазорным, тем более заниматься охотой.

Вечером в воскресенье платформы и станции заполнялись отъезжающими и провожающими. Дачники считали обязательным и встречать, и провожать пап всем семейством. Папы должны были казаться отдохнувшими, счастливыми, что они повидали жену и домочадцев. На станции им давались наставления, делались последние упреки. Наконец свисток подходящего паровоза, последние поцелуи, и папа бросался на штурм вагона. Потом папы успокаивались, находили общий язык, говорили о стоимости дач, связанных с ними расходах и мучениях.

Говоря о дачах, нельзя обойти и тему, не раз обыгранную, но и неизбежную, — дачные гости. Все мы, русские, народ общительный, гостеприимный, и по весне, наняв дачу, еще хорошенько не ознакомившись с обстановкой, на радостях начинаем довольно

неосмотрительно приглашать всех кругом навестить нас: приезжайте, мол, подышать, кругом ягоды, грибы... Чаше, конечно, друзьям бываем рады, особенно под осень, когда наскучат дожди, отсутствие городских удобств. Но — гость гостю рознь. Бывает гость вредный. Это тот, который «счел долгом» со всем семейством без предупреждения и приглашения, но исключительно ради внимания и почтения навестить знакомых на даче и прожить у них несколько дней. Такие гости были бедствием. Запасы истреблялись, все расчеты рушились. Хозяева спали где придется, на чем попало. Но все это ерунда по сравнению с невероятными усилиями игры в радость по случаю приезда непрошенных гостей. При отъезде принято было выражать сожаление, что мало погостили, и приглашать, чтобы приезжали еще.

* * *

*Здесь рыбак пронес уду —
Верен вольному труду.*

В. Хлебников

По Северной железной дороге дачными местами были Пелла и Мга, которые только начинали застраиваться. Были дачники и в Усть-Ижоре, на Понтонной и Саперной, в Ивановском на Неве, при впадении Тосны. Все это были весьма скромные места, с дешевыми дачками и небогатыми дачниками. Начиная с Ивановского шли хорошие леса. В Пелле и Мге рубили просеки, прокладывали дороги. По Неве главной дачной местностью были Островки и Мойка.

Вообще дачников по Неве жило немного, сообщение было пароходами, которые ходили довольно редко, но места были отличные.

Красавица Нева, с ее знаменитой невской лососиной, вообще была богата рыбной ловлей. Великолепные леса с прекрасной охотой. Сюда приезжали те, кто искал тишины на лоне природы, любил охоту, рыбную ловлю и водный спорт. Было много гребных лодок, парусных яхт. По берегам Невы встречались

большие собственные дачи с усадьбами. Скученных поселков не было, поэтому дачники жили отчужденно, общественных развлечений не было. Купаться надо было с оглядкой: глубокая, широкая река, быстрое течение, холодная вода. Ладожское озеро давало себя знать: оттуда дули холодные ветры.

Выше Мойки берега Невы были заселены еще меньше, дачи встречались редко. Грузовое движение было большое: буксирные пароходы тянули громадные плоты, главным образом с реки Оять, волокли баржи с хлебом с Волги или дровами с той же Ояти, Волхова, Шелони, с Тихвинки и Сома. Тянули песок, бутовую плиту с Путилова на Волхове, кирпич с берегов Невы. Все это заставляло быть очень внимательным того, кто катался или рыбачил с лодки. Часто были слышны тревожные гудки буксирных пароходов.

С Финляндского вокзала шла лишь одна линия — на Выборг. Здесь было много дачных населенных мест: Ланская, Удельная, Озерки. Да, Ланская была дачной местностью, как и Лесное. Семья одного из авторов два года жила на даче в Лесном, недалеко от парка Лесного института. В Лесное можно было приехать на паровичке. Удельная, Озерки, Шувалово были веселые дачные места, с театрами, танцами, катанием на лодках по озерам. Лесное было более тихим дачным местом, хотя театр там тоже имелся. На Шуваловском озере был яхт-клуб. За лето здесь устраивалось несколько парусных гонок. Дачники гуляли в Удельнинском парке и ближайших лесах — Сосновке, Пискаревском лесу.

При входе в Шуваловский парк была горюшка под названием Парнас. Дворец Шувалова был запущен, никто там не жил, парк походил на лес.

Следующей станцией было Парголово, с поселком на горе и маленьким озером. Дачи были недорогие. Остальные дачные места до финляндской границы ничем не выделялись. Разве только что при станции Левашово был хороший парк с озером, который теперь носит искаженное название «Осиновая роща», хотя осин там нет. На самом деле парк назывался «Осиная роща», потому что было много ос. До Токсова же

лезной дороги не было. Местные жители и немногочисленные дачники добирались в этот чудесный уголок на подводах по дороге через Лесное на Гражданку либо по дороге через «Осиную рощу» на Юкки. Граница с Финляндией была за Белоостровом по реке Сестре. За Белоостровом шли дачные места по берегу Финского залива: Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Териоки (Зеленогорск), Тюрисяви. Здесь стояли виллы с огромными участками. В последнее десятилетие прошлого века эти места сделались модными. Постройки были настолько богаты, что дачи Репина «Пенаты», писателя Леонида Андреева выглядели скромно. (Теперь в оставшихся дачах разместились дома отдыха.)

Владельцы дач на береговых участках имели моторные и парусные яхты, а в Териоках был яхт-клуб. Здешние дачники иногда ездили на концерты в Сестрорецк. Переезд границы не замечался, проверки паспортов и таможенного досмотра не было. Если становилось известно, что в Финляндию везут в большом количестве водку, осматривали более тщательно, но, как правило, ничего не находили.

Вся Финляндская железная дорога обслуживалась финнами в голубых кепи и в форменных тужурках. В Белоострове еще были русские жандармы, а в Териоках на станциях стоял финский полицейский в черной каске, мундире со светлыми пуговицами и тесаком с белой металлической отделкой. Деньги ходили общероссийские и финские марки из расчета 37 копеек. Бывали курьезы, когда финн-извозчик не хотел везти дачника за 50 копеек, а за марку с удовольствием соглашался. По обеим сторонам железной дороги был сплошной лес, который теперь очень поредел. Поведение финнов нередко вызывало недоумение. Скажем, в лесу, далеко от жилья, на лесной дороге на суку висит большой кувшин с молоком. Российский дачник детально все осмотрит, пальцем даже попробует содержимое, а дома у хозяина-финна спрашивает, что все это значит. Тот объясняет, что в версте от дороги есть хутор, откуда и поставляется молоко для почтальона, который каждый день проезжает мимо и оставляет пустой кувшин. Или же один из авторов

на Сайменском канале наблюдал такое. Вечером пароходик шел среди леса. У маленькой пристани, где не было ни одного человека, с парохода сгрузили несколько тюков. Пароходик свистнул и пошел дальше. У матроса спросили: как же, мол, сбросили тюки, а сами уехали? Финн, посасывая трубку, объяснил, что в 12 километрах от пристани есть большое селение. Утром из селения приедут и мануфактуру заберут. Если придешь в лавку, за тобой никто не следит, а ты, взяв что нужно, платишь деньги, тебя не проверяют.

* * *

*Белеют плоские кутальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!*

Вл. Ходасевич

Отдых на финских дачах был хорош: кругом леса, озера, море, много черники, брусники, грибов, но страшная скука, малоллюдно. Только в Териоках был летний театр, но и он как-то не процветал.

Поедем, любезный читатель, по Сестрорецкой железной дороге. Это была отдельная железная дорога. Деревянный маленький вокзальчик с хорошим буфетом и садиком находился в Новой Деревне, между «Виллой Родэ» и рестораном «Славянка». «Вилла Родэ» — фешенебельный ресторан с эстрадой, великолепными оркестрами и первоклассной кухней. «Славянка» находилась на самом берегу Невки, рядом с пристанью, куда подходили пароходы, а зимой подкатывали тройки с озябшими гуляками, чтобы выпить глинтвейна. Эта дорога имела две линии: одна — на Скачки и дачное селение Коломяги, другая — вдоль Финского залива до Сестрорецкого Курорта и Дюн. Колея этой ветки была обычная, имперская, вагончики и маленький паровичок, зашитый в железную коробку, выкрашены в ярко-желтый цвет. Против вокзала на Невке была пристань, к которой подходили пассажирские пароходы и баржи с грузом. К

пристани был проложен железнодорожный путь, грузились товарные вагончики. Эта частная железная дорога летом была очень оживленной. Много публики ездило на ипподром на станцию Скачки. Много дачников путешествовало в Коломяги.

На скачках работал тотализатор, возбуждая азартнейшую игру. Через подставных лиц играли и сами жокеи. Картина скачек была эффектна: лошади несутся полным галопом, жокеи в цветных колетах, шапочках, ботфортах с желтыми отворотами, помогая лошади, буквально нависают над ее головой.

Коломяги было уютное дачное место; дачи недорогие, дачники общались между собой, ставили любительские спектакли, танцевали. Близость Озерков, Удельнинского и Шуваловского парков, окрестных полей и пролесков создавала хорошие условия для отдыха. Близость города была удобна для местных жителей, служащих в столице.

По другой линии этой же дороги на Сестрорецк первой станцией была Лахта. Здесь было два теннисных клуба. Один из них — старейший — был вообще первым клубом в России. Но большей популярностью пользовался второй — «Клеверный листок», по видимому из-за более усовершенствованных кортов, где и проходили все соревнования. Это привлекало и публику Петербурга, потому что тогда устраивались танцевальные вечера — развлечение и для дачников близлежащих мест.

Следом за Лахтой — дачный поселок Ольгино. Здесь всегда было много дачников, которых устраивала близость к городу и, конечно, возможность купаться в Финском заливе, да и дешевые цены. В прибрежных камышах водились утки, дачники на челноках уходили в залив ловить рыбу. В описываемое время купались с лодок, а на пляже располагались в одном месте женщины, в другом — мужчины. Такой порядок соблюдался строго.

Следующей станцией была Раздельная, ныне Лисий Нос. Тогда это было небольшое, неинтересное имение, связанное с ужасами казней через повешение политических, осужденных после первой рус-

ской революции. От Раздельной шла ветка длиной около 3 километров на самый мыс, названный, как и вся местность, вдающаяся в залив, Лисьим Носом. На оконечности мыса была деревянная пристань, куда заходили пассажирские пароходы из Кронштадта, а паровозик с двумя-тремя вагончиками по согласованному расписанию доставлял пассажиров до Раздельной. Из Кронштадта приезжали дачники, селившиеся на станциях Сестрорецкой ветки, или те, кто в Сестрорецком Курорте хотел провести хотя бы несколько часов вне скучной и строгой морской крепости. Пристань и ветку Лисьего Носа обслуживали Военно-морское ведомство, имевшее здесь разного рода постройки и сооружения.

Далее вдоль ветки был поселок Разлив — одно из любимых дачных мест петербуржцев. Сам разлив с обширной акваторией, образовавшейся в результате запруды реки Сестры, служил местом купания, рыбной ловли, охоты, парусного спорта. На берегу стоял большой деревянный театр, где любители ставили спектакли, после которых обязательно устраивались танцы. За Разливом находился городок Сестрорецк с чистенькими улицами и веселыми домами. Главным в Сестрорецке был знаменитый старинный ружейный завод, где тогда делались русские трехлинейные винтовки. Завод был небольшой, но имел прекрасных специалистов, рабочих и инженеров, которые пользовались в городе уважением. При заводе был полигон, где пристреливались готовые винтовки. Целыми днями оттуда слышалась стрельба, что несколько утомляло. Дачников приезжало много. Хорошие пляжи, «Дубки» — роща, посаженная еще при Петре I, сосновый лес, живописный разлив, близость курорта привлекали петербургского обывателя.

Сам Сестрорецкий Курорт состоял из небольшой лечебницы, окруженной сосновым парком, дорогого ресторана и большого концертного зала — деревянной постройки интересной конструкции. В этом курзале летом давали концерты в исполнении постоянного симфонического оркестра, устраивали балы. На этом курорте главным занятием был флирт, а не

лечение. Против парка шла длинная дамба с пристанью, к которой подходила железнодорожная ветка. Эта ветка добиралась сюда по самому пляжу, между двумя невысокими заборчиками. Вдоль этой ветки, параллельно берегу, пролегла длинная застекленная галерея, где в ветреные и ненастные дни прогуливалась курортная публика.

Когда поезд приходил на станцию Курорт, состав отцеплялся, а паровозик с двумя вагончиками шел дальше, в Дюны, где был полустанок Школьная. Такое название полустанок получил потому, что там было учебное заведение для больных мальчиков, которые жили там на полном пансионе и учились. Вокруг школьных помещений на дюнах шумели сосны.

* * *

*И хозяйка гостя вводит,
И хозяин госте рад.
Гости бродят, калобродят,
Интригуют наугад.*

А. Белый

Пригороды Петербурга, как и окраины его, непрерывно застраивались новыми, более благоустроенными домами, деревянными и каменными. К сожалению, и то и другое строительство сопровождалось вырубкой леса, что сразу меняло вид местности. Однако в наше время даже появление каменных домов не выглядело урбанизацией — сельский характер поселков сохранялся. В связи со строительством мы расскажем, как происходила закладка домов.

Закладка дома относится к обычаям, навсегда ушедшим из нашей жизни. Надо различать закладку дома с технической точки зрения, когда укладываются первые камни фундамента, и закладку дома как религиозный обряд и семейный праздник. Обычай этот еще сохранился на окраинах города и в пригородах до наших дней.

Когда каменное здание выведено из цоколя, а деревянное имеет уже два венца, хозяин назначал день

праздника — закладки. К этому времени на лесах ставился деревянный крест, высоко возвышающийся над постройкой. Кроме того, в каменной кладке оставлялось место для небольшой свинцовой коробочки, а в деревянном венце вырубалось гнездо для такой же коробочки. Место вырубки выбиралось в восточном углу будущего дома.

Обычно в воскресенье, после обедни, собирались у постройки семья хозяина, священнослужители и приглашенные родные и друзья хозяина, а также рабочие и десятники, занятые на этой стройке. На грубо сколоченном столе ставились икона и миска с водой. Начинался молебен с водосвятием. Священник при пении молитв погружал крест в миску с водой для ее освящения. Молились о «ниспослании благодати и благоденствия дому сему», дьякон зычным голосом провозглашал «многолетие» хозяину и его потомству, затем все подходили целовать крест, при этом священник кропил каждого святой водой. Десятник вставлял в гнездо свинцовую коробочку и наливал в нее вареного постного (обычно так называемого «деревянного») масла. Потом все подходили к гнезду: сначала священник, который кропил святой водой эту коробочку, затем хозяин, его близкие и гости, причем каждый клал в коробочку монету чеканки того года, в который производилась закладка. Затем края коробочки загибались наглухо, и сразу же над коробочкой укладывалось два-три ряда кирпичей, а в деревянных домах гнездо с коробочкой забивалось деревянной пробкой. Тотчас вслед за этим укладывался заранее заготовленный следующий венец.

Далее с пением молитв обходили всю постройку, причем священник все время кропил, а дьякон кадил. По окончании этого ритуала хозяин приглашал всех «откушать хлеба-соли». Если была хорошая погода и тепло, то угощение устраивалось тут же, на наскоро сколоченных столах и скамейках. Если погода была плохая, то приглашали домой или в кухмистерскую. За угощением соблюдалась полная демократия: садились за один стол все, не соблюдая главенства и чина, — рабочие, гости, хозяева. Произносились тос-

ты, разные пожелания хозяину дома и его семье. Рабочие благодарили за угощение и говорили: «Постараемся, будьте покойны, не сумлевайтесь, все будет в аккурате». Если угощение устраивалось на открытом воздухе, закуска, выпивка и посуда приносились в корзинках. Праздник при этом принимал более непринужденный характер. Помогали каждый кто чем мог: мужчины откупоривали бутылки, рабочие топорами вскрывали банки с консервами, топорами же рубили керченские селедки тут же, на столе. Получалось что-то вроде пикника, было весело, забавно, поскольку люди выходили из обычной колеи. Священнослужители тоже обязательно приглашались к столу, причем дьякон снова провозглашал громовым голосом «многолетие».

Часа через два-три все расходились по домам, многие под сильным хмельком.

Деревянный крест оставался до тех пор, пока дом не был подведен под крышу. Тогда его снимали и отдавали какому-нибудь бедняку.

Закладка надолго оставалась в памяти и служила предметом разных пересудов и примет. Говорили: «Дому этому долго не стоять! Поскупились, мало денег положили в коробочку, сам хозяин и тот пожалел денег, всего полтинничек положил!» Или: «Крест-то во время молебна покосился, не бывать добру».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.*

А. Блок

Мы завершаем наше повествование временем, когда старый Петербург перестал существовать, — началом русско-германской войны.

На памяти у нас большие манифестации разнословной толпы еще до объявления войны. Петербуржцы, как и вся Россия, были единодушно возмущены наглым ультиматумом Австрии к Сербии. События разворачивались страшно быстро. Ультиматум следовал за ультиматумом, и наконец Германия объявляет войну России.

Теперь манифестации приняли в Петербурге грандиозные размеры, вызванные патриотическими чувствами народа. Большинство понимало, насколько положение серьезное, — враг силен и нагл, авторитет правительства подточен до предела, предстоит много испытаний.

Правящие круги и церковь старались подменить лозунги патриотов «За родину!» воззванием «За веру, царя и отечество!». Это вызывало протест в народе,

многие не присоединялись к демонстрациям, которые несли портреты царя и иконы. Слышались реплики: «Как же царь будет воевать, когда жена его немка и окружена немцами?!»

Народные демонстрации наконец завершились разгромом германского посольства на Исаакиевской площади. Громили здание посольства дня три: сломали двери, выламывали решетки окон, выбрасывали мебель, целиком шкафы с бумагами, и наконец было скинуто с аттика здания бронзовое олицетворение воинствующей Германии — два тевтона, держащие коней. Этот разгром посольства привлек громадные толпы людей. Сквер перед Исаакием был вытоптан, на мостовой валялись обломки мебели, куски железных решеток, книги, бумаги. Толпа выкрикивала ругательства и проклятия в адрес кайзеровской Германии и самого кайзера. Полиции там мы не видели — полицейские понимали, что соваться под руку возмущенной толпы — дело опасное.

Война и мобилизация перевернули всю жизнь столицы: в два-три дня ушла вся гвардия. Толпы родных и знакомых провожали полки на вокзалы и станции. Была масса добровольцев. Уходившим солдатам незнакомые им люди совали в руки папиросы, продукты, носильные вещи. Многие провожавшие женщины плакали. Все относились к грядущим опасностям трезво и в переносном смысле, и в прямом — продажа водки и крепких напитков была запрещена. Погрузка полков в вагоны производилась очень быстро, надо сказать — в полном порядке. Чувствовался подъем — народ был готов защищать родину. Отъезжали полки, уходили на войну запасные, население Петербурга оставалось в тревоге за родину и за близких.

Канула в безвозвратное прошлое и жизнь старого Петербурга, с ее плохими и хорошими сторонами. Настала недолговечная пора Петрограда.

Авторы этой книги были представителями последнего поколения петербуржцев в полном смысле этого слова: их вкусы, манеры, взгляды, привычки — все то, что объединяется понятием личности, — в значительной мере сложились еще до превращения Петербурга в Петроград. Знакомясь с их воспоминаниями, мы соприкасаемся с ныне исчезнувшей культурой среднего слоя петербургской интеллигенции. Именно благодаря этому классу людей — хорошо образованному, хорошо обеспеченному своим трудом и вместе с тем довольно многочисленному — столичная культура, создававшаяся художественной, научной, инженерно-технической и просто светской элитой, шла вширь и становилась явлением массовым, общегородским. Широта интересов, яркость наблюдений, непредвзятость суждений и оценок, живая речь, юмор и, несмотря на все пережитое после 1914 года, оптимистическое жизнеощущение — это не только достоинства авторов этой книги, это родовые черты истребленной и вымершей породы последних петербуржцев.

Дмитрий Андреевич Засосов (1894—1977) родился в Петербурге в семье управляющего одним из крупнейших домовладений города. Закончив классическую гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета. По

окончании университета работал в адвокатуре в Кронштадте, затем в Петрограде — Ленинграде до выхода на пенсию в 1958 году.

Владимир Иосифович Пызин (1892—1983) родился в Казани в семье почтового чиновника. Начальные классы гимназии прошел в Петербурге, окончил гимназию в Казани, после чего поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. Еще студентом с увлечением участвовал в изыскательских партиях на трассах железных и шоссейных дорог. Изыскания стали его специальностью. После революции работал в «Гипролестрансе» и в НИИ «Промтранспроект», одновременно преподавал в ЛИИЖТе. Автор ряда научных публикаций. В 1942 году был мобилизован, тяжело контужен на фронте. Будучи инвалидом Великой Отечественной войны, продолжал работать до 1958 года, когда вышел на пенсию, чтобы, по его словам, «заняться другим» — воспоминаниями. Стремление поделиться ими с младшим поколением и объединило авторов этой книги, склонных к гуманитарным занятиям. Обладая исключительной памятью, они принципиально не пользовались в своей работе ни справочными и никакими другими информационными материалами.

Составитель и комментатор выражают глубокую благодарность Наталии Борисовне Ветошниковой и Юрию Михайловичу Красовскому, оказавшим им громадную помощь в подготовке этой книги к изданию.

Воспоминания Д. А. Засосова и В. И. Пызина охватывают почти 20 лет жизни Петербурга перед трагическим поворотом его судьбы. В мае 1914 г.¹, когда петербуржцы, как обычно, разъезжались, никто не знал, что вернуться они не в Петербург, а в Петроград, из XIX в. сразу попадут в XX (Ахматова А. П. 5²). По сравнению с этим переломом изменения, происшедшие в предшествовавшие 20 лет, могут казаться несущественными. Но это впечатление неверно.

В середине 90-х гг. оживились торговля и промышленность; был понижен железнодорожный тариф; хлынула в столицу рабочая сила, открылись новые учебные заведения, привлекая в город массу молодежи. Квартир не хватало, цены на них поднялись, как никогда, зиму 1895/96 г. многим пришлось коротать в пригородах. Началась «строительная горячка». 1903 г.: «Везде леса и леса; два-три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица. Домики почти исчезли, на их местах, как грибы, в одно, много в два лета, повыросли каменные домины». 1904-й: «Старый Петербург все уничтожается... Нет ни одной улицы почти, где бы старые двух- и даже трехэтажные дома не ломались; теперь на их месте возводятся новые кирпичные же громады... Удивительно много построек в этом сезоне, несмотря на тяжелое, военное время» (Минцлов С. 24, 25, 92). Прежде город рос преимущественно на юг. Открытие Троицкого моста дало сильнейший импульс застройке Петербургской стороны. Ее провинциальные улочки превращались в каменные ущелья. В 1897—1913 гг. население Петербурга возросло с 1130 до 1686 тыс. жителей, а его пригородов — со 134 до 332 тыс. Среди европейских городов столица Российской империи уступала только Лондону, Вене и Берлину, продолжая расти на 50—55 тыс. человек в год...

Единственным источником в работе Д. А. Засосова и В. И. Пызина над этой книгой была их память. Материалы тех лет и краеведческая литература убеждают в полной достоверности их воспоминаний. Но авторы не претендовали на всесторонний охват предмета, поэтому, прежде чем перейти к комментированию текста, коснемся тех сторон жизни Петербурга, о которых они не говорят. Интересно в первую очередь то, чем столица выделялась среди других городов России и Европы.

Предреволюционный Петербург принято считать городом с чрезвычайно высокой плотностью населения. В действительности же провинциальный Саратов отставал в этом отношении лишь на 16%, Москва была заселена в полтора раза плотнее, а Лондон, Париж, Берлин — более чем вдвое плотнее Петербурга. Иллюзия перенаселенности возникла из-за особенностей планировки и застройки Петербурга: кварталы — самые крупные в Европе, в 5—10 раз крупнее, чем в Москве или Саратове; дома, тоже самые большие в Европе, занимали из-за дороговизны земли до 80% участков;

¹ Все даты в комментариях даны по старому стилю.

² Полное библиографическое описание цитируемых источников помещено в конце комментариев в разделе «Список сокращений».

территория площадей и садов в целом по городу была ничтожна. Каменное тело Петербурга было громадно, свободного пространства оставалось мало. Поэтому по числу жителей на единицу уличного пространства столица оставляла позади любой город империи. А людность улиц создавала впечатление перенаселенности города. В противоположность обычным русским городам, чьи обыватели ютились в своих домишках среди обширных огородов, садов и пустырей, Петербург можно назвать «городом-интерьером». Приезжих он поражал обилием зелени не во внешних пространствах, а в вестибюлях, холлах, эркерах, оранжереях.

Тем, кто хранил в душе образ деревянной России как родного и естественного мира и для кого Петербург был «Петрополем» — «камнем-городом» по мифической сути, он мог представляться сплошь каменным («серокаменное тело» — А. Блок) или даже гранитным («гранитный город славы и беды» — А. Ахматова). Но на самом деле каменных домов в нем насчитывалось чуть больше половины, тогда как Тифлис был каменным на 99%, Одесса — на 96, Варшава — на 82%.

Хотя Петербург с его почти 700 фабриками и заводами и 119 тыс. рабочих и был крупнейшим наряду с Москвой промышленным центром России, отнюдь не промышленностью определялось лицо столицы. Фабричные рабочие составляли здесь всего лишь 7,6% населения, тогда как в Москве их было 8,3, в Риге — 14,3, а в Лодзи — 18,3%. По объему промышленной продукции на душу населения Петербург в 1,6 раза уступал Лодзи, хотя и шел впереди остальных крупных городов России. И по производительности труда он не был первым, уступая на 22% Одессе и идя вровень с Саратовом.

«В Петербурге наборщик в типографии сносно набирает с таких рукописей, которые в Москве кажутся совсем неразборчивыми; официанты обслуживают большее число посетителей в ресторане; банщики дольше могут мыть; извозчики способны благополучно ездить по улицам с бойким движением; ломовики несут большую тяжесть; городские способны до некоторой степени разбираться в нарушениях порядка уличной жизни; почта способна выполнять спрос на ее услуги. <...> Мне приходилось наблюдать (в Москве. — А. С.) работу маляров и столяров при ремонте квартиры; их продуктивность труда была в четыре раза ниже такой же работы в Петербурге. <...> В Петербурге... дворники не стали бы жить в таких помещениях, как в Москве, да и полиция не допустила бы даже возможности отведения таких помещений для служащих» (Мертваго А. 183—185). Доходы петербуржцев (включая промышленных рабочих) были выше, чем в других городах России, поэтому Петербург не знал себе равных по концентрации торговли и услуг на улицах, по товарообороту в приведении к версте уличного фронта.

Если искать специфически петербургские причины близкой катастрофы, то в глаза бросаются нищета и нравственная ущемленность 80-тысячной армии домовой прислуги — дворников, прачек, сторожей. Для петербургских домовладельцев эти люди были едва ли не самым дешевым (сравнительно с другими городами) «предметом» первой необходимости. В Варшаве им платили в 1,6 раза больше, в Саратове — в 1,9, в Тифлисе и Харькове — вдвое, в Киеве — в 2,3 раза, в Москве — в 2,5, в Одессе — в 2,9, в Риге даже

вчетверо больше, чем в Петербурге. За их счет владельцы недвижимости умножали прибыль от сдачи квартир. Беспечное благополучие хозяев не могло не вызвать зависти и озлобления у тех, кто прислуживал им за гроши. Да и в съёмщиках квартир, плативших в Петербурге сравнительно недорого, домовая прислуга видела косвенных виновников своей нищеты: ведь чем меньше домовладелец брал с жильцов, тем меньше давал он прислуге. Между тем отстаивать свои интересы с таким успехом, как это удавалось фабричным рабочим, эти обездоленные люди не могли. Будучи рассеяны по всему городу, они не способны были организоваться. Любое проявление недовольства грозило каждому из них мгновенной потерей места, потому что в Питере всегда был избыток неквалифицированных работников. Нет ничего опаснее злобы, годами не находящей выхода. Для «бывших» самой страшной бытовой фигурой первых послеоктябрьских лет станет прежний дворник — отныне истинный вершитель их судеб.

Другая темная сторона петербургской действительности, несовместимая с красотой и европейским лоском столицы, — это чудовищная насыщенность почв и вод нечистотами. В столице Российской империи не было нормально устроенной канализации. Фекалии скапливались в выгребных ямах, откуда их по ночам вывозили за город. Иногда ассенизационного обоза ждали месяцами. Выгребы не были герметичными; почва была так насыщена нечистотами и газами, что приходилось опасаться за здоровье землекопов. С грунтовыми водами все это попадало в реки и каналы. Фекалии проникали и в деревянные трубы для сточных вод, причем некоторые стоки располагались в берегах Невы выше пунктов забора воды. Местами на реках стояли, распространяя зловоние, баржи для вывоза нечистот в залив. Бывало, баржи, ежедневно наполнявшиеся до отказа, месяцами не трогались с места, потому что их хозяева тайком выпускали нечистоты в реку. «Петербург стоит на Исполинском нужнике», — заметил один врач в Городской думе (Мережковский Д. 118). Между тем водопроводов не хватало для снабжения всего города питьевой водой. Местами се приходилось брать прямо из Невы или ее рукавов.

Надо ли удивляться тому, что постоянным фоном петербургской жизни были эпидемии холеры? «Каждый день на страницах «Нового времени» печатается Memento mori³: «Заболело 17 человек, умерло 9». Кажется, на всем Петербурге, как на склянке с ядом, появилась мертвая голова. Сведущие люди уверяют, будто бы холера никогда не кончится и устье Невы делается необитаемым, как устье Ганга: «Петербургу быть пусту!» (Мережковский Д. 114).

По смертности (28,5—30,4 человека в год на 1000 жителей) Петербург прочно держал первое место не только среди крупных городов империи, но и в сравнении с европейскими столицами: в Лондоне, Вене, Париже она держалась на уровне 19,0, в Стокгольме — 18,0, в Копенгагене — 16,8, в Берлине — 16,3. Самым страшным бичом Петербурга был туберкулез (до 20% умерших). Почти столько же петербуржцев умирало от желудочно-кишечных расстройств. Корь, дифтерит и тиф давали в сумме около 18% смертей. Помимо скверного климата и ужасающих санитарных усло-

³ Помни о смерти (лат.).

вий — причин множества смертей среди непривычного пришлого населения — высокая смертность была вызвана еще и очень большой долей детей в возрастной структуре столичного населения (Енакиев Ф. 30, 31; Чериковер С. 108; Раевский Ф. 35).

Приходится признать, что ни в каком другом городе империи человеческая жизнь не подвергалась ежечасно такой опасности, как в Петербурге. Поэтому ни один из крупных городов не нес и таких расходов, как Петербург, по медицинской и санитарной части в расчете на 1 жителя. Обеспеченности петербуржцев больничными койками мог позавидовать любой город России, но это была борьба с последствиями, а не с причинами экологического неблагополучия.

На то, чтобы избавиться от самих причин, у города не хватало денег. Как ни парадоксально, Петербург с его богатым населением впятеро (!) уступал Москве по размеру муниципальных капиталов на душу населения. Это было вызвано тем, что до революции Петербург так и не успел воспользоваться в полной мере теми преимуществами, какие сулила происходившая в те годы перестройка городского хозяйства. К 1910 г. Петербург в основном завершил выкуп у концессионеров предприятий городской инфраструктуры — водопровода, трамвая, телефонной сети, типографий, скотобойни, Сенного и Андреевского рынков, складов, ассенизационного обоза и проч. Раньше львиную долю дохода давал городу оценочный сбор — двухпроцентный налог с частнособственнической недвижимости. Выжать из земле- и домовладельцев лишнюю копейку на нужды города было невозможно. А теперь основным, и притом постоянно растущим, источником муниципальных доходов становились указанные предприятия. Петербург обрел известную независимость от частного капитала, и впервые в истории города расходная часть бюджета перестала превышать доходную.

Перспективы обнадеживали, но городская казна была опустошена выкупом предприятий, и на значительное ее пополнение в ближайшие годы рассчитывать не приходилось. Во-первых, потому, что содержание и развитие инфраструктуры требовало колоссальных средств. Отныне это была самая большая расходная статья столичного бюджета, по ее весу в структуре расходов Петербург опережал все крупные города империи. Во-вторых, предстояло выплачивать долги петербуржцам, ибо выкуп предприятий оказался возможен лишь благодаря специальным займам. В-третьих, Городской думе никак не удавалось облегчить бремя расходов на содержание расположенных в городе правительственных учреждений. Законом они были освобождены от уплаты городу налогов на занимаемые ими здания. А ведь в стоимостном выражении они владели половиной всей столичной недвижимости. Будь они обложены оценочным сбором, как и частновладельческие имущества, — бюджет Петербурга возрос бы, в оценках 1912 г., на 18%! Мало того, за счет города обеспечивалось квартирное довольствие огромного контингента войск и содержалась городская полиция (Енакиев Ф. 77,78).

Побочным следствием муниципализации инфраструктурных предприятий оказалось то, что Петербург лишился источника дохода, за счет которого города обычно окупают затраты на преоб-

разование земель, — дохода от их перепродажи по ценам, превышающим цену их выкупа у частных владельцев (Енакиев Ф. 58). Вся выручка от таких земельных операций и от сдачи в аренду принадлежавших городу строений, садов и парков, пристаней, вместо того чтобы снова быть пущенной на выкуп частных земель, пошла на «латание дыр» в бюджете. Муниципальной недвижимости становилось все меньше (Степанов А. 1993, 295—303).

Вероятно, в мирных условиях Петербург все-таки поправил бы понемногу свои хозяйственные дела. Но разразилась война, и у великого города вскоре не оказалось средств даже для нормального продовольственного снабжения.

Юношески жизнерадостная интонация, звучащая в воспоминаниях Д. А. Засосова и В. И. Пызина, вряд ли встретила бы сочувствие у властителей дум серебряного века — петербургских мыслителей, писателей, поэтов, общественных деятелей предыдущего поколения. «Мы живем на вулкане» — вот чувство, которым была охвачена культурная элита. «Кругом перебегали странные токи от жажды самоубийства до чаяния всемирного конца» (Мандельштам О. 40). Это освобождало от ответственности за сохранение ценностей текущей жизни. Привязанность к настоящему, трезвая озабоченность сиюминутными практическими делами казались этим людям нестерпимой пошлостью. «Отчужденность от жизни, презрение к «здравому смыслу», мифотворчество, игра ума, любующегося призраками, неприятие реализма» — так охарактеризовал редактор ведущего петербургского литературно-художественного журнала «Аполлон» духовную атмосферу, которой дышали его единомышленники (Маковский С. 128). Отсюда готовность воплощать в жизнь беспочвенные идеи, политическая слепота, неспособность предвидеть реальные последствия назревавшей революции. Оглядываясь на последнюю предвоенную зиму, Анна Ахматова скажет: «Не знали мы, что скоро / В тоске предельной поглядим назад».

Реки, каналы и жизнь на них

Д. А. Засосов и В. И. Пызин не случайно начинают книгу главой о реках и каналах. Ведь в гербе Петербурга скрещиваются с царским скипетром два якоря — речной и морской. Когда город не был еще охвачен гигантской «подковой» районов-спален, увеличивших его территорию более чем вшестеро, весь он был ближе к Неве, казавшейся тогда еще более грандиозной. Водные пространства занимали не 4%, как ныне, а 20% площади города, протяженность рек и каналов составляла в городской черте 135 верст (в Париже, например, всего лишь 14 верст), и вся эта необъятная водная сеть использовалась Петербургом, Россией и Европой несравненно интенсивнее, чем нынче. За 70 лет, отделивших годы работы над книгой от рубежа веков, город отошел от реки, и хозяйственная жизнь на ней замерла, оживляясь лишь по ночам. На фоне «сухопутного» Ленинграда воспоминания о речном Петербурге обладают живописной привлекательностью, в свете которой отходят на второй план раздражавшие современников эстетические издержки бурной речной жизни столицы.

В 1914 г. среди рек России Нева занимала второе место по количеству перевозимых грузов, уступая первенство Волге, и третье место по числу плотов и судов с грузом, уступая второе место Западной Двине. Вся эта армада устремлялась в Петербург, в его реки и каналы. За 1912 г. в Неву вошло 14 242 судна с грузом 276 млн. пудов и вышло 499 судов с грузом 6 млн. пудов. Первое место среди привезенных по Неве грузов занимали дрова, затем кирпич, лес, хлебные продукты, керосин. Около 130 млн. пудов грузов было доставлено в Петербург морем и около 90 млн. пудов отправлено с его морских причалов. Главные статьи ввоза морем — каменный уголь и кокс, затем хлопок-сырец, металлы и машины, химические продукты, фрукты, виноградные вина, рыба, сало, бревна, дрова, краски и столярные изделия; в вывозе преобладали хлеб и лес, масло, сало, деготь, смола, пенька и лен (ПЖ. 42,43).

«Красивую картину представляет Нева, усеянная множеством судов из далеких и близких стран, пришедших сюда. Разноцветные флаги пестрят реку, то и дело доносятся крики матросов, в воздухе слышны французские, английские, немецкие слова. <...> Верфи, доки, пакгаузы, мастерские полны народа, суеты, шума; визжат цепи, блоки, лебедки. То здесь, то там мелькают лодки и пассажирские небольшие пароходы. А с верхнего течения реки неустанно, одни за другими, плывут неуклюжие, неповоротливые баржи, баркасы, изредка паровые суда... Они торопятся поскорее свезти сюда, к морю, свой груз, так как времени мало, навигационный период невелик; того и гляди, река станет и дней на 150 затянется льдом» (Чериковер С. 115,116).

Особенно оживленно выглядели набережные Васильевского острова: «Начиная от Николаевского моста, видна бесконечная перспектива русских и иностранных судов, которые тянутся до самого взморья. Целый лес мачт вырисовывается на синеве неба, теряясь мало-помалу на горизонте. Одни суда стоят на пристани и разгружаются, другие стоят посреди Невы — в ожидании очереди. <...> В 1885 г. открыт был Морской канал из Кронштадта в Петербург, в устье Невы — на Гутуевский остров. Канал этот имеет в длину 26 верст, в ширину от 30 до 50 сажен (и в глубину более трех сажен. — А. С.). При входе канала в Неву, у Гутуевского острова, устроена гавань, или «ковш», как называют его местные жители, для остановки иностранных судов. Эта гавань может вместить в себе самые большие океанские пароходы» (Бахтияров А. 1903. 102). Гавань обеспечивала одновременную стоянку до 100 пароходов (Енакиев Ф. 71).

С. 10

...у Семянниковского завода... Семянниковский завод — ныне объединение «Невский завод» на пр. Обуховской Обороны.

...живорыбные садки... «Садок представляет собою простую баржу с прорезями посредине и решетчатыми стенками и дном для беспрепятственного протока речной воды: тут и сохраняется рыба, помещаясь в разных отделениях по сортам». Предметом роскоши была стерлядь из Астрахани и с Северной Двины. Доверенные от садков нередко купали стерлядь еще до начала лова. Главными потребителями ее были модные рестораны. Содержатель ресторана откупал 2—3 тысячи рыбин и оставлял их на со-

хранение в садке, заперев его на замок. «Главным предметом торговли живорыбных садков считается сиг, щука, судак, форель и ерш. Большая часть этой рыбы идет из Ладожского озера» (Бахтиаров А. 1994. 108, 109). В 1914 г. в Петербурге стояло 13 садков: один у Английской наб. против Сената; другой на Мойке против д. 5; остальные на Фонтанке: против д. 8 и у мостов Пантелеймоновского, Симеоновского, Аничкова (два), Чернышева, Лештукова, Семеновского, Обуховского, Измайловского и Египетского.

С. 11

...до клиники Виллие. Клиника Виллие — ныне Военно-медицинская академия. Зимой 1914 г. были устроены следующие переправы: Калашниковский пр. — Малая Охта; 27-я линия Васильевского острова — Мясная ул.; Смольный пр. — Большая Охта; Пальменбахская ул. — Панфилова ул. Действовали и санные перевозки: Сенат — 1-я линия; Гагаринская ул. — часовня Спасителя; Английская наб., 68 — Морской корпус (ПДЖ 316).

...электрический трамвайчик.. Первые в Петербурге трамвайные линии были проложены зимой 1895 г. по льду Невы в центре города. На улицах столицы трамвай появился лишь 12 лет спустя.

С. 12

...санки с пассажиром... По сторонам ледяной дорожки ставили елочки. На каждой такой трассе работало по 15—20 человек, всего на Неве их насчитывалось до сотни. Днем они работали на хозяина, ночью — на себя. Ежедневно каждый делал 50—100 концов, пробегая через Неву за 3—5 минут (Бахтиаров А. 1994. 135).

...самоеды... Старое название саамских племен; позднее перенесено на ненцев, энцев, нганасан и селькупов.

Катки... Лучшим считался каток в Юсуповом саду, по Садовой ул., устраиваемый Речным яхт-клубом. Здесь происходили состязания, устраивались фейерверки. Известны катки на Песках («Прудки» у Бассейной ул.); на Марсовом поле; у Симеоновского моста на Фонтанке; на Петровском острове у Тучкова моста (от Общества трезвости) (Раевский Ф. 125). Позже появились «скейтинг-ринги» — залы для катания на роликах: Невский пр., 100, Константиновский пер., 28, Каменноостровский пр., 10-12.

С. 13

...легенда из Палестины... По преданию, на месте Крещения Спасителя на реке Иордан стояла часовня, среди реки высился крест, а берег был обложен мрамором. Богоявленское водоосвящение с устройством «иордани» — обычай общерусский.

С. 14

...инцидент... Инцидент произошел 6 января 1905 г. Иная версия: «Во время салюта с Васильевского острова — там были поставлены гвардейские батареи — вдруг зазвенели и посыпались в зале (Зимнего дворца. — А. С.) стекла и кусочки люстры... На улице в толпе произошел переполох, оказались раненые. По ошибке ли или преднамеренно какое-то орудие вместо холостого заряда хватило по Иордани, где находился государь, картечью» (Минцлов С. 114).

...добывали лед... Подрядчик арендовал от городской думы отведенный речной полицией участок Невы под майну и нанимал «чухон» для добычи и развозки льда. «Выстроившись рядами, человек по 5—10, чухны колот... «кабаны» льда величиною 1—2 ква-

дратных аршина. При этом они работают пешнями, как один человек: дружно и в такт. Каждый рабочий ежедневно откалывает от 50 до 100 «кабанов» льда. <...> «Кабаны» устанавливаются правильными рядами» (Бахтиаров А. 1994. 135). «Чухна за льдом приехал» — петербургская поговорка по поводу остывшего супа и молока (сообщено Ю. М. Красовским).

...пешнями откалывались... Пешня — лом.

...дровни с удлиненными задними копыльями... Копылья — вертикальные крепления полозьев к корпусу саней.

Набивали ледники льдам... Артель договаривалась, «сколько «подошв» требуется настлать в ледник и какого льда: прозрачного, чистого или мутного» (Бахтиаров А. 1994. 135).

С. 15

...наступает ледоход. День вскрытия Невы, по 200-летним наблюдениям, приходился в среднем на 9 апреля (ПЖ. 15).

...наводят плашкоутные мосты... Плашкоутный мост собирали из деревянных барок-плашкоутов, пролеты между которыми перекрывали деревянными бревнами-прогонами. В пролеты свободно проходили небольшие суда, а чтобы пропустить судно с мачтами, часть плашкоутов оттягивали канатами в сторону. Мост был привязан к сваям, вбитым близ берегов, и удерживался корабельными якорями.

...работу на перевозах. Трассы перевозов в 1914 г.: Дворцовый мост — Мытнинская наб. (2 коп.), Сенат — Румянцевский сад (2 коп.), Французская наб. — часовня Спасителя (2 коп.), 12—13-я линии Васильевского острова — Морской канал (10 коп.) (ПЖ. 315—317).

...мостов через Неву было меньше, чем теперь... В XVIII в. не построили ни одного постоянного моста, в XIX — два: Благовещенский (мост Лейтенанта Шмидта) и Александровский (Литейный). В течение 14 предреволюционных лет открыли четыре новых моста: Троицкий (1903), Петра Великого (1911), Финляндский железнодорожный (1913) и Дворцовый (1916). После революции появилось еще два.

Открытие навигации... Это событие старались приурочить к дню Преполовения — половине Пятидесятницы, между праздниками Пасхи и сошествия Св. Духа (Лурье Л. 173). Церемония открытия проводилась ежегодно с начала XVIII в. по 1916 г. (Приамурский Г. 195).

...торжественная церемония... Церемониал начинался с того, что управляющий столичной речной полицией отчаливал на катере, вооруженном старинными пушечками — фальконетами, от домика Петра Великого и в сопровождении флотилии частных судов направлялся к Петропавловской крепости. Одновременно от Адмиралтейства на таком же катере держал курс на крепость начальник петербургского порта. Встретившись против Нарышкина бастиона, оба салютовали крепости семью выстрелами и получали в ответ первый 5, второй — 7 выстрелов. От крепости устремлялся к ним катер коменданта. Управляющий речной полицией уведомлял коменданта крепости о свободном сообщении по правую сторону Невы, начальник порта — по левую. Затем вся гребная флотилия с комендантским катером во главе направлялась к Дворцовой пристани. На середине реки комендант наполнял нев-

ской водой серебряный кубок. Приближаясь к Зимнему дворцу, комендант салютовал семью выстрелами, команда кричала «ура». Во дворце начальник порта рапортовал о состоянии своего ведомства, а управляющий речной полицией — об открытии навигации на Неве. Комендант подносил государю кубок. Государь выплескивал воду и наполнял кубок серебряными рублями либо вручал коменданту монету в память о свершившемся событии. В основе этого церемониала, закрепленного высочайшими указами, лежал ритуал пересечения Невы, первоначально совершавшийся Петром I (Бахтиаров А. 1994. 126, 127; Приамурский Г. 195—197).

...*комендант Петропавловской крепости...* В 1890—1900-х гг. комендантом Петропавловской крепости был генерал А. В. Эллис; в последние годы перед революцией — генерал В. Н. Данилов.

С. 16

...*пассажирские пароходы...* В 1914 г. пароходы курсировали по 3 внутренним и 5 внешним линиям. Внутренние линии: «Продольная по Неве»: от 11—12-й линий Васильевского острова на «Сахалин», как называли тогда фабричный район за Невской заставой (каждые 7—8 минут, плата 6 коп.); «Островская»: Летний сад — Крестовский остров (10 коп.); от Калинкина моста по Фонтанке к Летнему саду и далее через Неву к часовне Спасителя и клинике Виллие (каждые 5—7 минут, 5 коп.). Внешние линии: на Кронштадт (от 8-й линии Васильевского острова и от Корабельной наб. на Матисовом острове при впадении Мойки в Неву); на Шлиссельбург; на Петрозаводск (с Воскресенской наб. трижды в неделю); на Гельсингфорс и Стокгольм (от 10—12-й линий); на Ригу, Ревель, Виндаву и Либаву (от 14-й линии); на Штеттин, Гамбург и Любек (с Гутуевского острова). Все пассажирские пароходы из-за границы причаливали к Гутуевскому острову, за исключением тех, что приходили из финских портов к Николаевской наб. (ПЖ. 315—317).

...*кутцу Шитову*. Имеется в виду семейство оптовых торговцев нефтью и керосином — членов торгового дома «Алексей Шитов».

...*часовня с образом Спасителя...* Часовней служила с середины XVIII в. прежняя столовая Петра. Находившийся в ней образ Спасителя в терновом венце, написанный, вероятно, Симеоном Ушаковым, сопровождал Петра в походах и стоял в его покое при кончине. Икона эта была одной из самых почитаемых в столице. Приезжие, желавшие поклониться святыням, считали долгом побывать «у Спасителя». В день Преполовения образ Спасителя несли с крестным ходом вокруг Петропавловской крепости. Образ утерян. В Преображенском соборе находится старинная копия (Антонов В. 1994. 135; Лебедева Е. 37).

С. 17

...*сущились мерёжи...* Мерёжа — рыболовная сеть, натянутая на обручи.

...*у церкви Бориса и Глеба...* Церковь Бориса и Глеба стояла на набережной в створе нынешнего пр. Бакунина.

...*на Шлиссельбург...* Пароход на Шлиссельбург ходил по несколькy раз в день; туда шел 4 часа, обратно — 3; плата — рубль. Другой путь — по узкоколейке от Ириновки до Шереметевки (дважды в день, вагоны только 2-го класса, стоимость 1 рубль, в пути 2,5 часа) и оттуда пароходом до Шлиссельбурга за 10 коп. (Baedeker K. 191).

С. 18

...вытирал засаленными концами... Концы — обрывок нитяной или веревочной сетки, висевший на шее у кочегара.

...завода «Треугольник»... «Треугольник» — Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры» (ТРАРМ, Обводный кан., 138), к концу XIX в. — ведущее в мире предприятие по выпуску резиновых изделий. С 1908 г. называлось так из-за треугольной формы заводской марки.

С. 19

У завода Берда... С 1881 г. бывший завод Берда, расположенный между Невой, Пряжкой, Мясной и Переводной ул., принадлежал Обществу франко-русских заводов. С 1908 г. — в составе Адмиралтейской верфи (ныне Адмиралтейский завод).

...«Полярная звезда» и «Штандарт». «Полярная звезда» спущена на воду на петербургском Балтийском заводе в мае 1890 г. Эта огромная, около 100 м в длину, однотрубная паровая яхта с экипажем в 330 человек славилась изяществом очертаний. Паровая яхта «Штандарт», построенная в Копенгагене в 1896 г. для Николая II, была им особенно любима. «Штандарт» считался лучшим из судов такого рода во всем мире. Он был трехмачтовым, с двумя белыми трубами. «Под верхней палубой располагались гостиные, салоны, кают-компания, обшитые красным деревом, с паркетным полом, хрустальными люстрами, бархатными портьерами. Помещения, предназначенные для императорской семьи, были отделаны ситцем. <...> Не было ни одного императора, короля или президента в Европе, который бы не ступил на сверкающую чистой палубу «Штандарта». Кайзер, чья белая с золотом яхта «Гогенцоллерн», водоизмещением в 4000 тонн, была несколько меньше «Штандарта», откровенно завидовал русскому царю. «Он заявил, что был бы счастлив получить ее в подарок», — писал императрице-матери государь. В ответном письме Мария Федоровна не скрывала своего возмущения: «Надеюсь, он не посмеет заказать здесь (в Дании) такую же». 6 июля 1914 г., накануне визита президента Франции Р. Пуанкаре, царская семья вернулась в Петергоф из традиционного летнего плавания в финских шхерах на «Штандарте», оказавшегося последним (Масси Р. 199, 203, 297). В собственности царской семьи были и другие яхты. Самой почтенной по возрасту была «Александрия», служившая четырем русским царям — Николаю I, Александру II, Александру III и Николаю II. У наследника была своя яхта — «Зарница». Пристань, к которой пришвартовывались императорские яхты, называлась Царской.

С. 20

В Петербург приходило много барж... «На каждой барже у кормы домик, почти игрушечный, — дверь, одно окошечко — крытый чулан. <...> Каждый домик выкрашен в яркую ядовитую краску, чтобы видней было издали! Бордовые, как вино, синие, ультрамариновые, желтые, золотая охра с зелеными наличниками окон; темно-красный с голубой дверью!» (Милашевский В. 11).

На хороших баржах — «берлинах»... Берлина — большое деревянное речное грузовое судно типа баржи с корпусом, напоминающим самоходное судно.

С. 21

Для разгрузки кулей... Куль — рогожный мешок на 5—9 пудов. Пуд равен 16 кг.

...людей в лаптях. Разговор с каталем на выгрузке кирпича: «Отчего вы в сапогах не работаете?» — «В сапогах неудобно: ноги отобьешь или мозоль натрешь. В лапте-то и так, и эдак ноги можно поставить, а в сапоге нельзя!» (Бахтиаров А. 1994. 102).

...подставлял плечо с кожаной подушкой. Разговор с носаком: «Кожаная подушка зачем?» — «Без нее — беда! Двух-трех досок не перенесешь, до крови плечо натрешь, да и опасно: неравно, вот эту кость переломишь!» Во время полуденного перерыва носаки отдыхают, лежа на земле, подложив подушки в изголовья. Работая с 4 утра до 6 вечера, носак перетаскивал 100—150 досок-дюймовок» (Бахтиаров А. 1994. 100—101).

С. 22

...работали крючники... Крючники, выгружавшие хлеб на Капашниковской пристани, работали артелями человек по 20—30. Артель нанимала квартиру, имела общий стол. Рабочая пора длилась от Пасхи до конца навигации. Работали поштучно. На Петров день и по окончании работ производился «дуван» — дележ заработка. Кроме артелей на пристани работали еще поденщики. Они нередко в два месяца зарабатывали столько же, сколько артель в четыре. Когда на судне образовывалась течь или оно погибало от напора льда, поденщик за авральную разгрузку мог получать до 1 руб. за куб. Во время работы царила тишина, слышались только шаги крючников. Иногда крючник перетаскивал в день до 2 тыс. 5—9-пудовых мешков (Бахтиаров А. 1994. 89, 90, 93).

...после 12-часового тяжелого труда! На фоне других городов жизнь чернорабочих-поденщиков в столице была очень тяжелой. Их труд ценился ниже, чем в Петербурге, только в Тифлисе — но ведь там и прожиточный минимум был гораздо ниже (Степанов А. 1993. 301). Однако ничто не мешало им в следующий сезон попытаться счастья в другом месте. Иной была жизнь артельщиков при столичной бирже. Биржевые артели действовали постоянно, не распадаясь с окончанием сезона. Численность их составляла в 1911 г. 9214 человек, из них около трети проживало в Петербурге. Условием приема в артель был «вкуп». Сумма его, к примеру, в артели барона Штиглица (Баронской) колебалась в начале XX в. от 2 до 5 тыс. руб. Непременными условиями приема в артель были здоровье, физическая сила, достаток, свобода передвижения, благонадежность, трезвость, честность. До 1/4 общего числа биржевых артельщиков составляли выходцы из купцов и дворян. Артельщик имел представление о качестве товара, знал таможенные документы и правила, рациональный режим хранения товаров, умел определить на глаз количество сыпучих материалов и т. д., тем самым владея в зачатке навыками товароведа, весовщика, кладовщика, контролера, экспедитора. Артели отпускали своих членов на должности кассиров, бухгалтеров, управляющих домами и именьями, заведующих фондами, товарными складами, потребительскими лавками, магазинами. Большинство биржевых артелей ориентировалось на работу с иностранным купечеством. В российских городах предпочтение отдавали петербургским артелям — даже там, где были местные. Более половины всех артельщиков проживало на Васильевском острове. Здесь же находились правления и конторы многих артелей. На фотографиях рубежа веков артельщики запечатлены в темных «тройках». К этому вре-

мени среди них появляются люди со знанием иностранных языков и университетским образованием (Кашпур Л. 13—18).

С. 22

...*парусная шхуна*... В отличие от других морских парусников, у шхун только косые паруса.

С. 23

...у *Синефлагской мели*... Синефлагская мель простирается на запад — северо-запад от устья Большой Невы, южнее Гребного порта. «При устье Невы, у SO-й (юго-восточной. — А. С.) оконечности Синефлагской мели ставится бакан с шаром и флагом. Бакан и шар окрашены в красный цвет, а под шаром прикреплен синий флаг» (ЛРБ. 2. Выражаем признательность гидрографу ВМФ капитану 1-го ранга в отставке В. Г. Рыбину за извлечение из лоции Балтийского моря 1888 г.).

...*жизнь в яхт-клубах*... Императорский морской яхт-клуб, учрежденный в 1848 г., состоял под личным покровительством государя. Его членами могли быть только дворяне. Штаб-квартира — Б. Морская, 31. Невский яхт-клуб (штаб-квартира — Мойка, 1) состоял под покровительством вел. кн. Ксении Александровны. Членский взнос в этот клуб — 100 руб. На Крестовском острове располагались Речной яхт-клуб (наб. М. Невки, 4-а) и Парусный клуб (у Б. Петровского моста). Оба устраивали гонки на призы и прогулки под парусами. Членский взнос в Парусный клуб — 15 руб., вступительный 5 руб., взнос постоянных гостей — 7 руб. 50 коп. На станции Шувалово (Орловская ул.) находился Шуваловский парусный кружок, устраивавший по праздникам гонки на призы (Раевский Ф. 118, 119). Незадолго до войны появились Студенческий яхт-клуб, Петроградский морской и др.

С. 24

...*около кроншпицев*... Кроншпицы — две сторожевые башенки при входе в Большой бассейн Галерной гавани.

...*морской вицмундир*... Вицмундир — черный мундирный фрак эполетами; его имели право носить лица не ниже VI класса. Полагающийся при нем головной убор правильнее назвать двууголкой (Ривощ Я. 198, 206).

...к *вершине гафеля*... Гафель — рей, прикрепленный одним концом к верхней части мачты сзади нее, а другим подвешенный под углом к ней.

...*рывком фала*... Фал — снасть для подъема реи, паруса, флага, сигнала и пр.

С. 25

...*ше ртботов*... Швертбот — парусная спортивная яхта с выдвижным килем, не имеющая постоянного балластного кия.

...*имели свои ялы*... Ял — одномачтовая короткая и широкая 2—8-весельная шлюпка.

...*особый род рыбной ловли — с тони*. Тоня — участок водоема, оборудованный для ловли рыбы закидным неводом, и часть берега, прилегающая к этому участку. Рыба ловилась с тони мотней — неводом с мешком в средней части — сажен 300 длины и 3—4 — ширины. Мотня опускалась стеною, от поверхности воды до дна: сверху плавали деревянные поплавки, вниз мотню тянули каменные грузила. Поденщики тянули мотню на берег с обоих концов с помощью ворота. Во время хода корюшки и ряпушки из моря в

Неву, обычно совпадающего с цветением черемухи, каждая тона вытаскивала 20—40 корзин рыбы весом по 50—100 пудов.

...покутали эту тоню... Тоня — здесь: невод с уловом после одной закидки.

...в селе Рыбацком стоял обелиск... Обелиск сохранился. На нем надпись: «Сооружен повелением благочестивейшей самодержавной императрицы Екатерины Вторья, в память усердия Рыбачьей слободы крестьян, добровольно нарядивших с четырех пятого человека на службу ея величества и отечества во время шведской войны в 1789 г., июля 15-го дня».

С. 27

...на бере Невы... Бар — песчаная наносная отмель в устье.

...на траве рзе поселка Стрельна. В том месте, где трассу канала пересекает перпендикуляр, проведенный от Стрельны, т. е. примерно в 7 км от восточного и в 5 км от южного берегов Финского залива.

...показывать глубину в футах... Фут равен 30 см.

С. 28

...регистрация всех проходящих судов... «Почти рядом с морским портом, на берегу Невы, стоит «брантвахта», где каждое вновь пришедшее судно предъявляет свой паспорт. Это — вышка с развевающимся на ней таможенным флагом. Как только судно покажется на горизонте, вахтенный дает знать дежурному офицеру, который на пароходе едет встречать прибывшего гостя. У судна спрашивают билет и затем его провожают в таможду, для сбора государственной пошлины с привозного товара. В течение года через бдительное око брандвахты проходит около 2000 всевозможных иностранных судов» (Бахтиаров А. 1903. 103).

...складах, так называемых буянах... Возможно, склады называли «буянами», имея в виду буйства купцов и бурлаков (Синдаловский Н. ПФ. 330). Сельдяной буян находился на Гутуевском острове между Межевым каналом и Екатерингофкой, в створе Обводного канала. Огромные амбары, ледник по американской системе, деревянные навесы вдоль берега. С утра до вечера 100-200 рабочих катят бочки сельди по гладкому деревянному полу с пароходов в кладовые. Каждый орудует шестом с железным наконечником. Сортируют сельдь присяжные браковщики — по двое иностранцев и русских. Критерии — цвет, жир, крепость рассола, запах. В розницу здесь не торгуют. Всю сельдяную торговлю держат в своих руках несколько оптовиков (Бахтиаров А. 1994. 113, 114). На Масляный (Сальный) буян, что между Невой и Пряжкой близ завода Берда, весной и осенью приходили из Архангельска, обогнув Скандинавию, «шняки» с соленой треской, семгой, камбалой. Пеньковых буянов было два, оба на Петербургской стороне: Тучков и Гагаринский (напротив Французской набережной) (Бахтиаров А. 1903. 103, 104).

...бабы-селедочницы... «Некоторые из них занимаются этим промыслом десятки лет. Много их живет на Сенном рынке, где они нанимают сообща квартиру, разделенную на «углы». Торговка-селедочница — поставщик рыбного товара по преимуществу для бедного населения столицы, у которого селедка и картофель не сходят со стола. Обыкновенно селедочница успевает продать в день «на крик» около 100 селедок» (Бахтиаров А. 1994. 114).

..Дворцовый... После окончания строительства в 1850 г. Нико-

лаевского моста плашкоутный Исаакиевский мост передвинули к Зимнему дворцу и переименовали в Дворцовый; здесь он находился до 1912 г., пока не началось строительство постоянного Дворцового моста. Тогда наплавной мост вернулся на прежнее место, к Сенатской площади, и его вновь стали называть Исаакиевским. 11 июня 1916 г. в бак с керосином, предназначенным для фонарей моста, попали искры из трубы парохода. «Огонь, раздуваемый ветром, быстро охватил весь мост. Ни городские пожарные, ни срочно вызванное из порта пожарное судно не смогли погасить разбушевавшееся пламя. Перегоревшие балки лопнули, и куски моста огромными огнедышащими кострами поглыбли вниз по реке, к Николаевскому мосту, где еще долго догорали у его каменных быков, опаяя краску чугунных арок и перил» (Пунин А. 21, 22).

...к *Петропавловской крепости*. Троицкий плашкоутный мост был установлен в 1826 г. напротив Суворовской площади. В 1893 г. в связи с решением о строительстве постоянного моста был сдвинут к Мраморному переулку, соединив Адмиралтейский остров с Петропавловской крепостью. Ров между восточными бастионами Петропавловской крепости и Иоанновским рavelином засыпали, соединявшие их палисады разобрали и на их месте проложили проезд, который вел к построенному тогда же временному деревянному мосту через Кронверкский проток близ здания нынешнего Ортопедического института (Пунин А. 25, 26).

С. 29

...*Египетский мост провалился*... Этот мост, построенный в 1826 г., провалился 20 января 1905 г., когда по нему проезжал эскадрон конных гренадер. Жертв не было. Один подрядчик рассказывал, что мост пора было заменить новым. Вместо этого дума ассигновала деньги на ремонт. Из них подрядчику якобы выдали треть, заставив расписаться в полной сумме. Ремонта с него никто уже не спрашивал (Минцлов С. 139).

Цепной мост у Летнего сада... Пантелеймоновский мост построен в 1823—1824 г. Разобран в 1906 г. Перестроен в 1907—1914 гг. (инж. А. П. Пшеницкий, арх. Л. А. Ильин).

...*четыре хмestную верейку*... Верейка — быстроходная парусная шлюпка с острым носом и кормой.

С. 30

...*их встречают митрополит*... Антоний (Вадковский) (1846—1912) — митрополит С.-Петербургский и Ладужский с 1898 г.

...*играющих «Коль славен...»*. «Коль славен наш Господь в Сионе, / Не может изъяснить язык» — начальные слова духовного гимна Д. С. Бортнянского на слова розенкрейцера М. М. Хераскова, написанного между 1790 и 1801 гг. Первоначально — гимн русских масонов (МП. 152). Впоследствии исполнялся во время крестных ходов, на празднике Крещения у иорданей, на церковных церемониях: при прохождении духовной процессии солдаты делали «на караул», оркестр играл гимн.

Ее встречают городской голова... Городской голова — председатель городской управы — исполнительного органа городского самоуправления, состоявшего из 6 лиц, избранных городской думой из числа своих 160 депутатов-гласных и утвержденных градоначальником. Городской голова избирался на 6 лет (до 1903 г. на 4 года) и утверждался императором по представлению министра

внутренних дел. Подчиняясь градоначальнику, контролировал выполнение решений городской думы по кругу дел, важнейшими из которых были заведование сборами в пользу города, капиталами города, попечение об устранении недостатков в снабжении продовольствием, содержание улиц, освещение, попечение о бедных, заведование городскими лечебными заведениями (Круглов Г. 179, 180). В 1903 г. городским головой Петербурга был потомственный почетный гражданин Павел Иванович Лелянов, удостоенный 16 мая 1903 г. чина действительного статского советника (СПВ от 18 мая 1903 г.).

Красивейший мост Петербурга... Решение о строительстве постоянного Троицкого моста городская дума приняла к 25-летию бракосочетания Александра III с Марией Федоровной (1891). По итогам двух конкурсов утвердили в 1897 г. проект французской фирмы «Батиньоль» (архитектурное оформление разработали В. Шаброль и Р. Патульяр). Средний пролет моста был крупнейшим в России. Обелиски со стороны Суворовской пл. — символы юбилея 1891 г. В газетном отчете церемония открытия моста выглядит несколько иначе. Икону Спасителя доставляют к Дворцовому проезду, баржа с верейкой встает против Медного всадника. Икону несут по Адмиралтейскому пр. в Исаакиевский собор. Митрополит служит литургию. Тем временем царская чета и Мария Федоровна с наследником прибывают на Суворовскую пл. Царю подносят на бархатной подушке кнопку, соединенную с разводной частью моста, стоящей вертикально. Он нажимает кнопку — мост смыкается. Императрицы разрезают две ленты, и царская чета, предшествуемая духовенством, переходит через мост. Затем едут к Медному всаднику, где их встречает крестный ход с митрополитом. После отбытия высочайших особ духовная процессия следует через Троицкий мост в домик Петра, а чины управы — в Петропавловский собор, где возлагают золотую медаль на могилу Петра I (СПВ от 17 мая 1903 г.).

На улицах и площадях столицы

Центром города считалась полоса между Невой и линией Невский — Садовая, ограниченная на западе Английским пр., на востоке Таврической ул. (за вычетом неблагоустроенного района Казанской — Подъяческих улиц); на Васильевском острове границами центра были 7-я линия и Средний пр. После открытия Троицкого моста функции центра распространились по Каменноостровскому и Большому пр. П. С. К центру примыкал торгово-ремесленный район, ограниченный на западе Английским пр., на юге — Фонтанкой, Гороховой, Звенигородской ул., на востоке — Лиговским пр. Занимая около 1/8 территории Петербурга, эти две зоны были окружены широким кольцом окраин (Юхнёва Н. 1984. 111), где у железнодорожных и водных путей и водозаборов располагались промышленные предприятия с тяготевшими к ним рабочими кварталами.

К концу описываемого периода сформировалась «культурная топография» Петербурга. На левом берегу Невы в соседстве с императорскими дворцами и особняками знати Мейерхольд экспериментировал на Александринской и Мариинской сценах; взыс-

кательная публика спешила на Офицерскую ул. в театр Комиссаржевской и в Соляной городок в Старинный театр Евреинова; культурная элита обеих столиц стекалась на Таврическую в «Башню» к Вяч. Иванову или на Литейный в «Дом Мурузи» к Мережковским; на Троицкой ул. у Павловой вели публичные диспуты Бурлюк и Маяковский; рядом с Эрмитажем и Русским музеем сменялись выставки молодых художников; в зале городской думы выступал Малевич; молодежь полуночничала в артистических кабаре.

Васильевский остров — вершина академической и университетской науки: Академия наук с Пушкинским Домом и Библиотечкой, Университет, Бестужевские курсы, Академия художеств и... почти нет театров. На Петербургскую сторону ехали за развлечениями — кто в Народный дом и Зоологический сад; кто в синемаграфы Большого пр.; кто в «Аквариум» и подобные ему злчные места по Каменноостровскому пр. и далее, на острова (Лихачев Д. 73—76).

Наиболее плотно были населены кварталы между Мойкой, Фонтанкой и Крюковым кан. и в полосе за Фонтанкой от Невы до Забалканского пр., ограниченной на юге Обводным, на востоке — Лиговским пр. и Таврическим садом. Наименьшей была плотность населения на Выборгской стороне и на южной окраине от Забалканского пр. до Невы. Из-за дороговизны земли (в 1909 г. закладная цена на Невском — до 800 руб. за кв. саж. — Тилинский А. 110—155) застройка устремилась ввысь. Поскольку строить выше карниза Зимнего дворца не дозволялось, верхний этаж делали мансардным.

Столица выделялась на фоне всей России благоустроенностью улиц и площадей. Расходы из городского бюджета по этой статье в приведении к версте улиц здесь в 2,4 раза больше, чем в Одессе, и в 2,8 раза больше, чем в Москве. Все улицы были замощены. Фонари стояли в среднем через каждые 11 саженей (Степанов А. 1993. 297).

И все-таки... «надо прожить несколько лет в Европе, чтобы почувствовать, что Петербург все еще не европейский город, а какая-то огромная каменная чухонская деревня. Невытанцевавшаяся и уже запакощенная Европа. Ежели он и похож на город иностранный, то разве в том смысле, как лакей Смердяков «похож на самого благородного иностранца». Как в частушке поется:

Если барин при цепочке,
Это значит — без часов.
Если барин при галошах,
Это значит — без сапог».

(Мережковский Д. 115)

Схожее впечатление у Блока в 1915 г.: «Я проехал как-то вверх по Неве на пароходе и убедился, что Пет^сербург», собственно, только в центре... немецкий: окраины — очень грандиозные и русские и по грандиозности и по нелепости, с ней соединенной» (Блок А. VIII. 447).

С. 33

...«Астория»... Гостиница «Астория» (Б. Морская ул., 39 — Вознесенский пр., 12), арх. Ф. И. Лидваль, 1911—1912 гг.

...дама Елисеева... Дом Елисеевых (Невский пр., 56), арх. Г. В. Барановский, 1902—1906 гг.

...зданием городских учреждений... Дом городских учреждений (Вознесенский пр., 42), арх. А. Л. Лишневский, 1906 г.

...универмага Гвардейского общества. Дом Гвардейского экономического общества (Б. Конюшенная ул., 21—23), арх. Э. Ф. Виррих, Н. В. Васильев, С. С. Кричинский, Б. Я. Боткин, И. В. Падлевский, И. Д. Балбашевский, 1908—1913 гг.

...Каменноостровский проспект... Много говорилось в городской думе о превращении Каменноостровского пр. в своего рода «Елисейские поля» Петербурга, но неоткуда было взять денег на выкуп прилегающих участков для расширения проспекта. Домовладельцы, многие из которых принадлежали к финансовой аристократии столицы, быстро застроили его новыми домами, используя благоприятную конъюнктуру на рынке жилья и не думая о пропускной способности этой единственной транспортной артерии, напрямую связывающей центр города с северными окраинами (Енакиев Ф. 64).

...«Аквариум», «Эрнест», «Вилла Родэ»... «Аквариум» — Каменноостровский пр., 10—12; «Эрнест» — Каменноостровский пр., 60; «Вилла Родэ» — Новодеревенская наб., 1/2 (угол Строгановской ул.).

...ехала публика к Островам... Излюбленным местом летних ночных прогулок был Елагин остров. Вереница щегольских экипажей циркулировала вокруг пруда на Стрелке, которую называли «пуант» — от французского *point de vue* (точка обзора). «Главная масса катающихся... больше интересуется костюмами, нарядами, бриллиантами и драгоценными камнями, лошадьми и экипажами, чем красотой природы. Тут и аристократы, и мещане во дворянстве, и чиновники высших рангов, и блестящие офицеры, и богато разодетые дамы с лорнетками в руках, всевозможных званий и положений. Лишь изредка между ними промелькнет на обыкновенной извозчичьей пролетке какая-нибудь попроще одетая пара «разночинцев», награждаемая поминутно взглядом сверху вниз, выражающим удивление перед их решимостью также прокатиться по «стрелке»» (Чериковер С. 35, 36). После обязательного церемониала провоза и встречи солнца (Лурье Л. 174) вся эта публика устремлялась в увеселительные сады и рестораны.

...лежал всякий хлам. К концу XIX в. застойная вода Лиговского канала, засоренная бытовыми и промышленными отходами и распространившая зловоние («лиговский букет»), стала опасна как возможный источник эпидемий. В 1891—1892 гг. на участке от Таврического сада до Обводного канала он был заключен в трубу и засыпан (Синдаловский Н. ЛМ. 176).

С. 34

...теперь здесь бульвар. Участок Таракановки от Фонтанки до Обводного засыпали к 1914 г.

...мостовые были торцовые... Диаметр торцов 30—35, высота 20 см. Служили они 5—6 лет. К 1900 г. ими были покрыты Невский, Б. Морская, Пушкинская, Караванная, Сергиевская, часть Миллионной ул., левобережные набережные ниже Троицкого моста. В 1910 г. таких мостовых было 132 тыс. кв. сажен.

Асфальтовых мостовых почти не было... В 1892 г. заасфальтировали Б. Конюшенную, в 1910 г. — М. Садовую и часть ул. Жуковского. На асфальте лошади падали, поэтому в 1915 г. на Б. Коню-

шенной асфальт пришлось заменить брусчаткой (Данилевский Н. 53). Бульжных мостовых было в 1910 г. 1,7 млн. кв. сажен. Ноябрь 1903 г.: «Грязища такая, что в мелких калошах не везде перейдешь; на более узких улицах... стены домов почти на рост человека вышиною забрызганы грязью из-под резиновых шин» (Минцлов С. 40).

С. 35

...настилались из путиловской плиты. Тротуары были узкие и очень высокие, загроможденные выступающими тамбурами учреждений и особняков. Пешеходам приходилось, рискуя, выходить на проезжую часть. Дворы были на одном уровне с проезжей частью, так что против въезда во двор тротуар нырял вниз. Фонари, трамвайные столбы, деревья, пожарные и поливные краны, киоски, тумбы с цепями — все это, не уместаясь на тротуаре, выступало на проезжую часть. Ширина ее уменьшалась и бульжным откосом тротуара. На углах улиц тротуары не закруглялись, препятствуя повороту транспорта. Зачастую на углу торчал фонарь, трамвайный столб или рекламный киоск. Всем этим Петербург резко отличался от западных городов (Данилевский Н. 8—15, 18—29). Путиловская плита — известняк, ломкой, обтесыванием и доставкой которого занимались крестьяне ряда деревень Путиловской волости Шлиссельбургского уезда. Плиты для тротуаров делались метр на метр. Кроме нескольких главных улиц, тротуары были шириной в 1—2 плиты.

...с лампами накаливания. Выпуск ламп накаливания начался в Петербурге в 1898 г. К лампам с вольфрамовой зигзагообразной нитью перешли с 1909 г. К 1915 г. в столице было около 3 тыс. электрических уличных фонарей (преимущественно в центре) и более 12,5 тыс. газовых и керосиновых на окраинах.

В «царские» дни... «Царскими» назывались дни празднования торжественных событий царствующей императорской фамилии — дни рождения, коронавания, восшествия на престол и тезоименитства государя, его матери, августейшей супруги, наследника-цесаревича, а также дни рождения и тезоименитства прочих членов царской фамилии. Особенно пышно украсили центр города к 300-летию дома Романовых (22 февраля 1913 г.).

...факелы на Исаакиевском соборе. Поддерживаемые ангелами светильники по углам собора.

С. 36

...Невском проспекте... В 1914 г. на Невском пр. было 2160 учреждений, из них около 1700 — учреждения обслуживания. Они распределялись вдоль проспекта неравномерно. Для наглядности представим нечто вроде 7-слойного пирога: каждый «слой» — учреждения, размещавшиеся в одинаковом «ритме».

1). Магазины тканей, одежды, обуви, галантерей, парфюмерии и мод; ателье; издательства и книготорговля; деловые учреждения и акционерные общества (общим числом около 900). В начале Невского они встречались нечасто; в зоне Гостиного двора — в огромном количестве; от Литейного до Знаменской пл. — со средней частотой. 2). Учреждения здравоохранения, хозяйственные и технические услуги, магазины разной техники (всего около 550). Те же три зоны, но частота нарастала от начала Невского к Знаменской пл. 3). Магазины хозяйственных товаров и художественной утвари (около 250). Огромная частота в зоне Гостиного и не-

большая между Литейным пр. и Знаменской пл. 4). Продовольственные магазины (около 200). Их было очень много на Старо-Невском от Знаменской пл. до Полтавской ул. и поменьше (зато более престижных) в районе Гостиного. 5). Гостиницы, меблированные комнаты, учебные заведения (около 100). Почти все они были сосредоточены в окрестности Николаевского вокзала. 6). Банки, банкирские дома и конторы, кредитные и страховые общества, сберкассы, ломбарды (всего 80). Большинство их находилось в зоне Гостиного, с плавным понижением частоты к началу и концу проспекта. 7). Рестораны, кондитерские, кофейни, чайные, столовые, кухмистерские, пивные, трактиры и буфеты (общим числом 47). Они образовывали четыре сгустка: в начале Невского; в зоне Гостиного; между Литейным пр. и Знаменской пл.; между Полтавской и Консistorской ул. В отличие от других «слоев», в этом разнице частот была невелика.

В результате семикратного наслоения «пирог» получался очень «толстый» в зоне Гостиного, потоньше от Литейного пр. до Знаменской пл. и еще тоньше в начале Невского. Между этими зонами — провалы: не очень заметный между Мойкой и Екатерининским каналом, ярко выраженный между Гостиным и Фонтанкой и самый глубокий у лавры.

Такова картина в продольном разрезе. При взгляде на поперечные разрезы бросается в глаза, что в западной части Невского пр. (до Екатерининского канала) доминировали деловые учреждения и почти не было ни гостиниц, ни учебных заведений; ближе к Гостиному преобладали магазины художественной утвари и предметов роскоши, но исчезали галантерейные и парфюмерные, гостиниц же вовсе не оставалось. Гостиный двор и Пассаж — царство мод, одежды, обуви, тканей, ателье, и при этом ни одного учебного заведения и ничтожное число «номеров». От Гостиного до Фонтанки — та же доминанта и почти полное отсутствие ресторанов. За Фонтанкой до самой лавры простиралась «страна врачей» (Степанов А. 1990).

...*извозчичьи пролетки*. Коляска — 4-колесный рессорный экипаж с откидным верхом. Карета — закрытый 4-местный 4-колесный рессорный экипаж с местами, расположенными друг против друга. Запрягали карету парой лошадей. Карета — единственный вид колесных экипажей, в которых ездили и зимой. Для этого надевали на оси вместо колес полозки. Каждый полозок представлял собой ступицу колеса с 4 спицами, которые играли роль копыльев; на них укреплялся короткий полоз. Ландо — карета с двумя откидными верхами — спереди и сзади. Летом верхи откидывались, окно опускалось внутрь дверцы, и ландо превращалось в большую коляску. Ландо запрягались тоже только парой лошадей. Пролетка — легкий 4-колесный экипаж. Обычно пролетка, как и коляска, была с откидным верхом, но бывали пролетки и без верха: ими пользовались летом, на них ездили владельцы собственных выездов и изредка лихачи (Ривовш Я. 82—84).

...*Дворянского собрания*... «В туманном свете газовых фонарей (речь идет о концертном сезоне 1903/04 г. — А. С.) многоподъездное дворянское здание подвергалось настоящей осаде. Гарцующие конные жандармы, внося в атмосферу площади дух гражданского беспокойства, цокали, покрикивали, цепью охраняя глав-

ное крыльцо. Проскальзывали на блестящий круг и строились во внушительный черный табор рессорные кареты с тусклыми фонарями. Извозчики не смели подавать к самому дому — им платили на ходу, — и они улепетывали, спасаясь от гнева околоточных» (Мандельштам О. 23).

С. 37

...булочными Филиппова... Булочные «Д. И. Филиппов» на Невском пр. — в домах 45, 114 и 140.

...механический буфет «Квисисана»... «Квисисана» — Невский пр., 46. Ресторан В. М. Федорова — М. Садовая ул., 8.

С. 38

...сидела по кафе — Андреева, «Амфир», «Рейтер» и др. Булочная «А. Андреев» — Невский пр., 44; кафе «Амфир» — Садовая ул., 12 (открылось в 1914 г.); кафе «Рейтер» — Невский пр., 50.

...а то меня заберут». Дома терпимости содержались главным образом «матронами»-немками из Риги. Главными клиентами были офицеры и студенты (Стравинский И. 1971. 15). Ночью девицы и сутенеры в сговоре с извозчиками охотились за пьяными мужчинами, выходящими из ресторанов. Дебоши на Невском затихали часам к 5 утра (Животов Н. I. 14—16).

...Коломна с тихими, скромными улицами... Коломна — район между Крюковым каналом, Фонтанкой, Пряжкой и Мойкой; периферия торгово-ремесленного района столицы. Здесь было много мелких мастерских, дешевых лавочек, обслуживавших бедный люд. Почти все они принадлежали евреям (Юхнёва Н. 1984. 123, 124). Существовала поговорка: «Коломна — всегда голодна» (Синдаловский Н. ПФ. 267).

С. 39

...Большая и Малая Морские. Одним из ритуалов светского сезона — от поздней осени до Великого поста — был ежедневный, с 2 до 4-5 часов дня, фланёр на Б. Морской между Гороховой ул. и аркой Главного штаба. «Все, что было в городе праздного и вылощенного, медленно двигалось туда и обратно по тротуарам, раскланываясь: звяк шпор, французская и английская речь, живая выставка английского магазина и жокей-клуба» (Baedeker К. 101; Мандельштам О. 12).

...величественные швейцары... Швейцары, служившие у аристократов, носили черную двууголку с галуном и кокардой. Ливрея была типа «николаевской» шинели. На правом плече эполет, под ним широкая перевязь из галуна. В руке в белой замшевой перчатке швейцар сжимал булаву с позолоченным шаром. Швейцаров набирали из бывших унтер-офицеров и солдат-гвардейцев, они отличались могучим телосложением, обилием медалей и крестов. Украшением швейцара считались борода и бакенбарды (Ривош Я. 171).

...набережная Невы была местом прогулок... Сезон прогулок по набережной — весна.

...две-три амазонки... Амазонка — всадница в специальном длинном платье.

...Вознесенский проспект... Дома по Вознесенскому пр. — «с маленькими квартирками, подвалами, лавчонками, пивными, трактирами и всякого рода мастерскими. Торопливо идущая здесь публика — серая, трудовая, поддерживающая в массе своим трудом

Конка у здания Фондовой биржи на стрелке Васильевского острова.
Фотография 1906 г.

Вид станции конно-железной дороги. *Фотография 1910-х гг.*

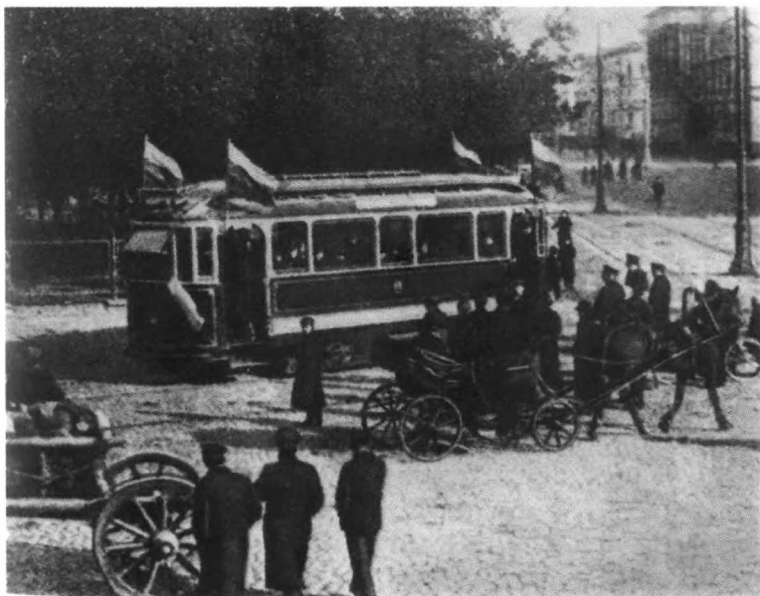
Электрический трамвай на перевозе по льду Невы. *Фотография 1890-х гг.*

На Адмиралтейском проспекте. Справа — дилижанс «40 мучеников». Фотография 1899 г.

Открытие трамвайного движения в Петербурге. Фотография 1907 г.

Первый автобус. Фотография 1910 г.

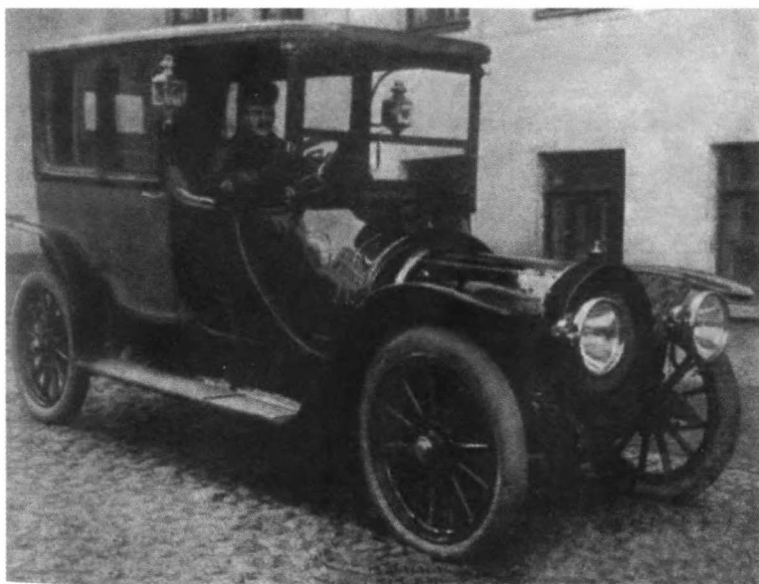
Обоз транспортной части в проходном дворе у Тарасовских бань (с права). Фотография начала XX в.

Конки. М. В. Добужинский. 1909 г.

Первый автомобиль марки «Бенц». Фотография 1910 г.

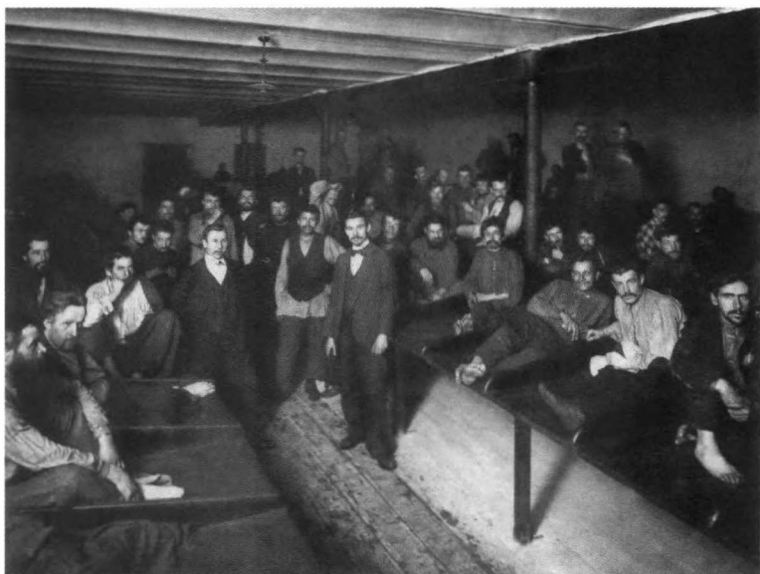
Гостиная в номере люкс гостиницы «Астория». Фотография 1913 г.

Доходный дом
на Финляндском
проспекте.
С открытки
1900-х гг.

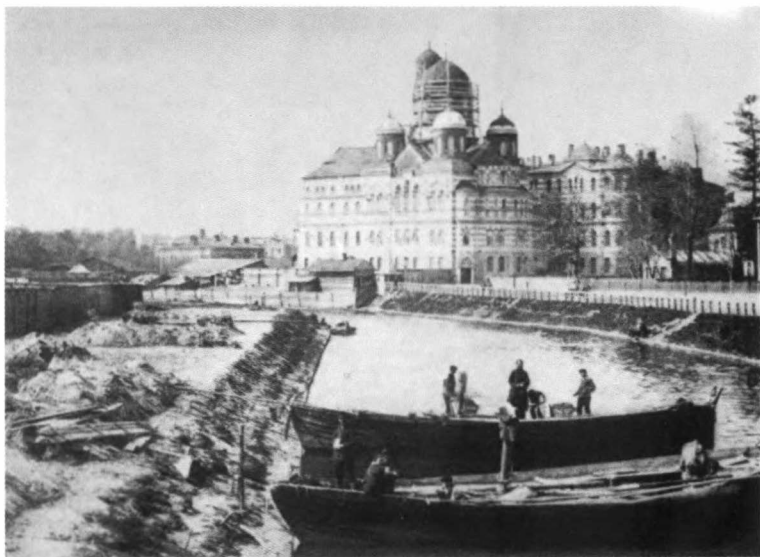

Дворник
за уборкой
двора.
Фотография
1913 г.

В ночлежном доме. Фотография начала 1900-х гг.

Иоанновский женский монастырь на набережной реки Карповки.
С открытки 1900-х гг.

Реформатская церковь. С открытки 1900-х гг.

Армянская церковь на Невском проспекте. С открытки 1900-х гг.

Рынок на Сенной площади. *С открытки 1900-х гг.*

Рыночный ларек. *Фотография 1900 г.*

Никольский рынок.
Е. Е. Лансере. 1901 г.

Официант.
С открытки 1900-х гг.

Магазин братьев Елисеевых на Невском проспекте.
Фотография 1906 г.

На Конной площади. *С открытки 1903 г.*

Так одевались мужчины в Петербурге. *Фотография 1909 г*

Представитель петербургской
буржуазии. *Фотография*
начала 1900-х гг

Аристократка.
Фотография начала 1900-х гг.

Адвокат Петербургской
окружной палаты.
Фотография начала 1900-х гг.

Петербургские модницы. *Фотография* начала 1900-х гг.

Тушение пожара.
С открытки 1902 г.

Брандмейстер.
*Фотография
начала 1900-х гг.*

довольно значительную ремесленную промышленность столицы. Среди обитателей этой «мещанской» части города много собственников-предпринимателей», составляющих единственную же рабочую силу в своей мастерской; есть тут и владельцы небольших мастерских, где зачастую в ужасных гигиенических условиях работают несколько подмастерьев и изнывают под тяжестью непомерной работы, взваленной на них, мальчишки — почти дети — и подростки, отданные в учение. Только при такой изнурительной работе эти мелкие мастерские могут еще конкурировать с постепенно вытесняющими их крупными мастерскими» (Чериковер С. 20, 21). Кварталы по Вознесенскому пр. между Екатерининским каналом и Фонтанкой — традиционный центр расселения петербургских евреев. Им принадлежали здесь почти все мелкие мастерские и лавочки, обслуживавшие и окрестный, и пришлый бедный люд (Юхнёва Н. 1984. 214).

...*движение большое*. Особенно напряженным было движение по Вознесенскому пр., связывающему центр с Варшавским и Балтийским вокзалами (Енакиев Ф. 41).

...*Роты Измайловского полка*. Роты — район Измайловского пр. с примыкающими к нему улицами — «ротами», где квартировал Измайловский полк.

...*вблизи Мариинского театра*... Петербуржцы называли Мариинский театр «Маринка»; произношение «Мариинка» выдавало приезжих (сообщено Ю. М. Красовским).

...*Офицерская и прилегающие к ней*... Этот район близ построенной в 1893 г. синагоги называли еврейским кварталом (Синдаловский Н. П. Ф. 331).

С. 40

...*Женского политехнического*... Высшие женские политехнические курсы (Загородный пр., 68).

...*Латинский квартал Петербурга*... Латинский квартал — район Парижского университета, центр интеллектуальной жизни французской столицы, средоточие институтов, факультетов, исследовательских центров, лицеев, театров, кинотеатров, кабаре, мюзик-холлов, ночных клубов.

...*Бронницкая*. Для запоминания названий и порядка следования этих улиц существовало мнемоническое правило: «Разве Можно Верить Пустым Словам Балерины?»

...*По распоряжению градоначальника*... Градоначальник — глава административно-полицейского управления в Санкт-Петербурге и пригородах, наделенный правами губернатора. Назначался императором, осуществлял свои функции через полицию и свою канцелярию. В его компетенцию кроме надзора за деятельностью местного самоуправления входило непосредственное исполнение многих решений, принимаемых городской думой и управой, так как собственный исполнительный аппарат управы был очень невелик и включал в основном служащих городских предприятий, а также систему здравоохранения (Круглов Г. 180).

С. 41

...*Михайловский сад был закрыт для публики*. Этот сад входил в собственность императорской фамилии.

...*публика была самой «чистой»*. С 1827 г. соблюдался указ Николая I: «Летний сад открыть для гулянья публики и чтобы по ежа-

лым дорогам дозволить верховую езду, езду в каретах и фэзтонах всем военным и особам прилично одетым; простому же народу, как-то мужикам, проходить через сад на работы или с работы вообще запретить» (цит. по: Кузнецова О. 20, 21). В Духов день Летний сад становился ярмаркой купеческих невест (Лурье Л. 173).

...*со стеклом в руке*. Стекл — тонкая короткая тросточка из бамбука, испанского камыша или китового уса, оплетенного ремешками, с петлей внизу и с костяной, серебряной или роговой ручкой — вошел в моду перед Первой мировой войной (Ривош Я. 123.).

...*увеселительный сад*... В 1898 г. на построенной здесь большой летней сцене начались спектакли труппы Попечительства о народной трезвости. Сюда переносились спектакли из Народного дома, а здешние премьеры повторялись там зимой. Ставились и оперы. Основная публика — «интеллигентная», «котелки и шляпы» (Петровская И. 1994. 271).

...*навильоны с лактобациллин*... Лактобациллин предложен как лечебное средство зоологом и бактериологом И. И. Мечниковым (1845—1916) — сотрудником Пастеровского института в Париже, нобелевским лауреатом 1908 г.

Уборка улиц... «Удаление нечистот с улиц следует считать с 1 кв. сажени при нормальной езде в год в 0,56 пуда (Тилинский А. 211) — около 2 кг с 1 кв. м. Эта обязанность возлагалась на домовладельцев.

С. 42

...*целой сети водопоек*. На пересечении наб. Б. Невки и Большой аллеи на Каменном острове (в глубине участка) сохранилась одна из водопоек — небольшое квадратное в плане каменное сооружение с шатровой кровлей и металлической раковиной (арх. С. А. Алексеев), построенная как экспонат Международной художественно-строительной выставки 1908 г.

С. 43

...*императорские театры*... Императорские театры — Марининский, Александринский и Михайловский. Ими управляла Дирекция императорских театров при Министерстве двора.

...*Константина Александровича Варламова*. К. А. Варламов (1848—1915) дебютировал на Александринской сцене в 1875 г. За 40 лет исполнил 1000 ролей, играя в сезоне до 140—170 спектаклей — больше всех других актеров. Он был гениальным актером и обаятельнейшим человеком — чрезвычайно добродушным, приветливым, жизнерадостным. «Царь русского смеха» — так отзывался о нем его биограф. «Милый, посмотри в окно, — говорил Варламов, — грязь промозглая, темень, холод. У всех рожки насупленные, все огрызаются. А вышел я на сцену, и тысячи человек вдруг стали улыбаться — и слякоть забыли, и грязь, и солнце выглянуло. И когда я слышу эти взрывы смеха в зале, мне ничего не надо: мне кажется, я сделал свое дело» (Петровская И. 1994, 180, 181).

С. 44

...*фигура рассыльного*. За пакеты, письма и посылки положено было платить не более 10 коп., за передачу словесных поручений в центре города с 8 утра до 8 вечера — 20 коп., на другой берег Невы — 40 коп., с 8 вечера до 8 утра плата удваивалась. Артелей рассыльных, как и газетчиков, было 6. Помимо передачи сообщений,

документов, вещей они доставляли разные справки, приискивали прислугу, квартиры, экипажи. У каждого посыльного имелась книжка, от которой он отрывал талон-квитанцию в получении им вещи и пр. для доставки по указанному адресу (Раевский Ф. 101, 102).

Телефонов было сравнительно мало... Петербургская телефонная сеть насчитывала в 1895 г. около 3 тыс. абонентов, в 1900 г. — около 4 тыс., в 1911 г. — свыше 50 тыс.

...крики торговцев вразнос... В 1902 г. в Петербурге занимались торговлей вразнос... 12 тыс. человек (Раевский Ф. 37). Специфически петербургским товаром вразнос были копченые сиги; разносили пирожки, пряники, яблоки, груши, персики, апельсины; сбить и квас; печенку для котов, сбежавшихся со всех дворов; молочницы-чухонки доставляли свой товар постоянным клиентам; с наступлением морозов появлялись торговцы тетеревами и рябчиками. Кроме съестного продавали деревянные коробочки, нижегородские ложки; на Рождество и на Пасху особенно бойко шла торговля самодельными игрушками, моделями церквей. В предвоенное 10-летие торговля вразнос понемногу уходила из центра города, но по-прежнему предлагали свои услуги бродячие стекольщики, пильщики дров, полотеры, трубочисты.

С. 45

...ловкачи, жулики... Надо еще коснуться попрошаек, промышленявших по ночам: «Если около какого-нибудь ярко освещенного магазинного окна остановится прохожий, ночной нищий незаметно подойдет к нему и обратится с вежливой просьбой: «Не будете ли добры, сударь, сколько-нибудь помочь мне... Лишился места... Семья голодает»... Где-нибудь около аптеки он ловит запоздавшую даму и скорбно сообщает, что его жена находится при смерти и что у него на покупку лекарства не хватает денег. Перед булочной он говорит о страданиях своих голодных детей, которым не на что купить хлеба. Наконец, он же, в случае надобности, выдает себя за раненого бурского волонтера, за «только что выпущенного из больницы провинциала, временно впавшего в нужду», за «бывшего студента» и т. п.» (Никитин Н. 191, 192).

С. 46

...похоронное бюро... В столице насчитывалось около 80 похоронных бюро. Больше всего их было на Владимирском пр.

...так называемые «горюны»... «Горюны» — просторечное название факельщиков. Их называли также «мортусами» (по В. Далю, мортус — «служитель при чумных; обреченный или обрекшийся уходу за трупами, в чуму»). Масть лошадей, окраска катафалка и цвет костюма факельщиков зависели от вероисповедания покойника. Белый — цвет православных похорон. В иных случаях факельщики были в черном (Ривош Я. 153).

...ордена и медали покойного. Ордена и медали несли и на похоронах гражданских лиц, имевших высокий чин.

...ехал верхом фейерверкер... Фейерверкер — унтер-офицер-артиллерист.

...разряд похорон... В середине 90-х гг. плата за похороны по первому разряду составляла 950 руб., включая оплату балдахина, шестерки лошадей, 16 факельщиков, читальщиков, катафалка, наряда полиции, публикации в газетах и хора певчих. Плата по по-

следнему разряду — 45 руб.: две лошади, дроги, два факельщика, 1 читальщик (Животов Н. III. 23).

...*дроги без балдахина*... Дроги — удлиненная повозка без кузова.

С. 47

...*кандидаты в горюны*. «Как только мы завернули за угол Садовой — физиономия благоустроенной столицы, первоклассного европейского города исчезла бесследно, и мы очутились в какой-то глухой провинциальной фабрично-ремесленной слободке. Направо глухая стена здания рынка (Александровского. — А. С.), налево трактиры. Переулочек полон народа. Играют на гармонике, поют, ругаются, кричат, дерутся, обнимаются с женщинами. Полная свобода, простота нравов, циничная откровенность и отрицание всякого понятия о приличии и общественном благоустройстве. <...> Половина босые или в опорках, все без «головных уборов», в рубашках и шароварах с большими изъятиями. Все под хмелем или в большом хмеле. Сидят, стоят, лежат, ходят, гуляют группами или парами... По рукам ходят косушки и полштофы» (Животов Н. III. 8).

...*длинный белый сюртук*.. Верхнюю одежду факельщиков было бы правильнее назвать ливреей. Брюки у них были с серебряными лампасами. Они надевали белые перчатки и вели лошадей за белые шнуры с кистями. Главный факельщик шел впереди с булавой, обвитой траурным крепом (Ривош Я. 153).

...*весело возвращались в похоронное бюро*. «Цинизм самый грубый и бесстыжий ко всему святому, дорогому, начиная с не остывшего еще трупа и кончая иступленным горем осиротевших. Все это для гробовщика и факельщика предмет наживы, барыша, счастливого случая, которым он пользуется, чтобы рвать и рвать, посмеиваясь втихомолку, отпуская остроты и каламбуры» (Животов Н. III. 3, 4).

С. 48

...*певицы А. Д. Вяльцевой*. Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871—1913) — эстрадная певица (сопрано), артистка оперетты. С 1893 г. исполняла ведущие партии опереточного репертуара в труппе С. А. Пальма. Славу ей принес первый сольный концерт в зале столичного Дворянского собрания (1897). С огромным успехом пела цыганские романсы. Исполнение ее покоряло искренностью, глубиной чувства, оригинальностью фразировки. Петербуржцы называли ее «королевой улыбки», популярность ее не уступала популярности Шаляпина. Значительную часть своего огромного состояния Вяльцева завещала Петербургу на сооружение детской больницы. Умерла от белокровия. Надеясь спасти ее, муж стал донором в операции по переливанию крови, по тем временам очень рискованной. 7 февраля 1913 г. многотысячная толпа шла за гробом от дома на Мойке, 84, до Никольского кладбища лавры.

...*капитана Мациевича*. Мациевич Лев Макарович (1877—1910) учился в Кронштадтском техническом училище, закончил Технологический институт, Морскую инженерную академию и Школу подводного плавания. Командовал подводной лодкой на Черном море, был одним из ведущих конструкторов подводных лодок. К концу жизни занимал высокий пост помощника начальника кораблестроительных чертежных морского технического комитета. Весной 1910 г. обучался в Школе практического возду-

хоплавания под Парижем у А. Фармана. Погиб 24 сентября 1910 г. на первом Всероссийском празднике воздухоплавания. Мациевич — первая жертва русской авиации (в Европе за 9 месяцев 1910 г. погибло в полетах 17 авиаторов).

...*над Комендантским полем.* Комендантское поле называлось так по находившейся на левом берегу Черной речки даче комендантов Петропавловской крепости. В 1893 г. через поле прошла Озерковская линия Приморской железной дороги; с восточной стороны от нее построили Удельный ипподром Царскосельского скакового общества. Над ним с 1908 г. происходили показательные полеты первых авиаторов. В 1910 г. ко дню открытия первого Всероссийского праздника воздухоплавания (8 сентября) западнее железнодорожной линии оборудовали аэродром «Крылья».

С. 49

...*эскадра под брейд-вымпелом.* Брейд-вымпел — флаг командира эскадры, поднимаемый на грот-мачте и имеющий вид военно-морского флага меньших размеров с красными, белыми и синими косицами (в зависимости от должности командира).

...*адмирала Битти.* Битти Дэвид, граф (1871—1936), — самый молодой после Нельсона британский адмирал. Прославился в боях с немецкими эскадрами в Гельголандской бухте, у Доггер-банки и в Ютландском бою 31 мая — 1 июня 1916 г. — крупнейшем морском сражении Первой мировой войны, окончательно решившем исход борьбы на море в пользу англичан.

Большие корабли не могли войти в Неву. Эскадра Битти, прибывшая 9 июня 1914 г. в Кронштадт, состояла из 6 крейсеров, флагманом был «Лайон». «Боадичея» и «Блонд» бросили якоря против Английской (!) набережной во 2-м часу дня 10 июня (СПВ от 10 и 11 июня 1914 г.). Эскадра ушла 16 июня.

...*крейсер «Боадичея».* «Боадичея», на чей борт публику пускали с 2 до 5 часов пополудни, оказалась старым маленьким крейсером-разведчиком водоизмещением в 3400 т (императорская яхта «Штандарт» — 4500 т) со скоростью хода 26 узлов. Русские моряки посматривали на нее пренебрежительно.

...*маховики у казенной части.* Тяжелые, с массивными ободами колеса, посредством которых производится наводка орудий.

...*замки.* Приспособления для воспламенения заряда при выстреле.

С. 50

Отпущенные с корабля на берег. Низшим чинам английской эскадры морское министерство дало 10 июня обед в Народном доме, а офицеры во главе с Битти присутствовали в тот же вечер на парадном обеде у «Контана», устроенном британской колонией в Петербурге. Для осмотра столицы и посещения Островов городская управа наняла английским гостям 25 роскошных авто. Во многих местах с англичан не брали денег. В последний день визита, 15 июня, английская колония организовала на поле своего спортклуба «Невский» на М. Болотной ул. спортивные состязания и развлечения с участием английских и русских моряков (СПВ от 11—16 июня 1914 г.).

С. 51

...*эскадра с президентом Пуанкаре.* Президент Французской Республики Раймон Пуанкаре (1860—1934) прибыл на крон-

штадтский рейд 7 июля 1914 г. на борту броненосца «Франция» в сопровождении еще одного броненосца и двух контр-миноносцев (командовал эскадрой вице-адмирал Ле Бри). Царь принял президента на борту «Александрии», направившейся в Петергоф. Там, в Большом дворце, состоялся парадный обед. Высокому гостю отвели помещения во дворце.

...один из великих князей. 8 июля в 13.15 «Александрия» пришвартовалась к Царской пристани. Пуанкаре направился сначала в Петропавловский собор, где возложил венок на гробницу Александра III — основателя франко-русского союза. Никто из великих князей не сопровождал Пуанкаре на этом маршруте (СПВ от 9 июля 1914 г.).

...на рысях сопровождал... На рысях — так, что лошадь одновременно выносит переднюю левую и заднюю правую ноги, затем переднюю правую и заднюю левую.

Эта азиатчина... Лейб-гвардии казачий полк формировался из донских казаков. При парадной форме у них на черной мерлушковой папахе-кивере красовалась вместо кокарды андреевская звезда, под которой висело плетенное из белого шнура украшение с двумя кистями на концах, свисающими справа ниже погона. Шлык («лопасть») — клиновидное окончание донца папахи — свисал до низа папахи. Белый султан высился с левой стороны. Казачий мундир (род поддевки) называли «чекмень». Посадка казаков казалась высокой оттого, что на седло они накладывали кожаную подушку, а стремяна висели ниже, чем на кавалерийском седле, так что казаки ездил почти стоя на стремянах. Пики были из железной трубки, темно-зеленые, с граненым острием, с кожаными петлями внизу и посередине: в нижнюю казак вставлял ногу, сидя верхом, а верхнюю надевал на правую руку. Лошади у них были не казенные, а собственные — высокие, стройные, горбоносые, с тонкой шерстью, безукоризненно ухоженные и вышколенные (Ривож Я. 244—246).

...гуляли французские матросы... Городская управа вручила каждому путеводитель по Петербургу на французском языке, трамвайные билеты на все линии и сотню папирос в коробке.

С. 52

...мировая война разразится через какой-нибудь десяток дней. Праздничная атмосфера в центре города контрастировала с обстановкой на окраинах, где в день прибытия Пуанкаре в Петербург поднялась волна беспорядков, возможно инспирированная немецкими агентами с целью дискредитировать Россию как союзника Франции. После отбытия президента (10 июля) число включившихся в беспорядки продолжало расти и достигло 140 тыс. человек (что говорит об умении революционеров обратить ситуацию в свою пользу). Газеты пестрят фактами хулиганства и вандализма распоясавшейся толпы, особенно на Выборгской стороне и на окраине Васильевского острова: опрокидывают столбы телеграфной линии Петербург — Гельсингфорс; угрожая жизни вожаго, останавливают трамвай, выгоняют пассажиров и перегораживают вагоном улицу; грозя расправой возчику, отбирают у него подводу с кирпичом, который он везет на строительство больницы им. Петра Великого; рассеивают похоронную процессию и сбрасывают с катафалка гроб. Градоначальник был вынужден объ-

явить в городе режим чрезвычайной охраны. В иное время такая мера могла подлить масла в огонь. Но настроение толпы круто переменялось, как только в Петербурге узнали о нападении Австрии на Сербию (16 июля). Все мгновенно стали патриотами (Милюков П. 1915. 242, 243).

Визит Пуанкаре в Петербург имел решающее значение для консолидации сил Антанты. Но не только обыватели, а и сам царь, кажется, не предполагал, что скоро начнется война. Проводив президента, он сказал французскому послу М. Палеологу, находившемуся вместе с ним на «Александрини»: «Несмотря на всю видимость, император Вильгельм слишком осторожен, чтобы кинуть свою страну в безумную авантюру... А император Франц-Иосиф хочет умереть спокойно» (Масси Р. 300). Через 5 дней после этого начались военные действия на австро-сербской границе. 18 июля последовал высочайший указ о всеобщей мобилизации в России. В полночь с 18 на 19 июля Германия предъявила России ультиматум с требованием отказаться от мобилизации. Вечером 19 июля германский посол граф Ф. Пурталес явился к министру иностранных дел С. Д. Сазонову за ответом на ультиматум. Получив отказ, Пурталес вручил Сазонову ноту с объявлением войны.

Городской транспорт: извозчики, конка, трамвай

В 1914 г. Петербург занимал территорию площадью 88 кв. верст, простираясь с севера на юг на 12 и с запада на восток на 11 верст. При таких расстояниях остро чувствовалась потребность в средствах транспорта, которые давали бы жителям окраин возможность быстро, дешево и удобно сообщаться с центром города. «К сожалению, эта задача разрешена более или менее удовлетворительно пока только для города в собственном смысле слова; пригороды же остаются при прежних первобытных путях сообщения, что несомненно сильно тормозит их развитие», — писал в 1914 г. К. Н. Пажитнов (ПЖ 52), имея в виду переход на городских железных дорогах с конной тяги на электрическую, который в столице происходил позднее, чем в других крупных городах империи. К этому времени протяженность линий с электрической тягой составляла 112 верст, с конной — 66 верст, с паровой — 9 верст. Пассажиров было перевезено в 1912 г. трамваем 252 млн. человек, на конке 21,6 млн., паровой тягой 8,4 млн. Трамвай сразу стал излюбленным способом передвижения петербуржцев. Транспортная подвижность их быстро возросла: если в 1905 г. приходилось 58 поездок на одного жителя, то в 1914 г. — около 140. Этот взрыв мобильности лишь отчасти может быть объяснен вытеснением жилья из центра и ростом территории города. До появления трамвая петербуржцы больше ходили пешком. Трамвай высвободил давно возраставшую потребность в быстрых и дальних поездках по городу. Поэтому работал он в чрезвычайно интенсивном режиме. Вагоны были реперполнены, несмотря на то что зачастую трамваи следовали один за другим почти непрерывно, тем самым стесняя переходы и проезды через улицы. Особенно затруднительно было движение по Нев-

скому пр. на участке от Адмиралтейского пр. до Гостиного двора (Енакиев Ф. 39, 41).

По числу поездок наземным транспортом Петербург благодаря трамваю встал вровень с европейскими столицами. Но в Берлине, например, к 150 поездкам в год, совершавшимся на трамвае, добавлялось еще 100 поездок в метро, а в Париже к 100 трамвайным поездкам добавлялось 160 поездок в метро. Это сравнение говорит не о каком-то особенном удобстве планировочно-функциональной организации российской столицы, которое избавляло бы ее жителей от необходимости частых поездок. Очевидно другое: в городе с населением почти 2 млн. человек трамвай в качестве основного транспортного средства уже становился анахронизмом, потому что, как и до его появления, потребность в поездках возрастала быстрее тех возможностей, которые предоставляла сеть трамвайных линий. К 1913 г., когда в Лондоне, Париже, Берлине и даже в Будапеште, не говоря уж о крупнейших североамериканских городах, существовал метрополитен, а в Гамбурге и Буэнос-Айресе строительство метро подходило к концу, люди инженерного склада ума видели в метрополитене «своего рода патент на признание за городом мирового значения» (Енакиев Ф. 16). Вызревали первые проекты петербургского метрополитена. По предложению инженера Ф. Е. Енакиева первая линия должна была пройти по трассе, близкой направлению нынешней Кировско-Выборгской линии, но большей частью на эстакадах по уже существовавшим улицам с уходом под мостовую только на Знаменской пл. (Енакиев Ф. 41—58). Если бы Петербург обзавелся в те годы метрополитеном, подвижность его населения быстро достигла бы берлинско-парижского уровня — 250 поездок в год на одного жителя.

В прозорливых головах — проекты метро, а на улицах наряду с переполненными трамваями — конки и бесконечные вереницы извозчиков, создававшие впечатление, будто в столице еще не кончился XIX век. Поскольку же извозчики были очень дорогим транспортом, то технический консерватизм столицы отдавал к тому же и выветривавшейся в других российских городах барственностью. Изредка встречавшиеся авто вносили в эту картину черточки европейской цивилизованности, экстравагантности, спортивности. Прогресс и отсталость сосуществовали рядом, удивляя российских провинциалов и гостей из Европы.

С. 53

...под завывание фабричных гудков... «По первому свистку рабочие встают, по второму выходят из дома на работу, а по третьему — должны быть все на местах. Еще темно, а вереницы рабочих спешат на фабрики, точно пчелы в улей. В шесть часов утра все фабрики и заводы пущены в ход» (Бахтиаров А. 1903. 105).

С. 54

...около тридцати линий конок... К 1914 г. их осталось 12 (ПЖ. 314). Движение конок начиналось около 8 часов утра (Бахтиаров А. 1903. 62).

...наверх, на шпатель... «1903 год. 4 мая. Угрюмые всегда петербуржцы повеселели: сегодня разрешено женщинам ездить на вер-

хах конок. Невольно улыбаешься, видя, как неумело, подобрав юбки, и сконфуженно подымаются по крутым лесенкам барышни и дамы; глаз не привык встречать на имперIALах среди чуек и смазных сапогов нарядные жакетки и шляпы с цветами» (Минцлов С. 7).

...оглобель и дышел не было. Постромки — ремни, соединяющие валёк с хомутом. Валёк — палка, прикрепленная к передку повозки. Оглобли — в русской упряжи жерди для тяги и поворота повозки, укрепленные на передней оси и соединенные с дугой гужами — ременными петлями по бокам хомута. Дышло — оглобля, прикрепляемая посередине оси повозки в парной упряжи для поворота оси.

С. 55

...для реборд колес. Реборда — выступ по краю колеса, препятствующий сходу колеса с рельса.

...вровень с головкой рельса... Головка рельса — верхнее утолщение его профиля.

С. 56

...более мощными и быстроходными. Трамвайные линии в Петербурге строило с осени 1905 г. американское электротехническое общество «Вестингауз», завоевав это право на конкурсе. Первый трамвай от Адмиралтейства до угла 8-й линии и Большого пр. провел 16 сентября 1907 г. инж. Г. О. Графтио. С 28 октября 1907 г. пошли трамваи по Садовой ул. от Невского пр. до Покровской пл., к Новому году — по Невскому от Адмиралтейства до Николаевского вокзала. Через год в столице действовало 9 трамвайных маршрутов, к 1 января 1913 г. их было уже 14. Парк насчитывал несколько сотен вагонов.

Трамваи ходили с 8 утра до полуночи, а в летние праздничные дни и дольше. Проезд по всему маршруту стоил на разных линиях от 5 до 20 коп.; на ледовой трассе от Зимнего дворца к Мытнинской наб. — 3 коп. (Baedeker К. 91).

Вагон имел на концах открытые площадки. На боковых стенках красовался герб Петербурга, на торцовой — номер вагона. По краям крыши на белых щитах был обозначен маршрут. Вечером спереди под крышей горели два цветных фонаря. Под лобовым стеклом висел рукав воздушного тормоза («колбаса»), такая же «колбаса» висела на задней стенке прицепного вагона. «Ездить на колбасе», т. е. стоя на буфере, держась за «колбасу», было любимым развлечением мальчишек. Пассажиры сидели на дубовых скамьях, шедших вдоль окон. Стоявшие держались за висевшие по обе стороны кожаные петли. Пассажиров обслуживал кондуктор; останков он не объявлял.

Остановка — невысокая платформа длиной в 2 вагона, с закрутленными торцами. На столбе для проводов висел транспарант с надписью «Остановка» без указания номеров маршрутов. Трамвайные провода крепились к чугунным литым столбам с легкими перекладами в стиле модерн (Ривош Я. 70, 71).

С. 57

...до Карточной фабрики. Иначе — «до Скорбящей», т. е. до церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости в селении Стекланного завода.

...ретирад с навесом... Ретирад — конечный пункт линии.

Оба паровичка... С 1914 г. паровик ходил только по Невской

линии от Знаменской пл. до дер. Мурзинка. Проездная плата за весь маршрут была внутри вагона 20 коп., снаружи — 12 (ПЖ 314).

...*транспорт для зажиточных...* «Разъезды чиновников и служащих в разных банках, канцеляриях (в 5 часов вечера. — А. С.) почти ничего не дают извозчикам; работают в это время конки, общественные кареты и пароходы «Финляндского общества», — писал знаток извозничьего дела, когда в столице еще не было трамваев. — Для извозчика главный седок — это посетитель канцелярий, банков и т. п., который торопится... и вообще принадлежит к более состоятельному классу, чем чиновник или служащий» (Животов Н. I. 37).

В середине 90-х гг. извозчиков было в Петербурге до 20 тыс. (ПЖ. 187). Число их сокращалось с развитием сети трамваев. В 1909 г. городская управа выдала 16 592, а в 1911 г. — 13 907 легковых извозных знаков (Енакиев Ф. 40).

С. 58

...*экипаж-пролетка — приличный...* Сиденье пролетки было рассчитано на двух седоков. Можно было разместиться на откидной скамеечке спиной к извозчику. Колеса и спицы были деревянные, ободья металлические с литой резиной. Рессоры стояли только на задней оси (Ривош Я. 82).

В Овсянниковском сквере на Песках... Овсянниковский сквер располагался между 3-й и 5-й Рождественскими, Мытнинской, Боровичской улицами и Калашниковским пр.

Стоянки извозчиков... Самые крупные стоянки извозчиков («извозничьи биржи») — на Исаакиевской пл. (на Синем мосту) и между Казанским собором и Екатерининским каналом (Ваедекер К. 90).

...*таксы не было.* Постановлением Городской думы с 1 января 1899 г. был установлен тариф на пользование извозчиками (в коп.):

Тариф	Время (мин.)							
	15	20	25	30	35	40	45	60
Дневной	20	25	30	35	40	45	50	60
Ночной (0—7 ч.)	30	35	40	50	55	60	70	90

Тариф распространялся на территорию, ограниченную на юге Волковским и Митрофаньевским кладбищами, на западе Смоленским кладбищем и Петровским островом, на севере Аптекарским островом и Римско-католическим кладбищем (восточнее товарной станции Финляндской железной дороги). От вокзалов, пристаней, театров и увеселительных заведений прибавлялось еще 15 коп. — за ожидание. Один седок мог иметь при себе до 3 пудов багажа бесплатно, двое освобождались от платы только за 1 пуд багажа. Скорость движения должна была быть по меньшей мере 10 верст в час. «Такса, однако, мало применяется, и обыкновенно извозчиками пользуются по соглашению» (ПЖ. 315). К. Бедекер рекомендовал туристам заранее договариваться о цене, исходя из платы в 40—45 коп. за полчаса и 60 коп. за 45 мин. езды. Например, направляясь в Адмиралтейскую часть от Варшавского и Балтийского вокзалов, предлагать извозчику 40—45 коп., от Николаев-

ского — 60, от Финляндского — от 75 коп. до 1 руб. Турист с большим багажом, если он не хотел воспользоваться гостиничным многоместным омнибусом, мог нанять карету. Особой таксы для карет и ландо не было. Платили приблизительно; карета от Варшавского или Балтийского вокзала до Адмиралтейского пр. стоила полтора рубля. Вообще за поездку в пароконном экипаже по левобережью платили обычно рубль-полтора, поездка через Неву стоила полтора-два рубля, на Острова — 2—3 рубля, за 4—6-часовую прогулку платили 3—5 рублей, за целый день с пароконным экипажем — 10—15 рублей, за ночь — 6-8 рублей.

...нововведение не привилось. Проект введения таксометров обсуждался очень долго — по меньшей мере с 1902 г. Изредка в Петербурге можно было встретить экипаж с таксометром. На таком за первую версту надо было платить 20, за каждую следующую — по 10 коп. На маршрутах от вокзалов — надбавка 15 коп. (Baedeker К. 90).

Зимой извозчики ездили в санках... Различались сани «городские», «ковровые» и «вейки» («чухонские»). Извозчики и владельцы собственных выездов ездили на «городских» — с деревянным (под орех или красное дерево) кузовом и тонкими металлическими копыльями и полозьями. Козлы были такие узкие, что возница скорее опирался на них, чем сидел. Запрягали в одну или две лошади. Ноги седоков укрывались суконной (в собственных выездах — медвежьей) полостью. Седок должен был крепко держаться, чтобы не выпасть на повороте. На стоянке лошадей накрывали суконной попоной. При сильных морозах на них надевали попоны, облежавшие все туловище, с застежками на груди и по брюху. Сбруя надевалась поверх попон (Ривош Я. 83).

..лошадь, идущая следом... «Лошадиная обмерзшая в сосульках морда почти у вас на плече» (Ахматова А. I. 27).

...были нарасхват. В отличие от «дневных» извозчиков, у «ночных» и закладка была погрязнее, и лошадь похуже (Бахтияров А. 1903. 61).

С. 59

Извозчики жили... Извозчицьи кварталы — Лиговка от Николаевского вокзала до Обводного и примыкающие улицы. Здесь их (обычно выходцев из Калужской губернии) жило больше, чем во всем остальном Петербурге. «Ни одной библиотеки, книжной лавки, лечебницы, парикмахерской, галантерейной, мануфактурной... только питейный дом, трактир, портерная, чайная, реже попадает мелочная лавка, хлебная пекарня, квасная... и все... <...> Этим исчерпываются потребности извозчика... Даже единственная здесь баня торгует всего три дня в неделю» (Животов Н. I. 27, 29).

..условия в общежитии были скверные... «Извозчики живут у хозяев на их харчах, получая 8 руб. в месяц жалованья и... право ткнуть после езды где-нибудь «соснуть». Харчи состоят из щей или похлебки, получаемой извозчиками утром перед выездом; затем, возвращаясь ночью, некоторые находят хлеб «незапертым» и закусывают краюхой на сон грядущий, большинство же хозяев забирают хлеб, и извозчики должны ложиться голодными. Об одном хозяине извозчики рассказывали: «На 36 рабочих он имеет одну комнату с девятью матрацами, но и матрацы эти выдаются только на те дни, когда «санитары по дворам шляются», а как толь-

ко «санитарная комиссия прошла», матрацы убираются... Извозчики хоть и получают жалованье по 7 руб. в месяц, но... не увидят никогда ни копейки... Все идет на вычеты и штрафы» (Животов Н. I. 31). Впечатления седока: дрожки пахли дегтем, кожей и лошадыми, «однако обычно самый сильный запах исходил от самого возницы... запахи от немытого тела проникли сквозь слои одежды, такие же плотные, как у мумии, и столь же редко сменявшиеся» (Стравинский И. 1971. 12). Общераспространенное прозвище извозчика — «ванька». Кучера звали их «желтоглазыми гужеедами», сами извозчики называли друг друга «сватами». Журналист, преобразившийся в извозчика, чтобы ознакомиться с их бытом и условиями работы, рассказывал: «Я не смею сойти с козел, под страхом наказания; не смею зайти, куда бы хотел, потому что везде меня, как парию, выгонят в шею» (Животов Н. I. 2, 3, 6, 21).

Были в столице лихачи... Большинство лихачей были из барских кучеров и всячески это подчеркивали. У лихача и впрямь мог быть собственный выезд. Пролетка на дутых шинах, по бокам козел — электрические фонари. Велюровый цилиндр или бобровая шапка; поддевка тонкого сукна, зимой обшитая куницей или сободем; пояс с серебряными бляхами; перчатки или рукавицы белые из оленьей замши; сади на поясе — путевые часы в кожаной оправе. Летом — бархатная безрукавка поверх русской рубашки; на голове шапка с павлиньими перьями. Волосы у лихача завиты и напомажены, борода расчесанная и подстриженная (Ривош Я. 143).

...драли они безбожно... У лихачей никакой таксы не существовало. Сколь бы коротка ни была поездка, меньше чем за «рупь» лихач с места не трогался, а за час езды брал не менее 3 рублей (Бахтияров Н. 1903. 61, 62). «Городское управление не сдает здесь (на углу Невского и Литейного.— А. С.) никому мест для стоянки, но лихачи на резине по особым соглашениям с господами городскими и дворниками устроили монополию и завладели местами. Стоянки тут бойкие. Напротив Палкин и две гостиницы с номерами для приходящих или приезжающих с островов; кругом богатые фирмы и квартиры. Есть и постоянные пижоны, феи и дамы сердца. <...> Выйдет парочка из гостиницы, потом на острова, ужинать к Палкину, и под утро лихач развезет по домам. <...> Каждый лихач имеет своих постоянных «гостей» и знает все их интрижки. <...> Некоторые лихачи... оказывают своим седокам существенные услуги по части знакомства и сокрытия концов в воду; они при случае могут достать деньжонок, оказать кредит. <...> Рассказывают про одного «пижона», который спустил около 200 тысяч рублей в одно лето, при постоянном посредничестве лихача Максима. Пижон теперь нищенствует, а лихач величается «Максим Митрич» и имеет 40 закладок» (Животов Н. I. 13, 14).

...тройки для катания... При запряжке тройкой коренник бежал рысью, а пристяжные скакали галопом. Обычно коренник был рысаком, а пристяжные — лошадьми верховых пород. Во время бега пристяжных заставляли держать голову набок. Пристяжные обычно подбирались «под масть» — одного цвета, с одинаковыми отметинами, — а коренник мог быть другого цвета, но особым шиком считалась одномастная тройка (Ривош Я. 81, 82).

...у цирка Чинизелли. Цирк Чинизелли — ныне Санкт-Петер-

бургский государственный цирк (Фонтанка, 3). Летняя стоянка троек — за Казанским собором (Baedeker K. 90).

С. 60

Внутри все обито коврами... У «ковровых» саней (как и у «век») шли по бокам на всю длину отводы толщиной с оглоблю, которые отводили снег на узком санном пути и поддерживали сани на ухабах. Ковры в них были обычно черные, с красно-зелеными цветами. Поверх щитков от снега иногда ставили электрические или карбидные фонари. Лихачи устанавливали фонари и на торцах оглобелей. Чаще всего на таких санях катались в масленицу (Ривош Я. 84). Стоило это, в зависимости от расстояния, 8—20 руб. плюс рубль—два чаевых (Baedeker K. 90).

...вейки. «Вейками» называли и саночки, и самих возниц (фин. veikko — товарищ, друг, брат).

...в английской упряжке... Фазтон — легкая коляска со складным кожаным откидным верхом. Английская упряжь — без дуги и гужей: тяга осуществлялась постромками. Оглобли служили только для поворота и крепились к поворотному кругу, а не к осям. Считалось шиком держать вожжи левой рукой, как поводья при езде верхом, а в правой держать хлыст из камыша или китового уса, оплетенного ремешками (в русской упряжке ездить с кнутом в руке считалось неприличным, даже извозчики прятали кнут за голенище). Можно было вставить хлыст в гнездо на переднем щитке или в ногах. Лошадям стригли голову и холку, хвост купировали (закладывая такую лошадь по-русски, ей подвязывали фальшивый хвост, иногда и гриву); передние ноги бинтовали; для предотвращения солнечного удара на голову лошади водружали соломенную шляпу с небольшими полями с отверстиями для ушей и очень высокой тульей. Грум соединял обязанности кучера и выездного лакея. Специально подбирали малорослых грумов, часто мальчиков 14—15 лет. Форма грума — курточка до пояса, со стоячим воротником; белые бриджи; жокейские сапоги; белые замшевые перчатки. «Эгоистка» — то же, что шарабан; двухколесный открытый экипаж с упряжкой в одну или две лошади. Экипажи под английскую упряжь (коляски, ландо, кареты, кабриолеты) чаще, чем в русской, были с красными или желтыми колесами с дутыми шинами и никелированными спицами. При светлых кузовах сбруя была желтая или коричневая. Английские экипажи часто были снабжены ручным тормозом. Ездили в них преимущественно летом (Ривош Я. 82, 98, 181).

С. 61

...лакей сидел рядом с кучером на козлах. Выездной лакей открывал и закрывал дверцы экипажа, откидывал ступеньку кареты, держал под уздцы лошадей во время стоянки, носил покупки и вещи хозяина, опекал собаку, укутывал ноги седоков пледом. Подбирали их из людей высокого роста. Сидел лакей слева от кучера. Форма выездных — велюровый цилиндр; летом — обшитая галуном короткая ливрея со стоячим воротничком, бантик или пластрон, белые бриджи, заправленные в черные жокейские сапоги, светлые замшевые перчатки; осенью и весной поверх ливреи — шинель типа «николаевской» с эполетом и аксельбантом; зимой — шинель с меховым воротником (енот, медведь) (Ривош Я. 180). Кучера частенько бывали бездельниками, хвастунами и сплетника-

ми. «Лошадей убирает конюх, мое дело только на козлах сидеть и 30 рублей в месяц, окромя харчей и подарков». В часы ожидания господ у театров и ресторанов они громко обсуждали интимные подробности жизни своих хозяев (Животов Н. I. 33, 34).

...выезды для обслуживания императорских театров... Экипажное заведение Дирекции императорских театров находилось на Вознесенском пр., 39. Тамара Карсавина вспоминала: «Огромные экипажи, называемые «допотопными ковчегами», вмещали шесть человек. Когда нас бывало больше, мы ехали в сопровождении двух классных дам, горничной и швейцара, сидевшего на козлах. В торжественных случаях нам подавали старинный рыдван на пятнадцать мест, очень длинный, с окошком в задней стенке» (цит. по: Гершензон П. 301). Конструкция линейки — длинная доска на колесах. Ноги седоков покоились на длинной ступеньке, укрепленной по бокам линейки. Кучер сидел на доске верхом, поставив ноги на упоры.

С. 62

...появились автомобили... Первые автомобили появились в столице в 1901 г. Один принадлежал графу Фредериксу, другой — великому князю Дмитрию Константиновичу. Недоверие царя к авто, часто останавливавшемуся без всякой видимой причины, сменилось интересом после того, как в 1903 г. во время визита в Гессен царской чете пришлось сделать несколько поездок в автомобиле с принимавшим их великим герцогом Эрнестом. «Вернувшись в Царское Село, мы однажды увидели князя Владимира Орлова подъезжающим к дворцу на элегантной машине («Делоне-Бельвилль»). После завтрака государь пожелал прокатиться на этой керосиновой штучке. Объехали кругом парка, и государь тотчас же посоветовал и государыне сделать «экскурсию». Орлов поспешил предложить машину их величествам. Прогулки сделались почти ежедневными. <...> В конце года (1904. — А. С.) императорский гараж был уже оставлен очень полно. Сначала появилось десять автомобилей, потом двадцать; выросла даже школа шоферов. Орлов продолжал лично возить царя. <...> Через несколько лет у царя образовался один из самых обширных автомобильных парков в Европе» (Мосолов А. 175, 176). Наиболее распространены были французские марки «Дион-Бутон», «Пакар-Лэвассер», «Рено», «Пежо»; немецкие «Даймлер-Бенц», «Мерседес», «Опель»; итальянские «Фиат» и «Мангия» (Ривовш Я. 72).

...автомобиль был редкостью... В 1911 г. в Петербурге числилось 1314 частных и 417 казенных автомобилей (Енакиев Ф. 40). Скорость езды не ограничивалась. Неписанные правила сводились к трем пунктам: придерживайся правой стороны; обгоняй слева; остановись, если тебя испугалась лошадь (Baedeker К. 25—26).

...одет на заграничный манер... Головной убор шоферов — фуражка-«капитанка» или кепка с застегнутыми наверху на кнопки «ушами». Обязательны были очки-маска с двумя стеклами, вставленными под углом. Пальто шоферов или хозяев, садившихся за руль, обычно было в клетку. Зимой кабина не обогревалась, приходилось надевать утепленное пальто с меховым воротником, шубу или доху и кутать ноги пледом или меховой полостью (Ривовш Я. 142). Реглан — одежда, у которой рукав составляет одно целое с плечом.

...автоксис частных владельцев. Таксомоторы известны петербуржцам с 1902 г. (Раевский Ф. 52). В 1911 г. их насчитывалось 403 (Енакиев Ф. 40). К 1914 г. все принадлежали Российскому таксомоторному АО (контора на Б. Конюшенной, 17). Твердого тарифа не было. Один-два пассажира обычно платили (вместе) 20 коп. за версту, с полудня до 7 утра — 30. Три-четыре пассажира соответственно — 30 и 40 коп. за версту. За ожидание шофер брал 2 коп. в минуту. За 5—8 руб. можно было совершить автомобильную экскурсию по городу протяженностью 20 верст с остановками у достопримечательностей (Baedeker К. 91, 98).

...разных фирм и фасонов. Легковые автомобили сохраняли сходство с экипажами: деревянные кузова (у дорогих машин — красного или палисандрового дерева) такой высоты, чтобы в них можно было сидеть в цилиндре или в высоком кивере; открытое, как у кучера, место шофера; гербы или монограммы на дверцах; колеса с желтыми и красными деревянными или велосипедными спицами, с гладкими белыми или красными шинами (шины с тисненым рисунком, препятствующим скольжению, появились перед войной); стеганые, с путовками, кожаные сиденья; навесные медные фонари. Капоты были медные или никелированные. Открытые авто в ненастье или зимой покрывали кожаными или брезентовыми «верхами» со слюдяными или целлулоидными окошечками. Рычаги переключения скоростей, тормоз и сигнал были вынесены за борт. На подножке рядом с сиденьем шофера стоял аккумулятор. Ни бамперов, ни багажника не было. На крыше крепилась решетка для багажа. Подфарников и стоп-сигналов не имелось. Фонари (электрические или карбидные) были съёмные: водитель мог осветить яму на дороге или использовать фонарь при ремонте машины. В закрытых авто шофер и пассажиры разделялись стенкой или стеклом; в кабине имелась переговорная трубка. На крышке радиатора владелец укреплял какую-нибудь фигурку по вкусу. Мотор заводился вручную, что требовало большой силы и сноровки. На ходу автомобили очень шумели, из выхлопной трубы вырывалось облако темного дыма. Довольно большая скорость (50—70 км в час) достигалась благодаря мощности мотора (50—150 л. с.) (Ривош Я. 72, 73).

Шоферы этих такси... Шоферы такси были одеты в белые лифры с черным воротником, носили фуражки — «капитанки» с черным околышем и с белой тульей. Эти цвета соответствовали окраске таксомотора, тоже бело-черного (Ривош Я. 142). Каскетка — род легкой фуражки.

...в адрес автомобиля. Авторы не упоминают в этой главе о велосипедах, распространенных до революции довольно широко. В ходу были русские велосипеды «Дукс», иностранные «Триумф», «Вандерер», «Гладиатор». Людям солидным ездить на велосипеде считалось неприличным. Пользовались велосипедами учащаяся молодежь, мелкие чиновники, конторщики, служащие, приказчики, доставлявшие телеграммы почтальоны, посыльные некоторых фирм. Из рабочих ездили на велосипедах высокооплачиваемые — типографские или металлисты. На трехколесных велосипедах развозили мелкие грузы и газеты. Женщинам ездить на велосипеде по городу не полагалось, они пользовались им только на даче (Ривош Я. 79, 80).

...ломовые извозчики... Ломовик обычно шел рядом с лошастью, держа вожжи в руках. Поэтому летом ломовики носили непромокаемые высокие сапоги, зимой — валенки, обшитые до голенища резиной. Основной элемент их одежды — жилет красного сукна, который носили не застегивая. Спинка жилета из плотного холста на вате, на плечах были холщовые «крылышки». Жилет надевался летом на рубашку, весной и осенью на пиджак, зимой на полушубок. Подпоясывался ломовик кушаком из кумача. Кончался кушак железным острым крючком, при помощи которого ломовик, сняв пояс, зацеплял мешок или ящик и, взвалив на спину, нес, держа в руках другой конец пояса. В костюм ломовика входил также холщовый передник с нагрудником. Рукавицы у ломовиков были из бараньей кожи. Головным убором служил суконный картуз, а зимой шапка-ушанка или финская шапка на меху с загнутыми наружу полями и помпоном сверху (Ривош Я. 150).

...по несколько десятков подвод. Подвода («полок») — платформа из дубовых досок, окованных по углам железом, с железными скобами для крепления грузов, с железными тяжами. Колеса массивные, с широкими ступицами и спицами. Рессоры — только сзади. Колеса и рессоры красили в яркие цвета — красный, желтый, синий, зеленый, а верх полка оставался некрашеным. Помимо полка существовали огромные крытые фургоны для перевозки мебели, менее крупные — для перевозки хлеба, продуктов (Ривош Я. 98, 99).

...тяжеловозы-битюги... Ломовые лошади — с толстыми короткими шеями, большеголовые, с раздвоенными крупами, с длинными волосами на ногах ниже колен. Привы и хвосты очень густые, длинные. Битюги — лошади, разводившиеся на конном заводе на берегу реки Битюг в Воронежской губернии. Кроме битюгов работали английские клайдесдалы, бельгийские арденны и немецкие шарнхорсты. Дуга в ломовой упряжи была плоская, широкая, разрисованная цветами и орнаментом. На ней писали фамилию извозопромышленника. К дуге чуть выше гужей прибывался синий номер с черными цифрами.

...тушу черкасского быка. Черкасский — казачий, украинский. Черкасский скот доставлялся в Петербург из приволжских и заволжских степей (ПЖ. 44, 45). По утрам со всех концов города плелись на Скотопригонный двор огромные ярко-красные обитые цинковыми листами телеги. К трем часам там ожидали груза сотни ломовых. Туши быков, вздернутые за задние ноги, висели на цепях на железных коромыслах. На блоках, в висячем положении, тушу подводили к дверям, четверо рабочих снимали ее с коромысла, укладывали на телегу и покрывали брезентом (Бахтиаров А. 1903. 96).

...на тивной барде... Барда — гуща из отходов пивоварения.

Быт старого петербургского дома

В этой и следующей главах изображены типы из разных слоев населения. Дополним эту картину перечнем социальных групп.

В партере и ложах императорских театров, в клубах, в часы

фланера на престижных улицах тон задавали родовая знать и высшее чиновничество. Их отпрыски наполняли привилегированные учебные заведения. Возглавляемыми ими учреждениями практически руководили люди помельче — вице-директора, столоначальники, как правило потомственные дворяне. Часам к 11—12 они являлись в свои департаменты; после нескольких часов работы над различными докладами и отношениями выходили на Невский пр. «нагуливать аппетит», а затем ехали обедать домой или в ресторан; вечером — посещение клуба, театра и неизменная игра в карты. Им старались подражать средние чиновники, а за средними тянулись мелкие, на которых ложилась основная масса бумажной работы. Эти уже не без труда сводили концы с концами.

Много чиновников работало в частных акционерных компаниях, банках, страховых фирмах, правлениях частных железных дорог и т. п. Во главе их стояла финансовая аристократия, которая в погоне за почетом и роскошью стремилась не отставать от родовой знати.

Лиц свободных профессий было в Петербурге больше, чем в любом другом городе России. Литераторов, ученых, художников, артистов привлекали сюда многочисленные издательства, научные и культурные учреждения. На адвокатов был большой спрос в столичных официальных и деловых кругах. Педагогов столица притягивала множеством учебных заведений и семейств, приглашавших воспитателей и учителей на дом. Врачи, фельдшера, дантисты легко находили работу в городе, отличавшемся нездоровым климатом и санитарным неблагополучием, а акушерки были востребованы в силу высокой рождаемости.

Все упомянутые группы составляли, с семьями, около 1/7 численности населения столицы. Занятые же торгово-промышленной деятельностью (тоже с семьями) — 62,6%. При этом 38,7% населения были дворянами, купцами, почетными гражданами, мещанами и цеховыми, а остальные крестьянами (Чериковер С. 89-103).

«Ярославль, Тверь, Рязань и Тула направляют в Петербург свои лучшие силы... обладающие такими качествами, как сила, ловкость, сообразительность. Даже сама Московская губерния из своих наиболее грамотных волостей посылает население в отхожие промыслы не в Москву, а в Петербург. То же делают и другие губернии России. Этот отбор совершается как на местах в виде родового тяготения к Петербургу, так и в этом последнем, производящем сортировку пришлого элемента, причем наиболее трудоспособные лица находят себе дело, а остальные, долгое время пребываясь со дня на день, в конце концов уходят в Москву» (Мертваго А. 184).

Приток мужской рабочей силы привел к преобладанию в столице мужского населения над женским. Этим Петербург был непохож на европейские столицы, где женщин было больше. Впрочем, эта разница понемногу сглаживалась: в 1896 г. на 100 мужчин приходилось здесь 77 женщин, а в 1900-м — 84.

Легче всего крестьянам было устроиться на поденную работу. В 1897 г. поденщиков было в Питере около 40 тыс. Привыкнув к городу, большинство находило постоянные места в качестве дворников, чернорабочих или домашней прислуги, уступая поденные работы следующим волнам мигрантов.

Домашней прислуги было в Петербурге свыше 100 тыс., преимущественно женщин, — больше, чем в любом городе Западной Европы. Так, из 1000 петербурженок состояло в прислуге 189, из 1000 мужчин — 59 (считая вместе домовую и домашнюю прислугу), в Лондоне же, соответственно, 42 и 7. Колоссальное количество прислуги в Петербурге было вызвано ее дешевизной, обусловленной огромным предложением; нетребовательностью ищущих такой работы; наличием множества семейств с достатком, а если и без надлежащего достатка, то воспитанием приученных пользоваться прислугой (Чериковер С. 104). Личной прислуги больше всего было в Литейной, Адмиралтейской и 3-м участке Казанской части: 16,3—18,5 чел. на 1000 жителей (Брокгауз I. XXVIII. 284). Особенно завидными считались места швейцаров в богатых домах, отелях, ресторанах; кучеров; поваров и даже лакеев в дорогих ресторанах и кафе. Швейцары и дворники имели хоть небольшую квартиру, где могли жить с семьей. Кто мог, сам был готов платить немалые деньги тем, от кого зависел прием на такую службу. Прислуги другого типа — курьеров, сторожей, низших служащих в казенных, общественных и частных учреждениях, а также при больницах и лечебницах — насчитывалось 15 тыс. Перечисленные занятия давали заработок 150 тыс. неквалифицированных пришлых работников. Остальная масса крестьян шла в торговые-промышленные отрасли и в строительство (в 1900 г. в последнем было занято около 66 тыс. человек) (Чериковер С. 106, 107).

С. 66

...*мебель акажу*... Акажу — тропическое красное дерево, особо устойчивое против гниения.

...*доме Тарасова*. Построен в 1849 г. акад. арх. Г. Э. Боссе. Тарасовым принадлежал и соседний д. 114.

...*домовладение*... Дома 123—125 по Обводному кан.

...*на берегу Невки*. Дача Тарасовых занимала участки д. 2 и 4 в Вяземском пер. (угол с Песочной наб.) и д. 12 на наб. Малой Невки.

С. 67

...*дача Платона Зубова*... На Фонтанке близ Измайловского моста в ноябре 1800 г. поселился по возвращении из опалы не Платон Зубов, а его младший брат — граф, генерал-аншеф Валерий Александрович Зубов (1771—1804). Платон Зубов, активный участник заговора против Павла I, навещался к брату: «В то крутое время за всякими ночными собраниями полиция зорко следила; здесь же в глуши, почти в лесу, ей трудно было видеть поздние беседы недовольных вельмож» (Пыляев М. 262).

...*уцелевших от пожара дворца*. Вероятно, паркеты и двери в доме Тарасовых напоминали дворцовые по той причине, что мастера их фабрики работали по образцам — обгоревшим фрагментам убранства Зимнего дворца.

С. 68

...*домов, заложенных и перезаложенных*... Примером может служить постройка в 1913—1914 г. «Третьим Санкт-Петербургским товариществом для устройства постоянных квартир» дома 73—75 по Каменноостровскому пр. В мае 1913 г. заключили задаточную: владелец участка обязался продать его товариществу за

476 тыс. руб., из коих 50 тыс. получил в задаток, а 300 тыс. отсрочил под залог участка и строений, которые на нем возведут. Тогда же оформили арендный договор: товарищество арендовало участок на 9 месяцев за 19 тыс. руб., которые обязалось уплатить по окончании срока. В июне А. И. Зазерский и И. И. Яковлев разработали и утвердили в городской управе проект дома, в сентябре представили компаньонам смету. Каждый компаньон выбрал себе квартиру и внес на счет, открытый в банке, половину ее стоимости. Другая половина оставалась в виде долга кредитному обществу, в котором дом представляло заложить по окончании строительства. Заранее определили размеры платежей, которые каждый будет аккуратно вносить с момента въезда в квартиру: расходы по оплате займов, долгов и денежных повинностей, по управлению и содержанию дома, по отоплению, по страхованию, по найму дворников, швейцаров и других служащих при доме, по освещению лестниц и дворов, по водоснабжению, по содержанию в чистоте дворов, тротуаров и мостовых, по ремонту дома. Расход за пользование квартирой составлял от 660 до 3000 руб. в год. Все эти сведения опубликовали, после чего открыли подписку лиц, желавших приобрести квартиру в доме. Строительство началось еще до оформления купчей на землю — как только на текущем счете учредителей накопилось 10% стоимости дома с землей. Для строительства, стоимость которого составила 1,3 млн. руб., воспользовались частным кредитом под 8% годовых. В назначенные сроки оформили купчую и закладную и рассчитались с прежним владельцем участка. К сентябрю 1914 г. компаньоны, принимавшиеся к участию закрытой баллотировкой большинством голосов, стали въезжать в квартиры (Товарищество).

...так он был величествен. Повар с подручным — атрибут богатого дома; в домах средней руки держали кухарок. Горничные были необходимы для уборки комнат; в случае необходимости они могли помочь Григорию подать на стол. На Григория, очевидно, были возложены обязанности лакея-камердинера: помогать хозяину при одевании и раздевании, держать в порядке гардероб, убирать кабинет, руководить прислугой. Если Н. А. завтракал у себя в кабинете, то подавал ему, вероятно, Григорий. Во время обеда или ужина ему полагалось стоять за стулом своего хозяина.

...сухоткой спинного мозга... Заболевание нервной системы на почве сифилиса.

...в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку... Лейб-гвардия — почетное наименование отборных привилегированных воинских частей, одной из задач которых была охрана особы императора и его семьи. Л.-гв. Гродненский гусарский полк был сформирован в 1824 г. на правах «молодой гвардии», т. е. имевшей старшинство не в два, а в один чин перед армейскими офицерами.

С. 69

...избирался товарищем городского головы... Товарищ — помощник, заместитель.

...в 1-й Роте... 1-я Рота, д. 5.

...конюшня, в денниках которой... Денник — стойло.

С. 70

...«отдавали» карабины. «Отдать» карабины — отстегнуть зацепки поводьев.

...подъезжал к Кредитному обществу... Петербургское городское кредитное общество находилось на Александринской пл., 7, — минутах в десяти езды от дома Тарасова.

С. 72

...чаевые за услуги жильцам... Другие обязанности дворников — пилить и колоть дрова, выносить мусор, присутствовать в качестве понятых при обысках. Часто дворники бывали осведомителями (Ривош Я. 181).

...одеться по-городскому... Летом дворники ходили в черном картузе с лакированным козырьком, с кожаным доньшком для защиты от дождя; на околыше была медная пластинка с надписью «Дворник». Носили черный или темно-синий жилет, под ним сатиновую или ситцевую русскую рубашку, выпущенную из-под жилета. Сверху — белый холщовый фартук с нагрудником. Большую овальную медную бляху, на которой по кругу шла надпись с названием улицы и номером дома, а посередине было написано: «Дворник», вешали на медной цепочке на шею или прикалывали с левой стороны груди. Дворники носили широкие черные шаровары и высокие сапоги. Верхней одеждой была поддѣвка, подпоясанная кумачовым кушаком. Брюки, заправленные в сапоги «гармошкой» с галошами независимо от погоды; пиджак, отличающийся от брюк цветом и фактурой, — в отличие от дворника настоящий петербуржец счел бы такой наряд не городским, а слободским (Ривош Я. 135, 182).

...гарусный шарф. Гарусный — связанный из крученой шерстяной пржи, окрашенной в разные цвета.

С. 73

...торговцев вразнос... На воротах домов часто висели надписи: «Вход старьевщикам, шарманщикам и тряпичникам воспрещается» (иногда вместо «старьевщикам» писали «татарам») (Ривош Я. 169).

С. 74

...ушел на Путиловский завод. Крупнейшее металлургическое и машиностроительное предприятие царской России, ныне Кировский завод (Петергофское шоссе, 47).

...мастера-краснодеревцы, а внизу — белодеревцы... Краснодеревец — столяр, специалист по изготовлению дорогих, сложных изделий (первоначально — по изготовлению мебели из красного дерева); белодеревец — столяр, изготавливающий простые изделия, без полировки и фанеровки.

...на заре нашей авиации. Аэропланы в России начали строить с 1909 г.

...к сыну Шмунка... Речь идет об Отто Августовиче Шмунке, унаследовавшем мастерскую «А. Ф. Шмунк».

С. 75

...расчищал стрелку... Стрелка — место раздвоения в нижней части копыта.

...охлаждали в обрезе... Обрез — кадка из распиленной пополам бочки, полубочка.

С. 76

Тарасовы владели банями... Эти бани находились в 1-й Роте, в д. 7—9. В 1915 г. их называли по привычке Тарасовскими, но принадлежали они уже не Тарасовым, а их управляющему — почетному

гражданину Андрею Ивановичу Засосову. В 1915 г. в Петербурге насчитывалось 90 бань. Самыми знаменитыми были бани Центральные (Казачий пер., 11), Целибеевские (Бассейная ул., 14) и Воронинские (Мойка, 82).

С. 78

...довольствовались чаевыми. На чай банщику полагалось давать 25—50 копеек (Baedeker К. 31).

...композитора Глазунова. Глазунов Александр Константинович (1865—1936) — композитор, дирижер, профессор и директор Петербургской консерватории. «Глазунов всей своей внешностью никак не походил на композитора, а скорей на купца первой гильдии» (Седых А. 182).

С. 79

...при игре на бегах. Носить толстую золотую цепь — в купеческом вкусе. Двубортная цепь — от левого кармана жилета, где носили часы, до правого кармана (Ривош Я. 103—105). Игра на бегах — тотализатор, т. е. игра на деньги по показаниям счетчика, учитывающего сумму ставок на каждую лошадь и общую сумму ставок.

...арендовал две бани... Никита Максимович Голубков стал владельцем бань на Шпалерной, 2, и на 8-й линии В. О., 5.

С. 80

...Мандля... Мандль Людвиг Игнатьевич — владелец торгового дома мужского и дамского готового платья «М. и И. Мандль» (Невский пр., 16 и 106).

...Каддыка... Каддык Яков Иванович — мужской портной (1-я линия В. О., 36), лауреат 1-й премии конкурса Первого вспомогательного общества закройщиков 1901 г.

...выпить косушку... Косушка — полбутылки водки.

...угловые жильцы... В Петербурге в 1897 г. насчитывалось около 12 000 угловых квартир, в 1900 г. их было 17 800). «Когда вся комната уже заставлена кроватями, избыточные жильцы помещаются в узких закоулках между печью и стеной, иногда даже прямо на полу... спят не только в комнатах и кухне, но и в коридорах, узких проходах, нередко в помещениях, совершенно лишенных света, в углах, где невозможен никакой обмен воздуха. В той же самой комнате, которая служит общей спальней, помещается нередко и мастер-кустарь: портной, сапожник, туфельщик, шапочник, скорняк и др.; его верстак, убогий скарб, который служит материалом для его изделий, — все помещается в общей спальне, и несчастный обитатель угловой квартиры своими легкими поглощает всю ту пыль и грязь, которая уже при легком прикосновении густым столбом поднимается над всей этой ветошью» (ПЖ. 59, 60). Но не надо думать, будто такими были все угловые квартиры. Молодой провинциал из Коми (в будущем социолог с мировым именем), накопив денег на дорогу (пароходом до Вологды и плацкартным вагоном до Питера — не менее 16 рублей!), приезжает в 1907 г. в столицу и находит своего земляка и друга. «Он жил в комнате в старом многоквартирном доме, где вместе с кроватью и скудными пожитками занимал один угол. Три других угла комнаты снимали пожилая женщина, молодая девушка и товарищ Павла, работавший вместе с ним на заводе. Несмотря на явную нищету обстановки, в комнате царили чистота и порядок. Такими же хорошими были и отношения между соседями». К «угловым жиль-

цам» формально можно было причислять не только ремесленников и рабочих, но и компанию из 2–3 студентов, вместе снимавших комнату (Сорокин П. 45, 49).

Магазин назывался табачным... Табачный магазин О. В. Бейнара размещался в д. 3–5 в 1-й Роте. Пачка папирос (25 штук) стоила от 15 до 50 копеек. Вообще в то время было в моде самостоятельно набивать гильзы табаком. Табак обычно был из Бессарабии, с Кавказа или из Крыма, причем последний было трудно отличить от настоящего турецкого. Сигары были очень дороги (Baedeker К. 31).

С. 81

...немец Рейнефельду... Булочная Федора Богдановича Рейнефельда — в д. 3–5. В д. 5 — магазин молочных продуктов «Шунгурово» (владелец — К. Н. Фельдман).

...«венский товар»... Особые «венские» булочки из сдобного слоеного теста.

...«баумкухены»... Баумкухен — немецкий торт в виде дерева.

...в этом же доме... Имеется в виду весь квартал, принадлежавший Тарасовым. Женская гимназия Веры Николаевны Хитрово (1-я Рота, 7-9) была 8-классная, с двумя приготовительными классами, пансионом и музыкальной школой. В этом же квартале находились по наб. Фонтанки, 116, 9-е мужское и 7-е женское городские начальные училища; в 1-й Роте, 3–5, — 17-е женское городское начальное училище.

С. 82

Товарищ министра Садовский... Садовский Владимир Степанович — член совета при министре торговли и промышленности С. И. Тимашеве.

...верхнее платье носил штатское... Носить штатское (точнее, «партикулярное», не форменное) верхнее платье для сановника, чином равного генералу, — скромность демонстративная. Мундир являлся своеобразным иероглифом, по которому сразу было видно, на какой ступени социальной лестницы стоит его обладатель. Любая форма утверждалась государем лично. Изображения всевозможных мундиров и сопутствующих им деталей с указанием размеров (и с подробнейшим описанием, как и когда носить ту или иную форму, какого она цвета, из чего она шьется и какую имеет отделку) помещались в конце томов «Полного собрания законов Российской империи». Каждое ведомство имело свою форму в нескольких вариантах: парадную, каждодневную, выходную, зимнюю, летнюю. Стоимость парадного, расшитого золотом мундира сенатора была равна месячному окладу министра. Государство выделяло вновь назначенным сановникам специальное ассигнование на «постройку мундира». Покрой и фасоны гражданской форменной одежды в общем были схожи с военной формой, отличаясь от нее лишь деталями: цветом материала, кантов, цветом и фактурой петлиц, фактурой и рисунком плетения погон, эмблемами, пуговицами. Лицам, не имевшим классного чина, но состоявшим на государственной службе, во внеслужебное время форму носить запрещалось. А классные чины могли ходить в форме (обязательно при шпаге) и вне службы. Вот от этой-то привилегии и отказывался тайный советник В. С. Садовский (Ривош Я. 196, 198, 199).

...артист Михайлов... И. М. Михайлов жил в доме по Фонтанке,

116.

...в крылатке «альмавива»... Крылатка «альмавива» — широкий плащ-накидка без рукавов, названный так по имени графа Альмавивы, персонажа комедии Бомарше «Женитьба Фигаро». Альмавиву, не выходявшую из моды до конца 50-х гг. XIX в., называли еще испанским плащом. В верности И. М. Михайлова альмавиве видно упрямое стремление соединить артистизм с аристократизмом.

С. 83

...*Николай Николаевич Соколов*... Н. Н. Соколов жил в 1-й Роте, д. 5.

С. 85

...*предки Тарасовых*... Предки Тарасовых были староверами (Пыляев М. 1996. 64).

...*церковью хорошей архитектуры*. Церковь св. Алексия, человека Божия, арх. И. В. Штром, 1867—1868, не сохранилась.

...*смотрителем богадельни*. Попечителем богадельни был Н. А. Тарасов, его помощником значился С. А. Тарасов. Смотрителем богадельни был в 1915 г. Александр Алексеевич Фалин.

С. 86

...*богадельня Елисеева*. Дом для призрения бедных им. Степана Петровича Елисеева (Георгиевская ул., 54).

...*доверенное лицо — Андрей Иванович*. Почетный гражданин Андрей Иванович Засосов.

Жители доходного дома

Спрос на жилье в той или иной части города формировался типичными для данного места группами населения. Заказывая проект дома, владелец участка ориентировал архитектора на соответствующие цены найма квартир и аренды нежилых помещений. Рост населения столицы обеспечивал неуклонный рост доходов с недвижимости, не требуя от ее собственников забот о процветании города. В городском управлении они успешно тормозили инициативы представителей торгово-промышленного капитала («обновленцев»), пытавшихся проводить прогрессивные реформы.

Петербург превосходил крупнейшие города Европы размером и населенностью домов, о чем дает представление следующая таблица (Брокгауз. II. XVII, стб. 882, 883).

Город	Год	На 1 владение		Жителей на 1 квартиру
		квартир	жителей	
Лондон	1901	1,8	8	4,4
Москва	1911	9,5	83	8,7
Вена	1910	11,8	50	4,2
Париж	1906	13,2	35	2,7
Берлин	1910	19,8	77	3,9
Петербург	1910	22,0	154	7,0

Отношение петербуржцев к новым каменным громадам в 4, 5, 6 этажей не было единодушным. «Иные дома стоят еще без дверей и окон, из них тянет, как из погребов, сыростью и холодом, а уже в газетах пестреют объявления о сдаче квартир в них. Нарасхват идут!» (Минцлов С. 92). Со своей стороны, специалисты по санитарии и гигиене находили условия жизни в больших доходных домах крайне нездоровыми, особенно ввиду постоянно возобновлявшихся эпидемий (ПЖ. 57). Литературно-художественная элита была охвачена предчувствием гибели всего, что еще оставалось в столице человеческого, под натиском антигуманной стихии, олицетворяемой брандмауэрами, сжимающими хрупкий мир старого города (Жаганов Г. 159—161). Под мнимой угрозой буржуазной дегуманизации и утраты прежних основ и ценностей жизни в кругу художников «Мира искусства» возник эстетский культ петровского и пушкинского Петербурга. Наконец, в либерально настроенных кругах судили о доходных домах не по строительным их достоинствам, а по отрицательным социальным последствиям слишком плотного их заселения, вызванного дороговизной квартир. Основанием для таких суждений служило сравнение цен квартир в Петербурге и в европейских столицах. Получалось, что петербургские домовладельцы — самые бесчеловечные в Европе (ПЖ. 57).

Сопоставление с отечественными городами дает иную картину. Хотя за квартиры свыше 6 комнат в Петербурге приходилось платить в 3,5 раза дороже, чем в Саратове, и на 18% дороже, чем в Москве, зато это было на 10% дешевле, чем в Киеве, и на 40% дешевле, чем в Лодзи. Квартиры в 4—6 комнат были в 2,4 раза дороже саратовских и всего лишь на 14% дороже московских, тогда как в Киеве они стоили в 2,3 раза, а в Варшаве и Лодзи почти вдвое дороже, чем в Петербурге. Наконец, 1—3-комнатные квартиры во всех крупных городах империи, кроме Харькова, Саратова и Риги, были дороже петербургских (например, в Лодзи — в 2,3 раза). Итак, на российском фоне цены на квартиры в столице были умеренными, причем особенно благоприятными были условия найма небольших квартир — как раз тех, которые приходилось снимать наименее обеспеченным петербуржцам. Добавим к этому, что дрова здесь были дешевле, нежели в каком-либо из крупных городов, — в полтора раза дешевле, чем в Москве, а за электричество приходилось платить так же, как в Москве или Саратове (Степанов А. 1993. 299, 300), — и нас уже не удивит жизнерадостный тон этой главы, резко противоречащий суждениям сангигиенистов и экономистов, прилагавших к петербургской действительности европейские критерии и тем самым получавших неутешительные выводы, какие они и хотели получить.

По уровню комфорта столичные квартиры были ближе к европейскому стандарту, чем в каком-либо ином городе России. Строительные нормативы предписывали иметь в квартире средней величины «переднюю — 3 кв. саж.; кабинет — 6 кв. саж.; зал и гостиную — 12 кв. саж.; столовую — 10 кв. саж.; спальню и будуар (разгороженные драпировкой) — 6 кв. саж.; детскую — 6 кв. саж.; комнату для гувернантки — 6 кв. саж.; комнату для прислуги — 8 кв. саж.; кухню с кладовой — 6 кв. саж. Итого 63 кв. саж. Нормативная годовая плата за такую квартиру составляла 750 руб. (без дров). На са-

мом же деле она была выше — от большого спроса на такие квартиры» (Тилинский А. Ч. II. Отд. 2. 25, 26).

В среднем петербургская квартира состояла из 4—5 комнат, из коих 3 комнаты были чисто жилыми. На каждую жилую комнату (т. е. не считая кухню и прихожих) приходилось в 1900 г. 2,4 человека. Последний показатель имел тенденцию расти (Енакиев Ф. 34).

С.88

...по всему городу. Незадолго до войны возникло движение по строительству жилых домов кооперативными товариществами. Не уступая по уровню комфорта лучшим доходным домам, они оказывались дешевле. Зачинателем и неустанным пропагандистом этого способа решения жилищной проблемы был гражд. инж. А. И. Зазерский (1876—1942). В рекламном издании для лиц, желавших приобрести квартиру в последнем из домов этого типа (Каменноостровский пр., 73—75), сообщалось, что дом будет 6-этажный, с прачечными и квартирами шоферов на 7-м, мансардном этаже и 10 гаражами внизу. Число комнат в квартирах от 3 до 9, не считая людских и кухню, каждая квартира с двумя ходами. По желанию, квартиры можно соединять, увеличивать или уменьшать. Парадные — с просторными светлыми вестибюлями, с уборными для входящих; в каждой парадной — комфортабельная 2-комнатная швейцарская. На каждом этаже черных лестниц — балкон для чистки и проветривания платья. Лифты на парадных и черных лестницах; центральное водяное отопление, вентиляция, в некоторых комнатах камин; центральный горячий водопровод; центральная пылевысасывательная станция; холодные светлые кладовые при кухнях; в прачечных — современные машины для стирки, полоскания, отжимания, быстрой сушки белья; помещения для его хранения; отделения для самостоятельной стирки и глажения (Товарищество).

...крупные архитекторы... Бенуа Леонтий Николаевич (1856—1928) — академик, профессор архитектуры, в 1903—1908 и 1911—1917 гг. ректор Высшего художественного училища Академии художеств. Под его руководством сформировались А. В. Щусев, В. А. Покровский, В. А. Щуко, Ф. И. Лидваль, И. А. Фомин, М. М. Перетяткович, Н. Е. Лансере.

Лидваль Федор Иванович (1870—1945) — академик архитектуры. С 1918 г. жил и работал в Стокгольме.

Белоград Андрей Евгеньевич (1875—1933) — архитектор, построивший в 1913—1915 гг. ряд доходных домов по Большому пр. П. С. между Каменноостровским пр. и Карповкой.

Щуко Владимир Алексеевич (1878—1939) — академик архитектуры, театральный художник. Среди ранних его построек (1909—1911) — доходные дома по Каменноостровскому пр., 63—65.

...дом был построен в 1910 году... Построен гражд. инж. А. И. Зазерским в 1907 г.

Двор-колодец... Если участок был застроен старыми каменными домами, то сначала надстраивали до 5—7 этажей лицевой корпус. Затем перестраивали стоявшие по периметру двора служебные и хозяйственные постройки (каретные, дровяные и сенные сараи, склады, конюшни), превращая их в жилые флигеля, составляющие в целом единый доходный дом с двором-колодцем.

...были полутемными. В 1890 г. в Петербурге жилых квартир с окнами только во двор было 55 тыс. Из 1-комнатных квартир таких было 70,8%, из 2-комнатных — 68,7%, из 3—5-комнатных — 50,0%, из 6—10-комнатных — 14,8%, из более чем 10-комнатных — 6,3% (Брокгауз. I. XXVIII. 319).

С. 89

...жители мансардного этажа... В 1890 г. 22 тыс. петербуржцев обитали на мансардах.

...к словам «с»... «Говорить на эс-ер», как называли эту манеру речи, — обычай, перенятый мещанством из светского этикета начала XIX в., в котором частица «с» заменяла обязательное ранее обращение «сударь», «сударыня» (сообщено Н. К. Телетовой).

...на Морской. Ателье дамского и мужского платья А. Ф. Страубе находилось на М. Морской ул. (ул. Гоголя), 12.

С. 90

...на своем громадном портновском столе... Ср. в «Шинели» Н. В. Гоголя: «Акакий Акакиевич... вступил, наконец, в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом... На шее у Петровича висел моток шелку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо...»

С. 91

...по церковным книгам. Т. е. по книгам, в которых регистрировались акты о рождениях, браках, смертях. Выписки метрических свидетельств из церковных книг имели полную силу только в том случае, если они выданы из консистории.

С. 92

...излюбленную кадрили... Кадриль — танец из 6 фигур, исполняемый четным количеством пар, на 2/4.

С. 93

В Петербурге купечество... В 1900 г. в Петербурге к купеческому сословию относилось 15 тыс. жителей. «Торговцы в парадных, роскошных магазинах на Невском проспекте, Морской и кое-где на прилегающих улицах... одеты по последней моде; их своеобразная галантность роднит их с их собратьями в столичных магазинах Западной Европы. В своей частной жизни они стараются не отставать от петербургских чиновников: те же театры, клубы, рестораны и кафе. Последние годы... наложили свой отпечаток и на эту группу лиц, заставив их интересоваться политическими, общественными и профессиональными вопросами» (Чериковер С. 114, 97—100).

С. 94

...семья подрядчика О... Речь идет об Иване Федоровиче Осипове — управляющем домом по Сергиевской ул., 58, номинальной собственницей которого была П. Н. Осипова.

...почетного гражданина Петербурга. Почетное гражданство, личное и потомственное, было установлено в 1832 г. с целью ослабить «вредное стремление купцов, ученых и художников к достижению (через службу) дворянства, лишаящее среднее сословие лучших его членов». Почетным гражданам были предоставлены важные по тем временам преимущества: свобода от подушной по-

дати, от рекрутчины и от телесного наказания, право участвовать в выборах в городе по имущественному цензу и быть избираемыми на городские общественные должности наравне с купцами 1-й гильдии. Постепенно оно утрачивало значение, а с отменой подушной подати, ограничениями телесных наказаний, всеобщей воинской повинностью, введением Городового положения и отменой ограничений для податных состояний почетное гражданство стало символом социального престижа.

...пошел в драгунский полк вольноопределяющимся. Вольноопределяющийся — нижний чин с образовательным цензом, поступивший добровольно, ранее призыва, на действительную военную службу и пользующийся некоторыми льготами при ее прохождении: он мог не стричься под машинку, иметь не казенное, а свои обмундирование и обувь, сшитые из солдатского материала, но с офицерским шиком; офицеры не имели права говорить ему «ты» и обращались к нему «господин вольноопределяющийся». Во время прохождения службы он оканчивал полковую школу и выходил в запас со званием «прапорщик запаса».

...одной из близлежащих церквей. И. Ф. Осипов был старостой церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости на углу Шпалерного ул. и Воскресенского пр.

...большинство сюртуков. Предпочитая сюртук фраку, купцы старшего поколения демонстрировали неприятие образа жизни, к которому стремилась молодежь и который ассоциировался с ношением фрака.

С. 95

...шарады, требовавшие артистизма. Шарада — загадка, в которой загаданное слово делится на части, представляющие собой самостоятельные слова, отгадываемые по указанным значениям, например: первая часть — напиток, вторая — крупный населенный пункт, целое — южное растение с гроздьями ягод (виноград); артистизма требовали шарады, представляемые в сценках, когда, например, вино и град надо было представить живой картиной.

...приглашался тапёр... Тапёр — музыкант, игравший на танцевальных вечерах.

...азартная картонная игра... Градоначальник то закрывал игорные дома, то разрешал их открыть: «Сердце не камень и против предложенных 100 000 не устояло. Один купеческий клуб за право сохранения азартных игр заплатил 20 000» (Минцлов С. 223).

С. 97

...вышла за правоведа... Правовед — студент Училища правоведения (Фонтанка, 6) — привилегированного учебного заведения, готовившего чиновников для органов юстиции. Чтобы быть принятым туда, надо было происходить по меньшей мере из семьи потомственных дворян. Принимали мальчиков в возрасте 10—14 лет. Это был интернат, воспитанники которого получали и среднее, и высшее образование.

...считался бы мезальянсом. Мезальянс — брак, неравный в социальном отношении.

Свадьба игралась в даме невесты. Как и во всей России, свадьбы в Петербурге чаще всего играли на Красную горку — первое

после Пасхи воскресенье. Описанная здесь свадьба не отличалась ни сдержанностью аристократических, ни разнузданностью настоящих купеческих свадеб, которые весь апрель и май «кормили» фельетонистов — с «кутежами в «Палкине» или «Малом Ярославце», шумным обсуждением приданого и выбрасыванием бутылок из карет» (Лурье Л. 173).

С. 98

Невеста с фатой, с флёрдоранжем... Флёрдоранж — белые искусственные цветы, похожие на цветы померанцевого дерева (первоначально сами такие цветы) — принадлежность головного убора невесты в обряде венчания при первом браке.

С. 99

Танцами дирижировали... Дирижирование — управление танцевальными вечерами, балами, осуществляемое дирижером с помощью специальных терминов (в основном на французском языке), жестов, мимики, танцевальных фигур. Как правило, это были профессионалы, знающие самые модные парижские танцы и умеющие обучить им.

...веселый момент. Падекатр — русский парный бальный танец, состоящий из па вальса и скользящих шагов, на 12/8, 4/4. Падеспань — русский парный бальный танец, созданный в 1898 г. из элементов характерно-сценического испанского танца, на 3/4, умеренно быстрого темпа. Краковяк — русский парный бальный танец на 2/4, соединяющий элементы старинного польского быстрого танца с вальсом. Падепатинер — русский парный бальный танец, имитирующий движения конькобежцев легкими скользящими шагами и позами, на 2/4 или 4/4, умеренно быстрый. Полька — возникший в 30-х гг. XIX в. чешский парный танец с быстрым, непрерывным чередованием прыжков в живой непринужденной манере, на 2/4. Галоп — скачкообразный стремительный парный бальный танец на 2/4.

С. 100

...уехали за границу. От Варшавского вокзала дважды в неделю отходил в Париж изящный «Норд-экспресс»: вагоны, крашенные под дуб, надписи — медные; в окнах виднелась голубая обивка диванов, красноватый лак и тисненая кожа стенок, зеркала, тюльпанообразные лампочки, устилающий полы бобрик (Набоков В. 109, 110). Другой излюбленный маршрут петербургских новобрачных — с Финляндского вокзала на Иматру (Стравинский И. 1971. 21).

С. 102

...обратившись к сыну по-английски... Обращает на себя внимание англомагия этой семьи: теннис, культ лошадей, английская речь в быту. Ср. у Набокова: «В обиходе таких семей, как наша, была давняя склонность ко всему английскому». Он вспоминает детское лондонское мыло, раскладные резиновые ванны из Англии, на завтрак яркий паточный сироп, лондонскую зубную пасту. «Бесконечная череда удобных, добротных изделий, да всякие ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из Английского магазина на Невском (д. 15. — А. С.). Тут были и кексы, и нюхательные соли, и покерные карты, и какао, и в цветную полоску спортивные фланелевые пиджаки, и чудные скрипучие кожаные футболы, и белые, как тальк, с девственным пушком, теннисные мячи в упа-

ковке, достойной редкостных фруктов. Эдемский сад мне представлялся британской колонией» (Набоков В. 1991. 65, 66).

С.104

...*привилегированные учебные заведения*... Привилегированными учебными заведениями кроме Училища правоповедения были Пажеский корпус (в бывшем Воронцовском дворце, Садовая ул., 26), готовивший офицеров гвардии; Александровский лицей (бывший Царскосельский, переехавший в 1844 г. в здание на Каменноостровском пр., 21), выпускавший чиновников для министерств иностранных дел, внутренних дел и императорского двора; Смольный институт (Леонтьевская ул., 1) — первое в России женское учебное заведение закрытого типа, воспитанницы которого — девочки из дворянских семейств от 6 до 18 лет — по окончании института имели право преподавать в качестве классных дам.

...*Путейский или Горный институты*. «Путейским» называли Институт инженеров путей сообщения императора Александра I (ныне — Государственный университет путей сообщения). Горный институт сохранил свое название, переименовав почетное наименование «императрицы Екатерины II» на «имени Г. В. Плеханова». Это были модные тогда институты (в первом конкурс был около 10 человек на место), как и институты Электротехнический и Гражданских инженеров (Лурье Л. 174).

С. 105

Matante — (фр.) тетушка.

...*Третьяковых и Морозовых в Петербурге не было*... Третьяковы — здесь имеются в виду владельцы Костромской льноткацкой и льнопрядильной фабрики братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы. Павел Михайлович (1832—1898) с 1856 г. собирал произведения русского искусства; разделяя идеи русских просветителей, оказывал поддержку художникам-передвижникам. «Почетный вольный общник» (с 1868 г.) и действительный член (с 1893 г.) петербургской Академии художеств. В 1892 г. передал свое собрание в дар Москве. Сергей Михайлович (1834—1892) — деятель городского самоуправления Москвы, в 1877—1881 гг. московский городской голова. Активный деятель Московского художественного общества, Московского училища живописи, Русского музыкального общества. Собирает западноевропейской живописи. В 1892 г. завещал свое собрание через брата Москве. Первоначально оно хранилось в Третьяковской галерее; в 1925 г. передано в Музей новой западной живописи.

Морозовы — текстильные фабриканты-миллионеры. Савва Тимофеевич Морозов (1862—1905) — по образованию химик (окончил Московский университет), поклонник Максима Горького, весьма способствовал созданию Московского Художественного театра, финансировал его, вел всю хозяйственную часть театра. Его брат Сергей Тимофеевич субсидировал журнал «Мир искусства», основал в Москве Кустарный музей (ныне Музей народного искусства), здание для которого построил на свои средства. Михаил Абрамович Морозов (1870—1903) — «историк-ученый, журналист, романист, коллекционер, бонвиван, прожигатель жизни, джентльмен и напористый мужик, кутила, швыряющий на ветер несчетные деньги, и купец, торгующийся из-за малого, поскольку

купить задешево — дело принципа» (Костеневич А. 89). У М. А. Морозова на Смоленском бульваре собирался кружок художников, постоянными членами которого были К. А. Коровин, М. А. Врубель, В. А. Серов. Он коллекционировал их картины, западноевропейскую символистскую живопись, произведения французских импрессионистов и пост-импрессионистов. Его брат Иван Абрамович (1871—1921) — по образованию химик (окончил Политехнический институт в Цюрихе); собиратель новой русской живописи (К. Коровин, А. Головин, К. Сомов и др.) и обладатель большой коллекции картин современных французских мастеров.

...приглашали к своим детям гувернанток... Из более чем 20 контор по найму гувернанток, горничных, бонн, кухарок наибольшей известностью пользовалась контора на Владимирском пр., 18. Она «походила на настоящий рынок невольников. Чаевших получить место выводили по очереди. Дамы их обнюхивали и требовали аттестаций. Аттестация совершенно незнакомой дамы, особенно генеральши, считалась достаточно веской, иногда же случалось, что выведенное на продажу существо, присмотревшись к покупательнице, фыркало ей в лицо и отворачивалось. Тогда выбегала посредница по торговле этими рабынями, извинялась и говорила об упадке нравов» (Мандельштам О. 7, 8). В семьях, где росли мальчики, часто меняли горничных, следя за тем, чтобы по мере того, как сын подрастал, возраст горничной был более почтенным (Стравинский И. 1971. 2).

...почитаемая икона... Вероятно, имеется в виду старинная икона Ченстоховской Божией Матери, которую М. И. Кутузов подарил Казанскому собору.

С. 106

...»умственные» игры... Флирт цветов — игра, в которой обменивались карточками, где под названиями нескольких цветов были написаны изречения; передавая партнеру карточку, называли в качестве шифра цветов, под которым тот читал (про себя) адресованное ему изречение. Фанты — игра, в которой надо выполнить шуточное задание, выпавшее по жребию владельцу «фанта» — отданного на жеребьевку предмета. Почта — игра, похожая на «флирт цветов».

Обитатели ночлежек и сиротских домов

Чем богаче город, тем легче в нем прожить без работы. Нищие в центре города — признак его благополучия. В этом отношении Петербург, где нищие составляли 1% населения, сильно уступал Москве (7%). Мест в ночлежках здесь было вдвое меньше, чем в Москве, но на место в Питере приходилось 5 бездомных, а в Москве — 16. Причина популярности «белокаменной» у всероссийской нищей братии не только в богатстве и радушии москвичей, но и в особенностях методов, какими действовала в обеих столицах полиция и «Особое присутствие по разбору и призрению нищих».

Московская полиция была бессильна держать под контролем более чем сотню тысяч лиц, предпочитавших побираться, но не работать. Там ежегодно доставляли в «Особое присутствие» всего лишь около 8% имевшихся в городе нищих. И хотя московское

«Присутствие» имело право определять их на принудительные работы и располагало несравненно большей, чем в Петербурге, емкостью рабочих мест для них, Москва предпочитала предоставлять свой рабочий дом и дома трудолюбия не нищим, а тем из бедняков, кто действительно искал работу. По существу, борьбу с нищенством подменили в Москве приносившей доход благотворительностью, а нищих предоставили самим себе (что, судя по их количеству, вполне их устраивало).

В Петербурге все было иначе. Здесь в «Особом присутствии» в течение года оказывался едва ли не каждый бродяга, а иные даже по несколько раз. Рабочих мест для них было очень мало, к тому же здешнее «Присутствие» не обладало правом принуждать их к работе. Подавляющее большинство нищенствующих высылали, а остальных устраивали в небольшие мастерские трудовой помощи, не стараясь перехватить у благотворительных учреждений попечительство над ищущими работу бедняками.

Однако бродяги сумели и высылки превратить в постоянный источник существования, вновь и вновь возвращаясь в столицу. Мужик, вернувшийся в 19-й раз, рассказывал: «Если бы нас не высылали — хоть с голоду помирай. Я нарочно не беру паспорта из волости... Без паспорта нас заберут, посадят в тепло, накурмят, обуют, оденут, а с паспортом хоть с голоду помирай... Вот примерно теперь, мы идем в Питер, все без паспорта, все высланные. Значит, нас сейчас же заберут. И хорошо. Недели две мы посидим, отдохнем, поправимся, потом недели две, а то и месяц подержат нас в пересыльной; здесь каждому дадут по полушубку, теплые валенки и отправят на родину этапом... Доставят на место, спросят: «Шубу хочешь отдать?» Зачем отдавать?! «Нет, мол, не хочу». Ну, и оставят тебе шубу... Эту шубу сейчас «по боку». Выручишь рублей пять, и обратно в Питер, за другой шубой. <...> Только и живу этим. Летом нам вместо шуб армяки дают; те дешевле, а тоже хорошие, новые армяки» (Животов Н. П. 44, 45).

«Целые деревни в Себежском уезде Витебской губернии переселяются на осень и зиму в Петербург нищенствовать. В Макарьевском уезде Костромской губернии целые волости нищенствуют. Это их отхожий промысел. В волости имеются мастера, фабрикующие паспорта, свидетельства о пожарах, градобитиях, даже дозволения на сборы на построение храмов» (Бахтияров А. 1903. 61).

По подсчетам публициста — сторонника замены высылки принудительным трудом в работном доме — бродяги стоили Петербургу более 1 млн. руб. в год (Животов Н. П. 45). Приходится признать, что за безалаберностью московской полиции крылась экономическая и нравственная мудрость: бюджет города освобождался от миллионных трат, которые превращались в акты милосердия москвичей, к обоюдному удовлетворению имущих и нищих (Степанов А. 1993. 301).

Сознавать это ныне особенно досадно ввиду того, что сохранилось свидетельство отменного здоровья тогдашних обитателей петербургского дна: «Что достойно внимания из быта бродяжек-попрошак — это долголетие их! Здесь есть юбиляры, по 50—60 лет занимающиеся нищенством, есть старики и старухи 80—90 лет, еще в молодости впавшие в бедность... И какие все бодрые, молодцеватые!.. Кровь с молоком, хотя едят они какую-то падаль, и

то не ежедневно, ночуют, случается, под открытым небом... В трех ночных приютах, где я ночевал за время своего интервью, было 239 бродяжек; из них 170 седых старцев, из этих 170 самый молодой 58 лет, а самый старый 103 лет. <...> Нищие и бродяжки ведут сравнительно спокойную от душевных волнений и забот жизнь... Их потребности — грошовые, удовлетворяемые подающим; их заботы ограничиваются тощим желудком и полицейским обходом. Между тем сколько волнений и тревог приходится переживать нам с вами, читатель, особенно имеющим семью?! У бродяжек не бывает ни порока сердца, ни нервных ударов, апоплексии, подагры и т. п. ...нет сидячей жизни, развивающей хронические болезни, нет простудных болезней, потому что организм их привык ко всему; нет у них и ожирения... Громадное большинство (бродяжек. — А. С.)... счастливо своим положением, не желая ничего лучшего и бегая от всяких богаделен и приютов» (Животов Н. II, 18, 19).

В 1902 г. в Петербурге под эгидой Министерства внутренних дел действовало 93 благотворительных общества. К ним надо прибавить общества, имевшиеся в каждом приходе. Обширную благотворительную работу вела Собственная е. и. в. канцелярия по учреждениям императрицы Марии. Лица, вносящие пожертвования в фонд этого ведомства, имели право носить мундир, великоопение коего соответствовало размеру пожертвования. Это сделало филантропами многих купцов-толстосумов из числа почетных граждан (Ривош Я. 196). Самостоятельно действовало Императорское Человеколюбивое общество. Свою сеть приютов, инвалидных домов, лечебниц, амбулаторий имело Российское общество Красного Креста. В 1896 г. всех благотворительных обществ, братств, попечительств, комитетов и корпораций насчитывалось в Петербурге 334 (в Москве 164). Сумма их капиталов составляла 157 млн. руб. (в Москве 46 млн.). На эти средства и на добровольные частные пожертвования (около 2 млн. в год как в Петербурге, так и в Москве) содержалось в Петербурге (в скобках данные по Москве): 90 (120) богаделен, 146 (56) детских приютов, 79 (61) учреждений медицинской помощи, 197 (123) школ благотворительного характера, 35 (10) дешевых столовых, 6 (3) ночлежных домов, 19 (5) домов трудолюбия, 23 (12) яслей, 34 (40) дешевые квартиры, 9 (19) народных читален; странноприимных домов в Петербурге не было (в Москве — 4). Всего в столице насчитывалось 638 таких учреждений (в Москве 453). В том же году в Петербурге смогло воспользоваться благотворительностью 615 тыс. человек (в Москве 438 тыс.) (Россия. 421—423).

С. 107

...бедноты, ютившейся в подвалах... В 1890 г. 50 тыс. петербуржцев жило в подвалах (Брокгауз. I. XXVIII. 319). В 1912 г. в 8 тыс. подвалов, заливаемых во время наводнений, ютилось уже более 65 тыс. человек (Енакиев Ф. 33).

...красочно описанная В. Крестовским... Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895) публиковал роман «Петербургские трущобы» в журнале «Отечественные записки» в 1864—1867 гг.

...в начале Забалканского проспекта. Это было самое густонаселенное место Петербурга. На проспект выходили трактир, питей-

ный дом, семейные бани, десяток торговых заведений. Во дворе — кладовые, постоялый двор, чайная, бани и 150 квартир, арендуемых отставными солдатами и крестьянами Новгородской, Смоленской, Калужской губерний. Все квартиры однокомнатные, в комнате хозяева выгораживали себе каморку, остальное пространство занимали нары, на которых помещалось с полсотни человек. Хотя арендная плата была высока, а жильцы принадлежали к самым низам общества, арендаторам удавалось составить капиталы в десятки тысяч рублей. Другие источники их дохода — незаконная круглосуточная торговля водкой и отчисления с дешевых номеров, в которых принимали клиенты проститутки (Свешников Н. 5—11).

С.108

...*в страшно антисанитарных условиях.* Наблюдалась отчетливая корреляция между санитарно-гигиеническими условиями жизни и смертностью, варьировавшейся перед войной от 10,9 (1-й участок Адмиралтейской части) до 43 (4-й участок Нарвской части) чел. на 1000 в год (Енакиев Ф. 30).

...*два больших дама...* Московский пр., 4—6 (строительство начал по своему проекту гражд. инж. М. В. Красовский, завершил в 1910 г. арх. А. С. Хренов).

С. 110

...*ночлежные дама.* Необходимость устройства ночлежных домов была осознана после переписи в Вяземской лавре (1869), когда власти убедились в эпидемической опасности ее приютов. В 1883 г. было основано филантропическое общество ночлежных домов и открыт первый ночлежный дом на Калашниковской пристани. За пятак ночлежник получал от смотрителя билет, на котором было напечатано: «1. Приют открывается ежедневно для ночлега в 6 часов вечера. 2. В 8 часов вечера, после ужина, поются молитвы. 3. Билет ночлежник сохраняет при себе до утра и возвращает смотрителю при раздаче чая. 4. Приют закрывают в 8 часов утра».

Ночлежные дома устраивались по одному плану: посередине коридор, по сторонам, на аршин от полу, — нары, иногда в два яруса. Вечером ночлежник получал безвозмездно похлебку и полфунта черного хлеба, утром — чай и еще полфунта хлеба. На стенах вывешивали печатные объявления: «Непрестанно молитесь»; «Соблюдайте порядок»; «Не курите на нарах»; «Не сквернословьте». Большинство ночлежников — крестьяне, пришедшие в столицу на заработки и не нашедшие себе еще работы или же работающие поденно. «Они по большей части спокойные, прекрасные люди, набожные и совестливые. Меньшинство — постоянные петербургские жители, не имеющие определенных занятий и не желающие иметь их. Это — столичные бродяги, в состав которых входят люди всех сословий, состояний и образований. <...> И наконец — разная женская прислуга, посещающая приют до тех пор, пока не найдет себе места». В первые три дня святой недели ночлежников впускали в приюты безвозмездно (Бахтиаров А. 1994. 203, 205, 206).

...*называлась «горячим полем»...* «Горячее поле» начиналось на месте нынешних домов 73—83 по Московскому пр. и простиралось на запад до товарной станции Варшавской железной дороги. К 1914 г. в северной его части устроили городскую конебойню и утилизационный завод, а в южной расположился Московский трамвайный парк.

...ночлежный дом. Городской ночлежный дом в память Прокофьева (Забалканский пр., 73).

С. 112

...одиноких мужчин и женщин... «Крестьяне и крестьянки, составляющие главную массу пришлое населения, очень редко вступают здесь в брак, да и то в более позднем возрасте. Вот почему так значительно в Петербурге количество холостых, доходившее в 1900 г. почти до половины всех мужчин от 16 лет, и незамужних, составляющих 40,6% всего женского взрослого населения (от 16 лет)» (Чериковер С. 111).

...так называемых незаконнорожденных. «Чем больше в городе скверных квартир, тем более увеличивается контингент дурных людей и незаконнорожденных. В Петербурге общее число незаконнорожденных достигает до 24 процентов» (Никитин Н. 131). Характерна поговорка: «В Питер с котомочком, из Питера с ребеночком» (Синдаловский Н. П. Ф. 261). Часть этих несчастных вымирала в младенчестве, выжившие пополняли петербургское дно. Среди петербургских преступников незаконнорожденным был каждый десятый, среди проституток — каждая третья (Никитин Н. 132).

...смертность младенцев была ужасающая. Из 100 умиравших в Петербурге почти 1/3 приходилась на долю детей не старше года и еще около 1/6 — на детей от года до пяти лет (Чериковер С. 109).

С. 113

...отдавала младенцев крестьянкам... Здоровых младенцев держали в воспитательном доме недели 2-3, самое большее 6 недель. Отправляя их в деревню с крестьянками-«мамками», давали каждому несколько пеленок, рубашку, шапочку, свивальник, суконку и бумазейку. На шею надевали запломбированную печатью воспитательного дома круглую костяную пластинку с номером питомца и годом его приноса на одной стороне и крестом на другой. Ежедневно из ворот воспитательного дома выезжало на вокзалы несколько карет с младенцами. Отдавали их на воспитание по преимуществу таким крестьянкам, у которых имелась корова. Поскольку молочным промыслом вокруг Петербурга занимались главным образом «чухонцы», то и «питомнический промысел» распространен был более всего среди «чухон», особенно в Матокской и Токсовской волостях. Прибыв домой, кормилица прибывала на избе зеленой вывеску с надписью «п. в. д.» («питомец воспитательного дома»). Среди русских крестьян питомнический промысел слыл под названием «производство ангелов» вследствие громадной смертности питомцев. С 15-летнего возраста плата за содержание прекращалась, так как предполагалось, что питомец в эти лета представляет уже рабочую силу. Как и всякий промысел, питомничество развило и барышничество билетами на получение платы за вскармливание: барышники промышляли тем, что давали вперед под эти билеты ссуды, а потом взымали 1/3 платы, которую выплачивал кормилице воспитательный дом. Питомнический промысел был специфическим порождением петербургской жизни, не имевшим аналогов в окрестностях других городов России (Бахтияров А. 1994. 174—176).

...преследовалось законом. В таких случаях можно видеть проявление репрессивного воздействия моральных запретов. Ведь роженицы из престолярды могли прибегать к помощи бесплатных

полицейских родильных приютов, имевшихся при каждом участке, а для рожениц из привилегированных в столице существовало множество частных убежищ (над которыми обыкновенно прибывалась вывеска «Убежище для секретных рожениц»), гарантировавших тайну родов (Бахтияров А. 1994. 172). «Съездить в Москву» — значило внезапно ненадолго исчезнуть, чтобы сделать аборт (Синдаловский Н. ПФ. 277). По числу акушерок на 1000 жителей Петербург далеко опережал всю Россию (Степанов А. 1993. 299).

...при Николаевском сиротском институте. Основателем Воспитательного дома в Санкт-Петербурге (1763) и ряда других учебно-воспитательных учреждений в России был Иван Иванович Бецкой («воспитатель детской», как в шутку прозвали его современники). При Николае I Воспитательный дом преобразован в Сиротский институт, названный в честь императора Николаевским. Ныне в здании Сиротского института помещается Российский педагогический государственный университет им. А. И. Герцена (наб. р. Мойки, 48-50).

Был дом призрения... Существовало множество обществ, ставших своей целью заботу о неблагополучных детях: Общество дамского благотворительного тюремного комитета (одна из целей — призрение детей арестованных; членский взнос 15 руб. ежегодно или 200 руб. пожизненно); Общество земледельческих колоний (забота о призрении малолетних преступников); Международное благотворительное общество (попечение о бедных больных девочках-сиротах католичках); Общество для врачей, их вдов и сирот; Общество защиты детей от жестокого обращения; общество «Муравей» (цель — доставлять бедным детям теплую одежду); Общество попечения о бесприютных детях; Общество попечения о бедных и больных детях («Синий крест»: помощь, защита детей от злоупотребления родных; членский взнос 5 руб.); Общество пособий несовершеннолетним, освобожденным из заключения (членский взнос 10 руб.); Общество призрения детей — калек и идиотов; Славянское общество (пособие церквям и школам, средства для воспитания славян); Общество содействия физическому развитию детей (членский взнос 3 и 5 руб.); Общество улучшения быта питомцев Воспитательного дома (членский взнос 5 руб. или единовременно 100 руб.) и др. (Раевский Ф. 282—291).

С. 114

...обучали какому-нибудь мастерству. Судя по занятиям сирот, полусирот и детей из беднейших семей в приюте при Князь-Владимирском соборе, девочек могли обучать еще и кройке, вышиванию, ведению домашнего хозяйства, а мальчиков учили ремеслам сапожному, переплетному, цветочному, картонажному, шесточному, корзиночному, столярно-выпиловочному, ковровому и др. (ЛМХ. 66—68).

...«цветы запоздалые»... «Осени мертвой цветы запоздалые» — из стихотворения А. Н. Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные...» (1876), переложенного на музыку П. И. Чайковским (приношу признательность Н. Б. Ветошниковой за это указание).

С. 117

...«чичероне»... «Чичероне» — «по-цицероновски» красноречивый проводник, дающий объяснения туристам при осмотре до-

стопримечательностей, музеев и т. п. (главным образом в Италии).

С.118

...и этим оставался доволен. В бытовом очерке того времени находим такую классификацию просителей: «Попрошайки — это субъекты, которые по старой памяти обращаются к прежним знакомым за подаванием... Такие подавания, разумеется скудные, имеют характер чуть ли не пожизненной пенсии. <...> Шантажисты — это пропойцы, которые под угрозой скандала и за то, чтобы не показываться туда, куда они по положению могли бы войти, получают постоянное ежемесячное содержание. Они аристократы среди бродяжек... Вымогатели — это близкие родственники каких-либо порядочных людей, спившиеся и сбившиеся с пути; ...они прямо вымогают у своих родных или даже воруют, зная, что против них дела не начнут» (Животов Н. II. 13, 14).

Религиозная жизнь горожан

В 1910 г. в Петербурге на 1,5 млн. русского населения приходилось примерно по 70 тыс. белорусов и поляков, около 50 тыс. немцев, 35 тыс. евреев, 25 тыс. эстонцев, по 17—18 тыс. финнов, латышей и украинцев, 11 тыс. литовцев, 7 тыс. татар, по несколько тысяч французов, шведов и англичан, около тысячи армян, по несколько сотен карелов, итальянцев, чехов, словаков, греков, грузин — всего около 60 национальностей (Юхнёва Н. 1982. 10, 12). Национальные общины держались веры своих предков и стремились не отступать от заветных ими обрядов. Каждая община выполняла миссию заступничества за своих единоплеменников, рассеянных по необъятному пространству Российской империи. Именно здесь велась ими неустанная работа по выработке начал веротерпимости. В результате столица отнюдь не либерального режима, особо покровительствовавшего русской православной церкви, столица государства, в котором не только государь, но и наследник, и императрица, и супруга наследника могли быть только православными (Айвазов И. 45), — Петербург стал образцом веротерпимости не только для России, но и, как неоднократно отмечали приезжие иностранцы, — для всего мира. Вершиной этой традиции стало утвержденное Николаем II 17 апреля 1905 г. положение «Об укреплении начал веротерпимости». Государство объявило себя чисто правовым институтом, чуждым интересов какой-либо конфессии. Каждому подданному гарантировалась полная свобода исповедания его веры, отправления богослужения и духовных треб по обрядам этой веры, перехода из одного христианского вероисповедания в другое христианское же (переход из христианства в нехристианскую веру узаконивался для тех, кто сам или чьи предки были прежде нехристианами); всем верующим давалась свобода обращения иноверцев путем убеждения; значительно облегчалось строительство неправославных храмов. Благодаря этому законодательному акту в Петербурге успели построить до революции крупнейшие в Европе соборную мечеть и буддийский храм.

Как в обычном русском городе, в 1910 г. 86% населения Петербурга были православными, но магометан здесь было меньше, а

иудеев, католиков и особенно протестантов — гораздо больше обычного (католиков 59 тыс., протестантов 90 тыс. — соответственно в 3,5 и в 4 раза больше, чем в Москве (ГР)). Накануне революции в столице было 477 православных, 8 единоверческих, 14 старообрядческих, 31 римско-католический, 27 лютеранских, 3 реформатских, 3 англиканских, 2 армяно-грегорианских храма, дом баптистов, часовни методистов и ирвингиан, а также указанные авторами нехристианские храмы и молельные дома. В царствование Николая II число храмов в Петербурге выросло на треть (Антонов В. 1994. 20, 249—264).

Православная церковь зависела от государства в большей степени, чем неправославные общины. Общественная роль православного духовенства по существу сводилась к богослужению. Обязанности по регистрации рождений и браков и участие в системе образования не обеспечивали ему желаемого влияния в жизни, но лишь подчеркивали его отчужденность. В начале 1905 г. митрополит Антоний в «Памятной записке» просил царя созвать совещание иерархов церкви с участием компетентных лиц из клириков и мирян (но без официальных представителей государства) для выработки предложений об автономии церкви и ее «праве на инициативу»; о гарантиях свободы церкви от какой бы то ни было прямой государственной или политической миссии и ее свободы во «внутренних делах»; о предоставлении приходу статуса юридического лица с правом владения собственностью; о допущении духовенства к участию в земской деятельности; о предоставлении епископам мест в Государственном совете и прямого доступа в Совет Министров, минуя посредство обер-прокурора Святейшего Синода.

Либеральные профессора духовных академий в своей «Памятной записке», подписанной председателем Комитета министров С. Ю. Витте и представленной на совещание по церковным делам при этом комитете, называли существовавший церковный режим «незаконным», поскольку он держал церковь «в состоянии парализа»; отстаивали принцип соборности, требуя полного участия мирян в предполагавшемся Соборе и даже избрания кандидатов от духовенства общинами мирян.

Тогда же 32 петербургских священника опубликовали манифест с требованием созыва Собора с широкой повесткой дня, включавшей вопрос избрания епископов их епархиями.

В ответ Святейший Синод, возглавляемый обер-прокурором К. П. Победоносцевым, разослал епархиальным архиереям указ от 27 июля 1905 г., требовавший от них описания тех сторон жизни русской церкви, которые, по их мнению, нуждались в изменениях или реформе. Отзывы с мест поступили в канцелярию Синода к декабрю 1905 г., т. е. уже после «Октябрьского манифеста» и отставки Победоносцева. В них проявилось почти единодушное стремление духовенства к реформам и к большей независимости церкви от государства. Многие высказались за созыв Собора с допущением к голосованию клириков и мирян; за децентрализацию церковного управления, восстановление патриаршества и расширение участия духовенства в общественной жизни; за расширение компетенции церковных судов (особенно в бракоразводных делах); за проведение регулярных епархиальных съездов клира и

мирян; за усиление роли прихода как ядра церковной жизни и укрепление его канонического и юридического положения; за совершенствование богословского образования; наконец, большинство епископов выражало неудовлетворенность по поводу недоступности большей части литургических обрядов для массы верующих, а некоторые предлагали перевести литургические тексты с церковнославянского на современный русский язык (Мейендорф И. 45—48). В январе 1906 г. Предсоборное присутствие начало подготовку Поместного Собора. Однако открылся он слишком поздно — 15 августа 1917 г.

Несмотря на симптомы кризиса, тревожившие передовых представителей православной церкви, в жизни православного большинства столицы традиции религиозного быта были очень сильны. Годовой распорядок жизни петербуржцев определялся церковным календарем. В дни больших церковных праздников православные храмы были полны народа — а ведь они вмещали одновременно до 400 тыс. человек, т. е. около половины общего числа православных и единоверцев в возрасте от 10 до 70 лет (Тихомиров Н. 161)! Но «интеллигенция почти не замечала народного православного Петербурга с его чудотворными иконами, живыми угодниками, накаленной — быть может, как нигде в России — атмосферой пламенной веры» (Федотов Г. 211). Этот упрек можно, пожалуй, адресовать и авторам данной главы.

С. 119

...несколько монастырей. В столице имелось 4 православных монастыря: Александро-Невская Свято-Троицкая лавра (с ее «киновией» — загородным отделением на правом берегу Невы против Семяниновского завода); два первоклассных женских монастыря — Воскресенский Новодевичий (на Московском пр., против «Горячего поля») и основанный о. Иоанном Кронштадтским Иоанновский (наб. р. Карповки, 45); первоклассная Троице-Сергиева Приморская пустынь (на 19-й версте Петергофской дороги близ Стрельны). Малым количеством монастырей Петербург резко выделялся среди русских городов. Этот контраст смягчался благодаря строительству подворий — своего рода гостиниц, преимущественно для духовных лиц (с церковью, часовней), принадлежавших бедным провинциальным монастырям, со штатами священно- и церковнослужителей из монашествующих тех же монастырей. Главной целью подворий был сбор пожертвований и доходов в пользу монастырей. «С подворьями в столице укреплялся монастырский богослужебный обиход, древние распевы и полузабытые формы благочестия. <...> Столица все более становилась «монастырской», приближаясь в этом к старой Москве» (Антонов В. 1994. 19, 20).

С.120

...закон Божий как предмет... В низших школах этот предмет включал в себя церковные молитвы, священную историю, объяснение богослужения и катехизис; в средних учебных заведениях к этому присоединялась история христианской церкви. К преподаванию закона Божия допускались священнослужители и лица, окончившие духовную школу (не ниже семинарии). Законоучитель кроме преподавания руководил молитвой учеников, чтением

ими Священного Писания и религиозных книг, следил за исполнением ими долга исповеди и причащения, наставлял их в соблюдении правил церкви. В тех учебных заведениях, где имелись домовые церкви, законоучитель совершал богослужение. За преподаванием закона Божия наблюдал епархиальный архиерей. С его согласия учебное начальство назначало законоучителей в светских учебных заведениях.

...необразованных людей... «Духовенство в столице было очень образованным: из 352 епархиальных батюшек — 208 окончили Духовную академию, 140 — семинарию; среди них немало было выдающихся пастырей» (Антонов В. 1994, 19).

...нарядус Достоевским... Ф. М. Достоевский всю жизнь «мучился», по его выражению, мыслью о Боге. Может ли быть религиозно оправдано зло в человеке, в истории? Возможно ли разъединение церкви и культуры? Мысль его антиномична: почвенничество — и рядом идеал вселенского христианства; вера в добро в человеке — и разоблачения «человека из подполья»; «красота спасет мир» — и «красота — это страшная и ужасная вещь». Своим пророческим ожиданием «православной культуры» Достоевский открыл новый период русской религиозно-философской мысли.

...и Толстым... Л. Н. Толстого отталкивала в христианстве догматика; он отрицал божественность Христа и его воскресение. В свете его исканий абсолютного добра лишались смысла государство, экономический строй, социальные отношения, судебные установления, нормы культуры, научной деятельности, воспитания, семейной жизни. Его заповедь «непротивление злу насилием» — проявление максимализма мыслителя, который в стремлении объединить людей идеями любви и всепрощения не страшился войти в вопиющее противоречие с реалиями жизни. Критика толстовцами православной церкви и официальной религии, проповедь уравнилельных принципов вызвали отпор церкви. В 1897 г. толстовство было признано сектой. Позднее ее отнесли к числу самых вредных не только в церковном и религиозном отношении, но и в государственном и социальном. В 1901 г. Синод отлучил Толстого от церкви.

..Вл. Соловьев... Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, публицист, богослов, поэт, литературный критик. Полагал, что русская церковь не обладает духовной свободой, поработана светской властью. Предмет его упований — соединение церквей. Главный труд Соловьева — «Оправдание добра» (1899). Стыд («стыжусь, следовательно, существую»), жалость, благоговение перед культурой — три истока нравственности и духовного богатства человека. Необходимый минимум нравственности — право; максимум — любовь как преодоление эгоизма. Соловьев пророчил наступление мировых событий катастрофического характера.

..В. Розанов... Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — философ, писатель, публицист. Стиль его письма — крайне откровенный, доверительный. Темы — пол, семья, брак, религия, культура, христианство, иудаизм, язычество. Домашний очаг, семья — единственно святое на земле. Христианство разрушило сущностную связь человека с Богом, поставив на место жизни — смерть, на место семьи — аскезу, на место религии — каноническое право и морализирование.

...С. Булгаков... Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, политэконом, богослов, писатель. В сб. «Вехи» (1909) критиковал русскую интеллигенцию за «самочувствие мученичества и исповедничества» и «фанатизм, глухой к голосу жизни». Но интеллигентский максимализм может быть побежден религиозным оздоровлением: в страдальческом облике русской интеллигенции просвечивает духовная красота. Духовенство Булгаков уподобляет брату блудного сына в евангельской притче, который оставался при отце и с ревнивым недоброжелательством встретил возвратившегося.

...Д. Мережковский... Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — писатель, критик, публицист. Его темы — пол, установление социальной справедливости через христианизацию общества. В каждом мужчине есть тайная женщина, в каждой женщине — тайный мужчина. Идеал личности — «божественный гермафродитизм», святая плоть, мистическое единство тела и духа, которое приведет общество к эре Св. Духа («третьего завета»), когда на земле осуществится царство Божие. Церковь отжила свой век, ибо христианский аскетизм и современная культура оказались «взаимно непроницаемы».

...«Религиозно-философские собрания»... Собрания инициировала З. Н. Гиппиус — жена Д. С. Мережковского. Учредители кроме Мережковского — Д. В. Filosoфов, В. В. Розанов, В. С. Миролюбов, В. А. Тернавцев. Митрополит назначил председателем собраний ректора Духовной академии епископа Ямбургского Сергия (в будущем Патриарха) и дозволил участвовать в них духовенству, профессорам, студентам академии. Собрания открылись 29 ноября 1901 г. в малом зале Географического общества в присутствии более 200 человек докладом Тернавцева «Интеллигенция и церковь» (Гиппиус З. 215—221). Вскоре в церковных верхах возникло недовольство резкой, но справедливой критикой отношения церкви к государству. 2 апреля 1903 г. Синод запретил собрания (Соболев А. 320, 321). В 1908 г. Мережковские создали Религиозно-философское общество. «Прежняя традиция заключалась: 1) в обращении к духовенству, 2) рассмотрении церковных вопросов; новая — 1) в обращении к интеллигенции и 2) рассмотрении тем или так сказать туманов, проносящихся в интеллигентской душе. <...> В замечательно блестящем и интересном собрании (с докладами Н. А. Бердяева и В. А. Тернавцева, с выступлениями К. М. Агеева, С. А. Аскольдова, А. В. Карташева и Д. С. Мережковского. — А. С.) обозначилась впервые та роковая и несчастная сторона участников, что в них слишком много ума и теоретического блеска и слишком мало природы, из которой «прет», — природы невольной и неодолимой для самого носителя ее» (Розанов В. 161, 162).

С. 121

...баптисты, евангелисты, адвентисты... Баптисты в отличие от обычных лютеран совершают крещение в проточной воде и только над взрослыми, веря, что младенцы уже очищены кровью Христа. Евангелисты стремятся воскресить религиозный дух первых времен протестантизма и объединить лютеран и реформаторов. Адвентисты, ссылаясь на пророчество Даниила и Апокалипсис, ждут скорого второго пришествия Христа. Догматам они не придают большого значения. Петербург с его апокалиптическим

мифом не случайно стал главным центром адвентистской проповеди в России.

...пошла за Иоанном Кронштадтским... Св. Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич, 1829-1908) — священник Андреевского собора в Кронштадте, законоучитель во многих учебных заведениях этого города, основатель кронштадтского Дома трудолюбия — одного из самых благоустроенных заведений этого рода в России. Автор множества неоднократно издававшихся бесед, проповедей, поучений. Иоанновский монастырь на Карповке он задумал как подворье Иоанно-Богословской женской общины, основанной им у себя на родине — в селе Суры Архангельской губернии. Покои о. Иоанна находились над алтарем храма 12 Апостолов; погребен он в подвальном этаже этого храма. Ревностные его почитатели в конце 80-х гг., уверовав, что он Христос, сплотились в секту иоаннитов. Мещанку Порфирию Киселеву, много сделавшую для распространения секты, они чествовали как Богородицу. Когда о. Иоанн умер, Синод постановил считать учение иоаннитов еретическим и богохульным (Гранат. XXXIII, стб. 614—616).

...«Охтинская Богородица»... «Охтинская Богородица» — хлыстовская община, которую возглавляла Дарья Смирнова, молодая красивая крестьянка, волновавшая религиозное воображение петербургских писателей и охотно с ними общавшаяся. Вероятно, она была прототипом Фаины из «Песни судьбы» А. Блока (1908), ее водил на свои лекции Вяч. Иванов, М. Пришвину она казалась «второй Гиппиус по уму». В 1914 г. Смирнову судили по обвинениям в свальном грехе, в соращении православных в изуверную секту и в доведении до смерти двух женщин, отправленных ею на 40-дневный пост. М. Пришвин и В. Бонч-Бруевич (друг и сотрудник Ленина) выступали на суде на стороне защиты (Эткинд А. 98, 99). Хлысты — древняя секта, название ее — порицательная переделка старого «христы»: «христами» и «богородицами» они именовали глав своих общин. Они верили, что откровение, возведенное Христом, обязательно было только для евангельского времени; теперь же источник вероучения — слово их «христов». Дух — начало доброе, тело — злое. Плотские потребности надо умервщлять, с женой жить, как с сестрой. Только плотские отношения с «духовными женами», которых давали им «христы», считались безгрешной «христовой» любовью. Они не ели мяса, воздерживались от хмельного, не курили, не танцевали, запрещали увеселения, музыку, игру в карты, божбу. Во время «радений» — хождений «в духе» в «святом круге» хлестали себя и друг друга жгутами. Некоторые признавали только кастрацию способом достижения полного бесстрастия, когда, в самоуглублении и постоянной молитве, хлыст «умирает плотью» и «воскресает духом». Кто так «умер», в том мужское начало неотлично от женского; став новым «христом», он отождествляется с «богородицей» и рождает Св. Духа, который живет в нем, как в храме. Собирались хлысты по ночам. В состав богослужения входили радения, пение духовных распевцев, сложенных их «пророками» на мотивы народных песен, публичные исповеди, пророчества.

Жизнь и творчество петербургских символистов изобиловали оттенками осознанной близости к ритуальной практике и

мистицизму хлыстов. К хлыстам как к социально-разрушительной силе с одобрительным интересом присматривался Ленин (Эткинд А.).

...*братство Чурикова*. Чуриков Иван Алексеевич (1862 — после 1930) — зажиточный крестьянин-торговец из Самарской губ. Читая Евангелие, пришел к убеждению, что «богатство портит человека», прекратил торговлю, раздал имущество бедным, стал странником. В 90-х гг. в Петербурге толковал Евангелие рабочим, ремесленникам, беднякам, пропойцам, хулиганам, проституткам, призывая их к трезвой трудовой жизни, к христианской любви. Под его влиянием многие меняли образ жизни, делались хорошими работниками. Новичкам община трезвенников находила работу, заказы, кредиты, рекомендации. Духовенство запрещало собрания общины. Чурикова выслали, он вернулся, был заключен в сумасшедший дом, откуда его пришлось по освидетельствовании освободить. После 1905 г. община обосновалась в Вырице (Гранат. XXXIII, стб. 635, 636).

С. 122

...*пьеса Протопопова «Черные вороны»*... Премьера — в Петербургском театре (угол Б. Зелениной ул. и Геслеровского пр.) 12 октября 1907 г. (режиссер Н. Н. Арбатов). «Богородицу» секты блестяще играла Е. П. Корчагина-Александровская. Спектакль прошел более 60 раз, собирая переполненный зал, пока не был запрещен под давлением Союза русского народа и церковных властей (Петровская И. 1994. 204, 205, 306).

Отсюда и получилось «поп». «Поп» — древнее общеславянское слово, заимствованное или из древневерхненемецкого (pfaff — священник), или из греческого языка непосредственно (paras — поп) (Шанский Н. 354).

...*громовые голоса некоторых дьяконов и протодьяконов*. Знаменитостью Исаакиевского собора был протодьякон Малинин. «Когда вышло и взревело это огромное чудовище — получилось что-то неистовое. Рыло у него — лицом никак нельзя назвать эту часть тела — все перекашивало, страшный голос рвал ему грудь и горло, пасть разверзлась такая, что все рыло как бы исчезло в ней. Мне стало неловко: словно в церковь в самый торжественный миг впустили буйвола или носорога, и он взревел во все хайло. Рев действительно изумительный! Что значит век психопаток! Не только у Фигнера и у «душки» Собинова есть сотни поклонниц, но и у этого буйвола тоже. От дам и девиц ему отбоя нет. Пьет Малинин страшно и всегда бывает подшофе; состоит любимцем у царской семьи и особенно у вел. князя Владимира Александровича... Когда митрополит Антоний сделал ему замечание, тот обругал его в алтаре «ревельской килькой». Конечно, сейчас же раба Божьего сослали куда-то на покаяние, но изгнание его длилось недолго: в ближайший же царский день — в эти дни Малинин особенно отличался иерихонским многолетием — вел. князь Владимир спросил, почему нет Малинина, и велел возвратить его. Малинин возвратился» (Минцлов С. 33, 34).

Там исполнялись литургии... Литургия — цикл духовных песнопений, входящих в состав обедни, совершаемой обычно по чину, введенному Иоанном Златоустом (347—407). Д. С. Бортнянский (1751—1825) — автор многочисленных хоровых духовных

композиций, однако литургии среди них нет (МП. 147, 148). П. И. Чайковский написал музыку к литургии Иоанна Златоуста в 1878 г.; А. Т. Гречанинов — в 1903 г.; С. В. Рахманинов — в 1910 г.

...в пасхальную неделю. Пасхальные крестные ходы совершаются вокруг церкви в пасхальную утреню и затем каждый день Пасхи за литургией.

С. 123

Великий пост... Звонили колокола, петербургские театры на семь недель (кроме первой и четвертой) предоставляли свои сцены гастролерам из Москвы, из-за границы (ажитоаж неизменно вызывали гастролеры МХТ), балы и журфиксы прекращались. Пост считался окончанием петербургского сезона. Знать постепенно разъезжалась на курорты Западной Европы — в Ниццу, Баден-Баден, Карлсбад (Лурье Л. 172; Петровская И. 1994. 169).

...в заутреню. «Пасха, оставаясь в Петербурге главным народным праздником, в свете, чиновничестве и среди интеллигенции отмечалась без той соборности и искренности, которые свойственны были Москве и провинции. Генерал Игнатъев вспоминает пасхальную заутреню в Зимнем дворце: «Ничто не напоминает о том, что поводом для собрания явился религиозный праздник. Все пышно и церемонно, как всегда. Стук палочки церемониймейстера и гробовая тишина, среди которой раздается только моя команда: «Палаши вон! Слушай на караул!» Царь идет под руку с царицей и, взглянув на караул, холодно произносит: «Христос воскрес, кавалергарды!» — «Воистину воскрес!» — по разделениям отвечают кавалергарды, вкладывая в эти слова не больше чувства, чем в обычные предусмотренные уставом ответы начальству» (Лурье Л. 173).

С. 124

А воздух гудит от колокольного звона! В отличие от благовеста (в один колокол) и перезвона (благовеста в несколько колоколов по одному последовательно), звон производится в несколько колоколов. Звон в три приема называется трезвонном. Трезвон производится за благовестом перед торжественными службами и во время самого богослужения — утрени и литургии. На утрени полагается звон к Евангелию, на литургии — к «Достойно». Полагается звон и при крестных ходах.

На день Иоанна Предтечи... Речь идет о дне Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) — дне строгого поста и поминовения усопших, особенно православных воинов, за веру, царя и отечество на брани убиенных.

Рынки и торговые ряды

«Утробой Петербурга» назвал Н. П. Анциферов район рынков, «омываемый мутными водами Фонтанки и Екатерининского канала» на протяжении от Невского до Английского проспекта.

В Большом Гостином дворе размещалось около 200 лавок. На Суконной линии (по Невскому) — галантерея, мануфактура, парфюмерия, писчебумажные товары, книги. На Большой и Малой Суровских (со стороны Думы и по Чернышеву пер.) — предметы дамского туалета (вообще «суровский товар» — это шелк, бумажные и легкие шерстяные ткани). На Зеркальной (по Садовой

ул.) — золото, серебро, бронза, металлические изделия, галантерея, меха, парфюмерия, посуда, сукна, инструменты. На не сохранившейся Перинной линии (за портиком Руска) — постельные принадлежности, товары для дам и для портных, парча, галун, ленты, басон (т. е. плетеные шнуры, тесьма, бахрома, кисти для украшения одежды, мебели, драпировок). На Банковской (от Садовой до Екатерининского канала, задней стороной к Ассигнационному банку) — писчебумажный и суровский товар, мануфактура. Между Перинной линией и каналом, по Чернышеву пер., находился Малый Гостиный двор: мебель, коженый и железо-красильный ряды.

На территории нынешнего Апраксина двора находились Мариинский рынок (угол Садовой и Чернышева пер.) со Старым Щукиным двором и собственно Апраксин двор (официально — Александровский рынок: по Садовой от Мариинского рынка до Апраксина пер.) с Новым Щукиным двором со стороны Фонтанки. В лавках по Садовой — готовое платье, белье, обувь, ткани, шубы. По Чернышеву пер. — гастрономия. В пассаже внутри Мариинского рынка — мебель, басон; в проезде через двор — семена и посуда. На Старом Щукином дворе — живая домашняя птица, битая дичь, а летом — яйца и фрукты. За лицевым корпусом Апраксина двора торговали под открытым небом мебелью, обивочными тканями, зеркалами, полотном, железом, книгами, иконами, драгоценностями, коженым и суровским товаром, всяческим хламом: «Свечку погаси, а подсвечник в Апраксин продать снеси» (Синдоловский Н. ПФ. 234). На Новом Щукином дворе — фрукты, ягоды, варенье, сушеные и моченые грибы, пряности.

От Сенного рынка до Фонтанки по Горсткиной ул. тянулись продовольственные склады, здесь же шла оптовая торговля скотом. Во время постов Горсткий рынок был главным среди торговавших рыбой. По Забалканскому пр. от Сенного до Фонтанки торговали с лотков, а у моста был Обуховский рынок. Далее по Садовой шли Александровский Новый рынок (наши авторы называют его просто «Александровским») и Никольский. У Калинкина моста — Лоцманский рынок.

Из торговых рядов вне «утробы Петербурга» надо, прежде всего, назвать Пассаж: модное платье, белье, искусственные камни, предметы домашнего обихода, парфюмерия, галстуки, золото, серебро, оптика; к услугам посетителей — агентство АО «Лионский кредит», сберкасса, парикмахерская, фотоателье, кинематограф и театр. Другие рынки в центре — Круглый на Мойке у Конюшенного моста (мясной и зеленой товар); Литовский на Офицерской ул. у Крюкова канала и Пантелеймоновский (ранее Пустой) на Ггаринской близ Соляного городка (специализация та же); Мясной (Ямской) на углу Николаевской и Разъезжей (мясо, рыба, овощи, мука). На периферии — Александровский Старый (Мытный) рынок на Старо-Невском пр. (оптовая торговля соленой рыбой, хлебом, мукой, рогожами, дегтем, махоркой, телегами, железом, кожей, сапогами, войлоком); Хлебная биржа на Калашниковой наб. (оптовая торговля хлебом, жировыми и масляными товарами, рыбой); Сенная биржа у Ново-Каменного моста на Обводном канале. Ското-пригонный двор на Обводном у Варшавского вокзала; ры-

нок купца Васильева на углу Забалканского пр. и Заставской ул. (мясо, молочные продукты, зеленой товар); Новый рынок за Балтийским вокзалом (торговля сеном).

На Васильевском острове — Чайный рынок между Тучковой наб., Биржевой линией и Тифлисской ул.; Новобиржевой Гостиный двор, где ныне исторический и философский факультеты университета (оптовая торговля); Андреевский (суровский товар, галантерея, мебель, мясо, рыба, фрукты, в известные дни — «чухонские» молочные и прочие сельскохозяйственные продукты); рынок купца Ширяева по Малому пр., 61 (мануфактура, суровский товар, готовое платье, мясо, зелень); Ново-Гаванский на месте нынешней гостиницы «Гавань» (мясо, зелень, фрукты).

На Петербургской стороне — Сытный рынок; Петербургский центральный рынок севернее сада «Аквариум» (готовое платье, суровский товар, обувь, шляпы и фуражки, галантерея, книги, мебель, прокат автомобилей); рынок купца Дерябкина на Малом пр. (суровский товар, галантерея, мясо).

На Выборгской — Охтинский рынок на углу Большеохтинского пр. и Пороховской ул. (центр доставки молочных продуктов «чухнами»; до постройки моста Петра Великого летом по утрам яличники перевозили в город разносчиц-охтенюк с их товаром); Большой Сампсониевский близ церкви св. Сампсония (галантерея, суровский товар, готовое платье, посуда, зеленой и сельдяной товар, мясо, фрукты); рынок купца Селезнева (готовое платье, посуда). Надо упомянуть и о Новодеревенском рынке купца Буфетова (мануфактура, галантерея).

«Рынки в Санкт-Петербурге более чем неудовлетворительны как по гигиеническим условиям хранения и продажи съестных припасов, так и по своим размерам» (Енакиев Ф. 75).

С. 127

...диагональ барона Штиглица... Штиглиц Александр Людвигович, барон (1814—1884) — придворный банкир, владелец фабрики суконных изделий. В 1879 г. основал на свои средства Центральное училище технического рисования, готовившее графиков, живописцев и скульпторов для художественно-промышленных производств и учителей рисования и черчения для средних и низших учебных заведений.

С. 128

...граф Толстой, любитель-нумизмат. Толстой Иван Иванович, граф, — гофмейстер, почетный член Академии наук, вице-президент Академии художеств, помощник председателя Российской археологического общества, председатель Общества библиотекосведов и Общества вспомоществования студентам Петербургского университета, петербургский голова с июня 1913 г. Был известен либерализмом и простотой поведения.

...много ларьков с сайками... Сайка — продолговатый или круглый пшеничный хлебец.

...такие специалисты залатать, заштуковать... Штуковать — штопать, шивать незаметным швом.

...теплая вода на патоке. Патока — густое сладкое вещество, получаемое из крахмала.

С. 129

...торговля дешевой мануфактурой... Мануфактура — ткани, текстильные изделия.

...фитинги... Фитинг — соединительная деталь трубопроводов.

...торговцы и маклаки... Маклак — посредник при мелких торговых сделках, а также торговец подержанными вещами.

С. 130

...всевозможных лавок... В Сенном рынке было около 500 лавок, над каждой обозначалась фамилия торговца. Торговцев, приказчиков и так называемых «молодцов» ежедневно работало на рынке до 2000 человек.

С. 131

...у церкви Успения... Церковь Успения Пресвятой Богородицы (на красной линии Садовой ул, рядом с д. 40) была архитектурной доминантой Сенной пл.

Четвертый корпус... В отличие от других, этот корпус был круглым в плане.

...тушилки для углей... Тушилка похожа на ведро с крышкой; в нее сбрасывали угли, не допуская их полного сгорания, чтобы потом использовать их, например, в самоваре.

...все сливалось в общий гул. «Нищие бродят на Сенном рынке целыми толпами: старики, женщины и дети. Торговцы не отказывают и подают «натурой» — кто мяса, кто рыбы, кто зелени.

<...> Монахини ходят с книжкой в руках и собирают деньги» (Бахтиаров А. 1994. 146, 147).

С. 132

...торговали битой птицей... «В корзинах правильными рядами разложены ошипанные и замороженные воробьи, свиристели и дупеля. Нередко в одной корзине насчитывается до 1000 штук воробьев... Тут же можно найти ошипанных голубей, которых продают под именем «пизонов». Под лавками стоят огромные корзины с гусиными потрохами: отрезанная голова и гусиные лапки тщательно завязаны и продаются отдельно от гуся» (Бахтиаров А. 1994. 143).

...рыбная снедь: икра, балыки... «Куда ни помотришь, всюду видишь кучи снега: на полу, на полках, в корзинах... в этом снегу сохраняется мороженная рыба. Груды судаков, уложенных в снег, промоздятся почти до самой крыши: рыба уложена слоями... На полках — копченые сига и серебристая семга с ярко-красным разрезом. В бочонках — маринованная минога с перцем и лавровым листом. На полу стоят особые водоемы; тут плавают разная живая рыба: окуни, щуки, ерши, угри и даже раки». Торговля раками зимой заслуживает удивления: в Финляндии, откуда они поступали в Петербург, ловля раков начиналась 1 июля. Их пересылали в корзинах переложенными мхом, и в дороге они могли быть не более пяти дней. В течение лета «чужны» доставляли в столицу до 10 млн. раков. Во всяком ресторане непременно подавали и раков (Бахтиаров А. 1994. 146). Балык — соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы.

С. 133

Сенной рынок был главным продуктовым рынком Петербурга. Сенной рынок породил подсобные производства — копчение рыбы, плетение корзин (спрос на них был велик летом). Мастер изготовлял по 100 корзин в день (Бахтиаров А. 1994. 146).

..*Мучной переулоч*.. Точнее — Апраксин пер., который является продолжением Мучного.

...из окон *третьего и четвертого этажей*. Другой свидетель катастрофы, живший на Песках, записал 19 марта 1904 г.: «Около 8 ч. вечера выйдя на улицу, увидел на безоблачном небе не то тучу, не то столб дыма: дошел до Невского — на каланче мерцают три фонаря и над ними один красный, значит, где-то пожар, и сильный... За Екатерининским сквером стояло над домами словно громадное северное сияние: выделялись языки огня и летевшие высоко вверх искры. Садовую улицу запруживали извозчичьи пролетки; со всех концов лились на пожар черные реки людей и экипажей. Здание Государственного банка (напротив Апраксина двора. — А. С.) стояло освещенное, как днем; мимо него никого не пропускали; сквозь решетку Пажеского корпуса (против Гостиного двора. — А. С.) видно было, как в конце переулоча, ближе к Фонтанке, у Министерства народного просвещения бушевало пламя. Едва удалось протиснуться к Екатерининскому каналу и мимо банка пройти на Гороховую и оттуда на Фонтанку. <...> В толпе... уверяли, что погибло 100 человек. Освещенная красным отблеском огня Фонтанка представляла необычайное зрелище. На более темном правом берегу ее виднелся ряд паровых машин, качавших воду; паровики реготали, выбрасывая клубы дыма, и сыпали искры; кругом суетились, освещивая медными шлемами, пожарные; проносились во весь опор, гремя и звеня, бочки с водой, а из-за зданий министерств вставало и крутилось море огня». На следующий день: «Газеты насчитывают 12 жертв вчерашнего пожара, но пока не разыскано еще много приказчиков сгоревших складов — Ключкова и «Проводник». Пожар длился всю ночь; дежурная часть тушила его еще утром» (Минцлов С. 74, 75).

..*Щукин двор*... Имеется в виду Новый Щукин двор с его фруктовым рядом — полусотней каменных лавок в две линии, соединенных стеклянной крышей (на дворе перед фруктовым рядом — закупоренные чаны, каждый ведер на 40—50 — для клюквы, доставляемой «чухнами»). Осенью сюда стекался товар со всего мира: сушеные фрукты из Америки, чернослив из Бордо, финики из Марселя, шафран, ваниль, сливы из Нормандии, дюшес и яблоки из Парижа, испанские апельсины и лук, итальянский инжир и лимоны, шанталы, миндаль и фисташки из Персии, константинопольский виноград... уфимский мед, астраханские арбузы. Посреди двора, где только есть место, сколоченные на живую руку лавчонки торговали яблоками (Бахтияров А. 1994. 72, 73; Лурье Л. 175).

На Старом Щукином дворе разгар торговли приходился на Рождество: «Редкий столичный обыватель обойдется на Рождество без рябчика или традиционного гуся». К этому времени в «курятную линию» приходила не одна сотня возов с разной дичью. Некоторые ехали в Петербург с далекого севера, тратя на дорогу целый месяц. Летом курятная линия представляла иную картину: каждая лавка — в два этажа; внизу бесчисленное множество разной величины деревянных клеток, битком набитых тетерками, рябчиками, утками, курами, индюшками, гусями, цыплятами и даже голубями; в воздухе стоит беспрестанный птичий гомон; верхний этаж скрыт от глаз любопытных: здесь «щипари» щиплют и

режут дичь (Бахтиаров А. 1994. 67—69). В рождественские дни 1912 г. в Петербурге было продано 75 тыс. индеек, 110 тыс. гусей, 260 тыс. кур и уток (Лурье Л. 170).

Часов в 7 утра, когда большинство обывателей столицы еще спало, тысячи разносчиков со всего Петербурга стекались на оба Шукина двора, чтобы закупить дневную порцию продуктов (Бахтиаров А. 1994. 72—75).

С. 135

...нанимали рабочих. Прилив в столицу крестьян, искавших работу, длился с конца февраля до конца апреля. К профессиям, упомянутым авторами, добавим каменщиков, печников, землекопов, огородников, торговцев-разносчиков (Юхнёва Н. 1984. 123). «Немного поодаль от мужиков стоят бабы, нанимающиеся в прислуги; повязанные платочками, в грязных ситцевых платьишках, толпятся сотни женщин — кухарок, горничных, нянек» (Бахтиаров А. 1994. 149).

...за Крестовоздвиженской церковью... Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (Лиговский пр., 128, угол наб. Обводного кан., 55).

...много разных барышников... Барышник — перекупщик, торговец лошадьми.

...«У лошади парша»... Парша — грибковая болезнь кожи.

...ничем не испорченной лошади! Здесь продавали и старых, заезженных лошадей, негодных более для работы. Их покупали татары на убой. Конину развозили по татарским мясным лавкам, над которыми висели вывески с изображением коня и надписью «Торговля мясом из татарской общественной конебойни». В больших городах Европы конина издавна входила в состав пищевых продуктов для простонародья, наряду с говядиной. «У нас и конина, и татары, которые питаются кониной, слынут в простом народе «нечистыми»... Конечно, это ложный предрассудок. Чем лошадь хуже свиньи, которая питается разными отбросами?» (Бахтиаров А. 1903. 26—28).

С. 136

...стегал «цапку» хлыстам... Хлыст — тонкий и гибкий прут или упругая плетка.

...шел сзади воза с кнутом. Кнут — большая плеть из туго перетвитых веревок или ремней с рукояткой.

С. 137

После такой «негоции»... Негоция — коммерческая сделка. Ср. у Гоголя: «Коли купец почтенный, так уж он не купец, он некоторым образом есть уже негоциант». Ирония Д. А. Засосова и В. И. Пызина заключается в том, что барышники столь же «почтенны», сколь и «удачливы»: когда сделка есть взаимный обман, то непонятно, кто кого переиграл.

...толку для хозяина не будет. Картина петербургской торговли сильно проигрывает без описаний Хлебной биржи. Вдоль Калашниковской пристани стояло в линию свыше 100 каменных хлебных амбаров, которые арендовались хлеботорговцами у монахов Александрово-Невской лавры. Зерна в них хватало бы на 2—3 года, чтобы прокормить весь город. У пристани целое лето стояли пароходы и барки с зерном; его везли сюда и по ветке Николаевской железной дороги. Торговцы в длиннополых кафтанах, стриженные

«в скобку», собирались в трактире купца Баранова. «По рукам ходят пакеты с «пробами» хлеба. Пакеты — холщовые или бумажные. У иного хлеботорговца за пазухой лежит целый ворох пакетов, у других — пакеты тщательно завязаны в узелке, в платке. Там и сям видно, как высыпают из пакета на руку «пробу» — муку, пшеницу, рожь, овес, ячмень и т. п. — и внимательно разглядывают и даже пробуют на зуб. Сойдясь в цене, хлебопек или булочник «пробу» в пакете берет к себе и заказывает хлеботорговцу известное количество муки ржаной, крупчатки и т. п. По получении товара его осматривают и сверяют с «пробой» (Бахтияров А. 1903. 97, 98).

Магазины и лавки, рестораны и трактиры

В 1906 г. в Петербурге было 12 132 торговых предприятия, в 1914 г. — около 16 500. Из них почти 94% приходилось на розничную торговлю. Сумма их годового оборота была близка к половине всего торгового оборота столицы. Этим Петербург резко отличался от Москвы, где доля розничной торговли в общем товарообороте была гораздо ниже, так как Москва была от века общероссийским центром оптовых сделок (Степанов А. 1993. 297). В структуре петербургского товарооборота, представленной ниже (ПДЖ. 307, 308), бросается в глаза господствующее положение торговли предметами обихода. Это признак высокого жизненного уровня столичного обывателя и умелой постановки торгового дела.

Виды товаров	Товарооборот за 1913 г., млн. руб.	Число торговых предприятий на 1914 г.
Хлеб, мука, сахар, лен и прочие продукты земледелия	166	923
Мясо, птица, молочные продукты, рыба, скот, лошади и прочие продукты животноводства, рыболовства и охоты	135	2305
Спиртные напитки, кондитерские изделия и прочие «питейно-трактирные» товары	20	3364
Мануфактура, сукно, обувь и т. п.	153	2350
Предметы обихода	187	6293
Дрова, изделия из дерева, лес	25	286
Металлы, минеральное топливо, машины, фарфор и прочие товары, изготовленные из полезных ископаемых	116	1021
Итого	802	16542

В наше время бытует представление о безумной дороговизне жизни в столице Российской империи. Статистические данные этого не подтверждают. Хотя ржаной хлеб и был в Петербурге,

смотря по сезону, на 18—28% дороже, чем в Москве или Саратове, зато пшеничный продавали круглый год по среднерусским ценам. Мясо лучших сортов зимой было дешевле, чем в каком-либо другом крупном городе империи, и только худшие сорта весной и летом отличались дороговизной, но осенью и они шли по средним ценам (ассортимент мяса в Петербурге был вдвое разнообразнее, чем в Москве, которая, в свою очередь, была в этом отношении выше значительной части провинциальных городов). Соль и вправду была постоянно на 26—28% дороже московско-саратовских цен. Зато сахар в первое полугодие продавался по умеренным ценам и только во втором становился на 6—14% дороже, нежели в Москве. Как видим, прожиточный минимум в столице находился на среднем уровне. Но существовать на этом уровне истинный петербуржец считал бы ниже своего достоинства. Многие, лишь бы не уронить престиж, жили не по средствам, а трудом сводя концы с концами (Степанов А. 1993. 300).

О петербургских ресторанах один персонаж А. Т. Аверченко вспоминает: «Мне больше всего нравилось, что любой капитал давал тебе возможность войти в соответствующее место: есть у тебя 50 рублей — пойдешь к Кюба, выпей рюмочку мартеля, проглоти десяток устриц, запей бутылочкой шабли, заешь котлеткой даньон, запей бутылочкой поммери, заешь гурьевской кашей, запей кофе с джинджером... Имеешь 10 целковых — иди в «Вену» или в «Малый Ярославец». Обед из 5 блюд с цыпленком в меню — целковый, лучшее шампанское — 8 целковых, водка с закуской — 2 целковых... А есть у тебя всего полтинник — иди к Федорову или к Соловьеву: на полтинник и закусь, и водки выпьешь, и пивцом зальешь...» (Аверченко А. 269).

С. 138

Prix fixe (фр.) — твердая цена.

С. 139

...духовных лиц... Другие товары, продававшиеся в специализированных лавках Гостиного двора, — кружева, перчатки, лампы, металлическая посуда, полотно и холст, художественная церковная утварь, колокола, парча, корзины, бамбуковая мебель, губки, корсетные материалы и принадлежности, кровати и матрацы, шелк, дамские шляпы.

Merci, madame (фр.) — благодарю, мадам. *Je vous prie* (фр.) — прошу Вас.

...прическа à la Capoule... Короткая стрижка сзади, а спереди — прямой пробор с прядями, уложенными на лоб симметричными полукружиями. Названа по имени Виктора Капуля (1839—1924) — французского тенора и эlegantного комедийного актера, гастролировавшего в Петербурге в 70-х гг., впоследствии директора Нью-Йоркской консерватории и Парижской Оперы. Прическа Капуля вошла в моду в 1876 г. Характерно отставание петербургских приказчиков от «заграничной», «барской» моды на 40 лет.

...только у Таратина... Торговое товарищество «В. А. Таратин» имело магазины на Большой Суrowsкой линии Гостиного двора, а также в д. 22—24 по Большому пр. П. С. и д. 39 по 2-й линии В. О.

...своего рода реклама... Об ином способе заслужить благосклонность высокопоставленной особы рассказывала М. А. Голови-

на — жена лейб-медика. «Как-то случилось ей зайти в Гостином дворе в ювелирный магазин. Почти одновременно с ней вошли две какие-то дамы, и хозяин засеменил перед ними. Дамы рассматривали, подбирали всякие вещи, наконец отобрали некоторые и стали торговаться. Ювелир запросил 800 р.

— Ну нет, триста, — решительно сказала одна из дам. — И пришлите сейчас же.

Ювелир улынулся и развел руками.

— Для вас — извольте-с! Немедленно же будут посланы.

Дамы ушли. Головина с недоумением слушала этот разговор и обратилась к хозяину.

— Послушайте, — сказала она. — Я не знаю теперь, как иметь с вами дело! Вы запрашиваете 800, а отдаете за 300. Это же Бог знает что такое!

— А знаете-с, кто эти дамы? — таинственно спросил ювелир. — Супруга его превосходительства г. Витте!..

— Да вам-то что за дело до Витте?

Тот усмехнулся:

— Верьте совести, что я не запросил ничего лишнего с них... А госпожа Витте дама нужная: биржа в их руках» (Минцлов С. 23). С. Ю. Витте был в ту пору министром финансов.

...«*поставщиков двора его величества*»... Придворное звание владельца торговой фирмы, в течение не менее 10 лет поставлявшего товары к императорскому двору и не имевшего ни одной рекламации. Оно присваивалось по заключению министра императорского двора. Получение звания означало признание государством высокого качества изготовленной продукции, гарантировало фирме выход продукции на международный рынок, получение выгодных и престижных заказов и, как следствие, высокой прибыли. Фирма получала право изображения на своей торговой марке государственного герба, наименования фирмы и даты ее основания. Здесь же отмечались все награды на российских, международных и петербургских выставках. Поставщики двора выполняли заказы для царской семьи, а также дипломатические, церемониальные и почетные подарки (прим. В. А. Витязевой).

С. 140

...*в Даме армии и флота*. Здание Офицерского собрания на углу Литейного пр. и Кировой ул., арх. В. Г. Гаугер, инж. А. Д. Донченко, 1895—1898 (ныне Дом офицеров).

...*магазин Елисеева*. Магазин торговал вином, шампанским и ликерами, колониальными товарами, фруктами, сигарами и табаком.

С. 141

...*представительств известных фирм*... Магазины конфет и шоколада «М. Конради» — Невский пр., 20, 36, 106, Садовая ул., 109, Загородный пр., 44, Суворовский пр., 30, Университетская наб., 25, Большой пр. П. С., 35, Каменноостровский пр., 38.

Магазины «Т-ва Георг Ландрин» — Невский пр., 12, Екатерингофский пр., 9, Большой пр. П. С., 38, 92, Кронверкский пр., 47.

Из магазинов торгового т-ва «В. И. Соловьев» был знаменит магазин фруктов, колониальных товаров и вин на углу Гороховой ул. и ул. Гоголя, 7/15, другие магазины этой фирмы — гастроном на Невском пр., 47, и «Колониальные товары» на Николаевской ул., 1.

Самый известный магазин колониальных товаров, чая, фруктов и вин торгового дома «В. И. Черепенников с сыновьями» был на Литейном пр., 12, другие их магазины — Невский пр., 142, Литейный пр., 5, 36, 64, Пантелеймоновская ул., 8, Моховая ул., 22, Сергиевская ул., 21, Воскресенский пр., 9, Б. Дворянская ул., 27.

Магазины Г. Ф. Эйлерса — Невский пр., 30, Литейный пр., 24, Английская наб., 36, Каменноостровский пр., 23.

Лучший магазин сельскохозяйственного т-ва прибалтийских дворянских имений «Помещик» находился на углу Измайловского пр. и 7-й Роты; т-во предлагало свежее цельное детское, стерилизованное молоко и любые молочные продукты с доставкой на дом.

Магазины т-ва механического производства обуви «Скорород» — Невский пр., 61, Зеркальная линия Гостиного двора, 35—36, Б. Морская ул., 26, Забалканский пр., 89, Петергофский пр., 19, Большой пр. П. С., 55, Андреевский рынок, 28, Б. Сампсониевский пр., 64 (отделения оптовой продажи имелись в Париже, Вене, Гамбурге, Стокгольме).

С. 142

...*Варшавскую церковь*... Церковь Воскресения Христова (наб. Обводного канала, 116), арх. Г. Д. Гримм и Г. Г. фон Голи, освящена в 1908 г. Этот храм, вмещающий 4 тыс. человек, построен на средства, собранные Александром-Невским обществом трезвости. Основателем общества, численность которого достигла более 70 тыс. человек, был священник Александр Васильевич Рождественский — духовный пастырь, пользовавшийся в народе признанием, едва ли уступавшим популярности о. Иоанна Кронштадтского. Ежегодно церковь посещало более миллиона человек (Антонов В. 1994. 171).

С. 144

...*«Контан»*. На европейский вкус, в центре Петербурга наиболее солидными ресторанами были «Кюба» (незадолго до войны переименованный в «Restaurant de Paris»), «Медведь», «Донон» и рестораны гостиниц «Европейская», «Астория», «Франция» (Б. Морская ул., 6), «Гранд-отель» (ул. Гоголя, 18), «Англетер» (Вознесенский пр., 10), «Регина» (Мойка, 61).

Вход в «Кюба» (Б. Морская ул., 16) был незадолго до войны оформлен академиком архитектуры И. А. Фоминым в строгом духе неоклассицизма. «Кюба» — подлинная академия гурманства. Этот ресторан чаще других упоминается в воспоминаниях о Петербурге. Характерная сценка: Коровин входит в «Кюба» с Шляпиным — и тот, видя в ресторане много офицеров, робеет и спешит ретироваться (Коровин К. 176, 257). Было от чего оробеть: «Кюба» постоянно фигурирует в мемуарах Матильды Кшесинской как место приятных часов, проведенных ею в обществе великих князей. В День университетского акта 8 февраля здесь могли пошуметь и почтенные профессора, адвокаты, чиновники — бывшие выпускники университета (Лурье Л. 172). 2-й завтрак у Кюба (с часу до трех) стоил 1 рубль 25 коп., обед (с 6 до 9) — два с полтиной — три рубля.

В вестибюле ресторана «Медведь» (Б. Конюшенная ул., 27; ныне Театр эстрады) стояло чучело колоссального бурого медведя. Этот ресторан Э. Игеля, славившийся изящной архитектурой огромного главного зала, был «ночным фойе» столичных театров: сюда

съезжалась respectable публика после спектаклей. Он и открыт был только в течение театрального сезона — с 1 сентября до 1 мая. 2-й завтрак (с 12 до 3) стоил, как и у Кюба; обед (с 6 до 9) — два с полтиной. «В главном зале устраивались торжественные обеда-приемы в честь знаменитых юбиляров — актеров, писателей, художников: обед в честь М. Г. Савиной — гостей более тысячи человек; обед в честь К. А. Варламова — хозяйка-распорядительница В. Ф. Комиссаржевская; обед по случаю пятилетия журнала «Театр и искусство»; обед, данный графом А. Д. Шереметевым в ознаменование начала двадцатого сезона созданного им оркестра. В 1910-х гг. в «Медведе» часто бывал Ф. И. Шаляпин (Алянский Ю. 151).

К «Донону» проезжали через подворотню дома 24 по Мойке. 2-й завтрак (с 12 до 3) стоил здесь полтора рубля, обед (с 5 до 8) — 2 руб. 50 коп. Обедать у Дюнона любили писатели, художники, ученые, устраивали пирушки выпускники Училища правоведения. Традиционным напитком была здесь жженка. В «Альбом обедающих» вписывали протоколы собраний, экспромты, шутки, карикатуры. При ресторане был зимний сад. В 1910 г. «Дюнон» переместился на Благовещенскую пл. и стал «Старым Дюноном», а заведение на Мойке превратилось в «Новый Дюнон» (Алянский Ю. 85).

Пониже рангом стояли, с точки зрения европейских гостей, «Старый Дюнон», «Контан» и «Братья Пивато». В «Старом Дюноне» (рядом с Николаевским мостом) после разъезда из театров собирался полусвет. Ресторан открывался в 3 часа дня. До 7 тут можно было пообедать за 2 рубля с полтиной.

В «Контане» (Мойка, 58) часто устраивались творческие вечера людей искусства и литературы. Одним из самых фешенебельных ресторанов столицы он стал с 1912 г.: каждый вечер — серьезный лирический дивертисмент с участием лучших русских и иностранных артистов; виртуозный румынский оркестр; дамам бесплатно подносились цветы (Алянский Ю. 122). Имелся зимний сад. 2-й завтрак (с 12 до 3) стоил 1 руб. 25 коп., обед (с 6 до 9) — два с полтиной.

«Пивато» (Б. Морская ул., 36) — итальянский ресторан. А. Н. Бенуа на всю жизнь запомнил парадный обед у своей бабушки К. И. Кавос — страстной поклонницы всего итальянского. Весь обед состоял из заказанных у Пивато венецианских национальных блюд (Бенуа А. И. 39). Сценка в воспоминаниях К. А. Коровина: у Пивато капельмейстер Частной оперы С. И. Мамонтова И. А. Труффи, заказав макароны, разговаривает с Мамонтовым по-итальянски о Мазини. 2-й завтрак у Пивато (с 12 до 3) стоил рубль, обед (с 5 до 9) — два рубля.

Из ресторанов вне центра у европейцев пользовались отличной репутацией «Вилла Эрнест» и «Братья Кюба» (ранее именовавшийся «Белльвью»). У интеллигентных же петербуржцев шикарнейший «Эрнест» (Каменноостровский пр., 60), хозяином которого был Эрнест Игель, слыл рестораном для «фармацевтов». Он открывался в 6 вечера; до 9 здесь можно было пообедать за 3 рубля. Здесь устраивались ежедневные концерты «с участием лучших артистов заграничных театров»; в обширном зимнем саду — артисты парижских театров «Казино», «Паризиана» и «Скала» (Алянский Ю. 245). «Братья Кюба» (Каменный остров, 24, — на берегу Б. Невки) — летний ресторан, открытый с 1 мая до 1 августа. Здесь тоже

был 3-рублевый обед с 5 до 8 вечера. Местоположение, режим работы, цены говорят о том, что главными клиентами этих ресторанов были любители ночных гуляний и кутежей на Островах.

С. 146

...они были исключительно расторопны. Посетителей обслуживали только мужчины. В первоклассные рестораны предпочитали нанимать официантов-татар, так как они не употребляют алкоголь. Целые села Казанской губернии занимались этой профессией.

Костюм официанта первоклассного ресторана — черный фрак без шелковых лацканов, черный жилет, брюки без лампасов, крахмальная манишка со стоячим воротничком и черным бантиком. Штилеты часто были без каблучков, чтобы при ходьбе не производить шума. Нитяные белые перчатки и перекинутая через руку салфетка, которой официант протирал бокалы и тарелки, дополняли его костюм. В первоклассных ресторанах официанты не носили фартука. В других — подвязывали под жилет фартук длиной чуть ниже колен, сходящийся на спине. В ресторанах 2-го класса официанты были одеты в пиджаки, все остальные атрибуты были те же самые. Обращение посетителей к официанту — «человек»; официанты же именовали «гостей» «ваше сиятельство» или «ваше степенство». Особо почетным посетителям подавал блюда и наливал вино метрдотель. Он носил фракционный костюм или визитку с полосатыми брюками, с черным жилетом и черным бантиком. Позднее метрдотели чаще надевали смокинг (Ривош Я. 161).

...обед без закуски и вин... Закуска везде была очень дорога. Например, в «Медведе» рюмка лимонной водки стоила полтинник, «но за этот полтинник приветливые буфетчики буквально навязывали вам закуску: свежую икру, заливную утку, соус кумберленд, салат оливье, сыр из дичи. А могли закусить и горяченьким: котлетками из рябчика, сосисочками в томате, грибочками в сметане» (Аверченко А. 269). Посетители лакомились разносолами, чтобы разжечь аппетит к обеду, хотя иногда закуска заменяла второй завтрак.

...на винах... Дешевыми винами (от 1 руб. за бутылку) считались бессарабские, крымские и кавказские. Заграничные стоили гораздо дороже.

...не менее десяти процентов... Чаевые фактически были выше 10% от счета, потому что оставлять меньше 30 коп. считалось неприличным. К этому надо прибавить еще по меньшей мере гривенник, которым приходилось вознаграждать гардеробщика (Baedeker K. 27).

...«Вилла Родэ»... «Вилла Родэ» занимала участок, выходящий углом к Строгановскому мосту (100 саж. по Новодеревенской наб. и столько же до Черной речки). В 1908 г. бывший управляющий Крестовским садом А. С. Родэ открыл здесь, на месте сада и ресторана «Новая Аркадия», зимний кафешантан, построил летний театр «Павильон Кристалль» и летнюю веранду-ресторан с обширной сценой. В программе — одноактные комедии и фарсы, дивертисмент. Выступали танцовщица Л. Г. Кяшшт, хор цыган Н. Д. Дулькевича, оперный бас А. И. Мозжухин, артист Александринского театра И. В. Лерский. Имелся первоклассный притон, популярный среди золотой молодежи. Дорожившим своей репутацией дамам бы-

вать на «Вилле Родэ» поздним вечером не рекомендовалось (Алян-ский Ю. 60–62).

Устраивались кутежи. К местам, прославившимся купечески-ми кутежами, относятся также ресторан купца К. П. Палкина, пере-шедший незадолго до 1914 г. к товариществу «В. И. Соловьев» (Нев-ский пр., 47, ныне кино клуб «Титан»), и «Малый Ярославец» (Б. Морская ул., 8). По европейским критериям это были всего лишь «столовые с русской кухней», как и ресторанчик «Кузнецов» при магазине деликатесов (Невский пр., 29) (Baedeker К. 89).

...рестораны I разряда... Рестораны «Вена» (ул. Гоголя, 13), «Квисисана» (Невский пр., 46), «Доминик» (Невский пр., 24) К. Бе-декер причисляет к «менее претенциозным». Ресторан при гости-нице «Большая Северная» (Невский пр., 118) относит к «столовым с русской кухней». «Прагу» (Садовая ул., 9) и ресторан при гости-нице «Знаменская» (Знаменская ул., 2) не упоминает вовсе. Зато приводит сведения об излюбленном немцами ресторане «Лей-нер», о «Francais Albert» (оба по Невскому пр., 18), о ресторанах «Cave la Grave» (Б. Конюшенная ул., 14), «Макаев» (Невский пр., 23), «Метрополь» (Садовая ул., 14), «Брокманн» (Екатерининский кан., 45), «Бернар» (угол Николаевской наб. и 8-й линии В. О.) и о ресто-ране на пристани у Летнего сада (Baedeker К. 89).

В «Праге» имелись концертный зал, «кабинеты пианино», биль-ярдные (Алян-ский Ю. 202).

«Доминик», открытый в 1840 г. кондитером Домиником Риц-а-Порта, — первый в России кафе-ресторан. В начале XX в. славился ленчем (с 11 до 3 за 40–75 коп.). Обед (с 3 до 8) стоил от 75 коп. до рубля. «Доминик» был особенно популярен у шахматистов (Алян-ский Ю. 83). Завсегдатаев прозвали «доминиканцами»: за окна-ми — церковь св. Екатерины, находившаяся в ведении монахов ор-дена св. Доминика (Хршановский В. 151), которые носили черно-белое одеяние.

Обстановка там была свободная. «Вена» — своего рода клуб журналистов и литераторов средней величины. Блок, Кузмин, Во-лошин, сотрудники «Аполлона» его не посещали. «Свои» приходи-ли ежедневно, имели свои столики, начинали обедать часа в 2, кончали в 8. После рыбного делали перерыв часа на два, в 6 пода-валось мясное. Редакторы тут принимали работы, заказывали сти-хи поэтам: «Остается место на листе строчек на тридцать. Вы не могли бы к шести часам что-нибудь придумать?!» Поэт, не сходя с места, между супом и рыбным, начинал писать. В отличие от дру-гих ресторанов, обед был одинаков для всех, без выбора блюд; порция могла быть, по желанию, с добавкой; стоил обед из 4 блюд 80 коп. «Свои» обедали и «на запись», чего в других ресторанах не дозволялось (Милашевский В. 47, 48).

С. 147

...«Mens sana in corpore sano». Перефразировка латинского изре-чения «Mens sana in corpore sano» — «В здоровом теле здоровый дух».

...славился стойкой. Ресторан выходца из ярославской деревни В. М. Федорова — М. Садовая ул., 8. «Небольшая зальца и вдоль всей стены стойка с умопомрачительным количеством закусок и яств. В верхнем ряду рюмки с «крепительным». <...> Зубровка, зверобой, вишневка, спотыкачи, рябиновки, березовки, калган-корень... Со-

лидные бокалы для сухих вин и средние пузатенькие рюмки для хереса, мадер, портвейна. Ну и коньяки, правда одной марки, так как рюмки уже налиты. <...> Закуски рыбные, колбасные, ветчинные. Буженину надо спросить, так как она подавалась теплой! Селетка, семга-балык, тешка-холодец, осетрина (на блюде). Мясо жареное, мясо пареное, холодное. Можно заказать и горячую котлету. <...> Тут же вы найдете ломтик оленя и медвежатины для людей «сверхсерьезных» и знатоков. И даже мясо по-киргизски, деликатес эпохи Батыя» (Милашевский В. 39, 40).

...на своих постояльцев... Гостиница «Мариинская» находилась в Чернышев пер., 3. Постояльцами были не только гостинодворцы, но и люди с Мариинского рынка и Апраксина двора.

...при «Балабинской» гостинице... «Балабинская» гостиница — Невский пр., 87.

...славился ростбифами... Ростбиф — кусок жареной говядины из хребтовой части туши или вырезки.

С. 148

...по типу пианолы. Пианола — вид механического фортепиано.

...тирольский пейзаж. Тироль — живописная область в Альпах в западной части Австрии.

...при Новодеревенском вокзале... Новодеревенский вокзал находился на месте нынешнего югославского ресторана «Драго» (Приморский пр., 15).

...назывались трактирами. В середине 90-х гг. в Петербурге насчитывалось 644 трактира, в них работало 11 тыс. слуг. Заведения эти принадлежали 320 трактирщикам, из коих около 200 были ярославцами. Типы трактирщиков: 1) «Аристократы» — купцы с регалиями, почетом и титулами, а главное — с капиталом. Такому трактирщику 57—60 лет, он сед, в бриллиантах, с плавными, величественными движениями. Он одинаково может быть в компании генеральства, аристократии, литераторов, художников. Держится скромно и с достоинством, одет безукоризненно, говорит мало и дельно, собеседник приятный. Это тип вымирающий. 2) Старики — кулаки и кабатчики. Кулак тучен при маленьком росте. Бегающие глаза. Лапищи, наводящие страх на слуг. Слоноподобные ножищи. Костюм неряшливый, грязный. Ходит лениво, вообще избегая двигаться. В заведении больше кричит осипшим голосом, неграмотен. Таких большинство. 3) Новички, которым трактиры достались случайно или по наследству. Часто они наивны. Их любят и служащие, и посетители. У них все доброкачественное: водка, провизия, чай, вина. В итоге у них крупные убытки и недочеты. «В Петербурге приличному человеку (не говоря уже про дам) без шальных денег решительно негде закусить, некуда зайти, — сетует автор этой типологии. — Приличный человек, который выпьет, закусит, послушает орган, почитает газеты и уйдет, он много, много израсходует целковый... Между тем такому гостю надо предложить выбор по карте, подать все чистое, свежее, доброкачественное. А это все стоит денег». Трактирщикам выгоднее ориентироваться не на «приличную» публику, а на «серую» — мелких служащих, торговцев, разносчиков, приказчиков, писцов, канцеляристов, артельщиков: они невзыскательны, безответны, неумеренны и, «разойдись», истратят все, что есть в кармане, и «окуня от сига не

отличат, конины от черкасского мяса». Либо гнать деньгу из простого люда. Поэтому и трактиры в Питере либо «серые» (поближе к центру, числом до ста), либо «грязные» (преимущественно около фабрик, заводов, рынков). Атрибуты «серых» — проститутки, низкоградусная сивуха, гремящий орган и пьяная оргия завсегда. «Грязные» — трактиры для чернорабочих и извозчиков, постоянные дворы, чайные, закусовые, народные столовые и кабаки — устраивались так, чтобы посетитель не смог ни поесть без выпивки, ни выпить наскоро и уйти: чтобы, имея возможность пить и заедать выпивку, он сидел в трактире, пока не проплет последнюю копейку. Но вот наступает момент закрытия. «С криком, шумом, песнями, руганью, проклятиями вываливается из дверей ватага оборванцев, пропойц, бродяжек, чернорабочих, и все пьяные, безобразные, потерявшие человеческий облик, отравленные, очумелые... Горе прохожему, попавшему в это время на панель... Большая половина грабежей, побоищ, увечий совершается именно в грязных трактирах или на улице, тут же у дверей... Все помещения таких трактиров состоят из 2-3 низких, тесных комнат с промозглым вонючим воздухом; сюда набирается народу «сколько влезет», так что повернуться негде; мебель состоит из простых скамеек и столов, посуда деревянная, никогда не моющаяся». Чтобы избавиться от зла «грязных» трактиров, резюмирует автор, надо открыть питейные дома, в которых можно только выпить — и уйти, а сидеть и бражничать — нельзя (Животов Н. IV. 24—36, 42, 43).

...извозчичьи чайные и трактиры. «Кроме отдельных извозчичьих притонов, раскинутых по всему лицу Петрограда, не исключая таких бойких местностей, как Толмазов переулок, Невский проспект, Большая Садовая и др., есть немало извозчичьих гнезд с целыми группами притонов. Таковы (кроме Лиговки и Обводного канала) Коломенская улица с частью Николаевской, «стрелка» Петербургской стороны (близ Зоологического сада), «сердце» Выборгской стороны (у Сампсониевского пр. близ клиники), окраина Васильевского острова (на Малом пр.) и Пески. <...> В «свой» трактир извозчик едет за делом: напиться чаю, покормить лошадь, отдохнуть, выпить по маленькой, а в «гнездо» он едет «погулять» и гуляет с чисто извозчичьим безобразием, оставляющим позади безобразия разгула мастеровых и фабричных» (Животов Н. I. 27, 29).

...названия некоторых трактиров... В 1914 г. в Петербурге было два ресторана «Париж»: на Гороховой ул., 12, и Надеждинской ул., 37. Трактир «Лондон» — на Обводном канале, 96 (у Забалканского пр.). Трактир «Любин» (Боровая ул., 73) носил имя своего хозяина — Ильи Ивановича Любина, что не противоречит версии авторов, так как своей фамилией трактирщик, по всей вероятности, обязан родному городу.

С. 149

...столовые для бедных... «Благодаря Обществу дешевых столовых и Обществу народных столовых в Петербурге можно получить прекрасный обед за самую ничтожную плату. Здесь подают за 6 копеек обед из двух блюд, за 1 коп. стакан чаю, за 1 коп. порцию хлеба, за 2 коп. кусок хорошего мяса и т. д.» (Животов Н. IV. 43).

Д. А. Засосов и В. И. Пызин не упоминают в этой главе о петербургских кафе. Самые известные — «Рейтер», «Цветков» (ранее «Андреев», Невский пр., 6), «Центральное» (Невский пр., 44), «Польское» (Михайловская пл., 2, — особенно любимое дамами, не желавшими тратить на перекус более полтинника) и пирожковая «Филиппов» (Невский пр., 45, — на углу с Троицкой ул.) (Baedeker K. 90).

Следует упомянуть и об артистических кабаре. В 1908 г. открылись «Лукоморье» и «Кривое зеркало», в 1910-м — «Дом интермедий», «Черный кот», «Голубой глаз», в 1912-м — «Бродячая собака», в 1914-м — «Пиковая дама» и «Зеленая лампа». Наступал «кафейный» период русской литературы, когда литературные позиции захватывала богема. Кабаре литературной молодежи — вызов официальной культуре (Бурины С. 275—279). Самым колоритным из них была «Бродячая собака», устроившаяся в подвале для дров (Михайловская пл., 5), на стенах которого С. Ю. Судейкин изобразил веселых персонажей Карло Гоцци. Завсегдатаи «Бродячей собаки» — Ахматова, Карсавина, Гумилев, Мандельштам, Городецкий, чета Судейкиных, Сапунов, Кузмин. 50-летний Сологуб казался в этой компании стариком. На программах печаталось четверостишие М. А. Кузмина: «Здесь цепи многие развязаны, — / Все сохранит подземный зал, / И те слова, что ночью сказаны, / Другой бы утром не сказал».

Одежда и мода

В области моды Петербург задавал тон всей России. Если оставить в стороне анахронизмы придворного и аристократического обихода, то в глаза бросается прежде всего общеевропейская тенденция — стирание национальных и сословных особенностей в костюме. Конечно, лишь до известного предела: костюм и в это время говорил о принадлежности человека к определенному социальному кругу. Но если в XVIII—XIX вв. одежда очень внятно обозначала социальный статус своего хозяина, то в начале нашего столетия, на фоне единообразия городского костюма, знаки социальной принадлежности сместились на уровень аксессуаров и нюансов, которые современниками улавливались моментально, а нам подчас кажутся едва заметными.

Дамам диктовал моду Париж, господам — Лондон. Законодательницей дамских мод в Петербурге была мадам Бриссак. «Эта портниха сколотила целое состояние и приобрела в столице особняк. Все ее клиентки, в том числе сама царица, жаловались на цены, которые та заламывала» (Масси Р. 153). Но понемногу и у дам завоевывал популярность английский стиль. Парижские модельеры вводили их в шикарный салон, вовлекали в изящную эротическую игру, а Лондон ставил выше всего удобство и приспособлял дамский туалет к изменениям в образе жизни, вызванным эмансипацией, успехами гигиены и, главное, развитием спорта (авто, велосипед, верховая езда, крокет, теннис, плавание). В мужской одежде очень заметно было также влияние Вены: мощная австрийская швейная промышленность экспортировала мужские костюмы во все страны (Ривовш Я. 101).

Основным распространителем моды были специальные журналы. В 1915 г. в Петербурге издавалось 11 журналов мод: «Белье и вышивки», «Венский шик», «Вестник моды», «Дамский мир», «Детское платье и белье», «Искусство портных», «Модный курьер, модный свет и модный магазин», «Модный свет», «Моды для всех», «Парижская мода», «Портной». На моду влиял и театр. Часть публики (особенно значительная среди завсегдатаев Михайловского театра, где выступала французская труппа) шла на спектакли только для того, чтобы посмотреть на присланные из Парижа туалеты приданной. Мода распространялась также фотографическими открытками, изображавшими «этуалей» и красавиц на любой вкус, и кинематографом, увлечение которым начиная с 1907 г. приобрело эпидемический размах.

Столичная аристократия и крупная буржуазия шили костюмы за границей либо у иностранных портных, работавших в Петербурге. Обычно шили у постоянного портного, который зачастую имел в мастерской манекен, сделанный по фигуре заказчика. У портного же имелся ассортимент материй как кусками, так и в образцах-каталогах английских, русских и лодзинских фирм. В крупных портновских мастерских хозяин одновременно был кройщиком, а шили наемные мастера, причем у иностранных портных в Петербурге мастера были русские. Качество работы было очень высоким. Русские портные ездили совершенствоваться в Лондон и Вену; в их мастерских в рамках под стеклом висели дипломы об окончании портновских академий. Быть портным было выгодно: на одном только Невском пр. в 1914 г. находилось 76 портновских ателье и мастерских. Помимо портных, шивших все виды и типы костюмов, были специалисты по определенному типу костюма: шившие мундиры для военных (в этой области русские портные считались лучшими в Европе) и для чиновников различных ведомств, облачения духовенства, обычные костюмы или одежду для лакеев. Портные самой высокой квалификации шили только фраки, визитки, сюртуки и смокинги (Ривош Я. Там же).

Менее обеспеченные жители столицы одевались в «домах готового платья», где на вывесках рядом с фамилией владельца частенько красовалась надпись «Венский шик». Опять-таки на одном только Невском к их услугам имелось более 80 магазинов готового платья и 40 модных магазинов. Обилие на Невском заведений, предлагавших все необходимое для того, чтобы выглядеть петербуржцем, ныне трудно вообразить: магазинов тканей — 76, галантерейных — 51, белья — 44, обувных — 31, суконных — 22, торгующих золотом и серебром — 21, парикмахерских — 20, торгующих шелком — 16, торгующих мехами и ювелирными изделиями — по 14, магазинов головных уборов — 13, перчаток — 12, вышивки и кружев — 11, полотна и холста — 8, модисток (как называли мастериц, изготавливавших дамские шляпы) было на Невском 7, магазинов корсетов и парчи — тоже по 7, дамских рукоделий и суровского товара — по 6, искусственных камней — 5, ювелирных и сапожных мастерских — по 4, магазинов кожи — 4, трикотажных изделий и зонтиков — по 3, басонов, галстуков, шерсти — по 2, золотошвейни — тоже 2, мастерских белья и туфель — по одной.

...палантины из соболя... Палантин — женская наплечная накладка из меха или бархата.

...шиншиллы... Шиншилла — перуанский зверек, напоминающий белку, с очень ценным серебристо-серым мягким густым и длинным мехом. Мода на мех шиншиллы привела к почти полному ее истреблению.

...из ценного меха... Пальто с верхом из ценного меха стали носить в последние годы описываемого периода (сообщено Ю. М. Красовским). Богатые дамы носили манто — пышную меховую одежду с широкими рукавами, без пуговиц.

...ботинки из белой лайки. Лайка — сорт мягкой кожи из шкур овец и коз.

...в такой кирасе! Сочувствие авторов дамам, затянутым в корсет, вполне уместно: бывали обмороки на балах.

...свиногого цербера. Цербер (ирон.) — злой сторожевой пес (первоначально в греческой мифологии: трехголовый пес, стерегущий двери ада).

...часы и лорнеты... Женские часы были схожи с мужскими, но меньшего размера. Носили их на длинной шейной цепочке или на шнурке либо прикрепляли бантом слева на груди. Часики на шее были в закрытом корпусе, украшенном рельефными цветами или монограммой; часики на банте — с открытым циферблатом (Ривош Я. 122). Лорнет — монокль или складные очки без дужек, на ручке, прикрепленной к цепочке, висящей на шее. Лорнет можно было спрятать в рукоятку. Мужчины почти никогда не прибегали к лорнетам (Ривош Я. 118).

...украшали голову диадемой... Диадема — украшение в виде небольшой открытой короны. Ее носили и в высшем обществе (указано Ю. М. Красовским).

Одежда мужчин купеческого круга... Свообразие купеческого костюма заключалось не в том, что купцы носили какие-то особые вещи, а в сочетании вещей. Некоторые заимствовались у «господ», другие имели крестьянское происхождение, но рознились от своих народных прототипов качеством и дороговизной (Ривош Я. 207).

Шуба на дорогом меху. Шуба — длинная, двубортная, крытая черным кастором или сукном, с шалевым воротником, с разрезом сзади — была основным типом мужской зимней верхней одежды. Люди пожилые предпочитали шубы на рыжей лисе, хорьке, еноте; среднего возраста и молодые — на кенгуру или выдре под котик; в ходу был также мех белки и нутрии. На воротник ставили черный каракуль, выдру под котик, енота, бобра (Ривош Я. 106).

Купцов в поддевках... Поддевка — приталенный суконный кафтан на мелких сборках, с небольшим стоячим воротником, с застежкой на крючки на левую сторону. Когда купцы, стараясь выглядеть по-европейски, перестали носить поддевку, интеллигенция народнического толка воспользовалась ею как атрибутом своих убеждений. См. в рассказе В. М. Дорошевича «Татьянин день» (1903): «Позвольте, почему вы в поддевке, ежели вы не писатель? Ах, вы швейцар!» (Кирсанова Р. 184, 185).

...*костюм был обычно темных тонов...* Костюм мог быть черным, синим, маренго (черным с серым отливом), темно-серым, реже коричневым (Ривош Я. 101).

...*в продольную полоску.* Основным типом мужской одежды был пиджачный костюм — «тройка». Буржуа и лица свободных профессий носили его ежедневно, рабочие — по выходным. Пиджаки были с широкими лацканами, приталенные, со шлицей. Двубортные пиджаки застегивались на три пуговицы (на четыре носили рабочие, приказчики, мелкие торговцы — к 1914 г. это была устаревшая мода). Из-под рукава выступали на 2—3 см крахмальные манжеты. Однобортные пиджаки не застегивались, чтобы был виден жилет.

...*но они не привились.* Брюки были шириной внизу 20—23 см, длинные, заламывавшиеся на обуви. Обшлага делали редко, только при однобортном пиджаке; стрелку не заутюживали. Рабочие, направлявшие брюки в сапоги, не гладили их вовсе. Брюки держались на подтяжках (Ривош Я. 105).

Наручных часов не носили. Часы были импортные или собранные из импортных деталей: своей часовой промышленности Россия не имела. Распространены были марки «Павел Буре», «Мозер», «Омега», «Таван-Ватч». Самыми дорогими были часы «Лонжин» и «Братя Одемар». Корпуса у них, чрезвычайно плоские, бывали золотые, серебряные, платиновые, на крышке мог быть гравированный рисунок со щитком для монограммы или барельеф, изображающий женскую головку, собаку, лошадь, пейзаж; были и крышки с рисунком на эмали. Такие часы бывали с боем: нажималась кнопка — и они отзванивали часы и четверти в кармане. Дешевые часы имели корпуса стальные, вороненые, никелированные, томпаковые (сплав серебра и олова), анодированные или из кавказского серебра. Циферблат обычно был белый эмалевый с золотыми стрелками и позолоченными или черными цифрами. Носили часы в левом кармане жилета на цепочке, протодетой в пуговичную петлю. Наручные часы до мировой войны были только дамские, вмонтированные в браслеты (Ривош Я. 121, 122).

...*летом — тикейная.* Пике — плотная шелковая или хлопчато-бумажная ткань в рубчик, иногда с выпуклым узором.

...*пиджак из альпака...* Альпак — легкая ткань из шерсти гуанако, животного рода лам.

...*чесучовые костюмы.* Чесуча — плотная шелковая ткань, обычно желтовато-песочного цвета.

...*чаще — «на машинке».* Галстуки — черные, белые, неяркие цветные или с мелким рисунком — изготовлялись из плотного шелка или атласа. Самовяз(ка) — галстук, завязываемый своими руками, в отличие от пристегиваемых, сшитых в форме узла или банта. Его завязывали широким узлом, концы (короче нынешних, т. к. их заправляли под жилет) скалывали булавкой с головкой из жемчужины или драгоценного камня. В начале века носили узкие самовязы, с 1910 г. вошли в моду широкие. Галстук «на машинке» («регата») — с пряжкой на изнанке узла, которую пристегивали к запонке воротничка, и короткими жесткими концами, закладываемыми под загиб воротничка. Аристократы их не носили, но у чиновников, купцов, приказчиков регаты вытеснили самовязы. Рабочие в торжественных случаях тоже надевали регату (Ривош Я. 105, 106).

...*сюртук, смокинг и фрак*. Сюртук — верхняя двубортная одежда в талию с длинными полами, прообраз пиджака. Пуговицы были басонные — деревянные, обтянутые шелком. Лацканы обтягивались шелком. Сюртук носили с крахмальной рубашкой, чаще с манишкой. Жилеты к сюртуку — разных фактур и расцветок, суконные, бархатные, шелковые, гладкие, с вытканым или вышитым рисунком (при фраке такая пестрота была немыслима). Брюки — из того же материала, что и сюртук, без лампасов и обшлагов, со «скошенным следком». Обувь к сюртуку полагалась черная — ботинки, штиблеты. Купцы носили сюртуки, модные в 70-80-х гг. XIX в., — длинные, с лацканами без шелка, с крохотными плоскими пуговками (Ривош Я. 103, 104, 207).

Смокинг — двубортный пиджак с открытой грудью, длинными шалевыми лацканами, крытыми матовым шелком, и застежкой на 1—2 басонные пуговицы. Вошел в моду перед мировой войной как заменитель фрака. К смокингу полагались жилет фракного покроя, крахмальная рубашка с черными пуговичками и черный бантик (Ривош Я. 104).

Фрак — парадный сюртук с вырезанными спереди полами и узкими фалдами, с лацканами, крытыми матовым шелком. Сзади на талии две пуговицы того же размера, что спереди. Фрак не застегивают. Фрачный жилет — белый пикейный, с шалевыми лацканами. Пуговицы тоже белые — костяные, перламутровые, фарфоровые. Черные жилеты могли быть у лакеев, у стариков, либо их надевали на похороны. Рубашка под фрак — крахмальная, голландского полотна, грудь — из двойного материала либо пикейная. К рубашке пристегивали стоячий воротничок с отогнутыми уголками и бантик «бабочку». Запонки — золотые, серебряные, украшенные бриллиантами либо жемчугом; запонки с цветными камнями считались дурным тоном. Головным убором служил цилиндр из велюра или панбархата. Отправляясь на бал, надевали шапокляк из шелка: его можно было молниеносно сложить в гармошку и держать под мышкой. При фраке носили белые лайковые или замшевые перчатки. Брюки шили из того же материала, что и фрак, с шелковыми лампасами. Обувь при фраке — черные туфли «лодочки», ботинки, штиблеты. Верхней одеждой при фраке служила пелерина из того же материала, с шелковыми отворотами, или пальто. Матерчатый или вязаный шарф или кашне из белого шелка обматывали вокруг шеи так, чтобы спереди и сзади висели концы, украшенные бахромой. На улице в руках человека, одетого во фрак, обычно была тонкая черного дерева трость с прямым набалдашником из слоновой кости или серебра. Палки с загнутыми набалдашниками при фраке не носили.

Во фраке, как в своего рода «мундире», являлись на торжественные приемы и церемонии, в них венчались, ходили в театр. «Фрачные» ордена — уменьшенные копии настоящих — носили на лацкане, надевая орденскую ленту на жилет. На балах в левую петлицу вдевали бутоньерку из белых астр или орхидей; при ордене бутоньерку не носили. Люди небогатые фраков себе не шили, при надобности брали фрак напрокат (Ривош Я. 102).

С. 153

Жакет... Жакет — то же, что визитка. Закругленные фалды при- давали человеку в жакете сходство с жуком, поэтому жакеты назы-

вали «жуками» (сообщено Ю. М. Красовским). Жилет к жакету — черный, цветной, белый; обувь только черная. Модны были лаковые ботинки с серым и бежевым замшевым верхом в тон жилета. На лаковые полуботинки часто надевали фетровые гетры. В тон жилета подбирали и воротнички. Галстук при жакете — только самовяз, ниже узла вкалывали булавку из бриллиантов или жемчуга. В отличие от фрака, надеваемого преимущественно вечером, жакет — одежда дневная. Его носили служащие банков, частных фирм, магазинов, профессора, врачи, адвокаты (но не на выступления в суде, где полагался фрак). Он был и костюмом для верховой езды. Тогда к жакету надевались серые бриджи для клетку; обувью служили сапоги или ботинки с крагами; на шею повязывали белое кашне; головным убором служил котелок или клетчатая кепка (Ривош Я. 104).

...*фатоватый вид*. Фатоватый — склонный к щегольству.

...*а-ля Вильгельм*... Под Вильгельма II, германского императора в 1888-1918 гг., носившего усы с загнутыми высоко вверх острыми концами.

...*Henri Quatre*... Под Генриха IV, французского короля начала XVII в., носившего короткую бороду, которая охватывала подбородок полукольцом и смыкалась с приподнятыми концами усов.

...*бороду иногда подвивали, нафабривали*. Фабрить — красить усы, бороду особой косметической краской, так называемой фаброй.

С. 154

...*княгиня Орлова*... Кн. Орлова Ольга Константиновна (урожд. княжна Белосельская-Белозерская, 1872-1923) прославилась как самая элегантная дама Петербурга. Ее портрет работы Валентина Серова (1911) — в Русском музее.

...*В. А. Теляковского*... Теляковский Владимир Аркадьевич (1860—1924) — управляющий московской конторой императорских театров в 1898—1901 гг., затем по 1917 г. — директор императорских театров.

С. 155

...*драповые пальто*... Драп — тяжелая плотная шерстяная ткань из пушистой пряжи.

...*носили иногда боа*... Боа — женский широкий шарф из меха или перьев, например страуса или марабу. На проститутках «боа из перьев — точно форма!» (Милашевский В. 23).

...*из фильдекоса*... Фильдекос — гладкая крученая хлопчатобумажная пряжа, имеющая вид шелковой, употребляется на трикотажные изделия.

С. 156

...*венчиком из искусственных мелких цветов*. Использовались и украшения из перьев — эгреты и эспри.

...*внутри стекла горячей керосиновой лампы*. Щипцы нагревали и на спиртовках (сообщено Ю. М. Красовским).

...*о «кисейных барышнях»*... «Кисейная барышня» — жеманная девушка с мешанским кругозором. Кисея — очень тонкая, полупрозрачная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.

...*декальте*. Глубокий вырез в верхней части платья.

...*английский скрамный стиль*... Английский костюм состоял из прямой юбки и жакета. Ткани использовались спокойной расцветки в полоску или в клетку. Шили его мужские портные. Благо-

даря простоте в изготовлении его освоили первые производители массовой готовой одежды. Костюм придавал солидность, был практичен, хорошо сидел на любой фигуре. С 80-х гг. он не выходил из моды, меняя лишь пропорции, силуэт, форму воротника и лацканов (Орлова Л. 142).

С. 157

...*шлейф*... На изящество пользования шлейфом обращалось немалое внимание: манера той или иной дамы поддерживать шлейф могла обсуждаться по всему столичному свету (Кирсанова Р. 273—275).

...*зимой в ротонде*... Ротонда — длинная накидка без рукавов, без застежки, с прорезями для рук; обычная в то время уличная одежда курсисток, гувернанток, учительниц. Зимние ротонды отделявались мехом. На выездах набрасывали облегченную ротонду, так называемую «*sortie de bal*» (сообщено Ю. М. Красовским).

С. 158

...*костюм Пьеро*... Вертинский Александр Николаевич (1889—1957) — поэт, композитор, певец. С 1915 г. выступал на эстраде в созданном им жанре интимной музыкальной новеллы, исполняемой с трагическим изломом. Пьеро — застенчивый мечтатель, неудачливый в любви и мучимый ревностью. Вертинский заимствовал облик своего Пьеро из итальянской комедии масок: широчайший белый балахон, выбеленное лицо.

...*в сермяге*... Сермяга — кафтан из грубого некрашеного сукна.

...*сапоги начинали скрипеть*. Другой способ получить скрип — насыпать между подошвой и стелькой сахарного песка. Щеголи носили сапоги «гармошкой»: в каждую складку вшивали под кожу веревку, получалось кольцо толщиной в палец. Таких колец на сапоге было 5—6 (Ривош Я. 135, 210).

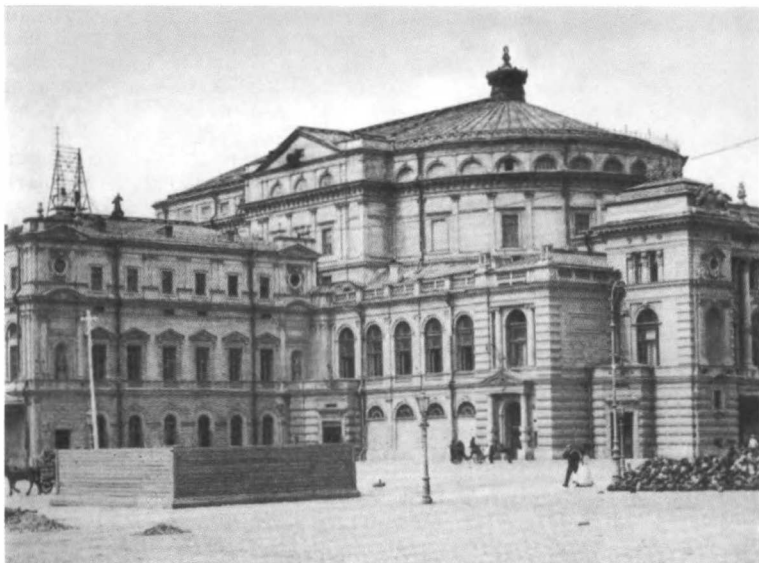
С. 159

...*без всякого пиджака*. Полиграфисты работали в пиджаках, в рубашках с отложным воротником и галстуком; обувались в ботинки или штиблеты; поверх одежды — блуза из сатина или чертовой кожи и такие же нарукавники. Старые кадровые металлисты стояли за станком в рубашке с отложным воротничком и при галстуке; брюки могли носить навыпуск, с ботинками (Ривош Я. 125, 127).

...*черные были в большем ходу*. Вместо пальто были в ходу поддевки и полупальто типа бушлата. Зимой кроме «черных» (облицованных материалом) полушубков носили полупальто на вате или овчине (Ривош Я. 135).

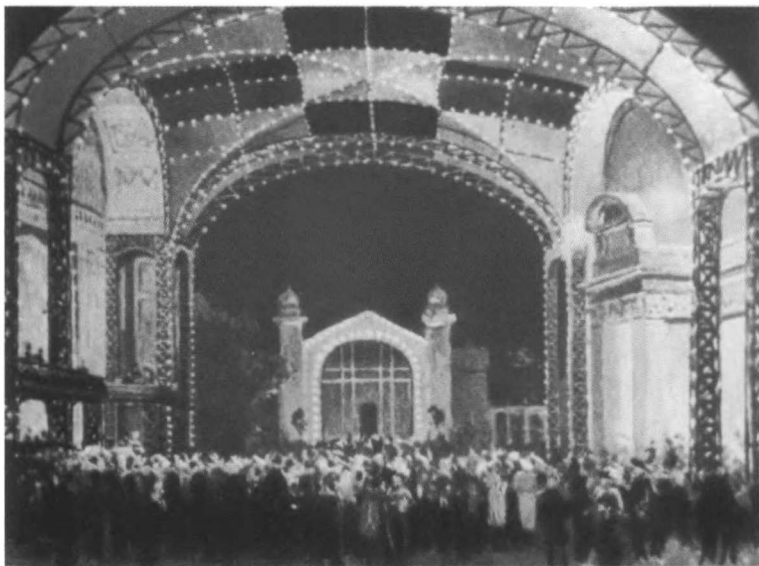
...*меховую шапку*. Зимние выходные пальто «рабочей аристократии» — длинные, двубортные, с бархатным воротником, с разрезом сзади. Носили и шубы с каракулевыми воротниками. Головные уборы — шляпы, котелки или каракулевые и мерлушковые шапки двух фасонов: «гоголь» (папаха, которую носили с проломом, как шляпу) и «бадейка» (маленькая круглая шапка с плоским дном). Летом — соломенная шляпа-канотье, панама или белый картуз (Ривош Я. 127, 135).

...*Рабочие попроще*... Рабочие попроще по праздникам надевали поджилетку сатиновые или шелковые косоворотки — белые, голубые, светло-желтые, розовые, с цветным узором по борту, рукавам и подолу. Подпоясывались шелковым шнурком с кистями, а если

Мариинский театр. С открытки 1900-х гг.

Сад развлечений «Аквариум». С рисунка автора проекта академика архитектуры Н. А. Шильдкнехта.

Зоологический сад. С открытки 1900-х гг.

Цирк Чинизелли. С открытки 1900-х гг.

Гулянье во время Пасхальной недели в Екатеринбургском саду.
Фотография 1895 г.

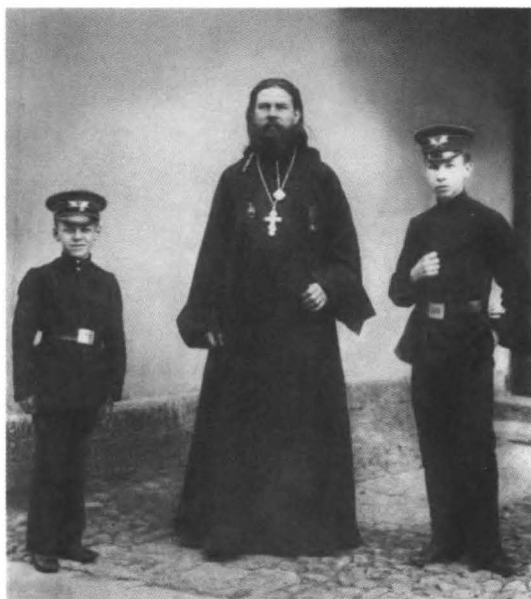
Воспитанницы Марининской женской гимназии за завтраком во время большой перемены. Царское Село. Фотография начала 1900-х гг.

Воспитанница
Смоляного
института.
Фотография
конца XIX в.

Воспитанник
Александровского
лицея.
Фотография
конца XIX в.

Учитель
Закона Божия
и гимназисты.
Фотография
начала
1900-х гг.

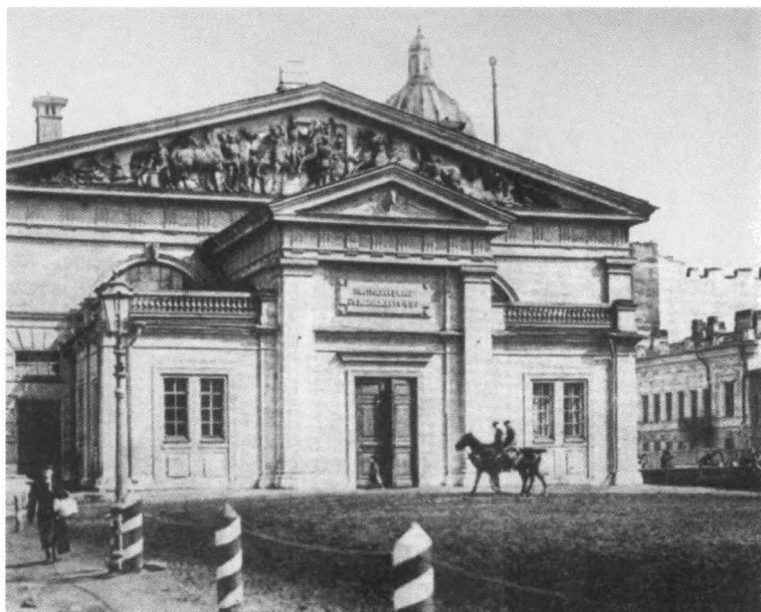
Императорское училище правоведения. С открытки 1900-х гг.

Горный институт. С открытки 1900-х гг.

Колонна Славы у Троицкого собора на Измайловском проспекте.
С открытки 1900-х гг.

Конногвардейский манеж. С открытки 1900-х гг.

На смотре во время лагерного сбора в Красном Селе.
Перед императором Николаем II проходят курсанты Николаевского
кавалерийского училища. Фотография июля 1908 г.

Молочницы. Фотография начала 1900-х гг.

Станция Лигово Балтийской железной дороги.
Фотография 1899 г.

Станция Можайская Балтийской железной дороги.
Фотография 1899 г.

Сестрорецкий пляж на берегу Финского залива. ►
Фотография 1900-х гг.

Велогонщики. Фотография 1900-х гг.

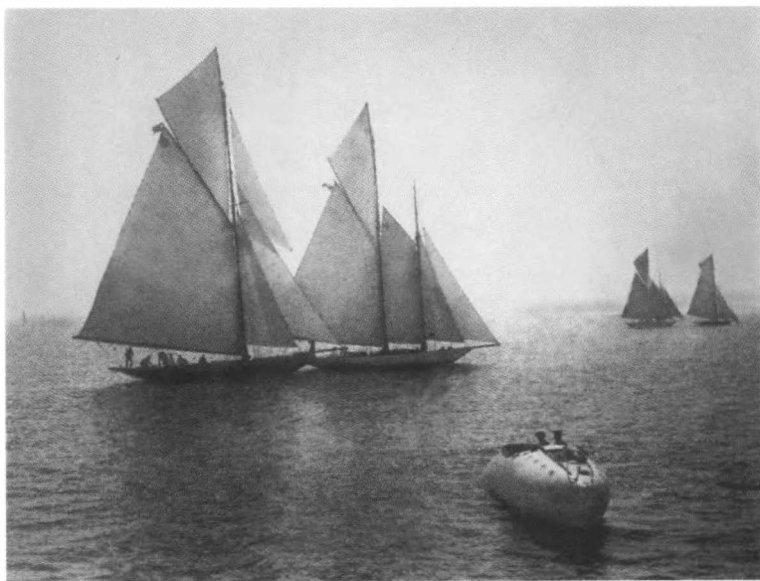
Спортивная форма теннисистов в начале 1900-х гг.
С открытки 1900-х гг.

Вид Крестовского лаун-теннис-клуба. *Фотография 1900-х гг.*

Яхты в Финском заливе во время гонок. *Фотография 22 июля 1910 г.*

На Дворцовой площади в дни празднования 300-летия Дома Романовых.
Фотография 1913 г.

Прием лошадей для нужд армии на Маревском поле в первые дни мобилизации. *Фотография 1914 г.*

Мобилизованные офицеры. *Фотография августа 1914 г.*

Авторы книги воспоминаний о Петербурге.
Д. А. Засосов (справа) и В. И. Пызин.

косоворотку заправляли в брюки, то надевали широкий эластичный пояс из полосатой резиновой тесьмы, с кармашком для часов и кольцом для часовой цепочки. Брюки или плисовые шаровары заправляли в сапоги; на сапоги, невзирая на погоду, надевали галоши (Ривош Я. 135).

С. 160

...*плюшевого сака с аграмантами*. Сак — короткое просторное женское пальто свободного покроя. Плюш — шерстяная, шелковая или хлопчатобумажная ткань с ворсом на лицевой стороне, более длинным, чем у бархата. Аграмант — плетеная или стеклярусная тесьма для женского платья.

...*прюнелевые ботинки*... Обувь с верхом из прюнели — плотной тонкой ткани саржевого переплетения, изготовлявшейся из шелка, шерсти и хлопка.

...*поверх надевали галоши*. Чтобы отличать свои галоши от чужих, к стельке прикрепляли на шипах тонкую золоченую металлическую букву.

...*специальные крючки*. Продев крючок в петлю, зацепляли им пуговицу и застегивали, не касаясь обуви руками.

...*шали, полушалки*. На рубеже XIX—XX вв. шаль, отвергнутая великосветской модой, оказалась в реквизите купчих (Кирсанова Р. 268). Когда модерн уступил место неоклассицизму, шаль вошла в артистическую моду: см. стихотворения, посвященные Ахматовой: «Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи» (Блок А. 191); «Спадая с плеч, окаменела / Ложноклассическая шаль» (Мандельштам О. 1914). Полушалок — небольшая шаль.

...*или котелок*... Штиблеты — полуботинки на шнурах или с резинками по бокам. Котелок — жесткая шляпа с маленькими полями и округлым верхом.

...*серебряный портсигар*... У богачей были золотые портсигары — гладкие или шероховатые, как самородок; с рисунками (гравированными или на эмали) или в полоску: одна полоска блестящая, другая матовая. Кнопки замка могли быть бриллиантовыми, рубиновыми, сапфирными, изумрудными. Серебряные портсигары бывали со штампованным рельефом (красавица с распущенными волосами, мчащаяся тройка, витязь) или покрытые эмалью в полоску. Встречались портсигары из вороненой стали или полированные; из карельской березы с доньшками и замками, окованными золотом или серебром, с монограммами, надписями, автографами, выполненными из серебряной или золотой проволоки. Чисто русский тип портсигара — «лукутинский» (по фамилии владельца фабрики в селе Федоскино) из папье-маше, покрытый снаружи черным, внутри красным лаком, на крышке — мчащаяся тройка, лунный пейзаж или охотничья сцена. Самыми дешевыми были кожаные портсигары.

Дамские портсигары из серебра и золота обычно имели цилиндрическую форму, так как носились не в карманах, а в сумках; раскрывались они в продольной плоскости. Замок украшался камнями. Бывали и маленькие прямоугольные портсигарчики из слоновой кости японской или китайской работы, украшенные выпуклыми резными изображениями цветов или животных (Ривош Я. 120).

...*трость с серебряной ручкой*. Трость, часто сделанная из гибкого дерева, имела круглый или цилиндрический набалдашник из

слоновой кости или металла (в том числе серебра и золота) и при ходьбе носилась в руках или под мышкой исключительно для щегольства. Трости из испанского камыша, золотисто-коричневого цвета и овальные в сечении, бывали со шпагами внутри. Тогда набадашник служил рукоятью шпаги (Ривош Я. 123).

С. 161

...*пристежные фрахмальные пластроны*... Пластрон — манишка, небольшой белый нагрудник на мужской сорочке, видный в вырезе жилета, фрака, смокинга и имитировавший наличие белой рубашки (Кирсанова Р. 141 — 143).

...*бумажные воротнички ценой 5 копеек*. Такой воротничок называли «монополькой».

...*на содержание детских приютов*. На лицевой стороне туза бубен можно было видеть эмблему Собственной е. и в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии Федоровны — пеликана, разрывающего грудь, чтобы кровью вскормить птенцов (христианская аллегория Милосердия). Доходы от продажи карт были велики, так как в азартных играх требовалось большое количество колод: во избежание шулерства после полной прокидки колоды карт бросали под стол и в ход шла новая колода (Лотман Ю. 1994. 142, 155).

...*шевровые ботинки*. Шевро — мягкая хромовая козья кожа, идущая на изготовление верха изящной обуви.

...*не на меху*. Зимой могли носить бекешу — длинное пальто на меху (овчина или кенгуру), кроем напоминающее сюртук, но с боковой застежкой на крючках, как на поддевке, с меховым воротником (каракуль или кенгуру); сзади — разрез до талии, украшенный двумя пуговицами (Ривош Я. 107).

...*кружева, вуалями*. «Вечером вуали носили только проститутки» (Ахматова А. I. 27).

С. 162

...*тесьма — бобрник*. Бобрник — тяжелая плотная ткань со стоячим ворсом.

...*несколько слов о ридикюлях*... Ридикюль — ручная женская сумка мягкой формы.

...*из панцирной металлической сетки*... Панцирная сетка — кольцо в кольцо, наподобие кольчуги.

...*магазин Кетта и Тэта*... Американский дом бриллиантов «Тэт» торговал в магазинах на Невском пр., 32, и по Садовой ул., 34. Существовал каламбур: «Простите, мадам, у вас бриллианты от Тэта? — Нет, от тет-а-тета» (сообщено Ю. М. Красовским). Тет-а-тет (*фр.*) — с глазу на глаз, наедине.

С. 163

...*«Coiffeur Jean»*... Coiffeur (*фр.*) — парикмахер.

С. 165

...*«под Ивана Поддубного»*. Иван Поддубный — знаменитый русский борец, носивший круто закрученные вверх усы.

Сад «Буфф» и народные развлечения

В 1897 г. настал конец любимой праздничной традиции петербуржцев — масленичным и пасхальным гуляньям на Царицыном лугу. Народ шел туда, «привлекаемый пестротой и яркостью всей

обстановки, создававшейся на это время на громадной площади, оглушительным хаосом разнообразных звуков, бесчисленностью всяких развлечений, увеселений и забав и, наконец, исключительным, повышенным темпом всех впечатлений и действий». Вдоль Лебяжьей канавки стояло 4—5 театров, каждый вмещал по 1000 зрителей и давал в день по 8—10 представлений. Параллельно им теснились 2—3 балаганчика, зверинцы, цирки, панорамы, а между ними — десятки качелей, каруселей и стрельбищ, райки, ширмы с Петрушкой, торговые постройки. Вдоль Павловских казарм высились две катальные горы (Конечный А. 37, 38).

Лучшим считался театр купца А. П. Лейферта «Развлечение и польза», где режиссером был А. Я. Алексеев-Яковлев. Стремясь сделать площадное зрелище «концентрированным, радостным, таким же пестрым и ярким, как само гулянье, кипевшее вокруг», Алексеев ставил «разговорные» пьесы с «ослабленным» сюжетом, вводил сценические эффекты, сокращал тексты, чтобы заставить актеров действовать. «Примитивные пьесы, непременно с выстрелами, сражениями, убитыми и ранеными, примитивные актеры с лубочно намалеванными лицами и неуклюжими движениями. Не говоря уже о простонародье, которое валом валило в балаганы, где зрители с увлечением участвовали в игре бурным смехом или возгласами поощрения и негодования, но и так называемая «чистая публика» охотно их посещала. Очевидно, в этом народном лубке было нечто от подлинного искусства... Балаганы были, может быть, единственным местом старого Петербурга, где в одной общей толпе смешивались люди всех кругов и состояний», — вспоминал В. А. Оболенский (Конечный А. 41).

В балаганчиках шли военно-исторические постановки, народные сцены и сказки, водевили и фарсы, «разбойничьи» и бытовые пантомимы, феерии-арлекинады, показывали «туманные» и «живые» картины, выступали кукольники, фокусники, певцы, танцоры, музыканты, на балконах цирков дурачились клоуны. Зазывалы обещали показать «теленка о 5 ногах; американку-геркулеску — огнедку; жену и мужа — великаншу и карлика; девицу Марию, самую толстую и колоссальную, показываемую первый раз в России; феномена, без вреда для здоровья глотающего паклю; факира, безболезненно протыкающего себя саблей во все части тела» (Конечный А. 42). Рядом можно видеть полногрудых русалок в бочках с водой; «дикого американского человека» в оковах, страшно рычащего и готового сожрать живую курицу; тюленя в жбане, привезенного самоедом из-за Полярного круга; всеобщего любимца Петрушку (Лурье Л. 172). Привлеченный вывеской «Панорама всего Петербурга», народ набивался в палатку, после чего открывалась ее задняя стена с натуральным видом на город. Более всего публика любила выступления карусельного краснбая: водрузившись на перила карусели, в шапке с бубенцами и огромной бородой из пакли, «дед» (обыкновенно из солдатиков-балагуров) импровизировал беседу. «Горе тому, кто попадал ему на зубок! Старик буквально забрасает его шутками, иногда очень меткими и злыми, почти всегда нецензурными». В 90-е гг. появились новые аттракционы: карусель в виде парусных лодок, которые, кружась, покачивались, как на волне; «американские горы»; перекидные качели обрели очертания паркового «Колеса обозрения» (Конечный А. 41—43).

Гулянья «на балаганах» подвергались нападкам с разных сторон. В этом хоре звучали и брюзжание снобов, и интеллигентская нетерпимость к искусству без «идей», и наставительные голоса моралистов, знающих, как надо воспитывать народ, и унтер-пришибеевское «Народ, расходишь! Не толпись! По домам!» Все это слилось в приговор гулянья как явлению, «оскорбляющему общественную нравственность». Под предлогом высочайшего смотра войск в 1897 г. пасхальное гулянье перенесли с Марсова поля на Преображенский плац. Владельцы больших балаганов отказались участвовать в этом празднике: возводить после масленицы постройки второй раз было бы разорительно. В 1898 г. «высочайшим соизволением» гулянья перенесли на Преображенский и Семеновский плацы. Семеновский плац — место казни «первомартовцев» — не был подходящим местом для увеселений. Масленая неделя 1898 г. принесла убытки устроителям балаганов, после Пасхи содержатели театров устранились от участия в народных праздниках. Масленные гулянья 1899 г. устраивало Общество дешевых столовых и чайных: на Семеновском плацу уныло торчал балаганчик, не было ни катальных гор, ни каруселей с «дедом». Пасхальные гулянья 1899 г. прошли на Преображенском плацу, где воздвигли 3 балагана, несколько каруселей и силомеров; в балагане «Электрический мир» демонстрировали кинематограф.

1899 г. оказался последним в истории гуляний «на балаганах». Организацию народных увеселений прибрало к рукам Попечительство о народной трезвости. 12 декабря 1900 г. был дан первый спектакль для рабочих в построенном арх. Г. И. Люцедарским на средства Попечительства огромном театре в Александровском парке при «Заведении для народных развлечений императора Николая II» (Народном доме), а 21 декабря театр открылся официально исполнением в присутствии высочайших особ оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». Зал имел около 3000 мест, из них половина — «сидячих». В 1910—1911 гг. Люцедарский пристроил к этому театру (ныне «Балтийский дом») «Новый театр» более чем на 3000 мест (ныне Мюзик-холл) со сценой больше, чем в Мариинском театре. Первый театр отдали драматической труппе, во втором шли оперы. Первую оперную антрепризу держал здесь Н. Н. Фигнер, в благотворительных спектаклях часто выступал Ф. И. Шаляпин (Алянский Ю. 158).

Спектакли Народного дома были триумфом просветительской идеи садов для «неразборчивой публики невысоких слоев», которую считали нужным «поучать, развлекая», путем адаптации профессионального искусства к «народному» вкусу (Конечный А. 38, 44). В результате возникло «массовое» искусство, не наследующее ни классическую, ни фольклорную традицию. Репертуар состоял из пьес, посвященных отечественной истории (в особенности военной), приключенческих пьес и мелодрам. Благодаря фантазии, изобретательности и режиссерскому опыту заведовавшего театральной частью Алексева-Яковлева и блестящим декорациям С. Н. Воробьева публика приходила в восторг независимо от качества пьес. По воскресеньям и праздникам не хватало билетов, заполнялись стоячие места (Петровская И. 1994. 265—270; 1990. 78). Но простонародье шло в Народный дом прежде всего по привычке: Александровский парк издавна был популярным местом гуля-

ний. Театры же привлекали бывших завсегдатаев балаганов только «обстановочными» и «костюмными» пьесами и феериями, которые давались по выходным. Основной публикой в них был не тот народ, который они были призваны просвещать, а «средний обыватель»: полунтеллигенция, семья средних и мелких чиновников, «жуирующая, но небогатая молодежь» (Петровская И. 1994. 264), «преображенцы, семеновцы-гиганты со своими зазнобами — горничными из графских домов. У зазнобы в ушах барынины бриллианты (они потом станут ее собственностью)... В деревню они оба не вернутся, на барынины бриллианты мечтают открыть пивную или публичный дом» (Милашевский В. 27). Тут и речи не могло быть о «смешении лиц всех кругов и состояний». Рождение и успех «массового» искусства — симптомы появления нового потребителя, о запросах которого раньше никто не думал, — массы горожан, оторвавшихся от патриархальной культуры, грамотных, но не желающих ломать головы над какими-либо проблемами, кроме одной — проблемы собственного благополучия.

В саду Народного дома и в его филиале — Таврическом саду бывало в летние дни по 10 тыс. посетителей. Третьим по популярности был Зоологический сад: до 6 тыс. человек в день (Никитин Н. 100). Здесь на открытой эстраде шли «волшебные феерии», водевили, фарсы, иногда оперетты (Петровская И. 1994. 351, 352). «Войдя туда, вы сразу попадаете в кашу мелких студентов и дешевых кокоток. <...> Завсегдатаи — разные громкие немцы, веселые приказчики и тихие аптекарские мальчики, держащие себя крайне фармацевтически» (СР. 55). Это сказано на жаргоне завсегдатаев артистических кабаре: «фармацевт» — прозвище тогдашних «новых русских». «Аптекарские мальчики» — мелкие буржуйчики, которые хотят стать «фармацевтами», но вынуждены довольствоваться затеями Зоосада, потому что им еще недоступен «Аквариум», где, в вызывающем соседстве с заведениями Попечительства о народной трезвости, гуляла более крупная рыба — настоящие «фармацевты».

В «Аквариуме» (владелец — купец и антрепренер Г. А. Александров) действительно имелся аквариум, где обитали рыбы и морские животные — ими можно было и любоваться, и лакомиться. «Аквариум» — это ресторан, увеселительный сад с оранжереями, павильонами и первым в России искусственным ледяным катком, малый летний театр и театр на 2500 мест (ныне киностудия). На сценах — зарубежные опереточные труппы, исполнители романсов, цыганские хоры, шансонетки (Петровская И. 1994. 349). В летние месяцы «Аквариум» посещало 1500 человек в день.

6 мая 1896 г. в «Аквариуме» состоялся первый в России киносеанс: показали «Прибытие поезда» и еще несколько лент (лишь полугодом раньше в парижском «Grand cafe» «Прибытием поезда» открылась первая кинопрограмма бр. Люмьеров). Сначала «синематограф», несмотря на успех у публики, не мог распространиться широко из-за трудностей приобретения проекторов и фильмов. Но в 1907 г. возникла система проката. Стоило теперь какому-нибудь магазину или трактиру прогореть, как появлялся арендатор с аппаратом и лентами, проламывал стены и завешивал окна черным коленкором. За год на одном Невском пр. открылось несколько десятков «иллюзионов». К войне их осталось тут лишь 18 (из

них 13 — между Фонтанкой и Знаменской пл.), а центром «сине-ма» стал Большой пр. П. С.: «Кино! На каждом шагу небольшие... че-ловек на 80-100» (Милашевский В. 9).

«Во всех первых кинематографических впечатлениях ясно проходит мотив пленительной общедоступности нового зрелища. Увлекает отсутствие в зале всяких барьеров: социальной иерархии, эстетической подготовленности. Рухнули преграды, отменены условности, забыт чопорный этикет, и все слились в едином «запретном» наслаждении, в общем, одинаковом у всех, сопереживании драме на экране. <...> Общая эмоция владела великим мыслителем и курсисткой. Потребителем кинематографа оказывался каждый: и изысканный поэт, и кухарка, и барыня, и поклонник старинной архитектуры» (Зоркая Н. 81, 82). «Синема» оказался наследником балагана — он смог снова смешать в общей толпе людей всех кругов и состояний.

С. 166

...«воксал»... «Воксал» — устар. от англ. Vauxhall (парк близ Лондона, славившийся с XVIII в. гуляньями с концертами и театральными представлениями) — увеселительное заведение. В России этим словом впервые назвали заведение, построенное в Павловске арх. А. И. Штакеншнейдером в 1836—1838 гг.

...«шустер-клуб». «Шустер-клуб» — Бюргер-клуб или Большое мещанское общество. Существовал с 1770-х гг. до конца XIX в. Вначале — собрание немецкой общины, которое посещалось и русскими купцами, чиновниками, артистами. Посетители проводили время за шахматами, бильярдом. Женщины в этот клуб, в отличие от Купеческого собрания, не допускались (Алянский Ю. 47).

...до открытия сада «Буфф»... Буфф — шутовской, комический, например опера-буфф.

...где теперь театр... Имеется в виду Молодежный театр (наб. Фонтанки, 114).

...престидижитаторы... Престидижитатор — фокусник, продельвающий свои номера с большой быстротой и ловкостью рук.

...ярославец Тумпаков... Тумпаков Петр Вионорович — антрепренер. Владельцем Измайловского сада стал в 1898 г. Репертуар театра «Буфф» (позднее его стали называть «Летним Буффом» в отличие от «Зимнего») — русская комическая опера, оперетта, ферири, балеты, злободневные обозрения, дивертисмент (Петровская И. 1994. 352).

...С. 167

устроил туфовый грот... Туф — легкий пористый камень, традиционно используемый в садово-парковой архитектуре для имитации естественных гротов и искусственных руин.

...остается за Тумпаковым. Постройки и улучшения в саду оставались в пользу Тарасовых по окончании срока аренды. Преимущество, остававшееся за Тумпаковым, заключалось в том, что Тарасовы обязались возобновить договор именно с ним, а не с каким-либо другим арендатором.

С. 168

...вытрясти их карманы. В 1903 г. сад «Буфф» ежедневно посещало до 4000 человек. Позже в печати сообщалось, что по сборам

театр «Буфф» равнялся с императорскими театрами (Петровская И. 1994. 352).

...не было настоящей хорошей оперетты... Авторы недооценивают уровень оперетты предшествовавшего периода. В середине 60-х гг. французская и венская оперетта вошла в репертуар Александринского театра, и по числу повторений некоторые спектакли не уступали популярнейшим пьесам Островского и Шекспира. В конце 60—70-х гг. Каменноостровский театр ломился от публики, жаждавшей смотреть оперетты Ж. Оффенбаха в исполнении своих кумиров — молодых александринцев В. А. Лядовой, З. Д. Кронеберг, Н. Ф. Сазонова, И. Ф. Горбунова, И. И. Монахова. В середине 70-х гг. самой модной в среде аристократии, высшего чиновничества, верхов буржуазии была «Опера Буфф» А. Ф. Федотова, на сцене которой публика пересмотрела все оперетты, имевшие успех в Париже, в исполнении приезжих знаменитостей. В 1878—1895 гг. французская и русская оперетта доминировала в Малом театре («Суворинском», ныне АБДТ им. Г. А. Товстоногова). В 1886—1888 гг. французская оперетта процветала в подражавшем парижским кафешантанам театре В. Н. Егарева «Ренессанс». В 1897 г. в Петербурге гастролировал один из лучших венских театров оперетты (Петровская И. 1994. 149, 160, 162, 169, 199, 226).

...сумел набрать талантливых артистов... Шувалова (Корвин-Казановская) Вера (Вероника) Михайловна (1885 — после 1918) — артистка оперетты. Училась в Петербургской консерватории. В театре «Буфф» (с 1905) — одна из лучших исполнительниц эксцентрических танцев и каскадных ролей. Умерла в эмиграции.

Пионтковская Валентина Ивановна (1877 — ок. 1915) — певица (лирическое сопрано). Прославилась оригинальностью и непринужденностью игры, темпераментностью и блестящим мастерством опереточного танца. Около 1910 г. открыла в здании Драматического театра (бывш. В. Ф. Комиссаржевской) купечески шикарный Театр комической оперы и оперетты (Петровская И. 1994. 226). С 1914 г. жила в Париже, выступала со своей опереточной труппой в театрах Европы.

Зброжек-Пашковская (Юрборская) Екатерина Владиславовна (1876—1929) — примадонна опереточных трупп театров «Пассаж», «Буфф», «Палас» (1908—1917). Обладала хорошими сценическими данными, пластичностью движений; ее игра отличалась живостью и техническим совершенством (Петровская И. 1994. 169). С 1919 г. выступала в Москве.

Тамара (Митина-Буйницкая) Наталья Ивановна (1873—1934) — певица (меццо-сопрано), артистка оперетты. Прославилась исполнением старинных русских и цыганских романсов. Работала в театрах «Буфф», «Пассаж», «Палас», «Казино». С 1917 г. в Троицком театре миниатюр, в Театре комической оперы К. А. Марджанова. В последние годы жизни была коридорной в гостинице «Астория» (сообщено Ю. М. Красовским).

Кавецкая Виктория Викторовна (около 1870 — после 1922) — певица, артистка оперетты (лирико-колоратурное сопрано серебристого светлого тембра). Ее исполнительская манера отличалась непосредственностью и изяществом, чистотой интонации и богатством нюансировки. В совершенстве владея мастерством худо-

жественного свиста, во многих спектаклях насвистывала вставные номера под собственный аккомпанемент на фортепиано. Выступала на сценах театров «Буфф» и «Палас» (1905—1915). В 1922 г. уехала на родину в Польшу. Выступала в варшавском театре «Новости».

Монахов Николай Федорович (1875—1936) — артист оперетты (небольшой красивого тембра баритон) и драматический актер. С 1896 г. выступал в садах, на народных гуляньях, в шантанах. Его нашел и перевез из Ростова в столицу Тумпаков, у которого тот стал играть в «Летнем» (1907—1910), затем в «Зимнем Буффе» (1910—1912). Монахов в совершенстве владел музыкальной фразировкой, словом, искусством импровизации, общения с аудиторией. Организатор и один из лучших актеров БДТ.

Брагин Александр Михайлович (1881 — после 1940) — артист оперы и оперетты (баритон). Пел в Мариинском театре (1905—1911), ведущий певец Петербургского театра оперетты (1911—1914), с 1914 г. гастролировал как оперный, опереточный и концертный певец. Оставил сцену в 1924 г., с 1940 г. — профессор Киевской консерватории.

Вавич Михаил Иванович (1881—1931) — артист оперетты. Имел красивый, от природы поставленный голос, обладал ярким сценическим дарованием. Пел в театрах «Буфф» и «Палас» (1905—1918). В 1918 г. эмигрировал; за границей периодически выступал в оперетте, снимался в кино.

Феона Алексей Николаевич (1879—1949) — актер и режиссер оперетты. Играл в театре В. Ф. Комиссаржевской (1905—1910), Новом драматическом театре (1910), в театрах «Буфф», «Палас», «Казино» (1911—1917). Как режиссер начал работать в 1917 г. в театре «Буфф» постановкой оперетты «Цыганская любовь» Легара и «Сильва» Кальмана (впервые в России). Его режиссура отличалась тонким пониманием музыкальной драматургии, яркой зрелищностью, эффективностью массовых сцен. Режиссер Малого оперного театра (1919—1927). Организовал Театр музыкальной комедии (1928), художественным руководителем которого был в 1929—1931 и 1934—1936 гг.

Ростовцев (Эршлер) Михаил Антонович (1872—1949) — артист оперетты (бас). Синтетический актер, мастер музыкальной буффонады. Обладая даром комедийной версификации, обогащал свои роли репризами, интермедиями, трюками, злободневными остротами, не нарушавшими художественную атмосферу спектакля. Выступал в театрах «Буфф», «Панаевский», «Палас» (1910—1918), «Казино» (с 1911), в Театре комической оперы К. А. Марджанова (1920—1922). С 1922 г. в Малом оперном театре, где выступал в оперных и балетных спектаклях.

...режиссером был Брянский... Брянский (Браун) Александр Александрович (1866—1926) — актер, режиссер оперетты, стремившийся к пышным постановкам. В 1910 г. стал директором нового театра «Казино» («Уголок Парижа»), где ставил оперетты, пародии, шаржи, злободневные обозрения. После того как П. В. Тумпаков в 1910 г. оставил театр «Зимний Буфф», его два года занимала оперетта под дирекцией А. А. Брянского. В 1911 г. сменил П. В. Тумпакова в качестве директора театра «Летний фарс» (Петровская И. 1994. 244, 250, 339).

С. 169

...*маркиза Корневилья*... Корневиль — персонаж оперетты Р. Планкетта «Корневильские колокола» (1877).

...*Менелая*... Менелай — легендарный спартанский царь, персонаж оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» (1864).

...*приходил военный оркестр*... Вероятно, оркестр лейб-гвардии 1-го Стрелкового императорского полка под управлением В. Г. Сабателли.

С. 170

...*потурри из опер и балетов*... Попурри — музыкальная пьеса, составленная из отрывков популярных мотивов.

...*вальсы Штрауса*... Штраус Йоганн (1825—1899) — австрийский композитор, скрипач и дирижер, создатель классического «венского» вальса, основоположник «танцевальной оперетты». Автор оперетт «Летучая мышь» (1874), «Цыганский барон» (1885) и др. и около полутысячи произведений танцевальной музыки.

...*классического репертуара*... «Мартин-рудокоп» — оперетта К. Целлера (1894); «Маскотта» — оперетта Э. Одрана (1880); «Мадемуазель Нитуш» — оперетта Ф. Эрве (1883); «Боккаччо» — оперетта Ф. фон Зуппе (1879), «Веселая вдова» — «танцевальная» оперетта Ф. Легара (1905), приобретенная у Легара Тумпаковым, поставившим ее (1906) без каких-либо иных номеров в программе (что было для русской эстрады новшеством) около 200 раз подряд (Алянский Ю. 11). «Граф Люксембург» — еще одна «танцевальная» оперетта Легара (1909), в том же году впервые в России поставленная в театре «Буфф».

С. 171

...*каскадная исполнительница*... Каскад в оперетте — быстрый танец, сопровождаемый пением.

...*кружева своего десу*. Десу — нижняя юбка.

...*в Крестовском саду*... На сцене театра у Константиновского пр.

С. 172

...*Варю Панину*... Панина (Васильева) Варвара Васильевна (1872—1911) — цыганская эстрадная певица. С 1902 г. выступала с сольными концертами в обеих столицах, исполняя старинные городские песни на стихи поэтов-классиков и цыганские романсы. Пела в манере, унаследованной от старых мастеров русско-цыганской эстрады. Голос ее, почти бас («черный бархат» — говорили современники), звучал страстно, проникновенно, то напевно и плавно, то драматично, переходя подчас на гибкую и доверительную речевую интонацию. Поклонниками ее таланта были Лев Толстой, Чехов, Блок, многие музыкальные критики. Иногда пела на Мариинской сцене. Сохранилось около 40 напетых ею граммафонных записей.

С. 174

...*свирили фавна*... Фавн — в древнеримской мифологии — бог полей и лесов, покровитель стад.

С. 175

...*давался дивертисмент*. Дивертисмент — увеселительное представление, состоящее из танцевальных номеров и песен, обычно заключительное отделение спектакля.

...*шантаннные певицы*... Шантаннные (кафешантаннные) певицы — исполняющие песенки не вполне пристойного характера.

...*эксцентрики*... Эксцентрик — цирковой или эстрадный артист, исполняющий комические номера и трюки, поражающие своей неожиданностью, причудливостью.

...*коротенькие скетчи*... Скетч — короткая эстрадная пьеса шутового содержания для двух, реже трех исполнителей.

С. 176

...*брандмейстера Требезова*... Требезов Николай Павлович — брандмейстер Нарвской пожарной части, в границах которой находилось домовладение Тарасовых и сад «Буфф».

...*прощальный спектакль*... В конце жизни Тумпаков каждый сезон устраивал себе бенефисы, затрачивая на их организацию огромные суммы, как ребенок радовался подаркам, а весь доход от этих концертов-праздников неизменно жертвовал убежищу престарелых артистов (Алянский Ю. 11).

С. 177

...*беллетристами*... Беллетрист — автор повествовательных литературных произведений для легкого чтения.

Они *вертели органчик*... Шарманка (от немецкой песенки «Scharmante Katharine» — «Прелестная Катрин», часто исполнявшейся на этом инструменте) — переносной механический орган без клавишного механизма в виде большого ящика, который носили на лямке на спине либо возили на тележке. Итальянская шарманка обычно была разрисована видами Везувия или Венеции, австрийская — видами Тироля. Среди сопровождавших шарманщика ребятишек были не только зеваки, но и маленькие артисты: они пели под шарманку, затем обходили слушателей, собирая медяки и подбирая деньги, которые кидали им из окон (Ривош Я. 168).

С. 178

...*делает вид, что засыпает*. Обезьянки шарманщиков-болгар бывали одеты «по-турецки» с фесочкой или в фантастические военные костюмчики (показывая, «как солдат ходит с ружьем»). После номера обезьянка обходила зрителей, держа в ручках свою шапчонку (Ривош Я. 168).

...*Арлекин в колтаке*... Арлекин — персонаж итальянской комедии масок, слуга-хитрец в костюме из разноцветных треугольничков, в черной маске и с деревянной саблей на поясе; паяц, шут.

С. 179

...*артисты удаляются*. Ходили по дворам и китайцы-фокусники с дрессированными змеями и белыми мышками. Китайцы глотали шпаги, жонглировали. Одеты они были в свои национальные костюмы (Ривош Я. 169).

С. 180

...*до постройки там ипподрома*. Ипподром Императорского общества поощрения рысистого коннозаводства занял восточную часть плаца задолго до переноса сюда гуляний: первые бега состоялись в конце 1880 г. (Барабанова А. 76) и проводились осенью и зимой вплоть до 1914 г. В 1893 г. на плацу устроили первый велодром («циклодром») с трибуной на 2 тыс. мест (Витязева В. 180).

...*за казармами Семеновского полка*... Казармами лейб-гвардии Семеновского полка были заняты д. 46, 48, 54, 56 по Загородному пр.

...*привозили в экипажах младших ребят*... Ср.: «Смолянкам на Масленице предоставлялись придворные экипажи с кучерами и лакеями в треуголках и в красных гербовых ливреях. Каждое та-

кое ландо было запряжено четверкой прекрасных белых лошадей. Вереница карет в двадцать, растянувшись внушительным цугом, колесила вокруг отведенной под гульбище площади, и из каждой кареты выглядывали веселые, юные лица «благородных девиц» (Бенуа А. I. 290, 291). Этот обычай восходил к конному состязанию — карусели, пришедшей на смену рыцарским турнирам и очень популярной в Европе в XVII в. Та же традиция просматривается в кружении кавалькад и экипажей вокруг пруда на Стрелке Елагина острова и в обычае слушать, находясь в экипаже, музыку в петергофском Нижнем саду. Движение по кругу верхом или в повозках отразилось на устройстве карусели-аттракциона с ее сиденьями в виде лошадок, карет, саней.

С. 181

На Конногвардейском бульваре... Набоков вспоминал «пеструю от конфетти слякоть Конногвардейского бульвара на Вербной неделе» (Набоков В. 165).

...«иерихонские трубы»... «Иерихонская труба» — оглушительно громкая. Образ восходит к ветхозаветной истории взятия Иерихона Иисусом Навином.

...под стать карнавалам... Карнавал, возникший в Италии в XIII в., аналогичен славянскому масленичному гулянию: безудержное веселье, уличные шествия, танцы, маскарады, театрализованные игры. Этот обычай знаком всем народам Европы.

С. 182

...почему его загнали в воду... Любопытна «американская» ассоциация, возникшая у Набокова, когда он тоже вспоминал «американских жителей, поднимающихся и опускающихся в сиреневом спирту в стеклянных трубках, вроде как лифты в прозрачных, насквозь освещенных небоскребах Нью-Йорка» (Набоков В. 165).

Пожарные команды и полиция

В 1890—1910-х гг. столица преуспела в борьбе с пожарами. Запрет на строительство деревянных сооружений в центральных частях города привел к уменьшению числа пожаров; разделение соседних домов брандмауэрами ограничивало площадь распространения огня; водопровод облегчал тушение огня.

Городская пожарная команда была в ведении полицейского управления. Комплектовалась она по вольному найму. К 1914 г. в 20 пожарных частях служило 1090 человек. Столичные пожарные отличались высокой выучкой и мастерством. На их вооружении находилось 20 паровых насосов, 58 повозок, около 400 лошадей. В 1904 г. в Петербурге появился первый отечественный пожарный автомобиль (завода «Фрезе и К⁰»), который мог везти 8 пожарных и снаряжение со скоростью 25 верст в час. С 1906 г. работали курсы подготовки брандмейстеров (Обводный кан., 151), при них действовала образцовая пожарная часть. В пригородах действовали добровольные пожарные формирования, которые в 1893 г. были объединены в Пригородное пожарное общество (СППЛ. 500).

В полицейском управлении было 4 отделения, ведавших 12 частями города: Адмиралтейской, Казанской, Спасской, Коломен-

ской, Нарвской, Московской, Александро-Невской, Рождественской, Литейной, Васильевской, Петербургской и Выборгской. Во главе части стоял полицмейстер. Часть делилась на участки (в Адмиралтейской части их было два, в Казанской три и т. д.). Всего было 38 городских и 4 загородных участка. Каждым ведал участковый пристав. Персонал участка состоял кроме полицейских из чиновников, которые ведали паспортами, канцелярией и обслуживали полицейский телеграф. Участки делились на околотки, их было в городе 93. За порядок в околотке отвечал околоточный надзиратель (обычно средних лет или пожилой унтер-офицер), ему подчинялись квартальные. Поставую службу несли городовые из отслуживших низших армейских чинов (Ривош Я. 248).

Специализированными подразделениями полиции, подчинявшимися непосредственно градоначальнику, была сыскная полиция, речная полиция, конно-полицейская стража, полицейский резерв, портовая полиция, фабричная полиция, тюремная часть (СППЛ. 503). Сыскная полиция занималась уголовным розыском. Впервые в России она была учреждена в Петербурге в 1873 г. в связи с ростом преступности, вызванным бурным ростом города. Осведомителями были дворники, швейцары, ночные сторожа, полковые, разносчики, улововники. В каждой полицейской части имела сыскная комната. Речная полиция охраняла мосты и набережные и несла спасательную службу. Ее личный состав комплектовался из матросов и морских унтер-офицеров сверхсрочной службы и из бывших морских офицеров, по тем или иным причинам оставивших службу на флоте (Ривош Я. 250—257).

Разветвленность полицейского аппарата может создать впечатление, что Петербург буквально кишел полицейскими. На деле это было не так. Полиция содержалась на средства из городских бюджетов. Долей расходов по этой статье бюджета Петербург не отличался от Москвы или Саратова. Также и по размеру территории, приходившейся в среднем на одного блюстителя порядка, Петербург был привычен провинциальному глазу. Но поскольку населена столица была, по среднерусским меркам, неплотно, то на душу населения полицейских здесь было чуть больше, чем в других русских городах, и заметно больше, нежели в Киеве или Варшаве. Абсолютной же численностью штат столичной полиции — 5300 человек — был значительно больше, чем в каком-либо другом городе империи. Однако не надо забывать, что в обязанности полиции входила не только охрана порядка, но и попечение о благоустройстве города (образцовом для всей империи), и надзор за соблюдением правил застройки (в условиях строительной лихорадки он требовал огромных усилий), и вообще контроль за исполнением всех обязательных для петербуржцев постановлений, принятых градоначальником и думой, — от мощности двигателей на предприятиях до качества мяса в лавках (Круглов Г. 181). Городом полицейских Петербург мог казаться только в чрезвычайных ситуациях, когда в ключевых точках градоначальник действительно концентрировал крупные силы. Эти-то ситуации и поражают наше либеральное воображение, когда мы, например, пытаемся представить Петербург 9 января 1905 г. (Степанов А. 1993. 298).

На особом положении были дворцовая полиция и жандармерия. Первая несла внешнюю охрану царских резиденций. Ядро-

вые и унтер-офицеры набирались из числа бывших солдат гвардии, отличавшихся высоким ростом и бравой выправкой. Дворцовая полиция подчинялась министру двора. Во главе ее стоял обер-полицмейстер (из свитских генералов). Охрану того или иного дворца возглавлял дворцовый полицмейстер — обычно флигель-адъютант в чине полковника, оперативно подчинявшийся коменданту дворца, командовавшему как военной, так и полицейской охраной дворца. Военную охрану поочередно несли наряды от гвардейских полков, а личный состав полицейской охраны был постоянным.

Жандармерия — политическая полиция. Она была организационно оформлена в две ветви: «охранка» осуществляла политический сыск, а жандармское управление проводило аресты политически неблагонадежных, вело дознание по их делам, передавало дела в прокуратуру, следило за их судебным рассмотрением, конвоировало осужденных в места ссылки, каторги, заключения. Жандармский офицер — офицер гвардейской кавалерии, вынужденный уйти из полка из-за отсутствия средств для продолжения дорогостоящей службы или из-за какой-нибудь неблагоприятной истории. Формально он числился на военной службе, но обратного пути в полк ему не было. В глазах общества, к которому он принадлежал по рождению или по прежней службе, он становился отверженным. Жандармов презирали в первую очередь те люди (аристократия, чиновная знать, гвардия), чье социальное и имущественное превосходство в огромной степени зависело от успеха борьбы жандармов с политическими преступниками (Ривош Я. 258). Низшие чины жандармерии набирались из прошедших сверхсрочную службу в кавалерии, почти все они были офицерами или унтер-офицерами в возрасте 30—50 лет. Они несли караульную службу на вокзалах, пристанях, производили аресты, конвоировали «политических», стояли в карауле у скамьи подсудимых на процессах над террористами и революционерами.

Количество мест в тюрьмах во всех крупных городах империи, кроме Лодзи, было больше, чем в Петербурге. В Москве их было на 1000 жителей в полтора, а в Саратове в четыре раза больше, нежели в столице (Степанов А. 1993. 301). Об условиях содержания политзаключенных в одной из самых страшных тюрем России — в Трубецком бастионе Петропавловской крепости (с июня 1906 г. по март 1917 г. здесь были казнены 17 человек) можно судить по письмам узников: «После вечного, непрекращающегося шума и гама харьковской тюрьмы здесь, право, можно блаженствовать. Тишина полная. Занимайся целый день. Спи напролет всю ночь»; «В первый раз встречаем начальника, который соединяет в себе принципы законной справедливости со справедливостью и доброжелательным отношением к заключенным»; «Кормят здесь превосходно» (Дубова Н. 28, 29).

С. 183

...узнать издали по каланче... Каланча высилась над зданием полицейской части — «съезжим домом». Здесь находились полицейская управа, помещение для арестантов, конюшня для пожарных лошадей, обозное депо, казарма пожарных.

...вместо шаров вывешивали фонари. Число шаров (или фонарей) указывало не на место пожара, а на его силу: нужна ли помощь других пожарных частей. Пять шаров — сигнал для вызова всех пожарных команд города. На каланчах вывешивались также сигналы о наводнениях и о морозах ниже 20°, когда дети могли не идти в школу (Ривош Я. 152).

С. 184

...лошади определенной масти для каждой части. Помесь орловских рысаков с тяжеловозами — кони крупные, очень быстрые и сильные. Пегие — Рождественская часть, вороные — Адмиралтейская и т. д. (Ривош Я. 152, 153).

...сидел кучер-пожарный... Бывало, на козлах сидели три кучера: тот, что посередине, правил парой лошадей, запряженных в дышло, а боковые кучера — пристяжными. Одному человеку было трудно управиться с четверкой таких лошадей, запряженной в тяжелую повозку, особенно на поворотах (Ривош Я. 153).

Бочки с водой... Командам окраин, где не было водопровода, все еще приходилось использовать «ходы» с бочками для воды. Их использовали при тушении пожара Апраксина двора 19 марта 1904 г., когда пришлось привлечь команды со всего Петербурга.

...пожарные гидранты. Пожарный гидрант — водоразборная колонка или кран на линии водопровода.

С. 185

...на ходу подкладывал топливо... Машина всегда стояла в части под парами (Ривош Я. 153).

...приезжал брандмайор Петербурга. Брандмайор — начальник всех пожарных частей города.

С. 186

Полицейские чины были взяточники. «Чины полиции содержание получают не ахти какое, а живут отлично, одеты всегда с иголочки. <...> Портные, переплетчики, сапожники — все цехи работают даром на полицию... По таможенному ведомству несколько лет тому назад было любопытное негласное распоряжение: отнюдь не принимать на службу лиц, служивших раньше в полиции. (Минцлов С. 28—30, 51).

С. 187

...как сказано у Гоголя. «Ревизор», действие IV, явление 10.

...«бросать» двугривенный или полтинник. Двугривенный — 20 коп.; полтинник — 50 коп. «Если извозчик везет троих седоков — городские сейчас же хватаются за свои книги судеб и записывают № бляхи, что влечет за собой истечение из извозничьего кармана трех рублей. Между тем купчина-собственник может везти хоть кучу людей и никто не посмеет вмешиваться» (Минцлов С. 31).

С. 188

Одежды полицейские были... Полицейские генералы носили светло-серую шинель с красными отворотами, шапку белую с красным доньшком; на шапке кокарда с серебряным двуглавым орлом. Повседневной формой генералов и офицеров был темно-зеленый сюртук или китель, который носили с шароварами или брюками в сапоги (непрямое со шпорами) или с брюками на выпуск со штиблетами; парадный мундир — только с шароварами и сапогами. Револьвер в черной лакированной кобуре офицеры носили только при кителе или поверх шинели.

Мундир околоточных — черный с серебряным галуном по вороту и обшлагам; поверх мундира черный суконный пояс. Шаровары заправлялись в сапоги с лаковыми голенищами; в отличие от военных, околоточные имели право надевать галоши (с прорезями для шпор). На шапке серебряный герб Петербурга, над гербом — кокарда. Револьверы околоточных — устаревший «смит и vesson» или более совершенный 3-линейный «наган». Башлыки верблюжьи, светло-коричневые. Летом вместо шинели можно было носить пальто из серой прорезиненной ткани. Непременные атрибуты околоточных — свисток на металлической цепочке, усы, грудь в медалях, на шее огромная серебряная медаль «За усердие» с профилем царя. Часто у петербургских околоточных красовались на груди ордена и медали, пожалованные эмиром бухарским и шахом персидским.

У городского на головном уборе — никелированная ленточка с номером городского, над ленточкой — герб города. Летом городские носили мундиры или хлопчатобумажные гимнастерки светло-горчичного цвета. На бляхе слева на груди указывался номер городского, номер и наименование участка. Оружие городского — те же «смит и vesson» (или «наган») и шашка. На поясе кожаная сумка. По борту шинели или мундира на металлической цепочке висел свисток, сделанный из рога. Городские носили белые нитяные перчатки. В дождь поверх шинели или мундира надевали черную клеенчатую накидку с капюшоном (Ривош Я. 247—250).

...*три роты такой стражи*. Рота — воинское подразделение численностью примерно в 100 человек. Из четырех рот состоял батальон, из четырех батальонов — полк.

...*на время проезда членов царствующей фамилии*... Перед царским проездом «у Аничкова, как усатые рыжие тараканы, выползли дворцовые пристава: «Ничего особенного, господа. Проходите, пожалуйста, с честью просят...» Но уже дворники деревянными совками рассыпали желтый песок, но усы околоточных были нафабрены, и, как горох, по Караванной или по Конюшенной была рассыпана полиция. Меня забавляло удручать полицейских расспросами — кто и когда поедет, чего они никогда не смели сказать» (Мандельштам О. 10). Безопасность этой забавы говорит об обходительности столичных городских, отмеченной и К. Бедекером (Baedeker К. 28). В обычных условиях конная полиция осуществляла патрулирование улиц.

С. 189

...*состоявший при Собственной его величества канцелярии*. В одном лице совмещались обязанности шефа корпуса жандармов и начальника III отделения Собственной е. и. в. канцелярии, заведовавшего делами политического надзора и сыска на всей территории России. Этот человек не был профессиональным жандармом — его назначал царь из доверенных лиц (Ривош Я. 247, 303).

...*знет «галубых мундиров»*... Жандармские офицеры носили синие сюртуки с голубым воротником и красными кантами. Фуражки у них с темно-синим околышем и голубой тульей. «Голубой цвет был особого, бирюзового оттенка, он так и назывался: «голубой жандармский»» (Ривош Я. 258, 259).

До 80% расходов Петербурга по статье бюджета «народное образование» шло на городские начальные школы. Более половины их учащихся были из крестьян, остальные — дети мещан и нижних чинов (более состоятельные родители отдавали детей в частные школы). С 1903 г. обучение в городских начальных школах стало бесплатным. К 1907 г. их было 322; в них числилось 35 тыс. детей — поровну мальчиков и девочек. В 2-летних школах учили закону Божию, церковному пению, чтению, письму, началам арифметики; в 3-летних добавляли историю церкви и отечества. На средства города существовали классы и школы для отстающих, 27 воскресных школ, 14 читален. Даже частные школы получали стипендии и пособия из городского бюджета. Всех начальных школ — городских, частных и казенных (школы грамоты и церковно-приходские в ведомстве Синода) — было к 1911 г. 1068. Плоды начального образования в Петербурге впечатляющи: на рубеже столетий грамотных было лишь 59%, но среди детей 8–12 лет — 83%.

Средние общеобразовательные учебные заведения — гимназии, реальные и коммерческие училища. К 1901 г. в них числилось 43 тыс. учащихся. Желающих поступить в казенные заведения, где плата была сравнительно невелика, было гораздо больше, чем мест. Напряжение отчасти снималось благодаря появлению все новых общественных и частных учебных заведений.

Гимназий было в несколько раз больше, чем реальных училищ. Из 12 казенных гимназий одна (№ 3) была в полном смысле слова «классической» (с обязательным изучением двух древних языков — греческого и латинского), в остальных обязательна была только латынь. Гимназия — это 7-классное учебное заведение (7-й класс — двухгодичный). Языкам, литературе, истории, географии отводилось 82% учебного времени; на физику, математику, естествознание оставалось 18%. При гимназиях имелись 4 и 6-классные прогимназии. Для поступления в них надо было иметь представление о Библии, бегло читать, уметь складывать и вычитать. В прогимназии преподавали закон Божий и русский язык, начала истории, географии, природоведения, учили рисованию, чистописанию, французскому или немецкому языкам. У мальчиков дополнительным предметом была латынь, у девочек рукоделие. Из прогимназии поступали в следующий класс гимназии без экзаменов. Окончившие гимназию с медалью принимались в университет вне конкурса, остальные выпускники — по конкурсу аттестатов (экзамены при поступлении в университет держали только лица, не имевшие аттестата зрелости, выдававшегося выпускникам гимназии). В 1898 г. среди гимназистов 56% были детьми дворян и чиновников.

Состав реалистов был демократичнее. Учились они 7 лет. В реальных училищах уделяли много внимания математике и физике, древние языки не преподавали, но были обязательны два новых. Имелись лаборатории и мастерские; к преподаванию допускались выпускники Технологического, Горного институтов. В 5-м классе реалист выбирал основное или коммерческое отделение, в 7-м учились лишь те, кто хотел поступить на физико-математический

факультет университета, в медицинский, технический или сельскохозяйственный вуз.

Коммерческие училища давали общее (как реальные училища) и коммерческое образование. Специальные предметы (бухгалтерия, товароведение, технология, коммерческие арифметика, корреспонденция и география) занимали 11% учебного времени. В 1894—1906 гг. этими училищами ведало Министерство финансов, затем Министерство торговли и промышленности. Глава последнего С. Ю. Витте поощрял развитие коммерческих училищ. Он дал право на их создание и содержание купечеству, промышленникам. Училищам была предоставлена некоторая свобода в преподавании общеобразовательных предметов, признавались права родительских комитетов на участие в учебной и воспитательной жизни, допускалось совместное обучение мальчиков и девочек. Поступали в училища с 10 лет и учились 7—8 лет. Коммерческие училища стали лучшими общеобразовательными школами: в них применялись методы преподавания, развивавшие самостоятельное мышление, пробуждавшие интерес к науке, к овладению не только теорией, но и практическими навыками; работали лучшие петербургские педагоги; хорошо оборудовались кабинеты физики, естествознания; много внимания уделялось иностранным языкам (СППЛ. 278). Об уровне обучения в них можно судить по Выборгскому коммерческому училищу: 30% выпускников стали научными работниками, 31% — инженерами, 16% — врачами и педагогами, 14% — деятелями литературы, искусства, культуры, 9% — служащими; из 450 выпускников 24 стали кандидатами, 27 — докторами наук (Лейкина-Свирская В. 18, 38, 108).

В 1911 г. всегимназий, реальных и коммерческих училищ было в Петербурге 152 (ПЖ. 302). Обучение в казенном реальном училище или в гимназии стоило 50—100 руб. в год, в частных — 100—250 руб. (с пансионом не менее 350 руб.), в коммерческих — от 50—200 руб. в младших классах до 90—300 руб. в старших. Большинство родителей было не в состоянии платить такие деньги (годовой заработок петербургского фабричного рабочего составлял в среднем 355 руб.). Но молодые люди, начав трудовую жизнь, могли пополнять образование в казенных вечерних школах или на курсах — частных или общественных.

Хороший пример — общеобразовательные курсы А. С. Черняева, принимавшие лиц обоего пола не моложе 15 лет без каких-либо ограничений. Учились 4 года. Неимущие и хорошо успевающие освобождались от платы. Лекции для продвинутых учеников читались по университетской программе. Среди преподавателей были лучшие ученые и педагоги столицы. Число слушателей в 1908 г. составило 1000 человек. Посещение занятий было свободным, но знания оценивались строго. Сдав жесткий экзамен на аттестат зрелости (включая дополнительные знания, требуемые от экстернов, не получивших классического образования), выпускник, обзаведясь «свидетельством о благонадежности», мог стать студентом университета (Сорокин П. 46, 52, 273).

К 1911 г. на попечении городского управления, частных лиц и обществ было 220 технических, профессиональных школ и курсов (ПЖ. 225, 226, 239, 240, 302).

По числу вузов Петербург держал 1-е место в России: в 1909 г.

их было под 30, к 1911 — 38, не считая 21 частного (ПДЖ. 302). Столичный университет был вторым по числу студентов после Московского. В нем не было медицинского факультета. Взамен существовали Военно-медицинская академия, Институт экспериментальной медицины, Клинический институт вел. кн. Елены Павловны, акушерские курсы для врачей при Клиническом институте, курсы Глазной лечебницы. В 1908 г. В. М. Бехтерев открыл на частные пожертвования Психоневрологический институт, куда принимали по 300 человек в год. Читали лекции по анатомии, физиологии, химии, физике, биологии, психологии, философии, логике, социологии, истории, литературе, искусству, математике, праву. При институте Бехтерева существовал Педологический институт.

Юриспруденцию изучали помимо университета в Александровском лицее и Училище правоведения. Коммерцию — в Институте высших коммерческих знаний. Технические дисциплины — в Горном институте имп. Екатерины II, Институте гражданских инженеров имп. Николая I, Институте инженеров путей сообщения имп. Александра I, Политехническом институте, Технологическом институте имп. Николая I, Электротехническом институте имп. Александра III. Сельское хозяйство и лесоводство — в Институте сельского хозяйства и лесоводства и в Лесном институте.

Высшими духовными учебными заведениями были Духовная и Римско-католическая академии. Преподавателей русского и древних языков для средних учебных заведений готовил Историко-филологический институт — закрытое заведение, куда принимали на казенное содержание выпускников гимназий и духовной семинарии. Восточные языки изучались на единственном в России университетском факультете этого профиля. Окончившие по I разряду арабско-турецко-персидское отделение факультета восточных языков могли совершенствоваться на Учебном отделении восточных языков, где занимались и прошедшие по конкурсному экзамену офицеры. Существовала Практическая восточная академия при Обществе востоковедения. Имелся в столице и Археологический институт.

Высшее музыкальное образование давала Консерватория; художников, скульпторов, архитекторов готовило Высшее художественное училище при Академии художеств; специалистов по прикладному искусству — Центральное училище технического рисования бар. А. Л. Штиглица. В последнем почти половину составляли студентки.

Экзамены проходили в июле. «Лучшие поступят туда, где конкурс был больше, полные тупицы вернутся в провинцию, а твердые троечники и способные бездельники пополняют демократическую массу студентов Технологического и Лесного института, где конкурс всегда невелик» (Лурье Л. 174).

Перед счастливцами (кроме студентов Электротехнического института) вставал вопрос о плате за учение. Учиться на путейца не было разорительно — 10 руб. в год. Сносно и в Горном институте — 60 руб. В университете приходилось платить 100 руб. Дорого было учиться в привилегированных заведениях (в Училище правоведения — 600—800 руб.). Но даже если плата не была обременительна, денег студенту не хватало, потому что слишком много

было в столице соблазнов. Книги, журналы, газеты, музеи, спектакли, концерты, выставки, вечеринки за бутылочкой пива или рюмочкой водки, пикники и более пикантные развлечения — все требовало денег. Существовали благотворительные общества, стипендии. Но многим студентам приходилось зарабатывать своим трудом, тратя на работу драгоценное время. Существовал один радикальный выход: учиться так, чтобы получать стипендию. Университетской стипендии хватало не только на оплату обучения, но и на житейские расходы.

С. 190

...в четырёхклассное училище... Т. е. в прогимназию.

...школа Черниковой. Школа Веры Захаровны Черниковой — Вознесенский пр., 57.

С. 191

...в народной бесплатной школе... Официально термин «народные» применялся и к городским бесплатным, и к частным платным начальным школам.

С. 192

...надевали на шею ладанку... Ладанка — маленький мешочек с ладаном, носимый на груди в качестве талисмана.

...квартира директора... Директором гимназии был действительный статский советник Александр Николаевич Толмачев.

...квартиры делопроизводителя и казначея. Делопроизводитель — служащий, ведущий канцелярские дела. Казначей — касир.

...квартира инспектора... Инспектор — в гимназиях и реальных училищах помощник директора по учебной и воспитательной части.

...весьма скромное. Лучшие гимназии (1, 2, 3-я) перестраивались с учетом санитарно-гигиенических норм и современных требований к учебному процессу.

С. 193

...ходили в форменных сюртуках... Для чиновников Министерства просвещения был установлен темно-синий цвет сюртука и брюк. На ногах — черные штиблеты или ботинки. Одежду дополняли крахмальные манжеты, воротник, бантик — черный в обычные дни, белый в праздничные. На петлицах — эмблема министерства (Ривош Я. 198, 199).

Гимназисты носили форменную одежду... Шиком считалась фуражка мятая, с поломанным козырьком. На эмблеме кроме номера гимназии размещались инициалы Петербурга и буква «г». Зимних шапок учащиеся не имели, в холода надевали наушники и башлык. Вместо кашне носили черный суконный нагрудник. Ученикам младших классов разрешался зимой черный каракулевый воротник. Постоянный атрибут гимназиста — ранец из черной кожи с крышкой, обшитой тюленьим серо-зеленым мехом. Младшеклассники ходили в суконных (летом — коломьянковых) гимнастерках (Ривош Я. 189, 194).

С. 196

...похожий на Сократа... Сократ — знаменитый мудрец и чудак, живший в Афинах в V в. до н. э. «Вид у него был смешной: лы-

мый череп, крутой лоб, курносый нос, толстые губы» (Гаспаров М. 210). Сравнение Сильвестра с Сократом естественно для учеников классической гимназии.

...перед образом Иоанна Богослова. Св. Иоанн Богослов — самый молодой и любимый ученик Христа, единственный из них, стоявший на Голгофе у распятия и после смерти Учителя по-сыновьи заботившийся о Богоматери, первым уверовавший в воскресение Христа и в своем Евангелии раскрывший, что Христос до воплощения есть предвечно существующее Слово — во всех отношениях являл собою наивысший образец подражания для юношества, готовившегося в гимназиях к дальнейшему постижению университетских гуманитарных наук. Даже учебники древнегреческого языка для классических гимназий составлялись на основе греческого оригинала Евангелия св. Иоанна Богослова. Неудивительно, что именно к его образу собирали гимназистов на молитву в торжественные дни.

...напоминал Собакевича. Пятиалтынный — 15 копеек, а четвертаковый — 25 копеек. Ехидные гимназисты «уценили» своего учителя. Собакевича звали Михаилом, как и Михаила Александровича Четвертакова.

С. 197

...на турецком барабане, потом на альте... Турецкий барабан — большой барабан (диаметром 40-80 и высотой 25—55 см), введенный в военные оркестры в XVIII в. для имитации «янычарской» музыки. Альт — здесь не смычковый, а духовой инструмент.

...изучался церковнославянский. Церковнославянский — язык, происшедший от древнеболгарского и появившийся на Руси в X в. вместе с принятием христианства. В русской православной церкви он стал языком литургических текстов. Образцами его считаются Остромирово Евангелие (XI в.) и богослужебные книги, переведенные Кириллом и Мефодием (IX в.).

...гигиену... космографию. Гигиена — общие сведения об условиях поддержания чистоты и сохранения здоровья. Космография — общие сведения по астрономии и физической географии.

...считался второстепенным предметом... Ср. с началом гл. «Религиозная жизнь горожан», где сказано, что в учебных заведениях закон Божий как предмет стоял на первом месте. Там речь шла о начальственных директивах, а тут — об их практическом осуществлении.

С. 198

...любовь к Овидию, Вергилию, Горацию. Овидий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт, прославившийся легкостью стиха. Его поэма «Метаморфозы», проследивающая чудесные превращения в греческих мифах, — самое популярное после «Энеиды» Вергилия произведение римской поэзии. Большим успехом пользовалось «Искусство любви» — пародия на дидактические поэмы, поучающая, как выбрать, завоевать, удержать любовницу или любовника, обмануть мужа, утешиться в случае измены.

Вергилий Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт. В необыкновенно звучных и сильных стихах «Энеиды» — поэмы-эпопеи о странствиях и войнах Энея, основателя Рима и родоначальника Юлиев Цезарей, — символически развернул идею судеб «вечного Рима», исторической смены крушений и обновлений. По-

эма о земледелии «Георгики» посвящена идее спасительного труда, в котором залог бытия человека, человечества и римского народа.

Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт, изощренный мастер поэтической техники, достигший небывалой мелодичности звучания, вещественности образов, смысловой напряженности стихов. Его кредо — мера во всем как гарантия независимости от других людей и от завтрашнего дня. «Оды» Горация — гимн торжеству порядка и равновесия в мироздании, обществе, человеческой душе. Его «Поэтика» — свод правил поэтического искусства, ставших обязательными для многих поколений поэтов.

Произведения Цицерона, Тита Ливия... Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский оратор, политический деятель, защитник идеалов аристократической республики. Его речи и письма, соединяющие трезвость мысли и силу выражения, — вершина латинской словесности. Цицерон учил, что человек обладает свободой воли: его добродетели — это его собственные заслуги, а за грехи он несет личную ответственность, не списывая ничего на волю богов. Высшая цель человека — чистая совесть в конце жизненного пути.

Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, показавший, не избегая легендарного и занимательного, благодаря каким нравам, образу жизни, доблестям вознеслась Римская империя.

Предмет сделался любимым... В подходе И. А. Суровцева к латинским текстам чувствуется высокая риторическая культура, без которой их невозможно правильно воспринять: они не раскрывают своего смысла тому, кто бесчувствен к их красоте.

...только одного — внимания. Афоризм Н. Я. Неймарка глубже, чем это может показаться на первый взгляд: в истории математики известны случаи, когда, допустив невнимательность, ученый создавал теорию, на основе которой другие строили свои теории, — и так до тех пор, пока не обнаруживался промах и грандиозные построения рушились, как карточный домик.

С. 199

...митрофорного протоиерея. Протоиерей — настоятель соборной церкви; это звание часто жаловалось священникам как почетное личное отличие. Митрофорный — имеющий право на ношение митры, богослужебного головного убора епископов.

С. 200

...письмо своей барышне... Степанов Леонид Николаевич преподавал русский язык и благородным девицам в Смольном институте. Отсюда понятно, почему он прибегал именно к такому доводу, чтобы убедить юношу, что сочинение написано плохо.

...словаря Брокгауза и Ефрона. «Ф. А. Брокгауз» — немецкая издательская фирма, специализировавшаяся на издании словарей и многотомных тематических серий. И. А. Ефрон — петербургский издатель, основавший совместно с Брокгаузом издательское АО «Брокгауз-Ефрон». Среди их изданий — 82-томный «Энциклопедический словарь»; 16-томная «Еврейская энциклопедия»; «Новый энциклопедический словарь», задуманный в 48 томах (вышло 29 томов, издание прервано революцией), и др. Фирме удавалось привлечь к сотрудничеству выдающиеся научные силы.

...Акрополь... Имеется в виду акрополь Афин — холм с цитаде-

лю. Считался местопребыванием Афины — богини-девственницы, олицетворявшей разум и покровительствовавшей Афинам.

..Капитолий... Холм в Риме с храмом Юпитера на вершине — средоточие религиозной жизни патрициев. Праздничные молитвенные процессии всходили сюда для жертвоприношений Юпитеру Капитолийскому.

..храм Афины Паллады... Афина названа Палладой по ее древнему истукану — «палладию». По мифу, он был изготовлен ею и сброшен с неба Зевсом в Троию как залог благополучия этого города. Палладий изображал Афины с сомкнутыми ногами, копьем в правой, прялкой и веретеном в левой руке (символы обороны и мирного труда). Троию невозможно было взять, пока Диомед и Одиссей не выкрали палладий. Храм Афины Паллады — Парфенон на афинском акрополе, воздвигнутый Иктином и Калликратом (448—438 гг. до н. э.) в память победы греков над персами.

..Коринф... Могучий и богатый город на перешейке между средней и южной Грецией, с гаванями на двух морях, соперник Афин в торговле, ремеслах (ткани, вазы, бронза) и в поэзии. Зодчество обязано ему самым нарядным украшением колонн — «коринфской» капителью.

..Сиракузы... Город на восточном побережье Сицилии, основанный в 734 г. до н. э. коринфянами, самый большой из греческих городов. Сохранился театр — один из величайших в греческом мире (60 рядов, вырубленных в скале, вмещают 24 тыс. зрителей). Эсхил присутствовал в нем на постановке своей трагедии «Персы»; Пиндар читал тут свои оды; здесь бывал Платон. В Сиракузах жил величайший математик древности Архимед.

..ходили по римскому Форуму... Римский Форум — центр республиканского Рима с храмом Весты, чей вечный огонь олицетворял очаг общины города Рима, и храмом Согласия — символом примирения патрициев и плебеев. На Форуме избирались должностные лица, заключались общественные соглашения, шла торговля, оформлялись биржевые сделки, вершился суд, выступали ораторы, заседал сенат, устраивались празднества, триумфальные шествия, зрелища, фланировали франты, производилась кремация знатных покойников, выставлялись мраморные и бронзовые доски с текстами международных договоров, административных декретов, постановлений сената. Здесь находились дом главного жреца, жилище весталок, лавки ростовщиков и торговцев предметами роскоши, базилики для биржевых операций и судопроизводства, здание курии (где заседал сенат), трибуны, триумфальные арки, мемориальные колонны, статуи, храмы (где хранили произведения искусства, драгоценности и казну), узилище смертников. Через Форум шла священная дорога на Капитолий.

...купались в термах Каракаллы... Термы Каракаллы — грандиозные общественные бани, открытые при этом императоре (212—217). Посетители потели в жарком помещении, мылись в горячей воде, освежались в холодной, проходили массаж, умащались маслами. Для этого предназначались бассейн холодной бани, салон (58x24 м), теплая баня; круглая (34 м) зала горячей бани, паровые ванны. Вокруг бассейна вестибюли, раздевалки, дворы для занятий гимнастикой, залы для чтений и бесед. Между главным зданием (216x112 м) и оградой — аллеи, цветники. К ограде (337x328 м)

примыкали портики, торговые лавки, библиотеки. Мраморная облицовка бетонных стен и сводов (пролетом до 20 м), гранит и мрамор колонн, мозаики полов, множество статуй и бюстов создавали впечатление великолепия и роскоши.

...*вместе с гладиаторами...* Гладиаторы — военнопленные и преступники, обученные для боя между собой или с дикими зверями на арене. Бои гладиаторов происходили от обычая заставлять рабов биться насмерть друг с другом на поминках знатных покойников. Получили статус общественных зрелищ в 105 г. до н. э. Народ требовал устраивать игры гладиаторов в награду за поддержку кандидатур на выборах, поэтому устроители соревновались в размахе боев. Содержать гладиаторов было выгодно: хозяева давали бойцов напрокат или продавали их устроителям игр и получали большое возмещение за раненых или погибших бойцов. Для гладиаторских игр стали строить амфитеатры. Во времена империи триумфы сопровождался играми, длившимися месяц, сражались в них до 1000 бойцов. Публика могла потребовать добить или отпустить побежденного. Профессия гладиатора считалась презренной, но давала ему кров, пищу, богатство (за каждую победу устроитель дарил ему чашу, часто дорогую, полную золотых монет), славу, восхищение женщин. Поэтому были среди гладиаторов и вольноотпущенники, и свободные, даже из знатных семейств. По требованию зрителей боец мог быть освобожден от дальнейшей службы, но ради богатства и славы многие возвращались на арену. Гладиаторские игры запрещены в 404 г.

...*участвовали в ристалищах...* Ристалища — бега колесниц. «Есть такие, кому высшее счастье — / Пыль арены взметать в беге увертливом / Раскаленных колес» (Гораций. Оды I. 1).

...*лавровые венки...* Награда победителям Пифийских игр в Дельфах — общегреческом религиозном центре, где находился древнейший храм Греции — храм Аполлона. Состязались в силе и ловкости (как в Олимпии), в игре на лире и на флейте. Лавр — дерево Аполлона; венок означал, что носитель этой награды — любимец бога, даровавшего ему победу. Его чтили и славил как любимца бога (Гаспаров М. 32, 39). Позднее римляне стали возлагать лавровый венок на голову триумфатора во время торжеств по случаю его возвращения в Рим.

...*«Илиаду» и «Одиссею»...* «Илиада» и «Одиссея» — грандиозные поэмы-эпопеи, приписываемые бродячему слепому сказителю Гомеру: «Илиада» — о Троянской войне, «Одиссея» — о странствиях одного из ее героев, хитроумного Одиссея. Эти поэмы — целая энциклопедия картин народной жизни: труд пахаря и кузнеца, народное собрание и суд, дом и сражение, оружие и утварь, состязания атлетов и детские игры (Гаспаров М. 14, 15).

С. 201

...*И. Ф. Вейерт...* Иван Федорович Вейерт, кроме того, был внештатным преподавателем немецкого языка в Политехническом институте.

...*Ave, magister, morituri te salutant!*... Перефразировка латинского обращения гладиаторов к императору перед боем: «Ave, Caesar, morituri te salutant» — «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». «Caesar» (император) заменен на «magister» (учитель).

...«*Со святыми упокой*». Христианская заупокойная молитва, называемая так по ее начальным словам.

...*Э. Э. Форш*. В 1915 г. Эдуард Эдуардович Форш преподавал в 10-й гимназии математику и физику (химия среди его предметов не значилась). Он, кроме того, был хранителем Педагогического музея военно-учебных заведений.

С. 202

...*в какой-то прострации*... Прострация — состояние расслабленности.

...«*Morceaux choisis*». Людвиг Людвигович Мартэн преподавал французский язык и на Демидовских женских гимназических и педагогических курсах. «*Morceaux choisis*» («Избранные отрывки») — хрестоматия французских текстов, составленная им вместе с Фейэ.

...*чисто галльский профиль*... Главная примета «галльского» (т. е. истинно французского) профиля — сильно выступающий, с горбинкой нос.

...«*польский сокол*»... Член общества «Польский Сокол» (Столярный пер., 18), ставившего целью развитие и распространение гигиенической и воспитательной «сокольской» гимнастики — системы упражнений, построенной на сочетании приемов немецкой и шведской гимнастики с элементами атлетики. Практиковалась вначале в воспитательно-патриотических «сокольских» организациях в Чехии, позднее принята в других славянских странах. Включала красивые групповые и строевые фигуры — гимнастические «пирамиды», хороводы и пр. (КСГ).

С. 203

...*в кунтуше, конфедератке*... Кунтуш — короткая куртка с длинными откидными рукавами, разрезанными спереди до локтя. Конфедератка — шапочка с четырехугольным верхом.

...*штабс-капитан Измайловского полка*... Штабс-капитан — офицерский чин между поручиком и капитаном в пехоте, артиллерии, инженерных войсках.

...*старые берданки без замков*. Берданка — однозарядная винтовка со скользящим затвором, изобретенная американцем Берданом; перевооружение русской армии винтовками Бердана № 2 (образца 1871 г.) было осуществлено после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1890-х гг. заменена отечественной трехлинейной винтовкой системы полковника С. И. Мосина (образца 1891 г.).

...*А. О. Круглый*. Александр Осипович Круглый служил еще и в Библиотеке Академии наук.

С. 204

...*Нат Пинкертоне, Шерлоке Холмсе, Нике Картере*. Нат Пинкертон — популярнейший герой анонимных бульварно-лубочных детективных рассказов, выпускавшихся дважды в неделю книжечками по 20—40 стр. в пестрых картонных обложках петербургским издательством «Развлечение» (Зоркая Н. 139).

Шерлок Холмс — герой детективных рассказов английского писателя Артура Конан Дойла (1859—1930), первая серия которых вышла в 1891 г. Имеются в виду его бульварные вариации.

Ник Картер — герой 10-центовых авантюрных новелл, выпускавшихся в США с 1884 г., «американский Шерлок Холмс». Первый автор — Дж. Корнел. Более поздний автор — Фр. Дэй написал 1076

выпусков. В 1907—1908 гг. «Развлечение» издало рассказы о Нате Пинкертоне и Нике Картере общим тиражом около 6 млн. экз.

...родителям приходилось принимать меры... Дочь В. В. Розанова вспоминает: «У папы приблизительно с 1912 года под тюфяком кровати всегда лежала кипа дешевеньких брошюрок Шерлока Холмса (15—20)... «Еще воры», «В тисках преступления», «Похищенные драгоценностей», «В лапах...». Мама гнала нас из-под кровати, куда мы забирались, томимые любопытством, и втихомолку шуршали страницами. «Вася, ты портишь детей!» — говорила мама с досадой. Папа тоже сердился и гнал нас, но после обеда всегда укладывался спать с одной из таких книжонок.

Однажды папа вздумал прогуляться по парку с Варей, Васей и мной и, отойдя немного от дому, вынул из своей крылатки... брошюрку, на обложке которой была изображена женщина, летящая со скалы с распущенными волосами и искаженным от ужаса лицом. Наверху стояли два злодея, оскалив зубы.

— Только не говорите маме, — сказал папа, и мы уселись в кружок. ...Папа и после нас гнал, когда мы подбирались к его куче книг, боясь недовольства мамы, но главным образом оберегая свой клад, боясь его расхищения. Но мы все же умудрялись таскать.

...Идя из гимназии к подругам, я всегда останавливалась около газетчиков, проверяя, все ли книжонки у папы имеются, а подруги говорили: «Чего ты все смотришь? Ведь такую литературу читают одни уличные мальчишки да подонки общества!» — «А мой папа читает!» — всегда хотелось огрызнуться мне... Придя домой и застав папу с книгой, небрежно цедила: «Опять своего Шерлока!» — но потихоньку таскала и читала у себя под подушкой» (Барабанов Е. 662, 663).

Соперниками Ната Пинкертон, Шерлока Холмса и Ника Картера были герои Майн Рида, чьи книги были излюбленным чтением русских мальчиков (Набоков В. 145).

С. 204—205

...даже побеги из дому. Беглецы вдохновлялись, прежде всего, приключениями марктовеновских Тома Сойера (1876) и Гекльберри Финна (1884). «Вдова Дуглас взяла меня к себе вместо сына, — говорит Гекльберри, — и хочет сделать из меня «культурного юношу»... Но это мне совсем не по вкусу: очень тяжело жить с утра до вечера в одной и той же квартире. К тому же вдова ужасно аккуратная и степенная женщина. Я не вынес этой жизни и сбежал. Опять нарядился в лохмотья, влез в бочку из-под сахара — и зажил на свободе в свое удовольствие». В 1887 г. этой темы коснулся в рассказе «Мальчики» А. П. Чехов. Побег в Америку готовят гимназисты 2-го класса. «У них для дороги было уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег». Девочки «узнали, что мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации».

Многие увлекались кинематографом... В памфлете «Нат Пинкертон и современная литература» (1908) К. И. Чуковский устанавливал родство между кинематографом и «сыщицкой» литературой.

...отношение к педагогам... В ноябре 1903 г. весь Петербург был взволнован историей, случившейся в гимназии Я. Я. Гуревича. Гимназист-второгодник подвергался постоянным нападкам некоторых учителей, в особенности священника, который однажды закатил ему кол и пожаловался директору. Гуревич прилетел в класс и разнес беднягу. Тот, вернувшись домой, застрелился. Возмущенный 8-й класс решил устроить демонстрацию. По приглашениям, разосланным по всем гимназиям, на похороны явились толпы гимназистов. Приехавшего на панихиду Гуревича они выгнали из церкви. За гробом несли знамя с надписью: «Еще одна жертва педагогической рутины». На Литейном мосту шествие остановила полиция с отрядом казаков, произошла свалка, гроб опрокинули в грязь, пошли в ход кулаки и нагайки, гимназистов разогнали. В числе убитых называли Гарина — сына писателя; много было арестованных и сильно пострадавших. В 1905 г., через неделю после опубликования Манифеста 17 октября, объявившего свободу совести, слова, собраний и союзов, началась забастовка учащихся Ларинской гимназии. Мальчики постановили: гимназия управляется не только директором, а и старшинами из гимназистов, которым предоставляется право выбирать учителей и устанавливать способ преподавания (Минцлов С. 44, 185, 193).

...торжественные кантаты... Кантата — музыкальное произведение, состоящее из нескольких законченных номеров и исполняемое певцами-солистами, часто также хором, в сопровождении оркестра.

...учил унтер... Унтер — унтер-офицер, младший командный чин.

...играл гимны... Вероятно, имеются в виду гимны «Боже, царя храни» и «Коль славен».

С. 206

...два вальса... «На сопках Маньчжурии» — музыка И. А. Шатрова. «Осенний сон» — музыка А. Джойса.

...оркестр развалился. Впоследствии Иван Васильевич Лабинский давал уроки музыки и пения, преподавал в шувалово-озерковских мужской и женской гимназиях и в бесплатном музыкально-хоровом классе Народного дома.

...в роли рака... Такая «сцена в подводном царстве» могла быть показана в двух балетах, шедших на Мариинской сцене, — в «Коньке-Горбунке» Цезаря Пуни и в «Садко» — балете на музыку симфонической поэмы Н. А. Римского-Корсакова.

...плие... Плие — приседание в 1-й или 2-й позициях, т. е. со стопами, развернутыми по одной линии, и сомкнутыми или слегка разведенными пятками.

...мазурку. Мазурка — польский народный танец, стремительный и лиричный, образно передающий элементы верховой езды; музыкальный размер — 3-дольный с акцентом на 3-й доле.

С. 208

...вернее, пол-оркестра... По уставу духовой оркестр полка состоял из 35 музыкантов.

С. 209

...в гимназии «Петришуле». Петришуле — одна из крупнейших и лучших школ Петербурга при немецкой евангелическо-люте-

ранской церкви св. Петра (Невский пр., 22). Здание Петришуле — за церковью, параллельно Невскому пр.

В частности, были приглашены... Стрельская Варвара Васильевна (1838—1915) — актриса Александринского театра, постоянная партнерша К. А. Варламова. Лучшие роли — в пьесах А. Н. Островского (он находил ее талант феноменальным): свахи, купчихи, мещанки, жены мелких чиновников, провинциальные помещицы, домашняя прислуга. «Стрельская со своей маленькой круглой фигуркой, со своими мешковатыми щеками, с хитро выглядывающими глазками, с растяжным, чисто российским выговором... вызывает нетерпеливую радость галереи и сдержанные улыбки в ложах и партере при первом же своем появлении», — сообщал современник (Петровская И. 1994. 181, 182).

Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна (1866—1948) — актриса Александринского театра. Лучшее амплу до революции — красивые, холодные, расчетливые интриганки. Ее игра отличалась изяществом, филигранной техникой, интеллектуальностью.

Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948) — актер Александринского театра. Он был классически красив. Критики хвалили пластическую завершенность его игры; замечали, что для него «поза легче, чем движение, декламация легче, чем простая речь»; иронизировали над его романтизмом. У зрителей он завоевал широкую популярность (Петровская И. 1994. 184, 185).

Лерский (Герцак) Иван Владиславович (1873—1927) — актер Александринского театра. Мастер сценического эпизода (Петровская И. 1994. 217, 295, 346).

Серебряков К. Т. — солист Мариинского театра, мощный бас-профундо.

Касторский Владимир Иванович (1871—1948) — солист Мариинского театра (бас редкой красоты и мощи). В 1907—1909 гг. участвовал в Русских сезонах в Париже. Пел на мариинской сцене еще и в 30-х гг., не имея соперников в партиях величаво-эпического склада.

Петренко Елизавета Федоровна (1880—1951) — оперная певица (меццо-сопрано благородного тембра, равного во всех регистрах). В 1905—1915 гг. — на сцене Мариинского театра. С исключительным успехом выступала с Ф. И. Шаляпиным в Русских сезонах (1908—1914, Лондон, Париж, Рим).

Поразительно, какое созвездие знаменитостей приняло участие в концерте, устроенном гимназией в пользу «недостаточных» учеников.

С. 210

...артистку Ведринскую... Ведринская Мария Андреевна — актриса Александринского театра. Жила в доме по Фонтанке, 39.

С. 212

...с Анной на шее... Анна на шее — орден Св. Анны, который надевался в сочетании с галстуком.

Ремесленное училище... Ремесленное училище цесаревича Николая (1-я Рота, 1) со слесарными, оптико-механическими, часовыми мастерскими.

...кузница и вагранка... Вагранка — небольшая печь для плавления чугуна.

С. 214

...задания присылались из офдуга... Из управления Петербургского учебного округа.

...около четырех аршин... Четыре аршина — 2,8 м.

С. 215

...во времена министра Кассо... Кассо Лев Аристидович (1865—1914) — министр народного просвещения (с 1911 г.), член совета министров, тайный советник. Изданием детальных программ для средних учебных заведений ограничил инициативу учителей. Усилил внешкольный надзор за учениками. Установив высокий квorum для собраний, выбирающих родительские комитеты (2/3 всех родителей), свел к минимуму их деятельность.

...напечатанные на гектографе... Гектограф — печатный аппарат, действующий благодаря способности застывшего желатина воспринимать чернила или краску рукописи, машинописного текста, иллюстраций; прижимая затем бумагу к слою желатина, можно получить до 100 копий.

...из истории Пунических войн... Пунические войны — три войны Рима против Карфагена, богатейшего торгового города на месте нынешнего Туниса. Войны названы по латинскому наименованию Карфагена — *Punier*. 1-я война (264—241 до н. э.) отдала Риму Сицилию, кроме Сиракуз. Во 2-й (218—201 до н. э.) римляне с величайшим напряжением сил одолели Ганнибала и овладели Испанией и Сиракузами. В 3-й (149—146 до н. э.) Карфаген после двухлетней осады пал; 50 тыс. жителей, оставшихся из 300 тыс., продали в рабство; город разрушили до основания; место, где он стоял, было предано проклятию и перепахано.

С. 217

...начал шепеляво скандировать. Скандировать — читать стихи, отчетливо выделяя составные части (стопы, слоги).

С. 218

...соломеннам канотье... Канотье — шляпа с низкой тульей.

С. 219

...в школы прапорщиков... Прапорщик — самый младший офицерский чин в военное время.

С. 220

...программа отличалась мало. Авторы недооценивают прогрессивные нововведения в коммерческих училищах.

...типа Императорского лицея... Имеется в виду Александровский лицей.

...здание петровских коллегий... Здание университета, построенное в 1722—1742 гг. Д. Трезини для Сената, Синода и 10 коллегий (административно-судебных инстанций, посредничавших между Сенатом и губерниями), состоит из 12 корпусов, сомкнутых по одной линии. Со стороны двора устроена 2-ярусная аркада, застекленный 2-й этаж которой образует коридор длиной почти в полкилометра. В 1806 г. здание передали Главному педагогическому институту, который в 1819 г. был преобразован в университет.

...колонным залом с хорами... Хоры — высоко расположенный балкон вдоль стен в больших залах.

С. 220—221

...под деканат... под библиотеку. Имеются в виду деканат геологического факультета и библиотека им. А. М. Горького.

С. 221

...не хочешь — не ходи. Из 11 тыс. студентов университета лекции посещало 2—4 тыс., но бывали дни, когда слушателей являлось не более полутора тысяч (Минцлов С. 254).

...такая свобода. Свобода проявлялась и в корпоративных обычаях, коренившихся в традициях университетов средневековой Европы. Так, 8 февраля — День университетского акта, был днем студенческого буйства. «Выслушав речь почтенного ректора, универсанты по льду Невы переходят на Адмиралтейскую сторону и допоздна кутят в «Казанской академии», «Доминике», немецких пивных. «Через тумбу-тумбу раз» и «Дубинушка» слышатся из всех дверей и подхватываются в «Малом Ярославце», «Золотом якорю», «Кюба», где университетский праздник отмечают его бывшие выпускники» (Лурье Л. 172).

...значки двух факультетов. Белый ромб с синим эмалевым крестом посередине и золотым двуглавым орлом вверху.

С. 222

Удивляли старинные вывески... Экзекутор — чиновник, ведавший хозяйственной частью учреждения (им был в университете Ф. Л. Александрович). Регистратор — чиновник, ведущий записи с целью учета, систематизации, придания законной силы чему-либо. Квартирмейстер — чиновник, на котором лежала забота о жилье для студентов и служащих университета.

О профессоре Петражицком... Петражицкий Лев Иосифович (1867—1931) — юрист, профессор кафедры энциклопедии и историко-философского права на юридическом факультете Петербургского университета, где читал знаменитый курс «Общая теория и мораль права». Преподавал также на Высших женских курсах. Основатель психологической школы права. Депутат I Государственной думы, кадет. С 1918 г. руководил кафедрой социального права юридического факультета Варшавского университета.

С. 223

...лекции Ковалевского, Туган-Барановского, Ивановского... Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — социолог, историк, правовед, общественный деятель. Будучи уволен (1887) из Московского университета, жил за границей, читал лекции в Стокгольме, Оксфорде, Париже. По возвращении в Россию (1906) избран профессором Петербургского университета по кафедре государственного права, Политехнического института, Высших женских курсов, Педагогической академии, возглавил первую в России кафедру социологии в Психоневрологическом институте. Основатель конституционно-монархической Партии демократических реформ (1906), депутат I Государственной думы, с 1907 г. член Государственного совета. Председатель Петербургского юридического и Вольного экономического обществ, с 1914 г. академик. В течение некоторого времени председатель Международного института социологии. Считал важнейшим своим трудом «Экономический рост Европы в период, предшествующий развитию капитализма» (7 томов).

Туган-Барановский Михаил Иванович (1856—1919) — экономист, историк, общественный и политический деятель. Много занимался циклами деловой активности, проблемами социализма, теорией стоимости. В 1899 г. за политическую неблагонадежность

уволен из Петербургского университета, в 1905 г. вернулся в университет. В 1909 г. создал журнал «Вестник кооперации». С 1917 г. организатор Украинской АН с одним из первых в мире отделений социально-экономических наук. Академик УАН по специальности теоретическая экономика, профессор и декан юридического факультета университета св. Владимира в Киеве, председатель Центрального кооперативного украинского комитета и Украинского научного общества экономистов, министр Центральной Рады.

Ивановский Игнатий Александрович — с 1896 г. профессор государственного права юридического факультета Петербургского университета. Преподавал государственное право в Александровском лицее и в Александровской военно-юридической академии.

С. 224

...звание кандидата наук. Кандидат наук — кандидат на звание профессора. Окончившему университет с дипломом I степени предлагали остаться при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В случае согласия давали 4 года на подготовку к усному испытанию, в течение которых платили большую стипендию, позволявшую посвящать науке все время. Профессора давали соискателю списки из сотен названий трудов по их специальностям. Чтобы успешно сдать экзамен, надо было все это хорошо знать. Обычно соискатель на год-два уезжал за границу поработать с зарубежными светилами. Испытание длилось несколько дней по 3—5 часов в день: круг вопросов был широк, вопросы сложны. В последний день надо было написать обстоятельное эссе по теме, предложенной экзаменаторами. Выдержав испытание, кандидат получал звание магистранта. На соискание степени магистра надо было представить диссертацию, которую допускала к защите комиссия из профессоров нескольких университетов, и защитить ее в диспуте с оппонентами и с любым желающим из числа публики. Дата диспута объявлялась во всех солидных газетах. На нем присутствовали все преподаватели факультета, профессора, желавшие послушать защиту, специалисты со стороны, студенты, множество публики. Диспут длился 5—7 часов. Затем проводилось тайное голосование всех преподавателей факультета; вопрос о присвоении степени магистра решался большинством. Диспут подробно освещался в прессе. Магистр мог поступить в любой университет приват-доцентом и вести любой лекционный курс или семинар в своей области, в том числе и конкурирующий или дублирующий курсы ординарных профессоров. Зарплата приват-доцента была много ниже, чем у ординарного профессора. Но если на курс к приват-доценту записывалось больше студентов, то и доход у него мог быть больше, чем у менее знаменитого профессора. Из-за жесткости требований к кандидатам на степень магистра большинство русских профессоров имели только магистерскую, а не докторскую степень (Сорокин П. 61, 68—70, 72).

...подрабатывали репетиторством... Не имеющий пристанища молодой репетитор в качестве платы за уроки мог иметь возможность жить в комнате со своими учениками, завтракая и обедая вместе с ними. В таком случае на дополнительные расходы приходилось зарабатывать иным способом (Сорокин П. 46).

...землячества... Землячество — объединение уроженцев одной местности, страны, живущих в другой местности, стране.

...ходили в форменных тужурках... Тужурка — двубортная куртка.
С. 225

...большинство ходили в форме... По Я. Н. Ривошу, университетская тужурка была зеленоватая, а летом студенты носили и серые. Брюки — того же цвета, узкие, без отворотов, часто на штрипках. Ботинки или штиблеты черные. Шинель зеленоватого сукна, с голубыми петлицами; зимой подстегивался черный каракулевый воротник. Часто из всей формы студент носил только фуражку. Парадной формой был сюртук с высоким стоячим голубым воротником, с золотыми пуговицами и голубым кантом. Шпагу полагалось надевать в особо торжественных случаях.

Фуражки студентов институтов имели черный или темно-зеленый бархатный околыш, темно-зеленую тулью и различались цветом канта. Тужурки и брюки были преимущественно черные, у путейцев — зеленоватые. На тужурке носили контрпогоны — бархатный квадрат, обшитый кантом, с позолоченным или посеребрённым инициалом царя, имя которого носил институт.

Формы лицейстов и правоведов отличались только цветом кантов и эмблемами. Фуражка лицейстов была черная с красным кантом по тулье и красным околышем, у правоведов вместо красного цвета был зеленый. Шинели черные, зимой «николаевские». Обязательно носили белые замшевые перчатки и шпагу. Парадный мундир — с очень высоким воротником и красными или зелеными обшлагами. По воротнику шло шитье. Парадным головным убором была черная фетровая двууголка. При парадной форме носили вместо ботинок лаковые штиблеты на резинке (Ривош Я. 194, 195).

С. 226

...дешевле 20 рублей было не найти. Бывало, студенты снимали целую квартиру, по несколько человек в комнате: «Мы снимали комнату в старой квартирке. Три другие комнаты занимали трое юношей-студентов, две курсистки с Бестужевских курсов и хористка Народного дома. Типичной едой у нас были чай с булкой и куском колбасы или сыра. Пища обходилась нам не более чем в 10—12 рублей в месяц. На все про все вполне хватало 25—30 рублей» (Сорокин П. 56).

С. 227

...выступления лидеров разных партий... До Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», которым Россия из абсолютной монархии превращалась в полуконституционную, в стране не было иных политических партий, кроме социал-демократов («эсдеков») и социалистов-революционеров («эсеров»), находившихся в подполье. После обнародования Манифеста тотчас возникли две влиятельные либеральные партии — конституционно-демократическая («кадеты») и Союз 17 октября («октябристы»). Позднее оформились конституционно-монархическая Прогрессивная партия, монархический Всероссийский национальный союз и другие партии.

...на заседания Государственной думы... Государственная дума — законосовещательное, представительное учреждение Российской империи, созданное Манифестом 17 октября 1905 г. В 1910 г. для заседаний Думы был предоставлен специально реконструированный Таврический дворец.

...участвовали в политических сходках. «Дни студенческих бунтов у Казанского собора всегда заранее бывали известны. В каждом семействе был свой студент-осведомитель. Выходило так, что смотреть на эти бунты, правда на почтительном расстоянии, сходилась масса публики: дети с няньками, маманьки и тетеньки, не смогшие удержать дома своих бунтарей, старые чиновники и всякие праздношатающиеся. В день назначенного бунта тротуары Невского колыхались густою толпою зрителей от Садовой до Аничкова моста. Вся эта орава боялась подходить к Казанскому собору. Полицию прятали во дворах, например во дворе Екатерининской площади. На Казанской площади было относительно пусто, прохаживались маленькие кучки студентов и настоящих рабочих, причем на последних показывали пальцами. Вдруг со стороны Казанской площади раздавался протяжный, все возрастающий вой, что-то вроде несмолкавшего «у» или «ы», переходящий в грозное завывание, все ближе и ближе. «Казаки, казаки», — пронеслось молнией, быстрее, чем летели сами казаки. Собственно «бунт» брали в оцепление и уводили в Михайловский манеж, и Невский пустел, будто его метлой вымели» (Мандельштам О. 11).

События 1913 г. в сфере высшего образования вызывали у В. И. Вернадского впечатление «жути, удивления и гордого спокойствия». Началось с того, что слушатели Военно-медицинской академии отказались посещать лекции из-за введения новых правил об отдании чести. Военный министр В. А. Сухомлинов приказал академии закрыть, всех студентов уволить; академию превратить в чисто военную школу. В знак протеста один из слушателей покончил с собой. Всколыхнулась вся либеральная общественность столицы, включая университет. В ответ министр просвещения Л. А. Кассо обрушил кары, вплоть до изгнания с кафедр, на тех преподавателей, которые смели «свое суждение иметь». На должности в университете назначались лица не по научным заслугам, а по политической благонадежности и угодлиности начальству. Главным объектом репрессий стал юридический факультет, так как юристам незаконность действий властей, как и способы противодействия ей, были яснее, чем кому-либо другому. Не утвердили в профессорской должности М. И. Туган-Барановского; ушедшего акад. М. А. Дьяконова заменили угодным министру приват-доцентом; проф. Д. Д. Гримму предложили перейти в Харьковский университет. Солидарность профессуры и студенчества умело разрушалась путем создания среди привилегированной касты студентов — «академистов» и уменьшения нравственного авторитета профессоров подбором их по политическим соображениям (Вернадский В. 308—323).

Другой причиной волнений в университете было дело Бейлиса, обвиненного антисемитами в «ритуальном убийстве» мальчика. 28 октября Бейлис был оправдан. После сходки студентов, приветствовавших оправдание, 183 ее участника были арестованы. Опрометчивые действия властей не способствовали популярности режима. «Студенческие беспорядки сделались как бы органической принадлежностью нашего учебного строя», — констатировал И. В. Гессе в очерке политической жизни России в 1913 г. (там же. 21).

В Петербурге постоянно находилось свыше 30 тыс. солдат и около 5 тыс. офицеров, что соответствовало предписаниям о численности войск, необходимых для обороны крепости диаметром 12 верст, т. е. равновеликой Петербургу (Брокгауз. II. XII. стб. 682). Следовательно, столица была перенасыщена воинскими частями: ведь в мирное время не было необходимости держать в городе гарнизон такой же величины, как во время осады. На посту главного командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа вел. кн. Владимира Александровича, умершего в 1909 г., сменил вел. кн. Николай Николаевич.

В гвардейский корпус входили полки л.-гв. Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский, Резервный пехотный, Казачий императорский, Атаманский наследника-цесаревича, Сводно-казачий, 1-я и 2-я артиллерийские бригады, Саперный батальон, Кавалергардский полк имп. Марии Федоровны, полк Конной гвардии, Стрелковая и Конно-артиллерийская бригады, Стрелковый артиллерийский дивизион, полевой Жандармский эскадрон и части гвардии, дислоцированные при загородных царских резиденциях: в Царском Селе полки л.-гв. Гусарский, 1-й Кирасирский императорский («желтые кирасиры»), 1-й Стрелковый императорский, 4-й Стрелковый императорской фамилии, 1-й и 2-й императорские Стрелковые батальоны; в Петергофе полки л.-гв. Уланский имп. Александры Федоровны и Конно-гренадерский; в Старом Петергофе л.-гв. Драгунский полк; в Гатчине л.-гв. Кирасирский полк имп. Марии Федоровны («синие кирасиры»); в Стрельне л.-гв. Стрелковый артиллерийский батальон и 2-й артиллерийский парк; в Павловске часть л.-гв. Сводно-казачьего полка, часть Конно-артиллерийской бригады и запасная пешая батарея.

Армейские части в столице — 145-й Новочеркасский имп. Александра III и 198-й Александрово-Невский резервный пехотные полки, 18-й саперный и 1-й железнодорожный батальоны, 1-й полевой инженерный парк и части крепостной артиллерии. Большинство армейских частей стояло в окрестностях (РВПВО).

Воспитательными военно-учебными заведениями были кадетские корпуса: 1-й, 2-й вел. кн. Михаила Николаевича, имп. Александра II, Николаевский и общие классы Пажеского корпуса. В течение 7 лет они давали мальчикам общее среднее образование и готовили их к поступлению в военные училища.

Офицеров выпускали заведения 4 типов. Первый — юнкерское пехотное училище, подготавливавшее за 2 года подпрапорщиков. Второй тип — закрытые училища, приравнивавшиеся к вузам: пехотные Павловское и Владимирское, кавалерийское Николаевское, артиллерийские Михайловское и Константиновское, инженерное Николаевское, Военно-топографическое, Интендантские курсы и специальные классы Пажеского корпуса. Их учащиеся (юнкера) считались состоящими на действительной военной службе. В артиллерийском и инженерном училищах курс длился 3 года, в остальных 2. Третий тип — академии: Николаевская Генерального штаба, Михайловская артиллерийская, Николаевская инженерная, Александровская военно-юридическая. В них при-

нимали по экзамену офицеров, прослуживших несколько лет в строю. В первых трех академиях курс был 2-годичный. Выпускников откомандировывали обратно в их части, а лучших оставляли на годичный дополнительный курс и затем назначали к службе по специальности. В Военно-юридической академии курс длился 3 года. Военно-медицинская академия готовила врачей для военного и морского ведомств. Слушатели (в 1912 г. — 362 стипендиата военного ведомства и 50 морского) считались на действительной службе. По уровню преподавательского состава, разнообразию клиник, богатству учебно-вспомогательных пособий это был один из лучших медицинских вузов в мире. Четвертый тип — специализированные школы переподготовки офицеров: Кавалерийская, Артиллерийская, Воздухоплавательная, Гимнастическо-фехтовальная; и унтер-офицеров: Электротехническая, Техническая артиллерийская, Пиротехническая, Военно-фельдшерская, Кондукторская (кондукторы — это сверхсрочнослужащие чертежники и художники в армии).

Флот был привилегированной частью вооруженных сил: асигнований на него шло гораздо больше, чем на армию. В столице квартировали Гвардейский и 2-й Балтийский экипажи, чей состав служил для пополнения корабельных команд; в экипаже числилось около 1000 нижних чинов (во времена парусного флота таково было число матросов стопушечного 3-палубного корабля).

Морских офицеров выпускали Морской кадетский корпус цес. Алексея и Морское инженерное училище имп. Николая I (в Кронштадте). Морской кадетский корпус был закрытым учебным заведением с шестью классами: тремя общеобразовательными и тремя специальными («гардемаринскими»), соответствовавшими юнкерскому училищу. Гардемарины — учащиеся 6-го класса, проходившие годичную практику на корабле, после которой их производили в офицеры (мичманы). Высшее образование давала Николаевская морская академия. В нее по экзамену принимались офицеры флота. Она имела 4 отделения: гидрографическое, механическое, кораблестроительное и военно-морское. Первые три имели 2-годичный курс, последнее — одногодичный.

Военная жизнь с ее распорядком, обычаями, этикетом, символикой «наполняла и оформляла собой почти все проявления городской жизни, определяла градостроительную и планировочную структуру города, его колорит, жизненный ритм площадей и улиц. Архитектура казарм и полковых соборов, манежи и караульные будки, перемещение войск в городе, их внешний вид — все это накладывало на облик города характерный и яркий отпечаток. Военный элемент в жизни города проявлялся в топонимике и городском фольклоре, в укладе жизни и во многих чертах партикулярного быта» (Вилинбахов Г. 16). Офицеры гвардии и флота в блестящих мундирах, в орденах и медалях красовались на концертах, банкетах, балах, балетах, приемах, гуляньях и катаниях, придавая столочным развлечениям и торжествам оперную пышность.

Офицерство относилось к штатским с высокомерием, укорененным в давних традициях российской сословной иерархии. Военная служба давала ощутимое преимущество в получении дворянства, отраженное в «Табели о рангах» (см. таблицу).

Потомственное дворянство на гражданской службе давал IV класс, а на военной — VI класс. Личное (не наследуемое потомками) дворянство на гражданской службе давал IX класс, а на военной службе в мирное время — XII класс, во время войны — XIII класс.

Для офицеров обычно проходили безнаказанно случаи диких расправ над штатскими, смакуемые офицерами в «Поединке» А. И. Куприна: «В каком-то большом городе — не то в Москве, не то в Петербурге — офицер застрелил, «как собаку», штатского, который в ресторане сделал ему замечание, что порядочные люди к незнакомым дамам не пристають». Когда подпоручик Ромашов осмеливается возразить, что разумнее потребовать удовлетворения на поединке, чем «нападать с шашкой» на безоружного порядочного человека, дворянина, — товарищи по службе поднимают его на смех.

Класс	Гражданские чины	Военные чины	Морские чины
I	Канцлер, действит. тайный советник I класса	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал
II	Действит. тайный советник	Генерал от кавалерии, от инфантерии (т. е. пехотный), от артиллерии, инженер-генерал	Адмирал
III	Тайный советник	Генерал-лейтенант	Вице-адмирал
IV	Действит. статский советник	Генерал-майор	Контр-адмирал
V	Статский советник	—	—
VI	Коллежский советник	Полковник	Капитан I ранга
VII	Надворный советник	Подполковник, войсковой старшина	Капитан II ранга
VIII	Коллежский асессор	Капитан, ротмистр, есаул	Ст. лейтенант (с 1912)
IX	Титулярный советник	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, подьесаул	Лейтенант
X	Коллежский секретарь	Поручик, сотник,	Мичман
XI	Корабельный секретарь		
XII	Губернский секретарь	Подпоручик, корнет хорунжий	
XIII	Провинциальный секретарь	Прапорщик (с 1884 чин существовал только в военное время)	
XIV	Коллежский регистратор		

«Я совсем не зря грозился покончить с собой, если бы мне не удалось избежать воинской службы... среди нашего довольно обширного круга знакомой молодежи и вовсе не был исключением. В частности, все мои ближайшие друзья питали одинаковые с моими чувства, и всем им удавалось так или иначе избежать воинской повинности». Моральное основание для уклонения от службы молодежь находила в проповеди Толстого о непротавлении злу насилием (Бенуа А. I. 702, 703).

Самым великолепным столичным ритуалом был парад в конце апреля — начале мая на Марсовом поле, которым завершался зимний светский сезон: после парада гвардия отправлялась в Красное Село. Генерал А. А. Игнатьев вспоминал: «Две алые полосы двух казачьих сотен конвоя открывали прохождение войск... За конвоем, печатая шаг, проходил батальон Павловского военного училища, потом сводный батальон, первой ротой которого шла пажеская рота, вызывавшая своими касками воспоминание о давно забытой эпохе. Затем... на середину поля выходил оркестр преображенцев, и начиналось прохождение гвардии, шедшей в ротных, так называемых александровских колоннах, сохранившихся от наполеоновских времен. Красноватый оттенок мундиров Преображенского полка сменялся синеватым оттенком Семеновского, белыми кантами Измайловского и зелеными — егерей. Однообразие форм нарушал только Павловский полк, проходивший в конусообразных касках эпохи Фридриха Прусского и по традиции, заслуженной в боях, с ружьями наперевес. В артиллерии, сразу за пехотой, бросались в глаза образцовые запряжки из рослых откормленных коней, подобранных по мастям с чисто русским вкусом: первые батареи на рыжих конях, вторые — на гнедых, третьи — на вороных... Серебристые линии кавалергардов на гнедых конях сменялись золотистыми линиями конной гвардии на могучих вороных, серебристыми линиями кирасир на краковых конях и вновь золотистыми линиями кирасир на рыжих. Вслед за ними появлялись красные линии донских зубатых лейб-казаков и голубые мундиры атаманцев, пролетавших обыкновенно налетом. Во главе второй дивизии проходили мрачные конногренадеры, в касках с гардами из черного конского волоса, а за ними на светло-рыжих конях — легкие синеватые и красноватые линии улан. Над ними реяли цветные флюгера на длинных бамбуковых пиках, отобранных ими в турецкую кампанию. Красно-серебристое пятно гвардейских драгун на гнедых конях было предвестником самого эффектного момента парада — прохождения царскосельских гусар. По сигналу «галоп» на тебя летела линия красных доломанов; едва успевала, однако, эта линия пронестись, как превращалась в белую — от накинутых на плечи белых ментиков. Постепенно кавалерийские полки выстраивались в резервные колонны, занимая всю длину Марсова поля, противоположную Летнему саду. Перед этой конной массой выезжал на середину поля сам генерал-инспектор кавалерии, Николай Николаевич. Он высоко поднимал шапку в воздухе. Все на мгновение стихало. Мы, с поднятыми палашами, не спускали глаз с этой шапки. Команды не было; шапка опускалась, и по этому знаку земля начинала дрожать под копытами пятитысячной массы, мчавшейся к Летнему саду. Эта лавина останавливалась в десяти шагах от царя» (Вилинбахов Г. 16—20).

Казармы полков, участвовавших в этом апофеозе военного великолепия, отнимали у города 28 га ценнейшей земли — территорию, равновеликую пяти Дворцовым площадям. К началу века они не удовлетворяли ни строительным, ни эксплуатационным нормам и с каждым годом требовали все больших расходов на ремонт. У военных не хватало средств на поддержание уличного благоустройства в окрестностях казарм, что вызывало справедливые жалобы обывателей. Да и сами дислоцированные в центре столицы войска были крайне стеснены как недостатком места для обучения молодых солдат, так и удаленностью стрельбища (Енакиев Ф. 68, 69).

Пока войска были верны царю, концентрация их близ трона поддерживала уверенность в его незыблемости. Но эта стратегия оказалась недальновидной. Когда солдаты перестали повиноваться командирам, избыточность столичного гарнизона обернулась роковым обстоятельством для царского режима, а затем и для Временного правительства. Расположенные в городе казармы стали очагами революционной пропаганды. Штыки, защищавшие власть от народа, обратились против самой власти. Без этих штыков власть не перешла бы к большевикам.

С. 232

...войной с Японией. Около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура.

...гибель «Варяга» и «Корейца»... Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» были блокированы в корейском порту Чемульпо эскадрой из 6 крейсеров и 8 миноносцев. В бою «Варяг» повредил 2 японских крейсера и потопил миноносец, но получил тяжелые повреждения и потерял 122 человека убитыми и ранеными. Взорвав канонерку и затопив «Варяг», русские моряки через нейтральные воды вернулись на родину.

...адмиралом Макаровым... Макаров Семен Осипович (1848—1904) — флотоводец, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал. Руководил строительством ледокола «Ермак», испытывал его в Арктике. В 1899—1903 гг. главный командир Кронштадтского порта, с начала войны — командующий Тихоокеанским флотом. Его флагман «Петропавловск» подорвался и затонул 31 марта во время выхода на внешний рейд Порт-Артура. Вместе с Макаровым погибло 700 моряков.

...генерала Куропаткина... Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал, в 1898—1904 гг. военный министр, с начала войны главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. Неудачи вверенных ему войск объясняются не только его бездарностью. У Японии было на материке 150 тыс. солдат против 80 тыс. русской армии, 23 тыс. гарнизонных солдат и 30 тыс. охранников железной дороги в Маньчжурии. Базы снабжения у японцев находились в нескольких сотнях километров от театра военных действий, пополнение войск не было для них проблемой. Русским же приходилось доставлять живую силу, артиллерию, боеприпасы, продовольствие по однокорейской транссибирской магистрали за 7000 км. Южнее Байкала магистраль обрывалась. Летом этот участок преодолевали паромом, зимой на сани.

...сдача Порт-Артура... 20 декабря 1904 г. начальник Квантунского укрепленного района генерал А. М. Стессель сдал Порт-Артур: за дальнейшую оборону города ему пришлось бы платить, без надежды на успех, жизнями тысяч русских солдат. Японцы потеряли за время осады 58 тыс. человек, русские — 28 тыс.

...сражение под Мукденом... Под Мукденом русские потеряли 89 тыс. человек, в том числе около 30 тыс. пленными; японцы — 71 тыс. После этого сражения военные действия на суше прекратились. У русских оставалось в Маньчжурии 47 тыс. человек, у японцев — 380 тыс.

...разгром в мае эскадры... 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского вышли из Либавы в октябре 1904 г. и 14 мая 1905 г. достигли Цусимского пролива. Здесь адмирал Того выстроил свои корабли так, чтобы охватить головную часть русской эскадры, и с дистанции около 7 км обрушил на нее огонь. Дальнобойность пушек обеспечила неуязвимость его главных сил. Затем миноносцы отправили на дно подбитые русские броненосцы и крейсера. За два дня было потоплено 7 из 11 русских броненосцев, 5 из 10 крейсеров (еще 1 затоплен экипажем), 1 из 9 эсминцев (еще 3 потоплены экипажами) и 1 из 6 транспортов. Во Владивосток прорвались лишь 1 крейсер и 2 эсминца. Потери японцев — 3 из 42 миноносцев. Русских моряков, покинувших на шлюпках затопленные корабли, японцы спасли. «Отношение к пленным было самое гуманное и даже уважительное, для моряков был сооружен православный храм, а офицерам было предоставлено право носить холодное оружие. На родину российские моряки вернулись с подарками» (Попов В.).

...Портсмутский мир. После Цусимы Николай II, поняв, что войну не выиграть, но зная и то, что финансовое положение Японии не позволяло ей продолжать войну, уполномочил С. Ю. Витте вести переговоры с Японией в Портсмуте при посредничестве президента США Т. Рузвельта. Витте расположил общественное мнение в пользу России, и глава японской делегации Комура не смог добиться удовлетворения всех претензий Японии. По договору от 23 августа 1905 г. Россия признала Корею сферой японского влияния, передала Японии арендные права на Квантунскую область с Порт-Артуром и на ветку КВЖД и отдала Японии южную часть Сахалина. «Никто из профессиональных дипломатов не мог бы сделать того, что было сделано им», — оценил итог миссии Витте будущий министр иностранных дел А. П. Извольский.

Вот идет кирасир... Кирасиры — тяжелая кавалерия, носившая кирасы — металлические латы, защищавшие спину и грудь; к началу XX в. кираса стала принадлежностью парадного гвардейского снаряжения.

...кивер на этишкете... Кивер — высокий головной убор из жесткой кожи с козырьком, часто с султаном из кожи и сукна. Этишкет — жгут под подбородком.

Но главное — сапоги. Офицеры щеголяли сапогами. Голеница так плотно облегла икры, что надевали сапоги с помощью крючков, зацепляемых за ушко сапог. Снять же их невозможно было без помощи денщика. Пользуясь дощечкой с вырезом для каблука, офицер вытягивал стопу из головки сапога, но она застревала в

подъеме голенища. Денщик становился спиной к офицеру и тянул сапог, офицер другой ногой упирался в зад денщика, и общими усилиями сапог снимался. На парад офицер заказывал сапоги, голенища которых зашивались на ноге и после парада распарывались. Каблук был небольшим по площади, высоким и для шика скошенным сзади — чтобы шпора «падала» на ремешке с каблука (Ривош Я. 242, 243).

С. 234

...обратимся к приему новобранцев. По Уставу о всеобщей воинской повинности 1874 г. в состав вооруженных сил входило все мужское население, физически годное к службе, в возрасте от 21 до 43 лет. Из 18 лет службы 5 проходили в строю, 13 — в запасе. Не состоявшие в постоянных войсках до 43 лет числились в ополчении. Так как население давало ежегодно около 1 млн. молодых людей призывного возраста, а годовой контингент новобранцев составлял около 290 тыс. человек, то поступление в постоянные войска определялось жеребьевкой с учетом льгот и изъятий. Так, студенты государственных университетов были освобождены от призыва, а на частные институты эта привилегия не распространялась (Россия. 176, 177).

...в Михайловском манеже. Ныне Зимний стадион на Манежной пл.

...без всякой беседы. По другим источникам, в преображенцы брали дюжих brunetов, темных шатенов и рыжих; на привлекательность внимания не обращали; главным был рост и богатырское сложение («Солдаты Преображенского полка достают головой до потолка»). В Семеновский полк — высоких, белокурых, «лицом чистых», с глазами голубыми — под цвет воротника («Семеновские рожи на кульки овса похожи»). В Егерский — широкоплечих и широколицых шатенов. В Павловский полк в память об императоре Павле I брали невысоких курносых блондинов («Курносы, как телята, — это павловцы ребята»). В кавалергарды — стройных и ловких. Конногвардейцев набирали из красивых brunetов («Из полков самый тонный лейб-гвардии полк Конный». Тонный — соблюдающий во всем изысканный тон) (Вилинбахов Г. 22). «Вензельные» роты — 1-е роты полков гвардии, погоны и эполеты которых были с царским вензелем (прим. В. А. Витязевой).

..колетах, при длинных палашах. Колет — верхняя одежда в виде короткого мундира (обычно из белого сукна), принадлежность тяжелой кавалерии. Палаш — рубящее и колющее холодное оружие в виде длинной и прямой сабли с широким и обоюдоострым к концу клинком.

...с тесаками на белых португях.. Морской тесак — унтер-офицерский широкий обоюдоострый кинжал с медной витой ручкой с перекладной, несколько напоминавший древнеримский меч. Носили его в черных ножнах (Ривош Я. 241).

С. 235

...мог бы держать «фрунт»... Держать «фрунт» — стоять в шенгене лицом к командиру, вытянувшись по стойке «смирно».

...матросы носили бескозырки.. Матросская бескозырка — с тремя белыми кантами и кокардой на тулье; гвардейский экипаж носил «георгиевские» черно-оранжевые ленты.

...встать за три шага во фронт... Встать во фронт — встать на вытяжку.

...своя церковь. Часто храм или один из его приделов освящался в память о важном событии в жизни полка — его основании, битве с его участием. Традицией были торжественные богослужения в дни полковых праздников и панихиды по павшим в сражениях офицерам и солдатам. В полковых церквях собирались военные реликвии: трофейные знамена, ключи от взятых крепостей, мундиры императоров-шефов, личные награды и документы офицеров и солдат, павших в боях, на стенах устанавливались мраморные доски с именами погибших офицеров. Свои храмы были и у морского ведомства — Никольский собор, Спас на водах и др. (Антонов В. 1993. 173, 174).

С.236

...в Троицком соборе, где молился Измайловский полк. Вместимость собора 3 тыс. человек. Необычен был иконостас, изготовленный охтенской мастерской Тарасовых, — высокая колоннада, выгнутая в сторону алтаря и не скрывавшая сень, тоже поднятую на высоких колоннах, поставленных полуротондой. Над иконостасом высился огромный золоченый крест, на фризе под ним читалась надпись, выбранная Николаем I: «Сим знамением победы» (слова на знамени императора Константина в битве с Максенцием). На стенах при входе — мраморные доски с именами офицеров, погибших за всю историю полка. В соборе хранились измайловские мундиры Александра I и Николая I. Среди военных трофеев — знамена, воинские значки, ключи крепостей, отбитые измайловцами в Крымской войне 1853—1856 гг. и в войне с Турцией 1877—1878 гг. Ежегодно 12 октября в соборе в присутствии всего полка служилась заупокойная литургия в память о павших в бою при Горном Дубняке. На соборной площади в Троицу происходил полковой парад с окроплением знамен святой водой (Антонов В. 1993. 182, 183).

Перед собором стоял памятник Славы... Памятник подвигам солдат и офицеров Измайловского полка в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. был сооружен из 108 стволов. Колонну увенчивала фигура Славы.

...завода Крупна и Османской империи... «Крупн» — один из крупнейших в мире металлургических и машиностроительных концернов близ Эссена в Германии, основанный Фридрихом Крупном в 1810 г. С 1860-х гг. главный поставщик пушек на европейский рынок. До 1904 г. фирма изготовила по заказам 30 государств свыше 40 тыс. пушек. Османлы (Османлы) — династия турецких султанов (1299/1300—1922).

С. 237

...на углу Измайловского проспекта и 1-й Роты. Измайловский пр., 4/26.

...фельдфебели... Фельдфебель — старший унтер-офицер в пехоте, артиллерии, инженерных войсках, помощник командира роты по хозяйству и внутреннему распорядку.

С. 238

...регент... с камертоном в руке. Регент — дирижер церковного хора. Камертон — изогнутый посередине и прикрепленный на изгибе к ножке металлический стержень, концы которого могут сво-

бодно колебаться; при ударе издает звук, который является эталонной высоты при настройке музыкальных инструментов и в хоровом пении.

Кантонисты были наследием режима Николая I... Начало словию кантонистов было положено еще Петром I учреждением в 1721 г. гарнизонных школ при каждом полку на 50 человек солдатских детей для обучения их грамоте и мастерству. При Николае I число этих школ и их воспитанников постоянно увеличивалось. Появились специальные кантонистские школы: аудиторская, артиллерийская, инженерная, военно-медицинская, школа топографов и т. д. При Александре II началось постепенное упразднение кантонистских школ.

Пажеский корпус... В Пажеском корпусе учились дети генералов и аристократии.

С. 239

...«павлены»... В Павловское училище могли поступать только выпускники кадетских корпусов или получившие среднее образование молодые люди, которые имели право поступления в дворянские корпуса; принимали, как и в Павловский полк, только курносых; выпускали подпоручиками в пехоту.

...юнкера Николаевского кавалерийского училища. Из Николаевского училища (бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) выпускали корнетами в кавалерию.

...со шпорами «малинового» звона... «Малиновый» звон — приятный, красивый, мягкий по тембру.

У юнкеров — артиллеристов и Инженерного училища... Юнкера-артиллеристы — воспитанники Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, куда могли поступать молодые люди любого сословия: кадеты — по конкурсу аттестатов, прочие лица со средним образованием — выдержав испытание по математике и физике, преподавание которых для будущих артиллеристов было поставлено очень серьезно. Инженерное Николаевское училище готовило офицеров инженерных и железнодорожных войск; условия поступления — те же, что и в артиллерийские училища.

...отличной морской формой... Форма морских кадетов была схожа с матросской. Под синей суконной «форменкой» матросы носили «голландку» — белую полотняную рубашку с голубым воротником, на нем три белые полосы — эмблема побед при Гангуте, Чесме и Синопе; этот воротник выпускался поверх воротника «форменки». В разрезе «голландки» виднелась тельняшка. Брюки шили с откидным передком, без клеши, подпоясывались черным ремнем с черной пряжкой; у гвардейского экипажа белые пояса. Под бушлат морские кадеты надевали крахмальный воротник и манжеты, на поясе носили черный палаш (Ривовш Я. 233, 241).

С. 240

Курили трубочку с «кенстеном». По Мандельштаму, «кэпстен» — не табак, а сама трубка (Мандельштам О. 33).

...разгоняли нагайками демонстрации... Нагайка — короткая ременная плеть. Ударом нагайки лихой казак перерубал тонкую доску; никакая одежда не спасала жертву такого удара от травмы.

...«Вам только хвосты кобылам подвязывать!» Взаимное недоброежелательство выражалось и прибаутками: «Разодеты как швей-

цары царскосельские гусары», «Пред начальством как ужи извиваются пажи», «Первые воры у царя — молодцы лейб-егеря», «Кавалергарды-дураки подпирают потолки», «А кто чешется по-женски — это полк Преображенский» (Вилинбахов Г. 19—22).

...самозванный корнет... Корнет — младший офицерский чин в кавалерии.

...вскинув монокль... Вскинуть монокль — поймать его, моментально зажав прищуром глаза, — особый офицерский шик и вместе с тем выражение холодного презрения к человеку, которого как бы пытаются разглядеть через монокль, как ничтожную букашку.

С. 241

...на сооружение памятника... Памятник М. Ю. Лермонтову установили в 1916 г. в сквере по Ново-Петергофскому пр. (ск. Б. М. Микешин).

...эскадрона и казачьей сотни... Эскадрон — кавалерийское подразделение, соответствующее роте пехоты. Казачья сотня — подразделение, соответствовавшее эскадрону. В специальном значении эскадрон и казачья сотня — юнкера кавалерийского училища как воинская часть.

...искусство в вальтижировке, джигитовке... Вальтижировка — гимнастические упражнения на лошади, двигающейся рысью или галопом по кругу. Джигитовка — разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади у кавказских горцев (джигитов), казаков.

...конные карусели... Конные карусели известны в России с 1740-х гг. Одетые в старинные костюмы участники двигались под музыку по кругу верхом или в колесницах, позднее в каретах, выполняя на ходу различные упражнения: на всем скаку поддевали пикой кольцо, ловили шар и пр. Перед началом каждой кадрили они торжественно проезжали перед зрителями, сопровождаемые трубачами, герольдами и щитоносцами (Козырева М. 577, 614, 615).

...цельми полками, бригадами. Бригада — соединение из нескольких батальонов (дивизионов) или полков и подразделений специальных войск.

...оркестр на конях, тоже со знаменем-штандартом. «Особенный восторг во мне вызывали оркестры — как те, что шествовали пешком, так особенно те, что, сидя на конях, играли свои знаменитые полковые марши (душу поднимавшие марши!). Великолепное зрелище представлял такой конный оркестр. Сколько тут было золота и серебра, как эффектно были расшитые золотом литавры, прилаженные по сторонам седла. А как величественно прекрасен был гигант тамбур-мажор, шествовавший перед полковым оркестром. Что только этот весь обшитый галунами человек не проделывал со своей окруженной галуном с кистями палкой! То он ее швырял и на ходу схватывал, то крутил на все лады» (Бенуа А. I. 18). У каждого гвардейского полка был свой марш. Штандарт — полковое знамя в кавалерии.

С. 242

...стягивались в столицу накануне. В это время «уже стучат плотники по Марсову полю; уже горой пухнут трибуны, уже клубится пыль от примерных атак и машут флажками расставленные

вешками пехотинцы. Трибуна эта строилась дня в три» (Мандельштам О. 9, 10).

...на пиках флюгарки, офицеры слядунками... Флюгарка — флажок определенной расцветки, служащий эмблемой кавалерийской части. Слядунка — сумка для патронов у кавалеристов, носимая на перевязи через плечо.

Суворовские традиции были давно утрачены. Суворовские традиции — «Кто перед ратью будет, пылая, / Ездить на кляче, есть сухари; / В стуже и в зное меч закаляя, / Спать на соломе, бдеть до зари; / Тысячи воинств, стен и затворов, / С горстью Россия все пожедать? / Быть везде первым в мужестве строгом; / Шутками зависть, злобу штыком, / Рок низлагать молитвой и Богом; / Скиптры давая, зваться рабом; / Доблестей быв страдалец единых, / Жить для царей, себя изнурять?» — писал Г. Р. Державин в оде «Снигирь» на смерть Александра Васильевича Суворова (1730—1800). Столь уникальный феномен не мог стать традицией. Суворов «не хотел быть никому подобным и не терпел подражающих ему» (Лотман Ю. 270).

...вахмистрам... Вахмистр — унтер-офицерский чин в кавалерии и конной артиллерии, соответствовавший фельдфебелю в пехоте.

...только учебную команду... Учебная команда — полковое, бригадное или крепостное (в артиллерии) подразделение, в котором производилась подготовка и производство в унтер-офицерское звание рядовых, поступивших по жребию или вольноопределяющихся. Прошедшие курс обязывались прослужить сверх срока на строевых унтер-офицерских должностях как минимум 4 года.

Они допускали рукоприкладство... На флоте рукоприкладство цинично называлось «чисткой зубов», а офицеров, не брезговавших таким способом подкрепления своего авторитета, называли «дантистами» (Левин С. 225, 226).

С. 243

...нужны были немалые средства. Обычаи требовали от гвардейца гораздо более разгульной жизни, чем от чиновника, и отставать от товарищей в этом отношении считалось неприличным. Военная служба не была доходным занятием. «Офицер служил не из-за денег» (Лотман Ю. 28).

...шинель николаевская... «Николаевская» шинель — с пелериной и бобровым воротником.

...серьезностью, образованностью. Генштабисты составляли дислокации, маршруты, диспозиции для войск; производили рекогносцировку; водили войсковые колонны; выбирали позиции и пункты для крепостей и укреплений. Все они имели высшее образование. В «Поединке» А. И. Куприна подпоручик Ромашов в мечтах возвращается в свой полк, самоотверженно отклонив предложения остаться при академии, «изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вежливый, как те офицеры генерального штаба, которых он видел на прошлогодних больших маневрах и на съездах... Грубые армейские привычки, фамильярность, карты, попойки — нет, это не для него». Генштабисты носили серебряный аксельбант, на правой стороне груди — значок академии Генерального штаба: посеребренный лавровый венок с двуглавым орлом внутри (Ривош Я. 230).

Военно-инженерная академия — Николаевская инженерная академия в Инженерном замке. Выпускники ее получали в служебном движении преимущества сравнительно со своими сверстниками.

С. 244

..умный — в артиллерии». Офицеры-артиллеристы издавна и по праву слыли интеллектуалами; этому способствовала их хорошая подготовка в математике, физике, механике, оптике.

Кронштадт

Кронштадт был наряду с Петербургом и Николаевом одним из трех в России военных портов 1-го разряда. В административном отношении он являлся особым военным губернаторством в пределах Санкт-Петербургской губернии. Город занимал примерно 1200×800 сажений на восточной половине острова Котлин и делился на Адмиралтейскую и Комендантскую части.

Адмиралтейская, открытая к гаваням на южной стороне острова (с запада на восток — Купеческой, Средней и Лесной), соединяла функции порта, верфи, военно-административного и учебного центра Балтийского флота. В ней почти не было жилья — только казенные постройки и гидротехнические сооружения: причалы, доки, склады, таможня, лесная биржа, казначейство, Николаевское инженерное училище, морской манеж, дом и канцелярия главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора, мужская и женская гимназии, Петровский парк с памятником Петру I. К 1913 г. в Адмиралтейской части воздвигли знаменитый Морской собор и поставили невдалеке от него памятник С. О. Макарову. Комендантская часть — это собственно город: благоустроенные улицы, жилые кварталы и казармы, церкви, здания Городской думы и Общества взаимного кредита, торговые заведения, Морское собрание, библиотека, театр.

Население города в 1902 г. 43 тыс. человек, а в 1914 г. — 65 тыс. Половина были военными моряками, остальные обслуживали нужды морского ведомства и флота. На 100 мужчин приходилось 83 женщины (Брокгауз. II. XXIII. Ст. 449). Отсюда своеобразие быта, отразившееся, в частности, в особенностях языка, тонко уловленных Д. А. Засосовым и В. И. Пызиным: ни в одной главе книги нет столько жаргонизмов, как в главе о Кронштадте. Этимологию некоторых из них — «пасач», «козяк» — нам не удалось выяснить даже в «Голковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля — отставного кронштадтского морского офицера.

В Кронштадте было несколько учебных заведений морского ведомства: кроме Николаевского инженерного училища — Минные офицерские классы, Машинная школа Балтийского флота, школы водолазов и юнг. Существовали астрономическая и компасная обсерватории (там же. Ст. 450). Еще при Петре I был установлен футшток — устройство для определения фактического уровня поверхности моря относительно средней его величины, дающее нулевой отсчет для всей российской геодезической систе-

мы. Обширный морской госпиталь был одним из передовых центров европейской практической и научной медицины. В 1896 г., спустя лишь год после опубликования Рентгеном его открытия, преподаватель Минных офицерских классов А. С. Попов сконструировал для госпиталя рентгеновский аппарат, с помощью которого были получены первые в России снимки внутренних органов человека (Соколов В. 318, 319).

Военная гавань выступала на юго-восток — по направлению к Петербургу. От Толбухина маяка на восток до этой гавани простирался Малый рейд; на запад на 13 верст — Большой рейд. К созданию системы фортов на Котлине и вокруг него приступили при Николае I. В 1856—1871 гг. их строительство продолжили по проектам графа Тотлебена. С 1896 г. форты одевали в бетон и вооружали дальнобойной артиллерией (Соколов В. 319). Реконструкцию и перевооружение фортов завершили к началу Первой мировой войны.

С. 245

...его судьба тесно связана с Петербургом. Кронштадт был задуман Петром I как коммерческая гавань столицы, так как устье Невы оказалось мелким для прохода в Петербург крупных судов. «Город этот будет населен только торговыми людьми, все строения предполагаются каменными. Город украсится набережными и мостами вроде амстердамских», — сообщал голландский посланник (Розадеев Б. 11). Застройку с самого начала подчиняли проектам планировки. На Амстердам это оказалось непохоже. Зато при знакомстве с регулярным благоустроенным городом на острове приходит в голову мысль, что, наверное, именно такую хотел видеть Петр I свою новую столицу. Петербург уклонился в своем развитии от воли создателя и стал европейским городом, а на Котлине благодаря изолированности, небольшому размеру города и жесткой регламентации его жизненного уклада урбанистическая утопия Петра осуществилась вполне.

Кронштадт оставался гаванью Петербурга до сооружения Морского канала. С приходивших на кронштадтский рейд крупнотоннажных иностранных судов товар перегружали на баржи, которые доставляли его в столицу к нынешней наб. Макарова. Это было так неудобно, что английские моряки шутили: «Путь от Лондона до Кронштадта короче, чем от Кронштадта до Васильевского острова» (Синдаловский Н. ПФ. 286). Морской канал подорвал коммерческую гегемонию Кронштадта на Балтике, и он превратился в негостеприимную военно-морскую базу — «железную станию к петровскому окну» (Бахтиаров А. 1994. 129).

...кое-каким транспортом. Попасть в Кронштадт летом можно было непосредственно из Петербурга (от 8-й линии В. О. или от Нового Адмиралтейства 4—5 раз в день ходили в Кронштадт пароходы «Заря», «Луна», «Русь» и «Утро»; путь занимал полтора часа и стоил 60 коп.); через Ораниенбаум (11 рейсов в день, Кронштадта достигали за полчаса, стоимость 15 коп.); через Лисий Нос (7 рейсов в день, в пути полчаса, стоимость 15 коп.) (Baedeker К. 184). Зимой от Ораниенбаума и Сестрорецка ходили в Кронштадт по льду специальные каретки на несколько седоков.

...чугунными торцами были замощены... Образцом послужили чугунные мостовые, устроенные в Нью-Йорке и Бостоне по методу инженера Кнаппа. В Кронштадте это новшество появилось в 1860—1864 гг. у Пеньковского моста, вдоль ограды нового Адмиралтейства, под Петербургскими воротами, вдоль Петровской и Б. Екатерининской ул., от Пароходного завода до вала и вдоль новой дороги при Доковом Адмиралтействе (Розадеев Б. 111, 112).

...знаменитый Андреевский собор... Собор Св. Андрея Первозванного — покровителя русского военного флота был поставлен против Гостиного двора так, что колокольня, висившаяся над входом, замыкала перспективу Обводного канала.

...Морской собор... Морской собор — храм-памятник Петру I — основателю Кронштадта и «чинам Морского ведомства, погибшим при исполнении служебного долга, а также способствовавшим развитию и славе флота». Гражданский инженер Василий Антонович Косяков (1862—1921) задумал его по образцу константинопольской св. Софии. Собор заложен 8 мая 1903 г.; с 1907 г. велась отделка интерьера; освящение состоялось 10 июня 1913 г. (Розадеев Б. 105—108). В знак благодарности царь подарил Косякову золотой портсигар (сообщено Ю. М. Красовским со слов вдовы архитектора Людмилы Ивановны). Инженер В. П. Апышков, которому в 20—30-х гг. пришлось переделывать собор под гарнизонный клуб, говорил своему другу и коллеге по Институту гражданских инженеров М. В. Красовскому: «Я переделал его так, что в любой момент его можно снова превратить в собор» (сообщено Ю. М. Красовским).

Был костел прекрасной архитектуры... Несохранившаяся римско-католическая церковь, выстроенная в 1837—1841 гг. по проекту арх. Э. Х. Анерта в виде ротонды с куполообразной крышей, с четырехколонными портиками коринфского ордера (Розадеев Б. 75). Привычка называть римско-католические храмы польски «костелами» укоренилась в обиходе в силу многочисленности польской общины в Петербурге (70 тыс. человек в 1910 г.), эта церковь к тому же после упразднения в 1867 г. Варшавской духовной академии стала официальным центром польского католицизма. С точки зрения католиков других национальностей, это название неправильно.

...кирхи с высочайшими шпилями... Кирха — лютеранский храм. В наше время, когда исчезли шпили православный (Андреевского собора) и лютеранские, силуэт Кронштадта утратил отдаленное сходство с константинопольским: ведь шпили рядом с куполом Морского собора, перекликавшимся с Айя-София, напоминали минареты. Кронштадт маячил на горизонте как сублимация вековой мечты российских монархов об овладении Константинополем, от которой Николай II благоразумно отказался в беседе с немецким императором Вильгельмом II и английским королем Георгом V, состоявшейся в Берлине всего лишь за несколько недель до освящения Морского собора (Милюков П. 1990. 125).

...главный командир портов и генерал-губернатор. Вирен Роберт Николаевич (1856—1917) с 1901 г. командовал крейсером «Баян» на Дальнем Востоке. За доблесть, проявленную в бою в пер-

вый день русско-японской войны, награжден золотой саблей. В день гибели С. О. Макарова «Баян», спасая команду затонувшего миноносца «Страшный», выдержал бой с 6 японскими крейсерами; за этот подвиг Вирен был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 29 июля 1904 г. — контр-адмирал, назначен в Порт-Артур командиром отряда броненосцев и крейсеров. Деятельность его свелась к починке судов и помощи сухопутным батареям. После сдачи Порт-Артура пошел с защитниками крепости в плен, отвергнув возможность быстрого возвращения в Россию. В 1907—1908 гг. главный командир Черноморского флота и портов Черного моря. В 1908—1909 гг. член Адмиралтейского совета. С 1909 г. — вице-адмирал, главный командир Кронштадтского порта, военный губернатор Кронштадта. Полный адмирал с 1915 г. 1 марта 1917 г. растерзан революционными матросами (приношу благодарность за эти сведения Г. Н. Левенштерну).

...получивший орден Георгия... Орден Св. Георгия стоял особняком среди других орденов. Георгиевский крест I класса носился выше других, уступая только Св. Андрею Первозванному; его никогда нельзя было снимать; он давался только военным, преимущественно за боевые заслуги (Лотман Ю. 36).

С. 248

...до последнего живота». Статую Петра I по модели скульптора Н. Жако отлил барон П. К. Клодт. На лицевой стороне пьедестала надпись: «Петру Великому — основателю Кронштадта, 1841 год»; на противоположной — выдержка из указа Петра I: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота яко наиглавнейшее дело».

...«Мыс Доброй Надежды». Мыс Доброй Надежды — южная оконечность Африки.

С. 249

...так называемой «бархатной» стороне. Главной улицей был Николаевский пр.; Николаевская ул. параллельна ему. Теневую сторону проспекта называли «ситцевой».

...был дворцом какого-то великого князя. Первоначально — казарма офицеров Адмиралтейства (арх. М. Н. Ветошников, 1785—1788). Здание перестроено для Морского собрания и библиотеки по инициативе вел. кн. Константина Николаевича — генерал-адмирала и главы Морского ведомства — в 1856—1858 гг. (арх. Р. И. Кузьмин) (Розадеев Б. 43—45, 86).

...было много уникальных. Морская библиотека (основана в 1832 г.) существовала на отчисления 1% из жалованья офицеров Балтийского флота. К началу века занимала 9-е место в России по числу книг. В 1910—1927 гг. для нее построено по проекту В. А. Косякова новое здание на углу Екатерининской ул. и Николаевского пр.

...тушки с какого-то корвета или клипера. Корвет — трехмачтовый парусный корабль средних размеров, предназначенный главным образом для разведывательной и посыльной службы. Клипер — быстроходное океанское трехмачтовое парусное судно, существовавшее до конца XIX в.; в военном флоте клиперы использовались для дозорной и посыльной службы, в торговом — для перевозки ценных грузов (чая, пряностей, шерсти).

...скульптура Жанны д'Арк на коне... Жанна д'Арк (1412—

1431) — французская национальная героиня; девушка-крестьянка, по мистическому наитию возглавившая движение по освобождению Франции от английской оккупации. Вынудила англичан снять осаду Орлеана (отсюда «Орлеанская дева»), короновала в Реймсе Карла VII. Попав в плен, сожжена в Руане как ведьма. Впоследствии оправдана, в 1920 г. канонизирована католической церковью.

...картины кисти Айвазовского... Айвазовский Иван Константинович (1817—1900) — живописец-маринист. Среди его ранних картин — «Большой рейд в Кронштадте» (1836, Русский музей).

С. 250

...во времена Нахимова... Т. е. в середине XIX в., когда офицеры-балтийцы слыли среди моряков «форсунами и франтами» (Левин С. 225, 226). Нахимов Павел Степанович (1802—1855) — флотоводец, адмирал. В 1818—1834 гг. служил на кораблях, базировавшихся в Кронштадте, затем на Черноморском флоте. Во время Крымской войны, командуя эскадрой, разгромил в Синопской бухте главные силы турецкого флота (1853). С февраля 1855 г. командир Севастопольского порта, военный губернатор. Пользовался огромным авторитетом и любовью защитников Севастополя, подавая пример храбрости и выдержки. 28 июня погиб на Малаховом кургане.

С. 251

...потребность в котельщиках, корпусниках... Корпусник — работник, занятый на строительстве судовых корпусов.

...два-три ресторана, трактиры. В начале века сгорел театр, стоявший на Осокиной пл. фасадом на Екатерининскую ул. Труппу возглавлял Г. С. Карский (Петровская И. 1994. 294).

...с громким названием «Тиволи»... Тиволи — вилла феррарских маркизов д'Эсте в 30 км от Рима, построенная в 1550 г. П. Лигорио и знаменитая своим парком и фонтанами. В том, что кронштадтский ресторан имел такое название, был свой смысл: парк виллы д'Эсте состоит из двух частей, объединенных прудами и фонтаном бога морей Нептуна.

С. 252

...«марсофлоты»... «Марсофлот» — контаминация слов «марсовой» и «флот». Марсовой — матрос, несущий службу, вахту на марсе или занятый работой с парусами. Марс — площадка на верху мачты для наблюдения над горизонтом и работ по управлению парусами.

...инженеров-механиков. Курс в Инженерном училище имп. Николая I был четырехгодичный, с двумя отделениями — кораблестроительным и механическим.

С. 253

...жена адмирала С. О. Макарова... Капитолина Николаевна Якимовская. В 1921 г. уехала вместе с сыном в США (Попов В.)

Окрестности Петербурга и дачная жизнь

Летняя жизнь за городом стала привычной для петербуржцев с конца 1830-х гг. Самым престижным дачным местом был Каменный остров; немцы предпочитали Крестовский; дешевые дачи Но-

вой и Старой Деревни и домишки на Карповке привлекали холостых чиновников; в Лесном и Парголово отдыхала интеллигенция; в Заманиловке — скромные чиновники с семьями (Деотто П. 362—364). Ареал дачных мест значительно расширился с проведением железных дорог: в 1837 г. — Царскосельской, в 1851 г. — Николаевской, в 50-х гг. — Варшавской, в 1857 г. — на Петергоф (в 1864 г. ее довели до Ораниенбаума), в 1859 г. — на Красное Село, в 1870 г. — Финляндской, в 1874 г. — Балтийской через Гатчину, в 1876 г. — на Сестрорецк через Териоки и в 1894 г. — через Лахту, в начале 1900-х гг. — Витебской (вскоре от нее отвели ветку на Поселок).

Респектабельная публика тянулась поближе к императорским резиденциям, где царили порядок и чистота, — к Петергофу, Стрельне, Павловску. Просвещенное чиновничество, литераторы, инженеры, модные врачи, адвокаты и художественная интеллигенция, стоявшая в оппозиции к официозной культуре, предпочитали ближнюю Финляндию и Эстляндию: это давало иллюзию отдыха в Европе, позволяло навещать в город и не вводило в катастрофические траты (Лихачев Д. 76; Лурье Л. 173, 174). Люди состоятельные, но без апломба, отдыхали в таких приятных местах, как Разлив, Лесной, Шувалово, Островки, Вырица, Сиверская, Красное Село, Тайцы, Мариенбург, Мартышкино. Им было по средствам снимать дачу, сохраняя за собой квартиру в городе. Архитектура их летних жилищ — романтическая, легкомысленно-нарядная, прозрачная, приветливая — не была похожа ни на городскую, ни на дворцово-парковую. Большинство же петербуржцев — «интеллигентный пролетариат», мелкие чиновники, конторщики, офицерские вдовы, народные учителя — удовлетворялись грязными крестьянскими избами или неказистыми «карточными домиками», которые строились владельцами, заботившимися лишь о прибыли, всюду, куда только можно было добраться железной дорогой; некоторые дачники устраивались в сараях и хлевах (Лурье Л. 174; Деотто П. 359, 368).

Если представить себе преследовавшие бедных дачников запахи навоза и кухни, испарения болот, пыль проселков и деревенских улочек, сквозняки в горницах, ежедневные поездки «дачных мужей» на службу и обратно в битком набитых душных вагонах, то жизнь их не назовешь комфортабельной и здоровой. Но оставаться на лето в Петербурге им было бы хуже.

Во-первых, многие были готовы голодать зимой, лишь бы летом показывать, что они «не простые какие-нибудь люди, а живут на даче». Во-вторых, сезонная плата за дачу была ниже, чем за квартиру. Это вынуждало жить за городом как можно дольше — чуть ли не до октября — и затем устремляться в город искать зимние квартиры: начиналась «несносная процедура странствования по улицам, лазанья по четвертым и пятым этажам, бесконечные и однообразные беседы с дворниками» (Деотто П. 365, 368). В-третьих, в летнем Петербурге и даром никто не хотел бы жить. Воздух был так задымлен, что в 1914 г. летчик, покруживший над городом, рассказывал: «Петрограда вы не видите. Там, где он должен быть, большое темно-серое, почти черное пятно» (цит. по ПРП.267). Шум и давка на улицах делались невыносимыми. По набережным было не пройти из-за причалов со снующими туда-сюда грузчиками. Город превращался в гигантскую строительную площадку, на

которой кипела работа армии пришлых каменщиков, плотников, маляров, кровельщиков. Ремонт домов; земляные работы, отравлявшие воздух миазмами почвы; улицы, перегороженные рогатками из-за починки мостовых. «Город изрыт весь точно во время осады; пешеходы, конки, экипажи — все лепится к одной стороне. <...> Трудно жить в Петербурге летом, в знойные дни, а еще хуже того в тихие вечера после них: дышать нечем; на улицах висит сизоватая пелена каких-то промозглых испарений, начинает пахнуть даже на лучших улицах гнилью, навозом» (Минцлов С. 25, 92). В-четвертых, людей гнал на лоно природы миф о противоестественности и бесчеловечности Петербурга, о гибельности жизни в нем. Укорененный в старых пророчествах о неминуемом конце города, порожденного волей Петра-«антихриста», он после пушкинского «Медного всадника» и «Петербургских повестей» Гоголя достиг апогея в творчестве Достоевского и символистов (Топоров В. 4—29). Дачная жизнь манила исцеляющим душу уходом на простор природы (воспринимаемой через призму литературы, музыки и живописи), к более простому (но без отказа от городских привычек) укладу жизни и более открытым (но не без соблюдения приличий) отношениям (Деотто П. 366—369).

За 1908 г. пассажирооборот Варшавского и Балтийского вокзалов составил (в сумме) 8,4 млн. пассажиров, Финляндского — 4,8 млн., Николаевского — 2,5 млн., Царскосельского — 2,2 млн., Приморского — 2,1 млн. Билеты начинали продавать за полчаса-час до отправления поезда. Приобрести билет, зарегистрировать багаж, занять место в вагоне можно было поручить за 30—50 коп. носильщику, запомнив его номер и указав, в каком купе хотите ехать — для курящих, некурящих или для дам. На перрон пускали по предъявлении проездного билета или перронного (10 коп.). Вагоны 1-го класса были голубые, 2-го — желтые, 3-го — зеленые. Перед отправлением давали три звонка: первый за 15 мин., второй — за 5, сразу за третьим поезд трогался. Поезда делали по 30—40 км/час, подолгу стояли на станциях, опаздывали. Тарифная сетка на 1914 г.:

Расстояния	1-й класс	2-й класс	3-й класс	10 фунтов багажа сверх 1 пуда
1—6 верст	23 к.	14 к.	9 к.	35 к.
25 верст	95 к.	57 к.	38 к.	1 р. 44 к.
50 верст	1 р. 88 к.	1 р. 13 к.	75 к.	2 р. 88 к.
75 верст	2 р. 83 к.	1 р. 70 к.	1 р. 13 к.	4 р. 32 к.

Провоз багажа весом до 1 пуда был свободный. Багаж можно было держать в камерах хранения 3 дня, платя 5 коп. в день за место (Baedeker К. 20—24). На станциях разносили еду. Официанты-татары в белых передниках, «начиная с первых же звуков пыхтения приближавшегося поезда, носились бегом, подобно санитарам скорой помощи. Еда... была прекрасной; сравнить еду в каком-нибудь ресторане с едой на железной дороге... значило выра-

зить похвалу этому ресторану» (Стравинский И. 1971. 23). Чай можно было получить в любое время дня и ночи за 10 коп.

С.255

...возле Измайловского сада. Речь идет о семье Д. А. Засосова.

...фабрик и заводов с их трубами... Предприятий было больше, чем в настоящее время (в советский период происходило их укрупнение), но занимаемая ими площадь действительно была меньше нынешней, хотя не в 5 раз, а примерно вдвое.

С. 256

Первая станция — Александровка. Отсюда шла ветка к Царскому вокзалу на северной границе Александровского парка, в котором находится Александровский дворец — резиденция Николая II.

...много «зимогоров»... В старину зимогор — бродяга, босяк, не имеющий постоянного заработка; слово было почти бранным.

Сюда выезжала беднота. «Дачники в ветхих избушках» (Раевский Ф. 239).

С. 257

...ни Прибыткова, ни Карташевки не было... Платформа Карташева существовала.

...на все вкусы. В начале века здесь бывали и отдыхали Горький, Розанов. Доктор Иноземцев — владелец нескольких строений в селении Кезево — подарил свою дачу Комиссаржевской — ныне, в перестроенном виде, дом главврача детского пульмонологического санатория «Кезево» (сообщено А. Г. Куниным).

...дача министра двора Фредерикса. Фредерикс Владимир Борисович, барон (1838—1922) — в 1870-х гг. командир конной гвардии, с 1897 г. министр императорского двора и уделов. Командор Императорского яхт-клуба, президент Российского автомобильного общества. Был очень богат, но имение в Сиверской, где летом жила его семья, дохода ему не приносило, так как постоянно улучшалось (Мосолов А. 95—97). Дача сгорела в 1945 г., на ее месте стоит кинотеатр «Юбилейный» (сообщено А. Г. Куниным).

...издателя Маркса... Маркс Адольф Федорович (1838—1904) — издатель еженедельника «Нива» (1870—1918), приложениями к которому с 1891 г. выходили собрания сочинений классиков литературы.

...дача Дернова... Дернов Михаил Иванович — директор АО Александрово-Невской мануфактуры «К. Я. Поль», председатель правления т-ва «П. Д. Шумилов и И. М. Дернов».

...дача Елисеева. Елисеев Григорий Григорьевич — председатель правлений торгового т-ва «Бр. Елисеевы» и АО «Новая Бавария», член Комитета виноградарства и виноделия при Департаменте земледелия, председатель Общества для распространения коммерческих знаний, почетный блюститель Торговой школы имени имп. Николая II и попечитель Петербургского учительского института, член комиссии по устройству народных чтений, почетный член Демидовских учебно-воспитательных заведений, председатель фонда вспоможения нуждающимся бухгалтерам, их вдовам и сиротам. С 1915 г. потомственный дворянин. «Дача Елисеева» — подаренный им дочери замок с садом и парком в 5 км от станции Си-

верская вниз по Оредежу, на правом берегу (арх. Г. В. Барановский, В. И. Шене (?), 1908—1910), ныне сельскохозяйственное НПО «Белогорка». Старожилы именуют дачу «домом Фомина», рассказывая, что владелицу вылечил от туберкулеза доктор Фомин, который женился на своей пациентке (сообщено А. Г. Куниным).

...*поместья Витгенштейна...* Витгенштейн Петр Христианович, граф (1768—1842) — фельдмаршал. В 1812 г. командовал пехотным корпусом, прикрывавшим Петербург. После смерти М. И. Кутузова назначен главнокомандующим, но, оказавшись не на высоте в битвах под Люценом и Бауценом, по собственной просьбе освобожден от этой должности. В 1814 г. столичное купечество подарило ему мызу Дружноселье (4 км южнее Сиверской, левее железной дороги).

С. 258

...*дачу сняли «самлучшую».* Другой способ найти дачу — по объявлениям в газетах, которые не всегда отвечали ожиданиям съемщиков, как это случилось, например, с героями рассказа Н. А. Лейкина: «Сказано, что усадьба-дача в 4 верстах от станции, а на самом деле в одиннадцати верстах... Дороги нет никакой... Про озеро при усадьбе наврано... Саду при усадьбе нет... Лесу для прогулок и искания грибов тоже нет...» (цит по: Деотто П. 364).

С. 260

...*мороженщик со своей двуколкой...* Двуколка — двухколесная повозка.

Вкусные же были эти крендели... «В меру сладковатые, пахнущие не то кардамоном, не то ванилью, изумительно белые внутри, изумительно ровно бурые снаружи, они, попадая кусочками в рот, наполняли все существо каким-то особенным, ни на что не похожим и прямо-таки «благороднейшим» блаженством» (Бенуа А. П. 59).

С. 261

...*выдававшие себя за колонистов...* Колонисты — обрусевшие немецкие переселенцы, жившие в колониях; их было 9: Шуваловская, Гражданка, Ново-Саратовская (на правом берегу Невы, против Рыбацкого), Среднерогатская, Колпинская (состоявшая из двух частей: Верхне- и Нижне-Ижорских), Эдюп (у восточной границы Павловского парка), Петергофская (на западной окраине Петергофа), Стрелинская (от Стрельны вдоль дороги в Ропшу), Кипень (на Нарвском шоссе, в 5 верстах южнее Ропши). Первой из них был Эдюп, созданный в 1780-е гг. по инициативе вел. кн. Марии Федоровны в непосредственной близости к ее резиденции. Обычным занятием колонистов были поставки молочных продуктов и картофеля в столицу (прим. сост. с участием В. А. Витязевой).

С. 263

В уютной деревне Новосиверской... В Новосиверской, вытянувшейся вдоль левого берега Оредежа, за мостом от Белогорки, было около 100 дворов.

...*президент Академии наук Карпинский...* Карпинский Александр Петрович (1846—1936) — геолог. Академик (1896), с 1917 г. первый выборный президент Академии наук. С 1899 г. президент Минералогического общества, в 1903—1929 гг. почетный директор Геологического комитета.

...*футбольную команду.* Первые футбольные команды в России

появились в конце XIX в.; с 1897—1898 г. стали проводить соревнования, часто междугородные. В 1912 г. основан Всероссийский футбольный союз, принятый в Международную федерацию футбола, и проведен первый чемпионат России между командами городов. Победила команда Петербурга.

...*большую ригу с овинам.* Рига — молотильный сарай. Овин — помещение для сушки снопов перед молотью.

На ригелях висели... Ригель — горизонтальная переключина между стойками строения.

С. 264

В моде тогда была мелодекламация... Мелодекламация — чтение стихов или прозы под музыку.

...*Лопухов...* Лопухов Андрей Васильевич (1888—1947) — артист балета, педагог. С 1916 г. один из ведущих исполнителей характерных танцев в Мариинском театре.

...*входившее в моду танго.* В 1910 г. аргентинский композитор Э. Саборидо привез музыку и хореографию танго в Париж. В обработке парижских хореографов танго быстро распространилось по всему миру.

...*два пожарных «хода»...* «Ход» — пожарная повозка.

С. 265

...*князя Львова.* Львов Александр Дмитриевич, князь (1863— после 1917) — камергер, филантроп, организатор пожарного дела в России.

С. 266

...*по узкой просеке в лесу.* «Сначала идут железнодорожные здания, далее — разные фабрики и заводы, затем деревянные домишки, огороды, болота, деревни Автово, Тентелево, Волынкино и так до Лигова, на 13-й версте», — сообщал путеводитель в 1902 г.

С. 267

Лигово был довольно большой поселок... Различались два Лигова: на развилке Петергофского и Нарвского шоссе — деревня Лигово (37 дворов), а в 2 верстах от нее по Нарвскому шоссе, у ст. Лигов, — мыза Лигово со старинным парком, в котором к началу века стояло много новых красивых дач. В августе 1913 г. Л. Д. Блок, выезжавшая в Лигово сниматься в кино, писала А. А. Блоку: «Березовые рощи, парк большой, старый и заброшенный барский дом с «архитектурой» и полуразбитыми статуями, мраморными скамейками» (цит. по: Зоркая Н. 62).

Некто Сегаль... Сегаль Матвей Эдуардович — торговец недвижимостью, организатор товариществ по строительству дешевых квартир в Петербурге (контора — Невский пр., 45).

...*поселок быстро рос.* Поселок строился на территории, ограниченной с востока прудами, с севера склоном прибрежной террасы, с запада трассой нынешней ул. Добровольцев, с юга линией железной дороги на Ориененбаум.

...*прислуга с домашними животными...* Характерно, что и у малоимущих была прислуга.

С. 268

...*оркестра графа Шереметева...* Шереметев Александр Дмитриевич, граф (1859—1931) — начальник придворной Певческой капеллы (1902—1917), покровитель и почетный председатель Музыкально-исторического общества, названного его именем. В

1882 г. организовал собственный симфонический оркестр. Жертвовал большие средства на организацию бесплатных симфонических концертов. В 1918 г. эмигрировал с семьей во Францию, где занимался генеалогическими изысканиями, писал мемуары (Краско А. 552).

...*Сергиевская пустынь*. Петербургское шоссе, 15. Перед революцией в обители было 7 храмов и жило около 100 человек братии, из которых по традиции выбирались судовые священники для военного флота. Пустынь содержала странноприимный дом, детский приют, женскую богадельню, небольшую школу и больницу. В престольный праздник из столицы приезжало множество паломников, вокруг монастыря устраивался крестный ход, а 24—26 сентября — ярмарка (Антонов В. 1994. 53, 54, 63).

С. 269

...*собор хорошей архитектуры*. Троицкий собор был начат в 1756 г. по проекту П. А. Трезини, завершен в 1760 г. Ф. Б. Растрелли. Вмещал 600 человек; снаружи имел пышный барочный декор.

...*дача балерины Кшесинской*. Кшесинская Матильда Феликсовна (1872—1971) — артистка императорского балета (1890—1904), возлюбленная цесаревича. Блеском техники, жизнерадостностью, чувственностью танца затмила итальянских гастролерш. С 1904 г. выступала редко. В 1909 г. гастролервала в Париже, в 1911—1912 гг. в составе антрепризы Дягилева в Лондоне. О ней с восторгом отзывались лучшие балетные критики, с восхищением вспоминали Карсавина и Гердт. Кшесинская — яркое олицетворение придворной культуры, в которой «хорошо продуманный ужин у Куба, а тем более вещица от Фаберже значили бесконечно больше, нежели томик стихов Блока» (Гаевский В. 6—8). Став в эмиграции женой вел. кн. Андрея Владимировича, получила титул светлейшей княгини Красинской-Романовской. С 1929 г. преподавала в своей студии в Париже. Дача Кшесинской в Стрельне находилась близ дамбы.

...*дача князя Львова*... Дача князя А. Д. Львова — на Петергофском шоссе в полукилометре от плотины через р. Стрелку, справа.

...*в устье реки Стрелки*... Вниз по Стрелке можно было доплыть до Орловского пруда и полюбоваться усадьбой А. Ф. Орлова. Курзал — помещение на курорте для концертов, лекций, собраний. Циклодром находился на территории, ограниченной дорогами на Ропшу, Царское Село и речкой Кикенкой. Устье Стрелки — выход Портового канала в залив с устроенной там дамбой. Годовой членский взнос в Стрельнинский парусный клуб составлял 20 рублей.

С. 270

...*под названием Поэзия*. Деревня Поэзия (39 дворов) находилась в 800 м восточнее Александрии, где от Петергофского шоссе отходит дорога на Ропшу. Со стороны моря — не Михайловский парк, а дача вел. кн. Николая Николаевича (старшего) — Знаменка.

...*до самой Александрии*. Александрия — резиденция императорской семьи, на западе граничившая с петергофским Нижним парком, на востоке — со Знаменкой. Лишь раз в году, 1 июля, посторонних пускали в Александрию. В 1883—1885 гг. архитектор А. О. Томишко возвел на берегу 3-этажную дачу для цесаревича. На ней Николай II провел первое лето вместе с Александрой Федоровной (Масси Р. 75). В 1896 г. Томишко перестроил дачу во дворец

с башней — Нижний дворец, который стал летней резиденцией царя.

В этом «русском Версале»... Версаль — резиденция французских королей близ Парижа.

...езде охрана, конвой... Собственный его величества конвой состоял из двух кубанских и двух терских казачьих сотен.

...20-километровый канал из-под Ропши... Прокладка канала, начатая в январе 1721 г., в августе была вчерне завершена, но после его открытия работы велись еще 10 лет (Раскин А. 440—442). В Петергофе к фонтанам (и к Гранительной фабрике) подавалось 1,35 млн. гектолитров воды в сутки, что позволяло фонтанам и каскадам действовать ежедневно по 4 часа. В Версале при Людовике XIV, когда фонтанов было 1400 вместо 607 нынешних, к ним подавалось 1,5 млн. гектолитров в сутки. Воду приходилось экономить, включая фонтаны только во время прогулки Короля-Солнце и только те из них, которые могли быть видны королю в данный момент (Пыляев М. 1996. 305; Lenotre G. 51—54).

Около царской купальни... Царская купальня — ныне Менажерейный пруд с фонтаном «Солнце» на Марлинской аллее близ Монплезира. До 1926 г. существовала в том виде, какой придали ей архитектор Ю. М. Фельтен и художник И. М. Тонков: она была огорожена глухими стенами, украшенными аркадами, нишами и вазами в них. Как бы сквозь аркады открывались пейзажные картины. Внутри — ниши для раздевания, бассейн 50×15 сажен, посреди него на столбе шар, который от напора воды приходил в движение и брызгами обдавал купающихся (Пыляев М. 1996. 259).

Вход в парк и к эстраде был бесплатным. Хотя формально вход был бесплатный, обычно все-таки платили рубль, а по воскресеньям и больше (Baedeker K. 179).

С. 270—271

Ежедневно играли оркестры... Ежедневно с 7 до 9 вечера играл военный духовой оркестр; придворный симфонический — только по вторникам, четвергам и пятницам с 8 до 10 часов вечера (Baedeker K. 179).

С. 271

...допускалась езда в экипажах. «Бывало, только начнешь вслушиваться во что-то знакомое оперное или зазорное, а тут как раз кузина Соня или бабушка и даст распоряжение кучеру, чтобы он выехал из ряда экипажей и проехался по аллеям. Вернувшись же после «тура» к «музыке», мы оказывались в ряду экипажей последними, и оттуда было уже плохо слышно. Бывало и так, что коляске позади нашей надоест стоять и топот ее лошадей врежется в самый насладительный момент» (Бенуа А. I. 268).

...приходили любоваться на фонтаны... Фонтаны били в июне и июле ежедневно с 3 до 5 и с 7 до 9 часов пополудни, а в августе и сентябре — с 4 до 6 часов (Baedeker K. 180).

...только по железной дороге. Люди богатые могли нанять за 8—10, а летом как минимум за 10 руб. экипаж, запряженный парой; в Петергоф он доставлял за 3 часа (Baedeker K. 183).

Пароходного же сообщения не было... За оврагом, отделяющим Новый Петергоф от Старого, в море выступала на полверсты дамба на сваях с Купеческой пристанью на конце. В 1900-х гг. между нею и Петербургом ходили пароходы. «Когда масса прибывших

оказывалась размещенной, — господские лошади двигались стройным топотом, извозчичьи клячи беспорядочной, путаной рысью, — и буквально на весь Петергоф раздавался грохот. Услышав его, даже дачники, жившие за версту или за две от пристани, узнавали, что «пришел пароход», и тогда, если кого ожидали к завтраку или к обеду, то говорили прислуге: «они сейчас будут, можно подавать» (Бенуа А. I. 203, 204). Дамба уничтожена во время Первой мировой войны.

...получал на чай. Здания дворцово-паркового комплекса были открыты для посетителей с 15 мая до 15 сентября ежедневно, с 11 до 18 часов. На чай смотрителю обычно давали 50 копеек (Baedeker K. 180).

С. 272

... две другие скульптуры... В Стрельне клодтовские кони стояли перед дворцом гр. А. Ф. Орлова.

Этот парк посещался очень мало. Речь идет о Луговом (Озерковом) парке.

Из не названных Д. А. Засосовым и В. И. Пызиным достопримечательностей заслуживает упоминания Ольгин пруд, примыкающий к дамбе Ропшинского водовода южнее Верхнего сада. На двух его островах А. И. Штакеншнейдер построил Царицын и Ольгин павильоны. У последнего 28 июля 1897 г. был дан в честь императора германского Вильгельма II один из феерических спектаклей, которыми богата история Петергофа. Главная его участница М. Ф. Кшесинская вспоминала: «Места для зрителей были расположены амфитеатром на самом острове, сцена же была построена на воде, на сваях, а оркестр помещался в огромном железном кессоне, ниже уровня воды. На сцене были только боковые декорации, кулисы, а вместо задней декорации открывался вид вдаль, на холмы Бабигона. Недалеко от сцены был построен небольшой островок, украшенный скалами и гротом, где я находилась уже до начала спектакля. <...> Балет начинался с того, что грот, где я была скрыта, открывался и я ступала на зеркало, которое начинало двигаться по направлению к сцене. Получалось впечатление, что я иду по воде» (Кшесинская М. 61).

...торговцы, ремесленники. В 1914 г. в Петергофе проживало 15,9 тыс. человек.

...несколько шале... Шале — сельский домик в горах Швейцарии.

...молодежь танцевала под граммофон. Граммофон — заводной аппарат с большим рупором для воспроизведения звука с пластинки — изобретение Э. Берлинера (1888), усовершенствовавшего фонограф Т. Эдисона (1877). В 1899 г. Берлинер организовал в Петербурге студию, записавшую голоса И. В. Ершова, Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, супругов Н. Н. и М. И. Фигнер, Н. В. Плевацкой, Вари Паниной, А. Д. Вьяльцевой, игру балалаечников В. А. Андреева, Б. С. Трояновского. К 1914 г. в России было 6 фабрик, выпускавших по 20 млн. дисков в год плюс 5—6 млн. по импортным матрицам.

С. 273

...о самом большом и оживленном — Мартышкине. В Мартышкине было около 60 домов: десяток крупных дач и деревянные домики «дачного типа с небольшими садиками, стоявшими вперемешку с крестьянскими домами и угодьями» (Бенуа А. II. 58, 59, 65).

С. 275

...варенцом... Варенец — квашеное топленое молоко.

С. 276

Предпочитали крокет... Крокет — игра, в которой деревянный шар надо как можно быстрее прогнать деревянным молотком через 6—10 проволочных воротец и ударить шар о столбик. Играют один на один или же командами — по-английски на газоне или по-французски на шоссированной площадке 20×14 м. До развития лан-тенниса крокет был популярнейшей в России садовой игрой.

...бывали спектакли. Летом 1895 г. молодежь Александринского театра устроила несколько спектаклей в Мартышкине. В них участвовал студент Петербургского университета В. И. Шверубович — будущий Качалов (ЛО. 91).

Публикой городок не блистал... Население Ораниенбаума (в 1914 г. 8,1 тыс.) жило главным образом сдачей комнат офицерам гарнизона и дачникам. В городе было 2 школы, приходское и городское училища, больница, богадельня, детский приют, 4 церкви, около 20 трактиров, библиотека при Обществе трезвости, синематограф. В Летнем театре в конце 90-х гг. выступала труппа Н. Ф. Сазонова (Г. Н. Федотова, М. Г. Савина, И. В. Самарин, А. П. Ленский, К. А. Варламов, М. Н. Ермолова, В. Н. Давыдов); по воскресеньям с 2 до 7 играла военная музыка. Несколько сезонов отдыхала в Ораниенбауме Анна Павлова (Змеев И. 32—38). «Рамбовом» называли часть города между шоссе, каналом и железнодорожной веткой от станции к гавани.

С. 277

...привлекал прекрасный парк... Парков в Ораниенбауме два: севернее Большого дворца — Нижний, южнее — Верхний. Верхний, о котором здесь идет речь, состоит из двух частей, каждую из которых тоже можно считать отдельным парком: восточнее Сойкинской аллеи — Петровский парк, западнее — Собственная дача, которая делится на «французскую» регулярную и по-английски свободно спланированную части. Последняя ограничена с юга Ямбургской (Ореховой) дорогой, за ней шел лес. В начале XX в. владельцами Ораниенбаумского поместья были герцоги Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицкие.

...вырыт за одну ночь. По одной версии, как-то раз Петр I, отправившись к Меншикову на шлюпке, не смог подойти к берегу из-за камышовых зарослей на мелководье. Тогда Меншиков перевел со строительства Кронштадта своих крепостных, которые прорыли канал (Кючарианц Д. 37). По другой — не только канал, но и дворец сооружены князем по просьбе Екатерины I, боявшейся морских прогулок Петра в Кронштадт и надеявшейся, что царь не преминет съезжать по пути к своему любимцу, уменьшая тем самым риск морского перехода. При этом сообщается, что канал длиной в 222 сажени и шириной 5 сажен вырыли за 3 дня 9000 человек (Пыляев М. 1996. 465). Удивляет не быстрота работы, а то, что Меншиков мог, как мановением волшебной палочки, перебросить из Кронштадта в Ораниенбаум столько людей.

...муштровал своих голштинцев... Когда Елизавета Петровна в 1745 г. отдала Ораниенбаум 17-летнему наследнику Петру Федоровичу (сыну ее сестры Анны и герцога Шлезвиг-Голштейн-Готторпского), он выписал к себе «отряд голштинских военных людей» и муштровал их, подражая Фридриху II.

...был свидетелем низвержения царя. Дворец Петра III замечателен еще и тем, что в нем император подписал 20 февраля 1762 г. манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

...*Китайский дворец-игрушка.* В начале XX в. в Китайском дворце жила сестра герцогов Мекленбург-Стрелицких принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская — председательница Русского музыкального общества, замечательная певица — исполнительница Баха (Бенуа А. II. 350, 351).

...*статуя Лаокоона...* Речь идет о бронзовой копии XIX в. мраморной группы Агесандра, Афандора и Полидора «Лаокоон с сыновьями» (около 40 г. до н. э.), найденной в 1506 г. при раскопках Золотого дома Нерона в Риме (ныне в ватиканском музее Пию Клементино). Изображен эпизод из «Энеиды» Вергилия (II, 212—224).

...*других скульптур... не сохранилось.* У западного фасада Китайского дворца стоит бронзовая копия XIX в. мраморной группы Ж. Пилона «Три грации» (ок. 1563); с северной стороны стоит статуя Омфалы (1-я пол. XVIII в.); есть в парке копии античных статуй Аполлона Бельведерского, Дианы с ланью, Венеры Медицейской.

С. 278

После первой остановки — Горелово... В Горелове было 34 дома. После сооружения в 1897 г. полустанка все они снимались на лето дачниками; в окрестных деревнях дачное население чуть ли не устроилось. От Горелова до Пулковских высот простирался прекрасный сосновый лес — Койеровская удельная дача. Там текла в крутых высоких берегах Черная речка — излюбленное место прогулок гореловских дачников (Пыляев М. 1996. 451).

...*станция Скачки.* Здесь после маневров, завершавших лагерный сбор в Красном Селе, проводились скачки. Ипподром находился в 300 м левее платформы. Первые скачки описаны Л. Н. Толстым в «Анне Карениной» (II. 24, 25, 28). «Море экипажей, пешеходов, солдат, окружавших ипподром, и кипящие народом беседки»; дамская беседка — море кисеи, лент, перьев, зонтиков и цветов; великосветская толпа «сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась пред беседками».

...*по глинистому берегу Лиговки...* Рядом с платформой Скачки справа протекает Дудергофка (Лиговка — в 3,5 км по другую сторону, с платформы ее не видно). Лагерь гвардейской кавалерии был разбит напротив ипподрома — между Дудергофкой и террасой, занятой Павловской слободой Красного Села.

...*на живописной горе.* По краю гряды вдоль Нарвского шоссе вытянулись на 4 версты слободы Красного Села — Павловская (189 дворов), Братошинская (100 дворов), Коломенская (225 дворов). В последней был Царский сад с дворцами и церковью св. Екатерины; на южной ее окраине стояли здания военного ведомства, штабы, офицерские казармы; от них на юг и к Дудергофскому озеру простиралось на 5 верст Военное поле. Южнее Безымянного озера располагалась рядом с бумажной фабрикой Фабрикантская слобода. На рубеже веков здесь появилось много дач с террасами, верандами и садовыми участками; среди них была дача И. Е. Репина (Клещева Л. 604).

...лагеря пехотных гвардейских полков. Площадь лагерей 210 кв. км; вместимость 40 тыс. человек; в маневрах участвовало до 120 тыс. Можно было взять в Красном извозчика и осмотреть лагерь (60 коп. в час). Лагерь гвардейской пехоты огибал с северо-запада Дудергофскую возвышенность. Лагерь армейских пехотных частей и военных училищ («Авангардный») тянулся от Коломенской слободы вдоль озер. Рядом был укрепленный лагерь инженерных и артиллерийских частей. Во время лагерного сбора в Красное Село прибывал царь со двором, приезжала столичная знать (Тихонов Л. 22, 23). Вечером 9 июля 1914 г. Николай II совершил высочайший объезд лагерного сбора в сопровождении Р. Пуанкаре. Когда оба последовали в царскую палатку, грянул оркестр из 1000 музыкантов под управлением капельмейстера В. Г. Сабателли. Над Красным Селом появился 4-моторный гигант «Илья Муромец», пилотируемый его конструктором полковником И. И. Сикорским, в сопровождении 14 аэропланов. После салюта прозвучал гимн «Коль славен». В красносельском театре был дан спектакль с участием Матильды Кшесинской и Ольги Преображенской (СПВ от 10 июля 1914 г.).

С. 279

...был хороший театр... Здание театра, стоявшее у Безымянного озера, было выдержано в русском стиле; в зале — партер, бенуар, 2 яруса лож (императорская — по образцу ложи Михайловского театра); обои под мрамор, золотая военная арматура на барьерах лож, люстра в виде парящего орла с лавровым венком в когтях. Занавес изображал красносельский лагерь с солнцем, восходящим над ставкой государя (Пыляев М. 1996. 353). Театр был в ведении главнокомандующего войсками округа. Спектакли шли только во время летних сборов гвардии, дважды в неделю, начинались в 8 вечера и состояли из двух частей: веселой пьесы и небольшого балета или балетного дивертисмента (Петровская И. 1994. 96). Последний спектакль сезона заканчивался «Адским галопом», в котором участвовали все выступавшие в данный вечер (Кшесинская М. 31). Выступали лучшие силы императорских трупп и артисты других театров — М. Н. Ермолова, В. Ф. Комиссаржевская (Тихонов Л. 23—25). М. Ф. Кшесинская (в 1890 г.) и А. Я. Ваганова (в 1908 г.) дебютировали на этой сцене. Артисты любили поездки в Красное Село. После роскошного завтрака в ресторане с красивым видом на озеро и лагерь они репетировали, затем гуляли по окрестностям — дамы в экипажах, мужчины верхом. Перед спектаклем — превосходно приготовленный обед в фойе, по окончании спектакля — ужин в ресторане (Пыляев М. 1996. 355). Последний спектакль в присутствии государя состоялся здесь 11 июля 1914 г. Когда Николай II вошел в театр, ему устроили овацию, весь зал запел гимн, пение гимна покрывалось криками «ура». В антракте были получены тревожные сведения о возможности войны (Кшесинская М. 165, 166).

А следующая остановка — Дудергоф... В 10 мин. ходьбы от станции, у подножия горы, была царская Молочная ферма. Еще через 25 мин., поднимаясь парком, можно было достичь дворца Шато, похожего на швейцарский домик. С балкона, опоясывающего Шато, открывался широкий вид на окрестности. Существовал специальный извозчий маршрут из Петербурга к парку во-

круг фермы и Шато: полтора-два часа пути, стоимость 1 руб. 25 коп. — 1 руб. 50 коп. (Baedeker К. 185).

...живописный лес с Вороньей горой... Воронья гора — самая высокая точка в окрестностях Петербурга, она возвышается над Дудергофским озером на 80 м, над Финским заливом на 175 м. С ее вершины в ясную погоду хорошо видны Кронштадт, Ораниенбаум, Петергоф, Стрельна и Петербург. Окрестные долины отличаются особенным микроклиматом, благодаря которому здесь встречаются многие дикорастущие растения, несвойственные петербургской флоре (Пыляев М. 1996. 348).

С. 280

...была туберкулезная лечебница. Лечебница дворцового ведомства разместилась в бывшей усадьбе А. Г. Демидова в 1896 г. Незадолго до войны между станцией и усадьбой вырос поселок Новые Места — 300 дач (раньше тут было 45 домов). Вода таицких ключей считалась в окрестностях Петербурга самой здоровой.

...к овраге подходили лоси, косули. Когда Гатчина принадлежала кн. Г. Г. Орлову, его охотничьи угодья простирались от Пудости до Гатчинского парка. В 1838—1843 гг. их разделили на две части: северо-восточную — Орлову рошу и юго-западную — собственно Зверинец, который оградилы частоколом длиной свыше 8 верст. Зимой животных подкармливали в загонах, летом выпускали в лес. Кроме лосей и косулей здесь водились олени, кабаны, зубры. На водоемах было много водоплавающей птицы (Пирютко Ю. 99, 100).

А дальше — Гатчина... С 1881 г., когда в Гатчинском дворце поселился с семьей Александр III, большинство улиц в городе вымостили камнем или покрыли асфальтом, развернулись работы по канализации и водоснабжению, строились окруженные зеленью деревянные особнячки с затейливыми наличниками, с башенками и мезонинами, с причудливыми навесами над крыльцами. В 1893 г. на главных улицах засияло электричество (Пирютко Ю. 24—29). Население Гатчины в 1914 г. — 18,2 тыс. человек.

...городок с двумя парками. Парки Гатчины — Дворцовый вокруг Белого озера и Приорат вокруг Черного.

...военная авиационная школа... Офицерская воздухоплавательная школа учреждена Главным инженерным управлением в 1910 г. Под аэродром отвели бывшее военное поле 800×500 саж. за полотном Балтийской железной дороги. Вдоль Киевского шоссе размещались ангары школы и аэроклуба. В школе учились первые русские военные летчики Г. Г. Горшков, Е. В. Руднев, И. Л. Когутов. Тогда же здесь открылась первая в России школа гражданских летчиков «Гамаюн», принадлежавшая I российскому товариществу воздухоплавания. В ней получили звание пилотов А. А. Агафонов, В. В. Слюсаренко, П. Н. Нестеров и первая в России женщина-летчик Л. Зверева. Отсюда совершал полеты биплан Сикорского «Илья Муромец».

С. 281

Далее за Гатчиной... Елизаветино — в 20 км юго-западнее Гатчины. В километре от станции лежит на склоне холма усадьба с Охотничьим дворцом Елизаветы Петровны, рядом — д. Дылицы (20 дворов). В 1850—1917 гг. усадьба принадлежала князьям Трубецким. В Вероланцах до освоения дачниками было 12 дворов.

...образуя каре... Каре — построение четырехугольником.
...с рогом и арапниками. Арапник — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

...на сворках по пяти. Сворка — ремень, на котором водят охотничьих собак.

С. 282

...валы, цевки... Цевка — цилиндрический стержень, часть колеса в зубчатой передаче.

...ныне существующий вокзал... Царскосельский вокзал построен арх. С. А. Бржозовским, С. И. Минашем, Н. С. Островским.

...платформа Воздухоплавательная. Справа за окнами вагона взор притягивала издали колокольня Воскресенского Новодевичьего монастыря, похожая на кремлевского «Ивана Великого» (арх. Л. Н. Бенуа, В. П. Цейдлер, 1891—1895 гг.). Воздухоплавательный парк находился в городской черте, проходившей на 1,5 км южнее.

С. 283

...первый русский дирижабль. Эллинг стоял в 500 м от железнодорожного полотна в створе Заставской ул. К 1911 г. в России было 8 дирижаблей, к началу войны — 14 (больше было только у французов).

...генерал Кованько... Кованько Александр Матвеевич (1856—1919) — военный изобретатель, аэронавт. В 1885 г. возглавил первую в России военно-воздухоплавательную команду, с 1890 г. командир учебного воздухоплавательного парка. Командовал воздухоплавательным батальоном в сражении под Мукденом. С 1910 г. начальник Офицерской воздухоплавательной школы (ВЭ. XIII. 5).

Царское Село было зимней резиденцией... Царское Село начала XX в. — образцовый благоустроенный город с электрическим освещением (с 1887 г.), водопроводом, канализацией (с биологической очисткой сточных вод), мусоросжигательной станцией (Тубли М. 127). Население в 1914 г. — 30,2 тыс. человек. Царское Село не было дачным местом: его жители снимали дачи в Павловске. Город был придатком двора. Отсюда его особенный провинциализм — крайне косный, сплошь этикетный, воспитывавший в обывателях амбициозность. «В этом страшном месте все, что было выше какого-то уровня, — подлежало уничтожению»: над стихами Блока издевались, Гумилева «озверевшие царскоселы» травили. «Иногда... от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор мальчиков пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов... Несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры, всегда чем-то напоминающие брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами», и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очереди, и все было похоже на описание похорон графини в «Пиковой даме». Казалось, то были похороны всего XIX века (Ахматовой А. I. 22—24). Царскосельские реалии в памяти Ахматовой — ходьба по струнке, мчащийся рыжий рысак, знатнейший кабак, матовый свет фонарей, силуэт придворной кареты, интендантские склады, извозчичий двор, желчная солдатская шутка, полосатая будка, струя махорки. «Драли песнями глотку / И клялись попа-

дней, / Пили допоздна водку, / Заедали кутьей. / Ворон криком прославил / Этот призрачный мир... / А на розвальнях правил / Великан-кирасир». После «царскосельской одури» Петербург воспринимался ею «свежо и остро». Манделъштам в 1912 г. перечисляет казармы, парки и дворцы, заснеженные деревья, звонкие раскаты воинских приветствий, одноэтажные особняки, «где однодумы-генералы свой коротают век усталый, читая «Ниву» и Дюма...», свист паровоза, в котором едет князь, свиту, встречающую его в стеклянном павильоне, и самого князя — кичливого флигель-адъютанта, сердито волочащего саблю; в конце — реминисценция из «Пиковой дамы», которая через полвека придет на память Ахматовой: «И возвращается домой — / Конечно, в царство этикета, / Внушая тайный страх, карета / С мощами фрейлины седой».

...*недалеко от Александровского дворца*. Николай II и Александра Федоровна переселились из петергофской Александрии в царскосельский Александровский дворец осенью 1896 г. На месте бывших помещений для свиты арх. Р. Ф. Мельцер устроил опочивальню, сиреневый кабинет, палисандровую гостиную императрицы, столовую, рабочий кабинет, уборную и служебные комнаты. Затем разделил перекрытием на два этажа Концертный зал: внизу разместил кленовую гостиную императрицы и парадный кабинет Николая II, наверху — комнаты детской половины.

...*много свитских военных*... Для полковников и генералов, преимущественно титулованных, было установлено 3 придворных чина: высший — генерал-адъютант (им мог быть генерал-лейтенант или полный генерал), за ним генерал-майор свиты е. и. в., низший — флигель-адъютант. Общее число их составляло 150 человек. Полковник в чине флигель-адъютанта носил погоны не своего полка, а серебряные с вышитыми золотом монограммой Николая II и короной; на правом плече — аксельбант. Генерал-майор свиты носил серебряные генеральские погоны и аксельбант. Генерал-адъютант тоже носил погоны соответственно своему воинскому званию, в остальном не отличаясь от генерал-майора свиты (Мосолов А. 130; ПК; Ривовш Я. 197).

...*великих княжон*. Великие княжны — Ольга (р. 1895), Татьяна (р. 1897), Мария (р. 1899) и Анастасия (р. 1901). К 1914 г. «Ольга Николаевна... держала себя еще подростком. У нее были красивые светлые волосы, лицо — широким овалом, чисто русское, не особенно правильное, но ее замечательно нежный цвет лица и удивительно выразительные и добрые глаза, при миловидной улыбке, придавали ей много свежести и прелести. Татьяна была выше, тоньше и стройнее сестры, лицо — более продолговатое, и вся фигура — породистее и аристократичнее; волосы — немного темнее, чем у старшей. <...> Мария Николаевна была... весьма крепко сложенным подростком с веселым русским лицом и необычайной силой. Анастасия, совсем маленькой, обещала стать красавицей, но не оправдала ожиданий. У нее было менее правильное, чем у сестер, лицо, зато весьма оживленное. Она была смелее других сестер и очень остроумна» (Мосолов А. 60, 61). Все они были убиты большевиками в Екатеринбурге в 1918 г.

С 284

...*осматривали достопримечательности*. За полтора рубля можно было нанять экипаж для прогулки по парку. С 10 утра до су-

мерек был открыт для обозрения Большой дворец; услуги зрителя стоили 50 копеек (Ваедкер К. 186, 187).

...перед памятником, изображающим поэта... Памятник А. С. Пушкину работы Р. Р. Баха установлен в Лицейском саду.

Иной характер носил Павловск... Используя достоинства своего имени, особенно возросшие благодаря превращению вокзала в один из центров музыкальной жизни петербуржцев, вел. кн. Константин Николаевич, владевший Павловском в 1849—1892 гг., стал сдавать в аренду земельные участки по правому берегу Славянки выше дворца. Хлынула богатая публика, возник дачный Павловск. «И хорошо, и возвышенно, и зелено, и бонтонно, и музыкально», — хвалит Павловск один из персонажей Достоевского («Идиот», т. I, ч. 2, гл. II). Контраст между расположенными бок о бок Царским Селом и Павловском очень ярок: Царское коснело в филистерстве, Павловск блистал приезжими знаменитостями. На рубеже веков здесь жили богатые военные, модные архитекторы (А. И. фон Гоген, К. К. Шмидт), купил себе дачу Ф. И. Шаляпин. В Павловске снимали дачи семьи Мандельштамов и Пуниных.

...поезда ходили часто. Вечерние поезда в Павловск ходили через каждые полчаса (Раевский Ф. 220).

...концертный зал. Железная дорога пересекала парк и заканчивалась там, где ныне находятся аттракционы. Вокзал был обращен главным фасадом на пруд. Формой и размером плана он походил на Павловский дворец: от высившегося посередине зала отходили изогнутые галереи с павильонами на концах. Стекла было больше, чем глухих стен; зал первоначально был двусветный, с хорами для оркестра; внизу роскошные буфеты со столиками вокруг фонтана. Галереи с комфортабельными номерами охватывали площадку, на которую выходила терраса зала. Публика свободно перетекала из зала на площадку и обратно. Постепенно вокзал превратился в концертный зал, в который стали стремиться только затем, чтобы послушать музыку, музыканты с хоров перешли на концертную эстраду, что отразилось на архитектуре вокзала: после выступлений И. Штрауса в зале соорудили эстраду, расставили сиденья, хоры предоставили «стоячей» публике, а в левом крыле устроили ресторан; в 1888 г. от хоров отказались вовсе, и в таком виде вокзал, вмещавший до 2 тыс. слушателей, просуществовал до Отечественной войны (Розанов А.).

С. 285

...из классических произведений. Репутация вокзала как места, где слушают музыку серьезную, окончательно сложилась в 1892—1903 гг., когда главным дирижером здесь был проф. консерватории Н. В. Галкин. «Шары дамских буфов и все прочее возвращаются вокруг стеклянного Павловского вокзала, и дирижер Галкин в центре мира» (Мандельштам О. 6). При нем дирижировали А. К. Лядов, К. Шевичяр, Э. Колонна, А. К. Глазунов; в бенефисных вечерах участвовали оперные звезды И. В. Ершов, М. Д. Каменская, Л. Г. Яковлев, Э. Энгель (из парижской Гранд-Опера), Н. А. Большаков, Д. А. Смирнов, Л. В. Собинов, Ф. И. Шаляпин. В 1907—1910 гг. дирижировал А. Б. Хессин, иногда Н. Н. Черепнин и Р. М. Глиэр.

Последней яркой страницей в истории «павловской музыки» была деятельность дирижера А. П. Асланова (1910—1916). Днями

симфонической музыки были вторники и пятницы, но «легкая» музыка оказалась изгнанной из программ и в прочие дни, заполненные увертюрами, оркестровыми и вокальными отрывками из опер.

В 1912—1913 гг. здесь впервые исполнил свои 1-й и 2-й концерты для фортепиано С. С. Прокофьев. 17 июля 1912 г. почти весь концерт солировал Шаляпин. 7 июня 1914 г. состоялся балетный вечер Анны Павловой. Она танцевала под крики протеста против необъятных дамских шляп, мешавших ее видеть.

Война нанесла павловским концертам сокрушительный удар: большая часть оркестрантов была призвана в действующую армию (Розанов А. 32—129).

...под управлением бессменного капельмейстера Сабателли...

Капельмейстер — дирижер военного оркестра. Сабателли Викентий Газтанович — заведующий хоровой музыкой войск гвардии, член Комиссии по улучшению музыкального дела в войсках. В Павловске дирижировал оркестром л.-гв. 1-го стрелкового Императорского полка, стоявшего в Царском Селе.

..Хессин, ученик Никиша. Хессин Александр Борисович (1869—1955) — с 1901 г. дирижер симфонических оркестров Русского музыкального общества в Петербурге; в 1910—1915 гг. художественный руководитель и главный дирижер на концертах Музыкально-исторического общества; в 1915—1917 гг. оперный дирижер Народного дома. Дирижировал в Мариинском театре (1918—1919). С 1921 г. в Москве.

Никиш Артур (1855—1922) — немецкий дирижер, композитор. Участник Русских исторических концертов, организованных С. П. Дягилевым в Париже в 1907 г.

...произведения Рихарда Штрауса, Дебюсси, Франка. Штраус Рихард (1864—1949) — немецкий композитор, дирижер, приверженец эстетики Листа и Вагнера. В Петербурге в 1906 г. исполнялись его симфонические поэмы «Смерть и просветление» (1889), «Тиль Уленшпигель» (1895), «Так говорил Заратустра» (1896). В феврале 1913 г. он приезжал в Петербург на постановку своей оперы «Электра» (1908) в Мариинском театре, дал 2 авторских концерта, дирижуя придворным оркестром. Режиссером «Электры» был В. Э. Мейерхольд, художником — А. Я. Головин. Костюмы и декорации археологически точно воспроизводили особенности критомикенского искусства; рисунок мизансцен, движения, позы артистов подчинялись схемам греческой архаики XVI—XIV вв. до н. э. Потребовалось 150 репетиций, так как музыка была непривычна для солистов. После трех спектаклей стал очевиден провал оперы, и ее сняли (Гозенпуд А. 311).

Дебюсси Клод Ашиль (1862—1918) — французский композитор, пианист, музыкальный критик, основоположник музыкального импрессионизма. Высоко ставил романсы М. П. Мусоргского, пользовался нововведениями И. Ф. Стравинского, который говорил, что музыканты его поколения больше всего обязаны Дебюсси, особенно его балету «Игры», созданному по заказу С. П. Дягилева (1912). На «Вечерах современной музыки» (1901—1912) изредка исполнялись его квартеты и романсы; исполнение под управлением А. И. Зилоти «Послеполуденного отдыха фавна» Дебюсси петербургская публика встретила улюлюканьем, свистом и смехом

(Стравинский И. 1971. 90, 55). 26—29 ноября 1913 г. он посетил Петербург. Под управлением С. А. Кусевицкого состоялся его авторский концерт. Во время чествования Дебюсси в редакции журнала «Аполлон» С. С. Прокофьев играл свои фортепианные пьесы (Стравинский И. 1973. 513).

Франк Сезар (1822—1890) — французский композитор, органист, одним из первых обратившийся к воскрешению духа старинной музыки. В начале XX в. его считали «музыкантом скорее ученым, нежели подлинно вдохновенным» (Larousse P. 1330).

Стоимость билета... Плата за посещение Павловского вокзала входила в состав цены железнодорожного билета, поэтому проезд до Павловска превышал стоимость проезда на такое же расстояние по другим дорогам для I класса на 25—30 коп., для II — на 5—10 коп., для III — не более чем на 5 коп. Этот необременительный для пассажиров расход приносил правлению дороги годовую прибыль более чем в 100 тыс. руб. С 1888 г. были введены специальные поезда с билетом в полцены (выдававшимся туда и обратно). Идя навстречу пожеланиям любителей музыки, правление разрешило абонировать места на концертах за 10—50 коп.

С. 286

...костюмированные балы. «За ночь намело на пол-аршина конфетти и серпантина — следы бури, которая называлась «gala» или «бенефис». Особенный запах стоял в огромном вокзале, где царил Чайковский и Рубинштейн. Сыроватый воздух заплесневевших парков, запах гниющих парников и оранжерейных роз, и навстречу ему тяжелые испарения буфета, едкая сигара, вокзальная гарь и косметика многотысячной толпы» (Мандельштам О. 6, 7).

...великого князя Константина Константиновича с семьей...

Константин Константинович (1858—1915) — вел. кн., командир л.-гв. Преображенского полка, генерал-инспектор военно-учебных заведений. Президент Академии наук (с 1889), почетный член Общества поощрения художеств, Русского музыкального общества, православного Палестинского общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, С.-Петербургского, Московского и Казанского университетов, председатель Русского археологического общества, попечитель педагогических курсов при столичных женских гимназиях. Поэт, драматург, переводчик, критик. Первая публикация стихов под псевдонимом «К. Р.» — в 1882 г. Самая известная пьеса К. Р. — «Царь Иудейский» (поставлена им на сцене императорского Эрмитажного театра). Переложил на музыку ряд собственных произведений, стихи А. Толстого, А. Майкова, В. Гюго. П. И. Чайковский написал на стихи К. Р. цикл из 6 романсов (1887) (за предоставление справки приношу благодарность Н. Б. Ветошиной). Семья К. Р. — его жена Елизавета Маврикиевна (принцесса Саксен-Альтенбургская и герцогиня Саксонская) и девять детей. Олег Константинович, погибший на фронте 29 сентября 1914 г., был подающим надежды пушкинистом: он осуществил публикацию рукописей Пушкина, хранившихся в Александровском лицее. К. Р. владел в Павловске дворцом Павловским (в котором он умер) и Константиновским. В первый можно было получить доступ по рекомендации. Второй — деревянный 2-этажный, похожий на дом помещика, стоял на берегу

пруда в 200 саж. восточнее Розового павильона. Его занимали служащие княжеского двора, а в летние месяцы — Михайловская женская патриотическая школа (Успенский А. 24; Baedeker К. 191).

...*мачта парусного корабля*... Эта забава, называемая Сеткой, была устроена в боскете, отведенном под «морские» упражнения детей генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича. Под мачтой была натянута канатная сетка. «Можно было без риска увечий производить всякие эволюции на реях и на лесенках, так как в случае падения эта сетка вас подхватывала. Масса более взрослых мальчишек (все одетые в матросские рубахи) с утра до ночи взбегали здесь по лесенкам и проделывали, под наблюдением двух всегда при Сетке дежуривших матросов, всякие акробатические номера. Мы же, «малыши и карапузы», мальчишки и девочки, довольствовались тем, что топтались на сетке, куда мамыши, няньки, гувернантки или те же дежурные матросы нас подсаживали. <...> Когда наступал момент идти домой, то раздавался рев» (Бенуа А. I. 259). Рей, рея — подвижной поперечный брус на мачте, служащий для крепления парусов и для подъема сигналов. Ванты — неподвижные снасти, которыми мачта крепится к бортам.

...*катались в экипажах*. Извозчики брали за катание по парку 60 коп. за первый час и по 40 коп. — за следующие (Baedeker К. 189).

...*домик с верандой*. Близ Тярлева железная дорога входила в парк. Молочная ферма — посередине между Тярлевым и стоящей на 1,5 версты восточнее дер. Глазово. В 1834 г. арх. К. И. Росси придал главному павильону, о котором идет речь, «готический» вид. На 1-м этаже было 5 скромно оформленных комнат и кухня, на 2-м — музейчик фарфоровой и фаянсовой посуды, в которой при Марии Федоровне рассылали молоко, масло и сыр гуляющим в парке (Крашенинников А. 254).

...*павловская земляника*. Запах павловской земляники запомнила Анна Ахматова: «Запахи Павловского вокзала... Первый — дым от допотопного паровозика, который меня привез, — Тярлево, парк, *salon de musique* (который называли «солёный мужик») (речь идет о Круглом павильоне. — А. С.), второй — натертый паркет, потом что-то пахнуло из парикмахерской, третий — земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый — резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске... потом сигары и жирная пища из ресторана» (Ахматова А. I. 22).

С. 287

...*деревянный театр*... Театр на 900 человек в «дачно-русском» стиле — постройка арх. Н. Л. Бенуа (1876). «Несмотря на свои четыре яруса, (он) казался снаружи не в меру расползшимся и приземистым, а фасады его состояли из одних галерей на столбиках. Эти галереи обслуживали снаружи логи и коридоры. Столбики соединялись посредством аркатур из прорезанных орнаментов, и это придавало зданию какой-то беспокойный и уж очень несерьезный вид. Неудачно был выбран и цвет... темно-коричневый, «скучный», плохо вязавшийся с зеленью парка» (Бенуа А. I. 260). Зрительный зал расписал парижский художник Ж.-Э. Обе; на занавесе он изобразил храм Аполлона в Павловском парке. Репертуар по преимуществу опереточный (Розанов А. 72, 78).

Вырица в описываемое время... Когда открыли Витебскую железную дорогу, в 3 верстах от ст. Вырица на левом берегу Оредежа стояла дер. Вырица (27 дворов), станция же была в лесу. В 1906 г. АО «Нева» приступило к строительству дачного посёлка на своих землях по правому берегу (в Княжеской долине). Начали с устройства телеграфа, водопровода, амбулатории. Эти удобства в сочетании с прекрасными природными условиями и железной дорогой создали спрос на дачные участки. Сдавали внаём за высокую плату по 2 тыс. участков в год (ЛО. 59,60). К 1914 г. появилась конная железная дорога. Гражданский инженер М. В. Красовский построил деревянную церковь Казанской Божией Матери в древнерусском стиле (1914).

Леса привлекали охотников. Право на охоту принадлежало владельцам угодий. Государственные угодья можно было арендовать под охоту. Охотиться на самок лося и оленя запрещалось (штраф 500 руб.). Сроки запрета на охоту: на лосей — с 1 января до 15 августа; на оленей — с 1 марта до 15 июля; на косулей — с 15 ноября до 31 мая; на глухарей и тетеревов — с 15 мая до 15 июля; на глухарок и тетерок, тетеревов-глухарей и белых куропаток — с 1 марта до 31 августа; на вальдшнепов с 1 июня до 15 июля; на диких уток — с 1 марта до 29 июня; на серых куропаток — с 1 декабря до 15 августа; на фазанов и зайцев — с 1 февраля до 31 августа (Baedeker К. 30—31). Таким образом, первой дичью, добывавшейся после Петрова дня, были утки, глухари, тетерева и вальдшнепы.

...с легашом или пойнтером. Легаш (легавый) — порода собак, тренируемых для охоты на пернатую дичь. Пойнтер — короткошерстная крупная легавая собака.

...предпочитали покупать ягоды и грибы... Как и нынче, это было делом вкуса: «Обыкновенно среди леса коляски нашего пикника останавливались, седоки разбредались по рыхлым мхам в поисках грибов и черники, а прислуга располагала под деревьями скатерти, самовар, посуду и закуски» (Бенуа А. I. 24). «Все лето, по обыкновению, я провела у себя на даче, занимаясь цветами и собиранием грибов» (Кшесинская М. 62). «Любимейшим ее (матери В. В. Набокова. — А. С.) удовольствием было хождение по грибы. <...> Разговаривая с москвичами и другими провинциалами, я заметил, что и они не совсем понимают некоторые тонкости, как, например, то, что сыроежки или там рыжики и вообще все низменные агарики с пластинчатой бухтармой совершенно игнорировались знатоками, которые брали только классически прочно и округло построенные виды из рода *Voltus*, боровики, подберезовики, подосиновики. В дождливую погоду, особенно в августе, множество этих чудных растений вылезало в парковых дебрях, насыщая их тем сырым, сытным запахом — смесью моховины, прелых листьев и фиалкового пережня, — от которого вздрагивают и раздуваются ноздри петербуржца» (Набоков В. 43).

С. 288

По Северной железной дороге... Ближайшим привлекательным для дачников местом на левобережье Невы были берега Славянки (Енакиев Ф. 29). Более отдаленные места вверх по Неве стали приобретать популярность только после открытия около 1900 г. паровой линии на Шлиссельбург (Раевский Ф. 246).

...*дачными местами были Пелла и Мга*... Пелла — на полпути к Шлиссельбургу, на правом берегу устья Тосны. Здесь самое широкое место Невы (1,1 км) и самая южная точка ее русла. Местность восхищала красотой почти нетронутой природы — скалы, озера, вечнозеленый лес кругом.

Мга еще не упомянута в Брокгаузе—Ефроне 1896 г.

Начиная с Ивановского или хорошие леса. Окрестности с. Ивановского (35 дворов) считались самой красивой местностью на левом берегу Невы. В начале XX в. усадьбой владел литератор Н. А. Лейкин (Пыляев М. 1996. 436, 438).

...*дачной местностью были Островки и Мойка*. Островки — деревня (28 дворов) на правом берегу Невы в 5 км выше Ивановского. Мойка, на левом берегу Невы в 8 км выше Островков, — народное название (по ближайшей речке) села Анненского.

С. 289

...*дули холодные ветры*. Цветы в Шлиссельбурге начинают цвести в июле и погибают от морозов в августе (Пыляев М. 1996. 102).

...*Ланская, Удельная, Озерки*. Из-за недостатка хорошей воды и отсутствия мест для купания Ланская котировалась у дачников невысоко. К началу XX в. близость к городу и удобное сообщение превратили Ланскую в место зимовки многих петербуржцев (Пыляев М. 1996. 432, 433). Существующее станционное здание (как и на ст. Удельная, Шувалово, Парголово, Левашово) построил финский арх. Б. Гранхольм (Кобак А. 34, 35).

Удельная привлекала дачников дешевизной помещений, удобством сообщения с городом, парком, обширным искусственным бассейном, театром. Многие жили тут зимой (Пыляев М. 1996. 433). В 1893 г. юго-западную часть бывшей Удельнинской пустоши передали Царскосельскому скаковому обществу под ипподром. Здание станции построили в 1912—1915 г.

Озерки славились театром (с 1910 г. «Шантеклер»), одним из самых солидных в пригородах столицы: его арендовали лучшие антрепренеры, здесь играли корифеи императорской сцены, дебютировали будущие знаменитости, среди них В. Ф. Комиссаржевская (1894) и Е. М. Грановская (1898). Драматические спектакли сменялись опереттой, дивертисментами, концертами цыган, выступали французские и итальянские оперные певцы. В саду — казино, скетинг-ринк, синема. В ротонде играл оркестр л.-гв. Семеновского полка. На стеклянной террасе давал представления парижский театр-кабаре. Гостей манил французский ресторан. Часто устраивались гулянья и иллюминации. С высящейся рядом Поклонной горы в ясные летние дни любовались Петербургом, «чувствуя себя выше Исаакиевского собора». Зимой это излюбленное место катания на санях (Алянский Ю. 167, 168; Пыляев М. 1996. 434; Раевский Ф. 240; Baedeker К. 193).

...*как и Лесное*. «Лесной, вследствие близости города, удобного сообщения, сухости места, массы зелени и здорового воздуха, является любимейшей и многочисленнейшей дачной колонией». Парк содержался в образцовом порядке, местами являя «образцы торжества научных знаний и усилий над неутомимыми факторами нашей северной природы» (Пыляев М. 1996. 427, 428). Летом сюда съезжались средние слои столичного населения, включая художественную интеллигенцию. Зимой на дачах задешево сни-

мали комнаты студенты Лесного, а с 1902 г. и Политехнического институтов; жили служащие этих институтов; селились небогатые служащие. Строились теплые зимние дома, нередко каменные. К началу XX в. пустили паровик с тремя вагонами, к которым летом прицеплялся еще открытый вагон с империадом; в 1914 г. провели трамвай, а паровик сняли. К 1910-м гг. население Лесного достигло 50—60 тыс.; по большей части это было «образованное общество». Лучшие дачи стояли по Старо-Парголово-скому пр. Лесной — самый «театральный» пригород Петербурга. В начале XX в. здесь было 5 театров. Первый — в Беклешовом саду, где кроме театра имелась открытая сцена. В 1892—1893 гг. каждое лето шли драмы, фарсы, оперетты, иногда оперы; с 1903 г. 3 раза в неделю давались драматические спектакли, 4 раза водевили и дивертисменты. Уровень публики падал, театр заглох, Беклешовка превратилась в место развлечения простонародья с каруселями и балаганами по воскресным и праздничным дням. «Чистая» публика потянулась в Театр у Серебряного пруда (Институтский пр., 20), где шли современные модные пьесы, русская классика (Островский, Чехов), мелодрамы, фарсы, водевили. Третий театр был при Лесном клубе — с хорошо сплоченной труппой и знаменитыми гастролерами; преобладали отечественные драмы. Четвертый — Шато де Флер на Выборгском шоссе у ст. Ланская; тут давались оперетки. В ноябре 1914 г. на пересечении Муринского пр. и Болотной ул. открылся Петроградский молодой (Лесной зимний) театр (Петровская И. 1994. 340—344).

...*Сосновке*... В Сосновке по праздничным дням устраивались на лесной полянке танцы под гармонику, привлекавшие много публики (Пыляев М. 1996. 427).

При входе в Шуваловский парк... В Шувалово в иной летний день наезжало до 15 тыс. петербуржцев, привлеченных красотой местности, глубокими богатыми рыбой озерами с темной чистой водой и песчаным дном, музыкой и театром в Озерках. Чтобы справиться с таким потоком, проложили от Новой Деревни Озерковскую железнодорожную ветку (1893). От ст. Шувалово (вокзал — 1908 г.) к Шуваловскому парку по Суздальскому озеру перевозил за 10 коп. пароходик. Каналы соединяли это озеро, по которому сновали яхты и лодки «Парусного кружка» и частных лиц, с двумя другими озерами (Красногородцев С. 621). На вершине шуваловского Парнаса стояли скамьи под сенью густоветвистых кудрявых берез (в чем при желании можно было видеть аллюзию на фреску Рафаэля «Парнас» в Ватиканском дворце), отсюда любовались панорамой Петербурга. Дворец Шувалова — Белый дом (ныне Малый дворец, арх. Г. А. Боссе); с 1912 г. строился Загородный дом (ныне Большой дворец, арх. С. С. Кричинский).

Следующей станцией было Парголово... Парголово (от чухонского «пергала» — черт) — общее наименование ряда деревень на Выборгском шоссе. Дачники бродили в полях, посещали живописные деревеньки Заманиловку, Кабловку, Юкки, всходили на Церковную гору. Невдалеке — Крестовая (Лысая) гора, откуда созерцали Петербург в лучах закатного солнца, утопающего в море (Пыляев М. 1996. 435; Раевский Ф. 242). Имя горы и предмет созерцания располагали к отождествлению горы с Голгофой, а Петербурга — с апокалипсическим Небесным Иерусалимом. Вокзал, напоминающий маленький замок, построен в 1906 г.

...*дачные места до финляндской границы...* Великое княжество Финляндское было автономией в составе Российской империи.

...*при станции Левашово...* «Левашово тише и малолюднее Шувалова и Парголова, местоположение его хотя красивое, но уступает им во многом» (Пыляев М. 1996. 435, 621). Вокзал выстроен в 1908 г.

До Токсова... Токсово — «деревня в живописном озерном уголке, известном как «Петербургская Швейцария»» (Baedeker К. 194).

С. 290

...*на Гражданку...* «Гражданка — небольшая немецкая деревушка — по первому же впечатлению носит следы довольства и благополучия. Дома довольно большие, в два этажа, верхний — холодный; обшиты тесом; впереди небольшой садик, в котором разбиты клумбы с цветами. Все дома построены по одному типу с неизбежными двумя балконами по фасаду. Заборы и палисадники, выкрашенные белой краской, стоят прямо, ровно, точно выгнаны в струнку. Внутри стены оклеены обоями. Свои чистенькие домики колонисты сдают на лето петербургским дачникам» (Бахтиаров А. 1903. 30).

...*на Юкки.* Юкки стоят на озере, обрамленном крутыми берегами. С самой высокой точки, рядом с отличным рестораном, любовались панорамой «ближней Финляндии» (Baedeker К. 193).

...*Териоки (Зеленогорск)...* «В Териоках песок, жемчужник, дощатые мостки, собачьи будки купален, с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний, и близкий сердцу петербуржца, домашний иностранец, холодный финн, любитель ивановых огней и медвежьей польки на лужайке народного дома, небритый и зеленоглазый, как его называл Блок. <...> Летом в Териоках — детские праздники. До чего это было, как вспомнишь, нелепо! Маленькие гимназистки и кадеты в обтянутых курточках, расшаркиваясь с великовозрастными девицами, танцевали па-де-катр и па-де-патинер, салонные танцы 90-х годов, с сдержанными, бесцветными движениями. Потом игры: бег... с ногами, увязанными в мешок, и с сырым яйцом на деревянной ложке. В лотерею всегда разыгрывалась корова. То-то была радость французенкам! Только здесь они щебетали, как птицы небесные, и молодели душой, а дети сбивались и путались в странных забавах» (Мандельштам О. 17, 18).

...*виллы с огромными участками.* Такого рода дачу в 1899 г. снимал близ Райвола (Рошино) Альберт Бенуа: «...старомодный (еще не в стиле «модерн»). — А. С.), покрашенный светло-желтой краской дом в два этажа с обязательной вышкой-бельведером на боку» (Бенуа А. П. 260).

...*«Пенаты»...* Усадьбу площадью около 2 га в двух верстах от ст. Куоккала И. Е. Репин приобрел в 1899 г. Домик обростал пристройками, верандами, балконами, в 1906 г. поднялся 2-й этаж с затейливыми скатами кровли, стеклянным шатром над мастерской, резными украшениями, флюгерами. Все делалось по рисункам художника. С 1907 г. Репин, отказавшись от профессорства в Академии художеств, стал постоянным жителем «Пенатов» (пенаты — древнеримские фамильные или «отеческие» хранители дома, прежде всего запасов продовольствия, символы родного дома, домашнего очага). Участок превратился в парк с аллеями, беседками, прудами. Аллея Пушкина пересекала лужайку, названную площадью Гомера, беседка была храмом Озириса и Изиды, в конце аллеи

высилась 12-метровая ажурная башенка Шехерезады, с которой открывался вид на залив. По средам принимали гостей. На станции их поджидали извозчики. У Репина гостили А. М. Горький, В. В. Маяковский, Ф. И. Шаляпин, И. В. Ершов, А. К. Глазунов, Б. В. Асафьев, С. А. Есенин, И. А. Бунин, А. И. Куприн, М. М. Тарханов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов и многие другие. В «Пенатах» Репин похоронен (Карпенко М. 7—9).

...писателя Леонида Андреева... Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — писатель, драматург. Пользовался в 1905—1907 гг. огромной популярностью среди интеллигенции, искавшей в литературе «мирообъемлющих» тем. Его дача в Райвола (арх. А. А. Оль, 1907) была знаменита своей причудливостью.

...таможенного досмотра не было. По М. И. Пыляеву (1898), в Белоострове (Валкеасаари) производился-таки таможенный досмотр лиц, проезжающих в Финляндию и въезжающих оттуда (Пыляев М. 1996. 436). К. Бедекер (1914) сообщает о такой же процедуре с финской стороны в Териоках (Baedeker К. 194).

С. 291

...на Сайменском канале... Сайменский канал — основная водная артерия, связывающая юго-восточную Финляндию, лежащую вокруг огромного озера Сайма, с Финским заливом (в Выборге).

...в Териоках был летний театр... В Финляндии не было театральной цензуры, этим пользовались для постановки на сцене териокского театра запрещенных в России пьес. Летом 1907 г. там работал Свободный театр В. Р. Гардина, летом 1912 г. — «Товарищество актеров, писателей, художников и музыкантов» под руководством В. Э. Мейерхольда (Петровская И. 1994. 170). В начале мая для актерской труппы, состоявшей из бывших актеров «Дома интермедий» и постоянных посетителей «Бродячей собаки», в Териоках была снята общая дача. «Все вместе ели, пили чай, ходили по их огромному парку. <...> Хотя у них еще ничего не налажено и довольно богемно, но духа пустоты нет. <...> За сосновым парком — море, очень торжественное, был штурм, кабинки все разбиты» (Блок А. VIII. 391). Художником «Товарищества» был Н. Н. Сапунов. 14 июня 1912 г. он утонул во время прогулки на лодке по заливу (Богомолов Н. 173,174).

...на самом берегу Невки, рядом с пристанью... У этой пристани ныне стоит ресторан-поплавок «Океан». Рядом находился увеселительный сад с колоссальным театром «Аркадия».

Колея этой ветки была обычная... Стандартная ширина колеи в России — 1, 537 м; в Европе — 1,435 м.

С. 292

Эта частная железная дорога... Озерковая линия принадлежала «Обществу содействия благоустройства Шувалова, Озерков и 1-го Парголова».

Много публики ездило на ипподром... Ипподром Царскосельского скакового общества располагался справа от платформы. Скачки проводились с 1-июня по 15 августа (Baedeker К. 95).

...первой станцией была Лахта. В 90-х гг. Лахтой, Лисьим Носом, Горской и Дибунами владело семейство графов Стенбок-Ферморов. В Лахте на берегу залива они построили 2-этажный Охотничий замок (арх. А. И. Кузнецов). С 1900 г. Лахта — имение графа А. В. Стенбок-Фермора. В 1905 г. его семейство начало распродавать земли во-

круг Лахты под дачи; возникли поселки Ольгино и Александровка (названы в честь жены владельца Лахты и его самого). Большую часть населения Лахты (в 1905 г. 72 домохозяина, 392 жителя) составляли финны. Сдав дома на лето, сами они селились в сараях, где зимой помещался скот. Место для отдыха было не из удобных: западные ветры гнали на Лахту тучи песка; при ветрах со стороны залива огороды, луга, дворы, погребя и ледники заливались водой; вода в колодцах была пригодна только для скота; для дачников воду привозили в бочках. «Местность красивая, слов нет, — писала одна из газет. — Есть здесь и море, есть и лес. Зато есть и страшная сырость. Пожившие на Лахте несколько лет сряду получат... не только лихорадку, но даже самый закоренелый ревматизм». Добирались до Лахты не только железной дорогой, но и от Николаевской пристани парходиками Финляндского общества легкого парходства или от Новодеревенского вокзала извозчиком (25 коп. с попутчиком и ручным багажом). Летом Лахта была излюбленным местопребыванием петербургских немцев (Богданов И. 20—23, 29—33, 40—43).

...*два теннисных клуба*. В теннис (лаун-теннис) в России начали играть в конце 1870-х гг. В международных соревнованиях русские теннисисты участвовали с 1903 г. Чемпионаты в России проводились с 1907 г. В 1908 г. создан Всероссийский союз клубов лаун-тенниса (с 1912 г. он стал членом Международной федерации лаун-тенниса). Союз издавал ежегодник, пропагандировавший игру и разъяснявший ее правила. К 1914 г. в России было 48 теннисных клубов.

...*первым клубом в России*. Первым в России был Лахтинский лаун-теннис-клуб (осн. в 1888 г., председатель в 1908 г. Л. Л. Зейденбрюк). В 1912 г. в нем состояло 97 человек. В более престижном клубе «Клеверный листок» (осн. в 1891 г., председатель в 1908 г. К. К. Спротге, в 1912 г. В. В. Шауб) состояло 120 человек. В обоих клубах около 40% составляли женщины. В Лахте и Ольгине было 7 площадок, которые редко пустовали. Соревнования на кортах Лахты вызывали большую прессу. В Лахте умер и похоронен Л. Ф. Лоренц (1875—1912) — до 1908 г. первая ракетка России (Богданов И. 36, 37; приношу благодарность Н. Б. Ветошниковой за предоставленные ею сведения).

...*дачный поселок Ольгино*. На карте распродажи участков имения Стенбок-Ферморов (воспр. Богданов И. 122) значилось: «Ольгино». Вблизи моря. Все участки покрыты хвойным лесом, частью строевым. Полное благоустройство, широкие улицы, тротуары, абессинские (так! — А. С.) колодцы, спиралекалильное освещение. Купальни в море. Построено уже более 150 зимних домов. Запрещены постройки заводов, фабрик и питейных заведений. Размер участков 300 кв. саж. при фасаде 15 с. и глубине 20 с. Контора против вокзала «Лахта» и в Петербурге, Невский, 46». С самого основания Ольгина тут был разбит парк, устроены летний театр, гимнастическая площадка, два корта, яхт-клуб; был проведен телефон (Богданов И. 33).

...*уходили в залив ловить рыбу*. Лахтинский разлив и окрестные болота были одной из крупнейших в мире стоянок перелетных птиц. В XIX в. их насчитывали тут 44 вида. В заливе в изобилии водились осетры, навага, семга, камбала, макрель, «захожие сельди» и «салакушка» — любимая пища «чухонцев». 17 мая 1909 г.

на р. Юнтоловке, впадающей в Лахтинский разлив, прошли состязания по ловле рыбы. Первый приз (золотой жетон) достался врачу Левницкому, выудившему двумя удочками 7 окуней, 6 ершей, подлещика и щуку (Богданов И. 20, 43).

...связанное с ужасами казней... Тут же казненных тайно хоронили. В 1905—1907 гг. Лисий Нос называли «лобным местом русской революции».

С. 293

...разлив с обширной акваторией... Акватория (водное пространство, водоем). Дачный поселок Разлив возник в начале XX в., когда построили участок железной дороги Тарховка — Сестрорецк.

...Сестрорецк с чистенькими улицами... «Сам город — пыльный и грязный, с покосившимися деревянными домиками; хороша только приморская часть, где расположены дачные местности» (Бахтиаров А. 1903. 111).

...русские трехлинейные винтовки. Производство 3-линейных винтовок С. И. Мосина развернуто здесь в начале 90-х гг. В год их выпускали 2—3 тыс. Завод получил за них высшую награду на Всемирной выставке в Париже (1900). На заводе разрабатывались образцы отечественного автоматического оружия.

...имел прекрасных специалистов, рабочих... В 1905 г. на заводе было около 2 тыс. рабочих.

...роща, посаженная еще при Петре I... «Дубки» (так же, как в Лахте и Лисьем Носу) замышлялись Петром I, чей дворец стоял тут у моря, как корабельная роща. Для мачт раскидистые дубы оказались непригодны, получился парк. До сих пор тут есть дубы, которым более 280 лет.

Сам Сестрорецкий Курорт... Климатический и бальнеогрязевой курорт, открывшийся в 1898 г., состоял из курзала, пансионата и водолечебницы (Бахтиаров А. 1903. 112). Комната в пансионате стоила от 40, зимой от 35 и более рублей в месяц, ежедневный стол — 2 руб. 50 коп., завтрак — 1 руб., обед — 2 руб., плата за посещение 4—8 руб. (Baedeker К. 194).

С. 294

...прогуливалась курортная публика. Этот променад, длиною в 200 сажень, по вечерам освещался электричеством (Бахтиаров А. 1903. 112).

...на дюнах шумели сосны. Дюны, тянущиеся на 13 верст, своим происхождением обязаны господствующему здесь западному ветру и деятельности моря. Песок их — наносной, со дна моря. «На Финском заливе нигде нет такого сильного прибоя морских волн, как в Сестрорецке» (Бахтиаров А. 1903. 111, 112).

...домины, деревянными и каменными. Специальные распоряжения препятствовали хаотичности застройки поселков и требовали соблюдения противопожарных мер. Фасады следовало обращать на улицу более оживленную, дома ставить в линию; крыши запрещалось крыть соломой, дымовые трубы предписывалось возводить на фундаменте, трубы должны были не менее чем на аршин возвышаться над коньком. Намереваясь построить дом, хозяин участка испрашивал разрешение Санкт-Петербургской уездной земской управы и представлял план. Управа давала ответ в течение двух недель; план возвращали, копия оставалась в управе.

Без плана всякая постройка приостанавливалась распоряжением местной полиции, виновных привлекали к ответственности (Богданов И. 38, 39).

...не выглядело урбанизацией.. Урбанизация — распространение черт и особенностей, свойственных городу.

С. 295

...в кухмистерскую. Кухмистерская — небольшой ресторан, столовая.

Заключение

С. 297

...Германия объявляет войну России. Убийство эрцгерцога Фердинанда 15 июня 1914 г. было на руку австрийскому правительству, искавшему повод для ликвидации независимости Сербии — очага южнославянского движения, угрожавшего целостности австро-венгерской монархии. В полночь 10 июля — так, чтобы Пуанкаре и Николай II не смогли принять совместное решение, — Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, которые Сербия должна была бы отвергнуть и тем самым дать повод для агрессии. На ответ давалось 48 часов. Ознакомившись с ультиматумом, русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов сказал: «Это европейская война!» Николай II телеграфировал кронпринцу Сербии: «Россия не останется равнодушной к участи Сербии». Сербы согласились на условия ультиматума с такой покорностью, что в Вене опешили: срвался план переноса ответственности за конфликт на Сербию. После трехдневных колебаний там решили действовать напролом. На рассвете 16 июля австро-венгерская артиллерия начала обстрел Белграда; обстрел длился весь день, несмотря на поднятые на крышах зданий белые флаги. Николай II отдал приказ о мобилизации всех военных округов, прилегающих к австро-венгерской границе (Масси Р. 300—305).

...предстоит много испытаний. «В том, что Германия будет разбита, мало кто из русских сомневался: вступление Англии в войну предопределяло ее исход. Вопрос был в том лишь, сколько времени продлится война. «Шесть месяцев», — заявляли пессимисты, утверждавшие, что немцы умеют воевать. «Офицеры полков, расквартированных вдали от границы, опасались, что война закончится раньше, чем они попадут на фронт. Гвардейские офицеры, которым посчастливилось попасть в действующую армию, выясняли, следует ли брать с собой парадные мундиры для церемониального марша по Унтер-ден-Линден». «В отличие от командиров, многие солдаты отправлялись на войну в мрачном предчувствии, что им не суждено больше увидеть ни близких, ни родной деревни» (Масси Р. 316, 320, 321).

С. 298

...несли портреты царя и иконы. 20 июля Николай II объявил в Зимнем дворце о начале войны. В Николаевском зале отслужили молебен в присутствии 5 тыс. человек. Царь произнес ту же клятву, которую дал в 1812 г. Александр I: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». Когда он вышел на балкон, море на-

рода на Дворцовой площади опустилось на колени. М. Палеолог записал в дневнике: «В эту минуту для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел». М. В. Родзянко, вернувшийся в столицу перед самым объявлением войны, был поражен переменой настроения у тех, кто несколько дней назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады. На вопрос, чем объясняется перемена настроения, он слышал: «Сегодня дело касается всей России. Мы придем к царю, как к нашему знамени, и мы пойдём за ним во имя победы над немцами» (цит. по: Масси Р. 315).

...жена его немка... Императрица Александра Федоровна (1872—1918) — урожденная Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадтская.

...разгром посольства... 23 июля 1914 г. около 9.30 вечера толпа направилась от Невского к германскому посольству. Конная стража отгеснила их, они повернули по Б. Морской к Невскому, но, воодушевившись битьем стекол венской булочной в Кирпичном пер., вернулась к посольству с российскими флагами и пением гимна. Выбили стекла в 1-м этаже, выломали железные ворота, проникли во двор. Выйдя на крышу, сбросили германский штандарт и знамя, тотчас растерзанные внизу, и водрузили русский флаг. В тронном зале на 2-м этаже бросили в костер портрет Вильгельма II, разорвали в клочки знамя, разломали трон и украшения зала, испороли шелковую мебель. Из окон 3-го этажа выбрасывали бумагу, белье, картины, статуи, бронзу, в столовой били хрусталь и стекло, в погребе уничтожили шампанское. Под рев толпы полетела с крыши фигура тевтона, второй повис, зацепившись за карниз. С царскими портретами, с пением гимна толпа удалилась по ул. Гоголя. Хотели вломиться в ресторан «Вена», но, пройдя мимо, разбили окна торгового дома «Шухард и Шютте» (Невский пр., 11) и обрушились на магазин венской мебели «Бр. Тонет» (Невский пр., 16/7). Двинулись по Невскому. Сорвали вывеску газеты «St.-Petersburger Zeitung» (Невский пр., 20), разбили витрины кафе «Рейтер» (хотя Рейтер был чех, женатый на дворянке Васильевой) и завершили акцию протеста битьем окон модного магазина «Венский шик» (Невский пр., 80), хотя владел им не немец, а еврей Н. Д. Финкельштейн (СПВ от 24 июня 1914 г.). На следующий день было сообщено, что задержано свыше 100 погромщиков, в основном из простонародья. Американский поверенный в делах Ч. Вильсон заявил протест в связи с разгромом германского посольства. Манифестации в Петербурге были запрещены. Полиция взяла под охрану здание, внутри которого уцелело лишь буфетное серебро и ковры. Полицейские сняли с крыши фигуры коней.

...гора Петрограда. Санкт-Петербург был переименован в Петроград именовым указом Николая II от 18 августа 1914 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аверченко А. — *Аверченко А.* Записки простодушного. М., 1992.
- Айвазов И. — Айвазов И. Г. Новая вероисповедальная система русского государства. М., 1908.
- Алянский Ю. — *Алянский Ю.* Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996.
- Антонов В. 1993 — *Антонов В. В., Кобак А. В.* Полковые храмы Петербурга. — В кн.: Невский архив. Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993.
- Антонов В. 1994 — *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в 3 т. Т. 1. СПб., 1994.
- Ахматова А. I — *Анна Ахматова.* Десятые годы. М., 1989.
- Ахматова А. II — *Анна Ахматова.* Фотобиография. М., 1989.
- Барабанов Е. — *Барабанов Е. В. В. В. Розанов.* — В кн.: *В. В. Розанов.* Сочинения в 2 т. Т. 1. Религия и культура. М., 1990.
- Барабанова А. — *Барабанова А. И.* Место казни первомартовцев. — В кн.: Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993.
- Бахтиаров А. 1903 — *Бахтиаров А.* Современный Петербург // Родник, 1903, май.
- Бахтиаров А. 1994 — *Бахтиаров А. А.* Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. СПб., 1994.
- Бенуа А. — *Бенуа А.* Мои воспоминания. В 2 т. М., 1993.
- Блок А. — *Блок А.* Собрание сочинений в 8 т. М.; Л., 1960—1963.
- Богданов И. — *Богданов И.* Лахта. Ольгино. СПб., 1997.
- Богомолов Н. — *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.
- Брокгауз I — Энциклопедический словарь. СПб., Брокгауз—Ефрон.
- Брокгауз II — Новый энциклопедический словарь. СПб., Брокгауз—Ефрон.
- Бурини С. — *Бурини С.* От кабаре к городу как тексту // *Euroa orientalis XVI/1997:2*, р. 275—279.
- Векслер А. — *Векслер А. Ф.* Комментарии к кн.: М. И. Пыляев. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996.
- Вернадский В. — *Вернадский В. И.* Высшая школа в России. — В кн.: Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год.
- Вилинбахов Г. — *Вилинбахов Г. В.* Санкт-Петербург — «военная столица» // Наше наследие, 1989, № 1.
- Витязева В. — *Витязева В. А., Кириков Б. М.* (сост). Ленинград. Путеводитель. Л., 1986.
- ВЭ — Военная энциклопедия. СПб., 1911—1915.
- Гаевский В. — *Гаевский В.* «Мадам Семнадцатъ». — В кн.: *Матильда Киескиная.* Воспоминания. М., 1992.
- Гаспаров М. — *Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1995.
- Гершензон П. — *Гершензон П.* Путешествие с комментариями. — В кн.: *Метафизика Петербурга.* Вып. 1. СПб., 1993.
- Гессен И. — *Гессен И.* Внутренняя жизнь. — В кн.: Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год.
- Гиппиус З. — *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. В 2 кн. Кн. 2. Тбилиси, 1991.

Гозенпуд А. — *Гозенпуд А.* Русский оперный театр между двух революций. 1905—1917. Л., 1975.

ГР — Города России в 1910 году. СПб., 1914.

Гранат — Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат.

Данилевский Н. — *Данилевский Н. И.* — Дождется ли Петроград благоустроенных мостовых и тротуаров? Пг., 1916.

Деотто П. — *Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // *Euroora orientalis* XVI/1997:1, p. 357—371.

Дубова Н. — *Дубова Н. К.* Записки Г. А. Иванишина — новый источник по истории Петропавловской крепости. — В кн.: Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993.

Енакиев Ф. — *Енакиев Ф. Е.* Задачи преобразования С.-Петербурга. СПб., 1912.

Животов Н. — *Животов Н. Н.* Петербургские профили. В 4 вып. Вып. I. На извозничьих козлах. Вып. II. Среди бродяжек. Вып. III. Среди факельщиков. Вып. IV. Среди официантов. СПб., 1894.

Змеев И. — *Змеев И. А., Плаксин А. А., Сорокин Н. И., Фатеев А. М.* Ломоносов. Л., 1968.

Зоркая Н. — *Зоркая Н. М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900—1910 годов. М., 1976.

Каганов Г. — *Каганов Г. З.* Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995.

Карпенко М. — *Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г., Прибульская Г. И.* «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. Л., 1976.

Кашпур Л. — *Кашпур Л. И.* Биржевые артели Петербурга. — В кн.: Этнография Петербурга — Ленинграда. 3. СПб., 1994.

Кирсанова Р. — *Кирсанова Р. М.* Розовая сэндрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989.

Клещева Л. — *Клещева Л. С.* Комментарии к кн.: *М. И. Пыляев.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996.

Кобак А. — *Кобак А. В.* Ансамбль за окнами электрички // Ленинградская панорама, 1988, № 1.

Козырева М. — *Козырева М. Г.* Комментарии к кн.: *М. И. Пыляев.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996.

Конечный А. — *Конечный А. М.* Петербургские народные гулянья на масляной и пасхальной неделях. — В кн.: Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989.

Коровин К. — Константин Коровин вспоминает... М., 1990.

Костеневич А. — *Костеневич А.* Русские собиратели французской живописи. Два клана. — В кн.: Морозов и Щукин — русские коллекционеры. От Моне до Пикассо. Каталог выставки. Музей Фолькванг, Эссен. Музей им. А. С. Пушкина, Москва. Эрмитаж, Санкт-Петербург. 1994.

Краско А. — *Краско А. В.* Комментарии к кн.: *М. И. Пыляев.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996.

Красногородцев С. — *Красногородцев С. А.* Комментарии к кн.: *М. И. Пыляев.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996.

Крашенинников А. — *Крашенинников А. Ф.* Павловск. — В кн.: Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1985.

Круглов Г. — *Круглов Г.* Власть в столичном городе Санкт-Петербурге // Новый журнал, 1993, № 2.

- КСГ — Курс сокольской гимнастики. СПб., 1912.
- Кузнецова О. — *Кузнецова О. Н., Сементовская А. К., Штейман Ш. И., Элькин Е. Н.* Летний сад, Летний дворец и Домик Петра I. Л., 1954.
- Кшесинская М. — *Кшесинская М.* Воспоминания. М., 1992.
- Кючарианц Д. — *Кючарианц Д. А.* Художественные памятники города Ломоносова. Л., 1985.
- Лебедева Е. — *Лебедева Е. А.* Петроград и его святыни. СПб., б. г.
- Левин С. — *Левин С. Ф.* Кронштадт и Балтийский флот в 50-е гг. XIX в в воспоминаниях М. К. Цебриковой. — В кн.: Петербургские чтения — 95. СПб., 1995.
- Лейкина-Свирская В. — *Лейкина-Свирская В. Р., Селиванова И. В.* Школа в Финском переулке. СПб., 1993.
- Лихачев Д. — *Лихачев Д. С.* Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям). — В кн.: Семиотика города и городской культуры. Петербург. (Труды по знаковым системам XVIII). Тарту, 1984.
- ЛМХ — Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908—1909.
- ЛО — Ленинградская область. Исторический очерк. Л., 1986.
- Лотман Ю. — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XX века). СПб., 1994.
- ЛРБ — Лоция Русского берега Балтийского моря. СПб., 1888.
- Лурье Л. — *Лурье Л.* Петербургский календарь. — В кн.: Петербургский святочный рассказ. Л., 1991.
- Маковский С. — *Маковский С. К.* Портреты современников. — В кн.: Серебряный век. М., 1990.
- Мандельштам О. — *Мандельштам О.* Сочинения в 2 т. Т. 2. Проза. Переводы. М., 1990.
- Масси Р. — *Масси Р.* Николай и Александра, или История любви, погубившей империю. СПб., 1995.
- Мейендорф И. — *Мейендорф И.*, прот. Русский епископат и церковная реформа (1905 г.) // Вестник русского христианского движения, № 122, III — 1977.
- Мережковский Д. — *Мережковский Д.* Большая Россия. Л., 1991.
- Мертваго А. — *Мертваго А.* Петербург и Москва // Даугава, 1992, № 5, сентябрь—октябрь.
- Милашевский В. — *Милашевский В.* Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М., 1989.
- Милюков П. 1915 — *Милюков П. Н.* Общественное мнение, парламенты и правительство союзников. — В кн.: Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год.
- Милюков П. 1990 — *Милюков П. Н.* Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Минцлов С. — *Минцлов С. Р.* Петербург в 1903—1910 годах. Рига, 1931.
- Мосолов А. — *Мосолов А. А.* При дворе последнего российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993.
- МП — Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. Т. 1. XVIII век. Кн. 1. А—И. СПб., 1996.
- Набоков В. — *Набоков В.* Другие берега. Л., 1991.

- Никитин Н. — *Никитин Н. В.* Петербург ночью. СПб., 1903.
- Орлова Л. — *Орлова Л.* Азбука моды. М., 1989.
- Петровская И. 1990 — *Петровская И.* Театр и зритель российской столицы. 1895—1917. Л., 1990.
- Петровская И. 1994 — *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века — октябрь 1917 года. Обзорение-путеводитель. СПб., 1994.
- ПЖ — Петербург и его жизнь. СПб., 1914.
- Пирютко Ю. — *Пирютко Ю. М.* Гатчина. Художественные памятники города и окрестностей. Л., 1979.
- ПК — Придворный календарь. 1915. — В кн.: *А. А. Мосалов.* При дворе последнего российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993.
- Попов В. — *Попов В.* Родословное древо // За кадры верфям, № 4—5 (2162—2163), ноябрь—декабрь 1996.
- Приамурский Г. — *Приамурский Г. Г.* Три века петербургской навигации (К проблеме семантической структуры церемонии открытия навигаций). — В кн.: Петербургские чтения — 95. СПб., 1995.
- ПРП — Петербург в русской поэзии. XVIII — начало XX века. Поэтическая антология. Л., 1988.
- Пунин А. — *Пунин А. Л.* Повесть о ленинградских мостах. Л., 1971.
- Пыляев М. 1990 — *Пыляев М. И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889 (репр. воспр. М., 1990).
- Пыляев М. 1996 — *Пыляев М. И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996.
- Раевский Ф. — *Раевский Ф.* Петербург с окрестностями. СПб., 1902.
- Раскин А. — *Раскин А. Г., Архипов Н. И.* Петро дворец. — В кн.: Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1985.
- РВПВО — Расписание войск Петербургского военного округа. СПб., 1902.
- Ривош Я. — *Ривош Я. Н.* Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990.
- Розадеев Б. — *Розадеев Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С.* Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977.
- Розанов А. — *Розанов А. С.* Музыкальный Павловск. Л., 1978.
- Розанов В. — *Розанов В.* На чтении гг. Бердяева и Тернавцева // Вестник русского христианского движения, № 122, III — 1977.
- Россия — Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898 (репр. воспр. СПб., 1991).
- Свешников Н. — *Свешников Н.* Петербургские Вяземские труппы и их обитатели. СПб., 1900.
- Седых А. — *Седых А.* Далекие, близкие. М., 1995.
- Синдаловский Н. ЛМ — *Синдаловский Н. А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.
- Синдаловский Н. ПФ — *Синдаловский Н. А.* Петербургский фольклор. СПб., 1994.
- Соболев А. — *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906—1908). — В кн.: Лица. Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992.
- Соколов В. — *Соколов В.* Цитадель на Балтике // Нева, 1993, № 11.

- Сорокин П. — *Сорокин П.* Долгий путь. Сыктывкар, 1991.
СПВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
- СППЛ — Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград. Энциклопедический справочник. М., 1992.
- СР — Столица России (Нечто вроде монографии). СПб., 1913.
- Степанов А. 1990 — *Степанов А.* Ролевые функции Невского проспекта. — В кн.: Сборник научных трудов ЛенНИИПградостроительства. Л., 1990.
- Степанов А. 1993 — *Степанов А.* Петербург среди городов Российской империи // Нева, 1993, № 11.
- Стравинский И. 1971 — *Стравинский И. Ф.* Диалоги. Л., 1971.
- Стравинский И. 1973 — *Стравинский И. Ф.* Статьи и материалы. М., 1973.
- Тилинский А. — *Тилинский А. И.* Практическая строительная памятная книжка. Пособие для строителей, домовладельцев и лиц, причастных к строительному делу. СПб., 1911.
- Тихомиров Н. — *Тихомиров Н. А.* Путеводитель по церквям города Санкт-Петербурга и ближайших его окрестностей. СПб., 1906.
- Тихонов Л. — *Тихонов Л. П.* Красное Село. Л., 1968.
- Товарищество — Петербургское товарищество для устройства постоянных квартир. Основные документы. СПб., 1913. Общие сведения. СПб., 1914.
- Топоров В. — *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему). — В кн.: Семиотика города и городской культуры. Петербург (Труды по знаковым системам XVIII). Тарту, 1984.
- Тубли М. — *Тубли М.* Город Пушкин. — В кн.: Пригороды Ленинграда. Архитектурный путеводитель. Л., 1982.
- Успенский А. — *Успенский А. И.* Павловские дворцы и дворцовый парк. М., 1911.
- Федотов Г. — *Федотов Г. П.* Три столицы // Новый мир, 1989, № 4.
- Хршановский В. — *Хршановский В. А.* К истории католической общины в Санкт-Петербурге. — В кн.: Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1982.
- Чериковер С. — *Чериковер С.* Петербург. М., 1909.
- Шанский Н. — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. М., 1971.
- Эткинд А. — *Эткинд А.* Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории серебряного века. М., 1996.
- Юхнёва Н. 1982 — *Юхнёва Н. В.* Петербург — многонациональная столица. — В кн.: Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.
- Юхнёва Н. 1984 — *Юхнёва Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.
- Baedeker K. — *Baedeker K.* Russia. Handbook for travellers. Leipzig, 1914.
- Larousse — Petit Larousse illustre. Paris, 1914.
- Lenotre G. — *Lenotre G.* Versailles au temps des rois. Paris, 1980.

**НАЗВАНИЯ УЛИЦ, ПЛОЩАДЕЙ,
НАБЕРЕЖНЫХ, МОСТОВ,
КОТОРЫЕ ПЕРЕИМЕНОВАЛИСЬ
ПОСЛЕ 1902 г.**

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

Английская наб. — наб. Красного Флота
Английский пр. — пр. Маклина
Бассейная ул. — ул. Некрасова
Биржевой мост — мост Строителей
Виленский пер. — ул. Красной Связи
Вознесенский пр. — пр. Майорова
Гагаринская ул. — ул. Фурманова
Георгиевская ул. — Шепетовская ул.
Глазовская ул. — ул. Константина Заслонова
Гороховая ул. — ул. Дзержинского
Дворянская Большая ул. — ул. Куйбышева
Демидов пер. — пер. Гривцова
Екатерининская ул. — ул. Воинова
Екатерининский канал — канал Грибоедова
Забалканский пр. — Московский пр.
Захарьевская ул. — ул. Каляева
Знаменская пл. — пл. Восстания
Калашниковская наб. — Синопская наб.
Калинкин мост — Старо-Калинкин мост
Каменноостровский пр. — Кировский пр.
Караванная ул. — ул. Толмачева
Кирочная ул. — ул. Салтыкова-Щедрина
Конногвардейский бульвар — бульвар Профсоюзов
Консistorская ул. — Исполкомская ул.
Конюшенная Большая ул. — ул. Желябова
Конюшенная Малая ул. — ул. Софьи Перовской
Корабельная наб. — вошла в застройку наб. р. Б. Невы между
р. Мойкой и р. Пряжкой
Кронверкский пр. — пр. Максима Горького
Малков пер. — пер. Бойцова
Мариинская пл. — Исаакиевская пл.
Миллионная ул. — ул. Халтурина
Могилевская ул. — Лермонтовский пр.
Морская Большая ул. — ул. Герцена
Морская Малая ул. — ул. Гоголя
Николаевская ул. — ул. Марата
Николаевский мост — мост Лейтенанта Шмидта
Никольская ул. — ул. Глинки
Ново-Исаакиевская ул. — ул. Якубовича
Ново-Петергофский пр. — Лермонтовский пр.
Офицерская ул. — ул. Декабристов
Пальменбахская ул. — ул. Смольного
Пантелеймоновская ул. — ул. Пестеля
Песочная ул. — ул. Профессора Попова и ул. Грота
Петербургская наб. — Петроградская наб.

Петергофский пр. — пр. Газа
Пироговская наб. — Выборгская наб.
Покровская пл. — пл. Тургенева
Покровская ул. — пр. Маклина
Полторацкий пер. — вошел в застройку ул. Ефимова
Преображенская ул. — ул. Радищева
Прядильная ул. — ул. Лабутина
Рождественские 1—10-я ул. — 1—10-я Советские ул.
Роты 1—12-я — 1—12-я Красноармейские ул.
Садовая Большая ул. — Садовая ул.
Сампсониевский Большой пр. — пр. Карла Маркса
Сенатская пл. — пл. Декабристов
Сенная пл. — пл. Мира
Сергиевская ул. — ул. Чайковского
Сукин пер. — Рыбинская ул.
Таиров пер. — пер. Бринько
Толмазов пер. — пер. Крылова
Троицкая ул. — ул. Рубинштейна
Троицкий мост — Кировский мост
Французская наб. — наб. Кутузова
Фурштатская ул. — ул. Петра Лаврова
Чернышев мост — мост Ломоносова
Чернышев пер. — ул. Ломоносова
Шпалерная ул. — ул. Воинова

В КРОНШТАДТЕ:

Екатерининская ул. — Советская ул.
Николаевский пр. — пр. Ленина

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов.....	7
Реки, каналы и жизнь на них	9
На улицах и площадях столицы	32
Городской транспорт: извозчики, конка, трамвай	53
Быт старого петербургского дома	66
Жители доходного дома	87
Обитатели ночлежек и сиротских домов	107
Религиозная жизнь горожан.....	119
Рынки и торговые ряды.....	125
Магазины и лавки, рестораны и трактиры	138
Одежда и мода	150
Сад «Буфф» и народные развлечения.....	166
Пожарные команды и полиция.....	183
Школа, гимназия, университет	190
О военных.....	232
Кронштадт	245
Окрестности Петербурга и дачная жизнь	255
Заключение	297
Послесловие	299
Комментарии	301
Список сокращений	460
Названия улиц, площадей, набережных, мостов, которые переименовывались после 1902 г.....	465

Засосов Д. А., Пызин В. И.
3-36 Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—
XX веков; Записки очевидцев. — М.: Мол. гвардия,
2003. — 467[13]с.: ил. — (Живая история: Повседнев-
ная жизнь человечества).
ISBN 5-235-02395-1

Авторы книги — юрист Д. А. Засосов и инженер-путеец В. И. Пы-
зин — принадлежали к последнему поколению истинных петер-
буржцев. В их воспоминаниях о жизни, быте и нравах столичного
города конца XIX — начала XX века нашел отражение взгляд на Пе-
тербург представителей демократической интеллигенции России.
Авторы, одаренные наблюдательностью и чувством юмора, увлекате-
льно рассказывают о жизни петербуржцев различных сословий
предреволюционной поры.

Книгу дополняют обширные комментарии, которые содержат
любопытные сведения из истории Петербурга, и многочисленные
иллюстрации.

УДК 947-470.23-25
ББК 63.3(2)5(2-2Санкт-Петербург)

Засосов Дмитрий Андреевич,
Пызин Владимир Иосифович
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ; ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦЕВ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**
Редактор **Э. Ф. Кузнецова**
Художественный редактор **Н. С. Штефан**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректор **Ю. П. Баклакова**

Лицензия № ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 20.02.2002. Подписано в печать 13.03.2003. Формат 84х108 1/32.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ.
л. 29,25+2,52 вкл. Тираж 8000 экз. Заказ 29836.

Издательство ОАО «Молодая гвардия». Адрес издательства 103030, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsei@gvardiya.ru.

Типография ОАО «Молодая гвардия». Адрес типографии 103030, Москва,
Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02395-1